R G B WH GR BL

Grey Scale #13

C M Y K

DANES-PICTA.COM

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

DANES-PICTA.COM

Colour Chart #13

Inches Centimetres

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Ж110217

ИСТОРІЯ СОЦІАЛИЗМА

ВЪ

МОНОГРАФІЯХЪ

К. Каутскій, П. Лафаргъ, К. Гуго.
Э. Бернштейнъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому изданію

Изданіе Е. и И. Леонтьевыхъ
1907

K 11022/I

К. Каутскій

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Отъ Платона до анабаптистовъ

Предисловіе К. Каутскаго къ русскому изданію.
Введеніе.
I отдѣлъ: Платоновскій и древнехристіанскій коммунизмъ.
II отдѣлъ: Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.
III отдѣлъ: Коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ВНОВЬ ПРОВѢРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ

Szkoła Partyjna
przy K. C. P. Z. P. R.
BIBLIOTEKA
Nr. 7310
9 S
K 30
P
2.
13K

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28
1907

3K9

BIBLIOTEKA PUBLICZNA m. Warszawy

3605

Biblioteka Wojskowa Pałac
352 IV/2
im. F. Dzierżyńskiego

Памяти

Алексѣя Петровича Сафонова

(тов. Виктора Даниловича)

трудъ свой посвящаютъ

переводчики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе К. Каутскаго къ русскому изданію . . . . . IX—XII

Введеніе 1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Платоновскій и древнехристіанскій коммунизмъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Идеальное государство Платона.

I. Платонъ и его время (3).—II. Книга о государствѣ (7). . . . 7

ГЛАВА ВТОРАЯ. Древнехристіанскій коммунизмъ.

I. Корни древнехристіанскаго коммунизма (14). — II. Сущность древнехристіанскаго коммунизма (19).—III. Упадокъ древнехристіанскаго коммунизма (25).—IV. Церковное имущество въ средніе вѣка (31). 14

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Возникновеніе свободнаго городского ремесленнаго сословія.

I. Крѣпостничество (35). — II. Возникновеніе ремесла (38). — III. Цехъ (40) 35

ГЛАВА ВТОРАЯ. Подмастерья.

I. Возникновеніе сословія подмастерьевъ (42).—II. Ученикъ, подмастерье, мастеръ (46).—III. Борьба между подмастерьями и мастерами (51).—IV. Союзы подмастерьевъ (56).—V. Городская рабочая аристократія (63) 42

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Капиталъ и трудъ въ горной промышленности.

I. Марка и горное право (66).—II. Крупное капиталистическое производство въ горномъ дѣлѣ (71).—III. Горнорабочіе (80) 66

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Капиталъ и трудъ въ ткацкомъ производствѣ . . 85

стр.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Монастырскій коммунизмъ 94

ГЛАВА ВТОРАЯ. Еретическій коммунизмъ. Его всеобщій характеръ.

I. Папство, какъ главный объектъ нападокъ еретическаго коммунизма (105). — II. Противорѣчіе между бѣдностью и богатствомъ въ средніе вѣка (107). — III. Вліяніе христанской традиціи (109).—IV. Мистика (112). — V. Аскетизмъ (116). — VI. Интернаціональность и революціонный духъ средневѣковаго мистицизма (118) 105

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Еретическій коммунизмъ въ Италіи и южной Франціи.

I. Арнольдъ Брешіанскій (123). — II. Вальденсы (126). —III. Апостольскіе братья. (132).—IV. Экономическія причины крестьянскихъ войнъ (137).—Возстаніе Дольчино (141). 123

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Беггарды.

I. Возникновеніе секты беггардовъ (145).—II. Людвигъ Баварскій и папа (152).—III. Католическая реакція при Карлѣ IV (157) . . . 145

ГЛАВА ПЯТАЯ. Лолларды въ Англіи.

I. Виклефово движеніе (159).—II. Лолларды (162).—III. Крестьянская война 1381 года (166) 159

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Таборіты.

I. Великій расколъ (173). — II. Соціальныя условія въ Богеміи передъ гусситскими войнами (175).—III. Начало гусситскаго движенія (181). — IV. Партіи въ гусситскомъ движеніи (184). — V. Коммунисты въ Таборѣ (187).—VI. Паденіе Табора (195) 173

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Богемскіе братья 203

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Нѣмецкая реформація и Томасъ Мюнцеръ.

I. Нѣмецкая реформація (212). — II. Мартинъ Лютеръ (216). — III. Саксонскіе горные промыслы (223).—IV. Фанатики Цвикау (227).— V. Біографы Мюнцера (233). — VI. Начало дѣятельности Мюнцера (236). — VII. Мюнцеръ въ Альштетѣ (238). — VIII. Причины великой крестьянской войны (247). — IX. Приготовленія Мюнцера къ возстанію (252).—X. Крестьянская война (260) 212

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Анабаптисты.

I. Анабаптисты передъ крестьянской войной (278).—II. Ученіе анабаптистовъ (287).—III. Успѣхи анабаптистовъ и конецъ ихъ существованія въ Швейцаріи (296). — IV. Анабаптисты въ южной Германіи (300).—V. Анабаптисты въ Моравіи (314).—VI. Волненія въ Мюнстерѣ (333).—VII. Анабаптисты въ Страсбургѣ и Нидерландахъ (340).— VIII. Завоеваніе Мюнстера (347).—IX. Новый Іерусалимъ: a) Источники (351).—b) Терроръ (356).—c) Коммунизмъ (365).—d) Многоженство (369).—X. Паденіе Мюнстера (380) 278

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ я услышалъ, что мои „Предшественники новѣйшаго соціализма“ переведены на русскій языкъ, ибо нигдѣ оппозиціонныя секты, порождаемыя христіанствомъ, до самой реформаціи включительно, не могутъ встрѣтить столько пониманія и интереса, какъ въ Россіи, въ которой и донынѣ еще существуютъ религіозныя секты, носящія такой же характеръ. То, что для насъ, въ Западной Европѣ, представляетъ собою только историческій интересъ, — то въ Россіи является средствомъ для уразумѣнія извѣстной доли настоящаго. Съ другой стороны, въ Россіи вся жизнь, все настоящее, даетъ ключъ къ совершенно иному пониманію христіанскихъ оппозиціонныхъ сектъ прошедшаго, чѣмъ какое можно составить себѣ въ Западной Европѣ, гдѣ весь матеріалъ для такого пониманія приходится черпать изъ книгъ и при томъ большею частью изъ книгъ полемическаго характера, наполненныхъ искаженіями и преувеличеніями и представляющихъ собою лишь въ высшей степени убогое, одностороннее и искаженное отраженіе дѣйствительной жизни.

Поэтому-то соотвѣтствіе духовной жизни многихъ русскихъ сектъ съ духовной жизнью коммунистовъ, разсматриваемыхъ въ моей книгѣ, представляетъ собою новое доказательство вѣрности матеріалистическаго пониманія исторіи и ошибочности того воззрѣнія, согласно которому все мышленіе русскаго крестьянина представляетъ собою продуктъ совершенно особеннаго славянскаго или русскаго народнаго духа, оригинальность котораго осталась

совершенно непонятой и необъясненной. Тѣ же самыя формы мышленія религіозной оппозиціи, какія въ XIX столѣтіи существуютъ въ Россіи, существовали также въ средніе вѣка въ Германіи, въ эпоху Римской имперіи въ странахъ, окружающихъ Средиземное море, когда были даны аналогичныя соціальныя и политическія условія: сильный ростъ пролетаріата безъ соотвѣтствующаго переворота и дальнѣйшаго развитія въ техникѣ и экономикѣ при почти исключительномъ господствѣ мелкихъ предпріятій въ производствѣ и полномъ безсиліи трудящихся классовъ, противопоставленныхъ могущественной аристократіи или автократіи; а слѣдовательно, возрастающее обѣднѣніе и угнетеніе народной массы, возрастающее отчаяніе, затѣмъ увеличивающаяся потребность въ соціальномъ переворотѣ существующихъ имущественныхъ отношеній послѣ побѣды надъ государствомъ, и въ то же время, все возрастающая невозможность достигнуть этого собственными силами.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что сходство въ обоихъ случаяхъ гораздо проще объясняется тѣмъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ сектантскихъ движеній лежало одно и то же христіанское ученіе, нежели сходствомъ экономическихъ и политическихъ условій. Но вѣдь христіанство заключаетъ въ себѣ весьма разнообразные и противорѣчащіе другъ другу элементы, потому что оно является продуктомъ многовѣкового развитія, на протяженіи котораго на него налагали печать разнообразнѣйшія соціальныя условія и соціальныя наслоенія, такъ что истолковывать его можно въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Чѣмъ, кромѣ сходства соціальныхъ и политическихъ условій, можно объяснить тотъ фактъ, что всѣ оппозиціонныя движенія низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ, какъ въ эпоху Римской имперіи, такъ въ Средніе вѣка и въ Россіи XIX столѣтія заимствовали у христіанства всегда однѣ и тѣ же идеи, истолковывали его всегда въ одномъ томъ же смыслѣ, между тѣмъ какъ они могли бы позаимствовать многія другія, совершенно отличныя идеи?

И потомъ: чѣмъ объяснить, что въ настоящее время, когда рабочему классу въ Западной Европѣ христіанское ученіе проповѣдуется съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ въ Средніе вѣка, оппозиція этихъ классовъ совершенно утратила религіозный характеръ

и сдѣлалась чисто политической, даже въ такихъ странахъ, какъ Англія, гдѣ христіанство и до сихъ поръ еще сильно вліяетъ на нравы народной массы? Это также можно объяснить только тѣмъ, что экономическій характеръ пролетаріата и окружающія его политическія и экономическія условія съ эпохи Реформаціи совершенно измѣнились, такъ что даже самые ультра-коммунистическіе и ультра-оппозиціонные элементы христіанскаго ученія не могутъ собрать вокругъ себя пролетаріатъ и дать ему пониманія его задачъ въ обществѣ и интереса къ нимъ. Поэтому, несмотря на постоянное усиленіе пролетарскаго движенія, коммунистическія христіанскія секты вымираютъ — не въ смыслѣ полнаго исчезновенія, но въ смыслѣ утраты первоначальнаго своего духа и характера. Созидаемые ими организаціи, обряды и уставы могутъ еще просуществовать нѣкоторое время, но только по инерціи и не среди наиболѣе прогрессивныхъ слоевъ пролетаріата, а, наоборотъ, среди самыхъ отсталыхъ; не среди его борцовъ за лучшее будущее, но среди тѣхъ его элементовъ, которые боязливо и тупо стараются остаться въ сторонѣ отъ всякаго стремленія перешагнуть рамки дѣйствительности.

Секты — уже не живые организмы, сами способные къ развитію и способствующіе развитію общества, — но безжизненные автоматы, все снова и снова механически повторяющіе одни и тѣ же движенія, оставаясь при этомъ на одномъ мѣстѣ.

Въ Россіи до сихъ поръ дѣло обстояло иначе, но теперь и въ ней совершается аналогичное явленіе. Оно давно уже подготовлялось развитіемъ капитализма. Однако, человѣческій мозгъ представляетъ собой весьма консервативный органъ, и поэтому на него должны воздѣйствовать чрезвычайно сильныя новыя впечатлѣнія для того, чтобы онъ отказался отъ традиціонныхъ формъ мышленія, не соотвѣтствующихъ уже измѣнившимся условіямъ жизни, и усвоилъ себѣ новыя формы, соотвѣтствующія послѣднимъ. Даже когда капитализмъ охватилъ уже всю Россію, могла возникнуть еще новая форма христіанскаго оппозиціоннаго сектантства — я говорю объ ученіи Толстого, нашедшемъ послѣдователей даже среди образованныхъ классовъ.

Но вотъ началась великая русская революція и сразу перевернула всю духовную жизнь русскаго народа. Каковы бы ни были

экономическія и политическія послѣдствія этой революціи, — во всякомъ случаѣ прежній русскій „народный духъ“ исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и христіанское сектантство, какъ одна изъ формъ живой оппозиціи противъ государства и общества. Сектантство это можетъ просуществовать еще нѣкоторое время, но не будетъ имѣть вліянія на національное развитіе, подобно тому, какъ и вліяніе самого графа Толстого на это развитіе было сразу парализовано революціей. И въ Россіи отнынѣ также жизненная оппозиція противъ государства и общества можетъ принять лишь политическія, но отнюдь не религіозныя формы.

Желающій изучить русскихъ сектантовъ, для того, чтобы выяснить себѣ, при помощи знакомства съ ними, сущность древнехристіанскаго и средневѣковаго религіознаго коммунизма, долженъ спѣшить не менѣе, чѣмъ естествоиспытатель, изучающій коренныхъ жителей Австраліи для изученія первобытнаго человѣка.

Теперь уже трудно найти экземпляръ такого австралійца во всей его первобытности; — то же самое, пожалуй, очень скоро можно будетъ сказать и относительно сектантовъ.

Объ этомъ можетъ пожалѣть историкъ, но мы только съ радостью привѣтствуемъ это явленіе, какъ результатъ непрерывнаго поступательнаго движенія современнаго соціализма, который какъ бы растворяетъ всѣ традиціонныя и несовершенныя формы пролетарской оппозиціи для того, чтобы замѣнить ихъ высшей и болѣе совершенной формой, призванной мощной рукою совершить то, что сдѣлать тщетно пытался своими дѣтскими неумѣлыми руками религіозный коммунизмъ.

Берлинъ.
Январь 1907 г.

К. Каутскій

ВВЕДЕНІЕ.

Современная международная соціалъ-демократія имѣетъ въ исторіи два корня. Оба они возникли на одной и той же почвѣ— на почвѣ существующаго хозяйственнаго и общественнаго строя. Оба имѣютъ одну и ту же цѣль—но оба совершенно различны по своему существу.

Одинъ изъ этихъ корней, коммунистическій утопизмъ, возникъ среди высшихъ классовъ. Представители его принадлежатъ къ духовной аристократіи общества. Второй корень соціалъ-демократіи коммунизмъ равенства (Gleichheits Kommunismus [1]) возникъ среди низшихъ классовъ, стоявшихъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ по своему духовному развитію. Утопизмъ возникъ благодаря глубокому пониманію дѣйствительности высокообразованными людьми, свободными отъ вліянія интересовъ своего класса. Коммунизмъ равенства грубъ и наивенъ; его создала не соціальная проницательность, не безкорыстное мышленіе и чувство, а настоятельныя матеріальныя потребности, борьба изъ-за классовыхъ интересовъ.

Буржуазный, филантропическій, утопическій коммунизмъ ведетъ свое начало отъ Томаса Мора.

Коммунизмъ равенства современнаго боевого пролетаріата еще моложе. Его первыя движенія становятся замѣтными лишь во время англійской революціи XVII вѣка.

Но оба, утопизмъ и коммунизмъ равенства капиталистическаго періода, имѣютъ предшественниковъ. Созданный Платономъ идеалъ государства не остался безъ вліянія на утопистовъ, а коммунизмъ равенства въ своемъ началѣ носитъ еще слѣды религіознаго коммунизма христіанскихъ сектъ. Вліяніе было конечно не особенно глубокимъ. Подобно тому, какъ капиталистическое общество существенно отличается отъ античнаго и феодальнаго, такъ и новѣйшій коммунизмъ совсѣмъ не похожъ на платоновскій и на коммунизмъ древняго или средневѣ-

[1]) „Коммунизмомъ равенства“ Энгельсъ называетъ „коммунизмъ, основанный исключительно или преимущественно на требованія равенства“ (Marx, Enthüllungen über den Kommunistenprozess zu Köln. Zürich 1885, введеніе Энгельса стр. 5). Намъ это выраженіе кажется наиболѣе подходящимъ для обозначенія самобытнаго пролетарскаго коммунизма вообще. Здѣсь оно употребляется въ такомъ именно смыслѣ.

коваго христіанства. Каждый изъ нихъ коренится въ своей эпохѣ, черпаетъ изъ нея свои силы и свои цѣли. Предшественники могутъ служить ему не болѣе какъ опорой, къ которой онъ примыкаетъ, которая усиливаетъ его чувство собственнаго достоинства и во многихъ пунктахъ облегчаетъ нахожденіе аргументовъ. Они могутъ имѣть значительное вліяніе на его внѣшній видъ, но лишь очень слабое на его внутреннюю сущность.

Для того, чтобы вполнѣ понять происхожденіе современнаго соціализма, необходимо однако принять во вниманіе предшественниковъ, имѣвшихъ замѣтное вліяніе на него, т.-е.—какъ мы уже сказали—платоновскій и христіанскій коммунизмъ.

Разсмотрѣніе ихъ имѣетъ для насъ значеніе еще и съ другой, и притомъ болѣе важной точки зрѣнія. Индивидуальныя особенности какого либо явленія можно найти, лишь сравнивая его съ другими однородными явленіями. Подобное сравненіе различныхъ формъ коммунизма дѣлалось уже нерѣдко, но большею частью для того, чтобы достигнуть совершенно противуположной цѣли: не для того, чтобы подчеркнуть индивидуальныя особенности современнаго соціализма, но чтобы затушевать ихъ. При этомъ всѣ роды коммунизма мѣряются одной мѣркой и то, что вѣрно относительно одного, примѣняется ко всѣмъ безъ различія. Этотъ методъ не только очень удобенъ, ибо черты, общія всѣмъ родамъ коммунизма, касаются только внѣшности, но онъ также очень пріятенъ противникамъ соціалъ-демократіи, позволяя имъ выставлять всѣ неудачи и непріятности, испытанныя прежними коммунистами, какъ естественное и необходимое слѣдствіе стремленій современнаго соціализма.

Для того, чтобы познать особенности послѣдняго, чрезвычайно важно изслѣдовать особенности его предшественниковъ: его право на существованіе и его стремленія покажутся намъ совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ, если мы изучимъ условія, при которыхъ возникли и погибли его предшественники. Это составитъ главнѣйшую задачу первыхъ отдѣловъ настоящаго тома. При этомъ мы будемъ вынуждены отчасти коснуться, кромѣ исторіи коммунистическихъ идей и стремленій, и общей исторіи соціальнаго развитія. Если дорога, благодаря этому, становится извилистѣе и длиннѣе, то она представляетъ также больше разнообразія и откроетъ болѣе широкіе горизонты. А нашъ интересъ и наши симпатіи къ героямъ духа и меча, боровшимся въ минувшіе вѣка за уничтоженіе всякой эксплуатаціи и всякаго гнета, могутъ лишь возрасти, если мы познакомимся не только съ ихъ идеалами и подвигами, но увидимъ ихъ въ обстановкѣ ихъ эпохи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Платоновскій и древнехристіанскій коммунизмъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Идеальное государство Платона.

I. Платонъ и его время.

Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ общераспространенное мнѣніе, будто коммунизмъ противорѣчитъ сущности человѣка, человѣческой природѣ. Напротивъ, уже у колыбели человѣчества стоялъ коммунизмъ и вплоть до нашей эпохи онъ являлся соціальной основой большинства народовъ земного шара.

Отнюдь не будучи несогласимымъ съ закономъ борьбы за существованіе, онъ-то именно и является важнѣйшимъ орудіемъ человѣка въ этой борьбѣ. Только путемъ тѣснѣйшаго объединенія въ бо́льшія или меньшія общества, нагіе и безоружные люди минувшаго могли защищаться въ пустыняхъ отъ своихъ страшныхъ враговъ. Первобытный человѣкъ жилъ только съ обществомъ и въ обществѣ; его личность не порвала еще нити, связывавшей ее съ послѣднимъ. Соединившись въ общество, люди добывали себѣ средства къ жизни—сообща они охотились, со бща ловили рыбу, жили обществомъ, вмѣстѣ защищали общее жилище, общую землю.

Но вмѣстѣ съ успѣхами производства все это измѣнилось. Эти успѣхи, наряду съ общественной, создали частную собственность. Первоначально послѣдняя ограничивалась нѣкоторыми незначительными предметами личнаго потребленія, нерѣдко изготовленными самимъ владѣльцемъ, каковы украшенія, оружіе и т. п. предметы, которые казались до того сросшимися со своимъ, изготовившимъ ихъ владѣльцемъ, что ихъ нерѣдко клали вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

Но мало-по-малу частная собственность пріобрѣтала все большее распространеніе и значеніе; она начала распространяться и на болѣе значительныя средства производства и охватила наконецъ даже важнѣйшее изъ нихъ, основу нашего существованія — землю. Охота и скотоводство еще требуютъ общиннаго владѣнія землей. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ земледѣліемъ. До развитія совре-

меннаго крупнаго сельскохозяйственнаго производства оно оказывалось лучше всего въ частныхъ хозяйствахъ отдѣльныхъ семей, а частное хозяйство требуетъ для своего развитія частной собственности на землю. Тамъ, гдѣ земледѣліе развивается и гдѣ оно вытѣсняетъ прежнія формы производства, тамъ потребность въ частной собственности на землю также становится все сильнѣе.

Развитіе городской промышленности и торговли само собою обусловливаетъ частную собственность на орудія производства и продукты.

Но не только область частной собственности расширяется все болѣе и болѣе, она также теряетъ одно за другимъ свои ограниченія, становящіяся тѣмъ стѣснительнѣе, чѣмъ болѣе развиваются способы производства, обусловливающіе торговый обмѣнъ и частную собственность.

Изъ чисто личной собственности, либо уничтожавшейся со смертью владѣльца, либо переходившей къ общинѣ, она превратилась въ собственность, могущую переходить по наслѣдству къ другимъ лицамъ.

Первоначальное равенство исчезло, частная собственность сдѣлалась соціальнымъ факторомъ, общество раздѣлилось на господствующихъ собственниковъ и находящихся въ зависимости неимущихъ; пріобрѣтеніе частной собственности стало общественной необходимостью. Наконецъ появленіе денегъ превратило стремленіе къ пріобрѣтенію въ безмѣрную страсть.

Потребность въ предметахъ потребленія всегда ограничена. Пока богатство состоитъ только изъ предметовъ потребленія, всякій желаетъ имѣть не болѣе, чѣмъ нужно для удобной и пріятной жизни. Денегъ же, напротивъ, никогда не можетъ быть довольно, ибо деньги товаръ, за который можно купить всѣ другіе товары, товаръ, никогда не портящійся, всегда годный къ употребленію. Съ появленіемъ денегъ накопленіе сокровищъ, огромныхъ состояній, далеко превышающихъ собственныя потребности, становится задачей жизни имущихъ. Различіе между бѣднымъ и богатымъ можетъ сдѣлаться неизмѣримымъ и становится таковымъ повсюду, гдѣ только появляются необходимыя для этого условія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются отношенія людей между собою, все ихъ мышленіе и весь ихъ бытъ. Прежде главной добродѣтелью человѣка считалась преданность общинѣ, самопожертвованіе. Теперь эта добродѣтель исчезаетъ все болѣе и болѣе. Всякому своя рубашка ближе къ тѣлу. Общины распадаются на классы, ведущіе между собою ожесточенную борьбу, на индивидовъ, изъ которыхъ каждый заботится только о своихъ интересахъ, старается поменьше дать общинѣ и побольше взять у нея. Связи, соединяющія отдѣльную личность съ общиной и обусловливающія цѣлость послѣдней, становятся все слабѣе, она приходитъ въ упадокъ или дѣлается добычей народа, отставшаго въ своемъ развитіи, но сохранившаго еще коммунистическія добродѣтели и коммунистическую силу.

Такова исторія всѣхъ націй и государствъ древности.

Скорѣе и замѣтнѣе всего этотъ ходъ развитія, пожалуй, совершался въ Аѳинахъ. Промежутокъ времени между окончаніемъ персидскихъ войнъ и порабощеніемъ Греціи Филиппомъ Македонскимъ составляетъ едва полтора вѣка (479—338 до начала нашего лѣтосчисленія). Въ началѣ его мы уже находимъ (не принимая даже во вниманіе рабовъ, не принадлежавшихъ къ общинѣ) классовыя различія и противорѣчія, привилегированныхъ аристократовъ и безправные слои народа, бѣдныхъ и богатыхъ, но эти противорѣчія не развились еще до того, чтобы заглушить среди свободнаго населенія общій интересъ къ государ-

ственнымъ дѣламъ. Въ послѣдней трети этого періода въ Аттикѣ, кромѣ множества рабовъ, были почти только одни богатые и нищіе.

«Въ прежнее время, восклицаетъ жившій въ эту эпоху ораторъ Демосѳенъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей, было совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Прежде все принадлежавшее государству было богатымъ и блестящимъ, но между отдѣльными гражданами никто не отличался по внѣшности отъ другого. Еще и теперь всякій изъ васъ можетъ собственными глазами убѣдиться въ томъ, что жилища Ѳемистокла, Мильтіада и всѣхъ другихъ великихъ мужей древности отнюдь не были ни лучше, ни красивѣе, чѣмъ жилища ихъ согражданъ. Зато сооруженные въ ихъ время общественныя зданія и памятники такъ величественны и прекрасны, что никогда не удастся создать что-либо лучшее; я говорю о пропилеяхъ, арсеналахъ, колоннадахъ, портовыхъ сооруженіяхъ Пирея и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ нашего города. Теперь же есть государственные мужи, частныя жилища которыхъ гораздо роскошнѣе многихъ общественныхъ зданій и помѣстья которыхъ пространствомъ больше, чѣмъ поля всѣхъ васъ, собравшихся здѣсь судей [1]). А все, что теперь строится для государства, такъ незначительно и бѣдно, что стыдно говорить объ этомъ».

Явленіе это можно было наблюдать во всей Греціи, но рѣзче всего оно выразилось въ Аѳинахъ, сдѣлавшихся благодаря персидскимъ войнамъ могущественнѣйшимъ государствомъ Греціи и спасшихъ греческую свободу отъ персидскаго ига для того только, чтобы наложить на грековъ свое собственное. Почти все населеніе береговъ и острововъ Эгейскаго моря (кромѣ того многіе приморскіе города и острова внѣ этихъ предѣловъ) сдѣлалось подданнымъ и данникомъ Аѳинъ. Вмѣстѣ съ трудомъ рабовъ и съ барышами пышно расцвѣтшей торговли, военная добыча и дань покоренныхъ сдѣлались постоянными источниками дохода для населенія Аѳинъ, средствомъ еще болѣе обогатить богатыхъ и отучить отъ работы остальныхъ свободныхъ людей, получавшихъ содержаніе изъ огромныхъ государственныхъ доходовъ, превратить ихъ въ босяцкій пролетаріатъ, развратить и обезсилить все населеніе. Но это же сдѣлало Аѳины ненавистными всей Греціи.

Въ концѣ концовъ между все болѣе и болѣе растущими Аѳинами съ одной стороны, и не покоренными еще ими государствами Пелопонеса, находившимися подъ предводительствомъ Спарты, съ другой, возгорѣлась борьба не на жизнь, а на смерть. Но эта борьба была не только войной противъ гегемоніи Аѳинъ, она была также борьбой демократіи съ аристократіей. Аѳины были самымъ демократическимъ государствомъ Греціи. Спарта—самымъ аристократическимъ. Во всѣхъ государствахъ, покоренныхъ Аѳинами, страдали главнымъ образомъ аристократы, аѳиняне грабили прежде всего ихъ, а не народъ. Въ самихъ Аѳинахъ народъ, по мѣрѣ возможности, сваливалъ всѣ государственныя повинности на аристократовъ и богачей. Вотъ почему этотъ городъ былъ особенно ненавистенъ богатымъ и аристократіи; а въ самихъ Аѳинахъ соціальное разложеніе, противоположность между бѣднымъ и богатымъ, дошли до того, что аѳинскіе богачи и аристократія заигрывали и составляли заговоры съ національнымъ врагомъ, со Спартою. Побѣда Спарты казалась имъ лучшимъ средствомъ для низверженія господства народа. Рѣшительная борьба между Аѳинами и Спартой, такъ называемая Пелопонесская

[1]) Суды (дикастеріи) въ Аѳинахъ были судами присяжныхъ; каждый состоялъ изъ пяти сотъ присяжныхъ (геліастовъ).

война, продолжалась почти 30 лѣтъ (431—407) и кончилась полнымъ уничтоженіемъ аѳинскаго могущества. Аѳины были ограничены Аттикой и сдѣлались зависимыми отъ Спарты. Демократія уступила мѣсто правленію, состоявшему изъ жалкихъ креатуръ Спарты.

Такое положеніе вещей настоятельно требовало вниманія и наталкивало на размышленія о расцвѣтѣ и упадкѣ государствъ. Вопросъ о наилучшемъ государственномъ устройствѣ занималъ тогда всѣхъ.

Среди такихъ-то историческихъ условій выросъ Платонъ.

Онъ родился нѣсколько спустя послѣ начала Пелопонесской войны [1]), въ древней аристократической семьѣ, въ Аѳинахъ.

Платонъ никогда не отрицалъ своего аристократическаго происхожденія и до конца жизни относился къ демократіи непріязненно. Пользуясь хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ, онъ могъ посвятить себя всецѣло духовному саморазвитію и рано началъ заниматься поэзіей и философіей. Знакомство съ Сократомъ, начавшееся, вѣроятно, около 20-го года жизни Платона, имѣло для него рѣшающее значеніе. Со времени этого знакомства онъ вполнѣ посвятилъ себя философіи и сталъ самымъ замѣчательнымъ ученикомъ Сократа. Но онъ расширилъ кругъ идей Сократа самостоятельными изслѣдованіями [2]) и рядомъ путешествій, предпринятыхъ послѣ смерти своего друга и учителя, въ Египетъ, Кирену, Южную Италію и Сицилію.

Возвратившись въ Аѳины, Платонъ публично выступилъ учителемъ. Но свою учительскую дѣятельность онъ еще дважды прерывалъ ради продолжительныхъ путешествій въ Сицилію.

Поводъ къ послѣднимъ характеренъ для упадка политической жизни въ эпоху Платона. Онъ создалъ цѣлую систему особенныхъ политическихъ принциповъ, о которой мы еще поговоримъ ниже, но ему и въ голову не приходило

---

[1]) Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Онъ приходится между 429 и 427 годами до начала нашего лѣтосчисленія.

[2]) Особенно большое вліяніе произвело на Платона ученіе пиѳагорейцевъ и болѣе глубокое изученіе математики. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Пиѳагора (род. около 600 года, ум. около 510 г. до начала нашего лѣтосчисл.) нерѣдко выставляютъ коммунистомъ и основателемъ коммунистическаго союза. „По позднѣйшимъ извѣстіямъ“, говоритъ Целлеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой философіи, „пиѳагорейцы высшихъ ступеней жили въ полномъ коммунизмѣ, по точно регламентированному порядку жизни, считавшемуся ими божественнымъ установленіемъ; кромѣ полотняной одежды, имъ предписывалось полное воздержаніе отъ кровавыхъ жертвъ и мясной пищи, отъ бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ пищевыхъ продуктовъ; пиѳагорейцамъ приписываютъ даже безбрачіе“. „Но“, продолжаетъ Целлеръ, „болѣе ранніе свидѣтели, заслуживающіе бо́льшаго довѣрія, не знаютъ ничего о коммунизмѣ“, а затѣмъ въ концѣ, „разсказы позднѣйшихъ писателей о коммунизмѣ пиѳагорейцевъ, безъ сомнѣнія, фантастичны“ (Целлеръ, Die Philosophie der Griechen, 3 изд. Лейпцигъ. 1869, I, стр. 270—274). Во всякомъ случаѣ т. наз. пиѳагорейскій коммунизмъ болѣе позднее изобрѣтеніе, для котораго, вѣроятно, послужилъ образцомъ платоновскій коммунизмъ. Ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что коммунизмъ Платона заимствованъ у Пиѳагора.

Въ историческихъ описаніяхъ греческаго коммунизма, на ряду съ платоновскимъ, обыкновенно находитъ мѣсто и пиѳагорейскій. Здѣсь достаточно указать на фантастическій характеръ послѣдняго. Ср. объ этомъ, кромѣ Целлера, Р. Пэльманна, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. München. 1893, I, стр. 53, и Друманнъ, Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom. Кенигсбергъ, 1860, стр. 19.

сдѣлать хотя бы слабѣйшую попытку провести въ жизнь свои убѣжденія и взгляды путемъ участія въ политической жизни.

Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что Платонъ не желалъ практическаго примѣненія своихъ идей о государствѣ и обществѣ, что онъ разсматривалъ ихъ, какъ пустыя мечтанія.

Въ 368 году умеръ старшій Діонисій, тиранъ сиракузскій. Сынъ его Діонисій младшій выказывалъ когда-то философскія поползновенія и считался реформаторомъ, что, повидимому, съ давнихъ поръ въ обычаѣ по отношенію къ наслѣдникамъ престола. Діонъ, другъ Платона и зять Діонисія, надѣялся сдѣлать послѣдняго сторонникомъ своихъ стремленій; съ этой надеждой на осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ Платонъ поѣхалъ въ Сиракузы, разсчитывая склонить тирана на то, для чего онъ въ демократическихъ Аѳинахъ и пальцемъ не двинулъ.

Конечно, ему пришлось горько разочароваться. Діонисію нравилось, что философы тѣснились при его дворѣ и увеличивали его блескъ, но они не должны были мѣшать ему предаваться наслажденіямъ, доставляемымъ женщинами, виномъ и пѣснями. Когда философы сдѣлались неудобными, «философъ на тронѣ» просто велѣлъ выбросить ихъ вонъ, т.-е. изгнать ихъ. Когда же Платонъ, не искусившись этимъ, черезъ нѣсколько лѣтъ вторично отправился въ Сиракузы, онъ былъ встрѣченъ столь враждебно, что ему едва удалось спасти свою жизнь и отдѣлаться лишь непріятностями.

Такъ кончилась политическая дѣятельность нашего философа. Учительскую же дѣятельность онъ продолжалъ до дня смерти, наступившей на 81 году его жизни.

II. Книга о государствѣ.

Изъ всѣхъ сочиненій Платона насъ здѣсь интересуетъ только одно, первая дошедшая до насъ философская, систематическая защита коммунизма: «πολιτεία», книга о государствѣ, написанная, вѣроятно, незадолго до перваго путешествія ко двору Діонисія младшаго, около 368 года.

Наиболѣе существенную часть содержанія книги составляетъ изслѣдованіе вопроса о наилучшемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ.

Въ томъ, что существующія формы государства и общества неудовлетворительны, Платонъ нисколько не сомнѣвается.

Частная собственность, говоритъ онъ, противоположность между богатымъ и бѣднымъ, ведетъ къ паденію государствъ. «Развѣ добродѣтель и богатство не относятся другъ къ другу такъ, что если бы они были положены на противоположныя чашки вѣсовъ, то одна непремѣнно должна была бы опуститься, когда поднимается другая?.. Слѣдовательно, если въ государствѣ богатство и богатые почитаются, то добродѣтель и добродѣтельные люди не пользуются уваженіемъ... Такое государство по необходимости представляетъ изъ себя какъ бы два государства: одно составляютъ бѣдные, другое — богатые, всѣ они живутъ вмѣстѣ, стараясь причинить другъ другу зло (ἐπιβουλίες) [1])... И въ концѣ концовъ они

[1]) Какъ видно, выраженіе о двухъ націяхъ, живущихъ въ одномъ государствѣ, выдумано не Дизраели; оно болѣе, чѣмъ на два тысячелѣтія старше его.

(господствующіе богачи) не въ состояніи вести войну, потому что для нея они должны воспользоваться массой, которая, когда она вооружена, страшнѣе врага, или же должны отказаться отъ ея помощи и тогда идти на сраженіе въ очень маломъ числѣ; кромѣ того, богачи не хотятъ платить налоговъ, потому что очень любятъ деньги».

Бѣдныхъ же, пролетаріевъ, Платонъ сравниваетъ съ трутнями — сравненіе характерное, ясно показывающее различіе между античнымъ и современнымъ пролетаріатомъ. Свободные неимущіе были большею частью босяками-пролетаріями. Теперь общество живетъ на счетъ пролетаріевъ, тогда пролетаріи жили на счетъ общества. Они жили эксплуатаціей государства и богатыхъ, получавшихъ свои доходы отъ труда рабовъ и отъ поборовъ съ покоренныхъ народовъ. Но, продолжаетъ Платонъ, двуногіе трутни отличаются отъ крылатыхъ: не всѣ они лишены жала. «Не имѣющіе жала, на старости лѣтъ становятся имущими; вооруженные жалами доставляютъ матеріалъ для всякой сволочи... они дѣлаются ворами и карманщиками, святотатцами и т. п. (VIII книга, 6 и 7 глава).

Государство, состоящее изъ двухъ такихъ, относящихся другъ къ другу непріязненно, государствъ, обречено на погибель, кто бы ни господствовалъ въ немъ, богатые (олигархія) или бѣдные (демократія).

Какое же государственное устройство предлагаетъ Платонъ взамѣнъ этихъ «плохихъ государственныхъ устройствъ»?

По его мнѣнію, одинъ лишь коммунизмъ можетъ уничтожить несогласіе.

Но Платонъ слишкомъ аристократъ для того, чтобы желать уничтоженія классовыхъ различій. Коммунизмъ долженъ поддерживать государство, онъ долженъ стать консервативнымъ элементомъ, но только въ видѣ коммунизма господствующаго класса. Если частная собственность господствующаго класса упразднена, то тѣмъ самымъ будетъ устранено для него всякое искушеніе эксплуатировать и мутить трудящійся народъ. Тогда господствующіе будутъ уже не волки, а вѣрные сторожевые псы, живущіе своей задачей защищать народъ и вести его къ благу.

Для трудящихся классовъ — крестьянъ и ремесленниковъ, такъ же какъ и для мелкихъ и крупныхъ торговцевъ, въ платоновскомъ государствѣ частная собственность сохраняется. И въ самомъ дѣлѣ, уничтоженіе частной собственности у этихъ классовъ противорѣчило потребностямъ тогдашняго способа производства. Ибо тогда основой еще было мелкое производство въ земледѣліи и ремеслѣ. А мелкое производство съ естественной необходимостью обусловливаетъ частную собственность на средства производства. Правда, и тогда уже существовали большія хозяйства, но работали въ нихъ рабы. Техника земледѣлія и промышленности не развилась еще на столько, чтобы требовать общественнаго производства. Гдѣ не было внѣшняго принужденія, сгонявшаго рабочихъ, гдѣ они были свободны, тамъ каждый работалъ самостоятельно. Въ эпоху Платона, желаніе упразднить у свободныхъ рабочихъ частную собственность на средства производства было немыслимо. Поэтому его соціализмъ глубоко отличался отъ современнаго.

Въ платоновскомъ идеальномъ государствѣ господствующій классъ не производитъ ничего. Онъ содержится на счетъ трудящихся классовъ. Коммунизмъ не есть коммунизмъ средствъ производства, но средствъ потребленія, принимая значеніе этого слова въ широчайшемъ смыслѣ.

Господствующій классъ, это стражи государства. Ихъ особенно тщательно выбираютъ изъ числа лучшихъ и болѣе ловкихъ. Дѣти стражей имѣютъ, конечно, больше шансовъ быть причисленными къ этому классу, чѣмъ остальныя дѣти въ государствѣ, ибо яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Но если потомокъ стражей недостоинъ своего назначенія, то его безъ всякаго милосердія должно исключить изъ этого класса; наоборотъ, если бы кто-либо, выросшій среди ремесленниковъ и крестьянъ, выказалъ благородныя свойства, «то его должно почитать и возвести въ классъ господствующихъ».

Такимъ образомъ, въ платоновскомъ государствѣ аристократія основывается не на родовомъ принципѣ.

Молодежь, предназначенная для принятія въ классъ стражей, подвергается особому, заботливому воспитанію, детально описанному Платономъ; входить здѣсь въ подробности было бы неумѣстно.

«Но, кромѣ такого воспитанія, продолжаетъ Платонъ [1]), разумный человѣкъ, пожалуй, скажетъ, что слѣдовало бы устроить ихъ жилища и все вообще имущество такъ, чтобы ничто не мѣшало стражамъ быть лучшими и чтобы ничто не соблазняло ихъ причинять вредъ остальнымъ гражданамъ».

«Совершенно вѣрно», сказалъ онъ (Главкъ).

«Слушай же, возразилъ я (Сократъ). Не должны ли они жить приблизительно слѣдующимъ образомъ, чтобы сдѣлаться такими. Во-первыхъ, насколько это возможно, никто не долженъ имѣть ничего собственнаго: никто не долженъ имѣть особаго жилища или кладовой, куда не могъ бы войти всякій желающій. Все необходимое, что нужно храброму и умѣренному воину, они должны получать, въ видѣ вознагражденія за охрану государства, отъ другихъ гражданъ, по очереди, и въ такомъ количествѣ, чтобы не терпѣть нужды, но чтобы также ничего не оставалось для слѣдующаго года. Они должны жить и, какъ воины въ походѣ, ѣсть вмѣстѣ (сисситіи). Золото же и серебро, надо сказать имъ, всегда бываетъ вложено богами въ ихъ души въ видѣ божественной искры и поэтому они не нуждаются въ золотѣ и серебрѣ людей. Отнюдь не слѣдуетъ имъ оскорблять божественное золото присвоеніемъ земного, испытавшаго различныя, подчасъ грязныя пертурбаціи, между тѣмъ какъ золото ихъ души чисто. Имъ однимъ въ государствѣ слѣдуетъ запретить возиться съ золотомъ и серебромъ, прикасаться къ нему, имѣть его въ своихъ жилищахъ или украшать имъ свои одежды и пить изъ драгоцѣнныхъ сосудовъ. Если бы они имѣли собственную землю, жилища и золото, то они были бы домохозяевами и землевладѣльцами, а не стражами, жестокими повелителями, а не товарищами другихъ гражданъ; тогда они проводили бы жизнь, ненавидя и подстерегая другихъ, будучи сами ненавидимыми и подстерегаемыми, боясь внутренняго врага гораздо болѣе, чѣмъ внѣшняго, и тогда они и весь городъ неминуемо погибли бы» (III книга, 22 глава).

Но Платонъ требуетъ для своихъ «стражей» не одной только общности имущества. Необходимо устранить все, что могло бы способствовать возникновенію среди нихъ частныхъ интересовъ, все, что могло бы посѣять между ними ссоры и несогласія. Поэтому онъ требуетъ для нихъ упраздненія отдѣльной семьи, общности женъ и дѣтей.

[1]) Или, вѣрнѣе, Сократъ. Все сочиненіе, какъ всѣ платоновскія разсужденія вообще, имѣетъ форму діалога, въ которомъ обыкновенно, какъ и здѣсь, Сократъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Такимъ образомъ требованіе упраздненія семьи и брака выставлялось еще философомъ древности, который теперь очень превозносится оффиціальными блюстителями нравственности и порядка, особенно же германскимъ духовенствомъ, за его «почти христіанскую» этику.

«Со всѣмъ предыдущимъ, говоритъ Платонъ устами Сократа, по моему мнѣнію, связано слѣдующее установленіе».

«Какое именно?».

«Чтобы всѣ женщины принадлежали всѣмъ мужчинамъ и чтобы ни одна не жила съ кѣмъ-нибудь отдѣльно. Дѣти также должны быть общими, чтобы ни отецъ не зналъ ребенка, ни ребенокъ отца» (V книга, глава 7).

Платонъ, однако, не допускаетъ совершенно безпорядочныхъ половыхъ сношеній. Они должны подчиняться только одному принципу: половому подбору. Женщины могутъ «рождать государству» только отъ 20 до 40 года, мужчины могутъ «творить государству» лишь отъ 30 до 55 года. Тотъ, кто до этого срока или послѣ него имѣетъ дѣтей, считается преступникомъ. Такихъ дѣтей слѣдуетъ устранять при помощи искусственнаго аборта или же выкидывать ихъ на улицу. Воспитывать ихъ нельзя. Но людей, находящихся въ предѣлахъ установленнаго возраста, правители должны сочетать по возможности такъ, «чтобы сильнѣйшіе чаще всего сожительствовали съ сильнѣйшими, слабѣйшіе со слабѣйшими, и, чтобы племя сохранилось образцовымъ, дѣтей первыхъ надо воспитывать, а дѣтей послѣднихъ бросить. Все это (т.-е. регулировка половыхъ сношеній) не должно быть извѣстно никому, кромѣ самихъ правителей, чтобы въ толпѣ стражей всегда было возможно меньше несогласій.

Тѣ же, кто старше установленнаго возраста, могутъ какъ угодно смѣшиваться и сходиться съ людьми ихъ возраста.

«Новорожденныя дѣти принимаются въ установленныя для этого учрежденія, состоящія изъ мужчинъ или женщинъ, или тѣхъ и другихъ, ибо должности равно доступны и тѣмъ и другимъ».

«Хорошо».

«Дѣтей сильныхъ людей они, я думаю, отнесутъ въ воспитательный домъ къ нянькамъ, живущимъ въ отдѣльной части города, дѣтей же слабыхъ родителей, а также и уродливыхъ дѣтей, они, какъ слѣдуетъ, спрячутъ въ недоступномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ».

«Такъ и должно быть, сказалъ онъ, чтобы порода стражей осталась благородной».

«Эти учрежденія будутъ также заботиться о питаніи младенцевъ, для этой цѣли они будутъ приводить въ воспитательный домъ матерей, изобилующихъ молокомъ, причемъ однако будутъ стараться, чтобы ни одна изъ нихъ не узнала своего ребенка; а если матерей окажется недостаточно, то будутъ брать еще другихъ кормилицъ» (V книга, 9 глава).

Намъ все это кажется страннымъ и даже отталкивающимъ. Греки платоновской эпохи смотрѣли на это иначе. Правда, среди нихъ господствовало единобрачіе, но они сами открыто признавали, что бракъ лишь учрежденіе, гарантирующее законность дѣтей и обезпечивающее права наслѣдованія. Браки заключались не влюбленными, а по уговору между главами семей, при этомъ принимались во вниманіе не симпатіи участвующихъ, но ихъ матеріальное положеніе.

Молодой человѣкъ не имѣлъ вообще никакого случая познакомиться съ дѣвушкой изъ хорошей семьи до обрученія съ нею [1]).

Наряду съ заботой объ увеличеніи и изслѣдованіи состоянія, большое значеніе при заключеніи браковъ имѣла также забота о полученіи сильнаго потомства. Въ Спартѣ, гдѣ имущественныя условія играли меньшую роль и гдѣ на первомъ планѣ стояла пригодность спартанцевъ къ военной службѣ, при заключеніи браковъ имѣлъ громадное значеніе половой подборъ. Значеніе его было такъ велико, что при извѣстныхъ условіяхъ супругъ уступалъ свои супружескія права другому, болѣе сильному, обѣщавшему произвести лучшее потомство. Плутархъ сравнивалъ спартанскій бракъ съ конскимъ заводомъ, въ которомъ заботятся только о благородствѣ расы.

Поэтому регулировка правительствомъ сожительства согласно требованіямъ подбора въ глазахъ современниковъ Платона не была ни противоестественной, ни отвратительной.

Упраздненіе семьи, половой коммунизмъ былъ лишь логическимъ слѣдствіемъ коммунизма потребленія. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ всѣ наслажденія должны быть общими, было бы крайне непослѣдовательно исключать изъ области общаго такое могущественное, такъ глубоко вліяющее на общественную жизнь наслажденіе, какъ половое.

Напротивъ того, общность женъ, половой коммунизмъ не имѣетъ ни малѣйшей логической связи съ требованіемъ общественнаго права собственности на средства производства, предъявляемымъ современнымъ соціализмомъ, если только не причислять женщину къ средствамъ производства.

Впрочемъ, въ другомъ отношеніи платоновскій идеалъ сходится съ однимъ изъ положеній современной соціалъ-демократіи. Такъ же какъ и послѣдняя, Платонъ требуетъ уравненія женщины съ мужчиной, допущенія ея ко всѣмъ должностямъ (правда, лишь внутри класса стражей). Женщины должны даже идти на войну. Воспитаніе имъ слѣдуетъ давать такое же, какъ и мужчинамъ.

«Изъ всѣхъ родовъ дѣятельности, на коихъ покоится государство, нѣтъ ни одного доступнаго женщинѣ, какъ женщинѣ, или мужчинѣ, какъ мужчинѣ; природныя способности распредѣлены между обоими полами поровну, и женщина по своей природѣ можетъ также участвовать во всѣхъ дѣлахъ, какъ и мужчина; но женщина во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе мужчины... Пусть же жены нашихъ стражей не стѣсняются раздѣваться (для физическихъ упражненій, какъ мужчины), ибо вмѣсто одеждъ ихъ закроетъ добродѣтель, пусть онѣ участвуютъ въ

[1]) Мы видимъ, какъ ошибочно приписывать капиталистическому способу производства вину въ томъ, что бракъ сдѣлался денежной сдѣлкой. Охраняемое закономъ единобрачіе всегда было таковою. Капиталистическій способъ производства создалъ, напротивъ, условія, при которыхъ индивидуальная половая любовь — страстное желаніе принадлежать только одному извѣстному лицу другого пола, но ему навсегда — сдѣлалось признаннымъ факторомъ соціальной жизни. Поэтому мораль современнаго общества считаетъ бракъ, представляющій простую денежную сдѣлку — безнравственнымъ. Но благодаря тому, что капиталистическій способъ производства сохраняетъ и даже усиливаетъ экономическіе корни брака-сдѣлки, это нравственное воззрѣніе не лишаетъ бракъ его характера денежной сдѣлки, а ведетъ лишь къ тому, что люди стараются скрыть этотъ характеръ, а брачущіеся дѣлаютъ видъ, что именно любовь заставляетъ ихъ сойтись. Языческая откровенность сдѣлалась теперь лицемѣріемъ. Сказанное относится, конечно, главнымъ образомъ къ бракамъ имущихъ.

войнѣ и въ управленіи государствомъ и пусть не дѣлаютъ ничего другого. Но въ каждой области мы дадимъ женщинамъ болѣе легкое, чѣмъ мужчинамъ, принимая во вниманіе слабость пола» (V книга, 4 и 6 глава).

Основой соціальнаго и политическаго уравненія женщины съ мужчиной является освобожденіе ея отъ трудовъ домоводства. Въ платоновскомъ государствѣ оно достигается путемъ передачи послѣднихъ трудящимся классамъ. Пока не было возможности исполнять хотя бы наиболѣе тяжелыя домашнія работы при помощи машинъ, эмансипація женщинъ была недостижима.

Хотя всѣ эти идеи Платона очень смѣлы, онъ вовсе не выдумалъ ихъ, онѣ имѣютъ реальное основаніе. Мы это видѣли уже на главнѣйшей его идеѣ—введеніи систематическаго подбора въ половыя отношенія. Примѣръ, руководившій имъ въ данномъ случаѣ, вліялъ также на весь ходъ его идей. Примѣромъ этимъ была Спарта, какъ мы уже замѣтили, самое аристократическое государство Греціи, всегда пользовавшееся, благодаря своей аристократичности, особенными симпатіями аѳинской аристократіи. Симпатіи эти были такъ сильны [1]), что способствовали побѣдѣ Спарты надъ Аѳинами въ пелопонесской войнѣ.

Во всякомъ случаѣ симпатіи къ Спартѣ, питаемыя аристократомъ Платономъ, нисколько не уменьшились подъ вліяніемъ анти-демократическихъ тенденцій Сократа.

Изъ учениковъ Сократа многіе наиболѣе видные относились къ Спартѣ дружелюбно. Ксенофонтъ, закадычный другъ спартанскаго царя Агезилая, совершилъ нѣсколько походовъ на службѣ у спартанцевъ, онъ не постыдился даже сражаться въ битвѣ при Херонеѣ (399) въ свитѣ спартанскаго вождя противъ своихъ согражданъ—аѳинянъ. Это послужило причиной его изгнанія изъ родного города. Алкивіадъ во время пелопонесской войны велъ себя еще лучше. Будучи аѳинскимъ вождемъ, онъ перешелъ къ спартанцамъ, сдѣлался у нихъ, такъ сказать, начальникомъ генеральнаго штаба, посвятилъ ихъ во всѣ слабыя стороны Аѳинъ и такимъ образомъ вызвалъ цѣлый рядъ большихъ пораженій, фактически рѣшившихъ исходъ войны, хотя она протянулась довольно долго. А когда Аѳины пали, городъ сдѣлался добычей «тридцати тирановъ», шайки аристократическихъ негодяевъ, навязанныхъ аѳинскому народу побѣдоносной Спартой въ качествѣ регентовъ. Во главѣ этой шайки, обогатившейся опустошительнымъ, звѣрскимъ правленіемъ и совершенно разорившей покоренныя Аѳины, стоялъ Критіасъ, также одинъ изъ учениковъ Сократа.

Для того, чтобы вѣрно понять процессъ Сократа, не слѣдуетъ упускать изъ виду этого обстоятельства.

Въ виду всего сказаннаго мы не можемъ удивляться тому, что основой построеннаго Платономъ идеальнаго государства послужила Спарта. Это можно доказать цѣлымъ рядомъ пунктовъ, но здѣсь не мѣсто заниматься этими доказательствами.

Этимъ я, однако, вовсе не хочу сказать, что Платонъ просто скопировалъ спартанское государственное устройство. Онъ былъ слишкомъ философомъ, чтобы сдѣлать это, и слишкомъ ясно видѣлъ язвы, которыя уже въ его эпоху подтачивали Спарту. Могущество и богатство, достигнутыя ею въ пелопонесской войнѣ

---

[1]) Онѣ выражались заговорами, измѣнами государству и даже убіеніемъ значительнѣйшихъ демократовъ и полководцевъ.

и послѣ нея, развратили ее такъ же быстро, какъ были развращены Аѳины своими побѣдами послѣ персидскихъ войнъ и послѣдствіями этихъ побѣдъ. Сохранившіеся въ Спартѣ остатки первобытнаго коммунизма также мало могли защитить ее отъ упадка, какъ развалины рыцарскаго замка могутъ защитить отъ современной артиллеріи. Они стали простыми формами. Въ эпоху Платона ихъ главнѣйшее значеніе состояло, пожалуй, въ томъ, что они побудили изслѣдователя и мыслителя считать коммунистическое устройство возможнымъ и желательнымъ, и въ томъ, что дали ему возможность развить изъ зачатковъ идей, представляемыхъ ими, послѣдовательную коммунистическую систему, которая въ его эпоху была возможна хотя бы въ идеалѣ.

Конечно, только въ идеалѣ. Платонъ былъ аристократомъ, но его аристократическія убѣжденія выражались лишь въ его антипатіи къ народу, а отнюдь не въ довѣріи къ товарищамъ по сословію. Онъ сомнѣвался въ послѣднихъ не менѣе, чѣмъ въ первомъ. Грубый спартанскій милитаризмъ и беззастѣнчивое опустошительное хозяйничанье спартанцевъ нравилось ему не больше аѳинскаго народнаго правленія.

Поэтому Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ дѣлитъ высшій классъ стражей на два подотдѣла: воиновъ и правителей. Одни лишь правители должны управлять государствомъ и они должны быть философами. Господство военной аристократіи на его взглядъ было также гибельно, какъ господство народа, состоявшаго уже въ его эпоху большею частью изъ босяковъ-пролетаріевъ. Одно лишь господство философовъ можетъ служить гарантіей разумнаго правленія.

«Прежде чѣмъ порода философовъ не сдѣлается господствующей въ государствѣ (ἐγκρατὲς γένηται), не кончатся несчастія государства и гражданъ и не осуществится задуманное нами устройство». (VI книга, 13 гл. Ср. V книга, 18 гл.).

Какимъ же образомъ философы достигнутъ господства въ государствѣ? Не при помощи участія въ политической борьбѣ народа, но путемъ внушенія своихъ идей тирану (кн. VI, гл. 14) [1]).

---

[1]) Поразительное открытіе сдѣлалъ новѣйшій изслѣдователь платоновскаго коммунизма, уже упомянутый г. профессоръ Робертъ Пэльманъ. Философскій абсолютизмъ, котораго требовалъ Платонъ, осуществленъ, по его мнѣнію, въ германскомъ государствѣ. „Не является ли это требованіе прямо какъ бы пророческимъ указаніемъ на истинно государственную монархію, осуществленную лучше всего въ нѣмецкомъ государствѣ?“ Но кто же государственные философы, стоящіе выше классовыхъ интересовъ какъ имущихъ, такъ и неимущихъ? Это „наши современные государственные и общинные чиновники, духовенство, учителя, офицеры и т. д., въ большинствѣ случаевъ люди, имѣющіе доступъ къ высшему образованію, даже безъ состоянія или, по крайней мѣрѣ, безъ большого состоянія“ и т. д. „Именно это, т.-е. созданіе соціальнаго слоя, находящагося въ такомъ положеніи и имѣющаго такія убѣжденія, соціальнаго слоя, который есть въ современномъ государствѣ и котораго не было въ тогдашнемъ, Платонъ съ геніальной прозорливостью призналъ главнымъ и основнымъ вопросомъ всей политики“ (Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. I, стр. 427 и д.). Воззрѣніе, по которому всемірное развитіе, начиная отъ среднихъ вѣковъ, имѣло одну лишь цѣль—показать міру поразительное величіе гогенцоллернской династіи и ея государства, свойственно нѣмецкимъ профессорамъ исторіи. Но забираться для этой цѣли въ сѣдую древность и выставить Платона передовымъ бойцомъ за господство прусскаго юнкерства и бюрократіи—этого до г. Пэльмана еще никто не осмѣлился сдѣлать.

Для современной германской исторической науки и ея публики чрезвычайно характерно, что германскій ученый съ торжественнѣйшимъ видомъ можетъ надѣть на греческаго философа каску, не будучи послѣ этого уничтоженъ бурею насмѣшекъ.

Мы уже знаемъ, что̀ испыталъ Платонъ, когда сдѣлалъ попытку склонить въ пользу своихъ идей тирана.

Судьба его была судьбою всѣхъ утопистовъ послѣ него, т.-е. всѣхъ, кто стремился къ обновленію государства и общества, не находя въ нихъ самихъ необходимыхъ для этого факторовъ; они должны были надѣяться на актъ великодушнаго произвола политическаго или финансоваго самодержца, царя-философа или милліонера философа.

Въ эпоху Платона, въ знакомыхъ ему государствахъ не было уже ни одного слоя народа, отъ котораго можно было бы ожидать возрожденія государства. Все было гнилымъ и разъѣденнымъ, и идея самодержавія, какъ послѣдняго спасенія государства, являлась даже въ умахъ республиканцевъ. Ксенофонтъ, соученикъ Платона, написалъ политическій романъ «Киропедію», воспѣвающій счастіе, доставляемое господствомъ благовоспитаннаго царя.

Вскорѣ послѣ Платона философы начали видѣть въ тираніи уже не средство для достиженія господства надъ государствомъ, а просто способъ избавиться отъ тяжелыхъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ. Распаденіе государства происходитъ также въ общемъ сознаніи. Философы занимаются уже не обществомъ, а своимъ собственнымъ *я*. Они ищутъ уже не наилучшаго государственнаго устройства, а лучшаго способа для отдѣльнаго человѣка быть счастливымъ.

Такъ постепенно развивается атмосфера, въ которой возникло христіанство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Древне-христіанскій коммунизмъ.

I. Корни древне-христіанскаго коммунизма.

Мы уже сказали, что ходъ развитія, описанный нами въ началѣ предыдущей главы и иллюстрированный примѣромъ Аѳинъ, выпалъ на долю всѣхъ націй и народовъ древности.

Не избѣжалъ ея и владыка міра—Римъ. Когда онъ достигъ высшей точки внѣшняго могущества, его внутренній упадокъ зашелъ уже очень далеко. Это государство, заключавшее въ себѣ всѣ страны, окружающія Средиземное море, представляло конгломератъ государствъ, которыя всѣ шли однимъ путемъ: одни, расположенныя на востокѣ и на югѣ отъ Средиземнаго моря, обогнали Римъ, другія, на сѣверѣ и на западѣ, отстали отъ него; но они усиленно стремились достигнуть высоты, на которой стояла столица и дойти вмѣстѣ съ нею до того, что уже было достигнуто Греціей и странами востока: до полнаго соціальнаго разложенія.

Мы видѣли какъ совершился упадокъ аѳинской народной свободы и какъ республика созрѣла для перехода къ самодержавію. Также происходило дѣло и въ другихъ демократическихъ государствахъ, то же произошло и въ Римѣ. Въ то время, къ которому пріурочиваютъ рожденіе Христа, происходила агонія римской республики и появились начала цезаризма.

Аристократія и демократія оказались тогда одинаково несостоятельными.

Ядро народа, свободное крестьянское сословіе, зачахло въ римскомъ государствѣ, во многихъ мѣстностяхъ оно совершенно исчезло. Величіе и слава государства создались на почвѣ разоренія крестьянина. Вѣчныя войны, которыя велись земскимъ ополченіемъ, довели крестьянское хозяйство до упадка, между тѣмъ какъ крупные землевладѣльцы, хозяйничавшіе при помощи рабовъ, не пострадали. Напротивъ, именно эти войны доставляли имъ необычайно дешевыхъ рабовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что рабовладѣльческое хозяйство быстро разрослось и вытѣснило хозяйство свободнаго крестьянина. Свободное, сильное крестьянство таяло какъ снѣгъ на солнцѣ; мѣстами оно еще перебивалось кое-какъ, но большая часть его превратилась въ пролетаріатъ, т.-е. въ босяцкій пролетаріатъ, ибо спросъ на наемный трудъ былъ тогда еще не великъ, и крестьянамъ нечего было дѣлать. Въ промышленности также, какъ и въ земледѣліи, господствовалъ трудъ рабовъ. Безземельные крестьяне стекались въ крупные города, гдѣ они вмѣстѣ съ вольноотпущенными рабами образовывали низшій слой населенія.

Но пока существовала демократическая республика, массовая бѣдность не была еще массовой нищетой. Потерявъ все, народъ сохранилъ свою политическую силу и отлично умѣлъ пользоваться ею, эксплуатируя различнѣйшимъ образомъ богатыя и платившія дань покоренныя области.

Политическая сила давала имъ не только хлѣбъ и зрѣлища, но иногда также и средства производства, поземельную собственность. Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ существованія римской республики, непрерывно происходили попытки создать новое крестьянство путемъ надѣленія пролетаріевъ крестьянскими надѣлами. Но всѣ эти попытки остановить ходъ экономическаго развитія были безуспѣшны. Онѣ разбивались о политическое и экономическое превосходство крупныхъ землевладѣльцевъ, по мѣрѣ силъ мѣшавшихъ проведенію этихъ попытокъ; если же онѣ и удавались, то земледѣльцы быстро вытѣсняли вновь созданныхъ крестьянъ и скупали ихъ земли. Съ другой стороны эти попытки разбивались также и объ испорченность босяцкаго пролетаріата, не желавшаго уже работать и предпочитавшаго увеселенія столицы, бѣдной, полной труда и заботъ жизни мелкаго крестьянина въ деревнѣ. Нерѣдко пролетаріи мѣшали осуществленію соціальныхъ реформъ, предпринимаемыхъ для ихъ же пользы, быстро растрачивая надѣленныя имъ имѣнія или продавая свою политическую силу богатымъ, крупнымъ землевладѣльцамъ, и направляя ее противъ соціальныхъ реформаторовъ.

Важнѣйшія изъ этихъ попытокъ соціальной реформы были начаты и происходили подъ руководствомъ двухъ Гракховъ, Тиверія Семпронія Гракха (род. 163, убитъ своими противниками-аристократами въ 133 г. до нач. нашего лѣтосчисленія) и болѣе рѣшительнаго и радикальнаго Кая Семпронія Гракха, род. въ 153 году, продолжавшаго дѣло своего старшаго брата, но такъ же какъ и послѣдній, павшаго жертвой ненависти владѣльцевъ латифундій. Гракховъ называли коммунистами, но это совсѣмъ не вѣрно. Они стремились не къ уничтоженію частной собственности, а къ созданію новыхъ собственниковъ, къ возстановленію сильнаго крестьянства, какъ наиболѣе прочной основы частной собственности.

Здѣсь они дѣйствовали совершенно согласно съ экономическими условіями своей эпохи. Правда, тогда не только крупное землевладѣніе вытѣснило мелкое,

но и крупное производство — мелкое. Однако, это происходило не вслѣдствіе техническаго и экономическаго превосходства перваго надъ вторымъ, а вслѣдствіе необычайной дешевизны употребляемой рабочей силы — рабовъ.

Безпрерывныя войны выбрасывали на рынокъ многочисленныхъ военноплѣнныхъ, продававшихся въ рабство. Многія войны римлянъ были вызваны именно потребностью крупныхъ землевладѣльцевъ въ дешевыхъ рабахъ; это была просто охота на рабовъ.

Накоплялись огромныя массы рабовъ, поэтому неудивительно, что цѣны на нихъ сильно упали. Уже въ Аѳинахъ рабство, вслѣдствіе подобныхъ же условій, было сильно развито. Около 300 года до нач. наш. лѣт. въ Аѳинахъ на 21.000 гражданъ насчитывали 400.000 рабовъ. Объ Эсхилѣ въ доказательство его необыкновенной бѣдности разсказываютъ, что онъ имѣлъ только семь рабовъ. Въ Римѣ злоупотребленія рабами сдѣлались еще хуже. Римскій полководецъ Лукуллъ (во второй половинѣ перваго вѣка до Р. Х.) продалъ въ рабство военноплѣнныхъ по три марки (на нѣмецкія деньги) за штуку!

Теперь стало выгоднымъ скупать большія партіи рабовъ — богатые римляне имѣли ихъ цѣлыя тысячи — и заставлять ихъ работать совмѣстно. Вмѣсто небольшихъ предпріятій устраивались большія плантаціи и, какъ ихъ называютъ, фабрики. Но такое названіе крупныхъ промышленныхъ предпріятій грековъ и римлянъ неточно. Эти предпріятія имѣли совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ современныя мануфактуры и фабрики; ихъ нельзя противополагать мелкимъ предпріятіямъ. Крупныя промышленныя предпріятія, основанныя на рабскомъ трудѣ, нельзя сравнивать съ фабриками, если же непремѣнно хотятъ привести для сравненія современное явленіе, то ихъ можно сравнить только съ тюремными работами.

Никто не станетъ утверждать, что послѣднія представляютъ высшій способъ производства въ сравненіи съ свободнымъ ремесломъ. Рабскій трудъ, особенно въ сельскомъ хозяйствѣ, былъ до крайности грубъ и непроизводителенъ [1]);

---

[1]) Марксъ, въ „Капиталѣ“ въ примѣчаніи о рабскомъ трудѣ, говоритъ: „Работникъ отличается здѣсь, по очень удачному выраженію древнихъ, лишь какъ instrumentum vocale (орудіе, способное выражать свои чувства словами), отъ животнаго какъ instrumentum semivocale (орудіе, способное выражать свое внутреннее состояніе лишь очень несовершенно) и отъ неодушевленныхъ орудій труда какъ instrumentum mutum (нѣмое орудіе). Но зато онъ самъ старается дать почувствовать и животнымъ и орудіямъ труда, что не есть существо имъ подобное, а человѣкъ. Обращаясь съ ними дурно и истребляя ихъ con amore онъ какъ бы доказываетъ этимъ свое отличіе отъ нихъ и доставляетъ такимъ образомъ нѣкоторое удовлетвореніе чувству собственнаго достоинства. Поэтому при такомъ способѣ производства получаетъ значеніе настоящаго экономическаго принципа употребленіе самыхъ грубыхъ, самыхъ неуклюжихъ орудій труда, такъ какъ подобныя орудія въ силу самой своей неуклюжести очень трудно подвергаются порчѣ и разрушенію“ (К. Марксъ. Капиталъ I, 2-е изд. СПБ. 1899, стр. 150, прим. 17).

Можно сравнить съ этимъ слѣдующее мнѣніе, найденное нами въ „Etudes sur l'economie politique“ (Paris, 1837) Сисмонди. Онъ тамъ даетъ большой отрывокъ изъ сочиненій III. Конта о рабствѣ и между прочимъ говоритъ: „Наши современные рабы неспособны ни къ какой работѣ, требующей интеллигентности, вкуса и тщательности. Прекрасныя работы римской древности изготовлялись, вѣроятно, людьми, достигшими своей промышленной ловкости, когда они еще были свободными и попавшими въ рабство лишь благодаря войнѣ. Какъ только римляне покорили всѣ промышленныя націи, такъ что

въ крупныхъ предпріятіяхъ отдѣльный рабъ производилъ гораздо меньше, чѣмъ свободный рабочій въ мелкомъ предпріятіи. Если производство въ крупныхъ предпріятіяхъ все-таки было дешевле, это происходило лишь оттого, что рабы почти ничего не стоили, и оттого, что, при дешевизнѣ и многочисленности рабовъ, не было необходимости беречь или хорошо кормить и одѣвать ихъ. О ихъ гибели не заботились — матеріала для замѣщенія погибшихъ было достаточно.

Отсюда ясно, что вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ основывалось въ Римѣ на совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ нынѣшнее однородное явленіе. Не было еще условій, необходимыхъ для возникновенія болѣе совершеннаго способа производства, чѣмъ мелкія предпріятія (въ земледѣліи и ремеслѣ), т.-е. общественнаго (genossenchaftlich). Поэтому, если Гракхи, какъ представители интересовъ пролетаріата, отнюдь не были коммунистами, то это вполнѣ соотвѣтствовало существовавшимъ тогда экономическимъ условіямъ.

То же, что было сказано о Гракхахъ, можно сказать и о Катилинѣ (род. въ 108 до нач. наш. лѣт.), онъ былъ вождемъ заговора противъ господства римскимъ землевладѣльцевъ; когда всѣ попытки его партіи захватить политическую власть въ свои руки оказались безуспѣшными, онъ и его сторонники были принуждены къ открытому возстанію и пали въ геройской борьбѣ съ несравненно болѣе сильными противниками (62 г. до нач. наш. лѣт.). Его также окрестили коммунистомъ (Моммзенъ даже «анархистомъ»), но совершенно неосновательно. Катилина, также какъ и Гракхи, вовсе не стремился къ уничтоженію частной собственности, ко введенію коммунистическаго строя общества. Онъ добивался захвата и политической власти черезъ посредство неимущихъ, чтобы сдѣлать ихъ имущими.

Мышленіе пролетаріевъ и ихъ друзей получило иное направленіе, когда политическая жизнь замерла: неимущіе нравственно и политически пали такъ же низко, какъ имущіе, когда демократія сдѣлалась такой же шаткой, какъ аристократія и когда была подготовлена почва для появленія самодержца, императора, повелителя наемнаго войска и для зачатковъ бюрократіи.

Вмѣстѣ съ политической силой изсякъ важнѣйшій, вѣрнѣе единственный источникъ доходовъ античнаго пролетарія. Теперь бѣдность означала также нищету. Бѣдность массъ вызвала въ римскомъ обществѣ ужасныя, неизвѣстныя дотолѣ явленія. Пауперизмъ, бѣдность и нищета массъ сдѣлались важнѣйшимъ соціальнымъ вопросомъ, вопросомъ все настоятельнѣе требовавшимъ разрѣшенія, ибо соціальное развитіе шло своимъ путемъ, средніе слои исчезали все болѣе и болѣе, богатые становились все богаче, число неимущихъ возрастало.

Но не одинъ только этотъ соціальный вопросъ волновалъ общество римскаго государства. Упадокъ свободнаго крестьянства, поведшій къ цезаристскому абсолютизму, явился предтечей экономическаго упадка всего общества.

могли брать рабовъ лишь у варваровъ, искусства и всѣ роды промышленности быстро пришли въ упадокъ и сами римляне сдѣлались варварами.

„Но рабство развращаетъ не только порабощенныхъ, но и свободныхъ, такъ какъ оно воспитываетъ презрѣніе къ промышленному труду, все болѣе и болѣе отвращающее бѣдныхъ свободныхъ людей отъ послѣдняго. Положеніе пролетаріевъ въ римской республикѣ, удерживаемыхъ отъ всякаго труда частью презрѣніемъ къ нему, частью конкуренціей рабовъ, есть замѣчательный и ужасающій примѣръ, въ какой упадокъ и нищету рабство ввергаетъ тотъ слой народа, который не есть ни хозяинъ, ни батракъ“. (I, стр. 382—393).

Szkoła Partyjna
przy K. C. P. Z. P. R.
BIBLIOTEKA
Nr.

Еще прежде чѣмъ римское общество оказалось несостоятельнымъ политически, оно деморализовалось въ военномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ крестьянами исчезли воины ополченія. Ихъ мѣсто заняло наемное войско, самая крѣпкая опора деспотизма. Но это войско, непобѣдимое внутри государства, вскорѣ лишь съ трудомъ могло отражать внѣшнихъ враговъ, особенно германцевъ, становившихся все смѣлѣе, въ то время какъ римское войско падало все ниже и ниже.

Это обстоятельство имѣло чрезвычайно важныя экономическія послѣдствія. Завоевательныя войны предпринимались рѣже, безпрерывная война, происходившая на границахъ, все болѣе и болѣе принимала характеръ чисто оборонительной, результатомъ которой было гораздо больше потерь солдатъ, чѣмъ добычи военнопленныхъ. Привозъ рабовъ становился мало-по-малу все незначительнѣе. Но съ прекращеніемъ обильнаго привоза рабовъ пала основа тогдашняго крупнаго производства, особенно въ земледѣліи. Рабство вообще не исчезло, но оно все замѣтнѣе дѣлалось роскошью.

Это однако не означало возврата къ свободному крестьянству и ремеслу. Промышленность большею частью осталась въ рукахъ рабовъ. Сокращеніе привоза рабовъ лишь изрѣдка вело къ возникновенію свободнаго, сильнаго ремесла, обыкновенно же благодаря ему промышленность падала и исчезала. Не лучше дѣло шло въ сельскомъ хозяйствѣ. Свободные крестьяне были обездолены и уничтожены рабскимъ хозяйствомъ, и тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство въ римскомъ государствѣ исчезло, оно уже не могло укорениться снова. Хотя крупныя предпріятія становились все невыгоднѣе, но крупное землевладѣніе сохранилось, и даже расширилось, ибо оно все-таки вѣрнѣе могло противустоять хищническимъ аппетитамъ императорскихъ чиновниковъ и опустошеніямъ, причиняемымъ главнымъ образомъ несчастными войнами, чѣмъ мелкіе землевладѣльцы.

Но въ концѣ концовъ оно не могло уже поддерживать крупнаго производства. Послѣднее суживалось все болѣе и болѣе, и о бокъ съ нимъ начала развиваться система раздѣленія большихъ имѣній цѣликомъ или частью на небольшіе участки и отдачи ихъ въ аренду за опредѣленныя повинности и отработокъ. Отдавались они такъ называемымъ колонамъ, которыхъ, особенно въ позднѣйшіе вѣка имперіи, старались по возможности тѣснѣе прикрѣпить къ землѣ; они были предшественниками средневѣковыхъ крѣпостныхъ (Hörige).

Причиной этого прикрѣпленія было быстрое уменьшеніе рабочихъ силъ въ государствѣ. За исключеніемъ немногихъ богачей и относительно небольшого числа свободныхъ, самостоятельныхъ работниковъ въ жалкихъ остаткахъ крестьянскаго хозяйства и ремесла, масса населенія состояла изъ босяцкаго пролетаріата и рабовъ. Не имѣя настоящей семьи и живя большею частью въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи давать достаточный приростъ населенія. Многочисленныя, неудачныя войны еще увеличивали дефицитъ въ людяхъ. Населеніе замѣтно убывало. Чтобы имѣть колоновъ и солдатъ, господствующіе классы Рима все чаще бывали вынуждены привлекать въ государство иностранцевъ, варваровъ, такъ что въ концѣ концовъ военное и промышленное сословія страны состояли преимущественно изъ пришлыхъ иностранцевъ и ихъ потомковъ.

Но этого было недостаточно для возмѣщенія убыли населенія; приходилось пользоваться все болѣе грубыми и некультурными элементами.

Римская культура могла достигнуть своей высоты лишь благодаря быв-

шему въ ея распоряженіи изобилію рабочей силы, тратившейся ею безъ разсчета. Уничтожилось изобиліе рабочей силы, — исчезло и изобиліе продуктовъ. Сельское хозяйство и промышленность падали, становились все болѣе грубыми и варварскими. А затѣмъ пришли въ упадокъ искусство и наука.

Этотъ соціальный упадокъ совершался въ теченіе длиннаго промежутка времени. Прошло нѣсколько вѣковъ, пока Римъ спустился съ высоты гордаго величія, которую онъ занималъ при Августѣ и его первыхъ преемникахъ, до того жалкаго уровня, на которомъ онъ стоялъ въ началѣ переселенія народовъ. Но толчокъ къ упадку былъ уже данъ въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, и во многихъ чертахъ его тогда уже можно распознать. Съ этимъ упадкомъ и благодаря ему выросла новая соціальная сила, спасшая во всеобщемъ крушеніи все, что можно было спасти и передавшая наконецъ остатки римской культуры германцамъ, гдѣ и положила начало новой высшей культуры. Силой этой было христіанство.

II. Сущность древнехристіанскаго коммунизма.

Какъ во времена упадка Греціи, такъ и теперь, въ эпоху римской имперіи, всѣ мыслящіе и сочувствующіе своимъ страждущимъ братьямъ люди чувствовали себя принужденными искать выхода изъ ужаснаго положенія, въ которомъ находилось общество.

Вопросъ объ этомъ выходѣ разрѣшался различнѣйшими способами. Воскресили также и платоновскій идеалъ, но теперь онъ могъ имѣть еще меньше вліянія, чѣмъ въ эпоху своего возникновенія. Правда, неоплатоникъ Плотинъ (въ третьемъ вѣкѣ наш. лѣт.) настолько сумѣлъ завоевать симпатіи высшихъ классовъ, даже императора Галліена и его супруги Салонины, что могъ надѣяться основать при ихъ помощи городъ по образцу платоновской общины. Но этотъ салонный коммунизмъ моднаго философа былъ просто одной изъ множества забавъ, помогавшихъ высокопоставленнымъ бездѣльникамъ убивать время. Не было сдѣлано даже попытки осуществить этотъ планъ, кромѣ впрочемъ изобрѣтенія имени для будущей колоніи — Platonopolis — Платоноградъ.

Государственная власть повсюду встрѣчала недовѣріе и равнодушіе, разложеніе соціальнаго организма дошло до такой степени, что отъ смертнаго, хотя бы могущественнѣйшаго изъ императоровъ, нельзя было ожидать, что ему удастся вдохнуть въ него новую жизнь. Только сверхчеловѣческая сила, только чудо могли сдѣлать это.

Кто не вѣрилъ въ чудо — впадалъ въ унылый пессимизмъ или оглушалъ себя безсмысленными наслажденіями. Но изъ символическихъ энтузіастовъ, неспособныхъ ни на то, ни на другое, многіе начали вѣрить въ чудо. Чаще всего это случалось среди энтузіастовъ изъ низшихъ слоевъ народа. Они сильнѣе всего чувствовали всеобщій упадокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли возможности одурманиваться наслажденіями и не чувствовали также похмелья, часто слѣдующаго за одурманиваніемъ и легко создающаго пессимизмъ. Въ ихъ именно средѣ прежде всего и возникла идея, что въ скоромъ времени съ небесъ сойдетъ Спаситель и создастъ на землѣ славное царство, въ которомъ не будетъ ни войны,

ни бѣдности, гдѣ будутъ господствовать миръ, радость, изобиліе и безконечное блаженство. Спаситель былъ помазанникъ Божій—Христосъ [1]).

Разъ возможность чуда была допущена—всѣ границы фантазіи рушились, и всякій изъ вѣрующихъ могъ представлять себѣ грядущее царство какъ можно прекраснѣе. Не только общество, вся природа должна была измѣниться, все вредное должно было исчезнуть изъ нея, всѣ наслажденія, доставляемыя ею, должны были, безмѣрно увеличившись, радовать людей [2]).

Первымъ христіанскимъ сочиненіемъ, въ которомъ высказываются подобныя ожиданія, было такъ называемое «Откровеніе Іоанна», Апокалипсисъ, написанный, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Нерона и возвѣщающій, что въ ближайшемъ будущемъ начнется страшная борьба между возвратившимся Нерономъ—антихристомъ и возвратившимся Христомъ, борьба, въ которой будетъ участвовать вся природа. Христосъ выйдетъ изъ этой новой борьбы побѣдителемъ. Онъ сдѣлается основателемъ тысячелѣтняго царствія, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ будутъ царствовать благочестивые и гдѣ смерть не будетъ имѣть власти надъ ними. Но мало того, послѣ окончанія этого царства, возникнетъ новое небо и новая земля, а на этой землѣ новый Іерусалимъ, жилище блаженства.

Тысячелѣтнее царствіе—государство будущаго древнихъ христіанъ; отсюда названіе хиліастическихъ [3]) для всѣхъ, возникающихъ въ христіанскихъ сектахъ, преувеличенныхъ ожиданій возникновенія новаго общества.

Опираясь на апокалипсисъ, многіе христіанскіе учители первыхъ вѣковъ христіанства высказывали хиліастическія надежды, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Иріней (во второмъ вѣкѣ) и даже еще Лактанцій (около 320 года наш. лѣт.), описывали будущій рай на землѣ очень подробно и въ самыхъ яркихъ чувственныхъ краскахъ. Только когда условія жизни христіанства совершенно измѣнились, когда оно перестало быть религіей однихъ лишь несчастныхъ и угнетенныхъ пролетаріевъ, рабовъ и ихъ друзей, когда оно сдѣлалось также религіей сильныхъ и богатыхъ, тогда хиліазмъ мало-по-малу пересталъ пользоваться благосклонностью оффиціальной церкви, такъ какъ онъ всегда имѣлъ революціонный оттѣнокъ, всегда былъ какъ бы пророчествомъ грядущей гибели существующаго общества.

Во второй половинѣ четвертаго вѣка и первой половинѣ пятаго св. Августинъ (ум. 430) впервые выступилъ рѣшительнымъ противникомъ неудобнаго ученія и разбивалъ его цѣлымъ рядомъ сложныхъ толкованій апокалипсиса. Съ тѣхъ поръ хиліазмъ стали считать «ересью». Оффиціальная церковь перемѣстила грядущее царствіе блаженства на небеса.

Хиліастическія ожиданія — одинъ изъ наиболѣе выдающихся признаковъ древнехристіанской духовной жизни. Но предположеніе, что древнее христіанство черпало существеннѣйшую часть своего могущества въ хиліазмѣ, было бы такъ же ошибочно, какъ мнѣніе, что сила современной соціалъ-демократіи основывается на обѣщаніи какого-то «государства будущаго».

Древнее христіанство сдѣлалось непобѣдимымъ для повелителей своей эпохи

---

[1]) Christos по-гречески означаетъ помазанный.

[2]) Въ своей „Kritische Geschichte des Chiliasmus“ (Франкфуртъ, 1781 г.). Корроди не только описываетъ подробно, но даже критикуетъ странныя порожденія этихъ фантазій!

[3]) Chilias по-гречески значитъ тысяча.

тѣмъ, что оно стало необходимымъ для массы населенія. Побѣдѣ его способствовали не благочестивыя мечты, а практическое вліяніе.

Это практическое вліяніе мы и разсмотримъ теперь.

Великимъ соціальнымъ вопросомъ временъ имперіи былъ, какъ мы уже видѣли, пауперизмъ. Всѣ попытки государства противодѣйствовать ему оказывались безуспѣшными. Многіе императоры и частныя лица старались справиться съ нимъ при помощи благотворительныхъ учрежденій. Но все дѣлалось въ очень недостаточныхъ размѣрахъ; это были капли, падавшія на раскаленный камень, а къ тому же жадная римская бюрократія была не особенно хорошимъ управляющимъ въ подобныхъ учрежденіяхъ.

Пессимисты и люди, искавшіе лишь наслажденій, дѣлали противъ пауперизма то же, что они дѣлали противъ другихъ золъ въ государствѣ и обществѣ, т.-е. ровно ничего. Они объявляли, что фактъ существованія подобныхъ условій очень грустенъ, но что они неизбѣжны и что философы не должны бороться противъ неизбѣжнаго.

Не такъ поступали сангвиники-энтузіасты и пролетаріи, чувствовавшіе эти ужасныя условія на своей собственной шкурѣ. Они не могли смотрѣть на нихъ спокойно; они должны были стремиться къ тому, чтобы положить имъ конецъ. Нуждающимся нельзя было помочь преувеличенными мечтами о блаженствѣ, которое Мессія принесетъ съ небесъ. Тѣ же самые слои, въ которыхъ возникъ хиліазмъ, явились также и почвой для энергическихъ попытокъ одолѣть существующую нищету. Попытки эти должны были имѣть совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ попытки Гракховъ. Послѣдніе обращались къ государству, они хотѣли, чтобы пролетаріатъ захватилъ политическую власть и воспользовался ею. Теперь же всякое политическое движеніе прекратилось, и государственная власть не пользовалась никакимъ кредитомъ. Не при помощи государства, а помимо него, при помощи особенныхъ, совершенно независимыхъ отъ него организацій, новые соціальные реформаторы хотѣли преобразовать общество.

Еще важнѣе было другое различіе. Движеніе Гракховъ было полу-крестьянское; оно опиралось не только на городскихъ пролетаріевъ, но также и на обнищавшихъ крестьянъ. Оно хотѣло и первыхъ также сдѣлать крестьянами. Городской пролетаріатъ не порвалъ еще своей связи съ крестьянствомъ.

Въ эпоху имперіи городъ и деревня уже совершенно отдѣлились одинъ отъ другой. Городское и сельское населеніе представляли двѣ націи, переставшія понимать другъ друга. Христіанское движеніе было въ началѣ исключительно городскимъ движеніемъ, такъ что крестьянинъ и не-христіанинъ сдѣлались однозначущими понятіями [1]).

Здѣсь-то и коренится различіе между соціальной реформой Гракховъ и соціальной реформой христіанъ. Первая имѣла цѣлью замѣнить плантаторское и пастбищное хозяйство крестьянскимъ; существующаго распредѣленія собственности она касалась лишь для того, чтобы проложить путь къ реформѣ способа производства. Но именно поэтому она, какъ мы видѣли, неизбѣжно должна была признавать частную собственность (на средства производства).

Направленіе древняго христіанства опредѣлялось въ началѣ столичнымъ

---

[1]) Слово Paganus (сельскій житель) христіане впослѣдствіи стали употреблять для обозначенія „язычника“.

босяцкимъ пролетаріатомъ, отвыкшимъ отъ труда. Этимъ элементамъ производство казалось довольно безразличною вещью; ихъ идеаломъ были птицы небесныя, не сѣющія, не жнущія, а сыты бывающія. Стремясь къ иному распредѣленію собственности, они имѣли въ виду не средства производства, а средства потребленія. Коммунизмъ потребленія вовсе не былъ чѣмъ-либо неслыханнымъ для босяцкаго пролетаріата того времени. Въ послѣднія времена республики періодическія общественныя кормленія огромныхъ массъ нуждающихся и раздача имъ средствъ пропитанія сдѣлались обычнымъ явленіемъ; происходили они еще и въ первыя времена имперіи: что могло быть естественнѣе стремленія привести эти кормленія и раздачи въ систему, добиться правильнаго коммунизма наличныхъ средствъ потребленія, отчасти путемъ равномѣрнаго распредѣленія, отчасти же путемъ общаго пользованія ими.

Возникли не только коммунистическія идеи въ этомъ духѣ, но вскорѣ даже коммунистическія общины для ихъ осуществленія. Впервые онѣ появились на востокѣ, наиболѣе ушедшемъ впередъ въ экономическомъ отношеніи, особенно же среди евреевъ, которые еще до появленія христіанства питали апокалипсическія надежды и у которыхъ уже около 100 года до нач. наш. лѣт. существовалъ тайный коммунистическій союзъ ессеевъ.

«Богатство они ставятъ ни во что, говоритъ о нихъ Іосифъ, и напротивъ очень хвалятъ общность имущества; между ними нѣтъ ни одного болѣе богатаго, чѣмъ прочіе. У нихъ есть законъ, по которому всѣ желающіе поступить въ ихъ орденъ, должны отдавать свое имущество для общаго пользованія. поэтому у нихъ не замѣтно ни достатка, ни излишества, но у нихъ все общее какъ у братьевъ... Они не живутъ всѣ вмѣстѣ въ одномъ городѣ, но у нихъ во всѣхъ городахъ есть свои особенные дома, и когда члены ихъ ордена приходятъ къ нимъ изъ другихъ мѣстъ, они дѣлятся съ ними своимъ имѣніемъ, и пришельцы могутъ пользоваться имъ, какъ своимъ собственнымъ. Не будучи совсѣмъ знакомыми, они безъ дальнихъ околичностей останавливаются одинъ у другого и ведутъ себя такъ, словно они всю жизнь были въ тѣснѣйшихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Путешествуя, они берутъ съ собою только оружіе для защиты отъ разбойниковъ. Въ каждомъ городѣ у нихъ есть завѣдующій, раздающій странникамъ одежду и пищу... Они не торгуютъ между собою, но если кто-либо даетъ нуждающемуся то, что ему нужно, то и отъ него получаетъ необходимое. Если онъ даже самъ не въ состояніи что-либо дать, то все-таки смѣло можетъ просить у всякаго о томъ, что ему нужно» [1]).

Совершенно такъ же были организованы первыя христіанскія общины. Играло ли здѣсь роль сознательное подражаніе и какъ велико было его значеніе, это еще не выяснено. Сходство однихъ съ другими могло возникнуть, вслѣдствіе одинаковости условій, при которыхъ они выросли. Во всякомъ случаѣ христіанскія общины быстро опередили ессеевъ въ одномъ отношеніи: онѣ были интернаціональны, соотвѣтственно интернаціональности великой римской имперіи, а это имѣло большое значеніе. Ессеи крѣпко держались еврейства. Они остались небольшой сектой и едва ли насчитывали когда-либо болѣе 4.000 членовъ. Христіанство же завоевало римскую имперію.

Сначала христіане очень стремились ко введенію полнаго коммунизма.

---

[1]) Іосифъ, Исторія еврейской войны, II книга, 8, 3, 4.

Іисусъ въ евангеліи Матѳея (19,21) говоритъ богатому юношѣ: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ» [1]). Въ дѣяніяхъ апостольскихъ (4,32,34) первая община въ Іерусалимѣ описывается слѣдующимъ образомъ: «никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду». Какъ извѣстно, Богъ покаралъ Ананія и Сапфиру смертью за то, что они хотѣли утаить часть своихъ денегъ отъ общины [2]).

Практически этотъ родъ коммунизма сводился къ превращенію всѣхъ средствъ производства въ средства потребленія и къ раздачѣ ихъ бѣднымъ; если бы это получило всеобщее примѣненіе, то положило бы конецъ всякому производству. Какъ бы мало первые христіане, въ качествѣ нищихъ философовъ, ни заботились о производствѣ, на такомъ основаніи нельзя было бы построить прочнаго большого общества.

Тогдашнее состояніе производства обусловливало существованіе частной собственности на средства производства, и первые христіане не могли одолѣть этого препятствія [3]). Поэтому они должны были стараться сочетать частную собственность съ коммунизмомъ. Но при этомъ они не могли слѣдовать примѣру Платона, сдѣлавшаго коммунизмъ привилегіей аристократіи и сохранившаго частную собственность для массы народа. Теперь именно послѣдняя нуждалась въ коммунизмѣ.

Сочетаніе коммунизма и частной собственности совершилось такъ, что всѣ сохраняли право собственности на средства производства, и требовался только коммунизмъ потребленія и пользованія средствами къ жизни.

Конечно, въ теоріи этого различія не существовало, тогда не было такихъ рѣзкихъ разграниченій въ экономическихъ понятіяхъ. Но практика сводилась именно къ этому разграниченію, и только при его помощи можно понять кажущееся противорѣчіе въ ученіи церкви, которая въ первые вѣка одновременно прославляетъ общность имущества и противится всякому фактическому посягательству на частную собственность.

Имущіе должны были сохранить и пользоваться принадлежавшими имъ средствами производства, особенно же землею; но всѣ средства потребленія, принадлежавшія имъ, или пріобрѣтаемыя ими: пища, одежда, жилища и деньги для покупки ихъ, должны предоставляться въ распоряженіе христіанской общины. «Слѣдовательно, общность имущества была только общностью пользованія. По братскому соглашенію каждый христіанинъ имѣлъ право на имущество всѣхъ членовъ всей общины и, въ случаѣ надобности, онъ могъ требовать, чтобы имущіе члены общины удѣлили ему своего имѣнія столько, сколько нужно было для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей. Каждый христіанинъ могъ пользоваться имуществомъ своихъ братьевъ, и богатые не имѣли права отказывать своимъ нуж-

[1]) Ср. Марка 10, 21; Луки 12, 33; 18, 21.

[2]) Важно также слѣдующее мѣсто въ Дѣян. Апост.: 2, 44, 45.

[3]) Монастыри были исключительнымъ явленіемъ, монастырская организація не могла сдѣлаться постоянной формой общества. Но и въ монастыряхъ общность потребленія играла главную роль, производство стояло на второмъ планѣ. Мы еще поговоримъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

дающимся братьямъ въ пользованіи и употребленіи своего имущества. Такъ, напр., христіанинъ не имѣющій жилища, могъ требовать помѣщенія у другого, имѣющаго два или три дома; однако, послѣдній все-таки оставался ихъ владѣльцемъ. Но благодаря коммунизму пользованія, онъ долженъ былъ передать одинъ изъ нихъ въ пользованіе другого [1]).

Тѣ средства къ жизни, которыя можно было перевозить, а также и деньги свозились въ одно мѣсто, и для раздачи ихъ выбирались особые общинные чиновники.

Полный коммунизмъ первоначальнаго христіанства былъ нарушенъ, хотя и частичнымъ признаніемъ частной собственности. Ему однако пришлось испытать еще болѣе сильныя ограниченія.

Мы уже видѣли при разсмотрѣніи платоновскаго государства, что коммунизмъ потребленія очень тѣсно связанъ съ упраздненіемъ семьи и единобрачія. Достигнуть этого можно двумя путями: введеніемъ общности женъ и дѣтей или отказомъ отъ половыхъ сношеній, безбрачіемъ. Платонъ избралъ первый путь, ессеи послѣдній. Они поклонялись безбрачію. Христіанство со своими первоначальными радикально-коммунистическими стремленіями также пыталось упразднить семью и бракъ; попытки эти носили аскетическій характеръ, наиболѣе соотвѣтствовавшій пессимистическому настроенію этой эпохи. Но существовали также христіанскія секты, проповѣдывавшія и практиковавшія болѣе жизнерадостную форму упраздненія семьи и брака, такъ, напр., адамиты, гностическая секта второго вѣка.

Въ евангеліи Матѳея (19,29) Христосъ говоритъ: «и всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную». А въ евангеліи Луки Христосъ восклицаетъ: «Если кто приходитъ ко мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены и дѣтей, и братьевъ и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ» (14,26) [2]).

Всѣмъ древнехристіанскимъ общинамъ присуще стремленіе, хотя бы до извѣстной степени, упразднить семейную жизнь. Отсюда установленіе, что ежедневныя трапезы должны быть общими. (Ср. Дѣянія ап. 2,46). Эти трапезы любви соотвѣтствовали общественнымъ трапезамъ, сисситіямъ спартанцевъ и платоновскаго государства [3]). Онѣ были естественнымъ слѣдствіемъ коммунизма средствъ потребленія.

Однако христіанство, какъ мы уже говорили выше, не могло уничтожить мелкаго производства и частной собственности на средства производства. А съ ними неизбѣжно связана семья, не только какъ форма сожительства мужа съ женою, родителей съ дѣтьми, но и какъ хозяйственная единица. Такъ такъ христіанство не могло дать новаго способа производства, то ему не удалось также уничтожить прежнюю форму семьи, хотя она сильно противорѣчила коммунизму потребленія. Характеръ общества опредѣляется главнымъ образомъ не способомъ

---

[1]) И. А. Фогель, Alterthümer der ersten und ältesten Christen. Гамбургъ. 1780, стр. 47.

[2]) Ср. также Матѳ. 10,37—12,46 и д.; Марка 3,31 и до 10,29. Луки 8,20, 8,29.

[3]) Если бы мы могли вѣрить Даумеру (Die Geheimniss des christlichen Alterthums. Гамбургъ 1847), то эти трапезы оказались бы не трапезами любви, а людоѣдствомъ.

потребленія, а способомъ производства. Желанное упраздненіе семьи и брака, также какъ и полный коммунизмъ было несогласимо съ распространеніемъ христіанства въ обществѣ. Оно всегда ограничивалось отдѣльными сектами и корпораціями. Ему не удалось достигнуть всеобщаго значенія.

III. Упадокъ древнехристіанскаго коммунизма.

Примирить противорѣчіе между семьею и коммунизмомъ потребленія и пользованія могъ только необыкновенный энтузіазмъ. Онъ и былъ на лицо въ первыхъ христіанскихъ общинахъ. Но чѣмъ многочисленнѣе становились христіане, тѣмъ меньше дѣлалось, въ сравненіи съ общимъ числомъ, число необыкновенно одаренныхъ натуръ въ ихъ средѣ. А соціальныя условія погибающаго Рима возбуждали въ обыкновенныхъ, среднихъ людяхъ все другое, но не дѣятельную преданность. Въ этомъ отношеніи ни одинъ классъ не представлялъ исключенія.

Поэтому въ христіанскихъ общинахъ семья очень быстро вытѣснила коммунизмъ средствъ потребленія. Домашнія трапезы сдѣлались правиломъ, общественныя все болѣе ограничивались праздничными случаями. Въ такомъ ограниченномъ видѣ онѣ просуществовали первые вѣка христіанства, а затѣмъ пришли въ полный упадокъ, превратились въ кормленія бѣдныхъ, устраиваемыя время отъ времени богачами, не принимавшими въ нихъ личнаго участія.

Забота о семьѣ снова выступила на первый планъ; лишь то, что ей не было нужно, принадлежало общинѣ, церкви. Общее пользованіе имуществомъ всѣхъ членовъ свелось къ передачѣ избытковъ отдѣльныхъ лицъ въ кассу общины. Излишекъ дохода надъ необходимымъ, пріобрѣтаемый каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, надлежало отдавать церкви. Такую форму принялъ вскорѣ на практикѣ христіанскій коммунизмъ.

Но такъ какъ соціальныя условія временъ имперіи, сдѣлавшія невозможнымъ фактическое проведеніе коммунизма, благопріятствовали въ то же время возникновенію коммунистическихъ идей, то коммунистическія традиціи древняго христіанства сохранялись еще долгое время. Коммунистическія секты возникали все снова, и снова, и даже побѣдившая всѣ остальныя, католическая церковная организація въ теоріи долго еще оставалась коммунистической.

Отцы церкви такъ же, какъ и прежде громили богатство и неравенство. «Несчастные», восклицаетъ въ 4 вѣкѣ св. Василій по адресу богатыхъ, «какъ оправдаете вы себя передъ вѣчнымъ Судіею?... Вы возразите мнѣ: развѣ я не правъ, оставляя себѣ лишь свою собственность? Но я спрашиваю васъ, что называете вы вашей собственностью? Кто далъ вамъ ее. Вы поступаете какъ человѣкъ въ театрѣ, поспѣшившій занять всѣ мѣста, чтобы воспрепятствовать войти другимъ, взявъ для себя то, что принадлежитъ всѣмъ. Какъ же богатѣютъ богатые, если не путемъ завладѣнія вещами, принадлежащими всѣмъ? Если бы всякій бралъ лишь то, что нужно для поддержанія его жизни, и оставлялъ излишекъ другимъ, то не было бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ». Еще въ шестомъ вѣкѣ Григорій Великій писалъ: «Не отнимать у другихъ ихъ собственности— этого еще мало; нельзя считать себя невиннымъ, пока удерживаешь для себя блага, созданныя Богомъ для всѣхъ. Кто не даетъ другимъ своего имѣнія, тотъ

убійца и душегубецъ, онъ оставляетъ себѣ то, что могло бы служить для содержанія бѣдныхъ, а поэтому о немъ можно сказать, что онъ убиваетъ ежедневно столькихъ людей, сколько могло бы жить отъ его избытка. Дѣлясь съ нуждающимися, мы даемъ имъ не свое имущество, а принадлежащее имъ. Это не есть дѣло милосердія, но уплата долга» [1]).

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ свидѣтельствъ о коммунистическомъ характерѣ древняго христіанства находится въ сочиненіяхъ св. Іоанна Хризостома, т. е. Златоуста, названнаго такъ за его пламенное краснорѣчіе. Онъ родился въ 347 году въ Антіохіи и возвысился до сана константинопольскаго патріарха. Но смѣлость, съ которой онъ клеймилъ безнравственность столицы и особенно двора, послужила поводомъ къ изгнанію его императоромъ Аркадіемъ. Онъ умеръ изгнанникомъ въ 407 году (въ Арменіи).

Въ своей одиннадцатой гомиліи (проповѣди) о Дѣяніяхъ апостольскихъ, этотъ смѣлый человѣкъ касается коммунизма первыхъ христіанъ. Онъ цитируетъ слѣдующую фразу изъ Дѣяній апостольскихъ: «И великая благодать была на всѣхъ ихъ, не было между ними никого нуждающагося». А это, продолжаетъ онъ, происходило оттого, что «никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее».

«Благодать была на всѣхъ нихъ, ибо не было никого нуждающагося, т.-е. потому, что они давали такъ усердно, что никто не оставался бѣднымъ. Они давали не одну только часть, оставляя другую себѣ, и давали не такъ, какъ свою собственность. Они упразднили неравенство и жили въ изобиліи; и дѣлали они это похвальнѣйшимъ образомъ. Они не осмѣливались отдавать свои дары въ руки нуждающихся, не дарили они также съ высокомѣрной снисходительностью, но приносили свои дары къ стопамъ апостоловъ и дѣлали послѣднихъ повелителями и распредѣлителями даровъ. Все нужное бралось тогда изъ запасовъ общины, а не изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ дающіе не могли возгордиться.

«Если бы мы теперь сдѣлали то же самое, то всѣ мы, богатые и бѣдные, жили бы гораздо счастливѣе; и бѣдные выиграли бы отъ этого не больше, чѣмъ богатые... ибо дающіе не только не бѣднѣли, но обогащали бѣдныхъ.

«Представимъ себѣ дѣло такъ: всѣ передаютъ свое имущество въ общественную собственность. Пусть никто не тревожится объ этомъ, ни бѣдный, ни богатый. Сколько же думаете вы соберется денегъ? Я полагаю, утверждать это категорически, конечно, трудно, но если бы каждый далъ всѣ свои деньги, поля, помѣстья, дома (я не хочу говорить о рабахъ, первые христіане, вѣроятно, не имѣли ихъ потому что, должно быть, отпускали ихъ на волю), то собрался бы навѣрно милліонъ фунтовъ золота, и, пожалуй, даже вдвое и втрое больше. Скажите, сколько человѣкъ живутъ въ нашемъ городѣ (Константинополѣ)? Сколько въ немъ христіанъ? Не будетъ ли ихъ сотня тысячъ? А сколько язычниковъ и евреевъ? Сколько тысячъ фунтовъ золота должны здѣсь собраться! Сколько-жъ и насъ бѣдныхъ? Не думаю, чтобы ихъ было болѣе пятидесяти тысячъ. Сколько

[1]) Цитировано въ Histoire des idées socialistes avant la revolution francaise (Парижъ 1846 стр. 71.) Вильгарделля. Вильгарделль сопоставилъ массу отрывковъ сходнаго содержанія изъ сочиненій учителей церкви первыхъ вѣковъ. Къ сожалѣнію онъ не указываетъ изъ какихъ сочиненій взяты эти отрывки. Поэтому мы не могли провѣрить ихъ точности.

было бы нужно, чтобы кормить ихъ ежедневно? Если они будутъ ѣсть за общимъ столомъ, то расходы не могутъ быть особенно большими. Что же мы будемъ дѣлать съ нашею огромною казною? Думаешь ли ты, что она когда-нибудь можетъ истощиться? И не снизойдетъ ли на насъ благодать Божія въ тысячукратъ обильнѣе? Развѣ мы не превратимъ земли въ рай? Если это у трехъ или пяти тысячъ (первыхъ христіанъ) дало такіе блестящіе результаты и никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды, насколько лучше должно это удаться въ такой огромной массѣ? Вѣдь всякій изъ вновь прибывающихъ прибавитъ что-нибудь къ нашему богатству.

«Раздробленіе имущества является причиной излишней траты, а потому и бѣдности. Возьмемъ для примѣра семейство, состоящее изъ мужа, жены и десяти дѣтей. Она занимается ткачествомъ, онъ находитъ заработокъ на рынкѣ. Когда имъ нужно будетъ больше—если они будутъ жить вмѣстѣ, или же если разойдутся? Очевидно, если разойдутся. Если десять сыновей будутъ жить врозь, имъ нужно будетъ десять домовъ, десять столовъ, десять слугъ и все другое, умноженное въ той же мѣрѣ. Какъ поступаютъ съ рабами? Развѣ ихъ не заставляютъ ѣсть вмѣстѣ для того, чтобы избѣгнуть лишнихъ расходовъ? Раздробленіе ведетъ всегда къ расточенію, объединеніе къ сбереженію наличныхъ благъ. Такъ теперь живутъ въ монастыряхъ и такъ прежде жили вѣрующіе. Кто тогда умиралъ отъ голода? Кто не насыщался въ изобиліи? И все-таки люди боятся этого состоянія больше, чѣмъ прыжка въ безбрежное море. Если бы мы только сдѣлали попытку и смѣло взялись за дѣло! Сколько блага могло бы это принести. Если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ ничтожно, всего три—пять тысячъ, когда весь міръ относился къ намъ непріязненно и когда намъ негдѣ было искать утѣшенія, если тогда наши предшественники такъ рѣшительно взялись за дѣло—насколько больше увѣренности должны мы имѣть теперь, когда милостію Божіей повсюду есть вѣрующіе! Кто бы тогда еще захотѣлъ остаться язычникомъ? Я думаю никто. Мы привлекли бы на свою сторону всѣхъ, всѣ стали бы относиться къ намъ благосклонно» [1]).

Златоустъ кончаетъ свои разсужденія предположеніемъ осуществить его планъ.

Эта трезвая, чисто экономическая, лишенная всякой религіозной напыщенности проповѣдь, чрезвычайно интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Она ясно обрисовываетъ коммунизмъ древняго христіанства, традиціи котораго въ то время еще были живы; но она даетъ также ясно понять, что это былъ лишь коммунизмъ потребленія, а не коммунизмъ производства. Златоустъ старается склонить своихъ слушателей въ пользу коммунизма, доказывая имъ цифрами, насколько общее хозяйство экономнѣе раздробленія на многія хозяйства. Но о томъ, кто долженъ производить все нужное для этого коммунистическаго хозяйства, Златоустъ не говоритъ ни слова. Въ этой области все должно было остаться по старому.

Предложеніе Златоуста осталось неосуществленнымъ. Какъ далеко церковь уже удалилась отъ коммунистической сущности своего начала, онъ говоритъ и самъ: «люди боятся коммунизма больше, чѣмъ прыжка въ открытое море». Такъ

[1]) S. P. N. Ioanni Chrysostomi opera omnia quae exstant. Парижъ (Изданіе I. P. Migne'a, Patrologiae cursus completus). IX, стр. 96—98.

же ясно, какъ Злотоустъ, говорили и другіе учители церкви. Именно ихъ страстныя рѣчи противъ богачей, христіанскихъ богачей, доказываютъ, что со второго вѣка изъ церкви исчезало не только практическое примѣненіе коммунизма, но даже духъ его, чувство равенства и братства.

Опять оказалось, что матеріальныя условія сильнѣе идей и господствуютъ надъ ними. Церковь съ неотразимой силой влекло приспособить свое ученіе къ измѣнившимся, вслѣдствіе ея распространенія, условіямъ. Такъ какъ коммунистическія традиціи нельзя было уничтожить, то ихъ старались истолковать въ иномъ смыслѣ и примирить ихъ съ дѣйствительностью при помощи цѣлаго ряда софизмовъ, всегда находившихся подъ рукою у тогдашней философіи, болѣе мудрствовавшей, нежели изучавшей.

Съ тѣхъ поръ христіанство отказывается разрѣшить проблему бѣдности и уничтожить различіе между бѣдными и богатыми. Первые христіане утверждали, что ни одинъ богачъ не можетъ удостоиться царствія небеснаго, т.-е. не можетъ быть принятымъ въ ихъ общину, если не отдастъ всего своего имущества бѣднымъ, не сдѣлается самъ таковымъ, ибо только бѣдные удостоятся блаженства. Теперь же эти чисто матеріальныя условія были превращены въ духовныя.

«Церковь, говоритъ Рацингеръ въ своей «Geschichte der Kirchlichen Armenpflege» (Фрейбургъ въ Бав. 1860), характеризуя ходъ мыслей первыхъ учителей церкви о собственности: «церковь предназначалась только для бѣдныхъ, богатые были исключены изъ нея. Не требуется полнаго отказа отъ собственности, достаточно, если онъ (богачъ) отказывается отъ чрезмѣрнаго пользованія собственностью, отъ наслажденія ею, однимъ словомъ отъ любостяжанія... Богачъ также долженъ былъ оторвать свое сердце отъ всякаго земного блага; онъ долженъ былъ считать себя мажордомомъ Бога и владѣть такъ, какъ бы онъ вовсе не владѣлъ, онъ долженъ былъ тратить на свое содержаніе лишь самое необходимое, а все остальное, какъ вѣрный дворецкій Бога, долженъ былъ отдавать бѣднымъ».

Но бѣдный такъ же, какъ и богатый, не долженъ стремиться къ обладанію земными благами; ему слѣдуетъ быть довольнымъ своей судьбою и благодарно принимать крохи, бросаемыя ему богатымъ (стр. 9, 10).

Какъ мило онъ виляетъ! Богачъ долженъ былъ оторвать земныя блага уже не отъ себя самого, а только отъ своего сердца; онъ долженъ бы владѣть, какъ бы не владѣя. Такимъ то способомъ христіанство сумѣло изгладить слѣды своего коммунистическаго происхожденія.

Но даже въ такой смягченной формѣ христіанство еще въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ дѣлало многое для борьбы съ пауперизмомъ. Если ему и не удалось устранить его, то все-таки оно было организаціей, оказавшейся наиболѣе способной облегчить въ своемъ кругу нищету, выросшую на почвѣ пауперизма. Это послужило быть можетъ важнѣйшимъ рычагомъ его успѣха.

Однако чѣмъ христіанство становилось могущественнѣе, тѣмъ менѣе оно могло справиться съ соціальной проблемой своего времени, изъ которой оно черпало свою силу. Христіанство не только не было въ состояніи уничтожить классовыя различія, существовавшія при его возникновеніи, но, усиливаясь и обогащаясь, оно создавало новое классовое противорѣчіе: внутри церкви образовался господствующій классъ, духовенство, которому была подчинена масса народа, міръ.

Первоначально въ христіанскихъ общинахъ господствовало полное самоуправленіе. Стоявшіе во главѣ ихъ довѣренные люди, епископы и пресвитеры, выбирались членами общины изъ своего же круга и отдавали отчетъ общинѣ. Они не пользовались никакими преимуществами по своей должности.

Но когда отдѣльныя общины стали обширнѣе и богаче, труды, выпадавшіе на долю настоятелей, разрослись до того, что ихъ уже невозможно было совмѣстить съ другимъ занятіемъ. Появилось раздѣленіе труда; должности въ христіанскихъ общинахъ сдѣлались спеціальностями, требовавшими силы всего человѣка. Церковное имущество не могло уже тратиться исключительно на содержаніе бѣдныхъ; приходилось оплачивать расходы на завѣдываніе имъ, на зданія для общественныхъ собраній и на содержаніе общинныхъ должностныхъ лицъ.

Кто же составлялъ большинство общины? Босяцкій пролетаріатъ, а онъ никогда не былъ въ состояніи сохранить власть, предоставленную ему демократическимъ государственнымъ устройствомъ. Въ церкви онъ такъ же не сумѣлъ сдѣлать этого, какъ и въ республикѣ. Въ церкви онъ продавалъ и уступалъ свою силу епископу такъ же, такъ уступалъ ее въ республикѣ цезарю.

Епископъ завѣдывалъ имуществомъ своей церкви, т.-е. своей паствы, и опредѣлялъ, на что должны тратиться доходы церкви. Это давало ему огромную власть надъ босяцкимъ пролетаріатомъ, власть непрестанно возраставшую, по мѣрѣ, того какъ богатство церкви увеличивалось. Епископы становились все менѣе зависимыми отъ своихъ избирателей, послѣдніе же все болѣе и болѣе дѣлались зависимыми отъ первыхъ.

Рука объ руку съ этимъ развитіемъ шло болѣе тѣсное объединеніе отдѣльныхъ общинъ, бывшихъ первоначально совершенно самостоятельными, въ одинъ большой союзъ, вселенскую церковь. Одинаковыя воззрѣнія и цѣли, одинаковыя преслѣдованія уже очень рано заставили отдѣльныя общины вступить въ сношенія другъ съ другомъ при посредствѣ посланій и выборныхъ посланцовъ. Къ концу второго вѣка соединеніе многихъ церквей въ Греціи и Азіи было уже такъ тѣсно, что церкви отдѣльныхъ провинцій образовали крѣпкіе союзы: высшую инстанцію представляли конгрессы довѣренныхъ людей, синоды епископовъ. Они сильно ограничили самоуправленіе отдѣльныхъ общинъ и очень способствовали возвышенію епископовъ надъ остальными членами общины.

Наконецъ дѣло дошло до объединенія всѣхъ христіанскихъ общинъ государства въ одинъ союзъ, и въ четвертомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія мы уже встрѣчаемъ вселенскіе соборы. (Первый состоялся въ 325 году въ Никеѣ). А на этихъ соборахъ главную роль играли епископы самыхъ богатыхъ и могущественнѣйшихъ общинъ. Такимъ образомъ римскій епископъ очутился наконецъ во главѣ западнаго христіанства.

Вся эта эволюція происходила не безъ борьбы, церковь боролась противъ государственной власти, не желавшей допустить возникновенія государства въ государствѣ, отдѣльныя организаціи боролись другъ съ другомъ, борьба происходила также между народомъ и духовенствомъ, причемъ первый обыкновенно оказывался побѣжденнымъ. Уже въ третьемъ вѣкѣ за народомъ почти повсюду сохранилось только право утвержденія церковнослужителей; послѣдніе образовали замкнутую корпорацію, пополнявшуюся изъ собственной среды и распоряжавшуюся церковнымъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію.

Съ тѣхъ поръ церковь въ римской имперіи стала организаціей, представлявшей наилучшую карьеру для честолюбиваго ума. Политической карьеры не было съ тѣхъ поръ, какъ угасла политическая жизнь; военная служба была совсѣмъ почти предоставлена наемнымъ варварамъ, искусство и наука съ трудомъ прозябали, а государственное управленіе все болѣе костенѣло и падало. Въ одной лишь церкви еще были жизнь и движеніе, тамъ скорѣе всего можно было достигнуть общественнаго значенія. Почти весь остатокъ интеллигентныхъ и энергичныхъ элементовъ языческаго міра обратился къ христіанству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ духовной карьерѣ. Церковь, оказавшаяся непобѣдимой въ борьбѣ съ государственной властью, начала даже подчинять себѣ эту послѣднюю.

Уже въ началѣ четвертаго вѣка нашелся хитрый претендентъ на престолъ, Константинъ, догадавшійся, что побѣда достанется тому, кто станетъ въ хорошія отношенія къ христіанскому духовенству. Благодаря Константину христіанство сдѣлалось господствующей, а вскорѣ и единственной религіей римскаго государства.

Съ того времени увеличеніе церковнаго имущества пошло еще быстрѣе. Императоры и частные люди взапуски старались купить расположеніе новой силы богатыми подарками. Съ другой стороны императоры все чаще бывали принуждены передавать церковной бюрократіи выполненіе цѣлаго ряда задачъ, которыя были не подъ силу падавшей правительственной бюрократіи. Для этого они также должны были предоставить церкви опредѣленные источники дохода.

Сначала дары церкви приносились совершенно добровольно. Но съ тѣхъ поръ, какъ она стала пользоваться покровительствомъ государства, она начала измышлять постоянныя подати. Введена была десятина, собиравшаяся сначала при помощи нравственнаго вліянія, но въ концѣ концовъ силой [1]).

Церковь сдѣлалась очень богатой, и вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство стало совершенно независимымъ отъ мірянъ. Неудивительно, что, по мѣрѣ возрастанія ея богатства, она переставала управлять своимъ имуществомъ въ интересахъ бѣдныхъ. Духовенство пользовалось имъ для себя; въ церкви, особенно же въ богатыхъ епископствахъ — Римѣ, Константинополѣ, Александріи и пр., распространились алчность и расточительность. Изъ коммунистическаго учрежденія церковь превратилась въ грандіознѣйшій механизмъ для эксплуатаціи, какой когда-либо видѣлъ міръ.

Уже въ пятомъ вѣкѣ мы видимъ, въ качествѣ постояннаго установленія римской церкви, дѣленіе церковныхъ доходовъ на четыре части. Одна часть принадлежала епископу, вторая духовенству, третья шла на потребности культа (постройку и содержаніе церквей и т. п.) и лишь одна четвертая часть принадлежала бѣднымъ. Всѣ вмѣстѣ они получали столько же, сколько приходилось на долю одного епископа.

Къ тому же это дѣленіе церковныхъ доходовъ на четыре части, по всей вѣроятности, было введено не для того, чтобы обойти бѣдныхъ, но чтобы защитить ихъ, и чтобы господа пастыри душъ не растратили всѣхъ церковныхъ имуществъ на собственныя удовольствія.

Но коммунистическаго содержанія христіанскихъ идей нельзя было уничто-

---

[1]) Второй Турскій соборъ (567) требуетъ, чтобы вѣрующіе отдавали, между прочимъ, также и десятину отъ крѣпостныхъ.

жить, пока существовали породившія его условія. Пока существовала римская имперія и до эпохи переселенія народовъ, церковное имущество считалось собственностью бѣдныхъ (patrimonium pauperum) и ни одинъ учитель церкви, ни одинъ соборъ не вздумалъ бы отрицать этого. Расходы на завѣдываніе имуществомъ сдѣлались, правда, очень большими; иногда они пожирали весь доходъ, но это — особенность большинства благотворительныхъ учрежденій. Все-таки никто не осмѣлился бы утверждать на этомъ основаніи, что завѣдующіе имуществомъ — его владѣльцы.

Этотъ послѣдній шагъ, совершенно затушевавшій коммунистическое происхожденіе церкви, могъ быть сдѣланъ лишь тогда, когда вторгнувшіеся германцы поставили римскій міръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церковь, на совершенно новыя соціальныя основы.

IV. Церковное имущество въ средніе вѣка.

Христіанство не положило и не могло положить начало новому способу производства; оно не могло произвести соціальной революціи. Поэтому оно не могло также спасти отъ гибели римскую имперію. Если она, несмотря на свой соціальный упадокъ, могла прозябать еще въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, это произошло не благодаря христіанству, а благодаря язычникамъ-варварамъ, германцамъ. Какъ уже сказано выше, они въ качествѣ наемныхъ солдатъ и колоновъ сдѣлались опорою погибающаго общества.

Но наемничество и колонатъ не могли удовлетворить вторгавшихся германцевъ. Эти учрежденія показывали имъ только слабость государства и знакомили ихъ съ наслажденіями, доступными только въ римской имперіи; они усилили движеніе на югъ. Наконецъ, толпы германцевъ наводнили имперію и овладѣли ею; одна толпа тѣснила и вытѣсняла другую, пока хаосъ постепенно снова не успокоился: отдѣльные народы стали осѣдлыми, образовались новыя государства и новый соціальный строй.

Въ эпоху переселенія народовъ германцы стояли еще на ступени первобытнаго, аграрнаго коммунизма. Отдѣльныя племена, села и общины образовали союзы и земельныя общины съ общинной собственностью на землю. Домъ и дворъ, правда, сдѣлались уже частной собственностью отдѣльныхъ семей, пахотное поле дѣлилось между ними для частнаго пользованія, но право собственности на него принадлежало общинѣ; пастбище, лѣсъ и вода оставались въ общинномъ пользованіи.

Бѣдность, неимѣніе собственности, какъ массовое явленіе, прекратилась со времени переселенія народовъ. Въ средніе вѣка, правда, нерѣдко наблюдалась массовая нищета, но причиной ея были неурожаи, войны или эпидеміи, а не отсутствіе собственности. И эта нищета всегда была временной, она не продолжалась всю жизнь. А гдѣ существовали нуждающіеся, тамъ они не были предоставлены самимъ себѣ; община, къ которой они принадлежали, давала имъ защиту и помощь.

Церковная благотворительность перестала быть необходимою для существованія общества. И церковная организація сама сохранилась въ это бурное время лишь благодаря тому, что она приспособилась къ новымъ условіямъ и

совершенно измѣнила свой характеръ. Изъ благотворительнаго она превратилась въ политическое учрежденіе. Ея политическія функціи сдѣлались, на ряду съ богатствомъ, главнымъ источникомъ ея могущества въ средніе вѣка. Церковь сохранила свое богатство въ бурную эпоху переселенія народовъ и перенесла его изъ стараго въ новое общество. Сколько бы она ни теряла изъ него, она всегда умѣла пріобрѣсти вновь столько же или еще больше. Церковь во всѣхъ христіанско-германскихъ государствахъ сдѣлалась крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ; обыкновенно ей принадлежала одна треть всей земли, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже больше.

Теперь богатое церковное имущество совсѣмъ перестало быть имуществомъ бѣдныхъ. Карлъ Великій хотѣлъ перенести въ государство франковъ, вмѣстѣ со многими другими учрежденіями римской имперіи, также и дѣленіе церковнаго имущества на четыре части. Но какъ большинство его «реформъ», такъ и эта осталась на бумагѣ — или пергаментѣ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Карла появились исидоровскія декреталіи, сборникъ дерзко вымышленныхъ и подложныхъ документовъ, которые должны были оправдать притязанія папства, и сдѣлались юридической основой его политики. Относительно церковнаго имущества эти декреталіи утверждаютъ, что подъ бѣдными, которымъ принадлежитъ это имущество, слѣдуетъ разумѣть лишь духовенство, давшее обѣтъ бѣдности. Этой теоріи придали общее значеніе, и съ тѣхъ поръ церковное имущество стало считаться собственностью духовенства. Въ 12-мъ вѣкѣ сдѣлали логическій выводъ изъ этой теоріи, утверждая, что все церковное имущество принадлежитъ папѣ, который можетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію [1]).

---

[1]) Это измѣненіе характера церковнаго имущества имѣло одно важное послѣдствіе. Оно повело къ введенію безбрачія духовенства. Различныя теченія въ церкви много разъ уже желали и даже предписывали безбрачіе духовенства по идеологическимъ соображеніямъ, но имъ никогда не удавалось добиться этого. Стремленія увѣнчались успѣхомъ лишь тогда, когда къ нимъ присоединился матеріальный интересъ, — забота о церковномъ имуществѣ. Пока оно считалось имуществомъ общины, которымъ епископы только завѣдывали, семьи духовенства не особенно угрожали его цѣлости. Дѣло приняло иной видъ, когда церковное имущество сдѣлалось собственностью самого духовенства. Теперь всякій клирикъ, имѣвшій дѣтей, старался урвать для нихъ изъ церковнаго имущества по возможности больше. „Постоянно случалось, что сыновья священниковъ получали не только наслѣдственную собственность своихъ отцовъ, но предъявляли также требованіе на церковное имущество, которымъ пользовались ихъ отцы!“ (Гизебрехтъ, Gesch. der deutsch. Kaiserzeit, II, стр. 406). Очень трогательны, между прочимъ, жалобы, которыя затянулъ по этому поводу Бенедиктъ VIII на соборѣ въ Тессинѣ (между 1014 и 1024 гг.): „Большія земли, большія помѣстья, все, что только возможно, эти подлые отцы (женатые священники) пріобрѣтаютъ для своихъ сыновей на средства церкви, ибо иныхъ у нихъ нѣтъ“ etc. (Гизеляръ, Lehrbuch Kirchengeschichte, Боннъ, 1831; I, стр. 282. Благодаря Гизлеру, мы обратили вниманіе на связь между церковнымъ имуществомъ и безбрачіемъ духовенства). Но растаскиванію церковнаго имущества для дѣтей духовенства могъ быть положенъ конецъ лишь тогда, когда въ церкви было крѣпко обосновано единодержавіе папы. Одною изъ первыхъ задачъ папства была борьба противъ браковъ духовенства. Началъ ее Левъ IX (1048—1054); энергичный Григорій VII (1073—1085) рѣшительнѣе всѣхъ другихъ проводилъ запрещеніе браковъ духовенства. Однако, сѣвернѣе Альпъ оно долго еще не имѣло общаго значенія. Въ Люттихѣ еще около 1220, а въ Цюрихѣ еще около 1230 года встрѣчались женатые священники, находившіеся на службѣ (Гизлеръ въ цит. кн., стр. 290).

Когда реформація сдѣлала церковное имущество свѣтскимъ, когда князья захватили его для себя, а священники сдѣлались государственными чиновниками, живущими

Эти взгляды вполнѣ соотвѣтствовали фактическимъ условіямъ, господству церкви въ государствѣ и обществѣ и господству папства въ церкви.

Но хотя церковное имущество и перестало быть имуществомъ бѣдныхъ, нельзя сказать, что въ средніе вѣка церковная организація ничего не сдѣлала для бѣдныхъ, поскольку они тогда вообще существовали. Если въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ и не было пролетаріата въ теперешнемъ смыслѣ слова— онъ былъ развѣ только въ нѣсколькихъ городахъ — то все же, какъ мы уже выше говорили, по временамъ было не мало нуждающихся: во время неурожаевъ бывали голодающіе, во время эпидемій больные, — вдовы и сироты, лишенныя семьи, а во время войнъ появлялись безземельные люди изъ сосѣднихъ мѣстностей или даже издалека, выгнанные оттуда ворвавшимся непріятелемъ.

Помощь такимъ нуждающимся считалась въ средніе вѣка обязанностью всякаго имущаго, особенно же землевладѣльцевъ, а слѣдовательно и крупнѣйшаго изъ нихъ — церкви. Она исполняла этотъ долгъ не потому, чтобы она была именно благотворительнымъ учрежденіемъ, а потому, что принадлежала къ числу имущихъ. Исполненіе этого долга вытекало не изъ особаго христіанскаго, а общаго, пожалуй, языческаго принципа, общаго всѣмъ народамъ, стоящимъ на низкой ступени культуры: принципъ этотъ — гостепріимство.

Удовольствіе давать, дѣлиться — обще всѣмъ народамъ, среди которыхъ господствуетъ первобытный коммунизмъ или, по крайней мѣрѣ, его традиціи. Для нихъ чужой такое рѣдкое, замѣчательное явленіе, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ отнестись къ нему равнодушно. Смотря по его происхожденію и поведенію съ нимъ либо борются, какъ съ врагомъ, или его почитаютъ, какъ гостя, какъ уважаемаго члена семьи. Ему сворачиваютъ шею или предоставляютъ въ его распоряженіе весь домъ и дворъ, кухню и погребъ, подчасъ даже супружеское ложе.

Удовольствіе отдавать излишекъ продуктовъ собственнаго хозяйства, не нужныхъ для семьи, сохраняется, пока существуетъ такъ называемое натуральное хозяйство, пока производятъ не для рынка или покупателя, не для продажи, а для собственнаго потребленія. Этотъ способъ производства былъ господствующимъ въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, игравшемъ тогда первенствующую роль въ общественной жизни.

Чѣмъ больше совершенствовалось производство, тѣмъ больше становился излишекъ въ каждомъ помѣстьѣ. Особенно въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, королей, высшаго дворянства, епископовъ и монастырей накоплялись огромные запасы средствъ къ жизни, которыхъ они продать не могли. Они могли только скормить ихъ. Они пользовались ими для содержанія многочисленнаго войска, ремесленниковъ, художниковъ и для широкаго гостепріимства. Въ то время считалось верхомъ неприличія, если человѣкъ состоятельный отказывался дать пищу, питье и пріютъ просящему объ этомъ миролюбивому незнакомцу.

Кормя голодныхъ, одѣвая нагихъ и давая прибѣжище безпріютнымъ, епископы и монастыри дѣлали то же самое, что дѣлали всѣ имущіе въ средніе вѣка. Различіе состояло только въ томъ, что они, какъ богатые, могли сдѣлать больше остальныхъ.

своимъ жалованьемъ, тогда, конечно, никто уже не былъ заинтересованъ въ охраненіи безбрачія духовенства. Протестантскій священникъ можетъ имѣть сколько угодно дѣтей, у него нѣтъ церковнаго имущества, которое онъ могъ бы воровать для нихъ.

Но обычай гостепріимства быстро исчезаетъ, какъ только начинается товарное производство, производство для продажи, какъ только открывается рынокъ для различныхъ продуктовъ. Теперь отдѣльныя хозяйства могутъ обмѣнивать свои избытки на деньги, на этотъ неизсякаемый источникъ могущества, онѣ никогда не бываютъ излишними, никогда не портятся, ихъ можно накоплять огромными массами. Удовольствіе копить сокровища замѣняетъ удовольствіе дѣлиться ими, щедрость убивается жадностью.

Чѣмъ больше такъ называемое денежное хозяйство вытѣсняетъ натуральное — а это явленіе съ XIII вѣка быстро распространяется изъ Италіи и южной Франціи по всей Европѣ, — тѣмъ болѣе уменьшается гостепріимство и щедрость богатыхъ.

Но соотвѣтственно тому, какъ исчезала щедрость, число бѣдныхъ увеличивалось. Развитіе товарнаго производства создало пролетаріатъ, быстро возраставшій и ставшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно многочисленнымъ.

Лучшимъ прибѣжищемъ для него была щедрость монастырей.

Большія корпораціи, повидимому, всегда развиваются медленнѣе и не такъ легко приспособляются къ измѣнившимся условіямъ, какъ отдѣльные индивидуумы [1]). Относительно монастырей это безусловно вѣрно. Они облагали своихъ подданныхъ натуральными повинностями еще долго послѣ того, какъ кругомъ повинности были превращены въ денежные налоги, они болѣе рѣшительно, чѣмъ ихъ сосѣди, избѣгали отнимать отъ крестьянъ ихъ земельные надѣлы и повышать ихъ повинности, они, наконецъ, вообще, дольше всѣхъ сохраняли свое старое гостепріимство и щедрость.

Но вполнѣ отгородить себя отъ новаго времени не могли даже монастыри. Ихъ обитатели также были охвачены жаждою денегъ, и кормленіе нуждающихся все болѣе и болѣе сводилось къ «жидкимъ нищенскимъ похлебкамъ».

И даже тамъ, гдѣ сохранилась прежняя щедрость, она оказывалась недостаточной для удовлетворенія возрастающихъ требованій пауперизма.

Снова воскресла проблема бѣдности и снова возникли коммунистическія идеи и стремленія.

Они приняли двѣ формы. Въ низшихъ слояхъ народа рано возникъ неясный коммунизмъ на основѣ чувства; а въ кругу ученыхъ и смѣлыхъ друзей человѣчества уже позднѣе выработался ясно продуманный, философскій коммунизмъ — утопизмъ.

Съ чисто литературной точки зрѣнія послѣднее направленіе является продолженіемъ платоновскаго коммунизма, а первое продолженіемъ древне-христіанскаго.

Но оба направленія отличаются отъ своихъ предшественниковъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ. Ибо въ это время возникла новая общественная сила, которая завладѣла коммунистической идеей,— эта новая общественная сила, неизвѣстная Платону и первымъ христіанамъ, есть наемный трудъ, какъ основа новаго способа производства.

---

[1]) Примѣромъ могутъ послужить большіе англійскіе рабочіе союзы (трэдъ-юніоны), крѣпко придерживающіеся своей старой политики.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе свободнаго городского ремесленнаго сословія.

I. Крѣпостничество.

Когда германцы вторглись въ римскую имперію, земледѣліе находилось у нихъ еще на низкой ступени развитія. Главную роль въ хозяйственной жизни играли скотоводство и охота, крестьяне были еще полу-кочующими. Теперь они овладѣли частью латифундій въ романскихъ странахъ и образовали въ нихъ новое сословіе свободныхъ крестьянъ. Крестьяне познакомились съ римскимъ высшимъ способомъ производства; скотоводство и охота отступили на задній планъ, давая мѣсто земледѣлію; германцы сдѣлались осѣдлыми.

Казалось, что повторится эволюція, происходившая въ древнемъ Римѣ. Крестьянское хозяйство было несовмѣстимо съ военной службой, обязательной для каждаго свободнаго человѣка; вѣчныя войны того времени разоряли крестьянъ, крестьянское хозяйство падало.

Но въ древнемъ Римѣ крестьянское хозяйство замѣнилось рабскимъ; теперь дѣло произошло иначе. Какъ только германскія племена сдѣлались христіанскими, т.-е. какъ только они немного ознакомились съ римскимъ способомъ производства и стали осѣдлыми, ихъ со всѣхъ сторонъ начали тѣснить орды безпокойныхъ и подвижныхъ народовъ, наѣздниковъ и мореплавателей, аваровъ, и магіаровъ съ востока, норманновъ съ сѣвера, сарациновъ съ юга и съ востока. Съ 8 и по 11 вѣкъ западное христіанство страдало отъ непрерывныхъ разбойничьихъ набѣговъ этихъ чужеземцевъ, и самое существованіе его нерѣдко подвергалось опасности. Не имѣя возможности захватывать въ рабство другихъ, христіане сами сдѣлались выгоднымъ объектомъ для охотниковъ на рабовъ и тор-

говцевъ рабами. Среди «язычниковъ» была масса рабовъ-христіанъ, а рабы-язычники становились все рѣже и дороже среди христіанъ [1]).

Основать производство на рабствѣ сдѣлалось невозможнымъ, рабское производство въ этотъ періодъ почти совершенно прекратилось на христіанскомъ западѣ [2]).

Крупное производство, опиравшееся на рабскій трудъ, сдѣлалось невозможнымъ въ христіанскихъ германскихъ государствахъ, такъ же, какъ оно стало невозможнымъ въ римской имперіи; и какъ въ послѣдней мѣсто крупнаго производства занялъ колонатъ, такъ и въ первыхъ возникло подобное же учрежденіе, отчасти даже непосредственно примыкавшее къ римскому.

Сгонять обнищавшихъ крестьянъ съ ихъ земли было бы тогда большою глупостью. Ощущался недостатокъ не въ землѣ, а въ людяхъ. Богачи и знать, епископы и аббаты, герцоги и короли со своими свитами и фаворитами не стремились замѣнить крестьянское хозяйство рабскимъ. Но они старались воспользоваться нуждою крестьянъ, дѣлая ихъ зависимыми отъ себя, обязывая ихъ служить и платить оброкъ. Взамѣнъ этого они должны были взять на себя тяготы, разорявшія крестьянство, дѣлавшія невозможнымъ правильное хозяйство, т.-е. прежде всего военную службу.

Крестьяне одинъ за другимъ переходили подъ защиту могущественныхъ землевладѣльцевъ и обязывались отдавать имъ ежегодно опредѣленное количество продуктовъ своего хозяйства и отслуживать опредѣленное число рабочихъ дней. За это съ нихъ снимали бремя военной службы, которую отбывали за нихъ ихъ патроны—землевладѣльцы со своей свитой и холопами.

Была и другая причина появленія оброчныхъ крестьянъ: въ христіанскихъ германскихъ государствахъ со временъ римской имперіи сохранилось не мало латифундій, особенно церковныхъ, а церковь всегда отлично умѣла защищать свои

---

[1]) Они однако не вполнѣ исчезли съ христіанскихъ рынковъ. Разсказываютъ, что еще въ 13 и 14 вѣкѣ случались примѣры торговли рабами въ Италіи. Въ 1307 году Амедей VI савойскій купилъ въ Константинополѣ двухъ рабынь. Въ Генуѣ въ 1384 г. рабыня татарка „не имѣвшая никакихъ тайныхъ болѣзней (magagnis) стоила 1049 лиръ, за другую въ 1389 году было заплачено 1312 лиръ. Работорговцы получали свой товаръ большею частью изъ Каффы. Въ городскихъ уложеніяхъ этой эпохи есть еще многочисленныя установленія, касающіяся рабовъ. (Юл. Кроне, Frá Dolcino und Patarener. Historische Episode aus den piemontesischen Religionskriegen. Лейпцигъ. 1844, стр. 16).

[2]) Что рабству положила конецъ необходимость, недостатокъ въ матеріалѣ для рабовъ, видно изъ того, что впослѣдствіи крестоносцы, а затѣмъ испанцы и португальцы въ Африкѣ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ занимались добываніемъ рабовъ и торговлей ими. Булла папы Николая V, изданная 8 января 1454 года, особенно настаиваетъ на томъ, что дозволяется „обращать въ вѣчное рабство всѣхъ сарациновъ, язычниковъ и другихъ враговъ Христовыхъ“, а Климентъ V (1523—1534) распространилъ это „право“ и на всѣхъ еретиковъ (Л. Келлеръ, Die Reformation und die älteren Reformparteien. Лейпцигъ, 1885, стр. 480).

Но развитіе способа производства приняло тогда направленіе, дѣлавшее рабскій трудъ излишнимъ для Европы. Рабъ остался предметомъ роскоши. Это измѣнилось лишь тогда, когда европейскія державы завоевали и основали заморскія колоніи: тамъ они не нашли предварительныхъ условій, необходимыхъ для европейскаго способа производства, тамъ они съ успѣхомъ могли примѣнить рабскій трудъ. Съ тѣхъ поръ охота на рабовъ, торговля рабами и злоупотребленія ими снова начали играть важную роль въ промышленной жизни европейскаго христіанства, и ни римская, ни какая-либо изъ великихъ протестантскихъ церквей не порицала этого.

интересы. Подарки королей создали новое крупное землевладѣніе. Постоянныя войны оставляли много земель безъ хозяевъ, а успѣхи сельскаго хозяйства также давали возможность эксплуатировать большее количество земли. Данное число людей требуетъ для своего прокормленія гораздо меньшее пространство земли при земледѣліи, чѣмъ при скотоводствѣ или же охотѣ. Огромные лѣса, служившіе когда-то для прокормленія народа, были общинной собственностью отдѣльныхъ земельныхъ общинъ. Теперь они потеряли для нихъ цѣну и вмѣстѣ съ другими населенными землями перешли въ собственность королей и дарились или отдавались въ ленное владѣніе фаворитамъ и знати, особенно же епископамъ и монастырямъ. Новый землевладѣлецъ старался извлечь пользу изъ своего имѣнія; для этой цѣли онъ привлекалъ крестьянъ въ качествѣ колонистовъ, раздавалъ имъ за извѣстныя повинности и барщину крестьянскіе надѣлы и при нихъ общее пастбище и общій лѣсъ, безъ которыхъ крестьянское хозяйство немыслимо.

Если землевладѣлецъ старался привлечь по возможности больше крестьянъ, то онъ еще больше заботился о томъ, чтобы никто не переманивалъ ихъ отъ него. Онъ употреблялъ всѣ доступныя ему средства, нравственныя и безнравственныя, законныя и незаконныя, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Крестьяне, бывшіе до тѣхъ поръ свободными, сдѣлались не только оброчными, но были даже прикрѣплены къ землѣ.

Но какъ бы низко ни опустились крестьяне, все же они стали гораздо выше рабовъ. Чужой въ странѣ, чужой своимъ собратьямъ рабамъ, невольникъ былъ безправенъ; онъ былъ просто вещью и ему не на что было опереться, чтобы вести постоянно классовую борьбу за освобожденіе своего класса. Случались, конечно, возстанія рабовъ, но такія преходящія вспышки могли въ лучшемъ случаѣ дать своимъ участникамъ свободу, на институтъ же рабства они не имѣли никакого вліянія. То не были попытки уничтожить рабство, а лишь уйти отъ него. Уничтоженіе рабства нигдѣ не было результатомъ постоянной классовой борьбы рабовъ.

Прикрѣпленные къ землѣ крестьяне среднихъ вѣковъ занимали совсѣмъ иное положеніе, нежели рабы. Они не были безправными, ихъ повинности и барщина были строго опредѣлены, нельзя было уменьшить или увеличить ихъ произвольно, всякое измѣненіе приходилось вымогать или выторговывать. Притомъ крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ, не былъ одинокимъ. Зависимый или свободный, онъ принадлежалъ къ общинѣ солидарной съ нимъ. Эта организація всегда служила ему могучей точкой опоры. Основываясь на ней, крестьянинъ могъ оказывать землевладѣльцу довольно сильное противодѣйствіе, что онъ нерѣдко и дѣлалъ. Вся эпоха среднихъ вѣковъ—это эпоха классовой борьбы между землевладѣльцами и ихъ крестьянами; при благопріятныхъ условіяхъ борьба нерѣдко приводила къ освобожденію крестьянъ не только отъ крѣпостной зависимости, но и отъ платежа повинностей и къ устраненію подданства землевладѣльцу.

Еще лучше, чѣмъ положеніе крестьянъ, было положеніе ремесленниковъ. Они въ концѣ концовъ повсюду сумѣли избавиться отъ крѣпостной зависимости и отъ подданства землевладѣльцу.

II. Возникновеніе ремесла.

Въ какомъ положеніи находилась промышленность въ началѣ среднихъ вѣковъ? Каждое хозяйство само производило все, что ему было нужно. Каждое крестьянское хозяйство, которое, однако, не слѣдуетъ представлять себѣ карликовымъ хозяйствомъ, но семейной общиной, большою семьею, состоящею изъ нѣсколькихъ поколѣній, изъ отца съ его сыновьями, ихъ женами и дѣтьми, а иногда даже внуками — производило не только свои сельско-хозяйственные, сырые продукты, оно также переработывало ихъ: въ муку и хлѣбъ, въ пряжу и ткани, въ посуду и инструменты и т. д. Крестьянинъ самъ былъ строителемъ и плотникомъ, столяромъ и кузнецомъ.

Потребности землевладѣльцевъ были обыкновенно гораздо разнообразнѣе крестьянскихъ; но и помѣщикъ также долженъ былъ производить все, что ему нужно было, на собственномъ барскомъ дворѣ или въ зависимыхъ отъ него крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ его распоряженіи было, конечно, больше рабочихъ силъ, чѣмъ у крестьянъ; продуктами, доставляемыми ему крестьянами, онъ могъ содержать многочисленную, большею частью несвободную дворню; кромѣ того онъ могъ распоряжаться каждымъ изъ своихъ крестьянъ, въ теченіе извѣстнаго количества дней въ году (барщинныхъ дней). Поэтому онъ могъ ввести извѣстное раздѣленіе труда, приставляя однихъ исключительно или преимущественно къ стройкѣ, къ плотничеству, другихъ къ шорнымъ работамъ, третьихъ къ выковыванію оружія и т. д.

Такъ на барскихъ дворахъ возникли зачатки ремесла въ средніе вѣка.

Гдѣ со временъ римской имперіи сохранились города, особенно въ Италіи и въ южной Франціи, тамъ сохранились также слѣды городского свободнаго ремесла. Но въ сравненіи съ ремесломъ барскихъ дворовъ оно совсѣмъ почти не имѣло значенія.

Если рабочій достигъ особенной ловкости въ своемъ ремеслѣ, то было бы уже нераціонально давать ему другую работу. А если барскій дворъ не требовалъ всей рабочей силы, то ремесленникъ начиналъ работать для другихъ, для сосѣднихъ крестьянскихъ или мелкихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, не имѣвшихъ возможности содержать или воспитать такого мастера. Конечно, онъ не могъ этого дѣлать безъ разрѣшенія своего помѣщика и не вознаградивъ его какимъ-либо оброкомъ.

Такимъ образомъ развились зачатки работы на заказъ.

Но на ряду съ нею вскорѣ возникла и другая дѣятельность—для рынка.

Нѣкоторыя помѣстья служили особенными притягательными пунктами, куда стекалось населеніе ближайшихъ или даже отдаленныхъ окрестностей. Таковыми были особенно императорскія или королевскія резиденціи (Pfalzen) и резиденціи епископовъ. Въ нихъ собирались военные, свита, должностныя лица, а по временамъ туда стекалась масса другого народа: къ праздникамъ и увеселеніямъ, къ судебнымъ днямъ и по всякимъ другимъ случаямъ. Всѣ созданныя страною богатства скоплялись главнымъ образомъ въ этихъ мѣстахъ. Они же естественно явились первыми пунктами, привлекшими купцовъ, которыми въ Германіи были сначала большею частью иностранцы: итальянцы и евреи. Въ столицахъ эти купцы легче всего могли найти сбытъ для своихъ товаровъ, а

ремесленники также могли расчитывать, что тамъ они скорѣе всего обмѣняютъ свои продукты на другіе.

Поселенія, находившіяся при такихъ владѣльческихъ дворахъ, сдѣлались базарными (Markt). Ихъ населеніе и богатство возрастало, благодаря чему они раньше другихъ были въ состояніи построить укрѣпленія, и раньше другихъ были вынуждены сдѣлать это, потому что богатство ихъ привлекало жадность разбойниковъ. Укрѣпленія превращали село въ городъ.

Если многочисленность и богатство населенія являлись причинами укрѣпленія мѣстечка, то укрѣпленія и гарантируемая ими въ то смутное время безопасность, въ свою очередь, являлись причиной, благодаря которой населеніе и богатство города увеличивалось.

Такимъ образомъ Германія съ восьмого вѣка, а всѣ другія страны христіанскаго запада раньше или позже стали покрываться сѣтью городовъ.

Лишь немногіе города были съ самаго начала свободными. Большая часть выросла изъ владѣльческихъ деревень, и населеніе ихъ было подчинено одному или нѣсколькимъ землевладѣльцамъ. Но чѣмъ больше возрастало количество городского населенія и его богатство, тѣмъ меньше оно нуждалось въ защитѣ землевладѣльца, тѣмъ болѣе платежи и повинности барскому двору становились для населенія безцѣльнымъ бременемъ, тѣмъ болѣе увеличивалась его сила и возможность избавиться отъ этого бремени. Горожане все рѣшительнѣе противодѣйствовали землевладѣльцамъ, пока наконецъ не добились свободы повсюду.

Эта эволюція коснулась, разумѣется, и ремесленниковъ. Они представляли весьма замѣтную часть городского населенія и принимали живое участіе въ борьбѣ противъ землевладѣльцевъ и въ побѣдахъ города.

Послѣдній являлся для ремесленниковъ не только рынкомъ, но и убѣжищемъ. Кромѣ ремесленниковъ изъ барскаго помѣстья въ города вскорѣ начали переселяться и другіе, бѣглые крѣпостные, или оброчные другихъ барскихъ дворовъ и свободные люди, занимавшіеся ремесломъ, или желавшіе заняться имъ. Тогда не было еще излишка ремесленниковъ, напротивъ, городъ радовался, когда его населеніе увеличивалось, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ увеличивалось также его богатство и могущество. Городъ бралъ подъ свою защиту бѣглыхъ крѣпостныхъ и холоповъ. Проживъ въ городѣ годъ, они становились свободными. Сами ремесленники смотрѣли на своихъ новоприбывшихъ товарищей не какъ на конкурентовъ, а какъ на союзниковъ въ борьбѣ, и привѣтствовали ихъ съ радостью. Рядомъ съ крѣпостными и оброчными ремесленниками возрастало число свободныхъ. Первые соединились съ послѣдними, значеніе и могущество городскихъ ремесленниковъ возрастало, несвободные между ними становились все независимѣе. Барщина и натуральныя повинности замѣнились денежными. Ремесленники добились свободы рынка, права свободно и безпрепятственно покупать и продавать. Наконецъ они повсюду добились признанія того, что всякій городской житель, какъ таковой, уже лично свободенъ.

Одно ремесло за другимъ исчезало съ барскихъ дворовъ, одно за другимъ становилось исключительно городскимъ. То, что землевладѣльцы прежде производили въ собственномъ хозяйствѣ, они теперь должны были покупать въ городахъ въ видѣ товара.

Ремесло совсѣмъ уже ушло изъ рукъ несвободныхъ людей. Въ концѣ этой

эволюціи ремесленники—всѣ безъ исключенія свободные люди, ремесло процвѣтаетъ и пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

Время этой эволюціи различно для отдѣльнаго ремесла и для отдѣльной мѣстности. Въ общемъ оно начинается въ XI и кончается въ XIV вѣкѣ [1]).

III. Цехъ.

Развивающемуся ремеслу пришлось вести борьбу не только противъ городскихъ землевладѣльцевъ. Не менѣе важной была борьба противъ городскихъ патриціанскихъ родовъ.

Мы видѣли, что города первоначально были просто окруженныя стѣнами села. Устройство деревень было устройство марки; оно же сохранилось и въ городѣ. Подобно деревенскимъ угодьямъ (деревенская марка) и городскія (городская марка) распредѣлялись на дѣлимыя и недѣлимыя марки (пастбище, лѣсъ, вода). Всѣ сельскіе жители, имѣвшіе собственное хозяйство, имѣли также право пользоваться этими землями; они образовали общину, которая управлялась своими членами и имѣла свои собственные законы. Гдѣ среди марокъ появлялись землевладѣльческія хозяйства, тамъ землевладѣльцы получали нѣкоторыя привилегіи, они были постоянными представителями марки (Markvorsteher), рѣшенія ея сходовъ нуждались въ его утвержденіи. Это было, такъ сказать, конституціонное правленіе.

Прежде обыкновенно всякій новоприбывшій охотно принимался въ члены общины. Земля имѣлась въ изобиліи, не хватало людей для ея обработки. Это прежде всего измѣнилось въ городахъ, гдѣ населеніе быстро возрастало. Здѣсь излишекъ земли быстро исчезъ, и старые роды стали, наконецъ, бояться повредить себѣ, позволяя новоприбывшимъ вступать въ число членовъ общины. Община превратилась въ замкнутое общество, и принимала членовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда могла извлечь изъ нихъ особенную выгоду.

Рядомъ съ древними родами въ городской общинѣ образовался второй слой населенія, состоявшій изъ людей, прибывшихъ позднѣе. Они не получали никакой доли въ городской землѣ, или же очень ничтожную и не принадлежали къ общинѣ, а поэтому не принимали также участія въ ея управленіи. Но управленіе общины было то же, что и городское управленіе. Такимъ образомъ, новоприбывшіе горожане не имѣли политическихъ правъ въ городѣ. Старые роды образовали аристократію.

Сначала новые граждане были только терпимы въ городѣ, какъ находящіеся подъ его защитой. Но современемъ число ихъ и богатство возрастало. Къ ихъ числу принадлежали многіе купцы и большинство ремесленниковъ. Они

[1]) Оброчные золотыхъ дѣлъ мастера начали уже къ концу 11 вѣка работать для рынка, кромѣ своей службы на барскомъ дворѣ. И этотъ трудъ тогда уже настолько потерялъ свой холопскій характеръ, что имъ занимались свободные люди (Гансъ Мейеръ, Die Strassburger Goldschmiedezunft von ihrem Entstehen bis 1681. Лейпцигъ. 1881, стр. 154). Съ другой стороны въ Боннѣ еще въ XIV вѣкѣ занятіе ткачествомъ было должностью, оно зависѣло отъ барскаго двора (Мауреръ, Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Эрлангенъ, 1870, II, стр. 323.

начали сознавать свою силу, и стали требовать участія въ городскомъ управленіи. Раньше или позже, въ нѣкоторыхъ городахъ въ XIII, въ другихъ въ XIV вѣкѣ, они повсюду начали борьбу противъ власти патриціевъ, и, наконецъ, въ XIV—XV вѣкѣ имъ почти во всѣхъ городахъ удалось свергнуть эту власть и получить право участвовать въ управленіи.

Общинная марка осталась собственностью патриціевъ. Гдѣ она еще сохранилась нераздѣльной, тамъ сохранились и сельскія общины, образовавшія замкнутыя товарищества внутри городской общины. И городская община устранила организацію марки. Политической основой городовъ было уже не марковое, а цеховое устройство. Такъ было по крайней мѣрѣ въ Германіи.

Большія массы людей не могутъ вести продолжительной борьбы не организовавшись. Ремесленники также должны были организоваться, образцомъ для нихъ послужила сельская община. Въ богатыхъ барскихъ помѣстьяхъ, гдѣ было занято много рабочихъ, рабочіе каждаго ремесла были организованы въ товарищества, находившіяся подъ руководствомъ мастера; организаціи эти служили, разумѣется, не боевымъ цѣлямъ, а успѣшности производства и администраціи. Но тамъ, гдѣ дѣло доходило до борьбы между зависимыми рабочими и ихъ вотчинниками, эти организаціи должны были служить и боевымъ цѣлямъ; онѣ сохранились, когда ремесленники добились свободы. Зависимая ремесленная управа превратилась въ свободный союзъ—цехъ.

На ряду съ этимъ свободные ремесленники въ городахъ нерѣдко основывали для своей защиты организаціи, бывшія съ самаго своего возникновенія свободными и пользовавшіяся самоуправленіемъ. Эти свободные союзы вліяли на зависимыхъ и поддерживали ихъ. Въ концѣ концовъ тѣ и другіе сдѣлались идентичными, и послѣ уничтоженія зависимости въ городахъ мы встрѣчаемъ одни лишь свободные союзы или цехи.

Въ большинствѣ городовъ свободные цехи образовались уже въ XII и XIII вѣкѣ. Въ другихъ это произошло позднѣе. И не всѣ ремесла одновременно организовались въ цехи. Раньше другихъ удалось это сдѣлать самымъ богатымъ и многочисленнымъ. Старѣйшими цехами, кромѣ купеческихъ, были шерстоткацкіе и портняжные. Затѣмъ появились цехи сапожниковъ, булочниковъ, мясниковъ и т. д. Случалось также, что ремесло было слишкомъ незначительнымъ для образованія отдѣльнаго цеха, тогда оно должно было примкнуть къ другому цеху, чтобы воспользоваться покровительствомъ организаціи. Такъ, напр., въ Рейтлингенѣ цирюльники принадлежали къ цеху мясниковъ, въ Эслингенѣ къ скорняжному.

Въ городскомъ населеніи, кто только могъ, тотъ примыкалъ къ цеху [1]). Но не всѣ имѣли эту пріятную возможность. Всегда оставалось много профессій слишкомъ скудно оплачиваемыхъ, или слишкомъ презираемыхъ для того, чтобы занимающіеся ими люди могли образовать цехъ, или вступить въ уже существующіе. На этотъ misera contribuens plebs цеховые ремесленники смотрѣли также свысока, какъ на нихъ самихъ смотрѣли патриціи и имъ даже въ голову не приходило выступить на защиту этихъ низшихъ слоевъ населенія.

---

[1]) Даже публичныя женщины образовали цехи, такъ, напр., во Франкфуртѣ, въ Женевѣ, Парижѣ, гдѣ онѣ занимались своимъ „горизонтальнымъ ремесломъ“ подъ покровительствомъ св. Магдалины. Мауреръ, въ цит. книгѣ, II, стр. 471.

Обокъ съ патриціями, цеховые ремесленники образовали второй слой привилегированныхъ жителей города.

Но чѣмъ больше цехъ превращался въ привилегію, тѣмъ болѣе развивалось внутри ремесла новое классовое противорѣчіе: между мастеромъ и подмастерьемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подмастерья.

I. Возникновеніе сословія подмастерьевъ.

Массу городскихъ наемныхъ рабочихъ составляли подмастерья. Они жили веселые и довольные, «безъ той горделивой зависти, что съ недовольствомъ смотритъ на стоящихъ выше», гордились своимъ положеніемъ, пользовались «цвѣтущимъ благосостояніемъ» и получали «принадлежащую имъ по справедливости долю изъ продуктовъ труда». Чего они могли желать большаго? Наравнѣ съ мастерами они пользовались «покровительствомъ цеховъ», разрѣшавшихъ возникавшіе между ними и мастерами споры и охранявшихъ «всѣ ихъ права»; они считались членами семьи мастера, ѣли съ нимъ за однимъ столомъ, мастеръ трактовалъ ихъ наравнѣ со своими дѣтьми, слѣдилъ за строгимъ, нравственнымъ образомъ жизни, чтобы они сдѣлались достойными чести быть мастерами,—чести, на которую смотрѣли какъ на «установленную Богомъ должность», и къ которой подмастерье приближался съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ клирикъ къ посвященію и дворянинъ къ обряду принятія въ рыцарство. Тогда ремесленники жили еще «въ цехѣ, въ братскомъ согласіи и любви», тогда еще «работали не только для барыша, но и по заповѣди Божіей», тогда принципы «равенства и братства» не утратили еще своего значенія для цеховъ.

Такъ поклонники цехового устройства и среднихъ вѣковъ описываютъ положеніе подмастерьевъ въ эпоху расцвѣта цехового ремесла. На основаніи этихъ-то описаній и теперь въ нѣкоторыхъ кругахъ полагаютъ, что для устраненія классовыхъ противорѣчій между рабочимъ и предпринимателемъ и для водворенія соціальной гармоніи нужно только воскресить цеховое устройство. Цехи якобы самыя подходящія учрежденія для охраненія интересовъ не только мастеровъ, но и подмастерьевъ.

Господинъ І. Янсенъ—послѣдній изъ выдающихся нѣмецкихъ историковъ, изобразившій положеніе подмастерьевъ въ концѣ среднихъ вѣковъ такими идиллическими красками; выше мы пользовались отчасти его собственными словами [1]). Однако, невольно является сомнѣніе, когда этотъ историкъ въ числѣ доказательствъ благосостоянія подмастерьевъ отмѣчаетъ особенно жалобы властей, мастеровъ и буржуазныхъ писателей на расточительность и своеволіе подмастерьевъ, становящіяся якобы невыносимыми. Если бы подобныя жалобы могли

[1]) І. Янсенъ, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, I, стр. 315—342.

имѣть значеніе аргументовъ, то не трудно было бы доказать, что наемные рабочіе всегда чувствовали себя превосходно.

Но если внимательно разсмотрѣть факты, то условія жизни подмастерьевъ окажутся совсѣмъ непохожими на описанную Янсеномъ идиллію [1]).

---

[1]) Немногія изъ новѣйшихъ историческихъ сочиненій произвели такое впечатлѣніе, какъ сочиненіе Янсена, и это до извѣстной степени справедливо. Янсенъ нанесъ страшный ударъ либеральной протестантской легендѣ о реформаціи и доказалъ, что за религіозной внѣшностью реформаціи скрывались вполнѣ матеріальные интересы. На это, положимъ, научный соціализмъ указывалъ еще раньше г. Янсена, и притомъ онъ нашелъ эти интересы не только въ протестантской, но и въ католической сферѣ, но для большой публики это было новостью, такъ же какъ и то, что люди, какъ Лютеръ и его товарищи, столь высокопочитаемые современными столпами порядка, въ сущности были революціонерами, стремившимися къ революціоннымъ цѣлямъ при помощи революціонныхъ средствъ. Изслѣдователь, знакомый уже съ эпохой реформаціи, найдетъ въ сочиненіи Янсена много новыхъ идей, много новыхъ объясненій. Въ этомъ отношеніи оно заслуживаетъ похвалы. Но мы отнюдь не можемъ рекомендовать его большой публикѣ, какъ правдивое изображеніе предмета. Мы не знаемъ ни одного современнаго историческаго сочиненія, могущаго сравниться съ твореніемъ г. Янсена по своей невѣрности. Янсенъ даетъ два изображенія соціальныхъ условій, существовавшихъ въ началѣ эпохи реформаціи: сначала онъ показываетъ дѣйствительныя или воображаемыя хорошія стороны этихъ условій: такою де счастливою была Германія подъ господствомъ католичества; затѣмъ онъ подчеркиваетъ темныя стороны соціальныхъ условій въ началѣ XVI вѣка и восклицаетъ: смотрите, до чего невѣріе младшихъ гуманистовъ довело римское право, до чего протестантство довело Германію! Къ этому слѣдуетъ еще прибавить своеобразную манеру „изложенія по источникамъ“.

Г. Янсенъ заимствуетъ изъ источниковъ не характерное, а лишь то, что удобно для него; онъ беретъ изъ нихъ не только факты, но также, и притомъ главнымъ образомъ, сужденія и желанія, которыя онъ потомъ безцеремонно превращаетъ въ факты—разъ они соотвѣтствуютъ его желаніямъ. Католическій цеховой регламентъ рекомендуетъ членамъ цеха жить „въ братской любви и согласіи“ другъ съ другомъ; католическій трактатецъ объявляетъ, что ремесленникъ работаетъ не ради выгоды, но ради угожденія Богу—это ли не „доказательства по источникамъ“, свидѣтельствующія о честности и вѣрности католиковъ? Католическій священникъ пишетъ, что преобразованіе церкви необходимо: это ли не ясное доказательство того, что церковь можно было бы преобразовать безъ насильственнаго переворота, безъ разрыва съ папствомъ, такъ, чтобы Германія оставалась объединенной и счастливой? А что дало протестантство? Протестантскіе священники жалуются по обыкновенію въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ на то, что свѣтъ со дня на день становится безбожнѣе: развѣ отсюда не ясно, что реформація очень испортила людей? Вѣдь объ этомъ свидѣтельствуютъ самые достовѣрные протестантскіе „источники“.

Если даже всѣ цитаты Янсена вѣрны, то все-таки, благодаря способу сопоставленія и примѣненія этихъ цитатъ, основанное на нихъ изложеніе является подлогомъ. И этому еще болѣе способствуетъ модная со временъ Моммсена манера нѣмецкихъ историковъ называть отношенія прошедшаго современными названіями и такимъ образомъ прямо заставлять читателя упускать изъ виду историческія особенности прошедшихъ временъ и мѣрить ихъ современной мѣрой. Какъ Моммсенъ орудуетъ у древнихъ римлянъ словами и понятіями, заимствованными у современнаго капиталистическаго способа производства, такъ Янсенъ орудуетъ ими въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. „Церковное право, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 412), объявило, что одинъ только трудъ создаетъ цѣнности“, но это положеніе доказывается лишь тѣмъ, что Янсенъ оказывается непонимающимъ его значенія. Онъ любитъ также говорить о „правѣ на трудъ“, гарантируемомъ цехами. Кому и какъ оно гарантируется, мы увидимъ ниже.

Вообще мы не можемъ рекомендовать сочиненія Янсена тѣмъ, кто ищетъ безпристрастнаго изложенія предмета.

Первыя извѣстія о подмастерьяхъ или «батракахъ», какъ ихъ прежде называли, мы находимъ въ Германіи въ XIII вѣкѣ. До этого времени ремесленники, вѣроятно, лишь въ единичныхъ случаяхъ держали батраковъ, такъ что никто не считалъ нужнымъ упоминать объ этомъ [1]).

До XIV вѣка условія для развитія особеннаго сословія подмастерьевъ или батраковъ были крайне неблагопріятны. Ремесленники были, какъ мы уже видѣли, отчасти несвободными при дворахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, отчасти свободными, но не полноправными гражданами. Только землевладѣльцы, члены земельной общины, имѣли политическія права; организаціи ремесленниковъ едва имѣли законное право на существованіе; онѣ были преимущественно боевыми организаціями. Всякій новоприбывшій или подросшій ремесленникъ привѣтствовался какъ товарищъ въ борьбѣ, какъ усиленіе цеха. Не было никакого основанія для того, чтобы не принимать его въ цехъ, напротивъ, нужно было приложить всѣ усилія, чтобы привлечь его къ поступленію. Таково было значеніе принудительнаго начала цеховъ, предназначавшагося вовсе не для созданія монополіи [2]).

Техника ремесла была еще чрезвычайно примитивна и не требовала кооперація, совмѣстнаго труда нѣсколькихъ людей. Всякій ремесленникъ легко могъ добыть себѣ инструменты и другія средства производства. Тогда еще во многихъ отрасляхъ промышленности заказчикъ давалъ сырой матеріалъ, а ремесленникъ обрабатывалъ его за извѣстное вознагражденіе, обыкновенно въ домѣ заказчика. Большинство ремесленниковъ было слишкомъ бѣднымъ для того, чтобы держать батраковъ, и вообще ни одинъ ремесленникъ не имѣлъ необходимости наниматься въ батраки, такъ какъ ни техническія, ни экономическія, ни правовыя условія не мѣшали ему работать самостоятельно. Откуда бы, при такихъ условіяхъ, могли взяться подмастерья?

Иной оборотъ дѣло приняло въ XIV вѣкѣ. Образовалось особенное сословіе подмастерьевъ, имѣвшее свое особенное право; ученичество получило опредѣленную форму. Мауреръ (въ цит. соч., II, стр. 367) полагаетъ, что это новое устройство, данное ремеслу, было создано по образцу рыцарскихъ орденовъ: какъ въ послѣднихъ различались пажи, оруженосцы и рыцари, такъ и въ цеховомъ ремеслѣ были ученики, подмастерья и мастера. Но это произошло, конечно, подъ вліяніемъ и другихъ условій.

Въ XIV вѣкѣ ремесло сдѣлалось важнѣйшею отраслью промышленности въ городахъ, значеніемъ своимъ оно все болѣе превосходило не только земледѣліе, но и торговлю. Ремесленники становились все богаче, цехи ихъ могущественнѣе и значительнѣе, ихъ вліяніе на городское управленіе непрерывно возрастало.

Нѣкоторые ремесленники, благодаря своей состоятельности, могли уже

---

[1]) Страсбургскій шерстоткацкій цехъ еще въ XIII вѣкѣ не имѣетъ даже намека на право подмастерьевъ и даже въ XIV вѣкѣ мастера и батраки мало отличаются другъ отъ друга (Г. Шмоллеръ, Die Strassburger Tucher- und Weberzunft. Страсбургъ. 1879, стр. 389, ср. также стр. 451).

[2]) Ср. Л. Мауреръ, въ цит. сочиненіи, II, стр. 399. Еще въ 1400 году страсбургскіе ткачи рѣшили принимать въ цехъ, безъ всякихъ околичностей, безъ ученичества, всякаго, кто по приговору цехового суда, состоявшаго изъ пяти членовъ, былъ честнаго происхожденія (Шмоллеръ, въ цит. соч., стр. 402).

держать батраковъ. Цехи захватили въ свои руки «орудіе законодательства», а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность пользоваться покровительствомъ общины для своихъ частныхъ интересовъ. Но тѣ же условія, которыя привели къ этой эволюціи, создали также элементы, изъ которыхъ ремесленные мастера могли вербовать своихъ батраковъ.

Успѣхи ремесла и торговли произвели также переворотъ въ условіяхъ деревенской жизни. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, когда дойдемъ до разсмотрѣнія причинъ крестьянскихъ войнъ. Здѣсь мы замѣтимъ, что этотъ переворотъ привелъ не только къ крестьянскимъ войнамъ, но послужилъ также причиной непрестаннаго стеченія пролетаризованныхъ крестьянъ въ цвѣтущіе города, обѣщавшіе защиту, свободу и благосостояніе.

Какъ силенъ былъ притокъ населенія извнѣ, т. е. изъ селъ, мѣстечекъ и маленькихъ городовъ, въ сравнительно большіе города, это ясно показываютъ изслѣдованія Бюхера, помѣщенныя въ его прекрасномъ трудѣ о населеніи Франкфурта на Майнѣ въ XIV и XV вѣкахъ [1]).

Такъ, напр., приростъ населенія Франкфурта, считая лишь новоприбывшихъ мужчинъ христіанскаго вѣроисповѣданія и исключая сыновей городскихъ жителей, составлялъ:

во время отъ	1311	г. до	1350	всего	1293,	въ среднемъ	ежегодно	32
»	1351	»	1400	»	1535	»	»	31
»	1401	»	1450	»	2506	»	»	50
»	1451	»	1500	»	2537	»	»	51

слѣдовательно, чѣмъ ближе къ XVI вѣку, тѣмъ сильнѣе становится притокъ населенія.

Расширяется также и область, откуда набираются новоприбывшіе извнѣ граждане. Изъ ста жителей Франкфурта, происходили изъ мѣстности, находящейся на разстояніи:

	до 2 миль,	2—10 миль,	10—20 миль,	свыше 20 миль.
въ 1311—1350 году	54,8	35,5	6,5	3,2
» 1351—1400 »	39,4	42,9	11,1	6,6
» 1401—1450 »	22,9	54,4	12,6	10,1
» 1451—1500 »	23,2	51,2	11,3	14,3

Не весь этотъ притокъ извнѣ принимался въ сословіе гражданъ. Чѣмъ больше пролетаризованныхъ элементовъ собиралось въ городахъ, тѣмъ больше они, вѣроятно, увеличивали ряды непостояннаго городского населенія. Но для установленія численности этого населенія мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Намъ приходится ограничиться указаніемъ на то, что въ нѣмецкихъ городахъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка число бѣдныхъ возросло въ невѣроятной степени. Въ Гамбургѣ отъ 1451 до 1538 года 16—24% населенія составляли бѣдные, въ Аугсбургѣ въ 1520 году было будто бы 2000 неимущихъ. О происхожденіи этихъ элементовъ мы можемъ дѣлать только предположенія; но все тогдашнее положеніе вещей указываетъ, что притокъ пролетаризованныхъ элементовъ изъ

[1]) Ср. также интересный разборъ этой книги Карла Лампрехта въ „Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik“, Тюбингенъ, 1888, стр. I, 485 и слѣд.

деревни имѣлъ большое вліяніе на поразительный ростъ городского босяцкаго пролетаріата.

Большинство новоприбывшихъ стремились вѣроятно, пристроиться къ ремеслу или, по крайней мѣрѣ, старались, обучить ему своихъ дѣтей. Теперь у мастеровъ было достаточно батраковъ и учениковъ, вскорѣ ихъ сдѣлалось слишкомъ много. Ибо батраки, естественно, стремились по возможности скорѣе сдѣлаться самостоятельными мастерами; число ремесленниковъ возросло быстрѣе спроса на ихъ продукты. Прежде цехъ привѣтствовалъ каждаго новаго ремесленника, какъ приростъ силъ, теперь же онъ видѣлъ во всякомъ пришельцѣ непріятнаго конкуррента и безъ того слишкомъ многочисленныхъ товарищей. Могущество цеха основывалось уже не на числѣ рукъ, но на денежныхъ мѣшкахъ его членовъ, а эти мѣшки были тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше была конкурренція внутри ремесла. Поэтому цехи становились все болѣе замкнутыми, они все чаще стали пользоваться своимъ экономическимъ и политическимъ могуществомъ для того, чтобы затруднить чуждымъ, особенно же сельскимъ элементамъ доступъ къ ремеслу и чтобы внутри этого ремесла сдѣлать званіе мастера все болѣе недоступной привилегій. Ведущія къ этому установленія возникли еще раньше эпохи «окостенѣнія» цехового устройства; образованіе ихъ начинается въ XIV вѣкѣ, а въ XVI оно въ существенныхъ своихъ чертахъ уже закончилось. Слѣдующіе вѣка не прибавили къ нимъ ничего значительнаго; такимъ образомъ эти установленія явились продуктами цеховой системы во время ея расцвѣта, въ какомъ видѣ она теперь многимъ своимъ поклонникамъ кажется идеаломъ.

II. Ученикъ, подмастерье, мастеръ.

Замкнутость цеховъ дѣлалась замѣтной уже при пріемѣ ученика. Началось съ исключенія изъ ремесла женщинъ. Ученикъ долженъ быть мужескаго пола.

Сначала мужчины вовсе не имѣли монополіи на ремесло. Въ Германіи не сохранилось точныхъ документовъ объ этомъ. Зато во Франціи дѣло совершенно ясно. Тамъ еще въ XIII вѣкѣ женщины принципіально не были исключены изъ ремесла. «Изъ ста ремеселъ, статуты которыхъ собраны въ сочиненіи Буало [1]), есть только два, совершенно исключающихъ женщинъ, и одно, въ которомъ онѣ не могутъ производить извѣстныхъ операцій. Но во всѣхъ этихъ трехъ ремеслахъ женскій трудъ и производство не были раньше исключены, что видно изъ самихъ приведенныхъ статутовъ и резолюцій. Зато въ восьми другихъ ремеслахъ о женщинахъ упоминается прямо какъ о полноправныхъ мастерахъ, ихъ полномочія совершенно равны полномочіямъ мужчинъ. Затѣмъ есть еще шесть ремеселъ, обслуживаемыхъ исключительно или преимущественно женщинами; въ этихъ ремеслахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, есть три ступени: ученица, работница и мастерица и, кромѣ того, всѣ прочія характерныя примѣты ремесла; управляютъ и руководятъ имъ отчасти мужчины, отчасти женщины. Во всѣхъ остальныхъ ремеслахъ нѣтъ прямого указанія на то, что они допускали къ труду и чужихъ

[1]) Réglements sur les arts et métiers de Paris.

женщинъ, кромѣ женъ и дочерей мастеровъ; но изъ статутовъ нельзя также вывести заключенія о прямомъ воспрещеніи женскаго труда» [1]).

Но и для Германіи сохранились свидѣтельства, что уже въ 14 вѣкѣ женщины или образовывали собственные цехи, какъ напр., пряхи въ Кельнѣ, или же присоединялись къ цехамъ мужчинъ и самостоятельно занимались своимъ ремесломъ.

Въ регламентѣ портныхъ Франкфурта на Майнѣ, составленномъ въ 1377 году, говорится: «Если женщина, не имѣющая мужа, желаетъ заняться ремесломъ, то для этого она должна прежде всего сдѣлаться гражданкой, о чемъ она должна уговориться съ городскимъ управленіемъ, затѣмъ она должна уплатить 30 шиллинговъ въ пользу цеха и поставить четверть вина, которое выпьютъ ремесленники. Когда все это будетъ сдѣлано, она и дѣти ея получатъ право заниматься ремесломъ». (Тѣ же требованія ставились и мужчинамъ. Шталь, въ цит. кн. стр. 80).

Во многихъ мѣстностяхъ и другія ремесла еще въ XIV вѣкѣ были доступны женщинамъ; такъ напр., въ Кельнѣ женщины принимались на равныхъ правахъ съ мужчинами въ цехи мясниковъ, кошельниковъ, вышивальщиковъ гербовъ и кушачниковъ. Но вообще уже въ 14 вѣкѣ чужія женщины не допускаются къ занятію ремесломъ. Въ большинствѣ промысловъ только жены и дочери мастеровъ сохранили право заниматься ремесломъ, и такъ продолжалось до 16 вѣка. Затѣмъ и это исчезло. Исключеніе женщинъ изъ ремесленнаго труда сдѣлалось съ тѣхъ поръ полнымъ и принципіальнымъ.

Но и среди учениковъ мужского пола также начали дѣлать выборъ, и одинъ слой населенія за другимъ терялъ право обучать своихъ сыновей ремеслу. Наконецъ, нѣкоторые цехи дошли до того, что стали требовать отъ учениковъ родословной (Ahnenprobe). Мастера вправѣ были принимать для обученія лишь тѣхъ мальчиковъ, которые могли доказать свое происхожденіе отъ опредѣленнаго ряда предковъ законнаго, свободнаго и честнаго происхожденія [2]). Требованіе законнаго происхожденія въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ исключало большую часть пролетаріевъ. А требованіе свободнаго происхожденія сдѣлало невозможнымъ доступъ къ какому либо цеховому ремеслу всѣмъ происходившимъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ. «Подлыми» считались, наконецъ, занятія, наиболѣе доступныя приходившимъ въ городъ крестьянамъ, затѣмъ многія ремесла, существовавшія въ деревнѣ, внѣ цеха и, наконецъ, пополнявшіяся главнымъ образомъ изъ подонковъ городского населенія. Мауреръ (въ цит. книгѣ, II., стр. 447) называетъ «подлыми» занятія пастуховъ овецъ, мельниковъ, ткачей полотна [3]), затѣмъ судейскихъ и городскихъ работниковъ, полевыхъ и ночныхъ сторожей, смотрителей за нищими, чистильщиковъ улицъ, каретниковъ и палачей, а также сборщиковъ податей, флейтистовъ и барабанщиковъ, иногда также цирюльниковъ и баньщиковъ.

---

[1]) Фр. В. Шталь, Das deutsche Handwerk, Гисенъ 1874, стр. 68.

[2]) Въ нѣкоторыхъ городахъ требовалось даже доказательство законнаго зачатія. Ясно, что это требованіе дѣлало возможными самыя дикія придирки къ нелюбимымъ личностямъ.

[3]) Ткачество льна было преимущественно сельской, домашней промышленностью. Въ XV вѣкѣ ткачи массами стекались въ города. Такъ, напр., въ 1488 году въ Ульмъ прибыли изъ Швабіи 400 сельскихъ ткачей. Неудивительно, что цехи старались оградить себя отъ такого наплыва.

Старѣйшимъ документомъ, предписывающимъ не допускать къ ремеслу такіе элементы, является, вѣроятно, свитокъ бременской башмачной управы отъ 1300 года. (Онъ существуетъ впрочемъ только въ копіяхъ, сдѣланныхъ въ XVII вѣкѣ, гдѣ, можетъ быть, приняты во вниманіе требованія времени). Этотъ свитокъ воспрещаетъ обучать ремеслу сыновей ткачей льна и носильщиковъ [1]).

Срокъ ученичества старались по возможности продолжить. Первоначально не было никакихъ постановленій, касающихся ученичества, не было вообще обязательности ученія. Первые дошедшіе до насъ статуты, вводящіе эту обязательность, относятся къ 1304 году, когда она вводилась въ Цюрихѣ для мельниковъ, шляпочниковъ и кожевниковъ. Но всеобщей она стала лишь въ XV вѣкѣ.

Срокъ ученія былъ различный. Мы находимъ годичный срокъ ученія (напр., у стригальщиковъ сукна въ Кельнѣ, въ XIV вѣкѣ) и восьмилѣтній (у золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Кельнѣ же и въ то же самое время). Обыкновенно же срокъ трехгодичный. Въ Англіи срокъ ученія былъ очень продолжителенъ — до двадцати лѣтъ (наконецъ, правиломъ сдѣлался семилѣтній срокъ); зато тамъ послѣ окончанія срока ученія ученику не ставилось никакихъ законныхъ препятствій къ достиженію званія мастера [2]).

Въ Германіи срокъ ученія никогда не былъ такъ длиненъ. Зато между ученичествомъ и мастерствомъ былъ вставленъ срокъ служенія подмастерьемъ, его старались по возможности удлинить, особенно годами странствованія.

Какъ объ обычаѣ, о путешествіяхъ подмастерьевъ упоминается уже въ XIV вѣкѣ, но тогда они еще нигдѣ не были обязательными, напротивъ, существовали запрещенія странствовать. Первое указаніе на обязательность странствованія мы находимъ въ 1477 году у шерстоткацкаго цеха города Любека; требовалось, чтобы сынъ мастера, прежде чѣмъ самъ сдѣлается мастеромъ, странствовалъ въ теченіе цѣлаго года. О подмастерьяхъ тамъ еще и рѣчи нѣтъ. Въ XVI вѣкѣ обязательность странствованій дѣлается болѣе частымъ явленіемъ [3]).

Срокъ странствованій колеблется между однимъ и шестью годами, обыкновенно онъ былъ установленъ въ три или четыре года.

Другимъ средствомъ избѣжать переполненія ремесла, было ограниченіе числа учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ каждый мастеръ въ правѣ былъ держать. Этимъ, впрочемъ, достигалась еще и другая цѣль. Благодаря такому правилу, богатые мастера не могли сдѣлаться крупными капиталистами и не могли явиться слишкомъ сильными конкуррентами менѣе состоятельныхъ.

Уже въ XIV вѣкѣ встрѣчаются такія ограниченія числа учениковъ и подмастерьевъ.

Такъ напр., въ 1386 году бургомистръ и старшины портняжнаго цеха въ Констанцѣ издали постановленіе, въ которомъ жалуются на то, что нѣкоторые мастера держатъ многочисленную челядь, что вредно и опасно для другихъ. Поэтому каждый отдѣльный мастеръ не имѣлъ права держать больше пяти батраковъ и двухъ учениковъ» [4]).

---

[1]) В. Бемертъ, Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens. Лейпцигъ, 1862 стр. 16, 68.

[2]) Это, вѣроятно, одна изъ причинъ, почему въ Англіи совсѣмъ не было союзовъ подмастерьевъ въ томъ смыслѣ, какъ они существовали въ Германіи.

[3]) Въ Англіи обязательности странствованій никогда не было.

[4]) Г. Шанцъ, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände. Лейпцигъ 1877, стр. 9.

Въ XV вѣкѣ эти ограниченія распространены уже повсюду [1]).

Не всякій подмастерье имѣлъ возможность сдѣлаться самостоятельнымъ. Работа зависимаго ремесленника на барскомъ дворѣ прекратилась, работа свободнаго ремесленника въ домѣ заказчика также исчезла или исчезала. Теперь ремесленники обрабатывали собственное сырье въ собственныхъ мастерскихъ, имъ нужно было владѣть домами, сдѣлать запасы. Хорошее ремесленное заведеніе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности тогда уже требовало порядочнаго состоянія. Состоятельность сдѣлалась мало-по-малу не только слѣдствіемъ, но и условіемъ открытія самостоятельнаго ремесленнаго заведенія. Не удивительно, что число батраковъ, никогда не достигавшихъ самостоятельности, осужденныхъ всю жизнь оставаться батраками, постоянно возрастало.

Но несмотря на все это, число подмастерьевъ, дѣлавшихся мастерами, увеличивалось быстрѣе, чѣмъ было желательно для тѣхъ, которые уже достигли самостоятельности. Поэтому старались содѣйствовать тенденціи экономическаго развитія законодательными мѣропріятіями и еще болѣе затруднить достиженіе званія мастера, въ XIII вѣкѣ еще не связанное ни съ какими тяжелыми условіями. Большинство этихъ условій возникло въ XV вѣкѣ.

Прежде чѣмъ подмастерье дѣлался мастеромъ, онъ долженъ былъ пріобрѣсти права гражданства въ городѣ; добившись этого, онъ все-таки часто цѣлые годы принужденъ былъ ждать, пока получалъ право на мастерство.

Напр., въ статутахъ ульмскихъ ткачей 1403 года сказано: «Граждане, прожившіе въ Ульмѣ пять лѣтъ на своемъ собственномъ хозяйствѣ, могутъ обучать своихъ дѣтей ткацкому ремеслу и по окончаніи срока ученичества купить для нихъ цеховое право (Zunftrecht). Но если чужой ткачъ, прибывшій изъ деревни или изъ другого города, пожелаетъ пріобрѣсти право гражданства, то даже получивъ его, онъ въ теченіе пяти лѣтъ не можетъ заниматься ткацкимъ ремесломъ и не получитъ раньше этого срока цехового права. Но батракамъ или рабочимъ ткацкаго ремесла пятилѣтнее пребываніе въ городѣ не даетъ еще правъ на полученіе цехового права, послѣднее имъ можетъ быть дано лишь въ томъ случаѣ, если они передъ этимъ въ теченіе пяти лѣтъ уже имѣли права гражданства». (Шанцъ, въ цит. кн., стр. 8).

Дальнѣйшимъ условіемъ было испытаніе на званіе мастера, изготовленіе т. н. Meisterstück. О его достоинствахъ судили, конечно, цеховые мастера, т. е. будущіе конкурренты. Требованія относительно родословной были, пожалуй, еще строже, чѣмъ предъявляемыя при пріемѣ ученика. Подмастерью приходилось платить большія пріемныя пошлины, устраивать для всѣхъ товарищей по цеху дорогой банкетъ (Meisteressen).

Подмастерью нелегко было выполнить всѣ эти условія. Романтическіе мечтатели хотятъ насъ увѣрить, что этими условіями старались только оградить интересы заказчиковъ, дать имъ гарантію хорошей и прочной работы. Насколько это было дѣйствительной причиной упомянутыхъ ограниченій, ясно не только изъ словъ самихъ заинтересованныхъ лицъ [2]), но главнымъ образомъ изъ того, что

[1]) Шмоллеръ, въ цит. кн., стр. 453. Карлъ Бюхеръ, Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV und XV Jahrhundert, I, стр. 607. Карлъ Вернеръ, Die urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft, Лейпцигъ 1861, стр. 17, 29. Ф. Руба, Das Iglauer Handwerk urkundlich dargestellt, Брюннъ, 1887 стр. 119.

[2]) Такъ, напр., въ заявленіи, поданномъ совѣту города Иглау (1510) суконнымъ

эти ограниченія совершенно уничтожались или уменьшались и дѣлались чисто-формальными для сыновей мастеровъ и нерѣдко даже для тѣхъ, кто женился на дочеряхъ и вдовахъ мастеровъ. Странно, что по отношенію къ нимъ усердная заботливость объ «охраненіи чести сословія» совсѣмъ не проявляется. И это дѣлалось вовсе не въ эпоху «упадка» цеховъ, какъ намъ охотно разсказываютъ. Уже въ XIV вѣкѣ однимъ лишь сыновьямъ и дочерямъ мастеровъ предоставлялось заниматься ремесломъ мясниковъ во Франкфуртѣ и сапожнымъ въ Бременѣ (Шанцъ, въ цит. кн., стр. 14); а въ XV вѣкѣ уже встрѣчаются даже попытки сдѣлать цехи замкнутыми, установить опредѣленный комплектъ мастеровъ. Въ 1468 году рыбаки Гамбурга просятъ городской совѣтъ уменьшить ихъ число съ 50 до 40, въ 1469 году число золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ этомъ городѣ уменьшается до 12, а въ 1463, въ Вормсѣ, число винодѣловъ ограничивается 44. Въ эту эпоху встрѣчается также уже наслѣдственность званія мастера.

Эти ограниченія имѣли, главнымъ образомъ, два важныхъ послѣдствія: съ одной стороны они обострили дѣйствіе увеличивавшейся пролетаризаціи сельскаго населенія и содѣйствовали созданію городского пролетаріата, стоявшаго внѣ всякой цеховой организаціи, а съ другой стороны они создали внутри цехового ремесла противорѣчіе между мастерами и подмастерьями. Сравнительно съ числомъ подмастерьевъ число мастеровъ все уменьшалось, все строже становились преслѣдованія тѣхъ, кто дѣлалъ попытки сдѣлаться самостоятельнымъ помимо цеха. Такимъ ремесленникамъ давали презрительныя клички «Pfuscher» «Bönhase», и т. п. Вскорѣ было запрещено заниматься ремесломъ внѣ города, въ предмѣстьяхъ и даже въ болѣе отдаленныхъ деревняхъ, иногда на нѣсколько миль въ окружности, обыкновенно же на одну милю въ окружности (т. н. Bannmeile) [1]); это повело къ ожесточенной борьбѣ между городскими цеховыми мастерами и нецеховыми сельскими и пригородными ремесленниками, къ борьбѣ, продолжавшейся до начала крестьянскихъ войнъ. Между тѣмъ какъ сельское населеніе массами стремилось въ города, и число предлагавшихъ свои услуги въ качествѣ батраковъ и подмастерьевъ возрастало все болѣе и болѣе, подмастерьямъ становилось все труднѣе добиваться права на званіе цехового мастера, все труднѣе становилось достигнуть самостоятельности внѣ цеха. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало число людей, осужденныхъ всю жизнь оставаться батраками; званіе подмастерья изъ простой переходной стадіи превратилось въ постоянное положеніе для многихъ ремесленныхъ рабочихъ. Подмастерье скоро началъ чувствовать себя не будущимъ мастеромъ, но предметомъ эксплуатаціи мастера; его интересы становились все болѣе противоположными интересамъ мастера.

цехомъ этого города, прямо говорится, что онъ требуетъ продленія срока ученія на четыре года „для того, чтобы не такъ легко было получить право заниматься ремесломъ“ (Карлъ Вернеръ, цит. кн., стр. 30). Въ 1597 году архіепископъ Майнцкій рекомендуетъ шорникамъ и кожевникамъ различныхъ городовъ продолжительный срокъ ученія и странствованія, „чтобы сохранить кожевникамъ и шорникамъ хорошій пріемъ, а также чтобы не позволить неопытнымъ недоучкамъ отнимать у нихъ хлѣбъ“. (Шталь, въ цит. кн., стр. 40, 41).

[1]) Такъ, напр., въ 1500 году въ Цвикау было постановлено, что внутри черты (Bannmeile) города только въ большихъ селахъ могли селиться ткачи льна, по одному въ каждомъ. Подобныя же ограниченія относительно другихъ сельскихъ ремеслъ были уже сдѣланы тамъ въ 1421 и 1492 гг. и не безъ противодѣйствія. Э. Герцогъ, Chronik der Kreisstadt Zwickau. Цвикау 1845, II, стр. 154, 162.

III. Борьба между подмастерьями и мастерами.

На исходѣ среднихъ вѣковъ противорѣчія между мастерами и подмастерьями становились все рѣзче и рѣзче. Пока мастеръ самъ былъ главнымъ работникомъ и лишь временно бралъ себѣ помощниковъ, у него не было причины слишкомъ удлинять рабочее время, онъ самъ пострадалъ бы отъ этого больше всѣхъ. Батракъ ѣлъ вмѣстѣ съ нимъ: не стоило варить для одного человѣка отдѣльно; если дѣла мастера шли хорошо, батракъ также благоденствовалъ; интересы обоихъ были въ высшей степени идентичны. Притомъ на зарѣ товарнаго производства денежное вознагражденіе играло лишь незначительную роль, нерѣдко мастеръ и батракъ дѣлили между собою выручку отъ работы.

У страсбургскихъ ткачей былъ обычай, что батракъ работалъ съ мастеромъ на треть или половину пфеннига, т.-е. онъ получалъ треть или половину выручки отъ общей работы. (Шмоллеръ, въ цит. кн., стр. 416). То же самое мы находимъ у золотыхъ дѣлъ мастеровъ города Ульма по статутамъ 1367 г. (Шталь, въ цит. кн., стр. 332).

При такихъ условіяхъ могли быть поводы къ спорамъ чисто личнаго, но не классоваго характера.

Дѣло принимало совершенно иной оборотъ, когда число подмастерьевъ въ какомъ-либо ремеслѣ увеличивалось. Слѣдить за работой четырехъ или пяти подмастерьевъ было не такъ легко, какъ слѣдить за однимъ. Мастеръ постепенно превращался изъ главнаго рабочаго въ погонщика, старавшагося выжать изъ подмастерьевъ какъ можно больше труда По мѣрѣ того какъ ихъ трудъ становился тяжелѣе, его трудъ облегчался. Если рабочихъ было много, то ихъ труда было достаточно не только для содержанія ихъ самихъ, но и для того, чтобы доставить мастеру порядочный доходъ. Иногда мастеру даже трудъ погонщика казался слишкомъ тяжелымъ, онъ освобождался отъ него введеніемъ задѣльной платы, появляющейся къ концу XIV вѣка. Ея развитіе можно особенно хорошо прослѣдить въ ткацкомъ ремеслѣ [1]). И уже въ XV вѣкѣ иногда находили нужнымъ запрещать мастерамъ работать самимъ.

Чѣмъ меньше мастеръ работалъ самъ, чѣмъ больше ему приходилось заботиться о томъ, чтобы батраки вырабатывали прибавочную стоимость, тѣмъ болѣе онъ старался удлинить рабочее время. Правда, длины рабочаго дня, повидимому, не увеличивали, но зато все сильнѣе становится стремленіе уничтожить свободный понедѣльникъ и заставить батраковъ работать въ многочисленные праздничные дни и даже по воскресеньямъ.

Въ Саксоніи, какъ разъ наканунѣ крестьянской войны, герцогъ Генрихъ, въ 1522 году, издалъ строгій указъ, которымъ онъ воспрещаетъ работать въ праздничные дни, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что подмастерья не имѣютъ права праздновать «свободный» или «добрый» понедѣльникъ (К. В. Герингъ, Geschichte des sächsischen Hochlandes, Лейпцигъ 1828, II, стр. 31). Въ 1503 году, во время стачки подмастерьевъ портновскаго цеха въ Везелѣ, бургомистръ сказалъ въ ремесленной управѣ, что эти подмастерья дѣйствительно очень безпокойный народъ, но что «мастера также очень виноваты, ибо они не хотятъ исполнить справедливое требованіе подмастерьевъ — давать имъ ѣсть три раза

[1]) Шанцъ, Gesellenverbände, стр. 109.

въ день, какъ слѣдуетъ, и наваливаютъ на нихъ слишкомъ много работы». Онъ грозитъ мастерамъ штрафомъ, если они опять будутъ заставлять своихъ батраковъ работать «по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ до начала церковной службы» и если будутъ «драть за вихры и тѣмъ болѣе бить кулаками своихъ учениковъ». Эту рѣчь бургомистра мы нашли приведенной у Янсена (въ цит. кн. I, стр. 337). Она мало гармонируетъ съ его цеховой идилліей.

Рука объ руку со стремленіемъ увеличить тяжесть работы шло стремленіе ухудшить пищу и уменьшить плату батракамъ. Когда приходилось кормить четыре или пять подмастерьевъ, да двухъ или болѣе учениковъ, то стоило уже варить для нихъ отдѣльно. Такимъ образомъ, достигалась возможность «экономить» на ихъ пищѣ, нисколько не мѣшая пріятной жизни семьи мастера. То, что Янсену и его единомышленникамъ кажется такимъ хорошимъ и патріархальнымъ — принадлежность подмастерья къ семьѣ мастера, — послужило средствомъ къ эксплуатаціи перваго.

Еще болѣе, чѣмъ на пищѣ, «бережливые» мастера старались съэкономить на заработной платѣ. Стремленіе къ пониженію заработной платы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, число занятыхъ въ предпріятіи наемныхъ рабочихъ. Когда работаетъ только одинъ, нѣсколько пфенниговъ лишнихъ въ день не имѣютъ значенія, если же эксплуатируется сто человѣкъ, то разницу составятъ ежедневно столько же марокъ, сколько въ первомъ случаѣ было пфенниговъ, въ годъ эта разница возрастаетъ до тысячъ. Въ меньшемъ масштабѣ вліяніе такого отношенія выражалось уже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Конечно, тогда еще не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы предприниматель-промышленникъ могъ давать работу сотнямъ наемныхъ рабочихъ. Имѣя шесть-семь подмастерьевъ, мастеръ обыкновенно уже переходилъ въ этомъ отношеніи нормальную и дозволенную мѣру. Все-таки этого было достаточно, чтобы стремленіе къ уменьшенію платы сдѣлалось гораздо сильнѣе, чѣмъ оно было въ то время, когда ремесло еще не «цвѣло» и когда, вообще, лишь немногіе ремесленники были въ состояніи держать хотя бы одного подмастерья.

Но съ другой стороны возрастало также стремленіе батраковъ повысить наемную плату. Въ Германіи это произошло вслѣдствіе революціи въ цѣнахъ, которая явилась результатомъ быстраго увеличенія добычи серебра и золота въ XV вѣкѣ и въ то же время предтечей еще болѣе важной революціи, вызванной въ теченіе XVI вѣка открытіемъ богатой золотомъ Америки и коснувшейся всей цивилизованной Европы. Кромѣ переворота въ добываніи благородныхъ металловъ, на это повышеніе цѣнъ повліяла также монополія торговыхъ обществъ. Но въ то же самое время возрастала роскошь, росли потребности всѣхъ сословій, а также и потребности мастеровъ. Неудивительно, что жившіе вмѣстѣ съ ними батраки, недавно еще бывшіе почти равными имъ, также стремились принять участіе въ этомъ всеобщемъ подъемѣ.

Поэтому въ XV вѣкѣ и въ началѣ XVI антагонизмъ между мастерами и подмастерьями становился все болѣе и болѣе рѣзкимъ, именно въ вопросѣ о вознагражденіи.

Это, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, на которыя мы уже указывали, повело къ тому, что борьба между подмастерьями и мастерами, начавшаяся еще въ XIV вѣкѣ, становится все безпрерывнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ ближе мы подходимъ къ XVI вѣку.

Наши романтическіе поклонники цеховъ очень любятъ противопоставлять капиталистической промышленности цеховое ремесло, какъ способъ производства, бывшій раемъ для рабочихъ и не допускавшій классовой ненависти. Лишь капитализмъ, или — какъ выражаются полуазіаты — «жидовство», вытѣснило изъ экономической жизни «этику» и посѣяло змѣиное сѣмя классовой ненависти. Но уже въ XIV и XV вѣкахъ цеховые мастера и землевладѣльцы оказываются очень далекими отъ хваленой райской невинности докапиталистическаго періода. О слѣдующихъ вѣкахъ нечего и говорить — въ нихъ уже проявляется вліяніе капиталистическаго грѣхопаденія. «Расцвѣтъ» цехового ремесла основывался уже на эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ и вызвалъ ожесточеннѣйшую классовую борьбу.

Шанцъ очень вѣрно говоритъ въ своей отличной книгѣ, которая въ вопросѣ о подмастерьяхъ нанесла страшный ударъ «этическому» раскрашиванію «исторической» школы: «объ этомъ фактѣ (эксплуатаціи рабочихъ) также слѣдовало бы помнить тѣмъ, кто, какъ Шенбергъ (Zunftwesen, 76), говоритъ объ огромномъ подъемѣ промышленнаго труда и о всеобщемъ благосостояніи ремесленниковъ въ XIV и XV вѣкѣ; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что благосостояніе мастеровъ явилось главнымъ образомъ благодаря не вполнѣ оплаченному труду и поту безпокойно взиравшихъ на будущее подмастерьевъ» (Gesellenverbände, стр. 21).

Несмотря на свое могущество, несмотря на то, что они очень гордились своей автономіей и самостоятельностью, цехи, однако, не стыдились пользоваться для усмиренія подмастерьевъ «помощью государства». Уже въ XV вѣкѣ (въ Англіи даже въ XIV) были изданы многочисленныя таксы вознагражденія; издавались онѣ администраціей, городскимъ совѣтомъ или владѣтельнымъ княземъ, если городъ былъ у него въ подчиненіи. Существовали тогда также таксы общегосударственныя, какъ для ремесленниковъ, такъ и для сельскихъ рабочихъ. Здѣсь мы приведемъ лишь одну, снабженную чрезвычайно характернымъ введеніемъ. Она представляетъ часть земскаго уложенія (Landesordnung), изданнаго въ 1482 году герцогами Эрнстомъ и Альбертомъ для Саксоніи. Въ ней говорится: «Нами получено множество жалобъ отъ высшаго духовенства, князей, дворянства и городовъ, что подданные находятся въ большомъ упадкѣ и несчастіи, что они гибнутъ; все это произошло отъ крупныхъ монетъ и непомѣрнаго вознагражденія прислуги и ремесленниковъ и благодаря распространившейся во всѣхъ сословіяхъ неумѣренности въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ. Въ городахъ же это произошло главнымъ образомъ потому, что нѣкоторыя высшія духовныя лица и дворянство [1]), а также сельскіе ремесленники присвоили себѣ такіе промыслы, какъ приготовленіе солода, пивовареніе и продажа пива; этого не должно быть, это не годится для нихъ, и такого обычая прежде не было. По зрѣлому обсужденію слѣдуетъ прежде всего для оплаты прислуги и ремесленниковъ изготовить и пустить въ обращеніе размѣнную монету низшаго достоинства [2]). Затѣмъ никто не долженъ одѣвать своихъ батраковъ

[1]) Саксонское дворянство, повидимому, тогда уже начало увеличивать свои доходы сельскою промышленностью. Сивуха тогда еще не была извѣстна, поэтому дворянство принялось за пивовареніе.

[2]) Этотъ простой способъ надувать рабочихъ при уплатѣ вознагражденія, примѣнявшійся князьями, возбудитъ вѣроятно удивленіе и зависть у многихъ современныхъ биметалистовъ.

иначе, какъ въ одежды туземнаго издѣлія, только нѣкоторыя вещи (онѣ перечисляются) можно покупать какого угодно достоинства и раздавать ихъ. Но если князь или дворянинъ даетъ своему батраку не обувь и одежду, а наличныя деньги, то онъ можетъ дать городскому батраку пять, а конюху четыре копы новыхъ грошеновъ (копа — 60 шт.)». Послѣ этого слѣдуетъ такса вознагражденія сельскихъ рабочихъ, и затѣмъ говорится: «Рабочему слѣдуетъ давать на хозяйскихъ харчахъ 9 новыхъ грошеновъ еженедѣльно, а на его харчахъ 16 грошеновъ. Мастеровые должны получать къ обѣду и къ ужину только четыре блюда, въ скоромный день супъ, два мясныхъ блюда и овощи; въ пятницу и въ другіе дни, когда не ѣдятъ мяса, — супъ, блюдо свѣжей или сушеной рыбы и два вида овощей; когда нужно поститься, — пять блюдъ: супъ, два рыбныхъ и два блюда изъ овощей, сверхъ того 18 грошеновъ, а простые мастеровые 14 грошеновъ еженедѣльно. Если же эти мастеровые работаютъ на собственныхъ харчахъ, то полировщикамъ слѣдуетъ давать не больше 27, а простымъ каменщикамъ и т. п. не болѣе 23 грошеновъ въ недѣлю [1]).

У кого изъ рабочихъ въ нашъ вѣкъ пара и электричества не текутъ слюнки, когда онъ слышитъ объ этихъ обязательныхъ «постахъ», предписанныхъ въ исходѣ «мрачныхъ» среднихъ вѣковъ. Эти административныя ограниченія относительно вознагражденія и ѣды также относятся къ фактамъ, изъ которыхъ Янсенъ и tutti quanti дѣлаютъ побѣдоносные выводы о томъ, какъ счастливо и пріятно жили рабочіе до-капиталистическаго періода.

Эти постановленія дѣйствительно разрушаютъ либеральную легенду о благахъ, которыми современная цивилизація осыпаетъ пролетаріевъ, но они вовсе не доказываютъ, что наемные рабочіе той эпохи чувствовали себя особенно довольными. Для того, чтобы понять положеніе какого-либо класса, недостаточно знать его, надо еще сравнить его съ положеніемъ другихъ классовъ, съ общими потребностями современной ему эпохи. Въ настоящее время роскошь въ одеждѣ вообще уменьшилась, особенно въ одеждѣ мужчинъ; точно также теперь вообще меньше ѣдятъ. Намъ обѣдъ и ужинъ, предписанный саксонскимъ земскимъ уложеніемъ, кажется очень обильнымъ. Но въ сравненіи съ огромными массами пищи, поѣдавшимися тогда, онъ оказывается довольно жалкимъ [2]).

---

[1]) Гупгеръ, Geschichte der Abgaben, стр. 22. Ср. таксу вознагражденія ремесленниковъ, изданную совѣтомъ города Фрейберга (1475), приведена у Геринга, Geschichte des sächsischen Hochlandes. II, стр. 17.

[2]) Въ средніе вѣка хорошая и обильная ѣда и питье вообще играли большую роль. Приведемъ лишь немногіе изъ многихъ примѣровъ, находящихся у насъ подъ руками. По случаю бракосочетанія племянницы Оттокара Пшемысла II, Кунигунды, съ венгерскимъ принцемъ Бэлою, совершившагося въ 1246 году на Дунаѣ возлѣ Вѣны, изъ Австріи, Штиріи и Моравіи были привезены невѣроятныя массы различныхъ припасовъ: поставили пять скирдъ корма величиною въ огромнѣйшую церковь; откормленный крупный и мелкій скотъ покрывалъ весь дунайскій островъ и ближайшую равнину; дичи и птицъ было безчисленное множество; было тамъ около тысячи мѣръ (Muth) пшеницы на хлѣбъ и столько вина, что его хватило бы для населенія двухъ государствъ на нѣсколько дней". (Ф. Палацкій, Geschichte von Böhmen, Прага 1866, II, стр. 1, 188). Это напоминаетъ нѣсколько описаніе пиршествъ Рабле. Въ 1561 году на свадьбѣ Вильгельма Оранскаго было истреблено: 4.000 шеффелей пшеницы, 8.000 ржи, 1.300 м. овса, 3.600 ведеръ вина, 1.600 бочекъ пива. На большомъ похоронномъ пиру послѣ смерти Альбрехта Баварскаго въ 1509 году было не менѣе 23 блюдъ. На одномъ, названномъ особенно скромнымъ, свадебномъ пиру перешедшаго въ 1569 году въ протестантство аббата (возлѣ

Но даже этого сравнительнаго разсмотрѣнія недостаточно для пониманія дѣла. Характеръ общества лучше опредѣляется направленіемъ его развитія, чѣмъ его состояніемъ въ данный моментъ. Не нищета сама по себѣ воспитываетъ недовольство, но нищета вынужденная, въ которой человѣкъ долженъ оставаться, между тѣмъ какъ рядомъ съ нимъ другіе возвышаются на ступень благосостоянія. И чѣмъ быстрѣе совершается развитіе, тѣмъ рѣзче чувствуются его тенденціи, тѣмъ энергичнѣе реагируютъ на него задѣтые имъ интересы, чѣмъ ожесточеннѣе соціальная борьба. Передъ французской революціей нищета въ Германіи была больше, чѣмъ во Франціи, и все-таки исходной точкой переворота была послѣдняя, ибо въ ней экономическое развитіе шло быстрѣе. Съ 1870 года въ Германіи экономическое развитіе идетъ быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствахъ, въ ней, а не въ Англіи главный очагъ соціалъ-демократіи; въ послѣдней, правда, классовыхъ противорѣчій гораздо больше, но въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій они обостряются относительно медленно. Страной, гдѣ экономическое развитіе въ настоящее время идетъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, являются Соединенные Штаты; весьма возможно, что лѣтъ черезъ десять-двадцать центръ тяжести соціалистическаго движенія перейдетъ туда, хотя положеніе рабочихъ въ Америкѣ, въ среднемъ, лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

О какой-либо эволюціи наши историки культуры говорятъ намъ очень мало. Наши либеральные историки убѣдительно доказываютъ рабочимъ, что они, рабочіе, имѣютъ полное основаніе быть счастливыми, такъ какъ благодаря машинѣ имъ доступна роскошь носить чулки и носовые платки, недоступная прежде даже самымъ могущественнымъ монархамъ. Консерваторы показываютъ намъ нѣсколько расписаній обѣдовъ, нѣсколько таксъ вознагражденія и правилъ объ одеждѣ изъ XIV и XV вѣка и говорятъ: вотъ какъ счастливы были крестьяне и рабочіе въ доброе старое время, когда цехи процвѣтали, и церковь господствовала надъ общественной жизнью. Совсѣмъ иная картина получилась бы, если бы тѣ и другіе указали намъ направленіе, въ которомъ эволюція идетъ въ настоящее время и въ какомъ направленіи она шла четыреста лѣтъ тому назадъ. Они должны были бы сказать, что всѣ старанія эксплуатирующихъ классовъ были направлены на то, чтобы еще болѣе погрузить въ нищету трудящіеся классы. Правда, тогда, какъ и теперь, нѣкоторымъ особенно счастливымъ слоямъ рабочихъ классовъ удавалось на время не только избавиться отъ усиленія гнета, но даже добиться улучшенія въ условіяхъ жизни и труда; но если даже ихъ жизнь улучшалась, то далеко не пропорціонально улучшенію быта эксплуататоровъ: духовенства, высшаго дворянства, купцовъ и мастеровъ. Ихъ доля въ продуктахъ труда и въ пріобрѣтеніяхъ культуры становилась все меньше и меньше.

Несмотря на жаркое и бархатные кафтаны, мы вовсе не находимъ въ рядахъ подмастерьевъ того «цвѣтущаго благосостоянія» и «довольства», того отсутствія «зависти и недоброжелательства по отношенію къ стоящимъ выше», того веселаго довольства, о которомъ такъ сентиментально разсказываетъ Янсенъ. Мы встрѣчаемъ у нихъ какъ разъ противоположное.

Гельмштедта) 110 человѣкъ съѣли двухъ воловъ, три свиньи, десять телятъ, десять овецъ, шестьдесятъ куръ, сто двадцать карповъ, десять щукъ, ушатъ лещей, четверть тонны масла, шестьсотъ яицъ и два сладкихъ молочныхъ сыра (A. Шлоссаръ, Speise und Trunk vergangener Zeite in Deutschland. Вѣна, 1877, ст. 33—35).

IV. Союзы подмастерьевъ.

Борьба большихъ массъ, а слѣдовательно и классовая борьба, невозможна безъ организаціи. Подмастерья также принуждены были организоваться.

Они тѣмъ болѣе нуждались въ организаціи, чѣмъ кровавѣе становилась классовая борьба, которую имъ приходилось вести [1]).

Первоначально союзы подмастерьевъ носили характеръ временныхъ, случайныхъ соединеній. Первымъ подобнымъ достовѣрнымъ союзомъ въ Германіи былъ союзъ подмастерьевъ кушачниковъ въ Бреславлѣ, сговорившихся въ 1329 году пріостановить работу на цѣлый годъ. (Шталь, цит. соч., стр. 390).

Но вскорѣ начинаютъ встрѣчаться и болѣе прочныя соединенія подмастерьевъ.

Естественно, что причины, сводившія вмѣстѣ подмастерьевъ одного ремесла въ городѣ, дали также толчекъ къ образованію союзовъ и вліяли на ихъ характеръ. Поводомъ и мѣстомъ для собраній въ средніе вѣка служили церковь и питейное заведеніе, иногда также война. Предполагаютъ, что нѣкоторыя свѣтскія общества возникли вслѣдствіе того, что ремесленные мастера избѣгали военной службы и посылали на свое мѣсто подмастерьевъ, получавшихъ жалованье изъ цеховой кассы. Подмастерья потомъ и въ мирныя времена охотно сохраняли свою военную организацію. Примѣра возникшаго такимъ образомъ союза мы не знаемъ.

Наиболѣе часто встрѣчающейся формой организаціи подмастерьевъ были церковныя братства и на ряду съ ними харчевни (Trinkstube). Первыя служили преимущественно цѣлямъ взаимнаго вспомоществованія, харчевни были очагами противодѣйствія мастерамъ и администраціи; но функціи этихъ двухъ родовъ ассоціацій не были строго разграничены, церковныя братства часто также становились кассами противодѣйствія.

Въ Германіи первыя братства подмастерьевъ встрѣчаются въ началѣ XV, быть можетъ, уже въ концѣ XIV вѣка, у ткачей. Въ 1389 году уже говорится о казначеѣ ткацкихъ подмастерьевъ въ Шпейерѣ, а это предполагаетъ существованіе кассы взаимопомощи. Въ Ульмѣ ткацкіе подмастерья въ 1402 году уже образовали братство, содержавшее въ больницѣ двѣ кровати для бѣдныхъ подмастерьевъ и являвшееся кромѣ того похоронной кассой.

Для характеристики подобнаго братства мы здѣсь приведемъ правила одного изъ нихъ, признанія котораго въ 1479 году добились страсбургскіе ткацкіе подмастерья. Въ нихъ сказано (у Шмоллера въ цит. выше соч., стр. 93, напечатанъ первоначальный текстъ):

«Мы, Гансъ Герботъ, мастеръ и пять выборныхъ ткацкаго ремесла города Страсбурга, объявляемъ всѣмъ, кто прочтетъ это письмо или услышитъ его чтеніе, что къ намъ пришли почтенные Гансъ Блезингъ и Мартинъ Шустеръ изъ Виссорна, казначеи ткацкихъ подмастерьевъ Страсбурга, и просили и требовали.

---

[1]) Въ Данцигѣ еще въ 1385 году устроившимъ стачку батракамъ были отрѣзаны уши (Шмоллеръ, цит. соч., стр. 453). О такихъ вещахъ Янсенъ ничего не разсказываетъ. Да онѣ и не подошли бы къ его идилліи. И все-таки это происходило въ то время, когда цехи были еще католическими и преисполненными духа „христіанской, братской любви“.

чтобы мы имъ даровали и утвердили написанные здѣсь пункты, статьи и параграфы.

«Братство ихъ учреждается при большомъ госпиталѣ Страсбурга, теперь и на будущее время оно должно оставаться тамъ и не можетъ быть перенесено въ другое мѣсто. На каждое полугодіе они должны выбирать двухъ казначеевъ, двухъ въ рождественскій и двухъ новыхъ въ троицкій постъ. Избранные казначеи должны присягнуть, что будутъ трудиться для пользы общинной казны и что, по мѣрѣ возможности, будутъ защищать ее отъ всякаго вреда. Если выбранный въ казначеи отказывается отъ этой должности, то онъ долженъ заплатить полфунта воску штрафа, выборъ же все-таки долженъ считаться состоявшимся, какъ бы ни противился этому выборный, конечно, если будетъ утвержденъ мастерами. Во время обхода, совершаемаго черезъ каждыя двѣ недѣли для сбора еженедѣльнаго взноса, казначеи не должны тратить денегъ изъ казны на свои собственныя нужды. Если подмастерье остается должнымъ братству два пфеннига и не отдалъ ихъ, когда казначеи при обходѣ требуютъ ихъ уплаты, то онъ обязанъ заплатить два пфеннига штрафа. Не слѣдуетъ больше давать деньги изъ кассы братства заимообразно, развѣ если кто-нибудь заболѣетъ, но и тогда лишь съ согласія мастеровъ и подъ залогъ, превышающій цѣнностью ссуду. Всякій подмастерье долженъ во всѣ посты давать въ кассу братства одинъ пфеннигъ, а также пожертвовать хорошій страсбургскій пфеннигъ; если подмастерье во время сбора находится внѣ города, то, вернувшись въ городъ, онъ все-таки долженъ уплатить свой пфеннигъ».

Затѣмъ слѣдуютъ постановленія о посѣщеніи церкви, священныхъ свѣчахъ и т. п. Потомъ статутъ продолжаетъ: «Если придетъ чужой подмастерье, никогда еще не работавшій въ городѣ, то онъ можетъ проработать здѣсь недѣлю или двѣ безпрепятственно; но если онъ останется дольше, то долженъ дать два пфеннига вклада и потомъ, какъ слѣдуетъ, обязанъ служить братству. Подмастерья, желающіе судиться съ мастерами, должны платить издержки изъ собственнаго кармана, а не изъ кассы братства». Опять слѣдуютъ постановленія относительно священныхъ свѣчей и затѣмъ относительно штрафовъ. «Подмастерье, не уплатившій казначеямъ вклада или еженедѣльнаго взноса, не имѣетъ права работать, пока не уплатитъ всего самъ, или пока другой порядочный подмастерье не внесетъ за него. Если же это не будетъ сдѣлано, то имя его нужно записать и объявлять его во всякій постъ собранію подмастерьевъ».

«Казначеи должны отдавать отчетъ собранію подмастерьевъ и присягнуть, что не возьмутъ изъ кассы больше шиллинга. Казначеи обязываются также присягою брать еженедѣльный и постный взносъ со всѣхъ братьевъ. Въ каждый постъ слѣдуетъ для всѣхъ братьевъ и сестеръ, живыхъ или мертвыхъ, служить обѣдню и молиться о нихъ.

«Если, Боже сохрани, кто либо изъ братьевъ заболѣетъ и попадетъ въ больницу, то ему слѣдуетъ отпускать изъ кассы братства по одному пфеннигу ежедневно. Если подмастерье умретъ, дай Богъ, чтобы это случилось не скоро, въ домѣ мастера или въ другомъ мѣстѣ, но не въ больницѣ, то казначеи должны созвать всѣхъ подмастерьевъ къ похоронамъ, угрожая въ случаѣ неповиновенія штрафомъ два пфеннига.

«Всѣ холостые ткацкіе подмастерья должны отнынѣ служить въ братствѣ».

Такимъ образомъ братство было въ сущности обязательной больничной и похоронной кассой.

Для цеховъ и городской администраціи эти братства были бѣльмомъ на глазу. Уничтожить ихъ было неудобно, благодаря ихъ церковному характеру; кромѣ того, они становились все необходимѣе по мѣрѣ того, какъ число подмастерьевъ возрастало, и страхованіе болѣзни и похоронъ пріобрѣтало все большее значеніе. Перенесеніе этихъ страхованій на цехи очень обременило бы ихъ. Поэтому въ борьбѣ противъ братствъ обыкновенно старались ограничить послѣднія ролью кассъ взаимопомощи и подчинить ихъ контролю цеха и администраціи.

На-ряду съ братствами возникли харчевни. Каждый цехъ имѣлъ свою отдѣльную харчевню. «Въ нихъ подготовлялась борьба между цехами и патриціями; онѣ были главными очагами демократическаго движенія (Шталь). Первоначально подмастерья шли вмѣстѣ съ мастерами. Но чѣмъ болѣе обострялись противорѣчія съ той и другой стороны, чѣмъ высокомѣрнѣе мастера относились къ подмастерьямъ, тѣмъ болѣе, отчасти по необходимости, отчасти по собственному желанію, обособлялись послѣдніе и начали образовывать собственныя харчевни. И ту же роль, которую въ борьбѣ съ патриціями играли харчевни цеховъ, начали теперь играть харчевни подмастерьевъ по отношенію къ цехамъ. Неудивительно, что въ городахъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ изъ-за харчевенъ велась ожесточеннѣйшая борьба. Городскія власти старались совершенно уничтожить ихъ. Тамъ, гдѣ еще существовало противорѣчіе между цехами и городскимъ управленіемъ, совѣтомъ, гдѣ въ этомъ совѣтѣ главную роль играли еще патриціи, тамъ иногда запрещались также и харчевни мастеровъ, обыкновенно однако не всѣхъ ремеслъ, а лишь тѣхъ, которыя еще не достигли цеховой организаціи. Но въ XIV и XV вѣкѣ харчевни подмастерьевъ были запрещены повсюду. И эти запрещенія непрестанно возобновляются.

Въ многократно уже цитированныхъ нами сочиненіяхъ Шмоллера и Бюхера есть многочисленныя иллюстраціи движенія противъ харчевенъ въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ.

«Въ 1421 году въ Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ и Франкфуртѣ была сдѣлана попытка упразднить всѣ харчевни батраковъ, и послѣднихъ заставили присягнуть, что они будутъ собираться вмѣстѣ лишь по церковнымъ дѣламъ. Въ 1390 и 1423 году въ Констанцѣ батракамъ было воспрещено заключать какіе бы то ни было союзы и товарищества. То же самое было сдѣлано повсюду. Кульминаціонную точку всего этого движенія представляетъ страсбургскій уставъ для батраковъ, изданный въ 1465 году. Составленный путемъ договора между различными городами и опубликованный не только въ Страсбургѣ, но и во всѣхъ участвовавшихъ въ договорѣ городахъ, уставъ этотъ разъ навсегда долженъ былъ положить конецъ безпорядкамъ [1]).

Этотъ «уставъ для батраковъ», своего рода «законъ противъ соціалистовъ», изданный нашими предками четыреста лѣтъ тому назадъ, настолько замѣчателенъ, что мы приведемъ здѣсь его важнѣйшія статьи. Онѣ гласятъ:

«Таково мнѣніе делегатовъ отъ верхне и нижне-германскихъ городовъ,

---

[1]) Шмоллеръ, цит. соч., стр. 525. О борьбѣ противъ союзовъ подмастерьевъ города Нюренберга, подробно говорится въ сочиненіи Бр. Шенланка: „Sociale Kämpfe vor dreihundert Jahren". Лейпцигъ. 1894.

собравшихся въ понедѣльникъ, послѣ юбилейнаго воскресенья, въ Страсбургѣ для обсужденія положенія ремесленныхъ подмастерьевъ и другихъ служащихъ батраковъ, и постановившихъ держаться нижеслѣдующаго:

«Во-первыхъ, ремесленные мастера и подмастерья впредь не должны соединяться, заключать союзы или товарищества, не должны давать общіе обѣты или клятвы безъ согласія и разрѣшенія мастеровъ и совѣта того города, въ которомъ они живутъ.

«Затѣмъ всѣ батраки, кому бы они ни служили, рыцарямъ, слугамъ или горожанамъ, если они живутъ въ городѣ, а также всѣ служащіе въ городѣ подмастерья должны поклясться и присягнуть, что будутъ повиноваться бургомистру и совѣту своего города, что будутъ подчиняться ихъ приговорамъ и не станутъ искать суда въ другомъ мѣстѣ.

«Подмастерья впредь не должны также удерживать другихъ подмастерьевъ отъ службы у мастеровъ своего ремесла, они не имѣютъ права устраивать всякаго рода стачки»: «опозориваніе»— объявленіе мастера безчестнымъ, опала по чернымъ спискамъ (Blacklegs), какъ ихъ называютъ теперь, строго воспрещается».

Далѣе, тотъ же параграфъ требуетъ, чтобы подмастерье въ спорахъ съ мастерами или съ другими подмастерьями обращался къ суду мастеровъ своего города, и чтобы онъ подчинялся рѣшеніямъ этого суда; исключаются лишь тѣ случаи, когда дѣло подлежитъ суду городского совѣта. Каждый мастеръ, нанимающій батрака, долженъ объявить объ этомъ не позже, чѣмъ черезъ восемь дней старшинѣ цеха, послѣдній долженъ снять съ батрака присягу, что онъ всегда будетъ подчиняться суду мастеровъ. Затѣмъ имя батрака вносится въ особую книгу. Мастеръ, не сдѣлавшій предписаннаго заявленія въ теченіе восьми дней, платитъ за всякій просроченный день пять шиллинговъ штрафа. Очень милое начало полицейскаго надзора надъ подмастерьями!

Слѣдующій параграфъ постановляетъ, что ни ремесленные, ни другіе служащіе батраки не должны носить при себѣ ножа, развѣ когда они находятся въ пути.

«Послѣ объявленія этихъ постановленій ни одинъ мастеръ нашего округа не долженъ принимать, ни въ качествѣ подмастерья, ни для домашней или дворовой службы батрака, который воспротивится примѣненію вышеизложенныхъ статей, пунктовъ и параграфовъ и не захочетъ сообразоваться съ ними; мастеръ, нарушившій это постановленіе, платитъ четыре гульдена штрафа». Изъ денежныхъ штрафовъ половину получаетъ совѣтъ, а другую половину цехъ.

Ни одинъ изъ союзныхъ городовъ не можетъ измѣнить этого устава безъ согласія другихъ.

Никто изъ служащихъ батраковъ и не-гражданъ Страсбурга не долженъ «ходить въ нашемъ городѣ ночью, тайными путями». Отъ пасхи до Михайла батраки и люди, не имѣющіе права гражданства, не должны выходить на улицу позже десяти часовъ вечера, отъ Михайла до пасхи позже девяти часовъ; исключеніе дѣлается только для тѣхъ, кто выходитъ по порученію господъ или мастеровъ. Нарушившій это правило наказывается денежнымъ штрафомъ въ тридцать шиллинговъ или четырехнедѣльной отсидкой въ «тюрьмѣ» на хлѣбѣ и водѣ.

Позже вышеозначеннаго времени батраки не должны также собираться

въ трактирахъ или въ садахъ. Наказаніе въ этомъ случаѣ такое же какъ и при противозаконномъ выходѣ на улицу.

Хозяева не должны открывать свои дома и принимать батраковъ позже установленнаго времени, подъ угрозой денежнаго штрафа въ пять фунтовъ. «Но это не касается господъ, служащихъ у рыцарей, купцовъ и паломниковъ, которые честные, порядочные люди».

Батракъ, настолько злокозненный, что не пожелаетъ подчиняться этимъ предписаніямъ, не можетъ служить въ Страсбургѣ безъ разрѣшенія мастеровъ и городского совѣта.

Кромѣ того, уставъ для батраковъ содержалъ еще слѣдующія четыре статьи: 1) Ремесленные и другіе служащіе батраки отнынѣ не должны больше имѣть своихъ харчевенъ, нанимать дома и сады, не должны также собираться въ общества, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это ни въ какомъ отношеніи не представляетъ опасности. 2) Во второе воскресеніе послѣ каждаго поста они могутъ созвать собраніе по поводу своихъ свѣчъ, но лишь въ томъ случаѣ, если объявятъ объ этомъ старшинѣ цеха. Послѣдній долженъ выбрать одного или двухъ мастеровъ того ремесла, въ которомъ работаютъ батраки, и долженъ послать ихъ присутствовать на собраніи. 3) Батраки должны справлять похороны въ праздничные, а не въ будніе дни. 4) Не болѣе трехъ батраковъ могутъ безнаказанно носить одинаковыя шляпы, кафтаны, брюки или другіе отличительные знаки.

Такимъ образомъ, харчевни и другія соединенія подмастерьевъ были безусловно воспрещены. Лишь церковные союзы (вѣроятно не «ради однѣхъ только свѣчъ«, но и ради взаимопомощи) остались разрѣшенными, но ихъ подчинили контролю мастеровъ.

Однако, послѣднихъ четырехъ постановленій уже нѣтъ въ «уставѣ для батраковъ» 1473 г., хотя онъ въ остальномъ не отличается отъ устава 1465 года. Напечатанная выше редакція относится къ 1473 г., сохранилась она въ книгахъ суконщиковъ 1551 г. (оригиналъ приведенъ у Шмоллера въ цит. соч., стр. 208 и слѣд.). Стало быть, уже черезъ восемь лѣтъ пришлось отмѣнить самыя драконовскія постановленія этого «закона противъ соціалистовъ», а остальныя также оказались недѣйствительными.

И такъ дѣло шло повсюду. Вскорѣ послѣ 1400 г. городской совѣтъ Франкфурта воспретилъ поденщикамъ и батракамъ содержаніе харчевенъ. Кто, несмотря на это запрещеніе, сдавалъ имъ въ наймы подъ харчевню домъ или комнату, тотъ платилъ большой штрафъ, по одному гульдену въ день. Въ одинъ изъ списковъ этого строгаго запрещенія внесены одиннадцать разрѣшенныхъ впослѣдствіи харчевенъ, между ними харчевни батраковъ садовниковъ и батраковъ Саксенгаузена [1]).

Запрещенія въ самомъ дѣлѣ оказались недѣйствительными. Въ XV вѣкѣ мы видимъ, что подмастерья всюду все болѣе и болѣе выдвигаются впередъ и что направленныя противъ нихъ ограниченія падаютъ одно за другимъ. Подмастерья добиваются признанія своихъ союзовъ, вступленіе въ послѣдніе становится обязательнымъ, они дѣлаются силою. Къ концу этого вѣка подмастерья занимали весьма почтенное положеніе, и организаціи ихъ имѣли большое зна-

[1]) Бюхеръ, цит. соч. стр. 135; ср. стр. 603, запрещеніе 1421 года, и стр. 609.

ченіе. Но характеръ цехового устройства въ исходѣ среднихъ вѣковъ получаетъ совершенно иной видъ, если разсматривать его не какъ состояніе, вытекшее изъ «духа» среднихъ вѣковъ и свойственное всей этой эпохѣ, но какъ пріобрѣтеніе, явившееся результатомъ борьбы. Однако, большинство историковъ культуры стоятъ именно на первой точкѣ зрѣнія; то, что въ концѣ какой-либо эпохи является результатомъ долгой и ожесточенной борьбы, они описываютъ какъ состояніе всей этой эпохи.

Всѣ попытки подавить организаціи подмастерьевъ остались безуспѣшными, главнымъ образомъ потому, что эти организаціи были необходимы, что ихъ значеніе въ городскомъ способѣ производства возрастало. Ремесленная промышленность не только сдѣлалась главнымъ средствомъ пропитанія въ большинствѣ городовъ, но внутри ея самой подмастерья по своей численности и значенію пріобрѣли большую силу въ сравненіи съ мастерами. Процвѣтаніе города становилось все болѣе и болѣе зависимымъ отъ наемныхъ рабочихъ ремесла. Если они гдѣ-либо прекращали работу или уходили, то ихъ ремеслу грозилъ упадокъ, покинутому ими городу тяжелая утрата. Къ тому же условія того времени очень благопріятствовали крѣпкой сплоченности подмастерьевъ. Тогда города были еще невелики. По Бюхеру, населеніе Франкфурта въ 1440 году состояло изъ 8.000 человѣкъ, въ Нюрнбергѣ въ 1449 году насчитывалось 20.000 человѣкъ [1]). Число подмастерьевъ достигало 10% всего населенія [2]).

Естественно, что при столь небольшой численности батраки одного ремесла въ каждомъ городѣ знали другъ друга лично. Сношенія между ними облегчались еще благодаря тому, что всѣ занимавшіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ любили жить вмѣстѣ на одной улицѣ, нерѣдко получавшей названіе по ремеслу и часто сохранившей его донынѣ. Кромѣ того, въ XV и XVI вѣкахъ еще не возникла милая привычка отдѣлять рабочихъ отъ внѣшняго міра, держа ихъ какъ арестантовъ въ мастерскихъ съ желѣзными рѣшетками и замазанными окнами. Насколько позволяли климатическія условія, люди охотно работали на улицѣ передъ домомъ или, по крайней мѣрѣ, при открытыхъ окнахъ. Тогда не нужно было ни печатнаго слова, ни собраній, чтобы сговориться, какъ слѣдуетъ поступить. Горе тому, кто не былъ бы солидаренъ съ остальными! Жизнь его была бы навсегда отравлена. Тогда отдѣльный рабочій не только въ работѣ, но и въ общественныхъ отношеніяхъ вполнѣ зависѣлъ отъ своихъ товарищей по ремеслу.

Обычай странствованія сдѣлалъ подмастерьевъ болѣе подвижными въ сравненіи съ тяжелыми на подъемъ мастерами и повелъ къ тѣсному объединенію чрезвычайно сплоченныхъ организацій подмастерьевъ отдѣльныхъ городовъ между собою. Въ то время стачка не могла быть подавлена привозомъ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ. Шмоллеръ горюетъ по этому поводу: «Для нравственнаго (!) и дѣлового положенія союзовъ подмастерьевъ тотъ фактъ, что большинство ихъ членовъ не были мѣстными жителями, могъ имѣть лишь неблагопріятное значеніе; онъ увеличивалъ легкомысліе, безотвѣтственность, необузданность, чувство превосходства надъ мастерами. Послѣдніе были прикрѣплены къ мѣсту; даже тамъ, гдѣ существовали союзы между главными цехами, они лишь съ трудомъ и медленно могли прійти къ соглашенію со своими товарищами въ другихъ го-

[1]) Бюхеръ, цит. соч., стр. 196, 34.
[2]) Лампрехтъ, цит. соч., стр. 497.

родахъ. Подмастерья всегда и повсюду имѣли союзы и посылали извѣстія; они не чувствовали себя гражданами города, въ которомъ жили и работали: проведя цѣлые годы въ движеніи, они, не задумываясь, укладывали дорожную сумку и пускались въ путь. При спорахъ съ мастерами они, не колеблясь, съ пѣснями и свистомъ, массами уходили и располагались въ другомъ городѣ; тамъ они бездѣльничали, а при заключеніи мира со своимъ городомъ всегда требовали уплаты за свое содержаніе въ чужомъ городѣ. Благодаря лучшей организаціи и гораздо болѣе сильному корпоративному духу, они дѣлали невозможнымъ всякій притокъ подмастерьевъ извнѣ и такимъ образомъ часто выходили изъ борьбы побѣдителями» [1]).

Кромѣ того, они рѣдко были обременены женами и дѣтьми. Женатые подмастерья представляли исключеніе, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ они не встрѣчались вовсе. Вѣдь подмастерья принадлежали къ «семьѣ» мастеровъ, а послѣдніе думали, что легче удастся подчинить ихъ своему «отеческому» вліянію и держать вдали отъ харчевенъ, удобнѣе будетъ слѣдить за ними и эксплуатировать ихъ, давая имъ (сравнительно) скудную пищу и выдавая плату во всевозможныхъ видахъ натурою, если держать ихъ у себя въ домѣ и мѣшать имъ жениться. Къ тому же женатый подмастерье слишкомъ легко поддавался искушенію сдѣлаться самостоятельнымъ, если не законнымъ путемъ, въ качествѣ цехового мастера, то по крайней мѣрѣ незаконнымъ, въ видѣ пригороднаго или сельскаго Pfuscher'a или Störer'a.

Но именно благодаря тому, что они были холостыми, подмастерья пріобрѣли чрезвычайную силу противодѣйствія. Безбрачіе, вѣроятно, гораздо болѣе, чѣмъ обычай странствовать, благопріятствовало перечисленнымъ въ цитированномъ выше сочиненіи Шмоллера свойствамъ и преимуществамъ подмастерьевъ, ихъ упрямству, задору, безпечности и самоувѣренности.

А насколько тяжеле борьба пролетарія въ настоящее время! При всякой стачкѣ, при всякихъ выборахъ, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ несетъ личную отвѣтственность за свои дѣйствія, отъ послѣдствій его поступковъ, вмѣстѣ съ нимъ, страдаютъ его жена и дѣти. Въ небольшихъ городахъ, гдѣ рабочіе могутъ легко столковаться и безъ помощи печати и собраній, они становятся рабами предпринимателей, благодаря заботѣ о семьѣ. Въ большихъ городахъ рабочіе не знаютъ другъ друга. Для того, чтобы прійти къ соглашенію между собою, они нуждаются въ печати, въ большихъ собраніяхъ и союзахъ. Теперь уже недостаточно личныхъ и устныхъ соглашеній для того, чтобы создать ту сплоченность, то единодушіе, которыя гораздо болѣе нужны въ борьбѣ противъ централизованнаго могущественнаго капитала, чѣмъ въ борьбѣ съ мелкими мастерами и ремесленниками: неудивительно, что экономическая борьба рабочихъ теперь принимаетъ все болѣе и болѣе политическій характеръ, что свобода для нихъ означаетъ хлѣбъ, что тотъ, кто лишаетъ ихъ политическихъ правъ, лишаетъ ихъ также и хлѣба, и что обстоятельства повсюду вынуждаютъ ихъ расширить борьбу за повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени въ борьбу за политическую власть.

У ремесленныхъ подмастерьевъ исхода среднихъ вѣковъ вплоть до новѣй-

---

[1]) Шмоллеръ, Das Brandenburgisch-preussische Innungswesen (Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte, томъ I, стр. 79).

шаго времени мы не находимъ никакихъ особенныхъ, свойственныхъ имъ политическихъ тенденцій. Они совершенно были поглощены своими промышленными организаціями, благодаря которымъ достигли такихъ успѣховъ, создали себѣ такое положеніе, какого въ наше время, даже при наличности широкихъ политическихъ правъ и при исключительно благопріятныхъ условіяхъ могли достигнуть лишь немногія рабочія организаціи, да и тѣ только временно. Само собою разумѣется, что условія не во всѣхъ ремеслахъ одинаково благопріятствовали подмастерьямъ. Существовали слабыя и сильныя, совсѣмъ лишенныя вліянія и могущественныя организаціи. Многіе слои пролетаріевъ, которыхъ нетрудно было замѣнить другими, вовсе не достигли организаціи и зависѣли отъ произвола эксплуататоровъ. Среди нихъ не проявлялись ни «корпоративный духъ», ни «идея любви къ ближнему», якобы распространенные въ средніе вѣка повсюду.

Случалось даже, что организаціи рабочихъ, возникшія въ XIII и XIV вѣкѣ, опять распадались. Эта участь постигала необученныхъ рабочихъ, поденщиковъ, ихъ организаціи распадались подъ напоромъ сельскихъ нецеховыхъ конкуррентовъ. Этому, вѣроятно, способствовалъ упадокъ земледѣлія въ городахъ. Но неземледѣльческіе поденщики также не избѣгли этой участи. Такъ, напр., въ концѣ XIV вѣка (1387 г.) франкфуртскіе строительные рабочіе, рабочіе винодѣлы и носильщики еще имѣютъ организацію. Но рядомъ съ цеховыми встрѣчаются уже и нецеховые поденщики, напр., 16 винодѣловъ, 4 носильщика, 10 пильщиковъ и 6 переносчиковъ. Въ 1440 году цехъ строительныхъ рабочихъ уже не существуетъ; цехъ винодѣловъ прозябаетъ до XV вѣка, а цехъ носильщиковъ до первой половины XVI вѣка включительно, но на ряду съ ними нецеховые элементы пріобрѣтаютъ все большее значеніе.

Эти городскіе пролетаріи, никогда не достигавшіе организаціи или снова терявшіе ее, падали все ниже и ниже, нерѣдко абсолютно и всегда относительно въ сравненіи съ организованными подмастерьями. Пропасть между тѣми и другими становилась все шире и глубже.

V. Городская рабочая аристократія.

Чѣмъ больше были успѣхи организованныхъ ремесленныхъ подмастерьевъ, тѣмъ болѣе они чувствовали себя привилегированнымъ классомъ, аристократами, которые такъ же презрительно относились къ стоявшимъ ниже ихъ пролетаріямъ, «подлымъ людямъ», какъ и сами мастера. Подмастерье, приводившій въ харчевню «подлыхъ людей», подвергался наказанію. Кого слѣдовало разумѣть подъ этимъ названіемъ—мы уже сказали выше. Вскорѣ тщеславію организованныхъ рабочихъ стало обидно называться такъ же, какъ и всѣ другіе пролетаріи. Во второй половинѣ XV вѣка мы видимъ, что они повсюду съ возмущеніемъ отказываются отъ названія «батракъ» и требуютъ, чтобы ихъ называли «подмастерьями». Нѣкоторые господа усматриваютъ въ этомъ пробужденіе «демократическаго духа», попытку встать въ соціальномъ отношеніи на одну ступень съ мастерами или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ нимъ. Мы не раздѣляемъ этого воззрѣнія. Именно, пока наемные рабочіе назывались батраками, они соціально стояли гораздо ближе къ мастерамъ, чѣмъ сдѣлавшись «подмастерьями».

Теперь они, правда, возвысились надъ крестьянами и пролетаріями, но не такъ быстро, какъ мастера, ставшіе ихъ эксплуататорами и повелителями. Еще въ XIV вѣкѣ батраки пили въ одной харчевнѣ съ мастерами. Но уже въ XV мастера считали ниже своего достоинства сидѣть за однимъ столомъ съ батраками. Послѣдніе были изгнаны изъ харчевенъ мастеровъ, имъ пришлось вести долгую борьбу изъ-за собственныхъ харчевенъ. И при такихъ условіяхъ имъ могло бы прійти въ голову чувствовать себя болѣе равноправными съ мастерами, чѣмъ прежде!

Нѣтъ, они стыдились смѣшиваться съ другими батраками, не только не принимавшими участія во всеобщемъ подъемѣ, но очень часто опускавшимися еще ниже. Въ настоящее время тщеславіе, подобное тому, которое заставляло подмастерьевъ брезгать названіемъ батраковъ, можно иногда встрѣтить въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ рабочіе, благодаря профессіональнымъ союзамъ, завоевали себѣ особыя привилегіи — это чаще всего квалифицированные рабочіе, которымъ до сихъ поръ ни машины, ни женскій трудъ не приносили своею конкурренціею особеннаго вреда. Еще не очень давно наши наборщики, напримѣръ, обижались, когда ихъ называли рабочими. Они считали себя... «художниками», «артистами».

Чѣмъ больше выгодъ доставляли промышленные союзы подмастерьевъ различныхъ ремеселъ, тѣмъ болѣе суживался кругозоръ организованныхъ въ нихъ рабочихъ. Ихъ единственною цѣлью стало сдѣлать свой союзъ самымъ сильнымъ и могущественнымъ не только по отношенію къ мастерамъ, но и по отношенію къ подмастерьямъ другихъ ремеселъ. Ихъ организація развивала не классовое самосознаніе, а узкій кастовый духъ, мелочное соревнованіе и тщеславіе.

Первоначально въ союзы подмастерьевъ принимались также рабочіе другихъ ремеселъ, даже люди, принадлежавшіе къ другимъ сословіямъ, но симпатизировавшіе подмастерьямъ. Впослѣдствіи это прекратилось. Такъ, напр., въ братство слесарныхъ подмастерьевъ во Франкфуртѣ были приняты:

отъ	1402	до	1471	г.	1.096	членовъ,	изъ нихъ	27 подмастерьевъ.
»	1472	»	1524	»	1.794	»	»	6 »
»	1402	»	1471	»	35	подмастерьевъ	не металлич.	ремеселъ.
»	1472	»	1496	»	6	»	»	»

Съ 1496 года вообще перестали принимать подмастерьевъ, работавшихъ не въ металлическомъ производствѣ [1]). Эти цифры можно бы, пожалуй, объяснить и тѣмъ, что на ряду съ братствомъ слесарей образовались еще и другіе союзы, такъ что чужіе подмастерья не имѣли надобности искать опоры въ организаціи слесарей. Но до какой степени доходило мелочное соревнованіе между различными союзами — объ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя распри. Вскорѣ трудно было найти что-либо болѣе чувствительное, чѣмъ «сословная честь» подмастерьевъ. Она была почти такъ же нѣжна и хрупка, какъ въ наше время честь офицера или студента корпораціи. Причиной этой тонкой чувствительности было не высокоразвитое чувство чести, но высокоразвитое самомнѣніе.

Извѣстенъ вызовъ, посланный въ 1471 году лейпцигскими сапожными подмастерьями тамошнему университету, въ защиту оскорбленной сословной чести.

---

[1]) Бюхеръ, цит. сочиненіе, стр. 619.

Такими же самоувѣренными были пекари и служители маркграфа Якова Баденскаго, пославшіе въ 1470 году вызовъ имперскимъ городамъ Рейтлингену и Эслингену. Въ 1477 году было еще лучше: поваръ г-на фонъ Эппенштейна на Мюнценбергѣ со своими помощниками послалъ вызовъ графу Зольмскому [1]). Борьба рабочихъ между собою происходила уже въ XIV вѣкѣ. Такъ, напр., въ 1350 году случилось въ Страсбургѣ, между шерстоткацкими и шерстобитными подмастерьями, между первыми и холстоткацкими батраками. Но упрямѣе всѣхъ были, вѣроятно, пекарскіе подмастерья города Кольмара: они въ 1495 г. устроили стачку изъ-за того, что городской совѣтъ позволилъ другимъ товариществамъ, имѣвшимъ такія же дорогія свѣчи, какъ они, идти въ день перенесенія плащаницы вмѣстѣ съ ними рядомъ со св. дарами. Стачка продолжалась десять лѣтъ, пока пекари не побѣдили города и товарищей подмастерьевъ. Подобныхъ случаевъ можно насчитать безчисленное множество.

Въ виду такой умственной ограниченности, антагонизмъ между мастерами и подмастерьями и вытекавшая изъ него борьба, несмотря на всю ея ожесточенность и непрерывность, не могли создать цѣлостнаго рабочаго движенія, а также и стремленій къ преобразованію общества. Именно въ наиболѣе сильныхъ рабочихъ организаціяхъ не только не развивалось сознаніе солидарности съ другими рабочими, классовое самосознаніе, а напротивъ, въ нихъ появилось противорѣчіе, съ одной стороны, съ другими развивавшимися организаціями, успѣхи которыхъ возбуждали зависть, а съ другой — съ возрастающей массой пролетаріата, не сумѣвшаго организоваться и все болѣе погружающагося въ нужду и нищету. Только капиталистическая промышленность повела къ разложенію организацій подмастерьевъ, деградировала ихъ въ соціальномъ отношеніи и поставила ихъ на одну доску съ остальными пролетаріями. Такимъ образомъ лишь капиталистическій способъ производства подготовилъ почву для цѣльнаго классоваго самосознанія всего рабочаго класса. Если этотъ способъ производства и ведетъ тамъ и сямъ къ возникновенію новой рабочей аристократіи, то ненадолго. Онъ имѣетъ тенденцію нивеллировать весь рабочій классъ. Однимъ изъ величайшихъ переворотовъ, подготовляемыхъ имъ въ настоящее время, является уничтоженіе аристократическаго слоя интеллигентныхъ рабочихъ, уравненіе умственнаго труда съ физическимъ; это такой огромный и неслыханный переворотъ, что онъ и донынѣ многимъ мудрымъ людямъ кажется безсмысленной утопіей, хотя уже и начался передъ ихъ глазами.

Ремесленное производство среднихъ вѣковъ не имѣло такого революціоннаго характера. Организованные подмастерья были безпокойнымъ, задорнымъ народомъ, умѣвшимъ обращаться съ оружіемъ, ревниво оберегавшимъ свои права и сословную честь. Они гораздо болѣе, чѣмъ современные рабочіе, были склонны добиваться своихъ правъ путемъ прекращенія работъ, безпорядками, въ случаѣ необходимости даже силою оружія.

Ихъ поведеніе было гораздо «радикальнѣе» поведенія современнаго пролетаріата. Большинство нашихъ анархистовъ истинныя овечки въ сравненіи съ дерзкими и легкомысленными подмастерьями исхода среднихъ вѣковъ. Но это касается только ихъ внѣшняго поведенія. Ихъ стремленія носили очень умѣренный характеръ. «Свободный понедѣльникъ» представлялъ, вѣроятно, самое

[1]) К. В. Герингъ, Geschichte des sächsischen Hochlandes, стр. 176.

радикальное требованіе подмастерьевъ. Да и незачѣмъ имъ было стремиться къ ниспроверженію общества, въ которомъ они принадлежали къ числу привилегированныхъ, въ преимуществахъ котораго они имѣли свою долю, хотя и меньшую, чѣмъ доля мастеровъ или купцовъ и князей. Правда, ихъ доля становилась все меньше въ сравненіи съ долей послѣднихъ; они вели ожесточенную борьбу для увеличенія своей части, но они никогда не шли противъ окружающаго ихъ общества. Въ революціонныя эпохи они, положимъ, присоединялись къ другимъ, болѣе радикальнымъ революціоннымъ элементамъ. Но вѣдь и цеховые мастера дѣлали то же самое, когда боролись съ «благородными» городскими общинниками и купцами. Однако, мастера и подмастерья были одинаково ненадежными, у нихъ не было никакой выдержки. При первомъ препятствіи, при первой неудачѣ они отказывались отъ возстанія, цѣли котораго съ самаго начала были имъ не особенно близки, которымъ они хотѣли воспользоваться лишь для содѣйствія своимъ частнымъ, минутнымъ интересамъ. Это было также одною изъ причинъ, почему революціонное движеніе 1525 года такъ быстро рухнуло.

Новое общество, соціальный идеалъ, не были цѣлью союзовъ подмастерьевъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Капиталъ и трудъ въ горной промышленности.

I. Марка (Markgenossenschaft) и горное право.

Въ древности, насколько намъ извѣстно, горнорабочими были исключительно невольники-рабы или отбывавшіе наказаніе преступники. Въ средніе вѣка горнорабочіе были свободными людьми. Первоначально даже членами марки.

Мы уже указывали, что область каждаго поземельнаго союза распадалась на двѣ части — раздѣльную и нераздѣльную марку.

Каждая семья союза получала въ деревнѣ участокъ земли, на которомъ стояла усадьба (домъ, хозяйственныя постройки и садъ), въ частную собственность. Кромѣ того, пахотная земля также выдѣлялась изъ общей нераздѣльной марки и, по извѣстнымъ правиламъ, распредѣлялась между семьями.

Пастбище, лѣсъ, вода и дороги оставались общей собственностью и образовали нераздѣльную полевую марку (Feldmark), но площадь ея съ теченіемъ времени уменьшалась отчасти благодаря увеличенію населенія, вызвавшему основаніе новыхъ деревень и выдѣленіе для нихъ новыхъ полевыхъ марокъ изъ общей марки, отчасти же благодаря вытѣсненію скотоводства и охоты земледѣліемъ, что̀ повело къ увеличенію раздѣльной полевой марки на счетъ нераздѣльной.

Доля каждаго члена союза въ раздѣльной полевой маркѣ, также какъ и въ пользованіи общей маркой, первоначально была равна для всѣхъ. Но способъ пользованія опредѣлялся всѣми членами сообща. Они регулировали пользованіе пастбищемъ, вывозъ листовой подстилки, строительныхъ матеріаловъ и топлива изъ лѣсовъ и, наконецъ, добычу камней. Каждый членъ союза имѣлъ право пользоваться на извѣстныхъ условіяхъ камнями изъ каменоломенъ въ предѣлахъ общей марки.

Въ большинствѣ поземельныхъ союзовъ добываніе камней осталось второстепеннымъ занятіемъ, имъ занимались лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Совсѣмъ иначе дѣло обстояло въ мѣстностяхъ, гдѣ находились залежи соли, мѣди, желѣза и тѣмъ болѣе серебра или золота; или же — что случалось, пожалуй, чаще—гдѣ новоприбывшіе германцы завладѣвали горными промыслами римлянъ. Тамъ трудъ откапыванія минеральныхъ богатствъ, ломка и добыча руды и драгоцѣнныхъ металловъ вскорѣ должны были выступить на первый планъ. Упомянутые минералы требовались и разыскивались повсюду, но находили ихъ лишь въ немногихъ мѣстахъ. Поэтому общины, обладавшія такими мѣстами, рано начали эксплуатировать минеральныя богатства въ большей мѣрѣ, чѣмъ было нужно для удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей, и стали отдавать излишекъ сосѣднимъ общинамъ въ обмѣнъ на ихъ продукты. Такимъ образомъ эти минералы являются первыми объектами товарнаго производства и товарнаго обмѣна.

Горнопромышленные округа были расположены главнымъ образомъ въ горахъ, гдѣ земледѣліе играло, очевидно, незначительную роль. Чѣмъ сильнѣе развивалась горная промышленность, тѣмъ болѣе падало въ сравненіи съ нею земледѣліе. Не нужно было столько пахотной земли, какъ прежде, потому что средства къ жизни можно было получать въ обмѣнъ на продукты горнаго промысла. Земледѣліе и скотоводство теряли все большее число рукъ, благодаря тому, что члены поземельнаго союза все больше и больше занимались горнымъ промысломъ, когда онъ сдѣлался прибыльнымъ. Производство для собственнаго потребленія имѣетъ свой естественный предѣлъ въ собственныхъ потребностяхъ производителя. Предѣлы товарнаго производства опредѣляются потребностями рынка, а послѣдній для продуктовъ горнаго промысла былъ въ сущности безграничнымъ, ибо немногія мѣстности, гдѣ находились и добывались соль и металлы, не могли производить больше, чѣмъ требовалъ рынокъ, который былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ можно бы думать. Драгоцѣнныя вещества передавались изъ рукъ въ руки, изъ деревни въ деревню, продукты горнаго промысла переносились на огромныя разстоянія отъ мѣста добычи. Въ особенно благопріятныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ находились металлы. Въ переработанномъ видѣ (въ видѣ оружія, предметовъ домашняго обихода и украшеній) они были особенно приспособлены для перевозки на дальнія разстоянія [1]). То, что нынѣ примѣнимо лишь къ благороднымъ металламъ, пожалуй, даже къ одному только золоту, которое является товаромъ всѣмъ нужнымъ и въ которомъ никогда не можетъ быть избытка, то въ началѣ товарнаго производства было справедливо также относительно желѣза,

[1]) Уже въ каменномъ вѣкѣ мы находимъ обширную торговлю между отдѣльными племенами оружіемъ, украшеніями и матеріалами, служившими для ихъ изготовленія. Въ Скандинавіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Италіи были найдены каменные топоры изъ нефрита, мѣсторожденій котораго въ Европѣ до сихъ поръ не найдено и который, вѣроятно, вывозился изъ Азіи, гдѣ его очень много. Во Франціи, между Туромъ и Пуатье, встрѣчается массами кремень медоваго цвѣта и очень однороднаго строенія. Возлѣ Пресиньи-ле-Гранъ d-r Левейлье открылъ слѣды мастерской, снабжавшей огромный районъ орудіями изъ этого камня. Во всей Франціи и Бельгіи, а также и Швейцаріи, находятся кремневыя орудія изъ этой мѣстности, легко узнаваемыя по своему оригинальному цвѣту. Въ Америкѣ, въ курганахъ первобытныхъ обитателей долины Миссисипи, встрѣчается мѣдь съ Верхняго озера, слюда изъ Аллегановъ, раковины изъ Мексиканскаго залива и обсидіанъ изъ Мексики. (Lubbock, Die vorhistorische Zeit, Jena, 1874, I, стр. 74, 77, 187).

мѣди, а иногда даже соли. Спросъ на эти продукты былъ, можно сказать, безграниченъ. Неудивительно поэтому, что вездѣ, гдѣ почва изобиловала полезными ископаемыми, горный промыселъ сдѣлался важнѣйшимъ занятіемъ населенія. Земледѣліе, которое долго еще служило только для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а не для товарнаго производства, отступило на второй планъ передъ горнымъ промысломъ.

Первоначально рудники устраивались на земляхъ общаго пользованія. Но какъ же приходилось поступать въ томъ случаѣ, когда съ развитіемъ горнаго промысла стали искать и находили залежи ископаемыхъ на полевыхъ земляхъ? Земли эти были распредѣлены исключительно для цѣлей земледѣлія; разъ эта цѣль не достигалась, земля не обрабатывалась, то и распоряженіе ею снова переходило къ общинѣ. Такъ происходило дѣло всегда, когда начинали добывать руду на надѣльномъ участкѣ. Но такъ какъ горный промыселъ вездѣ, гдѣ онъ развивался, дѣлался важнѣе земледѣлія, то вскорѣ стоило только найти минеральное богатство на полевой землѣ, чтобы таковая снова поступила въ общее пользованіе. Чтобы еще сильнѣе способствовать развитію горнаго промысла, самую вѣроятность присутствія ископаемыхъ въ надѣльныхъ земляхъ стали считать достаточной для возвращенія поля въ общее пользованіе. Наконецъ, жадность къ драгоцѣннымъ ископаемымъ уничтожила даже частную собственность на усадьбу. Всякій членъ общины получилъ право всюду, гдѣ бы то ни было на территоріи общины, разыскивать рудоносные пласты и производить раскопки. Если это кому-либо приносило ущербъ, онъ могъ требовать вознагражденія, но не могъ препятствовать поискамъ. «Ибо горное право такъ сильно, что никто, ни король, ни герцогъ, ни графъ, не могутъ ничего подѣлать противъ него, если кто-нибудь хочетъ копать даже въ огородахъ и дальше, подъ спальной человѣка», такъ сказано въ старой книгѣ штейнфельдскаго аббатства [1]).

Вообще въ развитіи организаціи общины тѣмъ сильнѣе замѣтна тенденція расширить права и область частной собственности за счетъ правъ общаго пользованія, чѣмъ большее значеніе пріобрѣтало земледѣліе въ сравненіи со скотоводствомъ и охотой. Но въ горнопромышленныхъ округахъ, гдѣ земледѣліе, благодаря горному промыслу, теряло свое значеніе, мы видимъ противоположную тенденцію. Горное право ограничиваетъ права частной собственности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ опять обращаетъ ее въ общее пользованіе.

Но рудники переходили въ область общаго пользованія лишь для того, чтобы тотчасъ же снова быть выдѣленными изъ нея. Первые рудники были чрезвычайно примитивны, это были простыя поверхностныя сооруженія—ямы, изъ которыхъ доставали руду. Для разработки такого рудника было достаточно одного человѣка или вообще немногихъ рабочихъ. Пользоваться имъ сообща, какъ, напр., пастбищемъ, было невозможно. Приходилось передавать отдѣльные рудники въ пользованье отдѣльныхъ членовъ общины, какъ передавались въ ихъ пользованье отдѣльные участки пахотнаго поля, луговъ и проч. Но такъ какъ различные рудники давали различный доходъ, и такъ какъ число ихъ нельзя было увеличивать произвольно, какъ число участковъ полевой земли, то для огражденія интересовъ общины передача эта совершалась лишь при условіи, что

[1]) H. Achenbach, Das gemeine deutsche Bergrecht in Verbindung mit dem preussischen Bergrecht etc. dargestellt. Bonn, 1871, I, стр. 71.

лицо, эксплуатирующее рудникъ, уступаетъ общинѣ опредѣленную долю прибыли. Подобно пользованію полевымъ участкомъ, эксплуатація рудниковъ находилась подъ контролемъ и руководствомъ общины, и брошенный рудникъ переходилъ обратно къ ней, какъ и необработанное поле. Какъ только хозяинъ рудника прекращалъ его разработку, онъ терялъ всякое право на него.

Естественно, что право получить въ пользованіе рудникъ принадлежало прежде всего тому, кто нашелъ его, а не тому, кому прежде принадлежала земля, на которой онъ находился, если она была уже частной собственностью. право перваго заявившаго объ открытіи рудника сохранилось до нашего времени въ горномъ законодательствѣ.

Добыча менѣе цѣнныхъ ископаемыхъ долго производилась самымъ примитивнымъ способомъ, добыча же желѣза и каменнаго угля мѣстами осталась и понынѣ въ такомъ же положеніи, но добыча благородныхъ металловъ давно уже достигла высокой степени техники. Рудники становились все обширнѣе, все сложнѣе, и эксплуатація ихъ представляла все больше опасностей. Каждому отдѣльному члену общины, отдѣльному промышленнику становилось все затруднительнѣе заниматься эксплуатаціей за свой страхъ, по своему усмотрѣнію. Отдѣльные рудники становились все въ большую и большую зависимость другъ отъ друга, все болѣе превращались въ одно цѣлое. Какъ ни заботились отдѣльные промышленники о томъ, чтобы ихъ рудники или участки оставались самостоятельными, чтобы каждый сохранялъ право распоряжаться на своемъ участкѣ, все-таки техническая необходимость заставляла объединять производство въ одно цѣлое. Чиновникъ общины, «горный мастеръ», первоначально только контролировавшій эксплуатацію рудниковъ, мало-по-малу сдѣлался руководителемъ всего производства, которое онъ организовалъ планомѣрно.

Но рудники, достигшіе такого развитія, были обыкновенно такъ богаты, что доходы промышленниковъ и членовъ общины (эти два понятія въ началѣ, вѣроятно, совпадали) все болѣе и болѣе освобождали ихъ отъ труда, который, наконецъ, совсѣмъ перешелъ къ наемнымъ рудокопамъ. Промышленники мало-по-малу превращались въ капиталистовъ.

Въ богатыхъ рудникахъ число рубочихъ постоянно увеличивалось. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить рабочихъ при металлургическихъ заводахъ, гдѣ изъ руды выплавлялся металлъ. На-ряду съ ними въ горнопромышленные округа иммигрировала постоянно увеличивавшаяся масса ремесленниковъ, приготовлявшихъ орудія для работъ, обрабатывавшихъ добытые металлы и вообще служившихъ возрастающимъ потребностямъ населенія. Купцы также получали большіе доходы въ этихъ округахъ отъ вывоза добытыхъ богатствъ, и число ихъ быстро возрастало.

Такимъ образомъ, около рудника возникалъ городъ, «горный городъ», въ которомъ члены общины, «владѣльцы копей и плавильныхъ заводовъ», вмѣстѣ съ купцами, вѣроятно, частью вышедшими также изъ ихъ среды, образовали меньшинство, аристократію.

Какъ ни своеобразна была организація этихъ горныхъ общинъ, все-таки онѣ несомнѣнно оставались именно общинами. Разумѣется, земледѣліе и скотоводство потеряли у нихъ все свое значеніе. Но кромѣ рудниковъ, огромное значеніе для нихъ имѣли лѣса, доставлявшіе топливо для плавильныхъ печей. Поэтому тамъ, гдѣ еще сохранилось древнее общинное устройство, община горная является въ то же время лѣсной общиной (Waldgenossenschaft).

Какой видъ принимало, такимъ образомъ, устройство древней горной общины, наглядно показываетъ картина «большой горной общины Гарца, съ ея центромъ Гославромъ», которую намъ рисуетъ Гирке [1]:

«Въ городѣ группа владѣльцевъ копей и заводовъ (montani и silvani) занимала среднее мѣсто между корпораціями купцовъ и цехами (монетчиками, суровщиками и ремесленниками); какъ корпорація, она принимала участіе въ городскомъ управленіи, посылала депутатовъ для составленія статутовъ общины; при всякомъ измѣненіи законовъ, городской совѣтъ долженъ былъ спрашивать ея мнѣнія. Кромѣ того, по городовому праву она была освобождена отъ ареста (имущества) и имѣла право на болѣе широкую самопомощь по отношенію къ своимъ служащимъ. По отношенію къ лѣсамъ Гарца названная корпорація горнопромышленниковъ пользовалась всѣми правами собственно лѣсной общины: правомъ эксплуатаціи лѣсовъ, правомъ занятія охотой и рыбнымъ промысломъ въ нихъ. Въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, въ дѣлѣ завѣдыванія и управленія рудниками и заводами названная община была вполнѣ самостоятельной. Только высшій надзоръ и высшій судъ надъ нею принадлежали первоначально имперскому фогту, а впослѣдствіи городу Гослару, въ частности же городскому совѣту изъ шести выборныхъ лицъ. Промышленники, подъ общимъ руководствомъ выбраннаго ими горнаго мастера или судьи, сами вели горный промыселъ и сами, хотя и подъ вліяніемъ городского совѣта, вырабатывали на своихъ общихъ собраніяхъ въ Гославрѣ горные законы (Bergordnung). Въ качествѣ присяжныхъ они участвовали въ судѣ горнаго мастера, бывшемъ первой инстанціей въ долговыхъ и спеціально горныхъ спорахъ».

Однако, горныя общины ненадолго сохранили свое общинное устройство въ первоначальной его чистотѣ. Развитію и сохраненію горныхъ общинъ, какъ и общинъ земельныхъ, помѣшало возникновеніе крупнаго землевладѣнія.

Разумѣется, богатыя горныя общины располагали гораздо большими средствами для защиты противъ своихъ притѣснителей, чѣмъ бѣдныя крестьянскія; мы не встрѣчали также примѣра, чтобъ рудокопы въ средніе вѣка гдѣ-либо сдѣлались оброчными или крѣпостными. Но именно богатство горныхъ промысловъ и соблазняло «господъ» подчинить ихъ себѣ. «Господа» объявили горный промыселъ, наравнѣ съ охотой, своей привилегіей: во многихъ княжествахъ на лѣвомъ берегу Рейна горный промыселъ опредѣленно приравнивается къ охотѣ, и «милостивому господину» предоставляется «охота на землѣ и подъ землею». Но крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ страны былъ король; ему съ самаго начала удалось присвоить себѣ рядъ рудниковъ; вскорѣ онъ предъявилъ также права на горные промыслы, присвоенные дворянами, епископами или монастырями. Въ концѣ концовъ, короли,—а въ Германіи императоры,—объявили, что никто не имѣетъ права на горный промыселъ, не получивъ его отъ нихъ въ качествѣ лена. Горный промыселъ,—первоначально только добыча золота, серебра и соли,—былъ объявленъ регаліей.

Сначала императорамъ, въ самомъ дѣлѣ, удалось хотя отчасти осуществить свои претензіи. Въ вышеназванной книгѣ Ахенбаха есть нѣсколько такихъ примѣровъ. Такъ, напр., въ XII вѣкѣ Фридрихъ I заставилъ нѣсколькихъ епископовъ принять отъ него свои рудники въ ленное владѣніе. Но уже въ слѣдую-

[1]) O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Berlin, 1868, I, стр. 443.

щемъ вѣкѣ начался упадокъ императорской власти и возвышеніе крупныхъ землевладѣльцевъ, превратившихся во владѣтельныхъ князей. Горная регалія перешла теперь къ нимъ, и они сдѣлались скоро достаточно сильными для того, чтобы добиться признанія этой регаліи среди мелкихъ землевладѣльцевъ и отдѣльныхъ общинъ.

Уже Карлъ IV принужденъ былъ признать въ своей золотой буллѣ горную регалію принадлежностью курфюрстовъ. Наконецъ, Карлъ V въ своей капитуляціи 1519 г. гарантировалъ всѣмъ имперскимъ сословіямъ ихъ регаліи.

Общинная организація въ горномъ промыслѣ въ то время уже совсѣмъ исчезла, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ существовали болѣе крупные рудники. Не только мѣста выборныхъ общинныхъ чиновниковъ были заняты княжескими чиновниками, которые независимо отъ членовъ общины и промышленниковъ руководили веденіемъ горнаго промысла, судили и рѣшали, кому можно было дать въ ленное владѣніе рудникъ, а кому нѣтъ, но и вообще исчезла исключительность общиннаго устройства въ горномъ промыслѣ. Организація горной промышленности дѣлалась все несовмѣстнѣе съ ограниченіями этого устройства. Требовалось все большее число рабочихъ, которыхъ приходилось привлекать издалека, потому что въ пустынныхъ горныхъ округахъ, гдѣ находились рудники, населеніе было очень рѣдкое. Но чѣмъ обширнѣе и цѣннѣе становились горные рудники, тѣмъ болѣе они нуждались въ притокѣ крупныхъ капиталовъ; отсюда стремленіе открыть доступъ къ пріобрѣтенію въ собственность горныхъ промысловъ крупнымъ капиталистамъ, не входившимъ въ составъ общины. То обстоятельство, что капиталисты и купцы находились обыкновенно въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ князьями, которымъ они часто помогали выходить изъ затруднительнаго положенія путемъ займовъ, способствовало также старанію князей, пользуясь своимъ могуществомъ, уничтожать привилегіи членовъ общинъ на исключительную эксплуатацію горныхъ промысловъ. Рудники были выдѣлены изъ общинныхъ земель, и земли, гдѣ они находились, были объявлены «свободными». На свободныхъ земляхъ горный промыселъ былъ доступенъ всѣмъ, получившимъ на то разрѣшеніе князя. Когда, такимъ образомъ, преграды, препятствовавшія притоку посторонникъ элементовъ въ общину, были уничтожены, въ рудники, особенно зелотые и серебряные, быстро хлынула пестрая масса купцовъ, ростовщиковъ, авантюристовъ, рабочихъ и нищихъ, явившихся сюда искать счастья. Лишь благодаря этому, сдѣлалось возможнымъ быстрое развитіе крупныхъ рудниковъ.

Всякая связь между горнымъ промысломъ и общиною была уничтожена. Неудивительно, что стоящіе на точкѣ зрѣнія римскаго права юристы, и безъ того ничего не смыслившіе въ общинномъ устройствѣ, совсѣмъ не могли понять возникшаго изъ него германскаго горнаго права. Лишь замѣчательныя изслѣдованія Г. Л. фонъ-Маурера объ устройствѣ общинъ дали ключъ къ германскому горному праву, какъ и ко многимъ другимъ соціальнымъ явленіямъ.

II. Крупное капиталистическое производство въ горномъ дѣлѣ.

Въ началѣ XVI вѣка германскій горный промыселъ представлялъ для воспитаннаго на римскомъ правѣ юриста странное зрѣлище.

Эксплуататоръ рудника не имѣлъ полнаго права собственности на него, а лишь право пользованія имъ. Предоставленіемъ этого права распоряжался кня-

жескій чиновникъ, горный мастеръ. Получившій отводъ (Muther) учреждалъ товарищество изъ четырехъ, а впослѣдствіи и болѣе паевъ или куксовъ [1]) (отъ чешскаго Kus, т. е. часть). Опредѣленное число этихъ паевъ принадлежало князю. Паи можно было продавать; владѣлецъ одного или нѣсколькихъ паевъ былъ «пайщикъ» (Gewerke). Такимъ образомъ рудники эксплуатировались акціонерными обществами. Владѣніе паями не давало право собственности на рудникъ, но лишь на чистую прибыль, получаемую отъ его эксплуатаціи. Прибыль эта дѣлилась между владѣльцами паевъ, равно какъ и расходы по эксплуатаціи. Если расходы въ теченіе нѣкотораго времени превышали приходъ и одинъ изъ пайщиковъ былъ не въ состояніи платить причитавшихся на его долю расходовъ, то онъ терялъ свой пай, и товарищи могли передать его другому. Если рудникъ вообще не эксплуатировался, то все товарищество теряло права на него, и князь могъ передать его въ ленъ другому.

Но кромѣ этихъ особенностей, кажущихся насмѣшкой надъ понятіями о собственности по римскому праву, самая эксплуатація рудниковъ велась подъ руководствомъ чиновниковъ князя, узурпировавшаго права, принадлежавшія раньше общинѣ, и голосъ пайщиковъ имѣлъ очень мало значенія въ завѣдываніи рудниками.

Горный статутъ герцога и курфюрста Августа Саксонскаго (напечатанъ въ 1574 г.) перечисляетъ въ третьей статьѣ слѣдующихъ назначенныхъ княземъ чиновниковъ: двухъ горныхъ совѣтниковъ (Bergrath), которые дважды въ годъ въ сопровожденіи начальника (Hauptmann), главнаго горнаго мастера (Oberbergmeister) и управляющаго горнымъ округомъ (Bergwerksverwalter), должны были посѣщать отдѣльные рудники. Кромѣ того мы назначили для каждаго горнаго города, смотря по положенію и размѣрамъ промысла, горнаго мастера и изрядное число присяжныхъ (Geschworene), свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей, десятниковъ (Zehender), особыхъ распредѣлителей прибыли каждые 1/4 года (Austheiler), писарей, ведущихъ книгу, гдѣ вписаны акціонеры и ихъ участки (Gegenschreiber), секретарей горнаго правленія (Bergschreiber), управляющихъ металлургическими заводами (Hüttenverwalter), бухгалтеровъ (Hüttenreuter), ревизоровъ и заводскихъ писарей (Recess- und Hüttenschreiber), обжигальщиковъ серебряной руды (Silberbrenner) и маркшейдеровъ».

Пайщики назначаютъ (§ 42) штейгеровъ и шахтмейстеровъ, но лишь съ разрѣшенія и утвержденія начальника и главнаго горнаго мастера, управляющаго горнымъ округомъ и горнаго мастера каждаго рудника. По § 44 чиновники эти имѣютъ право увольнять штейгеровъ и шахтмейстеровъ. Шахтмейстеръ нанимаетъ и увольняетъ рабочихъ, но лишь съ согласія горнаго мастера и двухъ присяжныхъ.

Книга Агриколы [2]), изъ которой мы заимствовали послѣднее свѣдѣніе, сообщаетъ также болѣе подробно о функціяхъ отдѣльныхъ чиновниковъ.

---

[1]) При дѣленіи на доли въ горномъ промыслѣ число 4 играло большую роль. По куттенбергскимъ горнымъ статутамъ, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что право горнаго промысла, если въ эксплуатаціи послѣдняго участвовало нѣсколько человѣкъ, дѣлилось на четыре основныя доли. Позже стали дѣлить на 8, 16, 32, наконецъ $4 \times 32 = 128$ куксовъ, и послѣднее число сдѣлалось обычнымъ. Первый разъ мы находимъ намекъ на него въ грамотѣ 1327 г., но въ Фрейбергѣ такое дѣленіе принято лишь съ 1698 г. (Ср. Achenbach, l. c., стр. 291).

[2]) Мы воспользовались отличнымъ нѣмецкимъ изданіемъ: „Vom Bergwergk XII Bücher darin alle Empter, Instrument, Gezeuge vnd alles zu disem Handel gehörig,

Горному начальнику всѣ должны повиноваться, онъ является высшимъ судьею. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ горный мастеръ; по средамъ послѣдній, вмѣстѣ съ присяжными, производитъ судъ. Въ другіе дни онъ посѣщаетъ рудники и указываетъ, что въ нихъ надо дѣлать. По субботамъ штейгеры должны отдавать ему отчетъ за недѣлю.

Горный писарь пишетъ «записки для тѣхъ, кто желаетъ получить рудникъ», и каждую четверть года приготовляетъ для пайщиковъ отчеты о приходахъ и расходахъ по рудникамъ, книги которыхъ онъ ведетъ. Десятникъ принимаетъ выручку отъ добычи и даетъ изъ нея штейгерамъ деньги, нужныя для производства работъ въ рудникѣ. Чистый доходъ завѣдующій его распредѣленіемъ передаетъ пайщикамъ. Если вмѣсто дохода получается дефицитъ, то горный писарь пишетъ сумму приходящейся доплаты на бумагѣ, которая послѣ утвержденія горнымъ мастеромъ и двумя присяжными прибивается къ дверямъ пайщиковъ (или ихъ довѣренныхъ).

Штейгеръ управляетъ рудникомъ и платитъ жалованье, размѣры котораго онъ опредѣляетъ совмѣстно съ присяжными. Иногда они (присяжные) вмѣстѣ со штейгерами заставляютъ рабочихъ дѣлать въ разныхъ частяхъ рудника пробную добычу породы, чтобы въ зависимости отъ твердости установить надлежащую плату за добычу въ соотвѣтствующихъ забояхъ [1]).

Если рабочіе неожиданно находятъ твердую породу, то вознагражденіе ихъ увеличивается сообразно этому, или же, напротивъ, уменьшается, если порода окажется мягче, чѣмъ предполагалось.

Наконецъ, шахтмейстеръ руководитъ работами въ рудникѣ и наблюдаетъ за ними.

Кромѣ веденія коммерческой стороны дѣла, не отличавшейся, впрочемъ, сложностью, особенно въ серебряныхъ рудникахъ, продуктъ которыхъ шелъ на чеканку монеты, роль пайщиковъ сводилась лишь къ уплатѣ денегъ при дефицитѣ и полученію ихъ при успѣшномъ ходѣ дѣла. Правда, Агрикола (стр. 31) говоритъ, что пайщики должны бы жить въ горахъ, чтобы присматривать за своими рабочими. Они не должны полагаться на штейгеровъ: «хозяйскій глазъ дѣлаетъ коней гладкими». Но это предостереженіе Агриколы только доказываетъ намъ, что уже въ его время пайщики любили жить вдали отъ мѣста, гдѣ создавались ихъ богатства; они сдѣлались лишними въ процессѣ производства, веденіе котораго взяла въ свои руки княжеская бюрократія.

Вмѣстѣ съ умаленіемъ личнаго участія пайщиковъ въ разработкѣ принадлежавшихъ имъ рудниковъ росли требованія на ихъ капиталы. Успѣшная и прибыльная эксплуатація горнаго промысла сдѣлалась вскорѣ привилегіей крупныхъ капиталистовъ, крупныхъ городскихъ купцовъ и банкировъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новѣйшаго времени техника горнаго дѣла сильно развилась, особенно въ Германіи, считавшейся тогда «Перу Европы», самой богатой золотомъ и серебромъ страной нашей части свѣта.

---

mit schönen Figuren vorbildet vnd Klärlich beschriben sindt, erstlich in Lateinischer sprach durch den Hochgelerten vnd Weittberümpten Herrn Georgium Agricolam, Doctorn und Bürgermeistern der Churfürstlichen statt Kempnitz, jetzund aber verteutscht durch den Achtparen vnd Hochgelerten Herrn Philippum Bechium, Philosophen, Artzet vnd der Loblichen Uniuersität zu Basel Professoren", Basel 1557 г., стр. 73.

[1]) Забоями называютъ мѣста непосредственной добычи породы.

Чѣмъ болѣе углубляются шахты и разработка рудника, тѣмъ опаснѣе и труднѣе становятся работы въ нихъ. Рудники для добычи большинства ископаемыхъ, напримѣръ, желѣзныхъ рудъ и каменнаго угля, имѣли крайне примитивное устройство, допускавшее разработку на небольшой сравнительно глубинѣ [1]).

Подъемъ и доставка добытаго матеріала за извѣстными предѣлами глубины становился слишкомъ труднымъ; въ выработкахъ ощущался недостатокъ свѣжаго воздуха и, благодаря этому, дальнѣйшее углубленіе становилось невозможнымъ, подземныя воды затопляли шахты. Однако, жадность къ благороднымъ металламъ сумѣла побѣдить всѣ эти препятствія; она заставляла служить себѣ умъ практиковъ и ученыхъ, ставила возникшей въ то время научной техникѣ все новыя и болѣе широкія задачи, толкала ее отъ одного изобрѣтенія къ другому, чтобы покорить силы природы, заставляла изобрѣтать болѣе и болѣе совершенныя орудія, возводить грандіознѣйшія сооруженія.

Такимъ образомъ, уже въ XVI вѣкѣ мы находимъ горное дѣло Германіи на очень высокой ступени развитія.

Кто желаетъ ознакомиться съ нимъ поближе, тотъ найдетъ отличное руководство въ упоминавшейся выше книгѣ Георга Агриколы изъ Хемница.

Для нашей цѣли, однако, скорѣе подходитъ менѣе подробное и спеціальное, но зато болѣе живое, образное, сжатое описаніе современныхъ приспособленій въ горномъ дѣлѣ, которое даетъ въ своей «Сарептѣ» пасторъ Матезіусъ, бывшій въ то время проповѣдникомъ въ Іоахимсталѣ — одномъ изъ важнѣйшихъ центровъ серебро-свинцовыхъ рудниковъ въ Саксоніи [2]).

Наука уже поступила на службу къ горному промыслу. Теоретически образованные инженеры устраивали рудники и копи и руководили ими. Этотъ трудъ уже далеко превосходилъ силы простого, необразованнаго горнорабочаго.

Правда, примѣнять компасъ долженъ былъ умѣть и послѣдній. «Это прекрасные инструменты, достойные похвалы и благодарности. Ибо они ведутъ не только путешественниковъ на сушѣ и мореплавателей въ открытомъ морѣ, но и вамъ, горнорабочимъ, находящимся подъ землею, они указываютъ, въ какую сторону ведутъ ходы и куда вы должны итти». Изъ этихъ словъ ясно, какія

[1]) Добыча бураго угля въ Рудныхъ горахъ до середины прошлаго вѣка давала слишкомъ мало дохода, для того, чтобы могло возникнуть крупное производство. Тамъ существовали лишь небольшіе промыслы, часто лишь на поверхности земли, гдѣ промышленникъ самъ со своимъ семействомъ добывалъ уголь. Работа въ копяхъ производилась, обыкновенно, только зимою, когда не было земледѣльческихъ работъ. Промышленники были обыкновенно мѣстные крестьяне. (Ср. Braf, Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse, Prag 1881, стр. 4). Грифель въ Мейнингенскихъ горахъ и донынѣ еще добывается примитивнѣйшими способами. „...Повсюду копаются многочисленныя ямы, въ пунктахъ, гдѣ по возможности ближе къ поверхности земли можно добывать лучшій и легче всего обрабатываемый шиферъ. При этомъ держатся наилучшихъ пластовъ, бросаютъ мусоръ на мѣстѣ добычи и оставляютъ работу, какъ только прерывается пластъ, или какъ только яма, благодаря недостаточному или вовсе отсутствующему отводу воды, затопляется ею“. Производство ведется небольшими обществами арендаторовъ-рабочихъ, которые сами добываютъ на промыслахъ сырой матеріалъ. (E. Sax, Die Hausindustrie in Thüringen, Jena, 1882, I, стр. 70). Вѣроятно, всякій горный промыселъ слѣдуетъ представлять себѣ первоначально въ такомъ именно видѣ.

[2]) Johann Matthesius, „Bergpostilla oder Sarepta... Sampt der Joachimsthalischen kurtzen Chroniken biss aufs 1578 Jar.“, Nürenberg 1758. Книга эта есть собраніе проповѣдей, произнесенныхъ въ промежутокъ между 1553 и 1562 гг.

сложныя развѣтвленія представляли уже въ то время подземныя выработки, если горнорабочій долженъ былъ пользоваться компасомъ, чтобы не заблудиться. Большія услуги онъ оказываетъ инженерамъ при тригонометрическихъ измѣреніяхъ для опредѣленія границъ отдѣльныхъ рудниковъ, при проведеніи вентиляціонныхъ шахтъ и т. п. «Особенно же необходимъ онъ въ благородномъ искусствѣ маркшейдера, безъ котораго въ горномъ дѣлѣ нельзя обойтись, желая работать съ выгодой для хозяина рудника, желая правильно задать направленіе выработокъ для ихъ соединенія, задержать притокъ воды, направить струю воздуха по выработкамъ, предохранить себя отъ вторженія въ смежные рудники и т. п. Маркшейдерскіе ученики должны прилежно изучать Эвклидову и основную геометріи, должны научиться пріемамъ измѣренія, изучить устройство примѣняемыхъ при этомъ приборовъ, и только мастера своего дѣла могутъ понимать толкъ въ тріангуляціи и пропорціяхъ» (стр. 143).

Здѣсь мы уже видимъ развитіе одной изъ особенностей крупнаго капиталистическаго производства, раздѣленіе рабочихъ на два класса. Съ одной стороны простые рабочіе, отъ которыхъ требуется, главнымъ образомъ, физическая сила, а съ другой, рабочіе образованные, отъ которыхъ требовалось напряженіе силъ духовныхъ.

Однако, въ началѣ XVI вѣка еще не было «перепроизводства интеллигенціи», по крайней мѣрѣ, его не было въ технической области, скорѣе его можно было встрѣтить въ области богословія. Инженеровъ еще не было тогда такъ много, какъ теперь, и поэтому цѣнились они очень высоко. Поэтому и Матезіусъ восклицаетъ, что должно «хвалить трудъ и работу искусниковъ и предпочитать такихъ чудодѣевъ, обладающихъ истиной, другимъ горнымъ техникамъ, которые могутъ лишь возстановить старую шахту. Вѣдь князья и господа тоже умѣютъ цѣнить такихъ искусныхъ людей, которыхъ Богъ и природа предпочли другимъ. Императоръ Максиміліанъ очень хорошо обходился со своими искусниками. Ибо, когда человѣкъ, оборудовавшій промыселъ въ Инсбрукѣ, устроившій въ Куттенбергѣ водоотливныя машины и осушившій большое озеро при помощи машинъ, вродѣ сифоновъ, встрѣтилъ со стороны нѣкоторыхъ дурное обращеніе и сталъ жаловаться императору, то благочестивый императоръ сказалъ: «Эти люди не умѣютъ обходиться съ умными людьми».

«Но такъ какъ въ наше время, славу Богу, маркшейдерское и другія свободныя искусства изучаются на-ряду съ Евангеліемъ въ школахъ, и уже многіе люди знаютъ ихъ пользу, и какъ слѣдуетъ пользоваться для измѣренія земли квадрангуляціей и тріангуляціей, то владѣльцы горныхъ промысловъ и горнопромышленные города должны способствовать и помогать умнымъ головамъ, способнымъ и склоннымъ къ этому, любящимъ математику и искусства, чтобы они основательно могли изучить маркшейдерское искусство и изобрѣтали полезныя и прочныя машины, чтобы за недорогую цѣну можно было постоянно извлекать воду и руду».

Слѣдовательно, въ горномъ дѣлѣ наука уже въ началѣ XVI вѣка служила производству. Традиціи, обычаи отцовъ, играющіе столь большую роль въ ремеслѣ, изгнаны, ихъ мѣсто занимаетъ въ качествѣ революціоннаго фактора методическое научное изслѣдованіе; цѣлью его является постоянная эволюція производства, изобрѣтеніе все лучшихъ инструментовъ, т.-е. такихъ, которые, требуя наименьшихъ затратъ, сберегаютъ наибольшую массу труда. Все это черты, свойственныя современной крупной капиталистической промышленности.

До чего при такихъ условіяхъ дошло машинное производство въ горномъ промыслѣ, видно изъ слѣдующаго описанія (Матезіусъ, стр. 145 и слѣд.): «Трудъ горнорабочаго очень тяжелъ и многіе такъ надрываются, двигая тяжелые вороты, извлекая руду и воду, что у нихъ кровь идетъ горломъ; многіе даже платятся жизнью, потому что имъ приходится стоять цѣлый день нагими, выкачивая воду и выполняя обязательный урокъ. Милость и даръ Божій, что Онъ, помощью полезныхъ сооруженій и инструментовъ, облегчаетъ тяжелый трудъ въ потѣ лица, наложенный на человѣческій родъ за грѣхи, что Онъ вмѣсто людей запрягаетъ лошадей, и при помощи прекрасныхъ сооруженій, посредствомъ воды, вѣтра и огня поднимаетъ изъ величайшихъ глубинъ воду и руду, чтобы уменьшить затраты и быстрѣе извлечь скрытыя сокровища наверхъ.

«Истинное благодѣяніе, за которое слѣдуетъ благодарить Бога и людей, что животныя и стихіи также несутъ свою службу и что многія умныя головы съ пользою служатъ горному дѣлу своими изобрѣтеніями. Не сладокъ хлѣбъ, который приходится добывать, стоя цѣлый день надъ воротомъ и дѣлая много круговъ за одинъ пфенигъ, терпя постоянные удары и толчки ворота и рукоятокъ. Когда вдвоемъ приходится вытаскивать въ одну смѣну много ушатовъ воды, причемъ каждый ушатъ содержитъ почти цѣлое ведро—это тоже нелегкая работа, высасывающая мозгъ изъ костей, сокращающая жизнь. Но Богъ далъ искусниковъ, придумавшихъ хорошую помощь, придѣлавшихъ къ вороту рукоятки и устроившихъ подъемныя колеса, чтобы облегчить трудъ и сдѣлать его производительнѣе. Устроили также подъемныя колеса со шкивами (Scheiben) и рукоятками (Scheibenspulen), ступенчатыя колеса, чтобы не только руки и плечи, но также ноги и все тѣло участвовали въ подъемѣ руды и воды, а это также достойно благодарности. Вертикальный воротъ также прекрасная вещь, ибо при его помощи вода и руда поднимаются наверхъ лошадьми, причемъ въ одну смѣну можно вывезти больше, чѣмъ двадцатью ручными воротами. Также удобно примѣненіе коннаго привода для тормаза (Bremscheibe). Будетъ также удобно и выгодно для васъ, если вы повѣсите въ копяхъ валы (Welle) и перекладины (Stempel), чтобы имѣть шпили (Brustwinden), блоки (Kloben) и Windstangen. У горцевъ есть также мѣхи (Bulgen, Utres у Агриколы), кожаные мѣшки, въ которыхъ они зимою привозятъ руду съ высокихъ горъ къ домамъ, и собаки, въ которыхъ пустые мѣшки отвозятся обратно въ горы.

«Широкая и хорошо устроенная штольня съ жолобомъ для воды представляетъ собою прекраснѣйшее водоотливное сооруженіе въ рудникѣ, ибо черезъ нее выходятъ вода и дурной воздухъ и производится доставка руды въ бадьяхъ и собакахъ [1]). За это наши горнорабочіе должны благодарить Бога и охотно, быстро и неуклонно давать свою подать—четвертый и девятый пфенигъ. Но тамъ, гдѣ нельзя устроить штольни, послѣдняя съ большой пользой для дѣла замѣняется особымъ водоотливнымъ сооруженіемъ, поднимающимъ воду въ бадьяхъ посредствомъ коннаго ворота и особыхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе вѣтромъ или самою же водою. На поверхности вода, текущая въ оврагахъ, поднимается сама собою, за счетъ собственной работы и проводится въ замки и гористыя мѣста. Въ рудникѣ такія сооруженія невозможны, ибо для дѣйствія ихъ

[1]) Собаками назывались колесныя телѣжки, въ которыхъ производится откатка руды по доскамъ, проложеннымъ вдоль выработки.

необходимо провести сверху количество воды, значительно большее того, которое поднимается на поверхность, и владѣлецъ рудника Pithi умеръ съ горя отъ невозможности отвести воду. А чтобы поднять подземныя воды, нужно провести въ рудникъ воду сверху, какъ это сдѣлано въ рудникахъ Pithi, гдѣ богатый владѣлецъ умеръ съ горя. Но ученые и инженеры придумали многія полезныя водоотливныя сооруженія, особенно насосы, при помощи которыхъ появившуюся въ рудникѣ воду откачиваютъ ручной силой, конными, вѣтряными и другими двигателями [1]).

«Вы, горнорабочіе, должны въ своихъ пѣсняхъ пѣть славу тому хорошему человѣку, который теперь устраиваетъ подъемъ руды и воды при помощи вѣтра. Говорятъ, что теперь вода выкачивается уже при помощи огня... [2]).

«Наконецъ, разъ уже я заговорилъ о разныхъ сооруженіяхъ, мнѣ, какъ священнику на горномъ промыслѣ, слѣдуетъ возблагодарить Бога за прекрасныя приспособленія, дающія возможность проводить въ штольни свѣжій воздухъ и выгонять изъ нихъ испорченный. Дѣлается это при помощи воздухопроводныхъ трубъ (у Агриколы по-латыни canalis longus) воздуходувныхъ машинъ и вѣеровъ. Вѣдь нетрудно устроить надъ штольней трубу изъ досокъ, замазать щели въ ней глиною, чтобы чистый воздухъ могъ проникнуть въ рудникъ, а испорченный уйти изъ него по воздухоочистительному каналу; особенно тамъ, гдѣ испорченный воздухъ выдувается мѣхами, онъ быстро замѣщается чистымъ, ибо природа не терпитъ, чтобъ какое-либо мѣсто оставалось пустымъ и порожнимъ.

«Говорятъ, что въ Куттенбергѣ дурной воздухъ отводится черезъ большія трубы, похожія на дымовыя, особенно когда разводятъ огонь [3]); такимъ образомъ, чистый воздухъ проводится въ шахты на глубину пятисотъ лахтеровъ [4]) и еще глубже; у насъ въ Іоахимсталѣ недавно устроены такія же сооруженія, и тоже при помощи воздуходувныхъ машинъ проводятъ чистый воздухъ на глубину нѣсколькихъ сотъ лахтеровъ, и пришлось даже съ большими затратами устроить двѣ штольни — одну надъ другой».

Матезіусъ говоритъ здѣсь только о добывающемъ горномъ промыслѣ. Въ сочиненіи Агриколы есть указанія на то, какія грандіозныя сооруженія тогда служили для обработки руды: толчеи, плавильныя печи, аппараты для дѣленія металловъ и «твердыхъ жидкостей» — соли, стекла и т. д. Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что въ XVI вѣкѣ горный промыселъ, по крайней мѣрѣ добываніе благородныхъ металловъ, уже потерялъ ремесленный характеръ. Онъ состоялъ уже не изъ ряда простыхъ пріемовъ, усвоиваемыхъ горнорабочимъ въ теченіе ученическихъ годовъ, въ концѣ которыхъ онъ понималъ все производство. Послѣднее стало недоступно пониманію простого рабочаго, рудникъ сдѣлался большимъ, сложнымъ организмомъ, требовавшимъ обширныхъ искус-

[1]) „Pumpenberg, у Агриколы называется по-латыни Fibulae“ болты (Bolzen?). Агрикола описываетъ въ 6 книгѣ своего сочиненія три рода водоотливныхъ сооруженій, черпающихъ воду ведрами, семь видовъ насосовъ и шесть видовъ сооруженій, черпающихъ воду съ помощью четкообразнаго приспособленія“ (mit Stangen, въ родѣ Paternosterwerke) и т. д., въ общемъ около 16 видовъ водоподъемныхъ машинъ.

[2]) Не идетъ ли здѣсь рѣчь о забытой впослѣдствіи паровой машинѣ?

[3]) Здѣсь подразумѣвается огонь, разводимый въ рудникахъ, благодаря которому порода дѣлалась рыхлѣе и крошилась. Но этого, разумѣется, нельзя было дѣлать безъ хорошей вентиляціи.

[4]) Лахтеръ равенъ приблизительно двумъ метрамъ. Слѣдовательно, уже въ тѣ времена проникали въ землю свыше, чѣмъ на километръ.

ственныхъ сооруженій; руководить имъ могли только научнообразованные техники, «искусники», двигать имъ могли силы, превышающія человѣческія; это былъ организмъ, для обладанія и содержанія котораго нуженъ былъ капиталъ.

При такихъ условіяхъ пролетарій не имѣлъ никакой надежды когда-либо обладать хоть одной шахтой такого рудника. Мелкіе капиталисты, каждый въ отдѣльности, также не были въ состояніи нести затраты на устройство порядочнаго рудника.

Правда, они могли соединиться вмѣстѣ и образовать артель, товарищество, что случалось довольно часто [1]). Но они не всегда имѣли успѣхъ.

Геологія находилась въ то время еще въ зародышѣ, и горный промыселъ еще въ большей степени, чѣмъ теперь, походилъ на азартную игру. Доходность рудниковъ колебалась въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Иногда бросали не только отдѣльные рудники, но даже цѣлые округа, которые впослѣдствіи снова эксплуатировались съ успѣхомъ.

Эксплуатація серебряныхъ рудниковъ Гарца (возлѣ Гослара) началась въ X вѣкѣ. Въ теченіе первыхъ ста лѣтъ они давали необычайно большіе доходы. Затѣмъ о нихъ почти ничего не слышно до 1205 года, когда ихъ вновь начали эксплуатировать, послѣ долгаго промежутка времени.

Въ XII вѣкѣ началась эксплуатація саксонскихъ серебряныхъ рудниковъ, въ XIII—богемскихъ. Въ 1295 году король Богеміи Венцель II утверждаетъ въ своихъ горныхъ статутахъ (Bergordnung), что золотые и серебряные рудники истощены повсюду, кромѣ Богеміи, изобилующей золотомъ и серебромъ. Въ XIV вѣкѣ госларскіе рудники снова были оставлены и лишь въ 1419 году ихъ опять стали эксплуатировать, послѣ чего въ теченіе цѣлаго столѣтія разработка ихъ не пріостанавливались.

Мейсенскіе рудники эксплуатировались равномѣрнѣе; но какъ сильно измѣнялись размѣры добычи!

Доходъ отъ маріенбургскихъ рудниковъ составлялъ: въ 1520 году 258 фл.; въ 1521—772 фл.; въ 1522—1806 фл.; въ 1523—1161 фл.; въ 1529—2562 фл.; въ 1530—6572 фл.; съ этого времени доходъ быстро возрастаетъ, въ 1540 году онъ достигаетъ своей высшей точки 270.384 фл, а къ 1552 году падаетъ до 22.749 фл.

Въ выгодныхъ рудникахъ Шнееберга пайщикамъ роздали чистаго дохода (излишка надъ издержками производства):

Годы.	Маркъ чист. сереб.	Годы.	Маркъ чист. сереб.
1511	6.192	1519	6.779
1512	59.340	1520	10.787
1513	17.673	1521	774
1514	8.127	1522	6.321
1515	14.214	1523	1.935
1516	21.156	1524	253
1517	25.324	1525	2.515
1518	9.675		

[1]) Паи (куксы) не всегда были доступны по цѣнѣ небогатымъ людямъ. Во многихъ рудникахъ Іоахимсталя пай продавался по тысячѣ іоахимсталеровъ, что тогда составляло значительную сумму (Matthesius, стр. 18).

Слѣдовательно и въ этихъ рудникахъ прибыль предпріятія колебалась между 59.000 и 250 марками. Сколько приходилось доплачивать пайщикамъ рудниковъ, не дающихъ прибыли,—этого мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ у многихъ рудниковъ бывали годы съ большимъ дефицитомъ, когда приходилось либо много доплачивать, либо прекращать производство (или участіе въ немъ) и терять весь вложенный въ предпріятіе капиталъ.

Крупный капиталистъ, способный выдержать такія колебанія, въ среднемъ за многіе годы получалъ значительную прибыль; зато мелкій легко превращался въ нищаго. Если же ему везло, и предпріятіе его оказывалось выгоднымъ, то крупные капиталисты легко могли испортить ему все дѣло, благодаря своему вліянію на князей и ихъ чиновниковъ.

Агрикола разсказываетъ, что многіе считали горную промышленность безнравственной изъ-за слѣдующихъ обстоятельствъ, существованіе которыхъ онъ самъ не отрицаетъ: «Когда гдѣ-либо появляется надежда найти богатыя залежи руды, то князь или какое-либо другое начальство отбираетъ у пайщиковъ ихъ рудникъ [1]); или является хитрый, упрямый сосѣдъ, затѣвающій съ владѣльцами судебный процессъ, въ надеждѣ оттягать у нихъ хоть часть рудника; иногда же горный начальникъ налагаетъ на пайщиковъ тяжелыя взысканія, чтобы, подъ предлогомъ неплатежа ихъ, самому завладѣть рудникомъ. Или, наконецъ, штейгеръ прекращаетъ проведеніе галлерей, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ пайщики, считая рудникъ окончательно истощеннымъ, бросаютъ его, онъ самъ добываетъ оставленную руду и пользуется ею. Къ тому же вся масса горнопромышленниковъ (рѣчь идетъ, разумѣется, не о наемныхъ рабочихъ) состоитъ изъ лживыхъ, безсовѣстныхъ людей»... «Они или расхваливаютъ рудники, чтобы продать свои паи (куксы) вдвое дороже чѣмъ тѣ стоятъ, или бранятъ ихъ, чтобъ скупить ихъ за дешевую цѣну» (I книга).

Не удивительно, что горная промышленность пользовалась тогда такою же дурною славой, какъ въ наше время биржа, но она не менѣе послѣдней привлекала капиталистовъ. Какъ та, такъ и другая служатъ средствомъ обездоливать мелкихъ капиталистовъ, желающихъ быстро разбогатѣть, въ пользу крупныхъ. По отношенію къ послѣднимъ, разумѣется, не практиковались пріемы, описанные нами выше; такимъ людямъ, какъ Фуггеры, арендовавшіе швицкіе золотые рудники, или цвикаускіе купцы братья Ремеръ, захватившіе себѣ львиную долю въ шнеебергскихъ серебряныхъ рудникахъ и чрезвычайно расширившіе этимъ свое состояніе,—и не приходилось ничего опасаться [2]).

«Кто желаетъ заниматься горнымъ промысломъ, — говоритъ Матезіусъ (проповѣдь),—тотъ долженъ имѣть или деньги, или здоровыя руки, ибо копать, шурфовать и т. д. должны или очень богатые, или очень бѣдные»...

Иными словами, въ горной промышленности находили себѣ мѣсто лишь крупные капиталисты и пролетаріи.

[1]) 1-я статья горныхъ статутовъ Августа Саксонскаго въ 1574 г. обѣщаетъ пайщикамъ, что доли ихъ не будутъ уже конфисковаться, какъ это часто дѣлалось прежде. Очень милое оффиціальное признаніе.

[2]) Аугсбургскіе Фуггеры получали отъ однихъ только отданныхъ имъ въ залогъ швицкихъ рудниковъ въ Тиролѣ ежегодно 200.000 флориновъ; общество Аугсбургскихъ Гёхштетеровъ получило съ этихъ промысловъ, за время съ 1511 по 1517 г. не менѣе 149.770 марокъ серебра (Brandsilber) и 52.915 центнеровъ мѣди. (J. Janssen, Geschichte des deutschen Volkes, II, стр. 390).

III. Горнорабочіе.

По мѣрѣ того, какъ занимавшіеся горнымъ промысломъ члены сельской общины превращались въ капиталистовъ-пайщиковъ, — батраки и ученики превращались въ наемныхъ рабочихъ. Они уже не работали вмѣстѣ съ хозяиномъ и не жили съ нимъ въ его домѣ и семьѣ, раздѣляя его горе и радость. Прежнія патріархальныя отношенія исчезли. Часто рудокопы едва знали въ лицо капиталиста, для котораго они работали, какого-нибудь купца изъ далекаго города, не имѣвшаго понятія о работѣ на промыслѣ.

Правда, гдѣ горнопромышленная область была выдѣлена изъ общей марки и объявлена «свободной», тамъ теоретически всякому, даже бѣдному, была дана возможность сдѣлаться пайщикомъ. Но при описанныхъ въ предыдущей главѣ условіяхъ это было для лицъ малосостоятельныхъ дѣломъ рискованнымъ, а для неимущихъ—фактически невозможнымъ. Только для штейгера иногда открывалась возможность сдѣлаться пайщикомъ въ какомъ-либо рудникѣ.

Въ сравненіи съ нынѣшними условіями жизни, положеніе горныхъ рабочихъ въ XVI вѣкѣ не было неблагопріятнымъ. Обычный рабочій день (смѣна) продолжался, по Агриколѣ (4 книга), въ среднемъ 7 часовъ. Первая смѣна начиналась въ 4 часа утра и продолжалась до одиннадцати; вторая продолжалась отъ двѣнадцати до семи часовъ. Ночная работа (отъ восьми часовъ вечера до трехъ утра) допускалась лишь въ случаѣ крайней необходимости. Ни одинъ рабочій не могъ работать двѣ смѣны подрядъ, ибо онъ заснулъ бы надъ работой, «утомившись отъ тяжелаго и продолжительнаго труда».

Работа прекращалась не только въ праздничные и воскресные дни, но также и по субботамъ. Субботой горнорабочіе должны были пользоваться для закупки жизненныхъ припасовъ на всю недѣлю. Слѣдовательно, на недѣлю приходилось 35 рабочихъ часовъ; ихъ бывало еще меньше, если случались праздники, а въ послѣднихъ въ то время не было недостатка.

Случалось, что смѣны бывали еще короче, такъ, напр., въ Куттенбергѣ и на Гарцѣ были въ обычаѣ шестичасовыя смѣны [1]).

О вознагражденіи горнорабочихъ мы не нашли точныхъ указаній въ доступныхъ намъ источникахъ. Но если принять во вниманіе, что въ XVI вѣкѣ всѣ вообще рабочіе находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ настоящимъ ихъ положеніемъ, и что горнорабочіе занимали привилегированное положеніе среди остального рабочаго населенія, то мы можемъ предположить, что они получали сравнительно высокое вознагражденіе.

Однако, тогда уже въ положеніи горнорабочихъ, какъ и всѣхъ наемныхъ рабочихъ вообще, замѣтна тендеція къ ухудшенію. Мы видѣли выше, что въ горной промышленности уже въ XVI вѣкѣ произошло раздѣленіе труда на умственный и физическій. Это уменьшило значеніе и вознагражденіе тѣхъ изъ нихъ, которые были заняты исключительно физическимъ трудомъ. Ихъ легко было замѣнить новыми, которымъ приходилось меньше учиться. Раздѣленіе труда распространялось и всѣ болѣе ухудшало положеніе горнорабочихъ.

---

[1]) Ср. очень поучительную статью Г. Ахенбаха, „Die deutschen Bergleute der Vergangenheit“, въ „Zeitschrift für Bergrecht“, издаваемомъ Брассертомъ и Ахенбахомъ, Bonn, XII, Jahrgang, 1871, стр. 110.

Настоящій рудокопъ долженъ умѣть дѣлать весьма многое, но рѣдко кто-нибудь понимаетъ все дѣло,—жалуется Агрикола (1 книга). «Немного найдется людей, знающихъ вполнѣ все горное дѣло. Одинъ умѣетъ только шурфовать, другой промывать, третій знаетъ искусство плавленія, четвертый маркшейдерское дѣло, пятый строитъ искусныя сооруженія а шестой свѣдущъ только въ горномъ правѣ».

Различныя машины требовали при работѣ ряда пріемовъ, легко исполняемыхъ всякимъ сильнымъ рабочимъ, безъ долгаго обученія. При обработкѣ руды, особенно при ея разборкѣ и промывкѣ, уже часто примѣнялся женскій и даже дѣтскій трудъ, какъ видно изъ восьмой книги Агриколы.

Число манипуляцій въ горномъ промыслѣ, изучаемыхъ всякимъ легко и безъ подготовки, доступныхъ всѣмъ здоровымъ людямъ, быстро возрастало.

Такая дифференціація труда содѣйствовала доступу къ горнымъ работамъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ общинѣ, и мало-по-малу работы эти сдѣлались доступными для всѣхъ желающихъ ими заниматься.

Въ людяхъ, пользовавшихся возможностью доступа, не было недостатка: если разорившіеся крестьяне и городскіе пролетаріи не дѣлались бродягами или ландскнехтами, то они также охотно шли на золотые и серебряные промыслы Саксоніи, Богеміи, Зальцбурга и Тироля, какъ съ 1849 г. разорившіеся и экспропріированные крестьяне бросились въ Калифорнію. По мнѣнію Агриколы, большинство рудокоповъ не понимаетъ ничего въ горномъ дѣлѣ: «Ибо обыкновенно на горные промыслы бѣгутъ люди, у которыхъ много долговъ и нечѣмъ платить ихъ; шли обанкротившіеся купцы или бросившіе плугъ и бѣжавшіе отъ работы крестьяне».

Отецъ Лютера, рудокопъ мансфельдскаго округа, былъ также разорившійся крестьянинъ.

Въ мѣстность, гдѣ начиналась эксплуатація серебрянаго рудника, быстро стекалась масса людей. Когда, напр., въ 1471 году, на Шнеебергѣ въ Саксоніи открыли богатыя жилы серебра, тамъ словно по волшебству возникъ цѣлый городъ. Въ 1516 году, когда началась эксплуатація іоахимстальскихъ рудниковъ, туда собралось болѣе восьми тысячъ рудокоповъ.

Какъ видно, въ свободныхъ рабочихъ рукахъ недостатка не было. Неудивительно, что заработная плата понижалась или, по крайней мѣрѣ, не возрастала, несмотря на быстрое повышеніе цѣнъ въ началѣ XVI вѣка.

Пайщики и княжескіе чиновники по мѣрѣ силъ способствовали этой тенденціи; они не только понижали, по возможности, заработную плату, но старались еще, при помощи разнообразнѣйшихъ мошенническихъ уловокъ, урвать часть и этой платы. Для этой цѣли они выдавали плату низкопробной монетой или примѣняли Trucksystem [1]).

Такъ, въ одной хроникѣ XV вѣка имѣется слѣдующая характеристика положенія дѣла въ Шнеебергѣ: «Когда добыча серебра въ Шнеебергѣ увеличилась до того, что стало уже невозможно обращать весь металлъ въ монету, пайщики начали вывозить выплавленное серебро въ слиткахъ и обмѣнивать его

[1]) Система вознагражденія за работу натурой (съѣстными припасами и другими товарами).

на болѣе низкопробныя монеты, которыми они затѣмъ расплачивались съ рудокопами, точнѣе—обманывали ихъ» [1]).

Цитированные уже выше горные статуты Августа Саксонскаго, изданные въ 1574 году, находятъ нужнымъ повелѣть въ отдѣльной (47) статьѣ, чтобы рабочіе получали плату доброкачественной монетой. Статья 43 запрещаетъ штейгерамъ и шахтмейстерамъ нанимать рабочихъ на хозяйскихъ харчахъ.

Вообще, противъ системы выдачи заработной платы натурой издавались безчисленныя постановленія, свидѣтельствующія о томъ, какъ сильно она была распространена. Обыкновенно, впрочемъ, запрещалось только «навязыванье» товаровъ. Такъ, напр., въ тирольскихъ горныхъ статутахъ 1510 года сказано: «Ни одинъ рабочій не можетъ быть принужденъ принять въ уплату за трудъ товары, онъ можетъ дѣлать это только по доброй волѣ. И если рабочій не захочетъ брать товаръ и будетъ требовать денежной платы, ты въ качествѣ нашего горнаго судьи, долженъ помочь ему, принять его жалобу и произнести свой судъ, какъ слѣдуетъ по горному праву и по этимъ статутамъ».

Но постановленія эти, повидимому, оставались обыкновенно лишь на бумагѣ. Не слѣдуетъ забывать, что княжескіе чиновники имѣли рѣшительное вліяніе на размѣры заработной платы и на обращеніе съ рудокопами, такъ что безъ ихъ согласія невозможны были ни пониженіе, ни различныя урѣзки платы.

Вслѣдствіе этого, рабочіе относились къ князю и его чиновникамъ не менѣе враждебно, чѣмъ къ пайщикамъ. Съ мелкими пайщиками у рабочихъ было даже много точекъ соприкосновенія, соединявшихъ ихъ. Идеаломъ рудокопа было, вѣроятно, самому сдѣлаться пайщикомъ. Но мы уже видѣли, какъ князья, ихъ чиновники и крупные капиталисты эксплуатировали и обманывали мелкихъ пайщиковъ, затрудняли имъ доступъ къ доходнымъ рудникамъ, а иногда дѣлали его прямо невозможнымъ. Такимъ путемъ они вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшали и безъ того слабыя надежды рудокоповъ выйти, когда-либо изъ рядовъ пролетаріата. Мелкіе пайщики и рудокопы имѣли общаго врага, какъ въ настоящее время его имѣютъ ремесленники и пролетаріи. Это вело къ тому, что они иногда соединенными силами возставали противъ своихъ общихъ враговъ, князей и крупныхъ капиталистовъ. Особенно часты подобные союзы въ альпійскихъ рудникахъ.

Тѣснѣе, крѣпче всего союзы между рабочими и пайщиками были въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ сохранилось мелкое производство, какъ, напр., въ рудникахъ для добычи желѣзныхъ рудъ. Въ нихъ пайщикъ работалъ самъ, часто безъ наемныхъ рабочихъ, при помощи однихъ только членовъ своей семьи. Но и въ такихъ рудникахъ нерѣдко развивался антагонизмъ между рабочими и капиталистами. Такъ, напримѣръ, часто возникалъ антагонизмъ между рабочими и владѣльцами мелкихъ желѣзныхъ рудниковъ и владѣльцами желѣзодѣлательныхъ заводовъ, имѣвшихъ чисто капиталистическій характеръ. И въ этой борьбѣ сила была на сторонѣ капиталистовъ: номинально бывшіе вполнѣ самостоятельными владѣльцы рудниковъ превращались въ такихъ же наемныхъ рабочихъ завода, какъ нынѣ «самостоятельные» грифельщики мейнингенскаго нагорья превратились въ рабовъ своихъ скупщиковъ.

Самая же рѣзкая противоположность между рудокопами и пайщиками про-

[1]) E. Herzog, Chronik der Kreisstadt Zwickau, I, стр. 201.

являлась въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ. Рудники эти сильнѣе всѣхъ страдали отъ гнета княжеской бюрократіи, но именно въ нихъ и рабочіе были болѣе другихъ способны къ сопротивленію.

Рудокопы были единственные рабочіе, уже очень рано работавшіе большими группами; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, ихъ можно сравнить съ рабочими современной крупной промышленности. Уже въ средніе вѣка число рабочихъ въ большихъ рудникахъ считалось тысячами, особенно въ рудникахъ серебряныхъ, напр. на Гарцѣ, въ Фрейбергѣ, въ Иглау и Куттенбергѣ [1]), позже въ Мансфельдѣ [2]) и т. д.

Но эти горнорабочіе отличались отъ нынѣшнихъ тѣмъ, что они носили оружіе. Еще въ 1530 году въ Швицѣ (Тироль) Карла V встрѣтили 5.600 хорошо вооруженныхъ рудокоповъ, устроившихъ передъ его глазами примѣрное сраженіе.

О мансфельдскихъ рудокопахъ, игравшихъ выдающуюся роль въ тюрингенскомъ возстаніи, Шпангенбергъ разсказываетъ, что имъ былъ сдѣланъ смотръ въ 1518 году. «Тогда графъ Гебгартъ Мансфельдскій, въ отсутствіе своего брата, графа Альбрехта, гостившаго у герцога Генриха Брауншвейгскаго, объявилъ и повелѣлъ всѣмъ рудокопамъ отъ своего имени и отъ имени братьевъ и двоюродныхъ братьевъ, чтобы всѣ они по первому требованію были готовы явиться въ лучшемъ своемъ вооруженіи. На это они охотно и съ радостью согласились, и 21 сентября горный фогтъ Бастіанъ Мецельвицъ созвалъ ихъ въ долину передъ Виммельбургомъ для смотра и нашелъ, что они вооружены недурно» [3]).

Въ этихъ вооруженныхъ рабочихъ батальонахъ господствовалъ смѣлый, задорный духъ, и они были готовы силой сопротивляться всякой нанесенной имъ несправедливости. Чѣмъ рѣзче дѣлалось противорѣчіе между ними съ одной стороны и капиталистами и князьями, господствовавшими въ горномъ дѣлѣ, съ другой, тѣмъ чаще случались среди нихъ возстанія [4]). Въ хроникахъ того времени именно въ послѣднія десятилѣтія и годы передъ началомъ крестьянскихъ войнъ, отмѣчается, что возстанія горнорабочихъ участились чрезвычайно—вѣрный признакъ того, насколько обострилось положеніе дѣлъ.

Возьмемъ для примѣра борьбу изъ-за заработной платы, происходившую около этого времени въ саксонскихъ рудникахъ.

---

[1]) Achenbach, Die deutschen Bergleute der Vergangenheit.

[2]) „Рудокопы мансфельдскихъ рудниковъ“, говоритъ Биринген, „обыкновенно черезъ каждыя двѣ недѣли получаютъ свой заработокъ весь, сполна, въ горномъ управленіи (Bergamt), въ Эйслебенѣ, гдѣ прежде при всякой выдачѣ рудокопамъ, угольщикамъ, горнымъ служащимъ и т. д. уплачивалось до 18—20.000 талеровъ“. Johann Alberti Bieringens S. S. Theol. Cultor und Mannsfeldischen Landes-Kindes Historische Beschreibung des sehr alten und löblichen Mannsfeldischen Bergwerks, Leipzig und Eisleben. 1743, стр. 8.

[3]) Cyriacus Spangenberg, Sächsische Chronica, Frankfurt a M. 1535.

[4]) Наряду съ рудокопами особенно своеправнымъ народцемъ были, повидимому, кузнецы (Bergschmiede). Въ старые годы вблизи крупныхъ копей и рудниковъ поселились кузнецы, приготовлявшіе инструменты для рудокоповъ и вообще желѣзныя орудія, употреблявшіяся при работѣ въ шахтахъ. Уже въ Куттенбергскихъ статутахъ (изд. около 1300 года) много говорится (l. c., 16) о горныхъ кузнецахъ (Bergschmiede); кузнецовъ называютъ главными зачинщиками смутъ въ рудникахъ и рекомендуютъ кузнечнымъ мастерамъ тщательно выбирать такихъ подмастерьевъ, которые не участвуютъ „ни въ собраніяхъ, ни въ заговорахъ или противогосударственныхъ затѣяхъ“ (contra nostram rempublicam aliquibus machinationibus. Achenbach, Das deutsche Bergrecht, I, S. 204).

Въ 1478 году герцоги Эрнстъ и Альбрехтъ Саксонскій писали Фрейбергскому городскому совѣту: «Любезные и вѣрные подданные. До насъ дошло извѣстіе, что рабочіе на Шнеебергѣ и на всѣхъ вообще горныхъ промыслахъ нашей страны и княжества требуютъ большей платы, чѣмъ они обыкновенно получали до сихъ поръ. Если допустить это, то для насъ и для всѣхъ нашихъ въ будущемъ изъ этого можетъ возникнуть много неудобствъ. Для предупрежденія такихъ неудобствъ мы желаемъ и думаемъ посовѣтоваться со свѣдущими людьми нашего княжества, чтобы установить, сколько слѣдуетъ давать каждому рабочему по заслугамъ за его трудъ. Поэтому мы желаемъ, чтобы вы во вторникъ послѣ 3-го постнаго воскресенья прибыли къ намъ, въ Дрезденъ, и привезли съ собою двухъ или трехъ людей, свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ, знающихъ условія труда и вознагражденія рабочихъ. На этотъ день мы созвали еще нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей для обсужденія упомянутыхъ постановленій... Данъ въ Дрезденѣ, въ понедѣльникъ послѣ 2-го постнаго воскресенья, въ лѣто 1478» [1]).

Слѣдовательно, рабочіе не привлекались къ обсужденію вопроса. Чѣмъ кончилось совѣщаніе свѣдущихъ людей, намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ спокойствіе продолжалось недолго. Уже въ 1496 году пишутъ: «Тогда они (т.-е. рудокопы) обратили въ бѣгство судью и присяжныхъ Шнееберга за то, что у нихъ хотѣли вычесть изъ заработка по грошу; часть рабочихъ ушла въ горы, частью въ Шлеттау и на Люсницъ, частью же въ Гейеръ, а тогдашнему горному начальнику фонъ-деръ-Планитцу пришлось занять Шнеебергъ при помощи крестьянъ. Черезъ четыре дня часть рабочихъ уже вернулась къ своимъ обязанностямъ. Однако этотъ бунтъ повторился черезъ два года, въ 1498 году, тогда рудокопы подъ угрозою смерти заставили воротильщиковъ [2]) и подручныхъ слѣдовать за ними и рѣшили итти противъ цвикаусскихъ и плауенскихъ рабочихъ, вызванныхъ для ихъ усмиренія; въ концѣ концовъ бунтовщиковъ все-таки удалось успокоить дружелюбными увѣщаніями» [3]).

Въ 1496 году куттенбергскіе рудокопы возстали вслѣдствіе недоразумѣній по поводу вознагражденія за трудъ; они вооруженные вышли изъ города, расположились лагеремъ на сосѣдней горѣ и выставили тамъ свои знамена. Но въ концѣ концовъ имъ пришлось смириться.

Есть извѣстія о возстаніяхъ среди рудокоповъ въ Іоахимсталѣ передъ самымъ началомъ крестьянскихъ войнъ.

Въ 1516 году начался расцвѣтъ іоахимстальскихъ рудниковъ. Въ своей «Chronica der freyen Bergstadt im Ioachimsthal von 16 Jar bis auff das 78 Jar», Матезіусъ говоритъ о бунтѣ, происшедшемъ уже въ первомъ году послѣ открытія рудника.

Въ 1517 году «произошелъ первый бунтъ рудокоповъ, когда они въ день св. Маргариты ушли въ лѣсъ».

Въ 1522 году было «второе возстаніе, когда они ушли на Тюркнеръ».

Въ 1524 году снова упоминается «возстаніе рудокоповъ въ 4-ю субботу послѣ пасхи, усмиренное графомъ Александромъ фонъ-Лейсникомъ».

---

[1]) Перепечатано у Klotzsch, Ursprung der Bergwerke in Sachsen. S. 87.

[2]) Рабочихъ у ручныхъ подъемныхъ воротовъ.

[3]) Benseler, Geschichte Freibergs und seines Bergbaues, Freiberg 1843, II, S. 389. Ср. Herzog, Chronik von Zwikau, II, S. 158.

Однако изъ этой борьбы рудокоповъ, такъ же какъ изъ борьбы ремесленниковъ-подмастерьевъ, не возникло никакого революціоннаго по своимъ цѣлямъ движенія.

Хотя горная промышленность въ XV и XVI вѣкахъ была гораздо болѣе развита въ техническомъ и экономическомъ отношеніи, чѣмъ всѣ другія отрасли промышленности этой эпохи, хотя она ближе всѣхъ подошла къ крупной, капиталистической промышленности — все же не ея рабочіе сдѣлались вождями и піонерами пролетаріата.

Причина кроется въ характерѣ горной промышленности. Горнорабочіе были изолированы въ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ [1]) вдали отъ міра, отъ оживленныхъ торговыхъ центровъ. Они были отдѣлены отъ товарищей по ремеслу въ другихъ мѣстностяхъ, отъ остальныхъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ слоевъ народа. Весь характеръ труда суживалъ ихъ умственный горизонтъ или, по крайней мѣрѣ, мѣшалъ его расширенію, всѣ ихъ интересы ограничивались мѣстными или профессіональными нуждами.

Правда, ихъ эксплуатировали, и они были недовольны, они не боялись защищать свои права при помощи оружія, они были готовы примкнуть къ революціонному движенію и даже итти во главѣ его, но лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ узкіе, временные интересы совпадали съ интересами общаго движенія. И они, не задумываясь, бросали это движеніе и его вождей, какъ только ихъ частные интересы страдали, какъ только условія труда и вознагражденія удовлетворяли ихъ.

Благодаря изолированности рудокоповъ, цеховая обособленность развилась среди нихъ еще сильнѣе, чѣмъ среди городскихъ подмастерьевъ-ремесленниковъ. Рудокопы сохранили ее дольше всѣхъ, вплоть до нашего времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Капиталъ и трудъ въ ткацкомъ производствѣ.

Неорганизованные пролетаріи еще менѣе, конечно, чѣмъ ремесленные подмастерья и рудокопы, способны были выработать истинно революціонную политику и проводить ее послѣдовательно и неуклонно. Они чувствовали себя не новымъ возникающимъ классомъ, а продуктами разложенія классовъ, пришедшихъ въ упадокъ. Симпатіи связывали ихъ съ послѣдними, особенно же съ крестьянами, изъ среды которыхъ они часто выходили. Разрозненные, забитые, запуганные, они были неспособны поставить себѣ какую-либо цѣль и слишкомъ слабы для самостоятельнаго стремленія къ ней. Правда въ нихъ жило глубокое недовольство существующимъ строемъ, но мы догадываемся объ этомъ недовольствѣ лишь по той готовности, съ которой они примыкали ко всякому революціонному движенію. Они всегда были готовы итти рука объ руку съ крестьянами, близкими имъ по духу, какъ только тѣ возставали; они принимали участіе и въ коммунистическомъ движеніи, какъ только оно гдѣ-нибудь возникало. Но иниціативы

[1]) Многіе изъ старыхъ золотыхъ рудниковъ Таврa (Tauern) находились въ области глетчеровъ.

такого движенія и вообще идеи какого-либо соціальнаго переворота у нихъ еще не могло быть.

Ни рудокопы, ни ремесленные подмастерья, ни неорганизованные городскіе пролетаріи не были иниціаторами коммунистическаго рабочаго движенія. Существовалъ лишь одинъ слой рабочихъ, который условія жизни сдѣлали не только способнымъ къ воспріятію коммунистическихъ тенденцій, но которому они въ то же время дали духовныя качества, нужныя для выработки изъ этихъ тенденцій новаго соціальнаго идеала. Дали они ему также энергію вѣрить въ этотъ идеалъ даже въ такія эпохи, когда достиженіе его казалось совершенно невозможнымъ. Это были рабочіе текстильной промышленности, особенно же ткачи сукна.

Разумѣется, сказанное слѣдуетъ понимать cum grano salis. Если въ настоящее время промышленный пролетаріатъ является носителемъ соціалъ-демократическаго движенія, то этимъ еще вовсе не сказано, что въ немъ не принимаютъ участія представители другихъ классовъ, мелкіе буржуа, литераторы, фабриканты и т. п., часто способные дѣйствовать весьма энергично. Многіе изъ нихъ могутъ даже занять въ этомъ движеніи выдающееся положеніе. Съ другой стороны, этимъ еще не сказано, что всякій промышленный пролетарій—соціалъ-демократъ.

Съ такими же ограниченіями слѣдуетъ понимать положеніе, что рабочіе текстильной промышленности носили въ себѣ зачатки коммунистическаго рабочаго движенія. Мы увидимъ, что въ немъ принимали дѣятельное участіе и другіе элементы. Было бы также абсурдомъ утверждать, что всякій ткачъ былъ коммунистомъ. Но насколько мы можемъ прослѣдить это движеніе, насколько у насъ есть о немъ достовѣрныя извѣстія, — мы всегда видимъ, что ткачи принимаютъ въ немъ выдающееся участіе, и едва ли это можно приписать случаю. По нашему мнѣнію, объясненіе представится весьма простымъ, если разсмотрѣть возникновеніе шерстяной промышленности.

Другія области текстильной промышленности, полотняную, бумажную и шелковую, мы теперь оставимъ въ сторонѣ, потому что по своему международному значенію онѣ въ средніе вѣка не могли сравниться съ шерстяною промышленностью. Гдѣ же полотняное и бумажное ткачество становилось производствомъ для вывоза, какъ, напримѣръ, въ Ульмѣ и Аугсбургѣ, тамъ оно въ сущности имѣетъ тѣ же капиталистическія особенности, какъ и шерстяная промышленность. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно итальянской шелковой промышленности [1]).

«Между всѣми ремеслами Германіи шерстяная мануфактура давно уже занимаетъ первое мѣсто. Она обусловила въ средніе вѣка могущество и расцвѣтъ нѣмецкаго бюргерства. На ввозѣ нужныхъ для нея сырыхъ матеріаловъ и на вывозѣ ея продуктовъ основывалось морское могущество Ганзы и прежняя германская міровая торговля. Развитію ея благосостоянія германская имперія отчасти обязана своимъ могуществомъ и своимъ положеніемъ въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ... Поэтому исторія развитія нѣмецкой шерстяной промышленности обширнѣе исторіи развитія цѣлой отрасли промышленности; она въ то же время представляетъ изъ себя исторію экономической культуры Германіи. Болѣе того— въ ней отражается ходъ всей нашей національной жизни.

[1]) Сравн. о послѣдней Romolo, графъ Broglio d'Ajano: Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters. Stuttgart, 1893 г.

Этими словами начинается трактатъ Гильдебранда «Къ исторіи германской шерстяной промышленности» [1]). Съ извѣстными ограниченіями сказанное едва ли можно считать преувеличеніемъ; а ограниченіе въ томъ, что положеніе Германіи въ міровой торговлѣ обусловливалось не только ея шерстяной промышленностью, но также ея горнымъ промысломъ, который по временамъ, особенно въ началѣ XVI вѣка, имѣлъ на экономическую жизнь Германіи еще большее вліяніе, чѣмъ шерстяная промышленность.

Фактъ тотъ, что въ Германіи, да и во всѣхъ, вообще, западныхъ христіанскихъ государствахъ, она была первою отраслью вывозной промышленности.

Кромѣ кожи и шкуръ въ средніе вѣка для одежды служило полотно. Шерстяныя ткани были роскошью, доступною сначала лишь знати. Тканье полотна было первоначально домашнею промышленностью. Женщины въ семьѣ и на барскихъ дворахъ сами изготовляли нужное для собственнаго потребленія полотно. Напротивъ, обработка шерсти, какъ только она развилась до извѣстной степени, должна была перестать быть домашней промышленностью, ибо она требуетъ большихъ сооруженій, красиленъ, валяльни, мѣста для стрижки и т. д. Устраивать ихъ могли только большія организаціи, какъ монастыри, городскія общины или цехи.

Первыхъ ткачей мужчинъ мы встрѣчаемъ въ монастыряхъ. Вѣроятно, именно послѣдніе больше всего содѣйствовали распространевію тканья шерсти въ Германіи, потому что въ началѣ среднихъ вѣковъ монастыри, вообще, были носителями техническаго прогресса въ промышленности и земледѣліи. Нѣтъ ничего ошибочнѣе «просвѣщеннаго» представленія, будто монахи достигли своего могущества молитвами и списываніемъ Евангелія.

Уже въ IX вѣкѣ упоминается о валяльщикахъ и портныхъ констанцскаго монастыря. Монахи научили жителей въ окрестностяхъ Боденскаго озера ткать шерсть и носить шерстяныя ткани [2]).

Въ монастырскихъ статутахъ и правилахъ XI вѣка не придается еще особеннаго значенія тканью. Но въ XII вѣкѣ оно достигло уже такого значенія для монастырей, что, какъ видно изъ монастырскихъ правилъ этого столѣтія, торговля шерстью, обработка ея и собственно тканье, являются уже регулярнымъ занятіемъ монастырской братіи. «Особенно это обнаруживается въ постановленіяхъ и правилахъ ордена Цистерціентовъ, относящихся къ XII вѣку». (Schmoller, Die Strasburger Tucher- und Weberzunft, стр. 301). Цистерціенты дѣйствительно сдѣлали фабрикацію сукна своею спеціальностью. «Основанный въ началѣ XII вѣка на западныхъ границахъ германской имперіи, въ значительномъ и извѣстномъ центрѣ суконной промышленности, орденъ этотъ быстро распространился къ востоку. Въ монастыряхъ Цистерціентовъ въ Брабантѣ, Тюрингенѣ (въ Альтенцелле), въ Силезіи мы находимъ фабрикацію суконъ для продажи, а такъ какъ эти монастыри принимали учениками и мірянъ, то легко могло случиться, что нѣкоторые секреты ремесла брабантскихъ ткачей стали извѣстны и во внутренней Германіи» [3]).

---

[1]) Въ Hildebrand's Jahrbücher Iena, 1866, VI т., стр. 186 и дал.

[2]) C. G. Rehlen, Geschichte der Handwerke und Gewerbe, Leipzig, 1856, стр. 97.

[3]) Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, стр. 216. О томъ, что церковь вообще старалась распространять полезныя мірскія свѣдѣнія, свидѣтельствуетъ вопросъ обращенный св. Бонифаціемъ къ святому отцу въ Римѣ — въ какомъ видѣ сало лучше

Но кромѣ монастырей, тканье шерсти, какъ ремесло, быстро развилось въ городахъ, раньше всего въ Нидерландахъ, гдѣ расцвѣтъ его начался уже въ X вѣкѣ.

Новая промышленность отвѣчала потребностямъ роскоши. Еще долгое время шерстяныя ткани были доступны только знатнымъ и богатымъ классамъ населенія; когда въ XV вѣкѣ спросъ на нихъ возникъ также среди ремесленниковъ и крестьянъ, то это считали признакомъ распространенія въ низшемъ сословіи большой склонности къ роскоши.

Тонкія сукна были дорогимъ предметомъ роскоши. Какъ таковой, они оплачивали расходы на перевозку, и потому могли сдѣлаться предметомъ вывоза. Рынкомъ для нихъ была вся Европа. Неудивительно, что тамъ, гдѣ существовали необходимыя условія, гдѣ было обиліе хорошаго сырого матеріала и гдѣ въ то же время техника достигла необходимаго развитія, — тамъ суконная промышленность легко дѣлалась вывозной промышленностью.

Раньше всего это случилось во Фландріи. Уже въ XIII вѣкѣ фландрскія сукна славились во всей Европѣ [1]).

Во многихъ городахъ шерстяная промышленность оставалась ремесломъ, которое, какъ и всѣ ремесла, обыкновенно работало только для мѣстнаго рынка. Но и тамъ она попадала въ зависимость отъ мірового рынка, потому что на внутреннемъ ей приходилось бороться съ конкурренціей ввозныхъ шерстяныхъ издѣлій, и внутренній рынокъ, такимъ образомъ, становился частью мірового. Послѣдній пріобрѣлъ, поэтому, для шерстяной промышленности рѣшающее значеніе даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ей не удавалось избавиться отъ своего

всего для ѣды. Папа, по имени Захарій, отвѣтилъ, что у отцовъ церкви онъ не нашелъ никакихъ указаній относительно этого обстоятельства. Но по его личному мнѣнію сало слѣдуетъ употреблять лишь хорошенько прокоптивъ и прожаривъ предварительно. Если же кто-либо желаетъ употреблять его сырымъ, то дѣлать это слѣдуетъ лишь послѣ Пасхи. (Ср. A. Schlosser, Speise und Trank vergangener Zeiten in Deutschland, стр. 9).

[1]) Во Фландріи тканье шерсти развилось очень рано. Фландрскіе ткачи имѣли подъ руками не только шерсть, во множествѣ получаемую въ ихъ отечествѣ, но также и англійскую, лучшую изъ всѣхъ тогда извѣстныхъ. Въ самой Англіи шерстяная промышленность развилась уже позже. Мы здѣсь позволимъ себѣ замѣчаніе не относящееся къ предыдущему, но кажущееся намъ немаловажнымъ. Гильдебрандъ указываетъ въ своемъ уже цитированномъ выше трактатѣ на то, что шерстяная мануфактура (позже, въ капиталистическую эпоху) развилась преимущественно въ странахъ благопріятствующихъ овцеводству: въ сѣверной Германіи, Саксоніи, Англіи. Напротивъ, виноградарство, повидимому препятствовало развитію овцеводства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шерстяной промышленности, напр. въ юго-западной Германіи (l. c., стр. 232, 233). Пожалуй, можно пойти дальше и сказать: овцеводство благопріятствуетъ крупному сельско-хозяйственному производству въ видѣ пастбищнаго хозяйства. Поэтому въ странахъ, гдѣ овцеводство становилось выгоднымъ лишь съ расцвѣтомъ капиталистической шерстяной промышленности, являлась возможность крупнаго капиталистическаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ этихъ странахъ землевладѣльцы имѣли больше всего причинъ экспропріировать мелкихъ крестьянъ и образовывать крупныя капиталистическія хозяйства. Виноградарство, напротивъ, благопріятствовало мелкому производству. Гдѣ процвѣтало виноградарство, тамъ землевладѣльцамъ было выгоднѣе эксплуатировать крестьянъ увеличеніемъ феодальныхъ повинностей, чѣмъ увеличивать собственное производство путемъ изгнанія крестьянъ. Поэтому въ мѣстностяхъ, занимающихся виноградарствомъ, въ южной Германіи, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи и т. д. сохранилось мелкое крестьянство. Такимъ образомъ различныя формы землевладѣнія въ названныхъ странахъ объясняются различіемъ развившихся тамъ формъ производства.

мѣстнаго характера и работать для вывоза. Благодаря этому, суконные фабриканты такихъ мѣстностей становились во враждебныя отношенія къ купцамъ, ввозившимъ иностранныя сукна, такъ какъ они съ ними конкуррировали. Это не была традиціонная вражда между массой населенія, какъ потребителями съ одной стороны и купцами съ другой, а совсѣмъ особаго рода антагонизмъ между производителями и торговцами. Въ то время какъ масса населенія относилась къ купцамъ тѣмъ враждебнѣе, чѣмъ выше становились цѣны на сукна,—злоба шерстяныхъ ткачей возрастала тѣмъ болѣе, чѣмъ дешевле купцы продавали свои товары, иностранныя сукна.

Но между ткачами и купцами возникло еще и другое противорѣчіе,—наряду съ антагонизмомъ конкуррентовъ возникъ антагонизмъ между эксплуататоромъ и эксплуатируемымъ. Гдѣ шерстяная промышленность остановилась промышленностью вывозной, тамъ для занятія ею требовался капиталъ. Производитель уже не продавалъ своего товара непосредственно покупателю, товаръ дѣлалъ большія путешествія, переходилъ иногда для сбыта съ одного рынка на другой и при перевозкѣ часто подвергался опасностямъ. Проходило много времени, прежде чѣмъ затраты на производство товара возвращались. Тамъ, гдѣ шерстяная промышленность начинала служить вывозу, вскорѣ сказывалась необходимость подвозить сырье, шерсть издалека, ибо ближайшія окрестности не могли удовлетворить возрастающаго спроса на шерсть. И чѣмъ больше развивалась промышленность, чѣмъ сильнѣе возрастала конкуренція, чѣмъ выше становились требованія къ тонкости и добротности сукна, тѣмъ большія требованія предъявлялись и къ сырью. Лишь немногія мѣстности доставляли удовлетворительную шерсть; лучшая шерсть, какъ мы уже говорили, доставлялась изъ Англіи. Сырье становилось тѣмъ дороже, чѣмъ дальше отстояло мѣсто его производства отъ мѣста потребленія, приходилось дѣлать все большіе запасы его. Капиталъ, вложенный въ сырье, увеличивался, и оборотъ его замедлялся въ той же мѣрѣ, въ какой расширялся вывозъ. Благодаря всему этому, фабрикантъ сукна либо самъ долженъ былъ сдѣлаться капиталистомъ, либо попадалъ въ зависимость къ купцу, который давалъ ему необходимый для производства авансъ. Въ дѣйствительности происходило и то и другое. Шерстяной ткачъ дѣлался кустаремъ въ современномъ смыслѣ, онъ работалъ на дому одинъ или съ однимъ помощникомъ, получалъ сырье отъ купца и возвращалъ послѣднему продуктъ своего труда за опредѣленную плату, или же онъ становился капиталистомъ, который давалъ работу большему или меньшему числу рабочихъ и руководилъ не только производствомъ, но и торговлей. Такого положенія удавалось достигнуть не только ткачамъ, но часто и другимъ рабочимъ, занятымъ въ шерстяной промышленности. Надъ шерстью, прежде ея превращенія въ сукно, совершались различнѣйшія манипуляціи, которыя все болѣе расчленялись и производились различными рабочими. Въ Страсбургѣ, напр., въ XIV столѣтіи, отъ ткачей вообще отдѣлялись прежде всего шерстобиты; послѣдніе чистили, приготовляли и пряли шерсть, затѣмъ пряжа переходила къ ткачу. Съ ткацкаго станка сукно отправлялось къ валяльщику; въ XIV вѣкѣ валянье сукна также сдѣлалось самостоятельнымъ ремесломъ; то же самое произошло и со стрижкой сукна. Позже всѣхъ отдѣлилось отъ тканья крашеніе шерсти. Лишь во второй половинѣ XV вѣка крашеніе шерсти появляется въ видѣ самостоятельнаго ремесла; еще въ XVI вѣкѣ многіе суконщики сами красили свои сукна.

Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ ремеслъ технически зависѣло отъ другихъ, каждое старалось поставить другія ремесла въ экономическую зависимость отъ себя. Особенно энергичная борьба велась между шерстобитами и ткачами. Кое-гдѣ, напр., въ Силезіи, ткачамъ удавалось поставить въ зависимость отъ себя шерстобитовъ, но въ большинствѣ случаевъ верхъ одерживали послѣдніе.

Среди шерстобитовъ развилась аристократія торговцевъ шерстью, которые отдавали шерсть для обработки наемнымъ рабочимъ или бѣднымъ мастерамъ. Тогда уже появились зачатки мануфактуры; прежде всего она развилась въ монастыряхъ, гдѣ всѣ необходимыя для приготовленія сукна отдѣльныя манипуляціи сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ. Но и въ ремеслѣ, уже съ XV вѣка, мы видимъ, что суконщики иногда даютъ у себя на дому работу не только шерстобитамъ, но и ткачамъ. Затѣмъ, въ самомъ ткачествѣ мы видимъ широкое раздѣленіе труда въ томъ смыслѣ, что каждый ткачъ изготовлялъ особенный сортъ сукна. Ткачество разбилось на пять или шесть слѣдующихъ одинъ за другимъ пріемовъ, которые производились различными рабочими. Иное раздѣленіе труда мы видимъ въ шерстобитномъ ремеслѣ. Благодаря этому, шерстобитный промыселъ пересталъ быть цеховымъ ремесломъ и производился не цеховыми, частью даже необученными рабочими, крестьянами, женщинами и дѣтьми. Раннее развитіе задѣльной платы также указываетъ на капиталистическій характеръ суконной промышленности [1]).

Нерѣдко ткачамъ разрѣшалось жениться; этимъ они отличались отъ большинства подмастерьевъ того времени и походили на современныхъ пролетаріевъ. Въ случаѣ женитьбы ткацкіе подмастерья уже не считались членами семьи мастера.

Въ суконной промышленности техническій прогрессъ совершался быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ ея. Мы уже указывали, что она очень рано стала требовать сравнительно значительныхъ техническихъ приспособленій. Послѣдніе становились тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше развивалось раздѣленіе труда, которому очень способствовало массовое производство въ цѣляхъ вывоза.

Сырая шерсть прежде всего требовала очистки; для этого была нужна шерстомойня. Тамъ шерсть чистилась и разрыхлялась шерстобитами. Затѣмъ передъ пряденьемъ ее нужно было расчесать. Это обыкновенно дѣлали особые ремесленники—чесальщики или женщины. Иногда операція эта производилась въ особыхъ зданіяхъ — чесальняхъ.

Отъ чесальщика шерсть переходила къ прядильщикамъ. Пряденьемъ занимался самостоятельный цехъ или наемные ткачи и не-цеховые люди, особенно женщины. Въ XVI вѣкѣ прялка уже повсюду получила право гражданства.

Отъ прядильщика пряжа переходила къ ткачу, перерабатывавшему ее на ткацкомъ станкѣ; отъ него къ валяльщику въ сукновальню; послѣднія въ средніе вѣка были общественными. По возвращеніи изъ сукновальни сукна натягивались на рамы для просушки. Для этого требовались особыя помѣщенія. За-

[1]) Мѣстами тогда уже дѣло доходило до того, что задѣльная плата дурно отзывалась на качествѣ продукта и, поэтому, снова исчезала изъ практики; такъ, напр., въ Ульмѣ въ 1492 году она воспрещалась постановленіемъ совѣта, „ибо поспѣшность работы наноситъ ущербъ ея качеству“. Система штрафовъ, при помощи которой современный капиталистъ добивается наилучшаго качества при наибольшей быстротѣ работы, была еще мало развита въ суровые средніе вѣка.

тѣмъ сукна поступали къ ворсильщикамъ, которые ворсильными щетками приподнимали ворсъ; послѣдній подстригался стригальщиками.

Для этого также нужны были особыя помѣщенія — стригальни. Затѣмъ сукна попадали въ бѣлильни или красильни, а иногда уже и къ набойщику (о таковомъ упоминается въ податномъ реестрѣ Аугсбурга въ 1490 г.)

Наконецъ, мы встрѣчаемъ еще упоминанія о гладильняхъ для сукна,— слѣдовательно, оно, повидимому, разглаживалось и прессовалось, какъ теперь полотно [1]).

Многія изъ этихъ сооруженій были такъ обширны и дороги, что отдѣльный человѣкъ не могъ пріобрѣсти ихъ, и они составляли собственность городовъ или цеховъ. Каапиталистической собственности отдѣльныхъ предпринимателей на орудія производства ихъ рабочихъ тогда еще не существовало. Но, благодаря прогрессирующему раздѣленію труда, духъ изобрѣтательности сталъ проявляться именно въ области шерстяной промышленности. Введеніе упомянутыхъ выше приспособленій составило рядъ техническихъ революцій, дававшихъ толчокъ къ дальнѣйшимъ техническимъ переворотамъ, къ непрерывнымъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ. Такъ напр., въ концѣ XV вѣка появилась прялка, первоначально ручная.

Въ 1530 году Юргенсъ фонъ Ваттенмюль въ Брауншвейгѣ изобрѣлъ ножную прялку. Валянье сукна первоначально производилось исключительно ногами: способъ этотъ постепенно былъ вытѣсненъ изобрѣтенными (около XII вѣка) валяльнями, двигаемыми водою. Послѣдніе валяльщики, работавшіе ногами, встрѣчаются въ XIV вѣкѣ.

Каждое изъ этихъ усовершенствованій дѣлало излишнею часть рабочей силы. Эта черта современнаго индустріализма нигдѣ не обнаружилась такъ рано, какъ въ шерстяной промышленности.

Правда, до реформаціи промышленность эта не приблизилась къ крупному капиталистическому производству настолько, какъ горное дѣло; въ этомъ отношеніи она отстала отъ него. Но зато горное дѣло процвѣтало въ мѣстностяхъ пустынныхъ, горнорабочіе оставались изолированными вдали отъ другихъ людей, вдали отъ ихъ стремленій и борьбы; шерстяная же промышленность пріобрѣтала капиталистическій характеръ, главнымъ образомъ, въ городахъ, чрезъ которые велись міровыя сношенія, которые наиболѣе подвергались вліянію самыхъ передовыхъ странъ Европы,—Италіи, Нидерландовъ, Франціи и Германіи. Въ этихъ городахъ капитализмъ развился именно въ шерстяной промышленности раньше и рѣзче всего, какъ то случилось въ концѣ XVII вѣка и въ Англіи, гдѣ именно съ текстильной промышленности началась промышленная революція. Мастера стремились сдѣлаться купцами, капиталистами; по отношенію къ своимъ подмастерьямъ они болѣе, чѣмъ мастера какого-либо другого ремесла, были эксплуататорами, и пропасть между ними и подмастерьями была глубже, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ ремеслѣ. Гдѣ эксплуатація не удавалась, тамъ они сами дѣлались батраками купцовъ, кустарями; въ этомъ случаѣ они становились въ болѣе близкія отношенія со своими подмастерьями, чѣмъ мастера другихъ ремеслъ, и чувствовали себя солидарными съ ними въ борьбѣ противъ общихъ

[1]) B. Hildebrand, Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, Hildebrand's Jahrbücher, 1866, VII, стр. 90—98.

эксплуататоровъ. Въ то же время не-цеховой пролетарій становился все ближе подмастерью, какъ товарищъ по работѣ, равный по соціальному положенію.

И по мѣрѣ того какъ для рабочихъ въ шерстяной промышленности цеховая замкнутость теряла всякій смыслъ, горизонтъ ихъ расширялся, благодаря значенію, которое для нихъ пріобрѣталъ міровой рынокъ. Что для другихъ гражданъ было лишь праздничнымъ развлеченіемъ:

„Разговоръ о войнѣ и о военныхъ приключеніяхъ,
Происходящихъ въ далекой Турціи,
Гдѣ народы бьются другъ съ другомъ"...

то для работающихъ въ шерстяной промышленности было важнѣйшею въ мірѣ вещью. Привозъ сырья, сбытъ товара зависѣлъ отъ того, была ли Англія въ войнѣ съ Франціею, какъ относилась къ этому Фландрія, каковы отношенія между Ганзой и Даніей, открытъ ли путь въ Новгородъ, заключилъ ли императоръ миръ съ Венеціей и т. п. Для работающаго на міровой рынокъ политическое дилетантство прекращается, но исчезаетъ также безпечность и обезпеченность ремесленника, работающаго на опредѣленный тѣсный кружокъ потребителей. Къ партійной борьбѣ въ городѣ, въ которой участвовали шерстяные рабочіе и въ которой они часто играли первенствующую роль, къ цеховой борьбѣ, разгорѣвшейся вслѣдствіе указанныхъ выше соціальныхъ и техническихъ переворотовъ, присоединялись еще вліянія внѣшнихъ перемѣнъ и торговыхъ кризисовъ; все это не давало ремеслу прійти въ спокойное состояніе и вызывало въ немъ постоянные перевороты. Шерстяная промышленность была самой революціонной городской промышленностью въ исходѣ среднихъ вѣковъ и столь же революціонными были ея рабочіе. Для нихъ общество не было чѣмъ-либо постояннымъ и неизмѣннымъ; у нихъ легче всего могла явиться идея измѣнить его. Они рѣзче всѣхъ чувствовали эксплуатацію и имѣли больше всего причинъ для вражды къ богатымъ.

Къ тому же шерстяная промышленность была самымъ значительнымъ изъ ремеслъ. Тогда каждый городъ представлялъ изъ себя самостоятельную общину, а въ богатыхъ городахъ, работавшихъ для мірового рынка западно-европейской промышленности, рынка, простиравшагося отъ Англіи до Новгорода и Византіи, шерстяная промышленность была экономически самымъ сильнымъ ремесломъ. Отъ нея, т.-е. отъ ея рабочихъ, зависѣло благосостояніе города.

Но въ городахъ, гдѣ процвѣтала шерстяная промышленность, рабочіе ея, особенно ткачи, не только своимъ экономическимъ значеніемъ, но и своей численностью представляли силу, на нашъ взглядъ, правда, ничтожную но огромную, для городовъ того времени. Тогда въ главныхъ центрахъ этой промышленности сосредоточивались относительно огромныя массы людей.

Уже въ 1333 году бреславльскіе ткачи насчитывали въ своей средѣ 900 хорошо вооруженныхъ людей. Послѣ одного усмиреннаго возстанія ткачей въ Кельнѣ изгнано было 1800 человѣкъ. Особенно многочисленны они были въ Нидерландахъ. Въ 1350 году въ Льежѣ насчитывали 4000 станковъ, столько же въ Иперпѣ, 3200 въ Мехельнѣ. Въ 1326 году изъ Гента было изгнано сразу 3000 ткачей, оказавшихся склонными къ возстанію противъ фландрскихъ графовъ. Во второй половинѣ XIV вѣка тамъ находились 18 тысячъ занятыхъ въ суконномъ производствѣ, способныхъ носить оружіе, людей.

Въ Брюгге, въ эпоху расцвѣта ремесла, обработкой шерсти жило 50.000 человѣкъ [1]).

Благодаря такому скопленію въ одномъ мѣстѣ, ткачи сдѣлались могучей революціоной силой. Неудивительно, что въ хроникѣ аббата Трудо о нихъ говорится, какъ о самыхъ гордыхъ и дерзкихъ ремесленникахъ.

Сопоставивъ всѣ эти обстоятельства, легко понять, что именно шерстяная промышленность сдѣлалась очагомъ соціально-революціонныхъ стремленій реформаціонной эпохи, что ткачи при всякой борьбѣ противъ городскихъ и государственныхъ властей находились въ первыхъ рядахъ, и что они легко присоединялись къ движенію, объявлявшему войну всему существующему общественному строю. Легко также понять, почему ткачи обыкновенно присоединялись къ коммунистическимъ движеніямъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху реформаціи, поскольку эти движенія вообще носятъ характеръ пролетарскій, классовой. «Недаромъ,—говоритъ Шмоллеръ,—языкъ, идентифицируя понятія ткача и заговорщика, донынѣ пользуется для сравненія основой ткацкаго станка, чтобы показать, какъ медленно и незамѣтно снуются политическія смуты» [2]).

«Въ глазахъ многихъ современниковъ,—говоритъ Гильдебрандъ,—суконные цехи заняли положеніе, очень сходное съ тѣмъ, которые иные господа старались приписать въ 1848 году привилегированному (!) классу «рабочихъ» [3]).

---

[1]) Hildebrand, l. c., стр. 83. Ср. также Dr. Grothe, Bilder und Studien zur Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen, Берлинъ, 1875, стр. 215 и слѣд.

[2]) Schmoller, l. c., стр. 465. Непереводимая игра словъ.

[3]) L. c., стр. 115.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Монастырскій коммунизмъ.

Въ Италіи и южной Франціи цивилизація римской имперіи укоренилась глубже, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ христіанско-германскаго культурнаго міра. Тамъ традиціи этой цивилизаціи менѣе пострадали отъ переселенія народовъ, тамъ и сношенія со сравнительно высоко-цивилизованными странами Востока, съ Египтомъ, Сиріей, Малой Азіей и Константинополемъ сохранились живѣе всего. Даже въ самыя мрачныя эпохи варварства, слѣдовавшія за переселеніемъ народовъ, въ Италіи и южной Франціи городская жизнь не вполнѣ прекратилась; тамъ города раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, снова достигли богатства и могущества, и соціальныя противорѣчія, созданныя товарнымъ производствомъ въ средніе вѣка, обнаружились прежде всего, именно, въ этихъ странахъ. Или, вѣрнѣе, тамъ они изъ древности прямо были перенесены въ средніе вѣка.

Пролетаріатъ тамъ никогда не переводился. Въ городахъ Италіи и южной Франціи онъ, прежде всего, снова сдѣлался соціальнымъ факторомъ, и потому вполнѣ естественно, что въ средніе вѣка, именно здѣсь проявились первыя коммунистическія стремленія.

Но подобно тому, какъ италіанскій и южно-французскій городской бытъ того времени былъ очень сродни римскому, какъ въ немъ живѣе всего сохранились традиціи римской эпохи, такъ и выросшій въ немъ пролетарскій коммунизмъ сохранилъ формы, перешедшія къ нему изъ эпохи упадка римской имперіи. Пролетарская оппозиція буржуазному обществу принимаетъ первоначально совершенно монашескій характеръ, и въ Италіи и южной Франціи она никогда не могла избавиться отъ него, разумѣется, до новѣйшаго времени.

Но для того, чтобы охарактеризовать монашество, мы еще разъ должны бросить взглядъ на первые вѣка христіанства. Мы уже видѣли, что стремленія древняго христіанства осуществить коммунизмъ разбились объ условія жизни со-

временнаго ему общества. Но мы видѣли также, что тѣ же самыя условія, которыя исключали возможность сдѣлать коммунизмъ постояннымъ состояніемъ общества, создавали все большее число пролетаріевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно поддерживали потребность въ коммунистическомъ строѣ.

Чѣмъ больше распространялось христіанство, тѣмъ очевиднѣе оно отказывалось отъ всеобщаго проведенія коммунизма. Но въ той же мѣрѣ росло зато стремленіе основать отдѣльныя коммунистическія корпораціи внутри христіанства.

Прообразъ свой онѣ нашли въ единственной коммунистической организаціи, отъ которой тогда сохранились, по крайней мѣрѣ, остатки, въ семьѣ или, лучше сказать, въ домашнемъ союзѣ. Въ древности, и даже еще во времена имперіи, каждое хозяйство представляло изъ себя замкнутое цѣлое, само создававшее все существенно ему необходимое и продававшее, какъ товаръ, только излишекъ. Первоначально эти хозяйства были исключительно домашними союзами, большими семьями въ 40—50 человѣкъ (сравн. стр. 44), жившими въ полномъ коммунизмѣ, сообща владѣвшими и пользовавшимися средствами производства и потребленія. Эти домашніе союзы уступили мѣсто рабскому хозяйству, въ которомъ средства производства и потребленія были собственностью одного человѣка, владѣвшаго также рабочими — рабами. Но все же въ первые вѣка христіанства, домашній союзъ былъ еще достаточно жизненнымъ, чтобы служить образцомъ для соціальныхъ новообразованій.

Этими новообразованіями были монастыри, искусственные домашніе союзы; кромѣ общихъ интересовъ, связующимъ звеномъ въ нихъ служилъ не кровный союзъ, но опредѣленные, произвольно выдуманные правила и обѣты.

Тѣ же слои народа, которые дали первыхъ христіанъ, явились и матеріаломъ для большинства новыхъ домашнихъ союзовъ — монастырей. Съ одной стороны, это были богатые люди, получившіе отвращеніе къ богатству и обществу, въ которое это богатство ихъ вводило. Съ другой стороны, это были, притомъ въ большинствѣ, бѣдняки, находившіе въ монастырѣ пріютъ, въ которомъ имъ отказывало «мірское», т.-е. буржуазное общество. «Но, — жалуется св. Августинъ, — службѣ Божіей (servitutis Dei) посвящаютъ себя большею частью рабы или вольноотпущенники, люди освобожденные для этого своими хозяевами, или получающіе за это свободу крестьяне, ремесленники и прочіе плебеи» [1]).

Семья можетъ добывать пропитаніе различнѣйшими способами, работой, нищенствомъ, эксплуатаціей другихъ. Монастыри также пользовались различнѣйшими способами для добыванія средствъ къ жизни. Въ однихъ монастыряхъ преобладали наклонности босяковъ-пролетаріевъ, являвшихся его членами, эти занимались преимущественно нищенствомъ. Другіе пользовались счастіемъ имѣть богатыхъ монаховъ или покровителей, дарившихъ имъ деньги и имущество, и рабовъ или колоновъ; въ такомъ случаѣ благочестивые люди могли жить, эксплуатируя ихъ. Но огромное большинство монастырей представляло собой союзы бѣдныхъ людей, соединившихся, чтобы облегчить себѣ борьбу за существованіе. Эти, по крайней мѣрѣ, въ началѣ кормились физическимъ трудомъ своихъ членовъ.

Первые извѣстные намъ монастырскіе уставы IV вѣка предписывали физическій трудъ; его требовали главнѣйшіе основатели монастырей того времени:

[1]) De opere Monachorum, стр. 22. S. I. C. Z. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte. 3 изд., I, стр. 545.

Антоній, Пахомій, Василій въ IV вѣкѣ, Бенедиктъ изъ Нурсіи, основатель бенедиктинскаго ордена, въ началѣ VI вѣка.

Первоначально всякій членъ домашняго союза по желанію могъ выйти изъ него. Члены его не отличались также отъ прочаго населенія особенною одеждой.

По своему характеру и цѣли монастыри, на этой ступени развитія, очень похожи на производительныя товарищества пролетаріевъ нашего времени. Тѣ и другія представляютъ попытку разрѣшить «соціальный вопросъ» даннаго времени для ограниченнаго круга людей ихъ собственными силами.

Но при всемъ сходствѣ, организаціи эти все-таки представляютъ значительныя различія, соотвѣтствующія различіямъ между обществомъ современнымъ и римскимъ.

Капиталистическій способъ производства превратилъ почти все производство въ товарное. Поэтому производительныя товарищества рабочихъ должны производить товары. Они приготовляютъ предметы потребленія не для себя, а для рынка. Имъ приходится бороться со всѣмъ рискомъ и деморализующими вліяніями, обусловленными системой свободной конкурренціи и кризисовъ.

До появленія капиталистическаго способа производства, производство ограничивалось преимущественно созданіемъ предметовъ потребленія для собственныхъ нуждъ. Подобно тому, какъ всякое крестьянское хозяйство, всякая латифундія и помѣстье сами производили все, или по крайней мѣрѣ, почти все, что имъ было нужно, и лишь излишекъ выносили на рынокъ въ видѣ товара, такъ сначала было и съ монастырями. Излишекъ, соединявшій ихъ съ рынкомъ, съ міромъ, являлся обыкновенно большимъ соблазномъ, за которымъ слѣдовало грѣхопаденіе. Излишекъ долженъ былъ принадлежать бѣднымъ, но выгоднѣе было продавать его и пользоваться имъ для себя.

Въ болѣе позднюю эпоху среднихъ вѣковъ, когда начинала развиваться городская промышленность, монастырское производство для рынка успѣшно конкурировало съ ремесленнымъ (ср. стр. 105). Но производство для собственнаго потребленія все-таки оставалось важнѣйшимъ занятіемъ. Въ монастыряхъ оно дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сумѣло противостоять вліянію возникавшаго капитализма; въ нихъ дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сохранилось натуральное хозяйство. Эта система хозяйства обусловила ихъ консерватизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщила имъ такую живучесть и такую способность къ противодѣйствію, какія мы напрасно стали бы искать у современныхъ производительныхъ товариществъ.

Второе огромное различіе заключается въ томъ, что основой производительныхъ товариществъ нашего времени является общность средствъ производства, но не общность средствъ потребленія. Въ монастыряхъ, напротивъ, важнѣйшее значеніе имѣли совмѣстная жизнь, общее хозяйство, а общность средствъ производства имѣла второстепенное значеніе, ее приходилось допускать, чтобы придать коммунистическому хозяйству прочность, ибо опытъ показалъ, что общее хозяйство несовмѣстимо съ частной собственностью отдѣльныхъ лицъ на средства производства, и что долго оно не можетъ существовать тамъ, гдѣ эта частная собственность сохраняется.

Между современными производительными товариществами и монастырями есть еще одно различіе. Первыя не уничтожаютъ семьи. Общая собственность

на средства производства очень легко совмѣстима съ этимъ учрежденіемъ, чего нельзя сказать объ общности средствъ потребленія. Поэтому монахъ или монахиня не должны имѣть семьи, кромѣ домашняго союза. Монастыри, однако, должны были пойти еще дальше. Первобытные домашніе союзы не исключаютъ единобрачія отдѣльныхъ своихъ членовъ, но эти союзы опирались на кровныя узы, освященныя тысячелѣтней привычкой, а не на произвольно придуманныя, искусственныя правила, и существовали они въ обществѣ, въ которомъ еще не было частной собственности и права индивидуальнаго наслѣдованія, по крайней мѣрѣ на важнѣйшія средства производства. Монастыри, напротивъ, возникли въ эпоху, когда эти права собственности и наслѣдованія были уже вполнѣ развиты. И какъ бы далеко въ пустыню они не уходили, чтобы жить внѣ буржуазнаго міра, все-таки они оставались подъ его вліяніемъ.

Для того, чтобы сохранить свой коммунизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самихъ себя, монастырямъ оставалось только запретить бракъ. Просвѣщенный либералъ видитъ въ безбрачіи монаховъ и монахинь результатъ полнаго идіотизма. Но историкъ, не понимая какого-либо историческаго массоваго явленія, долженъ искать причину этого непониманія въ недостаточномъ знакомствѣ съ дѣйствительными условіями жизни данной эпохи и долженъ изслѣдовать ихъ внимательно, а не винить глупость массъ, что, конечно, удобнѣе, а кромѣ того еще и возвышаетъ писателя. Безбрачіе монаховъ доказываетъ не то, что основатели монастырей были идіотами, а что при извѣстныхъ условіяхъ экономическія отношенія могутъ оказаться сильнѣе законовъ природы.

Впрочемъ, безбрачіе вовсе еще не обусловливаетъ цѣломудрія; мы уже говорили, что оно можетъ быть осуществлено при внѣбрачныхъ половыхъ сношеніяхъ. Этого выхода и искалъ Платонъ. Но въ римскомъ обществѣ бракъ былъ все-таки слишкомъ крѣпокъ, чтобы монастырямъ подобный исходъ показался доступнымъ. И они тѣмъ легче подчинялись требованію цѣломудрія, что всеобщее уныніе, царствовавшее въ ту эпоху, очень благопріятствовало склонности къ аскетизму.

Въ пользу вѣрности предположенія, что безбрачіе возникаетъ въ монастыряхъ благодаря коммунизму средствъ потребленія, говоритъ тотъ фактъ, что оба эти явленія всегда встрѣчаются на-ряду другъ съ другомъ. Отсюда ясно, что наше предположеніе не простое умозрѣніе. Въ древности намъ это показываетъ Платонъ и Ессеи. Мы можемъ, кромѣ того, сравнить монастыри съ колоніями въ Соединенныхъ Штатахъ, стремившимися провести въ жизнь примитивный коммунизмъ, въ послѣднія десятилѣтія XVIII и первыя XIX вѣка. Ихъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ колоніями, которыя намѣревались реализовать идеи новѣйшихъ утопистовъ, исходившихъ уже изъ пониманія капиталистическаго способа производства и положившихъ поэтому въ основу своихъ попытокъ коммунизмъ въ средствахъ производства, таковы Р. Оуэнъ, Фурье и Кабэ [1]).

Между различными религіозными общинами Соединенныхъ Штатовъ, описанными Чарльзомъ Нордгофомъ въ его сочиненіи о коммунистическихъ обще-

[1]) Отсталость первой формы коммунизма отъ послѣдней проявляется уже въ ея религіозномъ характерѣ. Для коммунистическихъ общинъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь религія не частное дѣло. Онѣ стоятъ еще на той ступени, гдѣ соціальные принципы облекаются въ религіозную одежду, поэтому въ нихъ принадлежность къ общинѣ обусловливаетъ также подчиненіе опредѣленнымъ религіознымъ догматамъ.

ствахъ этого государства [1]), нѣтъ ни одной, которая не была бы настроена враждебно противъ брака, хотя возникали онѣ различнѣйшими путями и при различнѣйшихъ условіяхъ, безъ всякой взаимной связи. Слѣдовательно, это совпаденіе не случайность.

Правда, двѣ изъ этихъ сектъ допускаютъ бракъ: а именно община Аманатовъ (основанная въ 1844 году) и сепаратисты (сущ. съ 1817 г.); но и онѣ считаютъ безбрачіе высшимъ и похвальнѣйшимъ. Зоарскіе сепаратисты сначала запретили бракъ, но съ 1830 года онъ у нихъ допускается. Однако, девятый изъ двѣнадцати пунктовъ, содержащихъ ихъ основные принципы, гласитъ: «всякое сношеніе между полами, кромѣ необходимаго для продолженія рода, мы считаемъ грѣховнымъ и противнымъ заповѣди Божьей. Полное цѣломудріе достойнѣе, чѣмъ бракъ» (L. c., стр. 104).

Другія секты прямо воспрещаютъ бракъ. Рапписты первоначально съ 1803 года допускали его, но въ 1807 году они пришли къ заключенію, что безбрачіе необходимо. Въ 1832 году 250 раппистовъ, наскучивъ безбрачіемъ, отдѣлились отъ общины и образовали отдѣльную секту. Но она быстро исчезла, имущество же ея было раздѣлено между отдѣльными семьями.

Шекеры, древнѣйшая американская коммунистическая секта, возникшая еще въ XVIII вѣкѣ, считаетъ первой изъ своихъ пяти главныхъ догмъ—коммунизмъ, а второй—безбрачіе.

Лишь одна изъ этихъ сектъ осмѣлилась стремиться къ требуемому ею безбрачію не путемъ целибата, а платоновскимъ способомъ, конечно, еще болѣе отвратительнымъ для современныхъ чувствъ и идей, чѣмъ пожизненное цѣломудріе. Секта эта—перфекціонисты изъ Онеиды и Валлингфорда, соединившіеся въ 1848 году. Они считали, что Христосъ училъ не только общности имущества, но и общности женъ и мужей. Никто не имѣетъ права совокупляться съ кѣмъ-либо противъ его воли, но «исключительную и безбожную привязанность» между двумя лицами они считаютъ доказательствомъ грѣховнаго самолюбія, и, гдѣ таковая повидимому возникаетъ, ее уничтожаютъ «выговорами» (Kritiken) и другими мѣропріятіями. Какъ въ платоновскомъ государствѣ, такъ и у перфекціонистовъ дѣторожденіе регулируется въ интересахъ общества и должно происходить на «научныхъ основаніяхъ» (L. c., стр. 276).

Замѣчательно, что именно перфекціонисты экономически и интеллектуально стоятъ выше всѣхъ примитивно-коммунистическихъ сектъ. Они единственные правильно ведутъ книги, а также выказываютъ интересъ къ литературѣ и искусству.

На основаніи всего этого мы можемъ сказать, что безбрачіе въ монастыряхъ не было продуктомъ неразумнаго каприза или самоистязающаго безумія, но что оно коренилось въ матеріальныхъ условіяхъ, среди которыхъ возникли монастыри.

При взглядѣ на коммунистическія колоніи Америки мы видимъ еще и нѣчто другое: коммунизмъ создаетъ необыкновенное прилежаніе, чрезвычайную охоту къ труду. Нѣтъ ничего смѣшнѣе опасенія, что въ коммунистической общинѣ не стали бы работать. Оно давно опровергнуто опытомъ.

Цитированная выше книга Нордгофа даетъ между прочимъ также цѣлый

[1]) The communistic societies of the United States, from personal visit and observation, Лондонъ, 1875 г.

рядъ доказательствъ въ пользу этого. «Я часто спрашивалъ, — разсказываетъ онъ, — что вы дѣлаете съ лѣнивцами? Но въ коммунистической общинѣ совсѣмъ нѣтъ бездѣльниковъ; поэтому я полагаю, что человѣкъ по природѣ не лѣнивъ. Даже «зимніе шекеры», эти безпокойные люди, ищущіе съ приближеніемъ холоднаго времени года пріюта у шекеровъ и въ другихъ общинахъ, выражая притворное желаніе сдѣлаться ихъ членами, о которыхъ мнѣ одинъ старшина шекеровъ говорилъ, что они приходятъ въ началѣ зимы «съ пустымъ желудкомъ и съ пустой сумой, а когда начинаютъ цвѣсти розы,—уходятъ, наполнивъ тотъ и другую»,—даже эти жалкія существа подчиняются вліянію систематичности и порядка и выполняютъ свою часть труда безъ отвращенія, пока теплое весеннее солнце не начнетъ снова манить ихъ на свободу» (L. c. стр. 395).

Поэтому мы можемъ предположить, что требованіе физическаго труда, выставленное основателями монастырей, было вполнѣ серьезно, и что разсказы о прилежаніи монаховъ нельзя приписать одному бахвальству, хотя мы и знаемъ, что церковная реторика въ выдумкахъ и преувеличеніяхъ искони затмевала всякую другую, даже адвокатскую [1]).

И еще одну особенность представляютъ примитивныя коммунистическія колоніи Сѣверной Америки: именно огромное экономическое превосходство этой соціальной формы надъ крестьянской и мелко-буржуазной, внутри которыхъ она возникла.

Разсмотрѣніе причинъ этого явленія завело бы насъ слишкомъ далеко [2]). Достаточно того, что существованіе его установлено и лучше всего доказывается быстрымъ возрастаніемъ благосостоянія этихъ общинъ.

---

[1]) Чрезмѣрнаго труда монахи, разумѣется, не налагали на себя, такъ же какъ и всѣ свободные рабочіе до возникновенія капиталистическаго производства. Въ бенедиктинскихъ монастыряхъ, по правиламъ св. Бенедикта Нурсійскаго, нормальный рабочій день имѣлъ лишь семь часовъ (Ratzinger, Geschichte der Kirchlichen Armenpflege, стр. 100). Рекомендуемъ этотъ нормальный рабочій день вниманію благочестивыхъ христіанъ.

[2]) Въ многократно цитированномъ нами сочиненіи Нордгофа причины эти изложены подробно. Какъ уже было замѣчено, не слѣдуетъ смѣшивать эти коммунистическія колоніи простыхъ крестьянъ и ремесленниковъ, поднявшихся благодаря коммунизму выше экономическаго уровня мелкаго крестьянства и мелкой буржуазіи, съ коммунистическими колоніями, основанными образованными горожанами, притомъ занимающимися въ большинствѣ случаевъ либеральными профессіями, съ колоніями, долженствовавшими создать форму общества, стоящую выше не только крестьянскаго и мелко-буржуазнаго, но даже выше капиталистическаго общества, въ его наиболѣе развитой формѣ. Эти эксперименты большею частью терпѣли фіаско въ самомъ началѣ, ибо горожанинъ, предоставленный собственному труду, плохой піонеръ культуры въ деревнѣ, особенно же въ глуши. Но даже, когда экспериментъ, повидимому, удавался, цѣль его не могла быть достигнута, ибо отдѣльная коммунистическая община, сама удовлетворяющая своимъ потребностямъ, какъ бы совершенно она ни была организована, экономически непремѣнно должна стоять ниже капиталистическаго общества, господствующаго надъ внутреннимъ рынкомъ цѣлой націи и, кромѣ того, надъ частью мірового рынка. Въ современномъ обществѣ коммунистическая колонія можетъ существовать лишь тогда, когда всѣ ея члены „опростятся“ и откажутся отъ всѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній капиталистическаго общества. Поэтому можно судить о значеніи хотя бы африканскихъ экспериментовъ Герцки. Если бы они паче чаянія удались (въ моментъ сдачи этихъ строкъ въ печать пришло извѣстіе объ ихъ гибели), то результатомъ ихъ явилось бы основаніе не новаго, болѣе совершеннаго общества, но нѣсколькихъ деревень, стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ внѣ цивилизаціи.

Это превосходство сказывалось еще сильнѣе во время упадка римской имперіи, не имѣвшей цвѣтущаго крестьянства и цвѣтущаго мелкобуржуазнаго сословія, какъ Соединенные Штаты въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Крестьянство было разорено, латифундіи съ рабами постигла та же участь, ихъ мѣсто заняло убогое мелко-арендное хозяйство — колонатъ. Въ сравненіи съ нимъ монастырскія производительныя товарищества оказались стоящими экономически очень высоко. Неудивительно, что монастыри очень быстро распространились въ христіанскомъ мірѣ и сдѣлались носителями остатковъ римской техники и римской культуры вообще.

Неудивительно также, что послѣ переселенія народовъ германскимъ князьямъ и землевладѣльцамъ монастыри казались самыми подходящими учрежденіями для введенія въ ихъ государствахъ высшаго способа производства и что они поэтому благопріятствовали основанію монастырей, часто даже наталкивали на него такъ же, какъ, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ европейскіе государи поддерживали капиталистическія мануфактуры. Между тѣмъ, какъ къ югу отъ Альповъ главная цѣль монастырей заключалась въ томъ, чтобы давать пріютъ пролетаріямъ и разореннымъ крестьянамъ, на сѣверѣ главной ихъ задачей сдѣлалось развитіе земледѣлія, промышленности, сельскаго хозяйства и торговыхъ сношеній.

Но именно экономическое превосходство монастырей надъ всѣми другими хозяйственными организаціями того времени раньше или позже приводило всякій монастырь, сумѣвшій вообще сохраниться въ тогдашнихъ ужасныхъ условіяхъ, къ богатству и могуществу, если онъ не получилъ ихъ уже раньше отъ какого-нибудь знатнаго покровителя. А могущество и богатство обезпечиваютъ власть надъ трудомъ другихъ людей. Монахи и монахини перестали зависѣть отъ своего собственнаго труда, для нихъ явилась возможность жить трудомъ другихъ людей, и они естественно воспользовались этой возможностью. Изъ производительныхъ товариществъ монастыри превратились въ товарищества эксплуататоровъ.

Это неизбѣжный результатъ всякой удачной попытки провести коммунизмъ въ небольшой корпораціи внутри общества, въ которомъ господствуетъ частная собственность и эксплуатація. Это вѣрно относительно коммунизма на средства производства такъ же, какъ и относительно коммунизма на средства потребленія или же и обоихъ вмѣстѣ. Для перваго многочисленные примѣры даетъ исторія производительныхъ товариществъ, а для послѣдняго — примитивно-коммунистическія колоніи въ Америкѣ.

Какъ тѣ, такъ и другія, обыкновенно, при успѣшномъ развитіи и при расширеніи производства, предпочитаютъ брать наемныхъ рабочихъ вмѣсто того, чтобы принимать равноправныхъ членовъ, съ которыми прежнимъ членамъ пришлось бы дѣлиться.

Освобожденіе отъ ручного труда не означаетъ еще непремѣнно прекращеніе всякаго труда. Оно даетъ возможность заниматься умственной работой, и въ этомъ отношеніи монастыри также сыграли большую роль.

Вначалѣ они, разумѣется, не имѣли никакого значенія для искусства и наукъ. Производительныя товарищества, набранныя изъ бывшихъ крестьянъ, ремесленниковъ, рабовъ, всякой голытьбы, основанныя большею частью внѣ городовъ, въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ буржуазное общество и государство не могли коснуться ихъ, эти товарищества не были особенно подходящими учрежденіями

для занятія искусствомъ и науками; послѣднія въ римской имперіи даже и при господствѣ христіанства оставались сконцентрированными въ городахъ.

Но съ прекращеніемъ рабства, доставлявшаго такой излишекъ продуктовъ, прекратилась также мало-по-малу не только роскошь, но наука, искусства, ремесла и вообще цивилизація. Сельское хозяйство все болѣе опускалось до примитивнаго, аренднаго хозяйства полудикихъ колоновъ, дававшаго лишь небольшіе доходы, мѣстами оно совсѣмъ погибло. За разореніемъ сельскаго хозяйства послѣдовало разореніе городовъ, населеніе, размѣры и благосостояніе которыхъ все болѣе и болѣе уменьшались. Переселеніе народовъ разорило ихъ окончательно или отняло у нихъ всякое значеніе.

Тогда-то монастыри, сдѣлавшіеся между тѣмъ богатыми, стали лучшими, почти единственными убѣжищами науки и искусства. Въ четвертомъ вѣкѣ начинается развитіе монастырской жизни, но лишь начиная съ шестого центръ тяжести духовной жизни постепенно переходитъ въ монастыри, гдѣ и остается до новаго расцвѣта городовъ.

Однако, люди, уходившіе въ монастырь для того, чтобы употребить доставляемый имъ досугъ на занятія науками и искусствами, составляли лишь меньшинство монастырской братіи. Огромное большинство пользовалось пріятною жизнью и досугомъ, доставляемыми эксплуатаціей, для гораздо болѣе грубыхъ наслажденій. Лѣнь, жадность и пьянство монаховъ вошли въ поговорку.

Рука-объ-руку съ этимъ шла другая эволюція. Какъ только одно изъ монастырскихъ производительныхъ товариществъ расширялось и богатѣло, оно поднималось надъ массой прочаго населенія. Такое привилегированное положеніе оно могло сохранить, лишь изолируясь отъ массы, стремящейся принять участіе въ этомъ улучшеніи экономическаго положенія. Какъ въ былое время марки (Markgenossenschaften) и цехи, какъ въ нашемъ столѣтіи многія цвѣтущія коммунистическія колоніи и производительныя товарищества, такъ и монастыри сдѣлались замкнутыми, лишь только достигли благосостоянія. Бѣдняки, желавшіе сдѣлаться членами ихъ, оттѣснялись по возможности дальше. Зато охотно принимались люди, положеніе или состояніе которыхъ обѣщали монастырю какія-либо выгоды. Переставая быть, съ возрастаніемъ богатства, производительными товариществами и превращаясь въ товарищества эксплуататоровъ, монастыри перестали также служить убѣжищемъ для бѣдныхъ и угнетаемыхъ. Они сдѣлались пріютами для младшихъ сыновей и невышедшихъ замужъ дочерей дворянства.

Но потребность въ производительныхъ товариществахъ съ одной стороны, и убѣжищахъ для бѣдныхъ и угнетенныхъ — съ другой, сохранилась въ теченіе всей средневѣковой эпохи, и монастырь тогда представлялъ единственную форму, могущую удовлетворить этой потребности. Поэтому черезъ всю эту эпоху, наряду съ непрерывными жалобами на упадокъ монашескаго быта и нравственности, тянутся также непрерывныя попытки помочь злу преобразованіемъ существующихъ орденовъ или отдѣльныхъ монастырей и основаніемъ новыхъ.

Методы реформъ употреблялись самые разнообразные. Простѣйшимъ и выгоднѣйшимъ для реформатора способомъ была конфискація всего излишняго монастырскаго имущества [1]). Но реформація не всегда удавалась, ибо воинствен-

[1]) Особенно отличался въ этомъ отношеніи германскій императоръ Генрихъ II (1002—1024). (Ср. Lamprecht, Deutsche Geschichte, II, стр. 280 и слѣд., и Gieseбrecht,

ные монахи того времени часто очень энергично защищали свою шкуру. Они открыто убили не одного склоннаго къ реформамъ аббата и нерѣдко избавлялись отъ такихъ людей даже при помощи наемныхъ убійцъ.

Тамъ же, гдѣ реформація удавалась, она приносила мало пользы. Черезъ короткое время мы снова встрѣчаемъ прежніе порядки.

Такъ было и съ основаніемъ новыхъ монастырскихъ орденовъ. Чтобы изгнать все мірское изъ монастырей, основатели орденовъ становились все изобрѣтательнѣе въ выработкѣ своихъ монастырскихъ правилъ, — правилъ, которыя нынѣ назвали бы образцовыми статутами. Мірскія страсти должны были изгоняться искусственно, путемъ разнообразнѣйшихъ самоистязаній. Аскетизмъ становился все строже, отдѣленіе отъ внѣшняго міра все рѣзче. Но такъ какъ никто не касался корней зла, да и не могъ коснуться ихъ, а противодѣйствовали лишь симптомамъ его, то всѣ истязанія оставались безрезультатными и, къ счастію, въ большинствѣ случаевъ не примѣнялись вовсе.

Больше всего орденовъ было основано въ XII и въ XIII вѣкахъ. Тогда города Италіи и южной Франціи быстро расцвѣтали. Однако экономическій расцвѣтъ велъ за собою также и ростъ пролетаріата какъ рабочаго, такъ, главнымъ образомъ, и босяковъ. Послѣдній элементъ въ нѣкоторыхъ городахъ усилился настолько, что могъ вызвать соціальныя движенія. Движенія эти выразились прежде всего въ томъ, что влеченіе къ монастырской жизни усилилось и снова приняло болѣе пролетарскій характеръ, чѣмъ оно имѣло въ промежутокъ отъ шестого до одиннадцатаго вѣка. Монашескія тенденціи не всегда бывали благопріятны господствующей церкви. Часто онѣ соединялись съ враждебными церкви еретическими тенденціями, появившимися въ это время въ Италіи и южной Франціи

Но нерѣдко и папству удавалось пользоваться этими монашескими пролетарскими тенденціями для своей выгоды. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи пріобрѣли нищенствующіе ордена доминиканцевъ и францисканцевъ. Чтобы пріостановить безмѣрную страсть къ «грюндерству», Латеранскій соборъ (1215 г.) запретилъ учрежденіе новыхъ орденовъ. Но не успѣло запрещеніе выйти, оно было нарушено папою для вышеназванныхъ двухъ орденовъ, основанныхъ въ это же время.

Особенно характерно возникновеніе францисканскаго ордена. Его основатель, св. Францискъ Ассизскій, родился въ 1182 году и былъ сыномъ богатаго купца. Францискъ бурно прожилъ свою молодость, а потомъ, во время обычнаго похмѣлья, его охватило отвращеніе къ богатству и желаніе помогать нуждающимся. Онъ продалъ свое имѣніе, роздалъ вырученныя деньги неимущимъ и рѣшилъ посвятить свою жизнь служенію бѣднымъ. Собравъ нѣсколько человѣкъ единомышленниковъ, онъ организовалъ орденъ, устно утвержденный въ 1215 г. Иннокентіемъ III, а письменно въ 1223 г. Гонеріемъ III.

Св. Францискъ думалъ, что ему удастся воспрепятствовать учрежденному имъ ордену сдѣлаться товариществомъ эксплуататоровъ, какими были его предшественники. Онъ думалъ достигнуть этого обѣтомъ постояннаго безсребренниче-

---

Deutsche Kaiserzeit, стр. 84 и слѣд.). Этотъ великій конфискаторъ монастырскаго имущества причисленъ къ лику святыхъ. Хорошее поощреніе для благочестивыхъ католиковъ.

ства, распространивъ его на самый орденъ, не ограничиваясь, какъ это было до него, обѣтомъ для всякаго отдѣльнаго члена. Орденъ францисканцевъ не долженъ былъ ни пріобрѣтать, ни заниматься какимъ-либо ремесломъ для пріобрѣтенія, онъ долженъ былъ существовать для служенія больнымъ и бѣднымъ и довольствоваться подаваемой ему милостыней.

Однако именно потому, что орденъ принесъ такую пользу въ борьбѣ съ нищетой, и потому, что своей дѣятельной помощью онъ заслужилъ довѣріе бѣднѣйшаго класса, удерживалъ этотъ классъ отъ революціонныхъ стремленій и поддерживалъ его симпатіи къ церкви, — именно поэтому ему скоро стали дарить даже слишкомъ много. Еще при жизни Франциска въ его орденѣ возникло стремленіе уничтожить правило, запрещавшее пріобрѣтеніе имущества. «Великій основатель нищенствующаго ордена покоился уже въ блиставшемъ золотомъ и мраморомъ храмѣ» (Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom, V, стр. 114). Около двадцати лѣтъ спустя послѣ смерти св. Франциска стремленіе устранить обѣтъ отреченія отъ собственности было уже такъ сильно, что Иннокентій IV измѣнилъ въ 1245 году правила и опредѣлилъ, что францисканцы могутъ пріобрѣтать имущество и пользоваться имъ, если не на правахъ собственниковъ, то все же на правахъ владѣльцевъ. Право собственности на ихъ имущество принадлежало папѣ.

Послѣ этого орденъ францисканцевъ быстро пошелъ дорогою всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ сдѣлался товариществомъ эксплуататоровъ. Та же участь постигла и доминиканцевъ [1]).

Это смягченіе уставовъ имѣло еще другое послѣдствіе; часть францисканцевъ, представители интересовъ бѣдняковъ, смотрѣли на свою задачу очень серьезно. Таковыми были особенно терціаріи. Св. Францискъ сдѣлалъ демократическое постановленіе: кромѣ перваго, мужского монастырскаго ордена и женскаго, считавшагося вторымъ [2]), онъ образовалъ третій орденъ терціаріевъ, содѣйствовавшихъ задачѣ ордена, не отказываясь отъ брака и отъ своихъ мірскихъ занятій. Терціаріями были большею частью ремесленники или другіе представители народа, и ихъ собранія можно, пожалуй, назвать рабочими собраніями. Они-то сильнѣе всѣхъ протестовали противъ превращенія ордена въ общество эксплуататоровъ. Между двумя партіями возникла ожесточенная борьба, продол-

[1]) Каноникъ Іоаннъ Рюисброкъ, нидерландецъ, родившійся въ 1293 году, говорилъ уже на основаніи собственнаго опыта о монахахъ вообще и о нищенствующихъ монахахъ въ частности: „Среди нихъ царятъ три порока: лѣность, обжорство и излишества. Древніе отцы были бѣдны, основатели ордена нищенствующихъ монаховъ довольствовались Богомъ и презирали земныя блага и почести. Теперь всѣ почти монастыри стремятся къ богатству. Нищенствующихъ монаховъ теперь очень много, но изъ нихъ лишь немногіе соблюдаютъ статуты своего ордена. Они хотятъ называться бѣдными и высасываютъ соки изъ всей страны на семь миль въ окружности и живутъ въ довольствѣ. Среди нихъ самихъ существуютъ подраздѣленія, которыхъ бы не должно быть: у нѣкоторыхъ имѣется четыре или пять одеждъ, у иныхъ же едва одна. Одни пируютъ въ трапезной съ пріоромъ, гвардіаномъ и лекторомъ, занимая особое мѣсто, а другіе должны довольствоваться овощами, селедкой и пивомъ. Послѣдніе становятся завистливыми, тѣмъ болѣе, что, по ихъ мнѣнію, все имущество должно быть общимъ“. (Цит. у Ульмана, Reformatoren vor der Reformation, vornehmlich in Deutschland und den Niederlanden, Гамбургъ, 1842, II, 57, 58).

[2]) Онъ былъ основанъ горячей поклонницей и пріятельницей Франциска, восемнадцатилѣтней Кларой Сциффи, поэтому и называется орденомъ Клариссъ.

жавшаяся въ теченіе десятилѣтій. Чѣмъ больше папскій престолъ благопріятствовалъ эксплуататорскому направленію, тѣмъ больше послѣдователи болѣе строгаго направленія (спиритуалы или фратичеллы) возстановлялись противъ папы и самой церкви, тѣмъ чаще они старались примкнуть къ враждебнымъ церкви организаціямъ. Когда наконецъ папа Іоаннъ XXII, чтобы образумить ихъ, примѣнилъ противъ нихъ инквизицію, особенно въ южной Франціи (въ 1317 году, въ Нарбоннѣ, Безьерѣ), то это повело къ ихъ полному разрыву съ церковью. Съ тѣхъ поръ они причислялись къ еретическимъ коммунистическимъ сектамъ, беггардамъ, среди которыхъ мы находимъ предшественниковъ анабаптистовъ.

Такимъ образомъ, строгіе францисканцы представляютъ середину между монашескимъ коммунизмомъ, служившимъ въ средніе вѣка одной изъ основъ общества, и пролетарскимъ коммунизмомъ того времени, — коммунизмомъ, стремившимся уничтожить существующее общество.

Въ эту эпоху впервые появился и теоретикъ коммунизма, конечно, только монашескаго: аббатъ Іоахимъ Фіорійскій, родившійся около 1145 года въ Калабріи, въ деревнѣ Целіумѣ близь Козенцы. Послѣ путешествія въ Святую Землю онъ вернулся въ Калабрію, сдѣлался монахомъ, затѣмъ около 1178 года аббатомъ монастыря цистерціанцевъ Кораса. Впослѣдствіи онъ основалъ собственный монастырь въ Фіоре и умеръ въ 1201 или 1202 году.

Взволнованный соціальными неурядицами своей эпохи, особенно же ужасной эксплуатаціей и испорченностью, господствовавшими въ церкви, онъ искалъ выхода изъ этого невозможнаго положенія и думалъ найти его во всеобщемъ распространеніи коммунизма, — разумѣется, въ формѣ, соотвѣтствовавшей той эпохѣ, — въ формѣ коммунизма монастырскаго. Онъ предвидѣлъ приближеніе революціи и новаго общества, — тысячелѣтняго царства, о которомъ говоритъ Апокалипсисъ.

Онъ различаетъ три эпохи: «Сначала было время, когда люди служили плоти. Затѣмъ настало время, когда люди служатъ какъ плоти, такъ и духу; оно длится до сего дня. Но совсѣмъ иной вѣкъ тотъ, въ который люди живутъ только для духа; начало его приходится въ эпоху жизни св. Бенедикта». Это третье соціальное состояніе — монашеское (status monachorum). Монастырское устройство распространится на все человѣчество. «Необходимо, чтобъ дошли до истиннаго подражанія жизни апостоловъ, не стремясь къ обладанію земными благами, но лучше отдавая ихъ» и т. д. Полное осуществленіе третьяго соціальнаго состоянія должно было наступить черезъ 22 поколѣнія послѣ св. Бенедикта, т. е. въ ближайшемъ будущемъ. Римская церковь должна погибнуть подъ тяжестью божьей кары, а на ея развалинахъ возникнетъ новое общество, орденъ праведныхъ, который упразднитъ частную собственность. Тогда-то наступитъ эпоха полной свободы и полнаго познанія.

Ученіе Іоахима производило огромное впечатлѣніе. Особенно среди послѣдователей строгаго направленія францисканскаго ордена, фратичелловъ, считавшихъ себя «орденомъ праведниковъ», призваннымъ обновить общество; чрезъ нихъ это ученіе получило широкое распространеніе. Оно имѣло вліяніе на итальянскаго Мюнцера — Дольчино, да и самъ Мюнцеръ также не избѣжалъ его воздѣйствія [1]).

[1]) Лютеръ упрекаетъ Мюнцера въ томъ, что онъ взялъ свои „высокомѣрныя мысли“ изъ толкованія Іереміи аббатомъ Іоахимомъ. Самъ Мюнцеръ писалъ о своемъ отноше-

Впечатлѣніе, произведенное пророчествами Іоахима не только въ Италіи, но и въ Германіи, было такъ глубоко, и они отвѣчали столь назрѣвшей потребности массъ, что, когда факты опровергали пророчество, народъ предпочиталъ передѣлывать первые, чѣтъ потерять вѣру во второе. Іоахимъ предсказалъ, что соціальный переворотъ закончится къ 1260 году. Когда это время приближалось, между папскимъ престоломъ и императоромъ Фридрихомъ II какъ разъ происходила жестокая борьба. Послѣдователи Іоахима ожидали, что императору удастся побѣдить папу и основать послѣ его паденія новое общество. Однако, вышло совсѣмъ иначе.

«Смерть Фридриха (1250 г.) противорѣчила пророчеству Іоахима Фіорійскаго, ибо по этому пророчеству Фридрихъ долженъ былъ уйти изъ міра, лишь совершивъ свое дѣло. Такъ, въ этихъ кругахъ общества впервые возникло вѣрованіе, что Фридрихъ II не умеръ, а лишь скрылся, чтобы нѣкогда возратиться, взяться вновь за свое неоконченное дѣло и довести его до конца... Такъ возникъ своеобразный кругъ представленій нѣмецкой императорской легенды, которая лишь впослѣдствіи, по недоразумѣнію, была отнесена къ Фридриху I (Барбароссѣ) и къ ожидаемому съ его возвращеніемъ возобновленію «славы царства» [1]).

Мы уже видѣли, что народъ понималъ подъ этимъ выраженіемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Еретическій коммунизмъ. Его всеобщій характеръ.

I. Папство, какъ главный объектъ нападокъ еретическаго коммунизма.

Примѣръ францисканскаго ордена показываетъ, какъ легко вражда къ папству возникала среди представителей нѣкоторыхъ формъ монастырскаго коммунизма. Дѣйствительно, начиная съ XI вѣка, преобразованіе монастырей и основаніе новыхъ часто являлось какъ бы упрекомъ, обличеніемъ папской власти, и этотъ упрекъ нерѣдко принималъ очень рѣзкія формы.

Всѣ, кто принималъ къ сердцу интересы неимущихъ, почти неизбѣжно возставали противъ папской церкви, ибо въ средніе вѣка она стояла во главѣ имущихъ классовъ; она обладала огромнѣйшими богатствами и не только духовно, но и экономически господствовала надъ всей соціальной жизнью.

Ея господство можно, пожалуй, сравнить съ господствомъ высшаго финансоваго міра въ нашъ вѣкъ, съ господствомъ биржи, или—позаимствуемъ на минуту ходъ идей и манеру выражаться у антисемитизма, — съ господствомъ

ніи къ Іоахиму 2 декабря 1523 года Цейсу: „Вы должны знать, что ученые книжники приписываютъ это ученіе аббату Іоахиму и съ насмѣшкой называютъ его вѣчнымъ Евангеліемъ. Я читалъ только Іоахимово изложеніе Іереміи. Но мое ученіе высоко, я взялъ его не отъ Іоахима, а изъ изреченій Божьихъ, что я въ свое время докажу всѣмъ писаніемъ“. Письмо это появилось въ качествѣ приложенія къ сочиненію: Von dem getichten glawben auff nechst Protestation aussgangen Tome Müntzers zu Alstet, 1524.

[1]) H. Prutz, Staatengeschichte des Abendlandes im Mittelalter. Берлинъ 1885 г., I, стр. 657.

жидовства. Какъ теперь антисемиты объявляютъ все общество «ожидовившимся», такъ въ средніе вѣка оно «опапилось». Папство господствовало надъ духовной жизнью, какъ нынѣ, напр., биржа господствуетъ надъ прессою; и какъ биржа рѣшала судьбы министерствъ и даже королей, какъ она основывала и разрушала государства,—такъ дѣйствовало и папство.

Но господство папства такъ же, какъ нынѣ господство крупныхъ финансистовъ, отнюдь не было общепризнаннымъ. Биржа и папство имѣютъ и еще одно общее свойство: они сдѣлали своими врагами всѣ классы общества, не только эксплуатируемыхъ, но и эксплуататоровъ, которые должны были такъ много отдавать высшимъ эксплуататорамъ и которые съ жадностью смотрѣли на сокровища послѣднихъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того мнѣнія, что повиновеніе папству во второй половинѣ среднихъ вѣковъ было добровольнымъ или же пассивнымъ. Въ большинствѣ случаевъ ему повиновались со скрежетомъ зубовъ и при всякомъ удобномъ случаѣ возставали противъ него. Большая половина среднихъ вѣковъ заполнена непрерывной борьбой различнѣйшихъ классовъ и странъ противъ папскаго владычества. Но пока основы для новаго общественнаго и государственнаго строя еще не были установлены, папство нельзя было побѣдить, также какъ въ нашемъ вѣкѣ до сихъ поръ не удалось побѣдить крупныхъ финансистовъ. И вся эта борьба, да и вообще всякая соціальная катастрофа, всякая война, эпидемія, всякая голодовка, всякое возстаніе,— всѣ они служили тогда, какъ и сегодня, лишь для того, чтобы укрѣпить и увеличить богатство и могущество эксплуататора надъ эксплуататорами.

Такое положеніе вещей благопріятствовало распространенію коммунистическихъ идей. Но тѣмъ не менѣе оно не благопріятствовало развитію опредѣленной классовой борьбы неимущихъ. Продолжая для большей ясности сравненіе папства съ высшими финансистами, можно сказать, что условія были сходны съ условіями при буржуазномъ королевствѣ во Франціи (1830 — 48). Благодаря своему финансовому могуществу, благодаря жалкому избирательному закону и политической отсталости трудящихся классовъ, высшіе финансисты почти неограниченно господствовали въ то время надъ Франціей черезъ короля и парламентъ. Противъ нихъ поднялась оппозиція, состоявшая не только изъ крестьянъ и темныхъ рабочихъ, но также изъ промышленныхъ капиталистовъ и мелкой буржуазіи. Борьба съ общимъ врагомъ объединила ихъ и довольно сильно затушевала классовыя различія между ними. Это затруднило пробужденіе классоваго самосознанія пролетаріата, не дало ему освободиться отъ политическаго руководительства мелкаго мѣщанства и даже буржуазіи, но въ то же время усыпило недовѣріе послѣдней къ пролетаріату. Она стала склонной забывать, что бѣдность составляетъ основу ея богатства, начала чувствовать состраданіе къ горю бѣдныхъ и отверженныхъ; она поддерживала стремленіе къ устраненію бѣдности, и многіе изъ среды ея даже заигрывали съ соціализмомъ. Самые популярные французскіе беллетристы того времени были соціалистами, напомнимъ только имена Эженъ Сю и Жоржъ Зандъ.

Затѣмъ произошла революція 1848 года. Господство haute finance было свергнуто, она была лишена своихъ политическихъ привилегій. Политическая власть перешла къ народу, т.-е. къ промышленнымъ капиталистамъ, мелкой буржуазіи, крестьянамъ и рабочимъ. Какъ только побѣжденъ былъ общій врагъ, ихъ особенные классовые интересы и классовыя противорѣчія болѣе или менѣе

ясно, но во всякомъ случаѣ рѣзко пробудились въ сознаніи. Яснѣе и рѣзче всего выразилась противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ. Соціализмъ оказался не только мечтой нѣсколькихъ сантиментальныхъ литераторовъ.

Съ тѣхъ поръ буржуіазія направила всю свою энергію не только противъ всякаго самостоятельнаго движенія рабочаго класса, но и противъ всего, что походило на соціализмъ, и ея напуганнное воображеніе заставляло ее видѣть соціализмъ тамъ, гдѣ въ сущности была лишь крайне скромная филантропія. Въ буржуазномъ обществѣ соціализмъ бойкотировался; буржуазнымъ соціалистамъ предстояла дилемма: если они оставались вѣрны соціализму, то ихъ исключали изъ буржуазнаго общества, имена ихъ предавались забвенію. Если же они желали избѣжать этого, то имъ приходилось вполнѣ и при этомъ навсегда отказаться отъ соціализма. Съ тѣхъ поръ соціализмъ въ политикѣ и литературѣ заглохъ, пока растущій рабочій классъ не сдѣлался настолько силенъ, что собственными силами заставилъ общество обратить вниманіе на него и на себя.

Подобнымъ же, хотя и болѣе продолжительнымъ представляется процессъ возникновенія коммунистическихъ движеній въ средніе вѣка, при чемъ реформація сыграла роль 1848 года. Особенно легко этотъ процессъ можно прослѣдить въ Германіи въ XV и началѣ XVI вѣка.

Конечно, о классовомъ самосознаніи въ пролетарскихъ движеніяхъ среднихъ вѣковъ можно говорить еще меньше, чѣмъ о наличности его въ движеніяхъ первой половины нашего вѣка. Съ одной стороны, мы даже у босяцкаго пролетаріата видимъ стремленіе замкнуться, закупориться въ цехи и добиться особенныхъ привилегій [1]), а съ другой — у коммунистовъ изъ рабочаго класса, особенно у ткачей, безразличное отношеніе ко всякимъ классовымъ различіямъ. Движенія пролетаріата, выходящія за предѣлы обыкновенныхъ цеховыхъ разногласій, еще вполнѣ сливаются съ революціонными движеніями другихъ эксплуатируемыхъ классовъ, крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ.

Зато эта эпоха во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ первая половина нашего вѣка, благопріятствовала пробужденію коммунистическихъ тенденцій во всемъ обществѣ.

II. Противорѣчіе между бѣдностью и богатствомъ въ средніе вѣка.

Различіе между бѣдными и богатыми въ средніе вѣка, а также въ эпоху реформаціи было далеко не такъ велико, какъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, но оно было яснѣе для всякаго и выражалось ярче. Величайшія соціальныя различія мы видимъ теперь въ большихъ городахъ, съ милліоннымъ населеніемъ, гдѣ жилища бѣдныхъ нерѣдко находятся въ большомъ разстояніи отъ жилищъ богатыхъ. Въ ту эпоху, о которой мы здѣсь говоримъ, мѣстное

[1]) „Замѣчательно поселеніе считающихся безчестными живодеровъ, могильщиковъ чистильщиковъ помойныхъ ямъ и профессіональныхъ нищихъ на Каленбергѣ, небольшомъ возвышеніи въ Базелѣ. Тамъ они живутъ, изолированные отъ всего прочаго населенія; они образуютъ товарищество на подобіе цеха, съ собственнымъ судомъ, называемымъ каленбергскимъ. Этотъ судъ состоитъ изъ семи носильщиковъ (Sackträger); ихъ называютъ „свободными“ или „вольными парнями“, „которые ходятъ безъ штановъ и ножа“. (Maurer, Städteverfassung, II, стр. 472).

разъединеніе отдѣльныхъ сословій и даже отдѣльныхъ отраслей ремесла было въ городахъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ настоящее время; города были невелики, 10—20.000 населенія составляли уже большой городъ, и люди жили, тѣсно скучившись. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что прежде жизнь велась болѣе открыто, трудъ и удовольствія носили болѣе публичный характеръ, радости и страданія каждаго класса не составляли тайны для другихъ. Политическая жизнь и празднества разыгрывались въ публичныхъ мѣстахъ, на рынкахъ или погостахъ, въ церквахъ или открытыхъ зданіяхъ. Покупали и продавали на рынкахъ, и ремесломъ при малѣйшей возможности занимались либо на улицѣ, либо, по крайней мѣрѣ, при открытыхъ дверяхъ.

Но особенное значеніе имѣло слѣдующее обстоятельство. Въ наше время капиталистъ считаетъ своей главнѣйшей задачей накопленіе капитала. Современный капиталистъ никогда не можетъ имѣть довольно капитала; онъ охотно обратилъ бы всѣ свои доходы на его увеличеніе, на расширеніе существующихъ заводовъ, на пріобрѣтеніе новыхъ, на разореніе конкуррентовъ и т. д. И если онъ обладаетъ тысячью милліоновъ, все-таки, чтобы обезпечить ихъ и воспрепятствовать какому-либо конкурренту превзойти его, онъ будетъ добиваться второго милліарда. Современный капиталистъ никогда не обращаетъ всего своего дохода на собственное потребленіе,—если, конечно, онъ не чудакъ, не бездѣльникъ и если ему вообще хватаетъ дохода. Даже самый богатый милліонеръ можетъ вести совсѣмъ простую жизнь, не теряя своего престижа. Но если онъ и позволяетъ себѣ какую-либо роскошь, то обнаруживаетъ ее не публично, а въ бальныхъ и игорныхъ залахъ, chambres separés, охотничьихъ замкахъ и т. д. На улицѣ милліонеръ показывается совершенно въ такомъ же видѣ, какъ и вся масса его согражданъ.

Совсѣмъ инымъ было положеніе вещей при системѣ натуральнаго хозяйства и простого товарнаго производства. Тогда богатый и могущественный человѣкъ не могъ превращать свой доходъ,—въ чемъ бы онъ ни заключался, въ продуктахъ или деньгахъ,—въ акціи и государственныя бумаги. Онъ могъ тратить свои доходы только на потребленіе или, если они были денежные, могъ употреблять ихъ для накопленія драгоцѣнныхъ и не портящихся товаровъ,—благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Чѣмъ болѣе духовные и свѣтскіе князья и господа, патриціи и купцы расширяли эксплуатацію, чѣмъ больше дѣлался ихъ доходъ, тѣмъ болѣе усиливалась и роскошь, выказываемая ими. Сами они, конечно, не могли съѣсть свой избытокъ. Они содержали на него слугъ и служанокъ, пріобрѣтали породистыхъ лошадей и собакъ, одѣвали себя и свою свиту въ драгоцѣнныя ткани, возводили великолѣпные замки и роскошно отдѣлывали ихъ. Стремленіе къ накопленію сокровищъ заставляло увеличивать роскошь. Гордые владыки среднихъ вѣковъ не закапывали своихъ сокровищъ въ землю, какъ боязливый индусъ; они не считали также нужнымъ прятать ихъ отъ взглядовъ воровъ и податныхъ чиновниковъ, какъ современные капиталисты. Богатство было признакомъ и основой ихъ могущества: они гордо и хвастливо выставляли его на показъ; ихъ одежда, посуда, дома блистали золотомъ и серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Это былъ золотой вѣкъ между прочимъ и для искусства.

Но, подобно богатству, и бѣдность показывалась въ то время совершенно открыто. Пролетаріатъ только еще возникалъ; его было уже достаточно, чтобы

заставить людей, глубоко мыслящихъ и тонко чувствующихъ, придумывать средства и пути для избавленія міра отъ нужды, но недостаточно, чтобы считать его опаснымъ для государства и общества. Такимъ образомъ нашелъ себѣ плодотворную почву образъ мыслей, который былъ воспринятъ христіанствомъ во время его возникновенія, когда босяцкій пролетаріатъ былъ его главнымъ носителемъ, и который считалъ бѣдность не преступленіемъ, но состояніемъ, особенно угоднымъ Богу и требующимъ къ себѣ вниманія. По ученію Евангелія бѣдный былъ представителемъ Христа, ибо: «что вы сдѣлали одному изъ Моихъ меньшихъ братьевъ, то вы сдѣлали Мнѣ». (Матѳ. 25, 40). На практикѣ это, конечно, мало помогало пролетаріату; съ представителемъ Христа тогда обращались совсѣмъ не по-христіански. Но въ средніе вѣка бѣдныхъ не засаживали въ пріюты, рабочіе дома, исправительныя и прочія заведенія, нищенство было законнымъ правомъ, и ко всякому богослуженію, особенно къ праздничному, всѣ — высшая роскошь и глубочайшая бѣдность собирались въ одномъ зданіи, въ церкви.

Тогда, какъ и нынѣ, къ обществу можно было примѣнить слова Платона о двухъ націяхъ. Но въ концѣ среднихъ вѣковъ двѣ націи: богачей и бѣдныхъ были, по крайней мѣрѣ, націями сосѣдними, онѣ знали и понимали другъ друга. Въ настоящее время эти націи сдѣлались совершенно чуждыми другъ другу. Когда націи буржуа приходитъ желаніе узнать что-либо о націи пролетаріевъ, то для этой цѣли снаряжается особая экспедиція, какъ будто дѣло идетъ объ изслѣдованіи центральной Африки. Однако буржуазіи послѣднее кажется важнѣе перваго, изслѣдованіе Африки обѣщаетъ открытіе новыхъ рынковъ для сбыта, обѣщаетъ барышъ. Неудивительно также, что многіе «образованные» люди лучше знаютъ условія жизни на черномъ материкѣ, чѣмъ въ пролетарскихъ кварталахъ города, въ которомъ они живутъ. Лишь въ послѣднее время, благодаря увеличивающемуся значенію пролетаріата, изслѣдованію его быта придаютъ больше значенія.

Въ средніе вѣка имущимъ классамъ нечего было бояться пролетаріата, нечего было также изучать, чтобы узнать его положеніе. Обозрѣватель повсюду встрѣчалъ неприкрашенную нищету, притомъ въ самой рѣзкой противоположности къ гордой и необузданнѣйшей роскоши. Неудивительно, что эта противоположность не только возмущала низшіе классы, но возстановляла также лучшихъ людей высшихъ классовъ противъ неравенства и благопріятствовала стремленіямъ къ уничтоженію его.

III. Вліяніе христіанской традиціи.

Вліяніе идей, возникшихъ въ данныхъ соціальныхъ условіяхъ, на позднѣйшія является такимъ факторомъ въ общественномъ развитіи, значенія котораго не слѣдуетъ умалять. Нерѣдко онѣ дѣйствуютъ, задерживая и затрудняя познаніе новыхъ соціальныхъ тенденцій и потребностей времени. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ онѣ имѣли часто обратное дѣйствіе.

Послѣ бурь переселенія народовъ и послѣ періода варварства, слѣдовавшаго за ними, народы христіанскаго запада, со времени крестовыхъ походовъ, снова стали подниматься на ступень культуры, которая, несмотря на свою своеобразность, во многомъ соотвѣтствовала высотѣ античнаго и римскаго общества

накануне его упадка и въ началѣ его. Литература, эта сокровищница идей, оставленная римскимъ обществомъ, отлично удовлетворяла потребностямъ всѣхъ общественныхъ классовъ конца среднихъ вѣковъ. Возрожденіе античной литературы и науки чрезвычайно сильно способствовало самосознанію и самопознанію возникающихъ общественныхъ классовъ и сдѣлалось, такимъ образомъ, могучей пружиной общественнаго развитія. Традиція, вліяющая обыкновенно консервативно, явилась въ этихъ условіяхъ революціоннымъ факторомъ.

Каждый классъ бралъ, разумѣется, изъ сокровищницы идей классическаго міра то, что ему было полезнѣе всего, что наиболѣе соотвѣтствовало его потребностямъ. Буржуазія и князья воспользовались римскимъ правомъ, такъ хорошо соотвѣтствовавшимъ потребностямъ простого товарнаго производства, торговли и абсолютной, монархической государственной власти. Они наслаждались античной языческой литературой, — литературой, проповѣдывавшей жизнерадостность, пожалуй, болѣе того—наслажденіе.

Пролетаріату и симпатизирующимъ ему людямъ не могли нравиться, ни римское право, ни классическая литература. То, что они искали, они нашли въ другомъ продуктѣ римскаго общества—въ Евангеліи. Коммунизмъ древняго христіанства вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ потребностямъ. Основы высшаго коммунистическаго производства еще не были даны, коммунизмъ еще не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнаго рода уравнительнымъ коммунизмомъ, надѣленіемъ бѣдняковъ, нуждающихся въ самомъ необходимомъ, за счетъ избытковъ богатыхъ.

Коммунистическія тенденціи среднихъ вѣковъ не были созданы коммунистическимъ ученіемъ Евангелія и Дѣяній апостольскихъ; но книги эти также благопріятствовали ихъ возникновенію, какъ римское право благопріятствовало развитію абсолютизма и буржуазіи.

Такимъ образомъ, основа коммунистическихъ тенденцій оставалась христіанской, религіозной; и, несмотря на это, онѣ по необходимости дѣлались враждебными господствующей церкви, самой богатой изъ богачей, давно уже объявившей требованіе всеобщаго коммунизма діавольскимъ лжеученіемъ и постаравшейся извратить и затемнить коммунистическое содержаніе древнехристіанскихъ сочиненій разными софистическими ухищреніями.

Если съ одной стороны, стремленіе дать обществу коммунистическую организацію неизбѣжно вело къ еретичеству, къ расколу съ папской церковью, то съ другой стороны еретичество, т.-е. борьба противъ этой церкви, способствовало возникновенію коммунистическихъ идей.

Еще не наступило время, когда можно было думать, что можно вообще обойтись безъ церкви. Правда, къ концу среднихъ вѣковъ, въ городахъ возникла культура, далеко превосходившая ту, которой представительницей являлась церковь.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ въ городахъ вновь возникшіе классы,—абсолютизмъ со своими придворными, купцы, римскіе юристы, литераторы—держались далеко не христіанскаго образа мыслей,—и притомъ чѣмъ ближе къ Риму они жили, тѣмъ дальше они были отъ такого образа мыслей. Сама столица христіанства являлась главнымъ очагомъ невѣрія. Но для новой организаціи государственнаго управленія, для свѣтской бюрократіи, могущей занять мѣсто церковныхъ организацій, существовали лишь слабые зародыши. Церковь осталась необходимою для господствующихъ, т.-е. именно для невѣрующихъ классовъ.

Главной задачей революціонныхъ классовъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ было не разрушить церковь, но завоевать ее, при ея посредствѣ господствовать надъ обществомъ и преобразовать послѣднее сообразно своимъ интересамъ, подобно тому, какъ въ наше время задачей пролетаріата является завоеваніе государства и подчиненіе его себѣ.

Чѣмъ больше исчезала въ высшихъ классахъ вѣра, тѣмъ болѣе они заботились о спасеніи душъ низшихъ классовъ, тѣмъ внимательнѣе слѣдили они за тѣмъ, чтобы послѣдніе не могли достигнуть образованія, могущаго расширить ихъ горизонтъ дальше предѣловъ христіанскаго ученія. И это не стоило имъ особеннаго труда, потому что соціальное положеніе крестьянъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ само по себѣ дѣлало невозможнымъ достиженіе высшаго образованія. Поэтому они не выходили изъ предѣловъ христіанскихъ воззрѣній.

Папской церкви это приносило очень мало пользы, ибо не мѣшало возникновенію большихъ народныхъ движеній и повело лишь къ тому, что движенія эти, для обоснованія своихъ требованій, опирались главнымъ образомъ на религіозные аргументы.

Литературныя произведенія древняго христіанства сообщали, что Христосъ и его ученики были бѣдными, требовали отъ своихъ послѣдователей добровольной бѣдности, и что церковное имущество, если таковое вообще существовало, принадлежало не духовенству, а общинѣ.

Цѣлью всѣхъ враждебныхъ папству классовъ и партій сдѣлалось возвращеніе къ древнему христіанству, къ Евангелію, возстановленіе «чистаго слова Божія». Правда, всякая партія, смотря по интересамъ, которые она представляла, объясняла «чистое слое Божіе» по-своему. Сходились онѣ лишь на томъ, что оно требуетъ бѣдности церковной іерархіи. Но требуетъ ли оно демократической организаціи церковной общины или даже общности имущества, въ этомъ различныя противныя папству «протестантскія» направленія расходились очень сильно. А такъ какъ въ древнемъ христіанствѣ демократическая организація и общность имущества фактически существовали, то почитатели древняго христіанства вычитывали изъ «чистаго слова Божія» что-либо противоположное лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали въ этомъ очень заинтересованы. Поэтому сравнительно нетрудно было склонить къ демократическому коммунизму всякаго честнаго представителя имущихъ классовъ, принимавшаго участіе въ еретическомъ движеніи и бывшаго въ состояніи подняться умственно выше интересовъ и предразсудковъ своего класса; особенно, пока имущимъ классамъ, враждебнымъ папству, послѣднее казалось могучимъ врагомъ, коммунизмъ же безвредной игрой нѣкоторыхъ экзальтированныхъ идеологовъ, и пока необходимо было соединить всѣ оппозиціонныя папству силы въ одномъ лагерѣ. Еретическій коммунизмъ сначала казался опаснымъ лишь для папской эксплуатаціи. Поэтому имущіе классы охотно терпѣли его, сами имѣя еретическія наклонности, поэтому сдѣлался возможнымъ фактъ, что призывъ къ возвращенію на путь древняго христіанства вызвалъ коммунистическія тенденціи не только въ кругу бѣднаго населенія, но и среди немалаго числа членовъ имущихъ классовъ.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, понятно, что въ эпоху еретическихъ движеній, имѣвшихъ цѣлью низверженіе папства, коммунистическія идеи могли достигнуть силы и распространенія, нисколько не соотвѣтствовавшихъ силѣ, распространенію и самосознанію тогдашняго пролетаріата.

Но поэтому же еретическія коммунистическія движенія обыкновенно быстро исчезали, повидимому, безслѣдно, какъ только они, вмѣсто того, чтобы обратиться, вмѣстѣ съ движеніемъ имущихъ классовъ, исключительно противъ папства, дѣлали попытку атаковать все общество имущихъ.

Всѣ эти обстоятельства, недостатокъ классоваго сознанія неимущихъ, относительно большая заинтересованность имущихъ, купцовъ, рыцарей, особенно же духовенства въ коммунистическихъ стремленіяхъ, сильное литературное вліяніе коммунистическихъ тенденцій прежняго періода—древняго христіанства,—все это способствовало тому, что во все время возрожденія коммунистическихъ идей въ XII и XIII вѣкахъ, до эпохи реформаціи, т.-е. до XVI столѣтія, религіозная оболочка коммунистическаго движенія еще сильнѣе скрывала его классовый характеръ, чѣмъ это вообще имѣло мѣсто въ народныхъ движеніяхъ этой эпохи.

И все-таки именно пролетаріатъ тогда уже наложилъ печать на коммунистическія движенія. Какъ средневѣковый пролетаріатъ отличается отъ пролетаріата разлагающагося римскаго общества и отъ пролетаріата современнаго, такъ и коммунизмъ, носителемъ котораго онъ являлся, отличался отъ древне-христіанскаго, также какъ и отъ коммунизма XIX вѣка. Онъ являлся переходной стадіей отъ одного къ другому.

Средневѣковой коммунизмъ, такъ же какъ древне-христіанскій, и по тѣмъ же причинамъ, былъ коммунизмомъ средствъ потребленія, но не средствъ производства, чѣмъ онъ существенно и отличается отъ современнаго. Послѣ всего сказаннаго выше намъ, вѣроятно, нечего входить въ дальнѣйшія объясненія по этому поводу.

Но коммунизмъ среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи похожъ, кромѣ того, на древне-христіанскій своимъ аскетическимъ и мистическимъ характеромъ; это—коммунизмъ воздержанія, разсчитывающій на вмѣшательство таинственныхъ, сверхчеловѣческихъ силъ. Въ этомъ онъ также является противоположностью коммунизма XIX вѣка.

IV. Мистика.

Разсмотримъ теперь послѣднюю черту средневѣкового коммунизма—мистицизмъ.

Одной изъ причинъ его возникновенія мы уже касались, именно невѣжества широкихъ народныхъ массъ. Чѣмъ больше развивалось товарное производство и товарный обмѣнъ, тѣмъ безсильнѣе становились люди передъ соціальными силами, тѣмъ запутаннѣе и таинственнѣе дѣлались соціальныя соотношенія, тѣмъ ужаснѣе соціальные недуги, разразившіеся надъ человѣчествомъ. Передъ ними люди были совершенно безпомощны и безсильны; безпомощнѣе же и безсильнѣе другихъ были низшіе, эксплуатируемые слои народа.

Господствующіе и стремившіеся къ господству классы, особенно купцы и князья, оріентировались въ новыхъ условіяхъ при помощи античной государственной мудрости и римскаго права, воскресенію которыхъ они содѣйствовали. Низшимъ классамъ эти науки были менѣе доступны, менѣе—чѣмъ науки для народа теперь, ибо тогда онѣ излагались на собственныхъ, отличныхъ отъ народнаго языкахъ: латинскомъ и греческомъ.

Но не это еще было самой важной причиной, мѣшавшей наукѣ проникать въ низшіе классы народа. Главной—являлось то, что эти классы относились къ наукѣ враждебно, ибо она противорѣчила ихъ потребностямъ.

Развитіе науки, такъ же какъ и искусства, не можетъ быть независимымъ отъ развитія общества. Для успѣха науки нужны не только опредѣленныя предварительныя условія, дѣлающія возможнымъ научное изслѣдованіе, должны существовать также особенныя потребности, наталкивающія на научное изслѣдованіе. Потребность болѣе глубокаго изслѣдованія истинныхъ соотношеній въ природѣ и обществѣ существуетъ не во всякомъ обществѣ и не во всякомъ общественномъ классѣ, даже если даны необходимыя предварительныя условія. Классъ или общество, находящіеся въ упадкѣ, всегда будутъ противиться уразумѣнію дѣйствительности; они не станутъ пользоваться своимъ интеллектомъ для уясненія существующаго порядка вещей, но воспользуются имъ для пріобрѣтенія аргументовъ, могущихъ успокоить, утѣшить и обмануть ихъ самихъ, не говоря уже о необходимости обманывать своихъ противниковъ насчетъ своей силы и жизнеспособности.

Успѣхамъ науки могутъ содѣйствовать лишь прогрессирующіе соціальные слои и цѣлыя общества. Кому въ дѣйствительности принадлежитъ будущее, тотъ интересуется изслѣдованіемъ дѣйствительности и старается разсѣять всякое заблужденіе на ея счетъ.

Когда античное общество пришло въ упадокъ, и наука его стала падать, люди все чаще начали уходить изъ міра дѣйствительности, ужасъ котораго угнеталъ ихъ, въ міръ внѣчувственный, міръ фантазіи, мистики, который они могли воображать себѣ, сообразно своимъ потребностямъ. Когда они отчаявались въ самихъ себѣ, тогда имъ на помощь должна была являться сила сверхъестественныхъ существъ. На этой почвѣ и расцвѣли хиліазмъ, вѣра въ чудеса и мистика.

Германцы, получившіе большую часть наслѣдія римской имперіи, переняли также ученіе христіанства, выросшее въ этой атмосферѣ, но они дали ему иное содержаніе. Смѣлые, жизнерадостные варвары не понимали мрачнаго, угнетеннаго отворачиванія отъ дѣйствительности, боязливаго исканія и раскапыванья собственнаго внутренняго міра, отличающихъ мистиковъ древняго христіанства. Они не были въ состояніи научно побѣдить христіанство, но они воспринимали его такъ наивно-чувственно, что мистицизмъ переставалъ быть живою силою. Какъ и многіе литературные пережитки язычества, онъ едва прозябалъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ.

Но въ христіанско-германскомъ мірѣ возникло товарное производство и товарный обмѣнъ, революціонизировавшіе его, и тогда снова образовалась почва для воскресенія апокалипсическихъ идей и мистицизма вообще; прежде всего это произошло въ городахъ, въ очагахъ прогрессирующей культуры. Мистицизмъ отвѣчалъ потребностямъ тѣхъ же слоевъ, которые привлекалъ и древнехристіанскій коммунизмъ. Первый развился вмѣстѣ съ послѣднимъ.

Тогда будущее принадлежало не бѣднымъ и угнетеннымъ, а богатымъ и могущественнымъ, князьямъ и капиталистамъ. Они имѣли полное основаніе покровительствовать наукѣ, ибо чѣмъ лучше понималась дѣйствительность, тѣмъ больше она говорила въ пользу власть имущихъ. Даже тамъ, гдѣ она не была слугою княжескаго и капиталистическаго могущества, даже тамъ, гдѣ она развивалась свободно, она способствовала ихъ усиленію.

Значеніе пролетаріата тогда еще далеко не выяснилось. Чѣмъ больше бѣдные и угнетенные знакомились съ дѣйствительностью, тѣмъ безнадежнѣе она должна была казаться имъ. Только чудо могло сразу свергнуть всѣхъ угнетателей и эксплуататоровъ и принести нуждающимся массамъ свободу и благосостояніе. Но они желали этого всѣми фибрами своего сердца, они должны были вѣрить этому, чтобы не впасть въ отчаяніе. Они стали ненавидѣть служившую ихъ угнетателямъ, вновь ожившую науку, также какъ и традиціонную церковную вѣру. Они начали отворачиваться отъ ужасной безутѣшной дѣйствительности и стали погружаться въ свой внутренній міръ, чтобы почерпнуть въ немъ утѣшеніе и надежду. Аргументамъ дѣйствительности и науки они противопоставляли свой внутренній голосъ, «гласъ Божій», «откровеніе», «внутреннее просвѣщеніе», т.-е. на самомъ дѣлѣ голосъ своихъ желаній и потребностей, звучавшій тѣмъ сильнѣе, имѣвшій тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше мечтатель изолировался отъ общества, чѣмъ больше онъ отдалялъ отъ себя всякія помѣхи и чѣмъ сильнѣе онъ разгорячалъ свою фантазію различнѣйшими средствами, вызывающими экстазъ, особенно же голодомъ и молитвами. Такимъ образомъ мечтатели дошли до вѣры въ чудо, сдѣлавшейся у нихъ настолько сильной, что они могли сообщить ее и другимъ людямъ, склоннымъ къ ней, благодаря одинаковымъ потребностямъ и желаніямъ.

Характерный примѣръ такого настроенія представляютъ сочиненія Мюнцера. Мы здѣсь цитируемъ нѣкоторыя, особенно же его изложеніе второй главы Даніила, гдѣ говорится о сновидѣніи царя Навуходоносора, о статуѣ изъ желѣза и золота съ глиняными ногами, разбитой камнемъ, о сновидѣніи весьма удобномъ для революціонныхъ толкованій [1]).

Мюнцеръ говоритъ здѣсь: язычники и турки смѣются надъ нами, страданія Христа сдѣлались предметомъ купли и продажи. Поэтому мы должны подняться изъ грязи, должны сдѣлаться учениками Божьими, поставленными Имъ и одаренными силой для отмщенія врагамъ Божьимъ. Мы должны бояться Бога, но не Его твореній. Нельзя служить двумъ господамъ. Правда, ученые книжники утверждаютъ, что Богъ нынѣ уже не является своимъ возлюбленнымъ друзьямъ въ видѣніяхъ и пророчествахъ, они говорятъ, что надо держаться писанія. Надъ предостереженіями людей, получающихъ откровеніе Божіе, они издѣваются, какъ іудеи издѣвались надъ Іереміей, пророчествовавшимъ о плѣнѣ вавилонскомъ.

Затѣмъ Мюнцеръ говоритъ о сновидѣніи Навуходоносора. Его гадатели не умѣли истолковать сна. «Они были безбожными лицемѣрами, говорившими то, что владыки охотно слушаютъ, подобно ученымъ книжникамъ нашего времени, охотно поѣдающимъ при дворахъ лакомые кусочки». Этимъ ученымъ очень льститъ мысль, что они могутъ отличать добро отъ зла безъ наитія св. Духа. Но слово нисходитъ въ сердце отъ Бога. «Поэтому святой Павелъ приводитъ Моисея и Исаію (Римл. 10) и говоритъ о внутреннемъ словѣ, слышанномъ въ пропасти души чрезъ откровеніе Божіе. И человѣкъ, не понявшій и не почувствовавшій этого изъ живого свидѣтельства Божія (Римл. 8), не можетъ сказать ничего разумнаго о Богѣ, если бы онъ даже прочелъ сто тысячъ библій».

«Но для того, чтобы человѣкъ уразумѣлъ слово Божіе и сдѣлался воспріимчивымъ, Богъ долженъ лишить его плотскихъ страстей; и, когда вдох-

[1]) Auffegung des andern untersyds Danielis и т. д. Альштетъ 1524 г.

новеніе Божіе входитъ въ его сердце, онъ долженъ желать убить всѣ плотскія страсти, долженъ измѣнить ихъ и подвергнуться воздѣйствію Божію, ибо плотскій человѣкъ не слышитъ того, что Богъ говоритъ въ душѣ (1 коринѳ. 2), но святой Духъ долженъ указать ему на внимательное изслѣдованіе истиннаго, чистаго смысла закона (ис. 18), иначе онъ сердцемъ слѣпъ, выдумаетъ себѣ деревяннаго Христа и введетъ самого себя въ искушеніе... Поэтому для полученія откровенія Божія человѣкъ долженъ отказаться отъ всякихъ забавъ, безбоязненно стремиться къ истинѣ (2 коринѳ. 6) и черезъ упражненіе въ этой истинѣ долженъ научиться отличать истинныя видѣнія отъ ложныхъ».

Избранникъ желающій знать, какое видѣніе или сонъ—отъ Бога, и какое отъ природы или діавола, долженъ всею душою и сердцемъ, а также естественнымъ разумомъ «отрѣшиться отъ всякаго суетнаго плотскаго наслажденія». Удаливъ изъ своего сердца всѣ терніи, т.-е. плотскія наслажденія, такъ что въ немъ останутся одни лишь хорошія растенія, «человѣкъ пойметъ, что онъ во всѣ дни живота своего есть обиталище Бога и св. Духа».

Въ другомъ сочиненіи Мюнцеръ картинно изображаетъ различіе между искреннимъ христіаниномъ, ищущимъ откровенія подъ бременемъ сомнѣній, заботъ и сильнѣйшихъ душевныхъ страданій, и самодовольнымъ ученымъ книжникомъ, проповѣдующимъ религіозный индифферентизмъ и смѣющимся надъ всякой душевной борьбою.

Мюнцеръ говоритъ, что стремленіе къ истинной вѣрѣ раньше или позже прорывается у «начинающаго христіанина», и послѣдній вздыхаетъ: «Ахъ, я несчастный человѣкъ, куда рвется мое сердце? Моя совѣсть истощаетъ мою силу, мои соки, всего меня. О, что же мнѣ теперь дѣлать? Я усомнился въ Богѣ и его твореніяхъ, и нѣтъ мнѣ утѣшенія. И Богъ мучаетъ меня моею совѣстью, невѣріемъ, отчаяніемъ и богохульствомъ. Извнѣ на меня напали болѣзни, бѣдность, нищета и всякія бѣдствія отъ злыхъ людей и т. д.: но все же мое внутреннее горе страшнѣе внѣшняго. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ истинно вѣрить, если бы только я зналъ истинный путь».

Въ этомъ горѣ сомнѣвающійся обращается за совѣтомъ къ ученымъ. «И тогда ученые, которымъ очень трудно разинуть ротъ, ибо всякое ихъ слово стоитъ большихъ денегъ, отвѣчаютъ: «Ну, милый человѣкъ, если ты не хочешь вѣрить, такъ иди къ чорту». — «Ахъ, высокоученый господинъ докторъ, я вѣрилъ бы, но невѣріе подавляетъ все мое желаніе вѣрить; что мнѣ съ нимъ дѣлать?» Тогда ученый отвѣчаетъ: «Да о такихъ высокихъ вещахъ ты лучше не заботься. Вѣрь просто и отгоняй отъ себя мысли. Все это фантазіи; пойди къ людямъ, веселись, и ты забудешь заботы». Видишь, возлюбленный братъ, въ церкви господствовало лишь это, а не какое-либо иное утѣшеніе. Св. Петръ говоритъ тебѣ, кто откормленныя свиньи: это — невѣрные, лживые ученые какихъ бы то ни было сектъ; они жрутъ и пьютъ и проводятъ свою жизнь въ наслажденіяхъ, а когда имъ противорѣчатъ, они, какъ собаки, щелкаютъ своими острыми зубами» [1]).

Мюнцеръ одинаково сурово обращается, какъ съ плотскими наслажденіями, такъ и съ учеными.

---

[1]) Protestation oder empietung Tome Münzers etc. Альштетъ 1524 г.

Новое грядущее общество представлялось Мюнцеру въ хиліастическомъ духѣ—совершеннымъ раемъ на землѣ. «Да,—восклицаетъ онъ,—мы всѣ съ появленіемъ вѣры, мы, плотскіе земные люди, сдѣлаемся чрезъ вочеловѣченіе Христа богами, и такъ вмѣстѣ съ нимъ станемъ учениками Божьими; Онъ самъ будетъ учить насъ и сдѣлаетъ насъ богами. И даже болѣе — мы вполнѣ превратимся въ него, такъ что земная жизнь вознесется въ небеса» [1]).

Это образецъ апокалипсической мистики; съ нею, прочемъ, отлично уживался грубый реализмъ. Если вѣрить Меланхтону, съ ужасомъ разсказывающему объ этомъ, Мюнцеръ, въ случаѣ неудовлетворенія Богомъ его жажды откровенія, выражался очень непочтительно: «Онъ публично говоритъ вещи, которыя страшно слушать; ему—молъ—наплевать на Бога, если послѣдній не говоритъ съ нимъ, какъ съ Авраамомъ и другими патріархами» [2]).

Восторженный мистицизмъ, идущій рука объ руку съ аскетизмомъ, чуждъ современному пролетаріату. Нынѣ всякій умѣющій различать знаменія времени видитъ, что въ сравненіи съ пролетаріатомъ всѣ другіе классы теряютъ свое соціальное значеніе, а, слѣдовательно, падаетъ и ихъ политическое могущество, интеллектуальная и нравственная сила. Наука, поставившая себѣ задачей безкорыстное изслѣдованіе истины, представляетъ нынѣ интересъ только для пролетаріата, одинъ лишь этотъ классъ заинтересованъ въ изслѣдованіи истины.

Правда, и нынѣ снова расцвѣтаетъ мистицизмъ, потребность въ сверхъестественномъ; но уже не у пролетаріата, не у коммунистовъ,—они стали философами дѣйствительности, матеріалистами, — а среди имущихъ классовъ, чувствующихъ измѣненіе условій жизни.

Однако, у нихъ нѣтъ вѣры и той преданности великому дѣлу, которыя давали коммунистическимъ мистикамъ среднихъ вѣковъ силу переносить самыя жестокія преслѣдованія и радостно идти навстрѣчу смерти. Буржуазный мистицизмъ и суевѣріе нашего времени не создаетъ уже героевъ и мучениковъ, также какъ и буржуазная наука; онъ уже не въ состояніи быть прямымъ, откровеннымъ. Онъ охотно занимаетъ у этой науки одежду, чтобы пріобрѣсти приличный видъ, и покоряется капризамъ знати.

V. Аскетизмъ.

Отличительной чертой коммунистовъ исхода среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи, въ противоположность современнымъ, слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ мистицизма, еще ихъ аскетизмъ.

Въ средніе вѣка, такъ же какъ и въ эпоху упадка Рима, производство не было еще настолько развито, чтобы дать возможность всѣмъ пользоваться средствами утонченнаго наслажденія жизнью. Тотъ, кто требовалъ общаго равенства, необходимо видѣлъ зло не только въ роскоши, но и въ наукѣ и искусствѣ, которыя часто являлись фактически лишь слугами роскоши. Но большею

[1]) Ausgetrückte emplössung des falschen glaubens der ungetrewen Welt, Мюльгаузенъ 1524 г.

[2]) Филиппъ Меланхтонъ, „Historie Thomae Müntzer's“, напечатанная въ полномъ собраніи сочиненій, „дорогого человѣка Божія, доктора Мартина Лютера“, Лейпцигъ 1729 г. XIX, стр. 295.

частью коммунисты шли еще дальше. Въ сравненіи съ подавляющей нищетой, не только распущенность и развратъ, но даже всякая радость, всякое, самое невинное наслажденіе имъ казалось грѣхомъ. Примѣры этого мы видѣли уже въ цитированныхъ выше отрывкахъ изъ сочиненій Мюнцера. Нетрудно привести очень много такихъ примѣровъ. Меланхтонъ весьма возмущался этимъ воззрѣніемъ. Въ упомянутой уже «Historie Thomae Münzer's» онъ повѣствуетъ: «И онъ училъ, что къ истинному, христіанскому благочестію можно прійти слѣдующимъ образомъ. Сначала нужно оставить явные пороки: прелюбодѣяніе, убійство, богохульство и проч.; потомъ слѣдуетъ закалять и изнурять тѣло постомъ, плохой одеждой, слѣдуетъ мало говорить, смотрѣть сурово, не стричь бороды. Такое ребяческое поведеніе онъ называетъ умерщвленіемъ плоти и крестомъ, о которомъ говорится въ евангеліи. На этомъ онъ серьезно настаиваетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ». Этимъ мрачнымъ пуританизмомъ коммунисты противостали не только господствующимъ, но часто и трудящимся классамъ своей эпохи, еще полнымъ естественной жизнерадостности и веселья. Коммунисты часто бывали ненавистны крестьянамъ и ремесленникамъ, считавшимъ ихъ ханжами. Лишь когда реформація въ своемъ развитіи повела къ угнетенію этихъ классовъ, и возникновеніе княжескаго абсолютизма сдѣлало безнадежнымъ всякое противодѣйствіе, лишь когда появился капиталистическій способъ производства и сдѣлалъ главной добродѣтелью мелкихъ эксплуататоровъ экономность, «воздержаніе», — ибо это было средствомъ, обѣщавшимъ скорѣе всѣхъ другихъ вывести ихъ въ ряды крупныхъ эксплуататоровъ — лишь тогда пуританскій духъ сталъ пускать корни въ крестьянствѣ и мелкомъ мѣщанствѣ.

Но тотъ же самый капиталистическій способъ производства, который привилъ крестьянамъ и мелкому мѣщанству пуританизмъ, вытравилъ его у пролетарія; онъ одновременно вливаетъ въ него безнадежность и желаніе подняться. Онъ дѣлаетъ безнадежными всѣ попытки значительно улучшить свое положеніе индивидуальнымъ усиліемъ; онъ отнимаетъ у него, какъ у отдѣльнаго лица, всякую надежду на лучшее будущее, ему кажется глупостью жертвовать будущему настоящимъ. Carpe diem — пользуйся минутой, не упуская ни одного представляющагося тебѣ случая насладиться, — вотъ его девизъ. Положеніе пролетарія дѣлаетъ его безпечнымъ,—но не беззаботнымъ,— и легкомысленнымъ; а это въ глазахъ пуританскаго филистера два главныхъ смертныхъ грѣха.

Но въ то же время капиталистическій способъ производства возбуждаетъ въ пролетаріи также и надежду; дѣлая его индивидуальное будущее все болѣе безнадежнымъ, онъ выставляетъ будущее его класса во все болѣе яркомъ свѣтѣ. Надежда и увѣренность растетъ день ото дня.

Современнаго пролетарія возмущаетъ не столько роскошь богатыхъ; мы уже указывали, что послѣдняя выступаетъ теперь не такъ ярко, какъ пять вѣковъ тому назадъ. Его возмущаетъ фактъ, что онъ терпитъ нужду среди избытка во всемъ необходимомъ и вслѣдствіе его. Онъ знаетъ, что при наличности огромныхъ производительныхъ силъ, созданныхъ современнымъ способомъ производства, комфортомъ могли бы пользоваться всѣ.

Создавая въ пролетаріи, думающемъ лишь о собственной, индивидуальной участи, безпечность и легкомысліе, капиталистическій способъ производства будитъ высшую форму веселья и жизнерадостности въ пролетаріахъ, принимающихъ

участіе въ нуждахъ своего класса, думающихъ о его объединеніи и чувствующихъ вмѣстѣ съ этимъ классомъ.

Насколько вообще пролетаріи среднихъ вѣковъ были способны къ самостоятельному чувствованію и мышленію,—они думали и чувствовали иначе. Но какъ бы пуританизмъ ихъ ни приближался къ аскетизму христіанства, особенно первыхъ его вѣковъ, все же онъ отличался отъ него въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ.

Характеръ аскетизма, при его возникновеніи, опредѣлялся, главнымъ образомъ, босяцкимъ пролетаріатомъ. Главнѣйшія свойства послѣдняго,—моралисты назовутъ ихъ, конечно, пороками, — лѣнь, грязь и тупоуміе. Въ сущности аскетизмъ доводилъ эти свойства босяцкаго пролетаріата до высшей степени. Въ этомъ онъ походитъ на индійскій (браминскій и буддійскій) аскетизмъ, при сходныхъ соціальныхъ условіяхъ.

Годы, даже цѣлые десятилѣтія благочестивые мужи и жены проводили, сидя на одномъ мѣстѣ, не двигаясь, съ тупымъ равнодушіемъ ко всякому внѣшнему воздѣйствію, жарѣ, холоду, дождю и засухѣ, никогда не умываясь, не обрѣзая волосъ и ногтей, не прогоняя паразитовъ, привольно развивавшихся на нихъ. Многіе изъ этихъ святыхъ кающихся отказывались ѣсть, и благочестивымъ людямъ приходилось искусственно кормить ихъ.

Пролетаріи среднихъ вѣковъ были большею частью уже рабочими, они не могли позволить себѣ подобнаго воздержанія. Они жили собственнымъ трудомъ, а не благотворительностью, какъ анахореты; они должны были двигаться, заниматься жизнью, чтобы не умереть съ голоду. Съ ихъ существованіемъ тупоуміе и лѣнь были несовмѣстимы, и они не были еще такъ забиты, стояли еще слишкомъ близко къ цвѣтущему крестьянству и ремесленикамъ. Менѣе всего это было возможно для тѣхъ, которые были способны къ воспринятію живыхъ идей. Всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ, что именно члены такихъ сектъ среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи особенно отличались отъ окружающихъ прилежаніемъ, честностью и чистоплотностью. Изъ-за этихъ свойствъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охотно нанимали въ качествѣ рабочихъ.

Хорошій примѣръ этого представляютъ анабаптисты въ Моравіи. Гинделн, нисколько не симпатизирующій имъ, пишетъ объ нихъ:

«Между различными партіями, въ Богеміи спорадически, а въ Моравіи большими массами и многочисленными общинами появлялись анабаптисты. Еще до 1530 года они иммигрировали въ Моравію и быстро распространились въ ней, образовавъ болѣе семидесяти общинъ. Государственная власть преслѣдовала ихъ то съ большей, то съ меньшей энергіей, но они сохранились, благодаря защитѣ нѣсколькихъ дворянскихъ родовъ, имѣвшихъ достаточно основаній защищать ихъ.

«Такимъ образомъ Максимиліанъ нашелъ въ Моравіи анабаптистовъ, столь часто и безполезно высылавшихся изъ края. Слѣдуя привычкѣ своего отца, онъ на ландтагѣ 1567 года сдѣлалъ предложеніе изгнать ихъ въ теченіе короткаго срока. Но дворянство поступило такъ, какъ оно раньше никогда не поступало. Сословіе дворянъ и рыцарей, — сословія прелатовъ и горожанъ не участвовали въ этой петиціи,—ходатайствовало передъ императоромъ объ оставленіи анабаптистовъ на ихъ мѣстахъ жительства. И эта просьба опиралась не на соображеніе, что анабаптисты еще не доказанные еретики, или что ихъ обратятъ въ

истинную вѣру; нѣтъ, просьба основывалась на весьма уважительномъ доводѣ, что анабаптисты очень полезные подданные, которыхъ еще менѣе, чѣмъ евреевъ, можно удалить безъ большого матеріальнаго ущерба. Католики, утраквисты, равно какъ и (богемскіе) братья склонялись передъ важностью этого представленнаго ими самими аргумента. И дѣйствительно, анабаптисты всюду были крайне усердными, экономными, воздержанными, и, кромѣ того, самыми искусными рабочими въ Моравіи»[1]).

Объ апокалипсическихъ фанатикахъ и аскетахъ временъ перваго христіанства нельзя сказать ничего подобнаго.

VI. Интернаціональность и революціонный духъ средневѣковаго коммунизма.

Въ одномъ существенномъ пунктѣ всѣ три, разсматриваемыя здѣсь формы коммунизма, древнехристіанскій, средневѣковой и современный, сходятся: а именно, въ своей интернаціональности, рѣзко отличающей ихъ отъ платоновскаго коммунизма, бывшаго мѣстнымъ. Послѣдній былъ разсчитанъ на отдѣльныя городскія общины съ ихъ областью. Но со времени возникновенія христіанства каждый коммунистъ работаетъ для всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, для всего интернаціональнаго культурнаго міра, въ которомъ онъ живетъ. Мѣстная ограниченность платоновскаго коммунизма соотвѣтствуетъ особенностямъ крестьянскаго и ремесленнаго производства. Крестьянское хозяйство дѣлаетъ людей осѣдлыми, прикрѣпляетъ ихъ къ землѣ и требуетъ приложенія всей ихъ рабочей силы. Бродяжничество прежнихъ племенъ номадовъ прекращается, кругозоръ сельскаго населенія суживается, интересы колокольни, ограниченность кругозора становятся особенностью крестьянина.

Не лучше судьба мелкаго горожанина въ средніе вѣка; и онъ, кромѣ своего ремесла, большею частью занимается еще земледѣліемъ. Но даже тамъ, гдѣ онъ живетъ исключительно ремесломъ, онъ все-таки привязанъ къ мѣсту своею зависимостью отъ опредѣленнаго мѣстнаго круга кліентовъ, обыкновенно также въ качествѣ домовладѣльца.

Капиталисты и пролетаріи преодолѣваютъ это мѣстное ограниченіе. Купецъ не ограничивается своими мѣстными кліентами, но также, и даже преимущественно, пользуется сношеніями своей родины съ чужими странами. Чѣмъ крѣпче и легче эти сношенія, тѣмъ выгоднѣе они для него. Поэтому купечество интернаціонально или, вѣрнѣе сказать, «интерлокально». Гдѣ его ждетъ прибыль, тамъ и родина его.

Повсемѣстность пролетарія имѣетъ и другія причины. У него нѣтъ ничего, прикрѣпляющаго къ землѣ; родина не даетъ ему ничего, чего не нашелъ бы онъ и въ другихъ мѣстахъ: повсюду онъ встрѣчаетъ эксплуатацію и угнетеніе. Достаточно малѣйшей надежды улучшить свою судьбу въ другомъ мѣстѣ, чтобы онъ направился туда.

Но повсемѣстность купца совершенно иного характера, чѣмъ повсемѣстность пролетарія. Сношенія перваго съ чужбиной и его положеніе на внѣшнемъ

[1]) А. Гиндели, „Geschichte der Böhmischen Brüder“. Прага 1857 г., II, стр. 19 и слѣд.

рынкѣ, существенно зависятъ отъ могущества государства, будь это античный городъ или современная нація, къ которому онъ принадлежитъ. Для процвѣтанія ему необходима крѣпкая государственная власть, особенно же большая военная сила. Поэтому, гдѣ бы онъ ни былъ, за границей ли, или внутри государства, въ первомъ случаѣ чаще чѣмъ въ послѣднемъ, онъ всегда патріотиченъ; со временъ среднихъ вѣковъ, вездѣ, гдѣ условія благопріятствуютъ абсолютизму и образованію національныхъ государствъ, мы видимъ купца на сторонѣ князей и шовинизма.

Совсѣмъ иное положеніе пролетарія. Характеристической особенностью всѣхъ коммунистическихъ сектъ, отъ древняго христіанства до нашаго столѣтія, было не только равнодушіе, но прямо антипатія къ участію въ политикѣ и защитѣ страны. Анархизмъ является послѣднимъ отзвукомъ этого направленія. Антипатія эта исчезла лишь случайно, въ революціонныя эпохи, когда казалось, что старая государственная власть рушится и что поэтому пролетаріатъ въ состояніи овладѣть ею. Тѣмъ рѣзче подчеркивалось отвращеніе ко всякой политикѣ въ періоды реакціи. Такъ, послѣ паденія Табора, было съ богемскими братьями, послѣ крестьянскихъ войнъ съ анабаптистами, послѣ усмиренія мюнстерскаго возстанія съ меннонитами, о чемъ мы еще поговоримъ ниже.

Всегда, однако, и при всевозможнѣйшихъ условіяхъ, коммунисты со временъ древняго христіанства придавали особенное значеніе интернаціональной солидарности.

За границей купецъ является конкуррентомъ, противникомъ туземцевъ. Онъ опирается не на ихъ добрую волю, но на свою силу, вѣрнѣе, на силу защищающаго его государства.

Пролетарій на чужбинѣ является борцомъ противъ той же эксплуатаціи и угнетенія, какія онъ испытывалъ и на родинѣ. Онъ можетъ разсчитывать не на поддержку своего государства, но лишь на пролетаріевъ той мѣстности, гдѣ онъ поселился, участвующихъ въ той же борьбѣ, что и онъ. Конечно, тамъ, гдѣ пролетаріи чувствуютъ себя болѣе продавцами своей рабочей силы, нежели борцами, тамъ они въ другомъ пролетаріи видятъ скорѣе конкуррента, чѣмъ боевого товарища, и тамъ расположеніе къ интернаціональной солидарности легко исчезаетъ.

Но этого нельзя сказать относительно коммунистовъ. Они прежде всего борцы противъ эксплуатаціи, повсюду они встрѣчаютъ однихъ и тѣхъ же враговъ, вездѣ терпятъ одинаковыя преслѣдованія. Это тѣсно сплачиваетъ ихъ. Со временъ древняго христіанства всѣ люди, наблюдавшіе коммунистовъ, считали ихъ спеціальной особенностью то, что всѣ они вмѣстѣ представляли лишь одну большую семью, что иностранецъ, членъ ихъ секты, также считался братомъ, какъ и туземецъ, что онъ всюду находилъ пріютъ, гдѣ только жили члены секты. Благодаря этой особенности и бѣдности коммунистовъ (ибо всякій имущій, присоединявшійся къ нимъ, долженъ былъ раздѣлить свое имущество между бѣдными), ихъ передовымъ борцамъ и агитаторамъ не трудно было путешествовать съ мѣста на мѣсто. Они постоянно находились въ пути и проявляли при этомъ подвижность и проходили разстоянія, которыя даже теперь, въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, кажутся намъ весьма почтенными. Такъ, напримѣръ, богемскіе вальденсы имѣли постоянныя сношенія съ южно-французскими.

Вслѣдствіе этого, они сыграли огромнѣйшую роль во всѣхъ революціон-

ныхъ движеніяхъ низшихъ классовъ своего времени. Величайшимъ препятствіемъ для этихъ движеній являлась локальная ограниченность крестьянъ и мелкаго мѣщанства, которая доставляла имъ величайшія невыгоды, въ сравненіи съ ихъ хорошо организованными врагами. Тамъ же, гдѣ эта ограниченность уничтожалась, гдѣ удавалось объединить революціонныя движенія различныхъ мѣстностей, тамъ это происходило преимущественно благодаря вліянію странствующихъ коммунистическихъ проповѣдниковъ. Первоначальные успѣхи крестьянскаго возстанія 1381 года въ Англіи и таборитскаго движенія въ Богеміи объясняются, главнымъ образомъ, ихъ объединяющимъ вліяніемъ. Въ 1525 году, во время великой нѣмецкой крестьянской войны, они дѣйствовали въ томъ же смыслѣ, и особенно при этомъ выдѣлялся Ѳома Мюнцеръ, но нѣмецкій партикуляризмъ былъ слишкомъ силенъ, и они не могли одолѣть его. Это возстаніе потерпѣло неудачу, главнымъ образомъ, благодаря своей раздробленности.

Теперь мы добрались до другой важной особенности еретическаго коммунизма, послѣдней, о которой мы будемъ здѣсь говорить, до особенности, отличающей его отъ древнехристіанскаго коммунизма, но сравнивающей его съ современнымъ: мы говоримъ о его революціонномъ духѣ.

Босякъ-пролетарій трусливъ и смиренъ. Не то, чтобы онъ не ненавидѣлъ богатаго; у него эта ненависть, по крайней мѣрѣ, настолько же сильна, какъ и у пролетарія трудящагося. Даже въ Евангеліи мы находимъ слѣды этого. Вспомнимъ только притчу о бѣдномъ Лазарѣ [1]).

Въ притчѣ и рѣчи нѣтъ о нравственныхъ качествахъ богача и бѣднаго. Лазарь попадаетъ на лоно Авраамово не потому, что онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, а потому, что ему худо жилось. О богатомъ также не сказано ничего дурного, достаточно факта, что онъ богатъ, чтобъ осудить его на вѣчныя муки въ аду, которыя Авраамъ отнюдь не можетъ и, повидимому, даже не хочетъ облегчить.

Если ужъ это не чистѣйшая классовая ненависть къ богатому, какъ къ таковому, то классовой ненависти, значитъ, вовсе не существуетъ.

Но притча о бѣдномъ Лазарѣ показываетъ также, что классовая ненависть босяка-пролетарія выражается въ мечтахъ. Онъ измышляетъ для богача ужаснѣйшія мученія и наслаждается ихъ видомъ, но только мысленно. Онъ ненавидитъ богача, но знаетъ, насколько и самъ онъ лишній въ обществѣ, знаетъ, что самъ онъ живетъ милостью богача и, вслѣдствіе этого, пресмыкается передъ

---

[1]) „Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пиршествовалъ блистательно. Былъ также нѣкоторый нищій именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ; и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищій, и отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ, и похоронили его.

„И въ аду, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его. И возопивъ, сказалъ: отче Авраме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой; ибо я мучусь въ пламени семъ.

„Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе въ жизни своей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ“ (Евангелие отъ Луки, 16, 19—26).

нимъ тѣмъ трусливѣе и смиреннѣе, чѣмъ больше онъ его ненавидитъ. Рѣзче всего это должно было выразиться въ эпоху римской имперіи, въ обществѣ, гдѣ всѣ республиканскія добродѣтели исчезли, гдѣ ни одинъ классъ не былъ увѣренъ въ себѣ, а трусость и покорность были распространены повсюду. Неудивительно, что эти свойства вошли также въ христіанское общество того времени, и что тогдашнія сочиненія носятъ явные слѣды этого.

Древнехристіанскій коммунизмъ стоялъ въ сторонѣ отъ политики и былъ бездѣятеленъ. Напротивъ, коммунизмъ пролетарскій, начиная съ среднихъ вѣковъ, естественно имѣетъ стремленіе при благопріятныхъ условіяхъ вмѣшаться въ политику. Онъ ставитъ себѣ цѣлью диктатуру пролетаріата, какъ могущественнѣйшее средство для установленія коммунистическаго общественнаго строя.

Поэтому для абсолютизма, зачатки котораго появились въ концѣ среднихъ вѣковъ, несмотря на весь его матеріализмъ, писанія новаго завѣта были такими же удобными орудіями, какъ и римское право, возникшее одновременно съ нимъ. Эту религію, — говорили представители абсолютизма, — надо сохранить для народа.

Народъ же, — эксплуатируемые классы, — крестьяне, мелкое мѣщанство и пролетаріи думали иначе. Этотъ народъ былъ не похожъ на народъ временъ упадка римскаго общества. Вооруженный и по мужицки упрямый народъ не понималъ ученія, предписывавшаго человѣку, получившему пощечину, подставлять и другую щеку, запрещавшаго самозащиту, ибо «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ», сказалъ Господь, «Поднявшій мечь отъ меча погибнетъ», и объявлявшаго обязанностью христіанина молчаливое страданіе и терпѣніе. Какъ только народъ познакомился съ библіей (католическое духовенство знало, почему оно хотѣло знаніе послѣдней сдѣлать своей привилегіей), онъ сталъ заимствовать изъ новаго завѣта не ученіе о смиреніи и воздержаніи, но только ненависть къ богачамъ. Наиболѣе популярной частью новаго завѣта, среди еретическихъ низшихъ слоевъ народа, сдѣлался апокалипсисъ, этотъ революціонный и кровавый бредъ древняго христіанина, который съ торжествомъ предсказываетъ гибель существующаго общества, гибель, сопровождаемую такими ужасами, въ сравненіи съ которыми всѣ дѣйствія современнаго анархизма кажутся весьма невинными. Но кромѣ апокалипсиса, еретическіе низшіе слои народа занимались и ветхимъ завѣтомъ, носящимъ еще слѣды крестьянской демократіи и призывающимъ не только къ ненависти, но и къ энергичной безпощадной борьбѣ съ тиранами, богачами и властителями [1]).

Приверженцы коммунистическихъ сектъ также не избѣгли этого вліянія. Конечно, они были слишкомъ слабы, самое существованіе ихъ слишкомъ зависѣло отъ терпимости богатыхъ и власть имущихъ для того, чтобы имъ могло

[1]) На противорѣчіе между ветхимъ, во многихъ отношеніяхъ демократичнымъ, и новымъ, оправдывающимъ власть, завѣтомъ указывалъ уже Лютеръ во время крестьянской войны въ своемъ сочиненіи „Wider die räuberischen und mörderischen Bauern". Крестьянамъ ничего не поможетъ ихъ ссылка на книгу Бытія, 1 и 2, гдѣ говорится, что всѣ вещи созданы для всѣхъ и не принадлежатъ никому, и на то, что всѣ мы одинаково крещены. Ибо въ новомъ завѣтѣ Моисей не имѣетъ значенія; въ новомъ завѣтѣ стоитъ передъ нами Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Который подчиняетъ насъ, вмѣстѣ съ нашимъ тѣломъ и имуществомъ, императору и свѣтской власти" и т. д.

придти въ голову въ мирное время насильственно уничтожить существующее общество, и замѣнить его коммунистическимъ. Не будучи такими низкопоклонными и смиренными, какъ люмпенъ-пролетаріи погибающаго Рима, коммунисты до эпохи реформаціи, въ общемъ, все-таки были миролюбивы, и лѣтописцы единогласно называютъ характерными ихъ чертами, наряду съ трудолюбіемъ и чистоплотностью, миролюбіе ихъ и терпимость.

Но когда наступали революціонныя эпохи, когда крестьяне и ремесленники начинали подниматься, тогда революціонный энтузіазмъ охватывалъ и коммунистовъ. Тогда имъ, или по крайней мѣрѣ части изъ нихъ, — ибо по этому вопросу они часто расходились, — начинало казаться, что наступило время, когда Богъ становится великимъ въ малыхъ, и когда всякое чудо кажется возможнымъ. И они кидались въ революціонное движеніе, чтобы использовать его въ интересахъ коммунизма. А такъ какъ для нихъ, разъ они вступили на путь революціи, не былъ возможенъ никакой компромиссъ съ существующими властями, такъ какъ они не признавали возможности улучшенія въ рамкахъ существующаго общества, то они быстро завладѣвали колеблющимися и нерѣшительными элементами, легко становились вождями движенія, — какъ, напримѣръ, табориты среди гусситовъ, Мюнцеръ и его приверженцы во время крестьянской войны въ Тюрингенѣ, — придавали движенію коммунистическій характеръ, а самому коммунизму — призракъ силы, которой за нимъ, на самомъ дѣлѣ, еще не было, и тѣмъ самымъ заставляли всѣхъ имущихъ, обезумѣвшихъ отъ злобы и страха, соединяться и уничтожать ихъ.

Революціонный духъ коммунистическихъ движеній низшихъ слоевъ народа въ концѣ среднихъ вѣковъ является тѣмъ отличительнымъ признакомъ, который рѣзче всего отличаетъ ихъ отъ коммунизма древняго христіанства, имѣющаго, въ другихъ отношеніяхъ, много общаго съ ними и который яснѣе, чѣмъ что бы то ни было другое, показываетъ ихъ родство съ современными пролетарско-коммунистическими движеніями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еретическій коммунизмъ въ Италіи и южной Франціи.

I. Арнольдъ Брешіанскій.

Мы уже въ началѣ этого отдѣла указывали на то, что городской бытъ среднихъ вѣковъ развился раньше всего въ Италіи и южной Франціи, что тамъ мы находимъ первыя движенія средневѣковаго коммунизма. Тамъ же возникли и первыя еретическія движенія. первыя реформаціонныя попытки.

Нѣмецкіе ученые выставили дикое положеніе, будто лишь германскимъ народамъ свойственна проникновенность и истинная религіозность, необходимыя для того, чтобы создать стремленіе къ преобразованію церкви. Но въ Италіи мы встрѣчаемъ реформаціонныя движенія еще задолго до того, какъ въ Германіи начали думать объ этомъ.

Прежде всего они возникли въ самомъ Римѣ, столицѣ христіанства. Въ средніе вѣка Римъ былъ «сердцемъ Европы», подобно тому, какъ сердцемъ

Европы отъ великой революціи до войны 1870—71 г. былъ Парижъ — но еще въ гораздо большей степени. Не только всѣ церковныя дѣла, наполнявшія жизнь въ средніе вѣка, велись подъ руководствомъ Рима и рѣшались имъ, какъ послѣдней инстанціей, — Римъ былъ, кромѣ того, также очагомъ искусства и наукъ, высшимъ судьею во всѣхъ даже свѣтскихъ спорахъ и — last but not least — средоточіемъ утонченныхъ наслажденій и увеселеній. Въ Римъ шелъ тотъ, кто чувствовалъ себя угнетеннымъ и не могъ добиться справедливости на родинѣ; кто желалъ пріобщиться высшей мудрости, испытать утонченное художественное ощущеніе; кто скучалъ на родинѣ и имѣлъ лишнія деньги. Всѣ они сходились въ Римъ, и какъ бы ни были различны ихъ побудительныя причины, какъ ни различны результаты, достигнутые ими, въ одномъ судьба ихъ была одинакова: всѣ они растрачивали свои деньги и нерѣдко также деньги другихъ.

Въ средніе вѣка Римъ такъ же, какъ и теперь, пожалуй, даже еще въ большей степени былъ городомъ чужеземцевъ, онъ жилъ чужестранцами, онъ росъ на ихъ счетъ. Увеличеніе притока чужестранцевъ было одною изъ важнѣйшихъ задачъ папъ.

Всемірныя выставки, какъ средство привлекать иностранцевъ, тогда еще не были изобрѣтены. Папы придумали другое, не менѣе дѣйствительное средство: юбилейное отпущеніе или священный годъ. Кто въ извѣстный годъ предпринималъ путешествіе въ Римъ, тотъ получалъ полное отпущеніе грѣховъ. Это подѣйствовало. Какъ въ 1889 году люди отправлялись тысячами въ Парижъ, подъ предлогомъ чему-нибудь научиться, а на дѣлѣ повеселиться, такъ они въ священный годъ путешествовали въ Римъ, гдѣ могли предаваться всѣмъ извѣстнымъ тогда грѣхамъ и порокамъ и послѣ этого возвращались домой безгрѣшнѣе, чѣмъ были передъ уходомъ. Первое юбилейное отпущеніе было объявлено на 1300 годъ папою Бонифаціемъ VIII. Опредѣленіе числа иностранцевъ, прибывавшихъ тогда въ Римъ, «не могло быть ни легкимъ, ни точнымъ, и, вѣроятно, число это преувеличивалось ловкимъ духовенствомъ, отлично знавшимъ заразительность примѣра. Однако, добросовѣстный историкъ, присутствовавшій при этомъ торжествѣ, увѣряетъ, что въ Римѣ никогда не было меньше двухсотъ тысячъ иностранцевъ, а другой очевидецъ опредѣлилъ весь притокъ въ два милліона. Небольшой даръ со стороны каждаго въ общемъ долженъ былъ образовать огромную сокровищницу; два священника днемъ и ночью съ граблями въ рукахъ, не считая, сгребали серебро и золото, приносимое на алтарь св. Павла. Къ счастію, время было мирное и изобильное и хотя существовалъ недостатокъ въ кормахъ, а гостиницы и квартиры были дороги, все-таки политика Бонифація и жадное гостепріимство римлянъ позаботились о неистощимомъ запасѣ хлѣба и вина, мяса и рыбы» (Гиббонъ, «Verfall und Untergang des römischen Weltreichs». Перев. на нѣмец. Sporschil, Лейпцигъ, 1837 г., стр. 2573).

Первоначально только каждый сотый годъ долженъ былъ считаться «священнымъ», но дѣло шло слишкомъ успѣшно, и у папы, и у римлянъ явилось желаніе повторять его почаще. Промежутокъ между юбилейными отпущеніями уменьшался все больше и больше, сначала до 50, затѣмъ до 33 и наконецъ до 25 лѣтъ.

Это только образчикъ средствъ, служившихъ для привлеченія иностранцевъ и ихъ денегъ. Но уже задолго до изобрѣтенія юбилейнаго отпущенія вѣчный городъ въ средніе вѣка возвысился изъ своего униженія и раньше, чѣмъ

какой бы то ни было другой средневѣковой городъ, достигъ могущества и значенія. Но свойство, присущее другимъ городамъ, было также присуще и Риму: вмѣстѣ съ благосостояніемъ и могуществомъ росло также самосознаніе и духъ независимости его населенія. И какъ всѣ другіе горожане, такъ и римляне пытались освободиться отъ своихъ повелителей, то отъ папы, то отъ императора, иногда же одновременно отъ обоихъ. Римъ среднихъ вѣковъ походилъ на Парижъ эпохи 1789—1871 годовъ, не только тѣмъ, что онъ былъ сердцемъ Европы, но также и тѣмъ, что подобно Парижу былъ столицей революцій.

«Кому неизвѣстны надменность и непокорность римлянъ, — восклицалъ въ XII вѣкѣ св. Бернгардъ Клервоскій, ужасаясь при видѣ мятежнаго народа,— народа, не знающаго покоя, выросшаго въ смутѣ, дикаго и необузданнаго, презирающаго послушаніе, когда онъ способенъ къ сопротивленію. Обѣщая служить, они стремятся повелѣвать, давая клятву вѣрности, они ждутъ случая возмутиться, и все же они громкими криками выражаютъ свое неудовольствіе, когда передъ ними закрываешь двери и отказываешь имъ въ совѣтѣ. Обреченные злу, они никогда не учились дѣлать добро. Ненавистные землѣ и небу, преступные противъ Бога, склонные къ смутамъ въ своей собственной средѣ, ревнивые къ своимъ сосѣдямъ, они никѣмъ не любимы, и, стараясь внушить страхъ, они сами живутъ въ низкомъ и непрестанномъ страхѣ. Они не хотятъ подчиняться и не умѣютъ повелѣвать, они невѣрны своимъ повелителямъ, неуживчивы съ равными, неблагодарны благодѣтелямъ и одинаково дерзки какъ въ своихъ требованіяхъ, такъ и въ своихъ отказахъ» [1]).

Читая это, такъ и кажется, что слышишь ругань нашего буржуа по адресу парижанъ 1871 года!

Въ то время, когда могущество папъ въ христіанскомъ мірѣ достигло наибольшаго расцвѣта, въ самомъ Римѣ они сдѣлались безсильными. «Папы, страшившіе своей анаѳемой князей и народы, повелѣвавшіе западной церковью съ полнымъ сознаніемъ своей неограниченной силы, рѣдко бывали въ безопасности въ самомъ Римѣ; нигдѣ ихъ могущество не имѣло меньше значенія, чѣмъ въ ихъ собственномъ городѣ, въ ихъ собственномъ приходѣ. Большею частью они, какъ изгнанники, бродили по свѣту, преслѣдуемые проклятіями своего народа» [2]).

Самый поразительный и извѣстный, но далеко не единственный примѣръ безсилія повелителей міра передъ населеніемъ ихъ города, представляетъ Григорій VII, заставившій германскаго императора Генриха IV прійти на покаяніе въ Каноссу, но не сумѣвшій справиться съ римлянами. Онъ оставилъ Римъ, не чувствуя себя въ немъ въ безопасности, и умеръ въ добровольномъ изгнаніи въ Салерно.

Лишь въ XV вѣкѣ, отмѣченномъ повсемѣстнымъ усиленіемъ княжескаго абсолютизма, папамъ удалось одолѣть своихъ мятежныхъ подданныхъ. Евгеній IV былъ послѣднимъ папой (исключая Пія IX, въ 1848 году), которому пришлось бѣжать вслѣдствіе возстанія римлянъ (1433 г.).

У такого необузданнаго и враждебнаго церкви населенія легко могло воз-

---

[1]) Цитировано у Гиббона, l. c., стр. 2551. „Эта мрачная картина, навѣрно, написана не кистью христіанской любви“, говоритъ Гиббонъ.

[2]) Giesebrecht, „Deutsche Kaiserzeit“, III, стр. 550.

никнуть желаніе возвратить духовенство къ евангельской бѣдности, т.-е. присвоить себѣ сокровища, собранныя церковью и сохранявшіяся въ Римѣ. Но вполнѣ понятно, что нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія папы было достаточно, чтобы показать имъ въ чемъ заключается постоянный источникъ ихъ существованія.

Неудивительно, что первая серьезная попытка реформировать церковь была сдѣлана въ Римѣ уже въ серединѣ XII вѣка. Попытка эта связана съ именемъ Арнольда Брешіанскаго; послѣдній, будучи ученикомъ Абеляра, выступилъ рѣшительнымъ противникомъ мірскихъ имуществъ духовенства и, какъ всѣ позднѣйшіе реформаторы, опирался при этомъ на древнее христіанство. Но онъ отнюдь не былъ коммунистомъ; церковное имущество, по его ученію, должно было перейти къ свѣтскимъ повелителямъ, а не быть распредѣленнымъ между народомъ.

Изгнанный за свою «ересь» изъ Франціи, гдѣ онъ въ Парижѣ слушалъ Абеляра, Арнольдъ укрылся въ Швейцарію. Въ 1145 году онъ отправился въ Римъ, гдѣ его взяла подъ свою защиту возставшая въ это самое время демократія, въ интересахъ которой онъ началъ работать.

Однако это движеніе продолжалось едва 10 лѣтъ. Римляне скоро поняли, что если они не хотятъ зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца, то не должны слишкомъ притѣснять папства. Ибо величіе и богатство Рима основывалось не на его промышленности и торговлѣ, а лишь на эксплуатаціи христіанства папою. Римляне среднихъ вѣковъ, какъ и римляне античной республики жили эксплуатаціей всего міра, только способы эксплуатаціи сдѣлались иными. Въ 1154 году римляне заключили съ папой миръ и изгнали Арнольда Брешіанскаго. Достохвальный Фридрихъ I Барбаросса захватилъ Арнольда въ свои руки и выдалъ его папскимъ палачамъ, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей сожгли его, какъ явнаго еретика.

II. Вальденсы.

Болѣе глубокіе корни ересь пустила въ городахъ сѣверной Италіи и главнымъ образомъ, въ южной Франціи. Въ средніе вѣка именно тамъ, раньше, чѣмъ на всемъ западѣ, развились торговля и городская промышленность [1]), тамъ прежде всего возникла буржуазія, тамъ прежде всего развилось ремесло не только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, и вскорѣ стала нарождаться вывозная промышленность, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникалъ капиталистически эксплуатируемый пролетаріатъ.

Богатство этихъ городовъ уже давно возбуждало жадность папъ. Но это же богатство вскорѣ дало городамъ силу стремиться къ самостоятельности, которой они очень часто достигали, и сбросить иго папства.

Однако, въ жизни городовъ сѣверной Италіи существовали нѣкоторыя условія, дѣлавшія ихъ благосклонными къ папству: на богатство итальянскихъ городовъ точили зубы не только папы, но также и ихъ конкурренты въ эксплуатаціи Италіи—германскіе императоры. Чѣмъ меньше послѣдніе могли взять съ

[1]) Мы не касаемся здѣсь южной Италіи, ибо въ средніе вѣка она фактически принадлежала скорѣе къ востоку, нежели къ западу. Культура ея была скорѣе византійской и мавританской, нежели христіанско-германской.

экономически отсталой Германіи, тѣмъ болѣе они старались содрать для себя съ богатыхъ итальянскихъ городовъ. И какъ бы безсильны они ни были въ самой Германіи,—для своихъ набѣговъ на Италію, такъ называемыхъ Römerzüg'овъ, разукрашенныхъ нашими національными историками всѣми прелестями идеализма, находящагося въ ихъ распоряженіи въ большихъ количествахъ,—для этихъ набѣговъ они могли разсчитывать въ большинствѣ случаевъ на многочисленную дружину.

Такимъ образомъ сѣверо-итальянскіе города имѣли двухъ эксплуататоровъ, которые боролись между собою. Пока эти города не были достаточно сильны для того, чтобы защищаться отъ обоихъ, имъ приходилось заключать союзъ съ однимъ изъ эксплуататоровъ, чтобы оградить себя отъ другого.

Важное значеніе имѣлъ вопросъ, который изъ эксплуататоровъ опаснѣе, бѣдный оружіемъ, но близкій папа, имѣвшій во всѣхъ городахъ твердый оплотъ въ зависимомъ отъ него духовенствѣ, или сильный оружіемъ, но большею частію находящійся далеко императоръ. Города, смотря по обстоятельствамъ, относились съ симпатіей то къ одному, то къ другому, сегодня они соединялись съ императоромъ, а завтра нападали на него или его друзей, и наоборотъ. Но и внутри самихъ городовъ существовали двѣ партіи—императорская, получившая съ XIII вѣка названіе гибеллинской, и папская, гвельфская партія. Классовыя и партійныя противоположности сводились въ городахъ, повидимому, къ противоположности между императорскимъ и папскимъ; ибо, когда классъ или партія переходили на сторону императора или искали у него защиты, то можно было быть увѣреннымъ, что враждебная имъ партія возьметъ сторону папы.

Одно это способствовало тому, что въ сѣверо-итальянскихъ городахъ симпатіи къ папству становились иногда очень сильными и никогда не исчезали вполнѣ. Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство: путь богомольцевъ въ Римъ лежалъ черезъ сѣверную Италію, во время крестовыхъ походовъ путешественники въ Іерусалимъ также предпочитали этотъ путь. Тѣ и другіе путешественники немало содѣйствовали экономическому развитію сѣверо-итальянскихъ городовъ, но какъ тѣ, такъ и другіе зависѣли отъ господства папы надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. И вскорѣ въ городахъ сѣверной Италіи возникъ еще новый интересъ къ эксплуатаціи Европы папствомъ. Въ этихъ городахъ появились зачатки вексельнаго и банковаго дѣла; сѣверо-итальянскіе купцы сдѣлались первыми банкирами папъ. Всѣ богатства, выжимаемыя папами, стекались къ нимъ; они управляли ими для папъ, а также и въ собственныхъ интересахъ. Въ ихъ рукахъ богатства эти превратились въ огромные капиталы, ростовщическіе и купеческіе; они давали ихъ въ займы королямъ и городамъ, князьямъ и монастырямъ, они торговали и спекулировали ими.

Такимъ образомъ папская эксплуатація сдѣлалась одною изъ основъ экономическаго расцвѣта сѣверной Италіи.

Поэтому города ея были такъ же заинтересованы въ усиленіи господства папы, какъ и римляне; подобно послѣднимъ они нерѣдко бунтовали противъ папства, ибо имъ было бы пріятнѣе эксплуатировать его, чѣмъ самимъ подвергаться эксплуатаціи; но, какъ и римляне, они остерегались доводить свои бунты до уничтоженія папскаго эксплуатаціоннаго механизма, выгодами котораго сами пользовались.

Поэтому въ сѣверной Италіи, какъ и въ Римѣ, мы очень рано встрѣчаемъ

реформаціонныя движенія, еретическую борьбу противъ папской власти, но нигдѣ не видимъ всеобъемлющей реформаціи. Духовная независимость отъ ученія католической церкви скоро была тамъ достигнута, гораздо раньше германской реформаціи, но экономическихъ условій, необходимыхъ для отреченія отъ папства, еще не было.

Поэтому первое серьезное возмущеніе, не противъ однихъ только отдѣльныхъ проявленій гнета, а противъ папскаго владычества вообще, произошло не въ сѣверной Италіи, а въ южной Франціи, которая экономически была также высоко развита, какъ и первая, но не была заинтересована въ могуществѣ папства.

«Въ прекрасной странѣ между Альпами и Пиринеями, — говоритъ Шлоссеръ въ своей «Южной Франціи до альбигойскихъ войнъ», сохранились многіе остатки римской, и особенно греческой культуры, которая процвѣтала съ основанія Марсели въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Тамъ въ средніе вѣка раньше всего получили своеобразное развитіе науки, изящныя и полезныя искусства, а также учрежденія гражданской жизни, тамъ впервые столкнулась романская, латинская и испанская поэзія съ арабской, и вслѣдствіе этого получилась своеобразная смѣсь. Извѣстно, что, такъ называемое, веселое искусство и судилища дамъ о любви, пѣсняхъ, благородствѣ и ловкости имѣли своимъ очагомъ именно эту страну, что тамъ поэзія, какъ и въ гомеровскія времена въ Греціи, была нераздѣльна съ празднествами и пирами; что тамъ пѣвцы отваги и любви получали свое образованіе и искали себѣ образцовъ, что, наконецъ, Данте и Петрарка пили изъ этого источника, прежде чѣмъ имъ удалось возвыситься надъ среднимъ уровнемъ своей націи. Изъ наукъ особенно процвѣтала въ южной Франціи медицина, и притомъ, за исключеніемъ Салерно, она процвѣтала только тамъ. Кромѣ того, въ южной Франціи существовалъ цѣлый рядъ еврейскихъ ученыхъ учрежденій... Города южной Франціи давно уже пользовались свободой и независимостью, еще совсѣмъ неизвѣстными въ остальныхъ странахъ Европы. Даже въ Тулузѣ, столицѣ могущественнаго графа, управленіемъ города руководилъ независимый магистратъ и свободная комиссія изъ гражданъ. Въ Муасакѣ князь торжественно долженъ былъ клятвенно подтвердить права города, прежде чѣмъ его признавали княземъ. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что въ южной Франціи раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, обнаружилось всеобщее отвращеніе къ вырожденію христіанства, что реформа культа и переводъ Евангелія на туземный языкъ сдѣлались тамъ господствующей потребностью и что это повело къ страшной борьбѣ съ церковью, которая, наконецъ, не только уничтожила свободу страны, надолго превратила самую цвѣтущую часть Европы въ пустыню и распространила господство короля Франціи до Средиземнаго моря, но повела также къ введенію инквизиціи на Западѣ» [1]).

Уже въ началѣ XII вѣка ересь въ южной Франціи пріобрѣла такое значеніе, что въ 1119 году папа Каликстъ II нашелъ нужнымъ на соборѣ въ Тулузѣ принять противъ нея мѣры. Но въ теченіе этого вѣка ересь все росла и укоренялась все глубже и глубже.

Какъ и во всякомъ крупномъ реформаціонномъ движеніи, въ этомъ принимали участіе различнѣйшіе классы, имѣвшіе разнообразнѣйшіе интересы и

[1]) Weltgeschichte, Фр. на М. 1847, VII, стр. 251, 252.

цѣли и объединенные однимъ только общимъ чувствомъ: ненавистью къ римской эксплуатаціи. Но всѣ они хотѣли достигнуть своихъ различныхъ цѣлей однимъ и тѣмъ же путемъ, путемъ возврата къ древнему христіанству. Разумѣется, каждое еретическое направленіе понимало древнее христіанство по своему, но, пока надо было держаться вмѣстѣ противъ общаго врага, естественно подчеркивались общія, а не индивидуальныя черты; послѣднія часто даже не сознавались борющимися. Если прибавить къ этому, что названія отдѣльныхъ направленій вовсе не были постоянными, но измѣнялись сообразно времени и мѣсту, что, наконецъ, историческія данныя тогда были недостаточнѣе, чѣмъ когда-либо,—а недостаточными онѣ были до сихъ поръ почти всегда, ибо всегда занимались больше иллюзіями и аргументами борющихся въ данный моментъ партій, нежели фактическими условіями, изъ которыхъ онѣ возникали, и фактическими цѣлями, которыя онѣ преслѣдовали, если принять все это во вниманіе, то нечего удивляться, что взгляды на стремленія южно-французскихъ еретиковъ очень расходятся. Между тѣмъ какъ одни утверждаютъ, что еретики — die Katharer [1]), какъ ихъ называли (отсюда названіе «Ketzer»—еретикъ),—всѣ безъ исключенія проповѣдывали коммунизмъ и общность женъ, другіе переходятъ въ противоположную крайность и говорятъ, что у еретиковъ вовсе не было коммунистическихъ тенденцій. Первое воззрѣніе, безъ сомнѣнія, ошибочно, но и второе намъ кажется ни на чемъ не основаннымъ. Особенно у вальденсовъ можно найти явные слѣды коммунизма.

Основаніе этой секты обыкновенно приписываютъ Петру Вальдусу, но нѣкоторые ученые предполагаютъ, что она существовала и до него [2]). Хронологическій вопросъ не имѣетъ для насъ особеннаго значенія. Достовѣрно, что Вальдусъ былъ богатымъ ліонскимъ купцомъ, но устыдился своего богатства при видѣ окружающей его ужасной нищеты и роздалъ свое имѣніе бѣднымъ (около 1170 г.). Вокругъ него собрался кружокъ послѣдователей, жившихъ, какъ и онъ, въ добровольной бѣдности и посвятившихъ себя служенію бѣднымъ и несчастнымъ. Если даже онъ и не основалъ секты, получившей его имя, то по крайней мѣрѣ онъ очень способствовалъ ея организаціи и распространенію и первый сдѣлалъ ее общеизвѣстной. Члены этой секты, называвшіеся гумиліатами (униженными) или ліонскими бѣдняками (Povres de Lyon), вербовались преимущественно среди ремесленниковъ, особенно же среди ткачей [3]).

[1]) Происхожденіе этого слова не выяснено; быть можетъ, оно взято съ греческаго. Katharos по-гречески значитъ чистый, слѣдовательно, Katharer — чистые, нѣчто вродѣ пуританъ. Однако, трудно предположить, что въ XII вѣкѣ въ южной Франціи греческій языкъ былъ уже такъ распространенъ. Хитроумнѣе всѣхъ другихъ объясненіе, образующее это слово изъ нѣмецкаго Katze или Kater. Два ученыхъ іезуита, Яковъ Гретеръ и Готфр. Геншель полагали, что еретиковъ называли котами за то, что они подобно котамъ собирались по ночамъ вмѣстѣ. Другой ученый думалъ, что они получили это названіе за то, что поклонялись діаволу въ образѣ кошки, у которой они цѣловали задъ („Catari dicuntur a Cato, quia osculantur posteriora cati, in cujus specie ut dicunt, apparet eis Lucifer". Alanus, Lib. I contra Waldenses, p. 4). У Мосгейма „Versuch einer unparteiischen und gründlichen Ketzergeschichte", Гельмштедтъ, 1746 г., стр. 363 и слѣд.

[2]) Ср. объ этомъ у Ф. Бендера „Geschichte der Waldenser", Ульмъ, 1850 г.

[3]) Римскій инквизиторъ „Псевдо-Рейнеръ" (его сочиненіе приписали сначала инквизитору Рейнеріусу Сакони, умершему въ 1259 году, но авторство его сомнительно), далъ около 1250 года въ сочиненіи „De Catharis et Leonistis" описаніе вальденсовъ.

Сначала секта не обнаруживала намѣренія отдѣлиться отъ церкви. Когда архіепископъ ліонскій запретилъ имъ проповѣдывать, они обратились къ папѣ Александру III за разрѣшеніемъ. Но ученіе ихъ оказалось слишкомъ опаснымъ, папство не могло потерпѣть его, тѣмъ болѣе, что они отказывались служить ему, на что согласились позже францисканцы и доминиканцы, и поэтому Люцій III предалъ ихъ въ 1184 году проклятію. Съ тѣхъ поръ всякая связь между ними и папствомъ была порвана.

Ихъ коммунизмъ носилъ первоначально совершенно монашескій характеръ. Они требуютъ коммунизма, но не всякій можетъ «вмѣстить» состояніе общности имущества, соединеннаго и у нихъ съ отказомъ отъ брака. Для совершенныхъ (perfecti), коммунизмъ, а вѣроятно также и безбрачіе были обязательны; послѣднее считалось по крайней мѣрѣ желательнымъ, на бракъ смотрѣли косо; «ученикамъ» же (discipuli) бракъ и мірское имущество разрѣшались. Зато послѣдніе обязаны содержать совершенныхъ, которые не должны заботиться о суетѣ міра сего. Этотъ видъ коммунизма, съ одной стороны, сильно напоминаетъ платоновскій, но съ другой—онъ очень сходенъ съ коммунизмомъ нищенствующихъ монаховъ. Общая съ платоновскимъ коммунизмомъ черта—уравненіе женщинъ съ мужчинами; одинъ изъ ихъ еретическихъ взглядовъ, проклятыхъ папою, состоялъ въ томъ, что женщины могутъ проповѣдывать наравнѣ съ мужчинами. Мужчины и женщины путешествовали и проповѣдывали вмѣстѣ и благочестивые люди часто задумывались надъ тѣмъ, что при такихъ условіяхъ безбрачіе не означаетъ вѣчное цѣломудріе [1]).

Кромѣ того, у нихъ замѣчательно отрицаніе военной службы и присяги, а также заботы о развитіи народнаго образованія. «Всѣ безъ исключенія,—говоритъ уже цитированный выше Псевдо-Рейнеръ, — мужчины и женщины, старые и малые безпрерывно учатся и учатъ. Работникъ, трудящійся днемъ, ночью учитъ или учится самъ; учась такъ много, они мало молятся. Они учатъ безъ книгъ... Проучившійся семь дней ищетъ ученика, котораго онъ могъ бы обучить» [2]).

Если бы вальденсы примирились съ папою и сдѣлались привилегированнымъ орденомъ, то ихъ аристократическій коммунизмъ, какъ и вообще коммунизмъ всякаго монашескаго ордена, сдѣлался бы источникомъ эксплуатаціи. Но благодаря тому, что они остались преслѣдуемой сектой, аристократическій, эксплуататорскій элементъ ихъ коммунизма не могъ вполнѣ развиться. Онъ былъ не согласенъ съ демократическими тенденціями низшихъ классовъ народа, составлявшихъ силу этой секты. Раньше или позже коммунизмъ вальденсовъ долженъ былъ или сдѣлаться демократическимъ, или совсѣмъ исчезнуть. Смотря по условіямъ времени и, вѣроятно, также по положенію лицъ, дѣлавшихся носителями этого ученія, наступало то одно, то другое. Гдѣ вліяніе крестьянъ и мѣщанъ

Чтобы возбудить къ нимъ презрѣніе, онъ подчеркиваетъ, что ихъ учителя были ремесленники, сапожники и ткачи. Ткачи часто упоминаются въ качествѣ членовъ этой секты. Ср. Л. Келлеръ: „Die Reformation und die älteren Reformparteien, стр. 18, 33, 120.

[1]) Hoc quoque probrosum in eis videbatur, quod viri et mulieres simul ambulabant in via, et plerumque simul manebant in una domo et de eis diceretur quod quandoque simul in lectulis accubabant". Chron. Ursperg. ad an. 1212. Цитировано по Гизелеру, „Kirchengeschichte", 2 ч., 2 отд., стр. 325.

[2]) Цитировано у А. Мюста „Histoire des Vaudois". Парижъ, 1834 г., стр. 189 и слѣд., стр. 449. Послѣдняя фраза цитаты указываетъ, что они изобрѣли свой особенный методъ обученія.

перевѣшивало, тамъ вальденсы дѣлалось буржуазно-протестантской сектой; а гдѣ господствовали пролетарскіе элементы, тамъ вальденсы превращались въ коммунистическихъ «мечтателей» (Schwärmgeister).

Они не ограничились южной Франціей, мы встрѣчаемъ вальденсовъ въ различнѣйшихъ мѣстностяхъ сѣверной Италіи и Франціи, наконецъ, даже въ Германіи и Богеміи. Всѣ общины ихъ были въ тѣсныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, ибо духовенство вальденсовъ (такъ называемые барбы) считало своею обязанностью непрестанныя путешествія. Тѣсныя международныя сношенія средневѣковыхъ коммунистовъ, отмѣченныя нами еще въ предыдущей главѣ, развиты уже у вальденсовъ. «Первыя духовныя лица вальденсовъ, подобно апостоламъ, почти непрестанно путешествовали, посѣщали отдаленныя общины и собратьевъ (дома единовѣрцевъ они узнавали по особымъ значкамъ, придѣланнымъ къ крышѣ и дверямъ). Часто эти путешествія распространялись и на болѣе отдаленныя страны Германію и Богемію... Богемскіе вальденсы поддерживали со своими единомышленниками во Франціи и Пьемонтѣ постоянныя и тѣсныя сношенія, основывавшіяся на братской общности вѣры. Они поддерживали другъ друга въ денежныхъ дѣлахъ. Особенно много проповѣдниковъ шло изъ долинъ Пьемонта къ братьямъ въ Богемію, а богемцы въ свою очередь посылали юношей въ эти долины для обученія ихъ священнымъ обязанностямъ [1]).

Когда южно-французскіе еретики сдѣлались настолько сильными, что грозили поколебать господство папства, послѣднее призвало на помощь рыцарей-разбойниковъ сѣверной Франціи и всякій другой разбойничій сбродъ, организовало ихъ въ такъ называемыя крестовыя дружины и направило ихъ на богатые еретическіе города и деревни, которые были подвергнуты страшному грабежу и опустошеніямъ. Южная Франція защищалась въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Альбигойскія войны, названныя такъ по городу Альби, одному изъ значительнѣйшихъ среди принадлежавшихъ еретикамъ городовъ, продолжались съ 1208 до 30-хъ гг. того вѣка. Выгодами отъ усмиренія «бунтовщиковъ» воспользовалось не папство, а французскіе короли, завладѣвшіе утомленною войнами страной и положившіе такимъ образомъ основаніе своему будущему величію [2]). Однако, вскорѣ французскіе короли сдѣлались для папства еще непріятнѣе, чѣмъ альбигойскіе еретики, ибо они усилились до того, что сдѣлали папъ своими орудіями и даже своими плѣнниками.

Но какъ бы мало ни выиграли папы отъ альбигойскихъ войнъ, все же они отняли, благодаря этимъ войнамъ, у еретиковъ начала XIII вѣка ихъ крѣпкій операціонный базисъ. Вальденсовъ это также должно было коснуться. Въ большихъ городахъ они могли существовать тамъ и сямъ лишь въ видѣ тайныхъ союзовъ. Центръ тяжести движенія перешелъ въ глухія горныя долины

---

[1]) Бендеръ. „Geschichte der Waldenser“, стр. 46, 116.

[2]) Провансъ перешелъ въ 1245 году къ Карлу Анжуйскому, въ 1249 году „святой“ Людовикъ присвоилъ себѣ графство Тулузское. Данте въ своемъ „Чистилищѣ“, 20 пѣснь, говоритъ устами Гуго Капета, основателя французской королевской династіи Капетинговъ:

„Пока великое провансальское приданое
Еще не высосало изъ моей крови стыда,
Она хоть и не имѣла значенія, но не дѣлала зла.
Съ тѣхъ поръ она начала свои грабежи
Съ ложью и насиліемъ“ etc.

Альпъ, гдѣ оно естественно приняло крестьянскій отпечатокъ. Секта приняла тамъ чисто мелко-крестьянскій демократическій характеръ и сохранилась въ этомъ видѣ и донынѣ въ нѣкоторыхъ долинахъ Савойи и Пьемонта.

III. Апостольскіе братья.

Вмѣстѣ съ ересью вообще, былъ побѣжденъ и еретическій коммунизмъ. Казалось, что пролетарско-коммунистическія тенденціи могутъ проявиться въ одной лишь монашеской, благопріятствующей папству формѣ. Но выше, при разсмотрѣніи францисканскаго ордена, мы видѣли, что коммунизмъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ прикрывалъ и воспитывалъ элементы очень склонные возмутиться противъ богатой и жившей эксплуатаціей церкви. Недовѣріе папства и его преслѣдованія легко приводили благопріятствующіе пролетаріату элементы изъ мечтателей къ альтернативѣ: либо отказаться отъ всякой дѣятельности, либо бунтовать. При благопріятныхъ условіяхъ бунтъ могъ принять довольно значительные размѣры.

Такимъ образомъ, въ сѣверной Италіи возникла очень сильная, еретическая, коммунистическая секта апостольскихъ братьевъ или патареновъ.

Названіе «патаріа» въ то время часто употреблялось въ Италіи для обозначенія движенія низшихъ классовъ народа. Уже въ XI вѣкѣ, въ Миланѣ, Брешіи, Кремонѣ и Піаченцѣ встрѣчаются патаріи. Названіе это, производное отъ слова pates, старое полотно, лохмотья. Патарами назывались тряпичники. Въ Миланѣ еще въ XVIII вѣкѣ существовала pataria, или contrada de patari, часть города, населенная тряпичниками.

Важнѣйшимъ изъ прежнихъ патаренскихъ движеній было миланское, начавшееся въ 1058 году. Оно исходило отъ низшихъ классовъ и было направлено противъ богатаго духовенства и городской аристократіи. Это городское демократическое движеніе возникло очень рано, но кромѣ того въ немъ замѣчательно еще то, что оно искало и получило поддержку папства. Миланское духовенство, имѣвшее возможность соперничать по своему богатству съ римской церковью, не желало признавать ея верховнаго авторитета. Поэтому оно являлось общимъ врагомъ миланской демократіи и папства. Оба добились своего. Миланскому духовенству пришлось покориться Риму, а мѣсто аристократически-клерикальнаго управленія было занято управленіемъ мѣщанскимъ.

Историки часто называютъ это движеніе миланской патаріи пролетарскимъ. Но совершенно невозможно предположить, что миланскій пролетаріатъ въ серединѣ XI вѣка былъ уже настолько силенъ, чтобы играть такую выдающуюся роль. Движеніе патареновъ было во всякомъ случаѣ мѣщанскимъ, направленнымъ противъ господства патриціевъ.

Въ XII вѣкѣ вальденсовъ, иногда и другихъ еретиковъ въ Италіи называли патаренами. Въ XIII вѣкѣ названіе это перешло на апостольскихъ братьевъ.

Основателемъ этой секты былъ Герардо Сегаррели изъ Альзано (деревня возлѣ Пармы). Онъ хотѣлъ вступить въ орденъ францисканцевъ, но его не приняли. Тогда онъ роздалъ свое имущество бѣднымъ и около 1260 года самъ основалъ секту. Вскорѣ у него явилась масса послѣдователей изъ низшихъ классовъ, особенно въ Ломбардіи. «Всѣ они, подобно первымъ христіанамъ, назы-

вали другъ друга братьями и сестрами; они жили въ строгой бѣдности и не должны были имѣть ни собственныхъ домовъ, ни запасовъ на другой день, ни чего либо служащаго для удобства или наслажденія. Когда у нихъ пробуждался голодъ, они просили перваго встрѣчнаго о пищѣ, не требуя чего-либо опредѣленнаго, и ѣли все, что бы имъ ни дали. Богатые люди, присоединившіеся къ нимъ, должны были отказаться отъ своего имѣнія и предоставить его въ общее пользованіе братства» [1]). Бракъ воспрещался имъ. «Братья, идущіе въ міръ для проповѣди покаянія, имѣли право водить съ собою сестру, какъ это дѣлали апостолы; но она должна была служить имъ помощницею, а не женою. Они называли сопровождавшихъ ихъ подругъ сестрами во Христѣ и всегда отрицали обвиненіе, будто они находятся между собою въ брачномъ или нечистомъ сожительствѣ, хотя и спали вмѣстѣ на одной постели» [2]).

Мосгеймъ полагаетъ, основываясь, впрочемъ, лишь на догадкахъ, а не на точныхъ свѣдѣніяхъ, что это запрещеніе брака и владѣнія имуществомъ касалось только апостоловъ «агитаторовъ», а не братьевъ общины. Это очень приблизило бы ихъ къ вальденсамъ. Достовѣрно то, что они считали коммунизмъ необходимымъ условіемъ совершенной жизни.

Сначала новые апостолы были очень осторожны; они остерегались объявлять открыто войну церкви. Новую благодать они возвѣщали на тайныхъ, ночныхъ собраніяхъ. Они разсылали апостоловъ во всѣ страны, въ Испанію, Францію и Германію. Въ послѣдней они стали настолько многочисленны, что на духовномъ собраніи въ Вюрцбургѣ, въ 1287 году, въ присутствіи императора Рудольфа, противъ нихъ изданъ былъ особый законъ, воспрещавшій давать имъ пріютъ, пищу и питье.

Но въ Италіи еще раньше обратили вниманіе на коммунистическихъ мечтателей. Въ 1280 году пармскій епископъ получилъ о нихъ извѣстія, побудившія его арестовать Сегарелли. Папа Гонорій IV велѣлъ произвести слѣдствіе, показавшее, что апостольскіе братья не особенно опасны, что они являются только конкуррентами двухъ привилегированныхъ нищенствующихъ орденовъ, францисканцевъ и доминиканцевъ. Въ 1286 году орденъ апостоловъ былъ запрещенъ папою, Сегарелли выпустили на свободу, но выслали изъ Пармы.

Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, эта высылка также лишь увеличила зло, которое она стремилась уничтожить. Сегарелли бродилъ теперь по всей сѣверной Италіи и распространялъ свое ученье. Братья апостолы не подчинились

---

[1]) Мосгеймъ, „Ketzergeschichte“, стр. 224. Мосгеймъ какъ бы вновь открылъ апостольскихъ братьевъ для исторіи и въ своей трехтомной „Исторіи еретиковъ“ подробно и съ любовью говоритъ о нихъ. „Быть можетъ, никто не станетъ оспаривать той небольшой заслуги, — говоритъ онъ, — что я, такъ сказать, воскресилъ и вывелъ на свѣтъ божій эту странную шайку“. Это слово онъ употребляетъ не въ презрительномъ смыслѣ, оно у него равнозначуще „сектѣ“. Стр. 196.

[2]) Мосгеймъ, l. c., 226, сравн. стр. 321 и слѣд. Подобныя же вещи, какъ мы знаемъ, разсказывались и о вальденсахъ и о благочестивыхъ людяхъ первыхъ вѣковъ христіанства: „Презирая подлое бѣгство, дѣвушки жаркихъ странъ Африки боролись въ разгарѣ сраженія съ врагами. Онѣ позволяли священникамъ и діаконамъ дѣлить съ ними ложе и въ разгарѣ пламени хвалились своею незапятнанною чистотою. Но иногда оскорбленная природа мстила за свои права, и этотъ новый видъ мученичества служилъ лишь для внесенія новаго зла и соблазна въ церковь“ (Гиббонъ. „Verfall und Untergang des römischen Weltreichs“, стр. 381).

папѣ, союзъ ихъ не распался. Преслѣдованія, сдѣлавшіяся болѣе энергичными, подлили только масла въ огонь, и разрывъ братства съ церковью сдѣлался непоправимымъ.

Сегарелли снова арестовали въ 1294 году и, по однимъ источникамъ въ 1296 году, по другимъ въ 1300, сожгли. Но этимъ движеніе не было уничтожено. Мѣсто Сегарелли занялъ гораздо болѣе рѣшительный и смѣлый агитаторъ, человѣкъ дѣла, Дольчино. Послѣдній родился во второй половинѣ XIII вѣка въ Брато, возлѣ Верчелли. Его отецъ, священникъ Юлій, происходившій, вѣроятно, изъ аристократической наваррской семьи Торніелли, былъ отшельникъ, но не аскетъ, ибо жилъ съ матерью Дольчино и былъ въ брачномъ союзѣ съ нею. Онъ не стыдился своего сына, далъ ему хорошее воспитаніе и отдалъ его въ Верчелли для подготовки къ духовному званію. Необдуманный поступокъ, похищеніе нѣсколькихъ монетъ у своего учителя, заставилъ молодого человѣка бѣжать, хотя дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій. Онъ ушелъ въ Тріентъ и поступилъ тамъ послушникомъ въ монастырь францискацевъ.

Сколько времени онъ тамъ провелъ—неизвѣстно, ибо хронологія его жизни вообще очень недостовѣрна. Достовѣрно, однако, что онъ еще во время пребыванія въ монастырѣ познакомился съ ученьемъ братьевъ апостоловъ, имѣвшимъ много сходства съ ученіемъ фратичелловъ, мятежныхъ францисканцевъ, и нашедшимъ себѣ въ монастыряхъ послѣднихъ многочисленныхъ послѣдователей. Онъ увлекся этимъ ученьемъ со всѣмъ пыломъ своей пламенной души и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ его замѣчательнѣйшихъ послѣдователей. Онъ примкнулъ къ этой сектѣ, вѣроятно, въ 1291 году.

Пребываніе въ монастырѣ становилось для него все невыносимѣе. Онъ вышелъ изъ него еще до постриженія. Вскорѣ послѣ этого онъ познакомился съ Маргаритой Тренкской, находившейся въ монастырѣ св. Екатерины. Всѣ лѣтописцы единогласно восхваляютъ полную силъ красоту Маргариты и Дольчино, красоту, у обоихъ соединенную съ высокимъ умомъ, безкорыстнымъ энтузіазмомъ, смѣлостью и рѣшительностью. Неудивительно, что они привлекали другъ друга. Чтобы быть ближе къ Маргаритѣ, Дольчино поступилъ работникомъ въ ея монастырь, склонилъ ее къ своимъ взглядамъ и убѣдилъ, наконецъ, бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Съ тѣхъ поръ они до самой смерти вмѣстѣ боролись за свое общее дѣло. Противники утверждали, что они были связаны бракомъ, хотя и незаконнымъ, но самъ Дольчино говоритъ, что они всегда оставались лишь братомъ и сестрою. Послѣднее, разумѣется, менѣе противорѣчитъ ученію апостольскихъ братьевъ, но первое гораздо болѣе соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ.

Они бѣжали въ Ломбардію, гдѣ Дольчино занялъ вскорѣ первое мѣсто наряду съ Сегарелли, а послѣ смерти послѣдняго сталъ во главѣ движенія. Но преслѣдованія скоро сдѣлались настолько энергичными, что онъ не могъ удержаться въ Италіи. Гонимый изъ одного города въ другой, онъ, наконецъ, нашелъ пріютъ въ Далмаціи. Оттуда онъ написалъ нѣсколько писемъ оставшимся въ Италіи братьямъ, распространявшимъ ихъ въ видѣ летучихъ листковъ.

Кромѣ ученія Сегарелли на Дольчино особенно повліяло ученіе аббата Іоахима Фіоре, упомянутаго уже нами выше (стр. 104). Однако, послѣдній различалъ три общественныхъ состоянія и третьимъ, высшимъ считалъ состояніе всеобщаго монашества. Дольчино же шелъ дальше. Къ началу XIV вѣка было

уже сдѣлано очень много опытовъ съ нищенствующими орденами, доказавшихъ, что они не могутъ быть средствомъ для осуществленія общности имущества. Дольчино восхвалялъ заслуги св. Франциска и Доминика за то, что они научили своихъ послѣдователей любить бѣдность и униженность, презирать деньги и могущество, но онъ указывалъ также на то, что стремленія ихъ съ теченіемъ времени оказались тщетными. Францисканцы и доминиканцы построили дома и собрали въ нихъ выпрошенныя сокровища, благодаря чему и они заразились общей испорченностью. Желая очиститься, нужно было бы повсюду вновь ввести бытъ и образъ жизни первыхъ апостольскихъ общинъ.

Но кто могъ добиться этого? Коммунисты собственными силами? При всей мистической мечтательности и вѣрѣ въ чудеса они все-таки должны были сознаться, что у нихъ не хватитъ на это силъ.

Подобно послѣдователямъ аббата Іоахима, Дольчино сначала также надѣялся на Мессію изъ княжескаго рода. Первые разсчитывали на Гогенштауфена, на Фридриха II, Дольчино же надѣялся на другого Фридриха, сына короля Петра III, Арагонскаго. Онъ долженъ былъ завоевать папскій престолъ, убить папу и его кардиналовъ, епископовъ, священниковъ, монаховъ и монахинъ. Въ живыхъ останутся лишь тѣ, кто присоединится къ апостольской общинѣ, одни лишь они примутъ участіе въ блаженствѣ, ожидающемъ міръ.

Дольчино опирался на библейскихъ пророковъ и апокалипсисъ, но онъ не былъ настолько фанатикомъ, чтобы основываться только на этихъ аргументахъ. Онъ внимательно наблюдалъ ходъ вещей.

Сосѣднее южной Франціи королевство Арагонія, по тѣмъ же причинамъ, что и первая, было одной изъ странъ, возставшихъ противъ папства. Во время альбигойской войны Арагонія стояла на сторонѣ еретиковъ. Петръ II Арагонскій сначала пытался быть посредникомъ, но въ концѣ концовъ открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, сталъ поддерживать альбигойцевъ, воевалъ съ ними противъ крестоносцевъ, въ борьбѣ съ которыми и былъ убитъ (въ 1213 году, въ сраженіи при Мюре). Сынъ Петра, Яковъ I также посылалъ альбигойцамъ вспомогательное войско. Его сынъ Петръ III, въ свою очередь, тоже вступилъ въ споръ съ папствомъ, сдѣлавшимся орудіемъ Франціи. Послѣ Сицилійской вечерни, повлекшей за собой изгнаніе французовъ изъ Сициліи, Петръ завоевалъ этотъ островъ. Папа Мартинъ объявилъ короля Петра лишеннымъ королевства и передалъ послѣднее брату французскаго короля, Карлу Валуа. Однако, Петръ сумѣлъ противостоять папѣ и Франціи.

Въ 1285 году Петру въ Сициліи наслѣдовалъ его второй сынъ Яковъ II, а когда за смертью его старшаго брата, Альфонса III, онъ вступилъ на арагонскій престолъ, Сицилія перешла къ его младшему брату Фридриху II (1294 г.).

Но одновременно съ воцареніемъ Фридриха на папскій престолъ вступилъ одинъ изъ самыхъ низкихъ, жадныхъ, но и энергичныхъ папъ, Бонифацій VIII, и между ними загорѣлась жестокая борьба, продолжавшаяся почти цѣлое десятилѣтіе. Слѣдовательно, надежда Дольчино на Фридриха вовсе не была фантастической мечтой. Она, напротивъ, имѣла твердое основаніе въ традиціяхъ арагонскаго королевскаго дома и въ тогдашнемъ положеніи повелителя Сициліи. Заблужденіе Дольчино состояло въ томъ, что онъ принималъ за чистую монету слова, говорившіяся во время этой борьбы, а кромѣ того онъ считалъ борьбу изъ-за минутныхъ интересовъ—борьбой принципіальной, борьбу изъ-за добычи—

борьбой противъ эксплуатаціи. Это была иллюзія, которую Дольчино раздѣлялъ со многими, очень просвѣщенными мыслителями, появившимися послѣ него.

Въ своемъ первомъ письмѣ, написанномъ въ 1300 году, Дольчино предсказывалъ побѣду Фридриха надъ папой Бонифаціемъ VIII въ 1303 году. Бонифацій дѣйствительно умеръ въ этомъ году, но не отъ руки Фридриха, а вслѣдствіе столкновенія съ могущественной римской патриціанской семьей Колонна и Филиппомъ IV французскимъ, соперникомъ Бонифація по жадности, коварству и энергіи [1]).

Послѣдствіемъ этого было не паденіе папства, а только избраніе миролюбиваго папы Бенедикта XI, заключившаго миръ съ Филиппомъ.

Когда ожидаемый переворотъ не произошелъ, Дольчино выпустилъ еще два письма, изъ которыхъ второе потеряно. Въ первомъ онъ говоритъ (въ декабрѣ 1303 года): «Въ 1303 году, какъ я предвѣщалъ, произошло «паденіе царя полудня» Бонифація. Въ новомъ году новый папа и его кардиналы будутъ умерщвлены Фридрихомъ, 1305 годъ будетъ годомъ смерти низшаго духовенства».

Это пророчество исполнилось еще менѣе перваго. Въ 1304 году, напротивъ, Бенедиктъ XI, помирившись съ Франціей, заключилъ міръ и съ королемъ Сициліи, вслѣдствіе чего послѣдній уже пересталъ быть союзникомъ Дольчино.

Вскорѣ послѣ появленія этого письма, а быть можетъ даже до него, мы находимъ Дольчино въ Италіи [2]). Онъ оставилъ свое безопасное убѣжище и во главѣ вооруженной толпы ворвался въ Пьемонтъ, чтобы вступить въ открытую борьбу съ церковью, государствомъ и обществомъ. Борьба эта была первой попыткой вооруженнаго возстанія коммунистовъ на западѣ.

---

[1]) Конецъ Бонифація VIII служитъ яркимъ примѣромъ того, насколько тревожнѣе была жизнь папы въ Римѣ въ благочестивые средніе вѣка, чѣмъ въ матеріалистическомъ XIX вѣкѣ. Филиппъ послалъ Вильгельма Ногарета съ большою суммою денегъ въ Италію, онъ сговорился съ Колоннами, и въ Ананьи они напали на Бонифація и взяли его въ плѣнъ съ криками: „долой папу“. Послѣдняго охватило необузданное бѣшенство, а жестокое обращеніе усилило его гнѣвъ до буйства. Возстаніе освободило Бонифація, но чтобы быть въ безопасности отъ Колоннъ, онъ долженъ былъ отдаться въ руки Орсини, которые также держали его въ плѣну. Это довело его до буйнаго помѣшательства, положившаго конецъ его жизни. Вольтеръ правъ, говоря, что „въ Италіи такъ обходились со всѣми папами, желавшими сдѣлаться слишкомъ могущественными. Они раздаютъ королевства, а въ то же время подвергаются преслѣдованіямъ въ своемъ собственномъ государствѣ“ (Essay sur l'histoire générale, ch. LXI).

Повидимому современные поклонники папства не имѣютъ никакихъ причинъ желать возврата средневѣковыхъ условій жизни, а современнымъ противникамъ папъ нечего хвастаться своею смѣлостью.

[2]) Мосгеймъ говоритъ, что Дольчино покинулъ Далмацію въ началѣ 1304 года послѣ составленія своего письма; Кроне, біографъ Дольчино („Frà Dolcino“ etc. стр. 39), пріурочиваетъ вторженіе въ Пьемонтъ къ концу 1303 года. Намъ кажется не особенно вѣроятнымъ, чтобы Дольчино добровольно отложилъ свое возстаніе до начала зимы, когда ему пришлось бы начать зимній походъ; пьемонтская же зима бываетъ часто очень суровой. Но возможно, что его принудили къ этому внѣшнія обстоятельства. Моментъ приведенія заговора въ исполненіе не всегда зависитъ отъ желанія заговорщиковъ. Опасенія, что заговоръ можетъ быть открытъ, или настоянія товарищей, которымъ Дольчино обѣщалъ начать возстаніе въ 1303 году, могли принудить его начать въ не совсѣмъ благопріятный моментъ.

Вся хронологія событій, касающихся Дольчино, страшно запутана.

Надежда на Фридриха оказалась обманчивой; но коммунистическіе мечтатели получили иного помощника, представлявшаго совсѣмъ иную революціонную силу, чѣмъ монархъ, поссорившійся съ папой, — помощникомъ этимъ явилось крестьянство. Благодаря ему, возстаніе могло продержаться до 1307 г. Движеніе въ пользу возрожденія общества въ духѣ древняго христіанства превратилось въ крестьянскую войну.

IV. Экономическія причины крестьянскихъ войнъ.

Въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ крестьянскія войны не были рѣдкостью. Горючаго матеріала накопилось вездѣ достаточно, и нужна была только искра для воспламененія его.

Чтобы хорошенько понять это явленіе, мы должны бросить взглядъ на измѣненія въ положеніи крестьянства, вызванныя развитіемъ городской жизни.

Ростъ городовъ создалъ рынокъ не только для продуктовъ промышленности, но и для произведеній сельскаго хозяйства. Чѣмъ больше росли города, тѣмъ меньше граждане ихъ, купцы и ремесленники, были въ состояніи производить всѣ нужныя имъ средства къ жизни и сырые матеріалы. Они покупали у окрестныхъ мелкихъ или крупныхъ сельскихъ хозяевъ произведенія, остававшіяся у нихъ за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей и платили имъ за это продуктами своей промышленности, ввозными товарами или же деньгами. Крестьяне стали получать деньги. Слѣдствіемъ этого явилось стремленіе превратить натуральныя повинности и барщину въ денежный оброкъ. Нерѣдко землевладѣльцамъ эта перемѣна казалась желательной, ибо они сами начали нуждаться въ деньгахъ. Стремленіе крестьянъ также нерѣдко должно было идти въ томъ же направленіи, ибо превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя дѣлало ихъ вольными людьми, свободно распоряжающимися своимъ имуществомъ.

Можно бы подумать, что такое совпаденіе стремленій обоихъ классовъ создало полную гармонію и довольство. Но вышло совсѣмъ наоборотъ. Мы уже указывали, что при системѣ натуральныхъ повинностей стремленіе къ увеличенію ихъ не было особенно сильнымъ: оно ограничивалось физическими потребностями хозяина и его свиты. Между тѣмъ жадность къ деньгамъ безмѣрна ибо ихъ никогда не можетъ быть слишкомъ много. Поэтому со времени появленія денегъ въ сельскомъ хозяйствѣ, стремленіе помѣщиковъ къ обремененію крестьянъ повинностями непрестанно ростетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и противодѣйствіе. Крестьянамъ было не особенно трудно отдавать излишекъ продуктовъ, пока они не могли продавать ихъ за деньги. Но когда для нихъ открылся рынокъ, то отдача излишка или выручки за него помѣщику сдѣлалась равнозначущей отказу отъ наслажденій, которыя вскорѣ сдѣлались потребностями.

Къ этому обстоятельству присоединилось еще и другое. До развитія городовъ у крестьянъ не было убѣжища, куда бы они могли скрываться отъ угнетателей; теперь города представляли такое убѣжище и многіе пользовались имъ. Иные зажиточные крестьяне умѣли пользоваться финансовыми затрудненіями своихъ хозяевъ, для того, чтобы совсѣмъ избавиться отъ повинностей. Такимъ образомъ число барщинниковъ сильно уменьшилось и барщинное хозяйство часто страдало отъ этого. Поэтому, въ то время какъ у крестьянъ подъ вліяніемъ

городского быта росло стремленіе сбросить съ себя существующія повинности или откупиться отъ нихъ, у землевладѣльцевъ росло стремленіе прикрѣпить крестьянъ, если возможно, еще крѣпче къ землѣ и увеличить барщину.

Ко всему этому присоединилось еще и третье обстоятельство. Вслѣдствіе того, что на продукты сельскаго хозяйства устанавливалась извѣстная цѣна, земля, на которой они произрастали, также пріобрѣла цѣнность, и притомъ не только земля, находившаяся уже подъ культурой. Когда города достигли силы и значенія, населеніе уже не было такъ рѣдко, что земля казалась неистощимой; прошло уже время, когда марка или крупный землевладѣлецъ охотно давали всякому, кто бы то ни былъ, — крестьянинъ, или землевладѣлецъ съ колонами, или ассоціація монаховъ,—столько земли, сколько тѣ могли выкорчевать. Хотя было еще очень далеко до того, чтобы вся годная для культуры земля пошла подъ обработку, но населеніе стало уже такъ густо, что земля не считалась болѣе безграничной. Владѣніе землей сдѣлалось привилегіей и при томъ такой драгоцѣнной, что изъ-за нея вскорѣ возгорѣлась ожесточенная борьба. Съ одной стороны марки сдѣлались замкнутыми и объявили всю свою землю частною, общей собственностью семействъ, составлявшихъ марку. По примѣру городовъ и въ деревнѣ, наряду съ маркой, началъ образовываться слой изъ членовъ общины, имѣвшихъ ограниченныя права.

Съ другой стороны, крупные землевладѣльцы, имѣвшіе перевѣсъ въ маркѣ, старались присвоить себѣ ея земли и превратить ихъ въ свою частную собственность, милостиво предоставляя членамъ марки нѣкоторыя права пользованія.

Чѣмъ дальше шло экономическое развитіе, тѣмъ рѣзче становились всѣ эти противорѣчія, тѣмъ больше дѣлалась непріязнь между землевладѣльцами и крестьянами, тѣмъ легче происходили между ними столкновенія, имѣвшія въ большинствѣ случаевъ только мѣстный характеръ, но распространявшіяся при извѣстныхъ условіяхъ на цѣлыя провинціи, цѣлыя страны, и дѣлавшіяся тогда настоящими крестьянскими войнами.

Счастье въ этой борьбѣ было измѣнчиво. Но вообще, можно сказать, что въ XIII и XIV вѣкахъ, а въ Италіи раньше, положеніе крестьянъ, несмотря на нѣкоторыя пораженія ихъ, постоянно улучшалось [1]).

Причины этого отчасти ясны уже изъ сказаннаго выше. Города представляли для крестьянъ оплотъ, которымъ они отлично умѣли пользоваться. Юридическое порабощеніе и даже физическое принужденіе приносило мало пользы, когда города давали убѣжища бѣглымъ крестьянамъ и защищали ихъ. Чтобы

---

[1]) Это ясное доказательство того, что антагонизмъ эксплуатируемаго класса съ классомъ эксплуататоровъ можетъ обостриться, несмотря на то, что положеніе перваго улучшается. Нѣтъ ничего смѣшнѣе попытокъ апологетовъ современной буржуазной политической экономіи увѣрить рабочихъ, что положеніе ихъ улучшилось, и что поэтому все соціалистическое рабочее движеніе ничѣмъ не оправдывается и основывается просто на недоразумѣніи. Если бы даже всѣ приводимыя ими доказательства „возрастающаго классоваго движенія пролетаріата“ были вѣрны, то они все-таки ничего не доказывали бы. Эти господа теперь могли бы ужъ знать то, что Марксъ и Энгельсъ открыли уже полвѣка тому назадъ, т.-е., что соціалъ-демократическое (коммунистическое) движеніе является продуктомъ не нищеты, но классоваго противорѣчія, классовой борьбы. А о смягченіи классовыхъ противорѣчій и объ ослабленіи классовой борьбы не станутъ говорить даже болѣе другихъ склонные къ оптимизму Вольфъ и Брентано.

не потерять рабочей силы крестьянъ, помѣщику приходилось обращаться съ ними получше, сдѣлать существованіе ихъ сноснѣе.

Къ этому нерѣдко присоединялись еще и финансовыя затрудненія землевладѣльца. Въ XII вѣкѣ христіанскій міръ былъ уже настолько силенъ, что могъ не только защищаться отъ угрожавшихъ ему враговъ, но даже перейти въ наступательное движеніе противъ тѣхъ изъ нихъ, которые своимъ богатствомъ разжигали жадность военной и духовной кастъ: именно противъ обитателей восточныхъ странъ. Крестовые походы начались при живѣйшемъ участіи лакомыхъ на добычу и приключенія феодальныхъ владѣтелей всѣхъ странъ. Но крестовые походы имѣли нѣкоторое сходство съ нынѣшней колоніальной политикой: начатые при яркихъ иллюзіяхъ, они кончились очень жалко, результаты далеко не соотвѣтствовали жертвамъ, которыхъ они стоили. Въ одномъ отношеніи, однако, они очень выгодно отличались отъ современной колоніальной политики. Благодаря развитію «идеи государства», жертвы этой политикѣ приносятся государствомъ, т.-е. плательщиками податей, массой населенія. Выгодами же пользуются нѣсколько авантюристовъ и купцы.

Въ «мрачные» средніе вѣка дѣла обстояли иначе. Государственной власти въ нашемъ смыслѣ слова не было вовсе; господа, отправлявшіеся на востокъ съ цѣлью обогатиться, отправлялись не на счетъ государства, а на свой собственный; въ случаѣ неудачи экспедиціи платилось за это не государство, но они сами. Мы уже указывали, что крестовые походы обогатили многіе города, особенно въ Италіи, но они разорили большую часть европейскаго дворянства. Остальное же дворянство они заразили потребностями въ произведеніяхъ высшей культуры, доступныхъ въ Европѣ лишь за большія деньги. Неудивительно, что у дворянства нужда въ деньгахъ быстро возрастала. Это вело къ стремленію выжать изъ крестьянъ какъ можно больше, но нерѣдко и къ тому, что землевладѣлецъ впадалъ въ долги и охотно соглашался на выкупъ крестьянами своихъ повинностей, лишь бы получить деньги. Крупное дворянство сравнительно мало страдало отъ этихъ условій, но мелкое въ это время падало очень быстро и почти совершенно потеряло свою самостоятельность.

Надо, наконецъ, принять во вниманіе и еще одно обстоятельство. Между тѣмъ какъ населеніе возрастало, замкнутость марокъ, также какъ и присвоеніе ихъ землевладѣльцами, очень затруднило новыя поселенія крестьянъ. Поэтому излишекъ населенія былъ принужденъ искать себѣ пристанища и занятій внѣ сельскаго хозяйства, особенно же въ городскомъ ремеслѣ или въ военной службѣ. Наряду съ разореннымъ низшимъ дворянствомъ въ наемное войско все чаще стала уходить и сильная деревенская молодежь, трудъ которой дома сдѣлался лишнимъ; она шла на службу къ господамъ платившимъ хорошо и обѣщавшимъ хорошую добычу, къ богатымъ городамъ, князьямъ или къ отдѣльнымъ счастливымъ предводителямъ, начавшимъ дѣлать изъ военной службы ремесло и нанимавшимся на службу вмѣстѣ со своими отрядами [1]).

Рядомъ съ войскомъ феодальной военной касты, съ войскомъ конныхъ

---

[1]) Въ Италіи наемное войско встрѣчается уже въ XIII вѣкѣ. По Сисмонди первыми наемниками были, вѣроятно, изгнанники и эмигранты, являвшіеся массовымъ продуктомъ тогдашней городской партійной борьбы. (Simonde de Sismondi, „Histoire des républiques italiennes du moyen âge“. Парижъ, 1826 г. III, стр. 260).

рыцарей, теперь образовалось войско вербованныхъ крестьянъ, — пѣхота снова начала пріобрѣтать значеніе.

Однако, эти навербованные солдаты обыкновенно еще не пролетаріи, а сыновья крестьянъ; кончивъ военную службу и собравъ достаточно денегъ и добычи, они возвращаются домой и помогаютъ семьѣ работать или устраиваютъ себѣ свое собственное хозяйство. Возвращаясь, они приносили съ собой свое оружіе и умѣніе сопротивляться. Рыцарямъ XIV и XV вѣковъ нерѣдко приходилось испытывать опасное дѣйствіе генуэзскихъ и англійскихъ луковъ, швейцарскихъ копій, богемскихъ палицъ и цѣповъ [1]). Это несомнѣнно способствовало улучшенію положенія крестьянъ того времени.

Средневѣковой городской строй развился, какъ мы уже видѣли, прежде всего въ Италіи. Тамъ же прежде всего развились только что изложенныя нами противорѣчія между землевладѣльцами и крестьянствомъ.

Но въ Италіи возникло также своеобразное явленіе, сильно способствовавшее обостренію этихъ противорѣчій, — именно абсентеизмъ.

Въ древности крупные землевладѣльцы Италіи (а также и Греціи) жили преимущественно въ городахъ. Средневѣковые итальянскіе города, связь которыхъ съ античными традиціями вообще никогда не порывалась, сами по себѣ были склонны принять въ свои стѣны деревенское дворянство. Когда они усилились до того, что господствовали надъ всею территоріею, они стали даже принуждать дворянство замѣнить свои деревенскія резиденціи городскими. Многіе города заставляли подчиненныхъ имъ дворянъ заняться какимъ-нибудь городскимъ ремесломъ. Политика, сгонявшая итальянское дворянство въ города, имѣла, вѣроятно, тѣ же причины, которыя заставляли французскихъ королей XVII и XVIII вѣковъ принуждать свое дворянство покинуть замки и проводить время при королевскомъ дворѣ. Самостоятельность дворянства была уничтожена, а въ то же время оно увеличивало собою блескъ двора или города. Но итальянское сельское населеніе было поставлено этимъ въ условія, сходныя во многомъ съ условіями, существовавшими во Франціи до великой революціи.

Тамъ, гдѣ эксплуататоры и эксплуатируемые живутъ вмѣстѣ, эксплуатація при прочихъ равныхъ условіяхъ получаетъ не столь отвратительную форму, какъ когда они находятся далеко другъ отъ друга. Совмѣстная жизнь создаетъ не только извѣстное духовное единеніе, но также общность интересовъ, могущую сгладить многія противорѣчія. Для землевладѣльца, живущаго въ деревнѣ среди своихъ крестьянъ, не можетъ быть безразличнымъ положеніе, въ которомъ находятся окружающіе, ему не все равно, радуетъ ли все вокругъ его чувства или оскорбляетъ ихъ, является ли оно очагомъ болѣзней, угрожающихъ также ему и его семейству, или очагомъ цвѣтущаго здоровья.

Землевладѣлецъ же, живущій въ городѣ, не можетъ ни интересоваться своими крестьянами, ни понимать ихъ; въ своихъ владѣніяхъ онъ интересуется только однимъ чистымъ доходомъ. Для него безразлично, сдѣлается ли его земля необитаемой пустыней или нѣтъ; лишь бы она давала ему чистаго дохода не меньше, чѣмъ прежде. Римская Кампанья — яркій примѣръ того, что въ концѣ концовъ получается при такомъ хозяйствѣ.

---

[1]) Относительно тактики швейцарцевъ въ эти вѣка сравн. К. Бюркли: „Der wahre Winkelried“, Цюрихъ, 1886 г.

Еще въ XV вѣкѣ Кампанья была хорошо обработана и покрыта многочисленными деревнями. Теперь это болотистая пустыня, въ которой благоденствуютъ только буйволы и малярія.

Въ средневѣковой Италіи къ абсентеизму присоединилось еще то, что городская жизнь быстро заразила дворянство капиталистическими чувствами и образомъ мышленія. Неудивительно, что въ Италіи прежде, чѣмъ гдѣ бы то ни было, земледѣліе сдѣлалось капиталистическимъ предпріятіемъ. Гдѣ крестьянамъ не удалось добиться свободнаго владѣнія землей,—а добивались они этого рѣдко,—тамъ они дѣлались арендаторами или поденщиками, не имѣвшими никакихъ правъ на обрабатываемую ими землю.

V. Возстаніе Дольчино.

Когда Дольчино вторгнулся въ Италію, развитіе только что описанныхъ условій уже началось, указанныя противорѣчія уже существовали. Поэтому не трудно догадаться, что онъ нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, какъ только поднялъ знамя возстанія.

Намъ неизвѣстно, имѣлъ ли Дольчино и его товарищи намѣреніе искать себѣ опоры въ крестьянахъ, или обстоятельства принудили его къ этому безъ опредѣленнаго съ его стороны намѣренія. Во всякомъ случаѣ, сознательно или безсознательно, они были принуждены къ этому логикой фактовъ, какъ только рѣшились оставить путь монашеской пропаганды и вступили на путь открытаго возмущенія. При помощи однихъ только коммунистическихъ мечтателей тогда еще нельзя было дѣлать попытки насильственной революціи. Кромѣ нихъ, самымъ недовольнымъ и непокорнымъ слоемъ населенія были крестьяне.

Но какъ только апостольскіе братья начали опираться на крестьянъ у нихъ почва ушла изъ-подъ ногъ. Въ судьбѣ ихъ есть нѣчто въ высшей степени трагическое; условія времени, этотъ фатумъ, принудили ихъ къ шагу, представлявшему единственную возможность военнаго успѣха, но въ то же время осуждавшему все движеніе на безплодность и сдѣлавшему неизбѣжнымъ окончательное его крушеніе.

Это на первый взглядъ можетъ показаться чѣмъ-то таинственнымъ; но дѣло объясняется очень просто.

Апостольскіе братья были коммунистами и хотѣли расширить свою дѣятельность за предѣлы двухъ-трехъ общинъ. Они мечтали о завоеваніи Рима и о преобразованіи всего общества сообразно своимъ идеаламъ. Крестьяне не были коммунистами, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ назывались ими апостольскіе братья. Въ извѣстныхъ случаяхъ они дѣйствительно держались общности имущества, напр., относительно пастбища и лѣса, но коммунизмъ въ средствахъ потребленія, полная отдача всего имущества общинѣ, не привлекалъ ихъ. И между тѣмъ какъ коммунисты не могли остановиться прежде преобразованія всего общества, крестьянъ можно было удовлетворить нѣсколькими незначительными уступками со стороны землевладѣльцевъ, напр., уничтоженіемъ нѣкоторыхъ повинностей, отдачей какихъ-либо спорныхъ кусковъ земли.

Но еще важнѣе было то, что горизонтъ крестьянина ограничивался самыми узкими, деревенскими, мѣстными интересами. Это рѣзко отразилось на

всѣхъ крестьянскихъ возстаніяхъ того времени, гдѣ объединеніе коммунистовъ разныхъ мѣстностей было не настолько сильнымъ, чтобы могло уничтожить «приходскую политику», и сдѣлалось причиной многихъ пораженій. Всякій округъ возставалъ самъ по себѣ и самъ по себѣ заключалъ миръ, не заботясь объ остальныхъ. Благодаря этой раздробленности, централизованная сила противниковъ легко побѣдила ихъ.

Исторія возстанія Дольчино не совсѣмъ выяснена. Но если воспользоваться правомъ аналогичныхъ выводовъ, если сравнить его съ другими подобными возстаніями, то многое, повидимому, необъяснимое, дѣлается понятнымъ.

Сначала Дольчино появился въ пьемонтскихъ Альпахъ. Оттуда онъ спустился въ долину и напалъ на крѣпость Гаттинара близъ Верчелли. Кромѣ братьевъ, искателей приключеній и ушедшихъ съ военной службы наемниковъ, особенно много примкнуло къ нему крестьянъ. Вскорѣ вокругъ Дольчино собралось пять тысячъ борцовъ, представлявшихъ для того времени значительную армію; въ ней участвовали не только мужчины, но и женщины, которыя подъ предводительствомъ Маргариты сражались какъ львицы [1]).

Эксплуататоры этой мѣстности мигомъ забыли свои раздоры. Епископы Верчельскій и Наварскій, какъ и тамошнее дворянство и города, вооружили армію и выслали ее противъ мятежниковъ; но походъ этотъ кончился полнымъ пораженіемъ арміи эксплуататоровъ, они были въ безопасности, да и то сомнительной, только за стѣнами городовъ.

Тогда могущество Дольчино возросло еще больше, но онъ, этотъ энергичный, блестящій полководецъ, не воспользовался моментомъ, когда его противники не смѣли уже выступить противъ него въ открытомъ полѣ; онъ не воспользовался имъ для того, чтобы пойти дальше и сдѣлать возстаніе всеобщимъ. Онъ остался въ долинѣ Зезіи, гдѣ возстаніе началось, и довольствовался грабежемъ и разрушеніемъ монастырей, помѣстій и мелкихъ городовъ.

Явленіе это не было для того времени чѣмъ-то необыкновеннымъ; оно повторялось во всѣхъ крестьянскихъ войнахъ. Крестьяне Вальзезіи не имѣли никакого интереса переносить возстаніе въ другія области; ихъ такъ же, какъ и крестьянъ сосѣднихъ областей, легко было успокоить, сдѣлавъ имъ нѣкоторыя незначительныя уступки. Такъ, вѣроятно, и было сдѣлано, ибо эксплуататоры той мѣстности были до такой степени напуганы своимъ военнымъ пораженіемъ, что старались привлечь къ себѣ Дольчино, предлагая ему не только полное помилованіе, но также мѣсто кондотьера (предводителя наемнаго войска) города Верчелли. Но онъ съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе.

Отсюда можно заключить, что крестьяне добились уступокъ, которыхъ они хотѣли достигнуть своимъ возстаніемъ. Это не доказано, но лишь при этомъ предположеніи понятно, почему Дольчино оставался въ бездѣйствіи, и крестьяне начали отступаться отъ него, между тѣмъ какъ противники сбирались съ силами.

Коммунистическое движеніе осталось мѣстнымъ, но его противники знали, что оно имѣетъ не только мѣстное значеніе. Великая интернаціональная держава того времени — папство, вмѣшалась въ дѣло и организовала крестовый походъ противъ мятежниковъ.

[1]) „Сестры или жены были не менѣе мужчинъ пригодны и способны на такія геройства. Онѣ одѣвали мужскую одежду, становились въ ряды солдатъ и сражались такъ же смѣло и отчаянно, какъ и мужчины“. Мосгеймъ, l. c., стр. 283.

Тогда судьба ихъ была рѣшена. Не будучи въ силахъ удержаться въ долинѣ, они ушли въ горы, гдѣ продолжали партизанскую войну противъ крестоносцевъ. Блестящій военный талантъ Дольчино и геройство его товарищей совершали въ этой борьбѣ подвиги, достойные удивленія [1]). Нѣсколько разъ преслѣдуемымъ удалось побить своихъ враговъ въ открытомъ полѣ, еще чаще они причиняли имъ вредъ засадами и неожиданными нападеніями. Но, несмотря на это, желѣзное кольцо все крѣпче и крѣпче сжимало коммунистическихъ мечтателей, которые въ то же время мало-по-малу теряли всякую поддержку сельскаго населенія, начавшаго ненавидѣть ихъ за опустошенія и страданія, внесенныя въ страну войною.

Все-таки патарены (апостольскіе братья иногда назывались и патаренами) сумѣли оттянуть развязку до 1307 года и тогда уступили лишь благодаря нуждѣ и лишеніямъ. Крестоносное войско отказалось побѣдить ихъ оружіемъ и удовольствовалось тѣмъ, что выморило ихъ голодомъ (зимой 1306—7 года).

«Для этой цѣли сначала всѣ граждане и жители городовъ и мѣстечекъ, находившихся вблизи горы (на которой укрылись патарены; она называлась по однимъ источникамъ Монте Цебелло, по другимъ Монте Рубелло), должны были оставить свои жилища, чтобы еретики не могли взять изъ нихъ ни плѣнныхъ, ни средствъ къ жизни. Затѣмъ епископъ (Райнери Верчельскій, руководившій военными дѣйствіями) заставилъ людей, сбѣгавшихся ему на помощь со всѣхъ сторонъ, построить пять шанцевъ или укрѣпленій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ апостолы могли раньше и легче всего прорваться. Всѣ эти крѣпости имѣли значительные гарнизоны; всѣ дороги, проходы и тропинки, которые можно было розыскать, охранялись такъ строго, что не осталось ни одной дыры, черезъ которую можно было бы пронести на гору оружіе, провіантъ или что-либо другое» [2]).

Этимъ способомъ удалось, наконецъ, сломить силу бунтовщиковъ.

Что побѣда крестоносцевъ была возможна лишь благодаря голоду и всевозможнымъ лишеніямъ, на это намекаетъ и Дантъ въ своей «Божественной комедіи». Свое посѣщеніе ада онъ пріурочилъ къ 1300 году и потому не могъ говорить о возстаніи патареновъ, какъ о дѣлѣ минувшемъ. Въ одной изъ глубочайшихъ пропастей ада, гдѣ караются тѣ, кто вызывалъ на землѣ расколы и смуты, поэтъ встрѣтилъ Магомета, сказавшаго ему:

«Ты, который, можетъ быть, вскорѣ увидишь солнце, скажи Фра-Дольчино, чтобы онъ, если захочетъ послѣдовать сюда за мной,

«Запасся провіантомъ, потому что безъ голода и снѣга наварцу трудно будетъ его побѣдить».

(Дантъ, Божественная комедія, пѣснь XXVIII, 55—60, перев. Чуйко, изд. Губинскаго).

Дѣйствительно, зима даровала побѣду осаждающимъ «наварцамъ», побѣду, которую безъ нея не легко было бы одержать. Стужа и голодъ уменьшали число осажденныхъ, нужда дошла до того, что они питались мясомъ умершихъ отъ болѣзней и лишеній. «Апостолы были въ концѣ концовъ такъ истощены, что походили скорѣй на полусгнившіе трупы, чѣмъ на живыхъ людей» (Мосгеймъ).

---

[1]) Приведемъ только одинъ примѣръ: однажды 200 гражданъ города Триверо попытались напасть на толпу дольчинистовъ, занятыхъ грабежомъ, но были обращены въ бѣгство тридцатью женщинами. Кроне, l. c., стр. 80.

[2]) Мосгеймъ, l. c., стр. 287.

Дѣло ихъ было проиграно, но они не переставали сопротивляться. И страхъ осаждавшихъ солдатъ передъ этими смѣлыми борцами былъ такъ великъ, что они осмѣлились штурмовать осажденныхъ лишь послѣ того, какъ нѣкоторые перебѣжчики сообщили, что осажденные отъ слабости неспособны даже владѣть оружіемъ.

Штурмъ начался 26 марта 1307 года. «Это была бойня, а не бой». Осажденные отказывались просить пощады, они собрали свои послѣднія силы для отчаянной борьбы, но большинство было такъ слабо, что не могло даже стоять на ногахъ. Такимъ образомъ сопротивленіе ихъ было только предлогомъ для ужасной рѣзни. Изъ 1900 человѣкъ, продержавшихся до конца, почти всѣ были убиты, немногіе бѣжали и лишь нѣсколько человѣкъ было взято въ плѣнъ. Между послѣдними находились Дольчино и Маргарита. Епископъ велѣлъ щадить ихъ, ибо быстрая смерть на полѣ сраженія казалась ему слишкомъ слабой карой для нихъ.

Восторгъ всѣхъ сторонниковъ папства по поводу благополучнаго прекращенія пожара былъ великъ. На первый взглядъ возстаніе было чисто-мѣстнымъ, но папство лучше, чѣмъ крестьяне Вальзезіи, поняло его интернаціональное значеніе. Тотчасъ же послѣ взятія патаренскаго укрѣпленія епископъ Райнери послалъ нѣсколькихъ своихъ полковниковъ съ радостной вѣстью къ папѣ Клименту V, и послѣднему она показалась настолько важной, что онъ немедленно велѣлъ переписать полученныя извѣстія и послалъ ихъ изъ Пуатье, своей тогдашней резиденціи, французскому королю Филиппу Красивому и, вѣроятно, также другимъ государямъ.

Но зато одного торжества побѣдоносная церковь не могла добиться. Въ этомъ случаѣ она напрасно пыталась достигнуть того, что прежде ей удавалось такъ часто: именно принудить еретиковъ пыткою отказаться отъ своихъ лжеученій. «Дольчино и Маргарита стойко вынесли всѣ пытки, предназначенныя имъ жестокимъ судьею. Вѣрующая женщина не испустила ни одного крика боли, ни слова жалобы или злобы не сошло съ устъ ея твердаго товарища. Ни перебиваніемъ и выкручиваніемъ членовъ тѣла, ни разрываніемъ и уколами пыточными копьями и клещами, не удалось вырвать изъ стиснутыхъ устъ жалобы или отреченія» [1]).

Ихъ присудили къ обычной казни еретиковъ, къ смерти на кострѣ. Дольчино казнили 2 іюня 1307 года въ Верчелли. Маргариту осудили присутствовать при выполненіи казни; но и въ эту ужасную минуту героиня не поколебалась. «Еще разъ, и снова напрасно, обоимъ предложили отречься, а потомъ, чтобы увеличить мученія несчастнаго, наемники схватили Маргариту и, поставивъ ее на возвышеніе противъ костра Дольчино, во время агоніи послѣдняго, пытали ее и издѣвались надъ нею».

Маргариту сожгли позже, въ Біеллѣ. Какъ ни запуганъ былъ народъ кровавымъ избіеніемъ патанеровъ, все же мучительная казнь смѣлой и безкорыстной поборницы его интересовъ возбудила громкій протестъ. Народъ возсталъ, «и лишь силою оружія удалось помѣшать ему уничтожить судъ. Но дѣло не обошлось безъ того, чтобъ гнѣвъ народа не получилъ своей жертвы въ лицѣ одного нахала знатнаго рода, осмѣлившагося дать несчастной пощечину и почти разорваннаго на куски толпою».

---

[1]) Кроне, „Frá Dolcino“, стр. 91. Отсюда же взяты и нижеслѣдующія цитаты.

Такъ кончилось первое коммунистическое движеніе въ средневѣковомъ обществѣ. Оно по самому существу своему было осуждено на неудачу, ибо ходъ соціальнаго развитія въ то время направленъ былъ совсѣмъ въ другую сторону.

Но окончилось оно не безславно. Какъ ни старались побѣдители (всѣ свѣдѣнія о движеніи дошли до насъ черезъ нихъ) втоптать побѣжденныхъ въ грязь при помощи клеветы и передержекъ, все же имъ не удалось уничтожить память о самоотверженномъ героизмѣ послѣднихъ. Онъ сквозилъ даже въ ихъ тенденціозномъ изложеніи и принудилъ новѣйшихъ историковъ этого движенія признать его и восхищаться имъ, несмотря на то, что они съ сокрушеніемъ констатировали «невозможность отрицать, что коммунизмъ, а между прочимъ и общность женъ, входили въ планы Дольчино» (Krone).

Память о возстаніи крестьянъ и патареновъ противъ церковной и дворянской эксплуатаціи долго еще жила въ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ, особенно въ долинахъ Пьемонта, а также и во всей вообще Италіи. Еще въ 1372 году Григорій XI издалъ буллу противъ почитанія праха и мощей фратичелловъ и дольчинистовъ, которымъ въ Сициліи поклонялись какъ реликвіямъ. Сама секта также не вполнѣ исчезла. Въ южной Франціи у нея остались многочисленные послѣдователи, такъ что въ 1363 году церковный соборъ въ Латурѣ издалъ противъ нихъ особый законъ и велѣлъ ловить всюду, гдѣ бы ихъ ни нашли, и доставлять епископамъ для наказанія.

Но прежняго значенія секта уже не имѣла. Въ Италіи времена, благопріятствовавшія еретическому движенію, уже прошли. Интересы господствующихъ классовъ въ XIV вѣкѣ были слишкомъ тѣсно связаны съ сохраненіемъ папства, государственная власть господствующихъ классовъ въ Италіи была уже слишкомъ развита (при чемъ уже обнаруживались зародыши абсолютнаго полицейскаго государства), чтобы коммунистическое, еретическое движеніе низшихъ, слабѣйшихъ классовъ могло еще имѣть особенное значеніе.

А внѣ Италіи остатки секты апостольскихъ братьевъ скоро слились съ другими близкими сектами, главнымъ образомъ съ вальденсами и беггардами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Беггарды.

I. Возникновеніе секты беггардовъ.

Къ сѣверу отъ Альпъ лежала страна, гдѣ въ средніе вѣка прежде всего развились товарное производство и товарный обмѣнъ и вытекающія изъ нихъ соціальныя проблемы. То были Нидерланды или, выражаясь точнѣе, Фландрія и Брабантъ. Тамъ скрещивались различные торговые пути. Съ юга во фландрскіе порты приходили французы и особенно итальянцы съ продуктами изъ собственнаго отечества и съ востока, они приходили частію по Рейну черезъ Кельнъ, а позже преимущественно моремъ. Къ нимъ вскорѣ присоединились испанцы и португальцы. Съ запада приходили англичане, съ сѣвера купцы богатыхъ нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ, посредничавшіе въ торговлѣ востока и запада сѣверной Европы отъ Новгорода до Лондона и избравшіе главными своими

складочными мѣстами фландрскіе порты и особенно Брюгге (лежавшій тогда еще у моря).

Рука объ руку съ развитіемъ торговли шло развитіе промышленности. Нидерландскія степи и дюны благопріятствовали развитію овцеводства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрабатывающей шерсть промышленности. Развитіе торговаго обмѣна вызвало стремленіе расширить производство сверхъ потребностей мѣстнаго рынка, и торговля же принесла отличный сырой продуктъ, англійскую шерсть, лучшій изъ извѣстныхъ тогда сортовъ. Совпаденіе всѣхъ этихъ условій повело къ тому, что, какъ мы замѣтили уже выше, во Фландріи очень рано (въ XIII вѣкѣ) развился значительный экспортъ сукна, а это значитъ, что ткачи тамъ уже очень рано сдѣлались зависимыми отъ капитала, что ихъ ремесло превратилось въ капиталистическую промышленность.

Поэтому вовсе не случайно первая значительная коммунистическая секта къ сѣверу отъ Альпъ, беггарды, появилась именнно въ Нидерландахъ.

Возникновеніе ея, какъ и смыслъ названія секты, покрыты мракомъ неизвѣстности [1]).

Считается достовѣрнымъ, что уже въ XI вѣкѣ въ Нидерландахъ существовали общества благочестивыхъ женщинъ, носившія названіе бегинъ или бегуттъ. Но объ ихъ цѣляхъ намъ ничего неизвѣстно. Полагаютъ, что возникновеніе общества бегинъ было вызвано отчасти крестовыми походами, сильно уменьшившими мужское населеніе и создавшими значительный излишекъ женщинъ. Для многихъ бракъ сталъ недостижимъ, возникъ «женскій вопросъ», и «женскіе пріюты» бегинъ должны были доставить убѣжища незамужнимъ. Эти организаціи были удобнѣе монастырей въ томъ отношеніи, что онѣ являлись свободными союзами, изъ которыхъ по желанію можно было уйти.

Общества мужчинъ, начавшія возникать въ Нидерландахъ съ конца XII или начала XIII вѣка, имѣли организацію, сходную съ организаціей женскихъ обществъ.

Это были братства неженатыхъ ремесленниковъ, чаще всего ткачей [2]), соединившихся въ собственныхъ домахъ для веденія общаго коммунистическаго хозяйства, жившихъ своимъ трудомъ и занимавшихся, кромѣ того, добрыми дѣлами, особенно поддержкой бѣдныхъ и больныхъ. Для членовъ этихъ, какъ и всѣхъ подобныхъ обществъ, безбрачіе было обязательно.

Хорошее понятіе о бытѣ беггардовъ даетъ повѣствованіе нѣкоего Дамгудера, относящееся къ XIII вѣку и изображающее возникновеніе дома беггардовъ въ Брюгге. «Тридцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ онъ,—здѣсь было тринадцать

---

[1]) Основательнѣе всѣхъ другихъ намъ кажется предположеніе Мосгейма, производящаго слово беггарды отъ древне-саксонскаго beg—нищенствовать; беггарды, слѣдовательно, были бѣдняками, нищей братіей (Мосгеймъ „Ketzergeschichte“, стр. 378). Ихъ называли также лоллардами отъ lollen — пѣть, бормотать. Лолларды—похоронные пѣвчіе. Оба названія—прозвища, данныя народомъ. Сами беггарды называли себя просто братьями.

[2]) Кромѣ ткачей, самыми дѣятельными участниками беггардо-вальденскаго движенія въ Германіи считаютъ рабочихъ-строителей. Людвигъ Келлеръ въ своей книгѣ „Die Reformation und die älteren Reformparteien“ (Лейпцигъ 1885 г.) пытался доказать помощью цѣлаго ряда косвенныхъ доказательствъ, что главная роль въ этомъ движеніи принадлежитъ гильдіи свободныхъ каменщиковъ. Если бы ему удалось доказать это, то онъ сдѣлалъ бы чрезвычайно важное открытіе. Но прямыхъ подтвержденій своей гипотезы онъ не приводитъ, а его косвенныя доказательства вовсе не убѣдительны.

ткачей, людей неженатыхъ, усердно стремившихся къ благочестивой и братской жизни. Они нанимали у аббата Экгутена кусокъ земли съ большимъ удобнымъ домомъ близъ городской стѣны. Платили они за это ежегодно шесть фунтовъ грошей (libris grossorum) и опредѣленное количество воска и перца. Вскорѣ они начали заниматься тамъ своимъ ткацкимъ ремесломъ и жить общимъ хозяйствомъ, которое велось на счетъ выручки отъ общей работы (ex communibus laboribus simul convivere coeperunt). У нихъ не было строгихъ правилъ, ихъ не связывали никакіе обѣты, они только всѣ носили одинаковую одежду коричневаго цвѣта и составляли благочестивое общество, въ которомъ царствовала христіанская свобода и братство» [1]). Они называли себя «братьями-ткачами». Лишь въ 1450 году беггарды города Брюгге оставили занятіе ткацкимъ ремесломъ и примкнули къ францисканцамъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій

Въ другихъ мѣстахъ дома беггардовъ были устроены такъ же, какъ и въ Брюгге. Въ каждомъ изъ нихъ, насколько того требовало благо общества, господствовалъ коммунизмъ. Но, кромѣ того, каждый членъ могъ обладать извѣстною частною собственностью, заработанною, унаслѣдованною или полученною въ подарокъ. При жизни онъ могъ свободно распоряжаться ею, послѣ же смерти его она переходила въ собственность общества.

Такое коммунистическое общество далеко превосходило въ экономическомъ отношеніи работающаго отдѣльно ремесленника, не только потому, что коммунизмъ, какъ мы уже видѣли, нисколько не способствовалъ бездѣлью, но и потому, что общее, большое хозяйство было гораздо выгоднѣе раздробленныхъ, мелкихъ хозяйствъ отдѣльныхъ ремесленниковъ. Къ этому присоединилось еще безбрачіе и безсемейность беггардовъ. Неудивительно, что эти рабочія ассоціаціи могли составить сильную конкуренцію цеховымъ ткацкимъ мастерамъ и потому не были любимы ими. Мосгеймъ говоритъ, что въ Гентѣ и въ другихъ городахъ городскія власти часто принуждены были «умѣрять прилежаніе беггардовъ», по настоянію ткацкихъ цеховъ, и возстановлять миръ въ городѣ посредствомъ соглашеній между беггардами и цехами [2]).

Но въ массѣ неимущихъ беггарды пользовались большою симпатіею, ибо весь излишекъ, остававшійся отъ ихъ труда, послѣ сравнительно небольшихъ затратъ на свое содержаніе, они употребляли на поддержку больныхъ и бѣдныхъ и на широкое гостепріимство. Еще Бонифацій IX хвалилъ ихъ въ одной буллѣ за то, «что они принимаютъ въ свои дома бѣдныхъ и несчастныхъ людей и по мѣрѣ возможности творятъ также другія дѣла любви» [3]).

Подобное же коммунистическое товарищество представляло «братство совмѣстной жизни», появившееся также въ Нидерландахъ, но лишь въ концѣ XIV вѣка. Оно было основано Гергардомъ Гроотъ форъ-Девентеромъ. Учрежденіе это было создано не ремесленниками, но представителями высшихъ классовъ, желавшими помочь нуждающемуся населенію. Своимъ характеромъ оно рѣзко отличалось отъ обществъ беггардовъ. Послѣдніе были въ большинствѣ случаевъ ткачи, а братья совмѣстной жизни зарабатывали себѣ средства къ жизни, главнымъ образомъ, перепискою книгъ. Между тѣмъ какъ беггарды употребляли

[1]) Цитировано у И. Л. фонъ-Мосгейма „De Beghardis et Beguinabus commentarius“, Лейпцигъ, 1790 г., стр. 177.

[2]) L. c., стр. 182.

[3]) Мосгеймъ, l. c., стр. 653.

свои излишки на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ бѣдняковъ, братья совмѣстной жизни обратили вниманіе, главнымъ образомъ, на духовныя нужды и посвятили себя просвѣщенію народа. Они содѣйствовали этому отчасти раздачею книгъ, въ которыхъ до изобрѣтенія книгопечатанія чувствовался большой недостатокъ, въ особенности же устройствомъ школъ. Въ этой области они сдѣлали очень много. «Иногда братскій домъ вліялъ даже на все населеніе города въ смыслѣ общаго повышенія культурности. Такимъ образомъ, напр. въ Амерсфордѣ, въ срединѣ XVI вѣка знаніе латыни сдѣлалось до того обычнымъ, что самые мелкіе ремесленники понимали и говорили по-латыни. Болѣе образованные купцы знали греческій языкъ, дѣвушки пѣли латинскія пѣсни, и на улицахъ повсюду слышалась хорошая латынь» [1]).

Возможно, что авторъ преувеличиваетъ значеніе обществъ, но во всякомъ случаѣ эти слова показываютъ направленіе дѣятельности братьевъ.

Организація ихъ была коммунистическая. Братство «было крѣпко сплоченнымъ но свободнымъ товариществомъ... Вступленіе въ корпорацію не ознаменовывалось связывающимъ на всю жизнь обѣтомъ, и у братьевъ не было строгихъ, опредѣляющихъ мельчайшія подробности предписаній, какъ у монаховъ... Обыкновенно устройство братскаго дома было таково: около двадцати братьевъ жили совмѣстно въ одномъ домѣ, имѣя общую кассу и столъ.. Поступленію въ братство предшествовалъ годъ испытанія, въ теченіе котораго съ новичками обращались очень строго. Отъ каждаго вступающаго ожидалось, что онъ отдастъ свое имущество въ общее пользованіе». Флоренціусъ (другъ и ученикъ Гердгарда) говоритъ въ своихъ афоризмахъ: «Горе тому, кто, живя въ общинѣ, ищетъ своего и говоритъ о чемъ-нибудь — мое». Дѣятельность братьевъ была разумно распредѣлена между отдѣльными лицами. Отдѣльныя ремесла, занятіе коими должно было служить всѣмъ, поручались особымъ лицамъ. Въ статутахъ братскихъ домовъ въ Везелѣ заключаются уставы для братьевъ портныхъ, цирюльниковъ, пекарей, поваровъ, погребщиковъ, также какъ и для брата учителя и писца, брата переплетчика, библіотекаря и чтеца... Несмотря на такое распредѣленіе труда, происходило и извѣстное уравненіе его. Духовные и ученые изъ братьевъ, насколько это было возможно, занимались ручнымъ трудомъ (кухнею завѣдывали всѣ по очереди), служащіе же принимали участіе почти во всемъ, что приходилось на долю клириковъ, такъ что въ общемъ они напоминали семью, живущую взаимною помощью. Главнымъ объединяющимъ дѣломъ была переписка книгъ. Для писанія ежедневно были назначены опредѣленные часы, причемъ нѣсколько часовъ употреблялось на писаніе въ пользу бѣдныхъ» [2]).

Иниціаторами коммунистическаго, оппозиціоннаго движенія братья совмѣстной жизни, однако, никогда не сдѣлались,—быть можетъ, вслѣдствіе своей связи съ имущими и образованными классами. Они всегда оставались вѣрными папистами. Бури реформаціи XVI вѣка положили конецъ ихъ мирной дѣятельности.

Иное дѣло беггарды. Сначала, конечно, ихъ секта также носила очень безвредный характеръ и заслужила похвалу отъ многихъ папъ. Она вовсе не шла противъ существующаго общества и его авторитетовъ. Но постепенно внутри ея стали развиваться революціонные элементы.

---

[1]) Ульманъ, „Reformatoren vor der Reformation“, II, стр. 111.
[2]) Ульманъ, l. c., стр. 97—102.

Беггарды не представляли изъ себя привилегированнаго класса, какъ монашескіе ордена, они не требовали и не получали отъ папства привилегій, они оставались независимыми и не были связаны съ нимъ никакими интересами. Они никогда не поднимались выше неимущихъ и оставались съ ними въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи, ибо не имѣли никакихъ опредѣленныхъ правилъ, никакихъ пожизненныхъ обѣтовъ. Всякій членъ по желанію могъ выйти изъ общества и жениться, не дѣлаясь вслѣдствіе этого его врагомъ.

Въ этомъ отношеніи беггарды ближе всего подходятъ къ терціаріямъ францисканцевъ, съ которыми они дѣйствительно иногда сливались.

Но если ужъ признанные и привилегированные папою францисканцы или хотя бы только часть ихъ вступили съ папою въ споръ, то это было еще неизбѣжнѣе для беггардовъ, пролетарскія тенденціи которыхъ сами по себѣ противорѣчили богатству и эксплуататорскому характеру церкви. Какъ бы оно ни было благочестиво и смиренно, папству казалось опаснымъ всякое подобное движеніе, какъ только оно принимало большое распространеніе, а это случилось съ беггардами въ XIII вѣкѣ. Послѣдователи ихъ съ чрезвычайной быстротой распространились по всей Германіи, Франціи и Англіи. Быть можетъ, этому очень содѣйствовалъ спросъ на фламандскихъ ткачей, которыхъ въ этомъ столѣтіи многіе города старались привлечь къ себѣ, чтобы улучшить свою шерстяную промышленность. Они проникли до Вѣны, Тюрингена, Бранденбурга и Силезіи на востокѣ и до Англіи на западѣ.

Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ путешествій. Сходныя условія жизни сами собой создаютъ сходные результаты. Ткачи полотна и хлопчатой бумаги и сами проявили очень сходныя съ беггардскими тенденціи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ отрасль промышленности сдѣлалась вывозною [1]).

Быстрое распространеніе беггардовъ должно было развить ихъ самосознаніе. Но оно способствовало также образованію среди нихъ различныхъ направленій, ибо одно и то же ученіе, однѣ и тѣ же идеи были перенесены въ разнообразнѣйшія условія, къ которымъ имъ пришлось приспособляться различнѣйшими способами. Между тѣмъ какъ часть беггардовъ оставалась смиренной, нищенствующей братіей, совершенно умершей для суеты внѣшняго міра, у другой части ихъ стали возникать болѣе смѣлыя мысли. Проснулось желаніе противодѣйствовать несправедливостямъ существующаго общества, не уходя изъ него, а, напротивъ, проникая въ самое сердце его и побуждая уничтожить эти несправедливости. Изъ домовъ беггардовъ вышли многочисленные агитаторы—«апостолы», переходившіе подобно «барбамъ» вальденсовъ съ мѣста на мѣсто, возвѣщая евангеліе древняго христіанства и основывая общины. Кромѣ явныхъ домовъ беггардовъ, Германія (тогда Нидерланды тоже еще входили въ ея составъ) стала покрываться сѣтью тайныхъ обществъ съ болѣе радикальными тенденціями. Общества эти не ставили своей цѣлью подготовленіе насильственнаго переворота, а только пропаганду, но все-таки власти, особенно же папская церковь, смотрѣли на нихъ очень косо и ревниво выслѣживали и преслѣдовали ихъ.

Уже въ 1299 году соборъ въ Безьерѣ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они

[1]) Статутъ ульмскихъ ткацкихъ подмастерьевъ 1404 года напоминаетъ „своимъ строго религіознымъ, почти аскетическимъ направленіемъ братства беггардовъ въ Нидерландахъ, состоявшія преимущественно изъ ткачей сукна“. (Гильдебрандъ, „Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie“, Hildebrand's Jahrbücher, 1866 г., стр. 110).

возбуждаютъ въ народѣ хиліастическія надежды на близкій конецъ міра, т.-е. существующаго общества, а на Рейнѣ въ то же время беггардовъ сжигали, какъ еретиковъ.

Преслѣдованіе, однако, имѣло лишь частичный успѣхъ. Правда, болѣе умѣренная и боязливая фракція беггардовъ была запугана, и дома беггардовъ, принадлежавшихъ къ этому направленію, старались защититься отъ преслѣдованій, вставъ подъ покровительство какого-нибудь изъ существующихъ могущественныхъ монашескихъ орденовъ или прямо примыкая къ нимъ. Этимъ обстоятельствомъ больше всѣхъ воспользовались Францисканцы; у нихъ замѣчалось сходство съ ханжескою частью беггардовъ, и они пріобрѣли цѣлый рядъ домовъ ихъ [1]).

Новые дома беггардовъ основывались послѣ XIII вѣка лишь изрѣдка.

Но болѣе энергичная часть беггардовъ вынуждена была преслѣдованіями къ еще большей таинственности и къ болѣе рѣшительной оппозиціи. Процессу этому способствовали французскіе и итальянскіе эмигранты, которые со времени альбигойскихъ войнъ охотно шли въ Германію, гдѣ государственная власть была не такъ сильна и не такъ заинтересована въ поддержкѣ папства, какъ во Франціи или въ итальянскихъ государствахъ, и гдѣ поэтому легче было найти убѣжище въ городѣ или въ помѣстьяхъ землевладѣльцевъ; новые работники нерѣдко оказывались для нихъ очень кстати.

Изъ южной Франціи и Италіи шли вальденсы и апостольскіе братья.

Изъ сѣверной Франціи приходили братья и сестры свободнаго духа.

Изъ Фландріи суконная промышленность, какъ промышленность вывозная, быстро распространилась на сосѣднія страны, бывшія съ нею въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, именно на нижнерейнскую область, сѣверную Францію и особенно Шампань, гдѣ она процвѣтала въ XIII вѣкѣ. Въ XIV вѣкѣ суконная промышленность пришла въ значительный упадокъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе англо-французскихъ войнъ, закрывшихъ торговые пути и отрѣзавшихъ подвозъ сырья.

Вмѣстѣ съ раннимъ развитіемъ шерстяной промышленности мы уже очень рано находимъ тамъ братства ткачей съ коммунистическими тенденціями (или, по крайней мѣрѣ, древне-христіанскими, что у пролетаріевъ выходитъ на одно), апостоликовъ (не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ итальянскими апостольскими братьями), поставившихъ себѣ цѣлью возстановить образъ жизни апостоловъ. «Они были уже извѣстны въ XII вѣкѣ, во времена св. Бернгарда, рѣзко опровергавшаго ихъ ученіе въ двухъ своихъ рѣчахъ о Пѣснѣ Пѣсней Соломона... Апостолики жили главнымъ образомъ во Франціи... Они работали и пріобрѣтали себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Это были ремесленники, преимущественно ткачи, какъ мы знаемъ со словъ св. Бернгарда, который хоть и порицаетъ ихъ довольно рѣзко, но ставитъ имъ въ заслугу ихъ прилежаніе» [2]).

Однако, въ XII вѣкѣ сѣверная Франція не представляла еще для подобныхъ сектъ такой удобной почвы, какъ южная или Фландрія. Апостолики никогда не достигали такого значенія, какъ вальденсы или беггарды. Большое вліяніе пріобрѣли братья и сестры свободнаго духа, появившіеся въ XIII вѣкѣ.

[1]) Въ Антверпенѣ тамошній домъ беггардовъ перешелъ уже въ 1290 году къ францисканцамъ. Въ XV вѣкѣ онъ былъ превращенъ въ настоящій мужской монастырь.

[2]) Мосгеймъ, „Ketzergeschichte“, стр. 380.

Эту секту основалъ Амальрихъ Бенскій (род. въ Бенѣ въ округѣ Шартръ во Франціи), бывшій около 1200 г. магистромъ теологіи въ Парижѣ. Обвиненный въ лжеученіяхъ, онъ былъ вызванъ въ 1204 г. въ Римъ папою Иннокентіемъ III, принудившимъ его отказаться отъ своего ученія. Предполагалось, что такимъ образомъ и самое ученіе можно сдѣлать безвреднымъ. Но послѣ смерти Амальриха (1206 г.) обнаружилось, что у него остались многочисленные послѣдователи. Замѣчательнѣйшимъ его ученикомъ былъ Давидъ Динанскій (Динанъ близъ Намюра въ Бельгіи). Въ 1206 г. парижскій соборъ предалъ ученіе Амальриха проклятію, и съ тѣхъ поръ начались усердныя преслѣдованія амальриканъ.

Амальрикане представляютъ самую смѣлую и радикальную секту того времени. Они требовали не только коммунизма имущества, но и общности женъ; они осуждали всякое неравенство, а, слѣдовательно, всякую власть. Они объявили, наконецъ, что Богъ это все и находится вездѣ [1]), слѣдовательно, и въ человѣкѣ, что человѣческая воля—воля Бога, что поэтому всякія обязанности, налагаемыя на людей, предосудительны, что всякій въ правѣ и даже долженъ повиноваться своимъ желаніямъ. Если отнять у этого пантеистическаго ученія его мистическую оболочку, то оно является чѣмъ-то вродѣ коммунистическаго анархизма, ученія, которое должно было очень сильно привлекать измученныхъ и угнетенныхъ пролетаріевъ.

И, дѣйствительно, изъ Парижа оно быстро распространилось по восточной Франціи и Германіи. Большая часть беггардовъ приняла это ученіе. Къ концу XIII вѣка оно было уже такъ распространено среди рейнскихъ беггардовъ, что понятія «братьевъ и сестеръ свободнаго духа» и «беггардовъ» сдѣлались тамъ почти идентичными.

Понятіе «беггардовъ» мало-по-малу становилось все шире и шире. Чѣмъ болѣе распространялось то направленіе этого ученія, которое ставило на первый планъ борьбу съ папствомъ, тѣмъ болѣе у него оказывалось точекъ соприкосновенія съ буржуазной и крестьянской демократической оппозиціей, направленной также противъ существующаго порядка, и видѣвшей въ папствѣ самаго главнаго и опаснаго врага. Оба эти направленія тѣмъ легче могли слиться, что они опирались на одни и тѣ же аргументы, заимствованные у древнаго христіанства, и что ни мистическій туманъ, окутавшій ученіе этихъ сектъ, ни намѣренная таинственность, придаваемая имъ агитаторами во избѣжаніе преслѣдованій [2]),

[1]) „Нельзя выразить этого сильнѣе, чѣмъ сдѣлали арестованные около 1339 г. въ констанцкомъ епископствѣ беггарды, учившіе по Іоанну Винтертурскому: Величіе благости Божіей проявляется во вши, такъ же какъ и въ человѣкѣ". (Ульманъ „Reformatoren", II, стр. 20).

[2]) Тяжелая школа „таинственности" постепенно выработала у „апостоловъ" удивительную ловкость въ скрываньи своихъ цѣлей. Уже въ XIII вѣкѣ Давидъ Аугсбургскій упрекаетъ „еретиковъ" главнымъ образомъ въ томъ, что они очень „хитро" умѣютъ изворачиваться на словахъ, а о нѣкоемъ вальденскомъ апостолѣ XIV вѣка въ одномъ старомъ сочиненіи говорится буквально слѣдующее: „Онъ былъ чрезвычайно остроуменъ и умѣлъ окрашивать и затуманивать свои лжеученія словами"... У „мистиковъ" символистика играетъ очень выдающуюся роль. Мнѣнія, совѣты и ученія, которыхъ они изъ страха передъ инквизиціей не могли называть ихъ настоящимъ именемъ, обозначались обыкновенно какимъ-то языкомъ знаковъ, извѣстнымъ однимъ только „братьямъ". Шнаазе справедливо указываетъ на то, что они, повидимому, намѣренно давали своимъ ученіямъ аллегорическую форму". (Л. Келлеръ, „Die Reformation", стр. 184, 219).

не могли способствовать ясности ихъ принциповъ. Такъ въ XIV вѣкѣ въ Германіи всѣ вообще еретики назывались беггардами. Въ Англіи, гдѣ беггардовъ называли лоллардами, послѣднее названіе получило такое же употребленіе.

Поэтому, если говорятъ, что въ первой половинѣ XIV вѣка въ Германіи, а позже и въ Англіи баггарды или лолларды кишмя кишѣли, то не слѣдуетъ думать, что коммунистическое движеніе было такъ сильно, какъ можно было бы ожидать, въ виду распространенности этихъ сектъ; но во всякомъ случаѣ оно не могло быть незначительнымъ.

II. Людовикъ Баварскій и папа.

Хорошее время для беггардовъ, да и вообще для всѣхъ еретическихъ движеній наступило въ Германіи, когда произошелъ конфликтъ между императоромъ Людовикомъ IV Баварскимъ (1314—47 г.) и папой. Мы должны разсмотрѣть этотъ конфликтъ поближе.

Историки націоналъ-либеральнаго лагеря, особенно въ популярныхъ сочиненіяхъ, любятъ разсматривать всякое столкновеніе между императоромъ и папой, какъ «культурную борьбу»,—борьбу между высшей культурой германской имперіи и мрачнымъ варварствомъ папства, независимо отъ времени, когда разыгрывалась эта борба—въ X или въ XIX вѣкѣ.

Въ дѣйствительности же не всѣ, даже средневѣковыя, столкновенія между императоромъ и папствомъ носили одинаковый характеръ. Отъ Оттоновъ до Гогенштауфеновъ борьба въ сущности происходила изъ-за того, кому повелѣвать и пользоваться могучей организаціей церкви, кому быть повелителемъ и владѣтелемъ верхней Италіи. Послѣдній вопросъ разрѣшился тѣмъ, что города верхней Италіи освободили себя отъ всякой опеки и образовали самостоятельныя государства. Борьба изъ-за власти надъ церковью, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, кончилась побѣдой высшей культуры, — итальянскаго папства, надъ варварствомъ, — германской императорской властью. Жадность императоровъ къ богатствамъ Италіи повела лишь къ тому, что они раздробили свои силы, и что вмѣстѣ съ побѣдой папства надъ императоромъ могли праздновать побѣду и германскіе территоріальные владѣтели. Возникновеніе товарнаго производства и обмѣна повсюду способствовало возникновенію княжескаго абсолютизма; но въ Германіи оно повело не къ усиленію центральной власти, которая, напротивъ, послѣ гибели Гогенштауфеновъ замѣтно слабѣла, но къ возвышенію имперскихъ князей, превратившихся въ самодержавныхъ повелителей, признававшихъ германскаго императора лишь чѣмъ-то въ родѣ президента союза.

Иначе обстояли дѣла въ сосѣдней Франціи. Тамъ съ XIII вѣка могущество короля постоянно возрастало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ династія завладѣла богатой южной Франціей (сравн. стр. 131). Въ то же самое время, когда вѣковая борьба германскихъ императоровъ съ папствомъ кончилась побѣдой послѣдняго, французскіе короли достигли такого могущества, что безъ труда сдѣлали то, чего напрасно добивались германскіе императоры: папъ они сдѣлали своимъ орудіемъ, церковь—своею рабою. Бонифацій VIII, съ которымъ мы познакомились въ исторіи Дольчино, погибъ при попыткѣ избавиться отъ подчиненія Филиппу IV французскому (1303 г.). Чтобы положить конецъ всякимъ стремленіямъ папъ

къ независимости, Филиппъ заставилъ второго преемника Бонифація, избраннаго въ 1305 г., Климента V, француза, покинуть Римъ и переселиться въ южную Францію; послѣ долгихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто онъ поселился наконецъ въ Авиньонѣ (1308 г.), остававшемся въ теченіе цѣлаго столѣтія резиденціей папъ.

Тогда папская власть сдѣлалась вполнѣ зависимой отъ Франціи. Уже при своемъ избраніи Климентъ долженъ былъ дать Филиппу IV цѣлый рядъ важныхъ обѣщаній—и Филиппъ позаботился объ ихъ выполненіи. Сейчасъ же послѣ своего вступленія на папскій престолъ, Климентъ предоставилъ Филиппу десятую часть всего церковнаго имущества во Франціи. Но наибольшее значеніе имѣло упраздненіе чрезвычайно богатаго ордена тампліеровъ, мѣстопребываніемъ которыхъ служила южная Франція и сокровища которыхъ давно уже прельщали Филиппа [1]). Какъ ни изворачивался, какъ ни старался Климентъ, онъ ничего не могъ подѣлать.

Онъ долженъ былъ осудить и упразднить орденъ послѣ скандальнаго процесса, возбужденнаго противъ него якобы за нерелигіозность и безнравствен-

---

[1]) Какъ и всѣ другіе ордена, тампліеры занимались не только одними подвигами благочестія, но умѣли также отлично обдѣлывать и другія дѣла. „Слава о военной доблести тампліеровъ,—говоритъ Прутцъ,—была неоспорима, но не менѣе громко было и порицаніе себялюбивой политики ордена, всегда ставившаго свои интересы впереди интересовъ всего христіанства. При этомъ указывали, главнымъ образомъ, на странныя отношенія ордена къ невѣрнымъ,—онъ старался увеличить свое богатство даже на счетъ христіанскихъ богачей и князей; рано уже начали обвинять его въ жадности къ деньгамъ. Онъ имѣлъ огромныя финансовыя средства и въ концѣ концовъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ финансовой великой державы. Въ моментъ его упраздненія, недвижимыя имѣнія его оцѣнивались въ 25—62 милліона франковъ, притомъ ежегодно орденъ получалъ не менѣе двухъ милліоновъ въ видѣ ренты, десятины, процентовъ и проч.,—сумма, на наши деньги въ двадцать пять разъ большая. Это сказочное богатство дѣйствительно мало соотвѣтствуетъ опредѣленной статутами бѣдности „бѣдныхъ братьевъ храма“, тѣмъ болѣе, что лишь незначительная часть этого богатства употреблялась для цѣлей, соотвѣтствующихъ назначенію ордена, и для пользы святой земли. Притомъ орденъ занимался не только мореходствомъ, но также крупными торговыми дѣлами. На своихъ галерахъ орденъ отвозилъ и привозилъ ежегодно изъ Палестины тысячи богомольцевъ, а привилегія безпошлиннаго ввоза произведеній запада для собственнаго потребленія давала ему возможность производить выгодныя спекуляціи въ крупныхъ размѣрахъ. Будучи главнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ востока и запада, орденъ достигъ первенствующаго значенія для всего денежнаго обмѣна. Папы посылали назначенныя для святой земли деньги на крѣпкихъ и быстрыхъ корабляхъ ордена въ Палестину, тамъ онѣ хранились въ сокровищницѣ ордена и ими завѣдывали чиновники ордена. Въ другихъ денежныхъ дѣлахъ орденъ также часто являлся посредникомъ. Его главный домъ въ Парижѣ, Тампль, сдѣлался настоящей интернаціональной биржей, къ которой обращались съ порученіями далекіе другъ отъ друга дѣльцы; даже князья это дѣлали: французскіе короли отдали имъ на храненіе свою казну, въ Тамплѣ они совершали и принимали свои платежи. Конечно, орденъ не дѣлалъ всего этого изъ одной любви къ ближнему, безъ всякой выгоды для самого себя. Будучи военной организаціей и землевладѣльцемъ, съ которыми никто не могъ конкурировать, орденъ такимъ путемъ сдѣлался еще и финансовой державой. Короли старались заслужить его расположеніе и дѣлались его должниками; именно Филиппу IV пришлось испытать на себѣ это могущество ордена“. (Г. Прутцъ, „Staatengeschichte des Abendlandes im Mittelalter“, Берлинъ, 1887 г., II, стр. 49, 50). Храмъ христіанпѣйшихъ изъ всѣхъ христіанско-германскихъ рыцарей — торговая биржа! Этотъ фактъ для антисемитовъ еще непріятнѣе придуманнаго Лессингомъ тампліера, подружившагося съ „жидомъ“ Натаномъ.

ность. То, чего въ другихъ странахъ князья добивались лишь путемъ отреченія отъ папства, именно конфискація церковнаго имущества, во Франціи сдѣлано было самимъ папою. Неудивительно, что французскіе короли оставались добрыми католиками и папистами и усердно преслѣдовали всякую ересь.

Во внѣшней политикѣ папы также должны были услуживать французскимъ королямъ, бывшимъ въ постоянной враждѣ съ Англіей и старавшимся увеличить свое государство на счетъ Германіи. Поэтому они принуждали папъ къ раздорамъ съ англійскими королями и германскими императорами.

Впрочемъ, особеннаго принужденія для этого даже и не требовалось. Съ тѣхъ поръ, какъ папы подпали подъ власть французскихъ королей, они потеряли во Франціи лучшую часть доходовъ. Благодаря же ихъ отсутствію изъ Рима доходы изъ церковной области становились все неопредѣленнѣе, а иногда ихъ и совсѣмъ не было. Между тѣмъ при папскомъ дворѣ, какъ и при всякомъ дворѣ того времени, вмѣстѣ съ развитіемъ торговли и промышленности возрастала роскошь, потребность въ деньгахъ и жадность къ нимъ. Чѣмъ меньше можно было брать отъ Франціи и Италіи, а вскорѣ также и отъ Испаніи, тѣмъ больше приходилось выжимать изъ сѣверныхъ странъ. Въ Авиньонѣ папы придумали ту систему фискальной эксплуатаціи германской церкви, которая повела наконецъ къ отпаденію Германіи отъ Рима, къ реформаціи [1]). Германіи, въ

[1]) Цитированное выше сочиненіе Ганса Прутца содержитъ также наглядное описаніе папскихъ финансовыхъ методовъ: „Финансовое искусство папской куріи уже очень рано достигло высокаго развитія, и пошлины и налоги, сообразно многочисленнымъ ступенямъ духовнаго званія и безконечному разнообразію дѣлъ, были приведены въ хорошо обдуманную систему, не пропускавшую ни одного случая воспользоваться выгодами на основаніи какого либо хотя бы призрачнаго права. Если и прежде уже жаловались на это, то зло перешло всякую мѣру, когда папство было лишено доходовъ, приносимыхъ ему городомъ Римомъ и церковной областью, въ то же самое время какъ приливъ ищущихъ счастья авантюристовъ къ авиньонской куріи и распущенная жизнь въ веселомъ Провансѣ значительно увеличили потребность въ денежныхъ средствахъ. Подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій финансовое искусство куріи достигло прямо таки поразительнаго совершенства въ изысканіи средствъ вдвое и втрое возмѣстить съ одной стороны то, что было потеряно съ другой. Церковь и курія стремились вознаградить себя, главнымъ образомъ, при замѣщеніи богато оплачиваемыхъ церковныхъ должностей; брали не только высшія должностныя лица, но и цѣлая армія низшихъ, нотаріусовъ, канцеляристовъ, писцовъ и т. д., черезъ липкія руки которыхъ шли документы, относящіеся къ замѣщенію высшихъ церковныхъ должностей, прежде чѣмъ они доходили до призваннаго на этотъ постъ или его довѣреннаго. Возвыситься до сана аббата, епископа или архіепископа — это стоило заинтересованному лицу прежде всего большихъ денежныхъ жертвъ, не говоря уже о тратахъ для достиженія цѣли на ублаготвореніе различныхъ вліятельныхъ сановниковъ. Разумѣется, всякій старался потомъ вознаградить себя за принесенныя жертвы, примѣняя къ своимъ подчиненнымъ систему таксъ и налоговъ, подобную той, какую примѣняли къ нему. Такимъ же образомъ поступали по порядку и дальше, и стоящіе ниже должны были не только возмѣщать изъ своихъ ограниченныхъ средствъ расходы начальства, но и вознаграждать его, давая соотвѣтственный барышъ. Значительную роль въ доходахъ куріи играли конфирмаціонныя пошлины, т.-е. налогъ, который вступившіе въ должность церковные сановники должны были платить за свое утвержденіе въ должности папою. Уже въ концѣ XIII вѣка этихъ пошлинъ за епископство бриксенское приходилось платить 4.000 золотыхъ гульденовъ, не считая 200 золотыхъ гульденовъ, данныхъ на чай папскимъ чиновникамъ. Впослѣдствіи таксы были значительно повышены: за епископства трирское, майнцское и зальцбургское полагалась конфирмаціонная пошлина 10.000 золотыхъ гульденовъ за каждое, за руанское даже 12.000. Епископство лангрское цѣнилось въ 9.000,

которой центральная власть въ XIV вѣкѣ была очень слаба, папы могли навязать что угодно. Требованія, которыя папы подъ различнѣйшими предлогами ставили епископамъ и монастырямъ Германіи, становились все больше, и вмѣстѣ съ тѣмъ методы прямой эксплуатаціи, напр., чрезъ торговлю отпущеніями, и репрессаліи, особенно при помощи отлученія, дѣлались все нахальнѣе.

«Благодаря непрестаннымъ требованіямъ папъ, — говоритъ одинъ вѣрный католикъ,—благодаря дорого стоющимъ поѣздкамъ въ Римъ и вѣчнымъ войнамъ, почти всѣ германскіе монастыри очень задолжали (въ XIV и XV вв.) и принуждены были платить итальянскимъ банкирамъ огромнѣйшіе ростовщическіе проценты. Эти банкиры въ Сіенѣ, Римѣ и Флоренціи пользовались папскимъ авторитетомъ для эксплуатаціи германской церкви. Если какой-нибудь епископъ не желалъ платить въ срокъ, то они умѣли доставать папскіе указы, заставлявшіе епископовъ платить эти проценты подъ угрозой экскоммуникаціи и лишенія сана». (Рацингеръ, «Geschichte der kirchlichen Armenpflege», стр. 304 и слѣд.).

Но папы не довольствовались этимъ; Іоаннъ XXII, наслѣдовавшій въ 1316 году Клименту V, объявилъ, что послѣ смерти императора власть его переходитъ къ папѣ, что, слѣдовательно, папа, рабъ Франціи, дѣлается верховнымъ повелителемъ Германіи. Этого императоръ, если только онъ желалъ оставаться императоромъ, не могъ допустить. Людовикъ началъ борьбу неохотно и нерѣшительно. Это былъ совсѣмъ иной споръ, чѣмъ тотъ, который еще Гогенштауфены вели съ папами. Дѣло шло уже не объ эксплуатаціи Италіи и владѣніи ею, но о Германіи. Не о томъ, кому быть повелителемъ церкви, но о томъ, долженъ ли духовный владыка быть также и владыкой свѣтскихъ государей. По отношенію къ Германіи папство перешло въ наступленіе, и, между

камбрайское въ 6.000, тулузское и севильское въ 5.000 золотыхъ гульденовъ и даже за такое бѣдное епископство, какъ миденское, платили 500 золотыхъ гульденовъ. Конфирмаціонная пошлина за различныя аббатства взималась также сообразно богатству ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у папы Іоанна XXII явилась счастливая мысль причислить всѣ духовныя должности, освобождавшіяся черезъ повышеніе прежняго ихъ замѣстителя, къ папскимъ привилегіямъ, такъ что ихъ замѣщеніе зависѣло прямо отъ папы и, такимъ образомъ, достигалась возможность всегда произвести цѣлый рядъ повышеній,—съ тѣхъ поръ конфирмаціонныя пошлины сдѣлались однимъ изъ богатѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ источниковъ дохода куріи. Въ связи съ этимъ стояло огромное возрастаніе доходовъ отъ аннатовъ, т.-е. первыхъ годовыхъ доходовъ, которые каждый новый епископъ долженъ былъ предоставлять куріи. Затѣмъ сюда же относятся „fructus medii temporis“: пока церковная должность оставалась незамѣщенной, доходы съ нея приходились на долю куріи, которая, слѣдовательно, замедливъ замѣщеніемъ, могла значительно повысить свои доходы. Право споліаціи, по которому движимое имущество епископа послѣ его смерти переходило къ куріи, примѣнялось постоянно. Особенно доходны были комменды, т.-е. допущеніе къ кандидатурѣ на должности несовершеннолѣтнихъ, не могущихъ еще вступить на нихъ, а также экспектанціи, т.-е. обѣщаніе еще занятаго мѣста. Къ этому слѣдуетъ прибавить доходы отъ уній и инкорпорацій, т.-е. разрѣшеніе соединять нѣсколько должностей въ однѣхъ рукахъ, и наконецъ успѣшная торговля индульгенціями и диспенсіями различнѣйшаго рода, производившаяся по таксѣ, доходившей до мельчайшихъ подробностей.

„При помощи этой финансовой системы курія взимала съ богатыхъ доходами крупныхъ сановниковъ огромныя суммы, которыя эти лица съ выгодою сваливали на стоящихъ ниже, пока они не переносились, наконецъ, на беззащитную мелкую сошку“. (L. c., II, стр. 330 и слѣд.).

тѣмъ какъ монархическая власть повсюду сильно зашевелилась и начала подчинять себѣ церковь, германская императорская власть должна была бороться за свою независимость отъ папы. Эта борьба шла параллельно другой. Князья начали дѣлаться самодержавными повелителями и старались ослабить власть императора. Зато элементы, которымъ возвышеніе князей почему-либо угрожало, и прежде всего вольные города, видѣли въ императорской власти своего лучшаго союзника. Они были также самыми сильными и вѣрными союзниками императоровъ въ борьбѣ противъ папства. Напротивъ, высшее дворянство въ большинствѣ случаевъ было расположено къ папамъ. Иногда, впрочемъ, нахальство послѣднихъ бывало настолько велико, что даже князья возставали противъ нихъ. Но въ общемъ они все-таки считали императора своимъ главнымъ врагомъ и помогали папѣ въ его стремленіи ослабить могущество императоровъ.

Папа употребилъ противъ императора свои сильнѣйшія орудія: онъ его проклялъ и лишилъ его причастія. Но города лишь посмѣялись надъ этимъ. «Въ то время, — разсказываетъ современный лѣтописецъ, — духовенство очень презиралось мірянами и даже евреевъ считали выше его». Въ своей цитированной уже нѣсколько разъ книгѣ о реформаціонныхъ партіяхъ (стр. 103), Л. Келлеръ очень наглядно описываетъ поведеніе городовъ относительно папы: «Городъ Страсбургъ началъ борьбу съ того, что заставилъ тѣхъ священниковъ, которые согласно приказу папы прекратили богослуженіе, покинуть городъ. Городъ Цюрихъ уже съ 1331 года не терпѣлъ у себя папскаго духовенства. Въ Констанцѣ магистратъ потребовалъ, чтобы духовенство вновь начало выполнять свои функціи, и далъ ему срокъ на размышленіе. Когда этотъ срокъ истекъ (6 января 1339 г.), всѣ, кто не желалъ служить, должны были оставить городъ. Въ Рейтлингенѣ городской совѣтъ объявилъ публично, что всякій, пріютившій священника, послушнаго папѣ, платитъ штрафъ въ пятнадцать фунтовъ. Въ Регенсбургѣ магистратъ голодомъ принудилъ священниковъ къ совершенію богослуженія. Въ Нюрнбергѣ, гдѣ городскіе олигархи одно время были въ союзѣ съ римскимъ духовенствомъ, они изъ-за этого вступили съ цехами въ открытую борьбу, кончившуюся паденіемъ патриціевъ и духовенства. Какъ только побѣда была одержана, Нюрнбергъ примкнулъ къ партіи отлученнаго императора. Вообще замѣчено, что всѣ нѣмецкіе города, гдѣ не правилъ патриціатъ, были безусловными противниками Рима и вѣрными союзниками Людовика».

При такихъ условіяхъ ересь беггардовъ, конечно, очень преуспѣвала. Вся Германія полна была боевыми кликами противъ папы, и союзники горожанъ и императора привѣтствовали всякаго, кто соглашался съ ними.

«Замѣщеніе императоромъ Людовикомъ высшихъ почетныхъ должностей еретиками,—говоритъ лѣтописецъ францисканцевъ, цитируемый Мосгеймомъ,—и безнаказанность ихъ преступленій увеличили дерзость и задоръ другихъ орденовъ, которые, пользуясь малѣйшимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ предлогомъ, отрекались отъ папы и, къ величайшему вреду католическаго дѣла, увеличивали собой секту «братьевъ» (т.-е. беггардовъ), которые дерзко выходили изъ своихъ тайныхъ убѣжищъ и одобряли образъ дѣйствій Петра Корбаріуса (поставленнаго Людовикомъ папою подъ именемъ Николая V) и самого Людовика» [1]).

[1]) Мосгеймъ, „De Beghardis“, стр. 320.

Иностранные еретики, бѣжавшіе въ Германію, также находили пріютъ у Людовика. Въ 1324 году папа Іоаннъ XXII назвалъ въ своей буллѣ императора защитникомъ и покровителемъ людей, уличенныхъ въ ереси, особенно же ломбардскихъ еретиковъ, при чемъ, вѣроятно, подразумѣвались вальденсы или апостольскіе братья.

Императоръ Людовикъ воспользовался для своихъ цѣлей даже коммунистической идеей, хотя и не въ формѣ беггардскаго ученія, а въ формѣ болѣе безопаснаго, францисканскаго. Мы уже раньше (стр. 103) указывали на борьбу, происходившую внутри францисканскаго ордена изъ-за вопроса, имѣетъ ли онъ право пріобрѣтать собственность. Съ тѣхъ поръ какъ папа Иннокентій IV (1245 г.) принялъ сторону фракціи францисканцевъ, добивавшейся права владѣть собственностью, ихъ болѣе строгое направленіе становилось все враждебнѣе папству. Конфликтъ между папствомъ и строгими францисканцами, спиритуалами или фратичеллами, обострился, когда въ 1322 году Іоаннъ XXII, противникъ Людовика, объявилъ ихъ ученіе о томъ, что Христосъ и апостолы не имѣли собственности, ересью; впрочемъ, онъ еще раньше въ 1317 году натравилъ на нихъ инквизицію. Въ 1328 году Іоаннъ даже смѣстилъ генерала ордена, Михаила Казена, ставшаго на сторону болѣе строгаго направленія. Эта послѣдняя фракція рѣшительно перешла на сторону Людовика, и строгіе францисканцы сдѣлались его самыми усердными и смѣлыми агитаторами. Изъ ихъ рядовъ Людовикъ взялъ своего контръ-папу, уже упомянутаго выше, Николая V; онъ заставилъ римлянъ избрать его, въ 1328 году только для того, впрочемъ, чтобы вскорѣ оставить его. Николай уже въ 1330 году покорился авиньонскому папѣ и съ раскаяніемъ отрекся отъ всѣхъ своихъ «заблужденій».

Эта участь императорской креатуры уже указывала на то, каковъ будетъ конецъ конфликта между папой и императоромъ. Послѣдній оказался побѣжденнымъ.

III. Католическая реакція при Карлѣ IV.

Папа Климентъ VI, второй племянникъ Іоанна XXII, нашелъ кандидата на германскую императорскую корону, кандидата, безусловно преданнаго папству и Франціи: это былъ Карлъ, сынъ богемскаго короля Іоанна.

Слабость германскихъ императоровъ повела не только къ тому, что князья начали дѣлаться самодержавными, но и къ тому, что пограничныя области, напримѣръ Швейцарія и Нидерланды, сдѣлались самостоятельными. Богемія также все болѣе и болѣе отдѣлялась отъ имперіи. Враждуя съ императорской властью, богемскіе короли искали опоры во Франціи. Люксембуржецъ Іоаннъ богемскій былъ въ родствѣ съ Карломъ IV французскимъ, женившимся на его сестрѣ. Сынъ Іоанна, Вѣнцеславъ, воспитывался при французскомъ дворѣ, и такъ какъ имя Вѣнцеславъ тамъ не понравилось, то его при первомъ причастіи назвали Карломъ, такъ онъ и назывался впослѣдствіи. Воспитаніе и династическіе интересы сдѣлали его безусловно вѣрнымъ союзникомъ Франціи и папы. Какъ только Карлъ выказалъ готовность принять императорскую корону, Климентъ объявилъ Людовика смѣщеннымъ и предложилъ германскому народу избрать новаго императора. Съ папской помощью и благодаря полнымъ карманамъ, Карлъ нашелъ

четырехъ курфюрстовъ, согласившихся избрать его (1346 г.). Побѣда далась ему легче, чѣмъ онъ предполагалъ, ибо Людовикъ баварскій умеръ еще раньше, нежели дѣло дошло до серьезной борьбы между двумя императорами.

Карлъ не былъ сентиментальнымъ политикомъ. Онъ основательно изучилъ новѣйшую государственную мудрость во Франціи и въ Италіи. Поэтому онъ очень хорошо зналъ, что время императорскаго могущества миновало навсегда, и что основа его могущества — не императорская корона, а его родина. Главная забота его была о Богеміи. Онъ старался извлечь всю возможную выгоду изъ императорской короны, но остерегался затѣвать изъ-за нея борьбу или чѣмъ-нибудь для нея пожертвовать. Однако, остатки императорскаго могущества казались ему тѣсно связанными съ могуществомъ папской церкви; императоръ и папа должны были идти рука объ руку, и Карлу это очень легко было сдѣлать по его личнымъ симпатіямъ и связямъ.

Такимъ образомъ Карлъ сдѣлался «поповскимъ императоромъ», какъ его называли итальянцы, усердно поддерживавшимъ всѣ требованія папства, насколько они вообще согласовались съ его положеніемъ. Больше всего, конечно, пострадала демократическая, а слѣдовательно, и коммунистическая ересь. При Людовикѣ преслѣдованія еретиковъ въ Германіи совсѣмъ почти прекратились или сдѣлались безуспѣшными. Теперь настало время кровавыхъ гоненій на нихъ.

Уже въ 1348 году упоминаются преслѣдованія еретиковъ. Но полнаго расцвѣта реакція достигла лишь въ послѣднюю треть этого вѣка, когда развитіе ереси въ Англіи, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, сильно озлобило римскую церковь. Карлъ издавалъ противъ беггардовъ одинъ декретъ за другимъ, но самымъ ужаснымъ былъ, вѣроятно, изданный 10 іюня 1369 года въ Луккѣ, дававшій инквизиторамъ особыя полномочія.

Еще въ 1367 году папа Урбанъ V послалъ въ Германію двухъ инквизиторовъ, но вскорѣ они уже не могли справиться со своею работою. Преемникъ Урбана, Григорій IX, послалъ имъ на помощь еще пятерыхъ (1367 г.). Повсюду запылали костры, еретики сжигались сотнями.

Наконецъ, 30 января 1394 года папа Бонифацій IX издалъ эдиктъ, который объединялъ, ссылаясь на указы императора Карла IV, всѣ изданныя до тѣхъ поръ опредѣленія папъ для уничтоженія еретичества. Онъ опирается на мнѣніе нѣмецкихъ инквизиторовъ о германскихъ еретикахъ, называемыхъ въ народѣ беггардами, лоллардами и швестріонами и называющихъ сами себя «бѣдными» или «братьями». Онъ жалуется, что эта ересь существуетъ болѣе ста лѣтъ и что не удалось осилить ее, хотя дровъ на костры не жалѣли. Теперь, молъ, пора прикончить ересь.

Въ 1395 году инквизиторъ Петръ Пилихдорфъ съ тріумфомъ возвѣщаетъ, что ересь удалось одолѣть [1]). Но въ 1399 году Бонифацій опять оказался вынужденнымъ увеличить число инквизиторовъ еще на шесть человѣкъ.

Секта постоянно находила себѣ новую пищу въ условіяхъ жизни, приводившихъ къ ней все новыхъ послѣдователей; но каждый разъ непрерывныя кровавыя преслѣдованія лишали ее всякаго значенія.

Въ качествѣ самостоятельной, секта беггардовъ исчезла совсѣмъ. Мы видѣли, что уже первое преслѣдованіе въ XIII вѣкѣ повело къ сближенію большей

[1]) Л. Келлеръ, „Die Reformation“, стр. 240.

части умѣренныхъ беггардовъ съ нищенствующими орденами. Теперь этотъ процессъ завершился. Самостоятельные дома беггардовъ исчезли совершенно; они превратились въ монастыри, которые частью переходили въ собственность нищенствующихъ монаховъ, особенно францисканцевъ, частью же сохраняли прежнее названіе, но фактически становились на почву монашества. Наконецъ, въ 1453 году папа Николай V оффиціально припялъ эти общины въ лоно церкви и даровалъ имъ права терціаріевъ.

Тайныхъ обществъ нельзя было ни уничтожить вполнѣ, ни подчинить. Но все ихъ геройство и все самопожертвованіе въ теченіе цѣлаго вѣка не было въ состояніи добиться чего-либо и создало лишь безконечное число мучениковъ.

Какъ и всякая другая еретическая оппозиція, коммунистическая, бывшая гораздо слабѣе остальныхъ, могла возродиться въ Германіи лишь тогда, когда снова возникъ серьезный конфликтъ свѣтскихъ властителей съ папствомъ, когда значительная часть германскихъ князей сдѣлалась достаточно сильной, чтобы вести борьбу одновременно и съ церковью, и съ императоромъ.

Со времени и смерти Людовика до великой нѣмецкой реформаціи ересь нашла въ Европѣ лишь два убѣжища: сначала Англію, а потомъ, какъ это ни странно, Богемію,—страну, повелители которой были зачинщиками католической реакціи въ Германіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лолларды въ Англіи.

I. Виклефово движеніе.

Наряду съ Германіей, эксплуататорскія наклонности авиньонскихъ папъ были направлены, главнымъ образомъ, на Англію.

Было время, когда ни одна страна не была болѣе предана святому отцу и болѣе предоставлена его произволу, чѣмъ Англія. Въ началѣ XIII вѣка англійское королевство впало въ полную зависимость отъ папства. Въ 1213 году Іоанну Безземельному пришлось даже принять свою корону, какъ ленъ св. Петра и обязаться платить папѣ ежегодную ленную дань въ 1.000 фунт. серебра. Съ того времени эксплуатація Англіи получала все большіе и большіе размѣры. Еще при Эдуардѣ III (въ XIV вѣкѣ) парламентъ жалуется, что подати, платимыя ежегодно папѣ, впятеро превышаютъ подати, платимыя королю [1]).

Но тогда тамъ, какъ и въ другихъ странахъ, государственная центральная власть была уже настолько сильна, что не только могла успѣшно бороться съ папствомъ, но даже стремилась завоевать организованный церковью механизмъ власти и эксплуатаціи для собственныхъ цѣлей.

Мы говоримъ, «государственная центральная власть», а не монархія, потому, что о бокъ съ королевской властью въ феодальныхъ государствахъ тогда повсюду возвышались сословныя представительства, государственные чины, болѣе

[1]) W. Cunningham, „The growth of English Industry and Commerce“, Кембриджъ, 1890 г., I, стр. 253.

или менѣе ограничивавшіе власть короля. Смотря по времени и мѣсту, отношеніе власти между сословіями и королемъ сильно колебалось. Мы находимъ генеральные штаты, представляющіе совершенно безсловесныя учрежденія и, наоборотъ, королей, являющихся ихъ безвольными орудіями. Но каковы бы ни были взаимныя отношенія двухъ частей центральной власти, въ то время центральная власть, вездѣ, кромѣ Германіи, становилась сильнѣе отдѣльныхъ составныхъ частей государства.

Въ XIV вѣкѣ король и парламентъ въ Англіи были уже достаточно сильны, чтобы воспротивиться папскимъ требованіямъ. А именно въ эту эпоху они становились все непомѣрнѣе. Конфликтъ между церковью и государствомъ сдѣлался неизбѣжнымъ.

И онъ обострился еще больше, благодаря столѣтней войнѣ Англіи съ Франціей (1339—1456 гг.).

Предлогомъ къ войнѣ послужилъ вопросъ престолонаслѣдія, но причины ея лежали глубже и сдѣлали войну національной, т.-е. войной, сильно затрогивающей интересы господствующихъ классовъ народа.

Вездѣ, гдѣ существовало христіанско-германское дворянство, его грабительскія наклонности въ теченіе XIII и XIV вѣковъ все возрастали. Съ подъемомъ товарнаго производства и товарнаго обмѣна потребности дворянства увеличивались, и натуральное хозяйство его и его крестьянъ не могло уже удовлетворить этихъ потребностей. Поэтому дворянство все чаще было принуждено пользоваться своими особыми познаніями для улучшенія своего финансоваго положенія. Но познанія его не выходили за предѣлы умѣнія драться, и оно могло примѣнять ихъ съ выгодою лишь тогда, когда на свой рискъ и страхъ, или по найму, помогало сильнѣйшему добиваться своего права, т.-е. добычи.

Въ Германіи, гдѣ не было сильной центральной власти, могущей отвлечь грабительскія наклонности рыцарства внѣшними войнами, прекращеніе крестовыхъ и римскихъ походовъ, бывшихъ въ сущности также походами съ цѣлью грабежа, повело къ тому, что рыцари принялись за гражданъ и крестьянъ собственной страны. И если этого было недостаточно, то они начинали истреблять другъ друга, какъ голодные волки. Между горожанами и дворянствомъ возникла озлобленная, ожесточенная вражда.

Въ Англіи дѣло обстояло иначе. Тамъ центральная власть была достаточно сильна, чтобы начать войну съ сосѣдней Франціей. Но, въ противоположность Франціи, интересы горожанъ и дворянства въ Англіи сходились. Тогда, да и позже, у нихъ въ Англіи было гораздо больше общихъ интересовъ, чѣмъ въ Германіи.

Однимъ изъ такихъ общихъ интересовъ была торговля съ Нидерландами. Какъ мы уже видѣли, ея цвѣтущая шерстяная промышленность получала сырье преимущественно изъ Англіи. Въ успѣхахъ этой промышленности англійскіе землевладѣльцы, поскольку они занимались овцеводствомъ, были также заинтересованы, какъ и купцы, являвшіеся посредниками обмѣна, и король, получавшій свои главнѣйшіе доходы ввозными пошлинами на шерсть [1]).

[1]) Уже въ 1279 году бароны въ петиціи къ Эдуарду I объявили, что выручка за шерсть составляетъ половину ихъ ежегодной прибыли съ земли. Старѣйшія англійскія статистическія свѣдѣнія о вывозѣ относятся къ 1354 году. Общая сумма вывоза равнялась 213.338 ф., изъ нихъ стоимость шерсти 196.062 ф. Общая сумма вывозныхъ пош-

Но процвѣтанію нидерландскихъ городовъ угрожала Франція; ихъ богатство привлекало и короля и рыцарство этой страны. Напавъ въ XIII вѣкѣ на Лангедокъ, подъ предлогомъ религіозной борьбы, они въ XIV вѣкѣ искали добычи во Фландріи. И тогда притѣсняемые города нашли надежнаго союзника не въ Германской имперіи, а въ Англіи.

Однако, это не было единственной противоположностью между Англіей и Франціей; англійское рыцарство было не менѣе жадно, чѣмъ французское. Если послѣднее зарилось на сокровища Нидерландовъ, то первое стремилось къ богатствамъ Франціи, сильно обогнавшей Англію въ экономическомъ отношеніи. Въ то время болѣе варварская страна всегда старалась грабить экономически болѣе развитую, болѣе богатую: одновременно французы грабили нидерландцевъ, англичане французовъ, а шотландцы англичанъ. И подобно тому, какъ нидерландцы соединились съ Англіей, шотландцы соединились съ французами. Но побѣду въ этой борьбѣ одерживали обыкновенно англичане, бравшіе при этомъ несмѣтную добычу.

Англійскій лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ битвы при Кресси завоеванныя сѣверныя провинціи Франціи были такъ опустошены, что награбленное богатство совершенно измѣнило образъ жизни и нравы англичанъ.

Рыцарство получило большую добычу, но всегда оно лучше умѣло грабить, нежели сберегать награбленное. Буржуазія успѣла выманить у него награбленныя сокровища и они послужили ей для оплодотворенія промышленности и торговли.

Тягости войны падали преимущественно на крестьянство. Но даже и ему война доставляла нѣкоторыя выгоды. Крестьяне не менѣе землевладѣльцевъ были заинтересованы въ безпрепятственности торговли шерстью съ Нидерландами. Война давала излишку крестьянскихъ сыновей наемную плату и богатую добычу; но прежде всего война представляла ту выгоду, что мѣшала рыцарству совершать въ собственной странѣ насилія, которыя такъ охотно совершало нѣмецкое и еще болѣе французское рыцарство послѣ пораженія его внѣшними врагами.

Неудивительно, что война съ Франціей сдѣлалась въ Англіи дѣломъ національнымъ, въ которомъ весь народъ былъ крайне заинтересованъ.

Отсюда понятно, почему именно въ Англіи въ XIV вѣкѣ вражда къ папству сдѣлалась особенно рѣзкой. Папа былъ орудіемъ или союзникомъ національнаго врага: поддержка папы являлась измѣной отечеству, борьба съ нимъ — проявленіемъ высшаго патріотизма.

Это настроеніе повело не только къ тому, что парламентъ старался насколько возможно сократить денежныя подати, которыя Англія платила папѣ,— между прочимъ въ 1366 году была отмѣнена ленная подать въ 1000 ф., уплачиваемая со временъ Іоанна Безземельнаго,— оно являлось также плодотворной почвой для идеи окончательнаго избавленія отъ папской власти. Ересь, подавленная во Франціи и Италіи, гонимая въ Германіи со времени вступленія на престолъ Карла IV, во второй половинѣ XIV вѣка, привольно развилась по ту сторону канала.

Въ Англіи оппозиція папству сдѣлалась раньше, чѣмъ въ другихъ стра-

линъ составляла 81.896 ф. Онѣ ложились почти исключительно на шерсть. Остальные экспортируемые продукты давали только 220 ф. G. Craik, „The History of British Commerce“. Лондонъ, 1844, I, стр. 144, 148).

нахъ, національнымъ дѣломъ могущественнаго государства, дѣломъ, въ которомъ были заинтересованы всѣ — горожане и крестьяне, короли и дворяне, высшіе, какъ и низшіе и, кромѣ того, значительная часть духовенства. Поэтому именно въ Англіи идея реформаціи впервые получила опредѣленное, можно сказать, научное выраженіе.

Замѣчательнѣйшимъ духовнымъ представителемъ этого враждебнаго папству направленія былъ ученый Джонъ Виклефъ, сначала священникъ, а затѣмъ профессоръ оксфордскаго университета. Несмотри на всю свою рѣзкость и рѣшительность, Виклефъ все-таки остерегался переходить за границы, поставленныя ему интересами господствующихъ классовъ. Исходя изъ древняго христіанства, онъ прославлялъ бѣдность Христа и противопоставлялъ ей богатство, роскошь и гордость его преемниковъ, отъ которыхъ онъ требовалъ той же бѣдности, той же раздачи имущества, которыхъ Христосъ требовалъ отъ богатаго юноши. Но подъ преемниками Христа онъ подразумѣвалъ не всѣхъ христіанъ, а только духовенство. Виклефу казалась необходимой экспропріація лишь его имуществъ, и здѣсь его ученье вполнѣ гармонировало съ интересами крупныхъ землевладѣльцевъ и короля, которымъ при «раздѣлѣ» достались бы церковныя имущества. Въ сущности ересь Виклефа стремилась къ передачѣ средствъ господства церкви и пользованія ею изъ рукъ иностраннаго, враждебнаго странѣ папы въ руки короля и аристократіи собственной страны.

Вотъ почему Виклефъ пользовался покровительствомъ высшаго дворянства и въ томъ числѣ двухъ наиболѣе выдающихся людей Англіи: Іоанна герцога Ланкастерскаго, и Перси, графа Нортумберландскаго. Іоаннъ Ланкастерскій былъ младшимъ сыномъ короля Эдуарда III и дядей его внука и наслѣдника Ричарда II. Послѣдній при вступленіи на престолъ (1377 г.) былъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и Іоаннъ имѣлъ на него чрезвычайно сильное вліяніе.

II. Лолларды.

Еретическое движеніе не ограничилось господствующими классами. Борьба съ папствомъ дала возможность проявиться всѣмъ соціальнымъ противорѣчіямъ этой эпохи. Въ національной борьбѣ съ общимъ врагомъ, французскимъ папой, различные классы боролись также за свои спеціальные интересы, которые раньше или позже должны были прійти въ столкновеніе другъ съ другомъ. Католическіе писатели съ удовольствіемъ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что во всякомъ реформаціонномъ движеніи, среди реформаторовъ церкви раньше или позже всегда возникали внутренніе расколы и ожесточенная борьба; этотъ фактъ они считаютъ доказательствомъ того, что реформація была дѣломъ сатаны.

При такихъ обстоятельствахъ секта беггардовъ, или, какъ обыкновенно называли ихъ англичане—лоллардовъ, могла свободно рости и развиваться.

Мы видѣли, что расцвѣтъ нидерландской шерстяной промышленности возбудилъ въ городахъ всѣхъ странъ Европы желаніе развить эту промышленность у себя и вызвалъ спросъ на фламандскихъ ткачей во всѣхъ, даже отдаленнѣйшихъ странахъ.

Естественно, прежде всего возникло стремленіе ввести фламандскую промышленность въ страну, лежавшую по сосѣдству съ Нидерландами, находив-

шуюся въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ ними и доставлявшую отличный сырой матеріалъ. Онъ-то и являлся главной причиной превосходства фландрскихъ и брабантскихъ ткачей.

Уже при Генрихѣ III дѣлались попытки поднять шерстяную промышленность путемъ государственнаго вмѣшательства. Въ 1261 году былъ изданъ законъ, воспрещавшій вывозъ шерсти и ношеніе суконъ, приготовленныхъ за границей. Но это запрещеніе вскорѣ было отмѣнено, также какъ и его повтореніе въ 1271 году, ибо въ свободномъ вывозѣ шерсти, какъ мы уже видѣли, были сильно заинтересованы именно господствующіе классы Англіи: землевладѣльцы и купцы. Король Эдуардъ III далъ иное направленіе своей политикѣ. Эдиктомъ 1331 года онъ приглашаетъ фламандскихъ красильщиковъ, ткачей и валяльщиковъ переселиться въ Англію. Многіе послѣдовали этому призыву. Спустя нѣсколько лѣтъ начали появляться рабочіе также изъ Брабанта и Зеландіи [1]).

Такимъ образомъ во второй половинѣ XIV столѣтія мы находимъ въ Англіи развитую шерстяную промышленность, главнымъ образомъ въ графствѣ Норфолькскомъ съ столицею Норвичемъ. Замѣчательно, что городъ этотъ сдѣлался главнымъ очагомъ секты лоллардовъ.

Вмѣстѣ съ фламандскими ткачами въ Англію перешло вѣроятно и фламандское ученіе беггардовъ. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что переселялись въ Англію, главнымъ образомъ, бѣднѣйшіе ткачи, т.-е. именно тѣ же самые элементы, которые въ Нидерландахъ давали наибольшее количество беггардовъ.

Фуллеръ въ своей исторіи церкви очень живо описываетъ хитрости, которыми фламандскіе ткачи заманивались въ Англію: «Въ эту страну посылались нашимъ королемъ надежные эмиссары; тамъ они добивались довѣрія тѣхъ нидерландцевъ, которые, будучи мастерами своего дѣла, не были самостоятельными мастерами, но наемными рабочими или учениками. Эти эмиссары горевали о рабствѣ бѣдныхъ рабочихъ, третируемыхъ ихъ хозяевами не по-христіански, а по язычески, и скорѣе какъ лошади, нежели какъ люди. Имъ приходится рано вставать и поздно ложиться, цѣлый день усиленно работать, получая плохую пищу— нѣсколько селедокъ и черствый сыръ, и все это для обогащенія грубіяновъ (churls), своихъ мастеровъ, безъ всякой выгоды для себя самихъ. Какъ бы они стали счастливы, переселившись въ Англію и привезя съ собой свое ремесло, гарантирующее имъ всюду хорошій пріемъ. Тамъ они могли бы ѣсть говядину и баранину, сколько влѣзетъ... Счастливъ былъ бы землевладѣлецъ, домъ котораго посѣтилъ бы одинъ изъ этихъ нидерландцевъ, приносящихъ съ собой прилежаніе и богатство. Чужимъ онъ войдетъ въ домъ, а выйдетъ женихомъ или зятемъ», и т. д. въ этомъ родѣ [2]).

Неудивительно, что посланцы короля имѣли успѣхъ у фламандскихъ пролетаріевъ. Но неудивительно также, что пролетаріи, жестоко, конечно, разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, тѣмъ сильнѣе ухватились за свои беггардскіе идеалы, принесенные изъ отчизны. Быть можетъ, они и явились иниціаторами коммунистической агитаціи въ Англіи; во всякомъ случаѣ, они служили для этой

[1]) Geo. L. Craik, „The History of British Commerce“, I, стр. 128, 148.

[2]) Фуллеръ, „Church History“, III, стр. 9, у Cunningham, „The growth of English Industry“, I, стр. 284.

агитаціи самой твердой опорой. Норфолькъ, центръ шерстяной промышленности, сдѣлался также центромъ движенія лоллардовъ. Это графство, по словамъ Роджерса, дало, вѣроятно, больше мучениковъ лоллардизма, чѣмъ вся остальная Англія [1]).

Отсюда агитаторы лоллардовъ, «бѣдные братья» или «бѣдные священники» расходились по своей странѣ, всюду проповѣдуя евангеліе древнехристіанской свободы, равенства и братства. Агитація ихъ очень облегчалась удобствами путешествій по Англіи. Тогда еще господствовало общеее гостепріимство, особенно въ многочисленныхъ монастыряхъ; путникъ могъ быть увѣренъ, что получитъ всюду пріютъ и пищу. Дороги были вполнѣ безопасны [2]).

Девизомъ лоллардовъ, можно сказать, сдѣлалась народная поговорка:

„Als Adam pflügt' und Eva spann
Wo war wohl da der Edelmann?"

(«Когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла,—гдѣ тогда было дворянство?»)

Ихъ главнѣйшимъ представителемъ былъ John Ball, вѣроятно, францисканецъ строгаго направленія, представители котораго, какъ мы уже видѣли, нерѣдко бывали друзьями и союзниками беггардовъ. Они вообще являлись, повидимому, важнымъ элементомъ въ движеніи лоллардовъ. Walsingham, монахъ св. Альбана, жившій въ XIV вѣкѣ и описавшій эту эпоху, очень озлобленъ противъ нищенствующихъ монаховъ, которые одновременно возмущаютъ народъ и льстятъ господствующимъ классамъ, эксплуатируя тѣхъ и другихъ.

Онъ изслѣдовалъ причины соціальныхъ смутъ и дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Мнѣ кажется, что въ этой напасти виновны всѣ жители страны, включая сюда и нищенствующіе ордена. Послѣдніе забыли свои обѣты и не помнятъ цѣлей, для которыхъ они учреждены. Ибо ихъ основатели, очень святые люди, хотѣли, чтобы они не имѣли никакого свѣтскаго имущества, страхъ за которое помѣшалъ бы имъ говорить правду. Но, завидуя богатымъ, они одобряютъ всѣ преступленія господствующихъ классовъ, развиваютъ въ то же время заблужденія простого народа и хвалятъ пороки тѣхъ и другихъ. Они, отказавшіеся отъ собственности, давшіе обѣтъ вѣчной бѣдности, объявляютъ добро зломъ, а дурное добрымъ, для того, чтобы пріобрѣсти имущество и собрать деньги. Соблазняютъ князей лестью, народъ ложью и ведутъ тѣхъ и другихъ на ложные пути» [3]).

Такъ какъ льстить одновременно князьямъ и народу нѣсколько трудно, то приходится предположить, что Walsingham имѣетъ въ виду оба направленія нищенствующихъ монаховъ—любостяжательное, льстящее богатымъ, и безсребренническое, «возмущающее» народъ.

Въ дѣйствительности, нищенствующіе монахи, особенно францисканцы, пользовались большими симпатіями эксплуатируемыхъ классовъ. Во время возстанія

[1]) Thorold Rogers, „Six centuries of Work and Wages", Лондонъ, 1886 г., стр. 130, 136.

[2]) Лишь послѣ реформаціи XVI вѣка и послѣ слѣдовавшихъ за нею экономическихъ переворотовъ: упраздненія монастырей, экспропріаціи крестьянъ, послѣ возникновенія массоваго пролетаріата, поставлявшаго безчисленныхъ бродягъ и разбойниковъ, путешествія сдѣлались труднымъ, дорогимъ и опаснымъ предпріятіемъ, какимъ и оставались до XVIII вѣка (Ср. Th. Rogers, „A History of Agriculture and Prices in England", Оксфордъ, 1866 г., I, стр. 95 и слѣд.).

[3]) Thomas Walsingham, „Historia Anglicana". Изд. Рилея, Лондонъ, 1863 г., II, стр. 13.

1381 года, о которомъ мы сейчасъ поговоримъ, было разрушено много дворцовъ, но монастыри нищенствующихъ монаховъ остались неприкосновенными. Одинъ изъ вождей инсургентовъ, Джекъ Строу (Straw), объявилъ, что нищенствующіе монахи единственныя духовныя лица, которыхъ стоило бы щадить [1]).

Изъ рядовъ этихъ монаховъ вышелъ, повидимому, и Джонъ Белль (Ball). Фруассаръ, современникъ Белля, называетъ его «сумасшедшимъ священникомъ изъ Кента» [2]). Онъ, впрочемъ, проповѣдывалъ преимущественно въ Эссексѣ и Норфолькѣ. Агитація его началась приблизительно въ 1356 г. и вскорѣ обратила на себя вниманіе духовныхъ и свѣтскихъ авторитетовъ. Архіепископъ Кентерберійскій и епископъ Норвичскій отлучили его отъ церкви; Эдуардъ III велѣлъ арестовать его (вѣроятно, въ 1366 году). Выпущенный на свободу, онъ снова принялся за проповѣдь. Не имѣя уже возможности пользоваться церковью послѣ отлученія, онъ проповѣдовалъ на площадяхъ и погостахъ. Фруассаръ передаетъ (въ вышеприведенномъ мѣстѣ) одну изъ его проповѣдей, за достовѣрность которой мы, конечно, не можемъ поручиться. Она гласитъ: «Любезные братья, жизнь въ Англіи не станетъ лучше, пока не будетъ введена общность имущества и пока не исчезнутъ дворяне и крѣпостные, пока мы не станемъ всѣ равными и господа будутъ не выше насъ. Какъ они обращаются съ нами? Почему мы находимся въ рабствѣ у нихъ? Мы всѣ происходимъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, отъ Адама и Евы. Чѣмъ эти господа могутъ доказать, что они лучше насъ? Быть можетъ тѣмъ, что мы зарабатываемъ и добываемъ то, что они съѣдаютъ? Они носятъ бархатъ, шелкъ и мѣха, между тѣмъ, какъ мы одѣваемся въ убогій холстъ. Они имѣютъ вино, пряности и пироги, а мы ѣдимъ отруби, пьемъ одну только воду. Ихъ участь—бездѣльничанье въ роскошныхъ замкахъ, а наша—трудъ и работа подъ вѣтромъ и дождемъ въ полѣ; вѣдь изъ нашего труда они и извлекаютъ свою роскошь. Насъ называютъ батраками и бьютъ, когда мы не принимаемся безропотно за всякую службу, и у насъ нѣтъ короля, желающаго выслушать насъ или помочь намъ въ нашемъ дѣлѣ. Но нашъ король молодъ; пойдемъ къ нему и разскажемъ ему о нашемъ рабствѣ, докажемъ ему, что оно должно кончиться, иначе мы сами себѣ поможемъ. Если мы сообща пойдемъ къ нему, то за нами пойдутъ всѣ зовущіеся батраками, всѣ, находящіеся въ рабствѣ, чтобы добиться свободы. Когда король увидитъ насъ, то добровольно дастъ намъ что-нибудь, или же мы поможемъ себѣ другимъ способомъ».— «Такъ говорилъ Белль, — прибавляетъ царедворецъ Фруассаръ. — Архіепископъ держалъ его нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи; было бы лучше, если бы онъ убилъ его».

Это радикальное средство едва ли помогло бы, ибо Белль былъ лишь однимъ изъ многихъ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи, какъ онъ, имена которыхъ не дошли до насъ.

Движеніе лоллардовъ получило сильный толчокъ, благодаря появленію Виклефа (около 1360 г.). Виклефъ самъ совсѣмъ не былъ коммунистомъ: онъ опирался, главнымъ образомъ, на высшее дворянство, враждебное низшимъ клас-

[1]) Ср. Лехлеръ, „I. Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation“ (мы воспользовались англійскимъ переводомъ П. Лоримера, Лондонъ, 1878 г.), II, стр. 228 и Вальсингамъ, l. c., II, стр. 9.

[2]) „Histoire et chronique memorable de Messire Jehan Froissart“, Парижъ, 1578 г. (Изд. Denis Sauvage de Fontmailles en Brie), II, стр. 122.

самъ народа. Но онъ не могъ объявить войну высшему современному авторитету, не взволновавъ всей массы народа и не сдѣлавъ ее болѣе доступною новымъ идеямъ. И, кромѣ того, участіе низшихъ классовъ въ борьбѣ противъ Рима было въ теченіе нѣкотораго времени даже желательно.

Однако, новый союзникъ вскорѣ оказался не только неудобнымъ, но даже очень опаснымъ, ибо движеніе лоллардовъ пріобрѣло огромное значеніе, благодаря тому, что съ нимъ слилось возстаніе самаго воинственнаго и сильнаго изъ тогдашнихъ трудящихся классовъ, — возстаніе крестьянства. Здѣсь произошло то же самое, что мы видѣли уже въ исторіи Дольчино и что мы встрѣтимъ въ исторіи гусситовъ и великой германской крестьянской войны.

III. Крестьянская война 1381 года.

Выше, при изложеніи исторіи возстанія Дольчино (стр. 138 и сл.), мы уже указывали, что съ XIII до XV вѣка положеніе крестьянъ вообще улучшилось. Во Франціи же, благодаря войнѣ, произошло какъ разъ обратное. Война предоставила несчастныхъ крестьянъ этой страны грабежамъ англійскихъ разбойничьихъ шаекъ. Въ то же время военныя пораженія заставляли французское рыцарство жить исключительно эксплуатаціей крестьянства и болѣе слабыхъ городовъ. Нищета крестьянъ достигла ужасающихъ размѣровъ и повела, наконецъ, въ мѣстности, называемой Иль де Франсъ (окрестности Парижа на сѣверо-востокъ до нынѣшней бельгійской границы), къ взрыву отчаянія, къ такъ называемой Жакеріи [1]) (май 1358 года). Передъ этимъ возмущеніемъ голодныхъ вдругъ исчезла національная вражда между французами и англичанами, какъ, двѣсти лѣтъ спустя, германская крестьянская война прекратила антагонизмъ католиковъ и лютеранъ. Соединенными усиліями рыцарства обѣихъ націй возстаніе легко было погашено кровавой бойней. Рѣшительный моментъ борьбы произошелъ въ городѣ Мо, принадлежавшемъ тогда англичанамъ. Жители этого города впустили въ него толпу крестьянъ въ 9.000 человѣкъ; тогда явилось шестьдесятъ (!) рыцарей, бросились на беззащитныхъ, безоружныхъ крестьянъ и перерѣзали ихъ, какъ овецъ. Они убивали, пока это не надоѣло имъ (et en occirent tant qu'ils en estoient tous ennyez). Они убили тогда болѣе семи тысячъ человѣкъ. Затѣмъ они зажгли городъ Мо и сожгли его со всѣми жителями, потому что послѣдніе держали сторону возставшихъ. Съ тѣхъ поръ возстаніе потеряло свою силу; возмутившіеся крестьяне повсюду немилосердно избивались.

Фруассаръ съ удовольствіемъ повѣствуетъ объ этомъ, вслѣдъ за негодующимъ разсказомъ, какъ крестьяне не особенно хорошо обошлись съ нѣкоторыми дворянами [2]).

Кончилось это возстаніе еще большимъ угнетеніемъ французскаго народа.

Возстаніе англійскихъ крестьянъ, происшедшее на два десятилѣтія позже, описывается обыкновенно въ тѣхъ же краскахъ, но мы считаемъ неопровержимо доказаннымъ [3]), что характеръ англійской крестьянской войны былъ совсѣмъ иной.

[1]) Jacques—Яковъ, насмѣшливое прозвище французскаго крестьянина.

[2]) Фруассаръ, l. c., I, стр. 190 и слѣд.

[3]) Торольдомъ Роджерсомъ, въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ.

Въ Англіи общая тенденція къ поднятію благосостоянія крестьянъ не повернулась въ обратную сторону, а усилилась. Крѣпостничество стало исчезать, личныя повинности крѣпостныхъ начали замѣняться денежными. Вмѣстѣ съ тѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ, по необходимости, пришлось замѣнить трудъ крѣпостныхъ трудомъ наемныхъ рабочихъ. Но въ XIV вѣкѣ не было еще и рѣчи о значительномъ сельскомъ пролетаріатѣ. «Сельскохозяйственные наемные рабочіе были частью крестьяне, пользовавшіеся своимъ досугомъ для работы у крупныхъ землевладѣльцевъ, отчасти же они представляли самостоятельный, относительно и абсолютно немногочисленный классъ собственно наемныхъ рабочихъ. И послѣдніе фактически также были хозяйничающими крестьянами, ибо кромѣ денежнаго вознагражденія они получали четыре и болѣе акровъ пахотной земли и коттеджъ. Кромѣ того, они вмѣстѣ съ крестьянами пользовались общественной землей, на которой пасли скотъ, и которая въ то же время давала имъ отопленіе, торфъ, дрова и т. д.» [1]). Эти условія имѣли то чрезвычайно непріятное для землевладѣльца (или его арендатора) послѣдствіе, что имъ приходилось платить очень высокое вознагражденіе, причинявшее значительный ущербъ земельной рентѣ. Бо́льшая часть мелкаго дворянства разорилась именно вслѣдствіе этого.

Условія сдѣлались еще неблагопріятнѣе для крупныхъ землевладѣльцевъ послѣ чумы, появившейся въ 1348 году во всей Европѣ и опустошавшей ее съ нѣсколькими перерывами въ теченіе двухъ десятилѣтій. Она унесла, какъ полагаютъ, 25 милліоновъ жизней. Во Франціи чума усилила бѣдность сельскаго населенія, въ Англіи она явилась средствомъ для поднятія его благосостоянія.

Правда, чума имѣла пріятное свойство, присущее подобнымъ эпидеміямъ и въ новѣйшее время: она хозяйничала преимущественно среди бѣднѣйшихъ классовъ, щадя богатые [2]), но, къ сожалѣнію, цивилизація тогда не зашла еще такъ далеко, чтобы безчисленныя массы рабочихъ валялись праздно на улицахъ. Щадя жизнь богачей, эпидеміи все-таки задѣвали ихъ жизненный нервъ — кошелекъ. Послѣ чумы цѣна на трудъ страшно позысилась и создала состояніе, невыносимое для землевладѣльцевъ. Поэтому уже въ 1349 г. появился приказъ короля Эдуарда III, обязывающій каждаго земледѣльца-рабочаго (labourer) и батрака (servant) работать, когда ему предлагали работу и притомъ за опредѣленную плату въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени. Плативній болѣе высокое вознагражденіе штрафовался, также какъ и получавшій его.

Этотъ законъ, покровительствующій землевладѣльцамъ установленіемъ максимальнаго вознагражденія и минимальнаго рабочаго дня, остался однако неприведеннымъ въ исполненіе, также какъ и слѣдовавшіе за нимъ законы 1350 и 1360 годовъ, ибо онъ не могъ увеличить количество пролетаріевъ, нужное

[1]) К. Марксъ, Капиталъ, I, 2 изд., стр. 745 и далѣе.

[2]) „Разсказываютъ, что въ Англіи чума свирѣпствовала главнымъ образомъ среди бѣдныхъ и что высшіе классы меньше пострадали отъ нея“. (Т. Роджерсъ, „History of Agriculture“ etc., I, стр. 295). „Данныя объ опустошеніяхъ, произведенныхъ чумой, кажутся почти невѣроятными; напр., въ Венеціи умерло около 100.000 человѣкъ, въ Любекѣ 90.000, въ Страсбургѣ 16.000. Въ Вѣнѣ въ одинъ день насчитали свыше 90 умершихъ; говорятъ, что во многихъ мѣстахъ вымерло девять десятыхъ населенія. Однако эта участь постигала большею частью лишь бѣднѣйшіе классы и неизвѣстно напр., ни одного владѣтельнаго князя, умершаго отъ чумы“. (Фр. Палацкій, „Geschichte von Böhmen“, II, 2, стр. 303).

для того, чтобы сдѣлать вознагражденіе за рабочую силу соотвѣтствующимъ потребностямъ землевладѣльцевъ.

Война съ Франціей, превратившая много рабочихъ силъ въ наемниковъ, не могла смягчить рабочій вопросъ для землевладѣльцевъ. Но, съ другой стороны, «нужда» землевладѣльцевъ непосредственно побуждала ихъ покрывать дефицитъ своей кассы хорошо оплачиваемой военной службой и все новыми грабежами во Франціи. Эта «нужда» была, вѣроятно, одной изъ главныхъ причинъ, затягивавшихъ войну съ Франціей; когда же послѣ необычайныхъ усилій движенія, связаннаго съ именемъ Орлеанской дѣвы, англичане были наконецъ изгнаны изъ Франціи, англійское дворянство само себя истерзало безконечными грабежами и убійствами, во время тридцатилѣтней гражданской войны алой и бѣлой розы.

Съ другой стороны, «нужда» должна была сдѣлать чрезвычайно популярными среди землевладѣльцевъ идеи виклефитской реформаціи, т.-е. въ сущности требованіе конфискаціи церковнаго имущества въ ихъ пользу.

Но въ то же время они пытались также разрѣшить «рабочій вопросъ», неразрѣшимый законодательнымъ путемъ, путемъ открытаго насилія. Они начали возстановлять прежнія крѣпостническія отношенія, начали замѣнять наемный трудъ принудительнымъ трудомъ крестьянъ.

Ожесточеніе обѣихъ сторонъ непрестанно возрастало. Это настроеніе крестьянъ явилось плодотворной почвой для проповѣди лоллардскихъ агитаторовъ. Правда, интересы крестьянъ были совершенно иные, чѣмъ интересы неимущихъ городскихъ классовъ, но противники у нихъ были одни и тѣ же, ближайшая цѣль была одна: уничтоженіе насилій богачей, а съ ними государственной власти. Что одни имѣли въ виду преимущественно землевладѣльцевъ, а другіе богатыхъ купцовъ, — это дѣлу не мѣшало.

Правда, движеніе лоллардовъ, благодаря сліянію крестьянъ съ низшими городскими классами, потеряло свой опредѣленный характеръ; оно перестало быть чисто коммунистическимъ движеніемъ и сдѣлалось демократическимъ, оппозиціоннымъ, вмѣщавшимъ множество различныхъ направленій; но оно чрезвычайно усилилось.

Крестьяне начали организовываться для противодѣйствія землевладѣльцамъ. Разсказываютъ, что они образовали союзы и собирали деньги, чтобы организовать средства для защиты своихъ интересовъ. По мнѣнію Т. Роджерса, много сдѣлавшаго для выясненія этого движенія и очень помогшаго намъ въ составленіи этой главы, организаторами были преимущественно «бѣдные священники» лоллардовъ, внесшіе въ это движеніе сплоченность и единство.

Къ началу царствованія Ричарда II, противорѣчія между крестьянами и землевладѣльцами обострились до крайности. Въ послѣдніе годы правленія Эдуарда III военное счастье покинуло англичанъ; въ 1374 году они должны были заключить перемиріе, оставившее имъ во Франціи лишь нѣсколько пунктовъ переправы — Калэ, Бордо, Байону. При вступленіи на престолъ Ричарда II, ему было только одиннадцать лѣтъ. При такомъ королѣ невозможно было вести великую войну. Съ другой стороны, Франція была слишкомъ истощена, чтобы воспользоваться своимъ благопріятнымъ положеніемъ. Перемиріе, правда, было нарушено, но дѣло дошло лишь до незначительныхъ столкновеній. Теперь англій-

ское дворянство уже должно было довольствоваться исключительно доходами отъ своихъ имѣній и могло употребить всѣ силы на эксплуатацію своихъ крестьянъ.

Если произволъ господъ возросъ, то съ другой стороны, прекращеніе войны, возвратившее столькихъ наемниковъ къ плугу и увеличившее число умѣющихъ владѣть оружіемъ, увеличило также и задоръ крестьянъ. Неудивительно, что дѣло вскорѣ дошло до кроваваго столкновенія между двумя враждебными классами.

Крестьяне вынуждены были къ возстанію, ибо власти начали противодѣйствовать демократическому движенію и жестоко преслѣдовали лоллардскихъ агитаторовъ, въ томъ числѣ, конечно, и Джона Белля, заключеннаго по приказу архіепископа Кентерберійскаго въ тюрьму въ Майдстонѣ. При своемъ арестѣ онъ будто бы сказалъ, что его вскорѣ освободятъ 20.000 друзей. Пророчество исполнилось.

Обыкновенно разсказываютъ, что причина крестьянскаго возстанія была чисто случайная: податной чиновникъ обезчестилъ дочь Wat Tyler'a (т.-е. Вальтера, кирпичника или кровельщика), послѣ чего тотъ изъ мести убилъ чиновника и призвалъ народъ прекратить насиліе насиліемъ.

Но въ дѣйствительности возстаніе возникло въ различныхъ мѣстахъ одновременно, а именно 10-го іюня 1381 г. Наибольшее значеніе возстаніе имѣло въ Норфолькѣ, центрѣ ткачества, и Кентѣ, гдѣ крѣпостничество уже совершенно исчезло. Кентскимъ возстаніемъ руководили Wat Tyler, участвовавшій въ войнѣ съ Франціей и опытный въ военномъ дѣлѣ, и священникъ Джекъ Строу. Инсургенты направились въ Лондонъ, освободили по дорогѣ Джона Белля изъ тюрьмы и расположились на Темномъ Лугу (Blackheath) передъ Лондономъ. Они пригласили короля на свиданіе; тотъ приплылъ къ нимъ по Темзѣ на кораблѣ, но не осмѣлился причалить и вернулся, ничего не достигнувъ. Тогда крестьяне ворвались въ Лондонъ (12 іюня), куда ихъ впустили товарищи, находившіеся въ городѣ. Низшіе классы соединились съ ними и инсургенты мстили разрушеніемъ дворцовъ своихъ угнетателей, не имѣя возможности захватить ихъ самихъ. Между прочими они сожгли также дворецъ герцога ланкастерскаго, наиболѣе ненавистнаго имъ. Но они не грабили, «и, поймавъ кого-либо въ кражѣ, обезглавливали его, ибо больше всего ненавидѣли воровъ» [1]).

Молодой пятнадцатилѣтній король заперся со своими совѣтниками, нѣсколькими дворянами и архіепископомъ кентерберійскимъ въ Тоуэрѣ. Напрасно лондонскій лордъ-мэръ Бальвортъ убѣждалъ его сдѣлать вылазку противъ бунтовщиковъ, говоря, что богатые лондонскіе граждане присоединятся къ его войску. Графъ Сольсбери указывалъ, что все будетъ потеряно, если король потерпитъ въ открытомъ полѣ пораженіе отъ инсургентовъ, и мнѣніе графа получило перевѣсъ, хотя король имѣлъ въ своемъ распоряженіи 8.000 хорошо вооруженныхъ людей. Страхъ передъ крестьянами парализовалъ опытныхъ военныхъ людей. Возстаніе не было усмирено военной силой, король рѣшился на переговоры. Это совсѣмъ иная картина, чѣмъ картина французской жакеріи!

Ричардъ имѣлъ уважительныя причины быть податливымъ, ибо инсургенты взяли штурмомъ Тоуэръ (14 іюня), убили архіепископа (того самаго, который заключилъ въ тюрьму Джона Белля), а также и другихъ своихъ угнетателей, попавшихъ имъ въ руки.

---

[1]) Walsingham, „Historia Anglicana" I, стр. 456.

Король незадолго до взятія Тоуэра удалился въ Майль-Эндъ для переговоровъ съ возставшими. Они объявили, что хотятъ быть навсегда свободными крестьянами и требовали письменнаго признанія своей свободы. Затѣмъ они требовали уничтоженія привилегій дворянства на охоту и рыбную ловлю и другихъ подобныхъ уступокъ. Король согласился на всѣ ихъ требованія и выказалъ готовность сейчасъ же дать нужные документы. Этимъ дѣломъ занялось тридцать писцовъ.

Такимъ образомъ крестьяне достигли того, чего хотѣли. Большая часть ихъ разошлась по домамъ. Одной изъ причинъ ихъ ухода могъ служить недостатокъ провіанта, ибо они привезли съ собой лишь немного запасовъ; по разсказу Фруассара, еще до занятія Лондона, четвертая часть крестьянъ на Темномъ Лугу голодала вслѣдствіе недостатка провіанта. Но большая толпа подъ предводительствомъ Wat Tyler'a, Джека Строу и Джона Белля осталась, чтобы слѣдить за изготовленіемъ документовъ, а быть можетъ и для того, чтобы добиться дальнѣйшихъ уступокъ.

На другой день переговоры возобновились. Инсургенты въ Смитфильдѣ встрѣтились съ королемъ и его свитою. Ричардъ пригласилъ Wat Tyler'a для переговоровъ передъ лицомъ обѣихъ армій и тотъ принялъ приглашеніе.

Въ то время, какъ они переговаривались, къ нимъ приблизился рыцарь, и, когда Tyler сталъ протестовать противъ этого, Ричардъ велѣлъ его арестовать. Толпа солдатъ, во главѣ съ извѣстнымъ уже намъ лордъ-мэромъ Walworth'омъ, кинулась на него и онъ палъ, предательски пронзенный многочисленными мечами. Ричардъ, несмотря на свою молодость, хорошо знакомый съ коварствомъ и лицемѣріемъ, называвшимися тогда государственной мудростью, подъѣхалъ къ пораженнымъ инсургентамъ, жалуясь, что Wat Tyler былъ предателемъ, хотѣвшимъ убить его, и заявилъ, что онъ самъ будетъ ихъ вождемъ. Этими росказнями онъ развлекалъ ихъ, пока не явились вооруженные граждане Лондона. Но и тутъ Ричардъ и его сторонники не рѣшились вступить въ открытый бой. Они удовлетворились тѣмъ, что отрѣзали инсургентовъ отъ Лондона и возстановили въ городѣ «порядокъ». Крестьянамъ были выданы вольныя, и они разошлись [1]).

Возстаніе въ Норфолькѣ имѣло худшій исходъ. Крестьяне, подъ предводительствомъ нѣкоего Джона Литльстрита (Littlestreet), заняли 14 іюня Норвичъ. Но епископъ норвичскій, Генри Спенсеръ, быстро собралъ около себя войско, напалъ на инсургентовъ и разбилъ ихъ въ сраженіи, въ которомъ многихъ умертвилъ собственными руками. Плѣнныхъ онъ велѣлъ сейчасъ же казнить; между ними былъ и Джонъ Литльстритъ. При этомъ благочестивый архіепископъ доставилъ себѣ удовольствіе, самолично давъ имъ послѣднія утѣшенія религіи.

Болѣе мелкія возстанія большею частью кончались ничѣмъ. Когда крестьяне успокоились, Ричардъ сталъ придумывать, какъ бы измѣнить «королевскому

---

[1]) При изложеніи этого мы придерживались преимущественно Вальсингама. Фруассаръ смотритъ на возстаніе съ точки зрѣнія слишкомъ придворно-тенденціозной. Будучи французомъ, онъ могъ описывать лишь со словъ другихъ, какъ онъ самъ говоритъ, для того, чтобы „всѣ господа и добрые люди, стремящіеся къ добру, увидѣли примѣръ, какъ нужно исправлять бунтовщиковъ". L. c., стр. 124. Сравн. о возстаніи также соч. C. C. Maurice, „Lives of English Popular Leaders in the Middle Ages", Лондонъ, 1875 г., II, Tyler, Ball, Oldkastle.

слову», которое онъ и далъ-то съ намѣреніемъ не держать его, съ цѣлью обмануть крестьянъ. Это было тогда въ модѣ.

Дипломатія находилась еще въ младенческомъ возрастѣ, ложь, измѣна и предательство практиковались тогда развязнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда приходилось, считаясь съ критикой народа, прикрывать дипломатическое мошенничество покровомъ нравственности. Съ XIV по XVII вѣкъ — и еще позже—держать слово и вообще быть честнымъ считалось слабостью, которой великому правителю не слѣдовало поддаваться.

Какъ только король собралъ вокругъ себя армію въ 40.000 человѣкъ,— «армію, какихъ до сихъ поръ не бывало въ Англіи» (Walsingham), — онъ сбросилъ маску и учредилъ суды для наказанія бунтовщиковъ. Населеніе Эссекса послало къ нему пословъ, чтобы напомнить объ обѣщаніи. Но съ тѣхъ поръ, какъ его окружало большое войско, король такъ ободрился, что отвѣтилъ: «Рабами вы были, рабами и останетесь. Вы останетесь въ крѣпостной зависимости, не въ такой, какъ до сихъ поръ, но въ безконечно худшей. Ибо пока мы будемъ жить и Божьею милостью править этимъ государствомъ, мы употребимъ свой разумъ, свою силу и могущество, чтобы мучить васъ такъ, что рабство ваше сдѣлается предостерегающимъ примѣромъ для потомства» [1]).

Этотъ вызовъ достигъ своей цѣли. Крестьяне Эссекса снова возстали съ оружіемъ въ рукахъ но, предоставленные самимъ себѣ, — остальныя графства остались спокойны,— они были разбиты войскомъ короля.

Повидимому, дѣло «порядка» побѣдило. Но англійскіе государственные люди не могли скрыть отъ самихъ себя, что они не усмирили главнаго возстанія въ открытомъ бою, и что они предотвратили зло лишь при помощи лжи, предательства и коварства.

Такимъ образомъ, возстаніе, несмотря на свою кажущуюся неудачу, отнюдь не было безрезультатнымъ. Господа избѣгали пользоваться своей побѣдой, ибо это могло вызвать вторичное возстаніе всего крестьянства. Освобожденіе англійскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости продолжалось и къ концу этого столѣтія оно почти вполнѣ закончилось.

Но вмѣстѣ съ крестьянами въ Лондонѣ и Норвичѣ поднялись также низшіе классы городского населенія; они были беззащитнѣе крестьянъ и противъ нихъ-то главнымъ образомъ направилась месть побѣдителя. Если намъ говорятъ, что послѣ окончанія возстанія надъ его вожаками былъ произведенъ кровавый судъ, и что 1.500 человѣкъ, въ томъ числѣ Джонъ Белль и Джекъ Строу, были убиты, то мы можемъ предполагать, что это больше коснулось городскихъ бунтовщиковъ, чѣмъ крестьянъ. Въ парламентскихъ актахъ сохранились имена казненныхъ 289 вождей бунтовщиковъ; изъ нихъ 151 были лондонскими обитателями, а 138, т.-е. менѣе половины,—жителями другихъ городовъ и сельскими.

Несчастный исходъ возстанія лишь на короткое время задержалъ дѣло освобожденія крестьянства. Зато онъ оказался ударомъ, почти совершенно уничтожившимъ движеніе лоллардовъ, да и вообще всю оппозицію папству.

Дѣйствительно, королю и дворянству показалось слишкомъ рискованнымъ самимъ взяться за революціонное движеніе, отречься отъ папы и конфисковать церковныя имущества, имѣя за спиной такое буйное населеніе. Компромиссъ съ

[1]) Maurice, l. c., стр. 189, 190.

папствомъ состоялся тѣмъ легче, что какъ разъ въ это время оно перестало быть исключительнымъ орудіемъ французской политики. Въ 1378 году начался великій расколъ въ церкви, о которомъ мы еще поговоримъ ниже. Міръ получилъ двухъ папъ: французскаго и римскаго, поддерживаемаго Германіей и Англіей.

Если бы реформаціонное движеніе дѣйствительно было слѣдствіемъ нравственнаго возмущенія испорченностью папства, какъ насъ увѣряютъ идеологи, историки протестантизма, то движеніе Виклефа должно было бы получить особенный подъемъ именно во время церковнаго раскола, ибо тогда папство пришло въ величайшій нравственный упадокъ. Но исторія опредѣляется интересами и борьбою классовъ, а съ 1381 года интересы господствующихъ классовъ Англіи противорѣчили стремленіямъ Виклефа. Правда, онъ и его покровители не имѣли никакой связи съ возстаніемъ, напротивъ, его защитникъ Іоаннъ Ланкастерскій былъ человѣкомъ наиболѣе ненавидимымъ инсургентами. Но все-же его ученіе оказалось болѣе революціоннымъ, чѣмъ это было желательно господствующимъ классамъ Англіи. Уже въ 1382 году лондонскій соборъ проклялъ 24 его положенія, какъ еретическія. Въ томъ же году парламентъ особымъ закономъ повелѣлъ свѣтскимъ судамъ поддерживать духовные. Виклефу не помогло изданіе вышедшаго въ 1382 году сочиненія «De blasphemia», въ которомъ порицалось возстаніе крестьянъ. Даже его прежній покровитель герцогъ Ланкастерскій сдѣлался его противникомъ. Виклефъ былъ лишенъ званія професеора Оксфордскаго университета и своего сана; онъ долженъ былъ удалиться въ свой приходъ Луттервортъ, гдѣ и умеръ уже въ 1384 году.

Лоллардамъ пришлось еще хуже. Со временъ крестьянскаго возстанія, на которомъ такъ сильно отразилась дѣятельность лоллардскихъ агитаторовъ, всякій лоллардъ, котораго удавалось открыть, безусловно считался преступникомъ и наказывался смертью. Въ Англіи началась такая же эпоха преслѣдованія лоллардовъ, какъ въ Германіи съ воцареніемъ Карла IV. Уничтожить лоллардовъ не удалось, но однако и они не могли пріобрѣсти вновь того значенія, которое имѣли съ 1360 по 1381 годъ. Какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи они могли лишь выставить безконечный рядъ мучениковъ.

Возстаніе 1381 года, въ силу необходимости, повліяло также на остальную Европу и всюду усилило преслѣдованія противъ беггардовъ и вальденсовъ. Къ концу этого вѣка у нихъ не осталось ни одного безопаснаго убѣжища. Тогда, среди величайшаго унынія, вдругъ неожиданно настала для преслѣдуемыхъ и униженныхъ эпоха торжества, чудесно показавшая имъ, какъ можетъ быть «великъ Богъ въ малыхъ сихъ». Эпоха героевъ, подобная эпохѣ великой французской революціи, начавшейся въ 1793 году, началась для коммунистическихъ стремленій въ Богеміи вмѣстѣ съ гусситскими войнами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Табориты.

I. Великій расколъ.

Возникновеніе Виклефова движенія явилось серьезнымъ предостереженіемъ для папства. Если бы папство продолжало служить орудіемъ Франціи, его положеніе во всей Европѣ подверглось бы опасности. Поэтому изъ своего французскаго плѣненія въ Авиньонѣ папы стали стремиться обратно въ Римъ, гдѣ они были бы болѣе удалены отъ французскаго вліянія.

Далѣе, Виклефово движеніе показало папамъ, насколько непрочно ихъ положеніе, какъ главы церкви; оно указало имъ необходимость искать себѣ прочной опоры въ свѣтской власти. Чѣмъ болѣе въ Англіи, Франціи и Испаніи (Кастилія и Аррагонія) господство и эксплуатація церкви ускользали отъ папъ и подчинялись свѣтской власти, тѣмъ важнѣе становилось для нихъ, на ряду съ міровымъ господствомъ, обладаніе свѣтскимъ государствомъ, церковной областью. Это обстоятельство также настоятельно требовало ихъ присутствія въ Римѣ.

Если папы имѣли всѣ основанія стремиться въ Римъ, то и итальянцы, съ своей стороны, также скучали объ нихъ. Такъ называемое «Вавилонское плѣненіе» папъ во Авиньонѣ ясно показало имъ, какъ важно для Италіи присутствіе папъ, и какія потери она терпитъ, благодаря ихъ отсутствію. Особенно Римъ пришелъ въ сильный упадокъ.

Страстное желаніе вернуть папъ нашло себѣ превосходное выраженіе у Петрарки. Яркими красками изображалъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ и письмахъ, какъ со времени перенесенія святого престола впали въ бѣдность и небреженіе папскій дворецъ и святые алтари Рима, какъ палъ вѣчный городъ, подобно женщинѣ, оставленной супругомъ, и какъ туча, висящая надъ его семью холмами, разсѣется съ возвращеніемъ его законнаго властелина. Вѣчная слава папы, счастіе Рима и миръ Италіи—вотъ результаты, которые получатся, если папа рискнетъ освободиться изъ французскаго плѣна. Въ Авиньонѣ же папство, въ силу естественной необходимости, погрязнетъ въ роскоши и порокахъ и навлечетъ на себя ненависть и презрѣніе всего міра [1]). Никто не бичевалъ папство такъ сурово, какъ Петрарка, но онъ дѣлалъ это не съ цѣлью унизить его и погубить, а чтобы привлечь его назадъ, въ Италію. По его мнѣнію, порочность папской куріи заключалась не въ томъ, что она бозстыднѣйшимъ образомъ обирала міръ, но въ томъ, что плоды этой эксплуатаціи проѣдались въ Авиньонѣ, а не въ Римѣ. Климатъ Авиньона дѣйствовалъ разрушительно на душевнее здоровье папства; по возвращеніи въ Римъ оно должно было тотчасъ же выздоровѣть.

Помимо экономическихъ причинъ, привлекавшихъ итальянцевъ къ папству (причины эти мы разсмотрѣли уже выше), существовали также и политическія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи.

---

[1]) Петрарка хорошо зналъ порочную жизнь папскаго двора, такъ какъ самъ прожилъ въ Авиньонѣ 15 лѣтъ (между 1326—1352). Его ненависть къ этому городу обнаруживается между прочимъ въ одномъ изъ сонетовъ его, посвященномъ Авиньону.

Пробужденіе національнаго сознанія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ развитіемъ товарнаго производства. Какъ только это послѣднее достигаетъ высоты, на которой становится капиталистическимъ, такъ его интересы, и прежде всего интересы капиталистовъ, начинаютъ требовать для себя національнаго, по возможности централизованнаго государства, которое обезпечивало бы капиталистамъ внутренній національный рынокъ и завоевало для нихъ соотвѣтствующее мѣсто и свободу движенія на рынкѣ міровомъ. Явленіе это съ полною ясностью обнаружилось въ XVII вѣкѣ, но возникновеніе современнаго національнаго сознанія восходитъ еще къ XIV столѣтію; впрочемъ, въ тѣ времена оно обнаруживалось лишь въ особенныхъ случаяхъ, когда его пробуждали какія либо особенныя обстоятельства, и далеко еще не достигло силы инстинкта.

Національное сознаніе пробудилось впервые въ высокоразвитой Италіи. Въ XIV столѣтіи страна эта почувствовала настоятельную необходимость въ объединеніи, въ сосредоточеніи всѣхъ силъ своихъ подъ одною властью, такъ какъ при этомъ должны были прекратиться вѣчныя междоусобныя войны мелкихъ государствъ, должны были воцариться спокойствіе и порядокъ, эти краеугольные камни буржуазнаго благополучія, и страна перестала бы быть добычею иноплеменниковъ, каковою она была на самомъ дѣлѣ и какою осталась и въ XIX вѣкѣ.

Но единственною силою, которая, казалось, была въ состояніи объединить Италію и добиться верховной власти надъ различными суверенами, было папство. Тѣмъ необходимѣе было для всѣхъ дальновидныхъ италіанскихъ патріотовъ возвращеніе папы изъ Авиньона.

Ко всему этому теперь присоединилось еще пораженіе Франціи въ войнѣ съ Англіей, которое умѣряло опасность вражды съ нею.

Итакъ, послѣ возникновенія Виклефова движенія, въ папскихъ кругахъ начали серьезно подумывать о возвращеніи въ Римъ. Первую попытку убѣжать изъ Авиньона сдѣлалъ Урбанъ V. Несмотря на протестъ короля Франціи Карла V и кардиналовъ, бывшихъ по большей части креатурами Франціи, онъ въ маѣ 1367 года сѣлъ въ Марсели на корабль и черезъ Геную отправился въ Римъ, гдѣ встрѣченъ былъ съ восторгомъ. Но уже въ 1370 году французскіе кардиналы снова взяли верхъ, для нихъ жизнь въ Авиньонѣ была пріятнѣе (Гиббонъ утверждаетъ, что главной причиной этого было бургундское вино, котораго въ Италіи они не могли получить), и Урбанъ вернулся въ Авиньонъ.

Вторую попытку сдѣлалъ Григорій XI, въ 1376 году. Онъ оставался въ Римѣ до самой смерти (1368 г.). Народъ римскій боялся, чтобы французскіе кардиналы снова не избрали папой какого-нибудь друга французовъ; съ оружіемъ въ рукахъ онъ окружилъ конклавъ и криками: «смерть или итальянскій папа!»— принудилъ кардиналовъ избрать итальянца Урбана VI. Но лишь только явилась возможность, французскіе кардиналы удалились изъ Рима и, объявивъ выборы вынужденными и недѣйствительными, избрали новаго папу Климента VII.

Такъ возникъ великій церковный расколъ. Мы изслѣдовали потому такъ тщательно его причины, что онъ важенъ для исторіи папства, а слѣдовательно и для исторіи еретическихъ сектъ.

Существованіе двухъ папъ одновременно не было чѣмъ-нибудь неслыханнымъ. Было новостью лишь то, что они явились представителями различныхъ національностей: одного поддерживала Франція и Испанія, другого, итальян-

скаго—Германія и Англія. Позже, наряду съ этими двумя, появился еще третій папа, котораго признавали почти одни только испанцы. Такимъ образомъ этотъ церковный расколъ послужилъ уже прологомъ къ распаденію католическаго духовенства на національныя церкви. Дѣло здѣсь было не въ догматахъ, но и не въ чисто-личныхъ домогательствахъ, а въ національныхъ и политическихъ противорѣчіяхъ.

Между враждующими папами началась жестокая борьба, въ которой однако ни одинъ изъ нихъ или изъ ихъ преемниковъ не одержалъ побѣды. Вся католическая церковь была расшатана; то же угрожало и обществу, въ средѣ котораго именно тогда возникли рѣзкія противорѣчія, какъ показали жакерія во Франціи и возстаніе крестьянъ въ Англіи. Слѣдовательно, чтобы положить конецъ безпорядкамъ, предстояло организовать церковь на новыхъ началахъ или, какъ тогда говорили, «реформировать ее съ головы до ногъ». Такъ какъ папство было на это совершенно неспособно, то за это дѣло должны были взяться другія силы. Открылся цѣлый рядъ интернаціональныхъ конгрессовъ, такъ называемыхъ церковныхъ соборовъ, на которыхъ, однако, представители свѣтскихъ государей говорили такъ же много, какъ и представители различныхъ духовныхъ организацій [1]).

Папство, явившееся послѣ этихъ соборовъ, стояло далеко ниже того, которое нѣкогда побѣдило Гогенштауфеновъ. Правда, теперь папы подпадали подъ вліяніе какой либо одной націи не такъ сильно, какъ во время пребыванія въ Авиньонѣ, но и ихъ вліяніе на каждую отдѣльную націю стало зато значительно меньше. Начали возникать національныя церкви, подчинявшіяся мѣстнымъ свѣтскимъ государямъ. Папа принужденъ былъ дѣлиться съ ними властью и доходами, если только не хотѣлъ потерять ихъ совсѣмъ; его доля въ нихъ была опредѣлена особыми политическими договорами (конкордатъ или прагматическая санкція).

Таково было положеніе во Франціи, Англіи и Испаніи; въ Италіи римская церковь, само собою разумѣется, продолжала быть національною. Только германская имперія не создала себѣ въ эпоху соборовъ національной церкви. Слабость ея была слишкомъ велика, чтобы она могла упорядочить и ограничить папскую власть надъ германскою церковью и эксплуатацію послѣдней. Германія всецѣло стала объектомъ властолюбивыхъ и алчныхъ стремленій папъ и оставалась имъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія.

Одна часть германской имперіи составляла однако исключеніе: а именно богемское королевство.

II. Соціальныя условія въ Богеміи передъ гусситскими войнами.

Ни одна страна, за исключеніемъ Англіи, не можетъ похвастаться столь быстрымъ экономическимъ развитіемъ въ XIV вѣкѣ, какъ Богемія. Въ Англіи развитіе это было вызвано торговлей шерстью и удачными набѣгами на Францію;

[1]) На констанцкомъ соборѣ въ 1417 году избранъ былъ папой, на мѣсто различныхъ другихъ папъ, Мартинъ V, съ избраніемъ котораго прекратился церковный расколъ. Избрали его не одни кардиналы, а коллегія, въ которой вмѣстѣ съ 23 кардиналами засѣдали 30 делегатовъ 5 христіанскихъ государствъ: Италіи, Франціи, Германіи, Испаніи и Англіи.

Богемія же обязана этимъ своимъ серебрянымъ рудникамъ, между которыми первое мѣсто занималъ Куттенбергскій; открытый въ 1237 г., онъ былъ вплоть до XV столѣтія богатѣйшимъ серебрянымъ рудникомъ Европы; въ началѣ XIV вѣка годовая его добыча составляла приблизительно 100.000 марокъ (1 марка = 1/2 фунта). На различныхъ рѣкахъ Богеміи производилась также промывка золота, напр. на Молдавѣ и Лужницѣ, на которой расположенъ Таборъ [1]). Отъ этихъ рудниковъ главнымъ образомъ зависѣло развитіе могущества Богеміи въ ту эпоху и блескъ царствованій Оттона II (1253—78) и Карла I (какъ германскій императоръ Карлъ IV, 1346—78). Если Карлъ I достигъ императорскаго трона, то, наряду съ папской поддержкой, главнымъ образомъ благодаря серебрянымъ рудникамъ Куттенберга, которые дали ему средства для подкупа избирательныхъ голосовъ курфюрстовъ. Тѣмъ же, весьма обыкновеннымъ въ то время, путемъ прошло избраніе и его сына Венцеля [2]).

Благодаря доходности Куттенберга, въ Богеміи стали развиваться торговля и промышленность, науки и искусства, особенно въ Прагѣ, которая считалась тогда «золотой Прагой» и щеголяла красивыми постройками, тамъ же возникъ и первый въ предѣлахъ Германіи университетъ (1348 г.). Церковь тоже не была въ убыткѣ. Монастыри и церкви въ Богеміи были чрезвычайно богаты, особенно при Карлѣ IV, который, какъ мы уже раньше видѣли, назывался «поповскимъ императоромъ».

Пражскіе архіепископы «владѣли 17-ю большими имѣніями въ Богеміи; кромѣ того имѣніемъ Костейнъ въ Моравіи, Люге въ Баваріи и массой болѣе мелкихъ помѣстій. Дворъ ихъ состязался въ пышности съ королевскимъ, и войско вассаловъ всегда было готово къ ихъ услугамъ». Капитулъ канониковъ св. Витта заключалъ всего 300 церковнослужителей, «и болѣе сотни деревень были предоставлены ему цѣликомъ или отчасти въ качествѣ бенефицій. Настоятель собора пользовался имѣніемъ Воллинъ и кромѣ того 12-ю меньшими помѣстьями», и т. д. (Палацкій, Geschichte von Böhmen, III, 2, стр. 41). Энеи Сильвій, впослѣдствіи папа Пій II, который зналъ толкъ въ церковныхъ богатствахъ, пишетъ въ своей «Исторіи Богеміи»: «Я думаю, что въ наше время въ цѣлой Европѣ нѣтъ страны, въ которой бы можно найти такіе многочисленные, кра-

[1]) Aeneas Sylvius Piccolomini. De Ortu et Historia Bohemorum. Opera omnia Basel, 1551, стр. 109.

[2]) По словамъ Энея Сильвія, Карлъ будто бы обѣщалъ тогда каждому курфюрсту по 100.000 гульденовъ, но это сообщеніе оспаривается. Достовѣрно только, что курфюрсты кельнскій и трирскій получили каждый по крайней мѣрѣ 40.000 гульденовъ. Имѣется квитанція послѣдняго отъ 12 іюля 1376 года. Повидимому, люди были тогда не слишкомъ осмотрительны. Время это кажется намъ такимъ варварскимъ потому, что оно открыто выставляло наружу пороки цивилизаціи. У правящихъ классовъ было еще слишкомъ много чувства собственнаго достоинства для того, чтобы они стали вводить въ моду лицемѣріе. Открыто покупались не только избирательные голоса, но даже и духовный санъ. Противникъ или конкурентъ побивался на открытомъ рынкѣ, а не доводился до разоренія и самоубійства путемъ мирныхъ и законныхъ финансовыхъ спекуляцій. Духовные и свѣтскіе властители открыто жили со своими любовницами (Алиса Парре, любовница Эдуарда III англійскаго, принимала даже участіе въ засѣданіяхъ верховнаго суда); когда какой либо властитель посѣщалъ одинъ изъ своихъ „добрыхъ, вѣрныхъ городовъ“, то навстрѣчу ему посылались проститутки города, чтобы торжественно принять его и развлекать. Таковъ былъ обычай у нашихъ „прямодушныхъ предковъ“.

сивые и богато разукрашенные храмы, какъ въ Богеміи. Храмы достигаютъ своими куполами тучъ... Высокіе алтари обременены золотомъ и серебромъ, облекающими реликвіи святыхъ, одежды священнослужителей украшены жемчугомъ, отдѣлка церквей богата, утварь чрезвычайно цѣнна... Это удивительное богатство существуетъ не только въ городахъ и торговыхъ мѣстахъ, но и въ деревняхъ».

Чѣмъ богаче становилась богемская церковь, тѣмъ больше доходовъ шло отъ нея папѣ.

На ряду съ церковью и королемъ, съ его придворными, куттенбергскіе цехи получали также громадные доходы; въ XIV вѣкѣ уже не было одиночныхъ горнорабочихъ-кустарей, а были пражскіе и куттенбергскіе купцы и капиталисты, которые заставляли рудокоповъ работать на себя и, благодаря горному промыслу, достигали богатства и почета.

Развитіе товарнаго производства и обмѣна должно было, разумѣется, вызвать въ Богеміи тѣ же явленія, что и въ другихъ странахъ; наряду съ антагонизмомъ между папской церковью и массой населенія, возникли противорѣчія между купцами и потребителями, между хозяевами и подмастерьями, между капиталистами и кустарями. Противорѣчіе между помѣщиками и крестьянами обострялось все болѣе. Правда, въ Богеміи также можно уловить всеобщую для той эпохи тенденцію къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и замѣнѣ ея просто оброкомъ.—но причины и характеръ этого явленія мы излагали уже много разъ (напр. стр. 137 и слѣд.). Въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій, крѣпостная зависимость въ Богеміи фактически прекратилась. Но, подобно Англіи, въ Богеміи также не было недостатка въ попыткахъ со стороны помѣщиковъ снова возстановить ее, и ихъ стремленія въ этомъ направленіи были серьезной причиной соціальнаго недовольства [1]).

Наибольшее недовольство, однако, развилась среди мелкаго дворянства, которое, немногимъ отличаясь отъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, пользовалось лишь незначительными доходными статьями и не имѣло могущества крупныхъ бароновъ, дававшаго возможность выжимать изъ крестьянъ всѣ соки; съ возникновеніемъ товарнаго производства и обмѣна дворяне эти быстро утратили свое прежнее равнодушіе къ удобствамъ жизни и по примѣру богатыхъ купцовъ и бароновъ получили представленіе о «жизни сообразно положенію». Классъ этотъ быстро пришелъ въ упадокъ къ концу XIV вѣка. Королевская власть была уже слишкомъ сильна, чтобы могло развиться сословіе рыцарей-разбойниковъ, хотя въ попыткахъ, заходящихъ иногда очень далеко, недостатка не было. Принадлежность Богеміи къ германской имперіи препятствовала прибыльной національной войнѣ, и потому почти все, безъ исключенія, богемское рыцарство, для покрытія своего дефицита, должно было идти на службу въ наемныя войска.

Богемское крестьянство также, подобно крестьянству большинства государствъ того времени, выставляло очень много наемниковъ.

Развитіе добычи серебра послужило не только могучимъ средствомъ къ развитію товарнаго производства и обмѣна, не только вызвало проявленіе выше названныхъ противорѣчій, но и имѣло послѣдствіе, сильно обострившее эти противорѣчія, именно революцію въ области цѣнъ.

Цѣна продукта есть то количество драгоцѣннаго металла — золота или

[1]) Палацкій, l. c., II, 1, стр. 34 и сл.; II, 2, стр. 30, III, 2, стр. 38.

серебра,—на которое онъ можетъ быть обмѣненъ. Количество это бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше стоимость драгоцѣннаго металла, чѣмъ меньше стоитъ трудъ его добыванія. Поэтому открытіе и разработка богатыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Богеміи должны были произвести въ этой странѣ революцію цѣнъ, подобно тому, какъ это произошло въ концѣ XV столѣтія во всей Германіи, благодаря развитію горнаго промысла въ Саксоніи и Тиролѣ, или въ срединѣ XVI вѣка во всей Европѣ, благодаря открытію и разработкѣ золотыхъ и серебряныхъ розсыпей Америки. Намъ не удалось отыскать доказательствъ этому въ исторіи Богеміи, но все же можно не сомнѣваться, что въ XIV столѣтіи Богемія пережила революцію цѣнъ, если только справедливо положеніе, что при равныхъ условіяхъ одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя слѣдствія.

Различные классы населенія были затронуты этимъ явленіемъ различнымъ образомъ: однимъ оно повредило, другимъ послужило на пользу, однихъ оно коснулось лишь слегка, другихъ потрясло глубоко. Но во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, гдѣ посредникомъ являлись деньги, соціальныя противорѣчія только обострялись, благодаря возвышенію цѣнъ. Болѣе всего страдали отъ этого тѣ классы, которые жили только на денежные доходы и не имѣли возможности увеличить ихъ соотвѣтствующимъ образомъ; въ городахъ это низшіе разряды населенія, живущаго наемнымъ трудомъ, въ деревняхъ—мелкое дворянство.

Однако, надъ всѣми этими соціальными противорѣчіями господствовало одно важнѣйшее противорѣчіе — національное и, подобно Англіи, въ Богеміи оно также сливается съ церковнымъ.

Въ XIII столѣтіи Богемія была страною очень отсталою въ экономическомъ отношеніи; ея западные германскіе сосѣди далеко опоредили ее въ общественномъ развитіи. Блестящее развитіе промышленности и торговли, наукъ и искусствъ въ Богеміи, съ открытіемъ куттенбергскихъ рудниковъ, сдѣлалось возможнымъ лишь благодаря тому, что богемскіе короли привлекали къ себѣ германскихъ поселенцевъ. Именно оба излюбленные богемскими патріотами короля, Оттонъ II и Карлъ I (IV), сдѣлали больше всѣхъ въ этомъ отношеніи; они побуждали къ переселенію германскихъ крестьянъ, ремесленниковъ, купцовъ, германскихъ художниковъ и ученыхъ.

Куттенбергъ былъ чисто-нѣмецкій городъ, точно такъ же, какъ и другіе горные города, напр. Деутшбродъ и Иглау [1]). Кромѣ того, было много другихъ городовъ, вновь основанныхъ нѣмцами или такъ основательно онѣмеченныхъ ими, что все управленіе переходило въ ихъ руки, тѣмъ болѣе, что они представляли изъ себя зажиточныя сословія купцовъ и привилегированныхъ ремесленниковъ. Мелкіе ремесленники, масса наемныхъ рабочихъ и прочаго простого народа, были природные чехи [2]).

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцами начата была вновь разработка старыхъ рудниковъ въ Иглау, и были открыты рудники Куттенберга, „нѣмцы утвердились въ Богеміи,—разсказываетъ старый лѣтописецъ,—благодаря имъ, король (Оттонъ II) добылъ несмѣтныя сокровища изъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, собралъ цѣлыя горы золота и серебра“ (Палацкій l. c., II, 1, стр. 158).

[2]) Палацкій называетъ знатнѣйшія фамиліи Праги; это были, какъ свидѣтельствуютъ имена, почти все чистокровные нѣмцы: Штукъ, Вольфлинъ, Вольфрамъ, Таузендмаркъ, Пиркнеръ, Тафельрунгъ, Корнбюль, Эртель, всякіе —ганы и —штейны и т. д. (l. c., II, 2 стр. 24).

Пражскій университетъ также находился въ рукахъ нѣмцевъ. Устроенный по образцу парижскаго, онъ разбивался на четыре національности. Университетъ представлялъ изъ себя самоуправляющуюся общину, и каждая національность въ дѣлѣ управленія имѣла одинъ голосъ. Но въ то время, какъ въ парижскомъ университетѣ французы имѣли фактически три голоса, такъ какъ его четыре національности были: французы, пикардійцы, нормандцы и англичане—богемцы въ Прагѣ пользовались лишь однимъ голосомъ; университетъ раздѣлялся на богемскую, баварскую, саксонскую и польскую національности; послѣдняя въ большинствѣ также состояла изъ нѣмцевъ (силезцы). Это было очень важно, такъ какъ университетъ былъ въ ту эпоху научной и политической силой перваго разряда, онъ имѣлъ такое же значеніе, какъ современная пресса и высшія школы, взятыя вмѣстѣ [1]).

Внѣшняя его организація была также очень сильна. Университетскія постройки и жилища профессоровъ и студентовъ образовали въ Прагѣ, какъ и въ Парижѣ, отдѣльную часть города и, вѣроятно, имѣли даже свои особыя укрѣпленія [2]); число учащихся равнялось еще въ началѣ XV-го столѣтія многимъ тысячамъ.

По современнымъ, вѣроятно, преувеличеннымъ свѣдѣніямъ, въ 1408 году въ Прагѣ было 200 докторовъ и магистровъ, 500 баккалавровъ и 36.000 студентовъ. Когда въ 1409 году нѣмецкіе студенты стали покидать Прагу, то въ одинъ день ушло, какъ повѣствуетъ Эней Сильвій въ своей «исторіи Богеміи», 2.000 человѣкъ; 3.000 ушли нѣсколько дней спустя и основали университетъ въ Лейпцигѣ. Во всякомъ случаѣ можно принять за достовѣрное, что общее число учащихся въ то время въ университетѣ было не менѣе 10.000 человѣкъ [3]).

При университетѣ было много различныхъ учрежденій, имѣній и домовъ, подаренныхъ для пользованія профессоровъ и бѣднѣйшихъ студентовъ, — казеннаго жалованья и стипендій тогда не было—и всѣ богатства, вся сила университета были въ рукахъ нѣмцевъ. Магистры чешскаго происхожденія горько жалуются, что имъ приходится голодать, занимая мѣста деревенскихъ школьныхъ учителей, въ то время какъ ихъ нѣмецкіе коллеги всѣ пользуются хорошими доходами отъ университета; когда интересы чеховъ сталкивались съ интересами нѣмцевъ, то университетъ всегда становился на сторону послѣднихъ.

Кромѣ всего этого, и церковь являлась доходнымъ учрежденіемъ для нѣмцевъ. Бѣднѣйшіе приходы, разумѣется, предоставлялись чехамъ, монастыри же находились преимущественно въ рукахъ нѣмцевъ, равно какъ и высшія должности среди бѣлаго духовенства. Настоятели пражскаго собора, о которыхъ мы

[1]) Конст. Гефлеръ, историкъ авиньонскихъ папъ, думаетъ, что парижскій университетъ могъ, отъ времени до времени, дѣлаться сильнѣе короля Франціи. По его мнѣнію, онъ успѣшно разрѣшалъ свои случайные конфликты съ папой и королемъ именно благодаря этой своей силѣ, а не благодаря средневѣковому принципу „свободы знанія“, какъ думаетъ Лассаль (Die Wissenschaft und die Arbeiter, рѣчи и письма Лассаля, изд. Бернштейна, II, стр. 65). Одной изъ важнѣйшихъ задачъ средневѣковыхъ университетовъ было разслѣдованіе ересей

[2]) Мауреръ, Städteverfassung, II, стр. 37.

[3]) Нѣкоторые авторы даютъ почти невѣроятныя числа. Такъ, Фалькенштейнъ въ своей „Historie von Erffurth“ стр. 290 (цитирую по Ульману, Reformatoren etc., I, стр. 246) говоритъ: ушло (изъ Праги) 40.000 студентовъ, и изъ нихъ 20.000 направились въ Лейпцигъ.

уже говорили выше, были въ большинствѣ случаевъ нѣмцы. Пражскій архіепископъ, Конрадъ фонъ-Вехта, при которомъ разразилось гусситское возстаніе, былъ «фанатикъ нѣмецъ изъ самаго глухого уголка мюнстерскаго округа» (Шлоссеръ).

Итакъ, вся масса населенія страны, — низшіе классы горожанъ, низшее духовенство, все сельское населеніе, крестьяне, рыцари и помѣщики — сталкивались съ нѣмцами, какъ съ эксплуататорами или конкурентами въ эксплуатаціи. Борьба противъ церковной эксплуатаціи съ одной стороны и стремленіе къ церковнымъ богатствамъ съ другой соединялись съ борьбой противъ нѣмецкой эксплуатаціи и со стремленіемъ къ богатствамъ нѣмцевъ.

Поэтому національное чувство проснулось въ XIV столѣтіи также и въ Богеміи. Но чувство это, при своемъ возникновеніи, въ каждой странѣ принимаетъ своеобразныя формы, въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя его вызываютъ; въ Италіи и Германіи оно обнаружилось прежде всего въ формѣ стремленія къ государственному объединенію націи; въ первой странѣ оно привело патріотовъ къ культу папства, во второй—къ мистическому стремленію къ сильной имперіи; во Франціи и Англіи національное чувство выражалось преимущественно въ ненависти къ враждебной націи; въ Богеміи же оно проявилось, какъ особый родъ классовой ненависти.

Наиболѣе сильное выраженіе оно получило, вѣроятно, въ книгѣ, которая хоть и появилась лишь послѣ гусситской войны (1437 г.), но вѣрно передаетъ духъ всего гусситскаго движенія. Книга эта: «Kratké seḃráni Kronik českyċh k wýstraze wèrnicḣ Cechûw» (Краткое собраніе чешскихъ хроникъ, для предостереженія вѣрнымъ чехамъ). «Богемцы —говорится тамъ— должны очень остерегаться и стараться изо всѣхъ силъ не подпасть подъ владычество нѣмцевъ; ибо, согласно свидѣтельству богемскихъ хроникъ, нація эта самый страшный врагъ чеховъ и славянъ». Это доказывается далѣе ссылками на чешскія хроники. Король Карлъ IV «поднялъ Богемію, расширилъ городъ Прагу, распространялъ знанія и проч., но также повсемѣстно покровительствовалъ нѣмцамъ. Кто были бургомистры и ратманы во всѣхъ королевскихъ городахъ Богеміи? — Нѣмцы. Кто судьи?—Нѣмцы. Гдѣ произносились проповѣди для нѣмцевъ? — Въ соборахъ. Гдѣ для чеховъ? — На церковныхъ погостахъ и въ домахъ. Въ этомъ заключается прямое доказательство, что онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ нѣмцами, отъ которыхъ происходилъ самъ, подчинить и по возможности искоренить все богемское; подъ его давленіемъ въ ратушахъ начали выслушивать жалобы на нѣмецкомъ, а не на чешскомъ языкѣ», и т. д. [1]).

Какимъ образомъ это національное противорѣчіе слилось съ церковнымъ, ясно изъ всего сказаннаго. Нѣмцы пользовались преимуществомъ по занятію доходнѣйшихъ мѣстъ среди бѣлаго духовенства, въ монастыряхъ, въ университетѣ, бывшемъ въ то время главнымъ образомъ теологическимъ учрежденіемъ. Если чехи имѣли всѣ основанія ставить преграды церковной эксплуатаціи и добиваться церковнаго имущества, то нѣмцы, съ своей стороны имѣли столько же основаній противиться подобнымъ домогательствамъ. Стремленіе къ церковной реформаціи въ XIV вѣкѣ повсемѣстно нашло себѣ у чеховъ благодарную почву и натолкнулось на очень рѣшительное противодѣйствіе богемскихъ нѣмцевъ.

Такова была атмосфера, въ которой развилось враждебное папѣ и нѣм-

[1]) Палацкій, l. c. III, 3, стр. 292, 293.

цамъ движеніе, названное гусситскимъ по имени его наиболѣе значительнаго литературнаго представителя, Ивана Гуса.

III. Начало гусситскаго движенія.

Важнѣйшія свои положенія и требованія гусситское движеніе заимствуетъ при своемъ возникновеніи у Виклефитовъ; лишь только ученіе англійскаго реформатора достигло Богеміи, оно было быстро воспринято тамъ и распространено. Самъ Гусъ опирался на Виклефа. Однако люди, утверждающіе, что гусситское движеніе порождено ученіемъ Виклефа, сильно ошибаются. Правда, ученіе это доставило гусситскому движенію наиболѣе сильные аргументы, повліяло на формулировку требованій, выставленныхъ этимъ движеніемъ, но основаніе, сила и цѣль его глубоко коренились въ окружающихъ условіяхъ; это было не наносное, а вполнѣ самобытное движеніе. Уже при Карлѣ IV оно нашло себѣ выраженіе у Милича изъ Кремзіера и Матвѣя изъ Янова еще прежде, чѣмъ виклефовы сочиненія попали въ Богемію, что случилось лишь въ послѣдніе годы жизни луттервортскаго священника (около 1380 г.).

Сынъ Карла IV, Венцель четвертый, богемскій король, носившій это имя (царствовалъ съ 1378 по 1419 г.), старался, насколько это было возможно, примирять возникшія противорѣчія. Такъ какъ германская императорская корона не только не привлекала его, но даже была ему непріятна, ибо не давала никакой власти, то онъ могъ и не быть «поповскимъ императоромъ», какимъ былъ его отецъ. Онъ старался подчинить церковь своей власти и сходился въ этомъ стремленіи съ чешскими патріотами и церковными реформаторами. Но съ другой стороны онъ зналъ, что нѣмцы — основа цвѣтущаго экономическаго состоянія Богеміи и, въ значительной степени, его собственнаго могущества. Онъ удовлетворялъ желанія чеховъ, но въ то же время не хотѣлъ, чтобы это наносило вредъ нѣмцамъ. Этому щекотливому положенію слѣдуетъ поставить на счетъ неустойчивость политики Венцеля, который сегодня благопріятствовалъ чехамъ и желающимъ реформъ, напр. въ университетскомъ вопросѣ, а на другой день старался сдержать ихъ, что, конечно, не всегда удавалось.

Значеніе нѣмцевъ при немъ ослабѣло, но его колеблющейся, противорѣчивой, часто причудливой политикѣ все-таки удалось оттянуть неизбѣжную катастрофу почти къ самому концу его жизни.

Дѣло дошло до взрыва лишь тогда, когда внѣшнія силы вмѣшались въ положеніе Богеміи и предпочли политику твердой руки политикѣ колебаній и компромиссовъ, когда своей попыткой погасить пожаръ однимъ рѣшительнымъ шагомъ онѣ заставили вспыхнуть все зданіе яркимъ пламенемъ.

Крупнѣйшій литературный представитель антипапскаго и антинѣмецкаго движенія, Иванъ Гусъ, съ 1398 года профессоръ пражскаго университета, затѣмъ съ 1402 года священникъ Виѳлеемской часовни, пользовался расположеніемъ Венцеля, который сдѣлалъ его духовникомъ королевы Софьи. Прежде всѣхъ возсталъ противъ Гуса и Виклефа, ученіе котораго Гусъ распространялъ, университетъ, находившійся въ рукахъ нѣмцевъ. Онъ призналъ 45 виклефовыхъ тезисовъ еретическими. Университетскій споръ все очевиднѣе превращался въ національный, въ которомъ чехи и сторонники реформъ взяли верхъ. Въ концѣ

концовъ Венцель вмѣшался и, въ 1409 г., далъ чешской націи въ университетѣ три голоса, а прочимъ, всѣмъ вмѣстѣ, только одинъ: послѣ этого большинство нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ удалились, университетъ же всталъ на сторону Гуса и избралъ его своимъ ректоромъ.

Но теперь Гусу пришлось имѣть дѣло съ архіепископомъ пражскимъ и, въ концѣ концовъ, съ самимъ папою. Борьба становилась все ожесточеннѣе, пропасть между нимъ и церковью все глубже. Конфликтъ сдѣлался особенно острымъ, когда папа Іоаннъ XXIII, нуждаясь въ деньгахъ, снова установилъ въ 1411 году торговлю индульгенціями. Въ 1412 году отпущеніе стало продаваться и въ Прагѣ. Гусъ съ величайшей горячностью возсталъ противъ этой торговли, а также и противъ эксплуататора-папы, котораго онъ объявилъ антихристомъ. Въ Прагѣ дѣло дошло до открытаго столкновенія между гусситами чехами, которые жгли папскія буллы и грозили духовенству, и католиками нѣмцами.

Уже тогда стало выясняться, что враждебныя стороны должны помѣряться силами въ открытомъ бою. Между тѣмъ Венцель еще разъ сумѣлъ сохранить миръ съ помощью своего преступнаго нейтралитета. Онъ выслалъ Гуса изъ Праги (декабрь 1412 года), но вслѣдъ затѣмъ подвергъ той же участи и четырехъ теологовъ, настроенныхъ въ пользу папы. Въ то же время онъ положилъ конецъ господству нѣмцевъ въ Прагѣ, постановивъ (21 октября 1413 года), что на будущее время половина ратмановъ должна набираться изъ чеховъ.

Въ 1414 году въ Констанцѣ собрался большой церковный соборъ, о которомъ мы уже говорили. Цѣль его была вновь объединить и организовать папскую церковь. Къ этому относилось не только низложеніе трехъ существующихъ папъ и избраніе новаго, но также и подавленіе богемской ереси. Сигизмундъ, братъ Венцеля, съ 1410 года германскій императоръ (Венцель еще въ 1400 году былъ низложенъ нѣмецкими курфюрстами) и вѣроятный наслѣдникъ его въ Богеміи, былъ особенно заинтересованъ въ подавленіи гусситскаго движенія, такъ какъ оно угрожало отпаденіемъ Богеміи не только отъ церкви, но и отъ имперіи.

Гусъ былъ приглашенъ на соборъ. Онъ отправился въ путь, въ Констанцъ, съ увѣренностью въ успѣхѣ (октябрь 1414 г.). Онъ вѣрилъ не въ охранный листъ, данный ему Сигизмундомъ, но главнымъ образомъ въ правоту своего дѣла. Какъ и многіе идеологи, до и послѣ него, онъ видѣлъ лишь различіе въ мнѣніяхъ и недоразумѣнія тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ существовали глубокія, непримиримыя противорѣчія. Онъ думалъ, что стоитъ только освѣтить недоразумѣнія, опровергнуть ошибочныя мнѣнія, и тотчасъ станетъ ясна побѣдоносная сила его идей. Но ему не удалось убѣдить благочестивыхъ отцовъ ни въ необходимости апостольской бѣдности для послѣдователей Христа, ни въ томъ, что какъ духовная, такъ и свѣтская власть, будь это папа или король, перестаетъ быть законною, разъ она совершаетъ смертный грѣхъ.

Этотъ послѣдній демократическій принципъ очень разсердилъ и Сигизмунда.

То обстоятельство, что за Гуса поднялась вся Богемія и прежде всего дворянство, доказывало лишь опасность человѣка, за котораго они вступились, и послужило лишнимъ поводомъ для собора сдѣлать его безвреднымъ. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ принудить Гуса къ отреченію продолжительнымъ заключеніемъ и угрозами, онъ вмѣстѣ со своимъ ученіемъ былъ осужденъ 6 іюля 1415 года и преданъ въ руки свѣтскихъ судей. Сигизмундъ былъ настолько

безхарактеренъ, что нарушилъ свое слово, и Гусъ, несмотря на охранную грамоту, былъ сожженъ на кострѣ.

Это обстоятельство поставило чехамъ альтернативу: возстаніе или подчиненіе. Они выбрали первое.

Еще во время суда надъ Гусомъ нѣкоторые изъ его наиболѣе рѣшительныхъ послѣдователей дошли до того, что открыто отреклись отъ церкви. Они снова предъявили требованіе, поставленное еще Матвѣемъ изъ Янова, чтобы причастіе давалось народу подъ двумя видами. Въ католической церкви былъ обычай предлагать мірянамъ при причастіи не хлѣбъ и вино, а одинъ только хлѣбъ. Причастіе въ двухъ видахъ было предоставлено однимъ только священнослужителямъ. Ученіе, которое хотѣло упразднить привилегіи духовенства, вполнѣ естественно возставало и противъ внѣшняго признака его привилегированнаго положенія. Чаша, чаша для мірянъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ символомъ гусситовъ. По общепринятому взгляду, во всей гигантской гусситской борьбѣ, дѣло въ сущности шло, будто бы, лишь о томъ, слѣдуетъ ли принимать причастіе подъ обоими видами или нѣтъ, и «просвѣщенныя головы» не упускаютъ случая указывать при этомъ съ чувствомъ удовлетворенія на то, какъ ограничены были люди той эпохи и какъ просвѣщены современные вольнодумцы.

Но подобное изображеніе гусситскаго движенія приблизительно настолько же разумно и основательно, насколько было бы правильно, спустя столѣтія, изображать современную революціонную борьбу въ такомъ видѣ, будто люди въ XIX столѣтіи были столь неразумны, что придавали извѣстнымъ цвѣтамъ таинственное значеніе и вступали въ кровавую борьбу изъ-за того, каковъ долженъ быть цвѣтъ французскаго знамени — бѣлый, сине-бѣло-красный или красный, цвѣтъ Венгріи черно-желтый или красно-бѣло-зеленый, или что въ Германіи, въ продолженіе нѣкотораго времени, каждый, носящій черно-красно-золотистую кокарду, приговаривался лишь за это къ тяжелому тюремному заключенію.

Чаша для гусситовъ имѣла то же значеніе, какое въ настоящее время имѣютъ различные флаги для различныхъ націй и партій. Она была лишь боевымъ знаменемъ, вокругъ котораго они сплотились и которое защищали до послѣдней крайности, но не она была объектомъ борьбы.

То же можно сказать и относительно различныхъ формъ причастія, появившихся во время реформаціи XVI столѣтія.

Отпаденіе отъ католической церкви, символомъ котораго сдѣлалось требованіе «чаши для мірянъ», стало послѣ казни Ивана Гуса всеобщимъ. Ледъ былъ разбитъ, и скоро обнаружились послѣдствія этого отреченія, тѣ послѣдствія, которыя въ сущности легли въ основу всего конфликта. Въ Прагѣ начали случаться время отъ времени массовыя волненія простого народа, выражавшіяся не только въ безвредныхъ демонстраціяхъ, но иногда также въ преслѣдованіи бѣлаго духовенства и монаховъ, въ ограбленіи церквей и монастырей. Лучше всего однако воспользовались обстоятельствами дворяне; недаромъ они сдѣлались самыми горячими послѣдователями Гусова ученія. Чтобы отмстить за смерть Гуса, они стали посылать — разумѣется, въ пылу чистаго религіознаго рвенія — письменные отказы отъ союза епископамъ и монастырямъ и начали присвоивать себѣ, гдѣ только было возможно, церковное имущество.

Венцель былъ безсиленъ въ этой борьбѣ. Напрасно папа и Сигизмундъ старались побудить его къ энергичнымъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ. Ему

казалось, что умнѣе всего поступать такъ, какъ будто онъ ничего не замѣчаетъ. Въ концѣ концовъ дошло до того, что Сигизмундъ сталъ грозить брату войною, если тотъ не вмѣшается въ гусситскіе безпорядки. Угроза подѣйствовала, Венцель обратился противъ гусситовъ и попытался вернуть изгнанное духовенство. Тогда въ Прагѣ начался бунтъ, и чернь подъ предводительствомъ Ивана Жижки овладѣла городомъ (30 іюля 1419 года).

Когда Венцель, бѣжавшій отъ угрожающаго мятежа въ свой замокъ Венцельштейнъ, получилъ извѣстіе объ этомъ, имъ овладѣлъ ужасный гнѣвъ; гнѣвъ этотъ вызвалъ апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ, спустя нѣсколько дней, умеръ.

Богемія очутилась безъ короля и была предоставлена гусситской ереси.

IV. Партіи въ гусситскомъ движеніи.

Пока ересь въ Богеміи была ученіемъ тайнымъ, наружу выступали лишь національныя и религіозныя его стороны. Національный и религіозный врагъ былъ одинъ и тотъ же для всѣхъ классовъ населенія; общая вражда объединяла всѣ эти классы.

Теперь, когда общій врагъ былъ подавленъ и «чистое слово Божіе» побѣдило, обнаружилось, что слово это хотя звучало и одинаково для всѣхъ, но понято было различными классами, согласно ихъ особымъ интересамъ, совершенно различно и часто даже въ противоположномъ смыслѣ.

Вообще среди гусситовъ образовалось два направленія, двѣ партіи. Каждое изъ нихъ имѣло своимъ центромъ отдѣльный городъ, также какъ и разсѣянные въ Богеміи остатки католицизма. Города эти были: Прага, Таборъ и Куттенбергъ.

Нѣмецкіе цехи и горнорабочіе Куттенберга, бывшаго тогда самымъ большимъ и сильнымъ городомъ послѣ Праги, имѣли полное основаніе оставаться католиками. Въ случаѣ побѣды гусситовъ, никто не терялъ больше, чѣмъ они; въ силу этого католицизмъ нигдѣ не проявлялся съ такимъ фанатизмомъ, какъ среди нихъ. Каждаго гусситa, попадавшаго въ ихъ руки, они казнили, а попадались многіе. Чехи утверждали даже, что жители Куттенберга установили денежную награду за поимку гусситовъ,—а именно шестьдесятъ пражскихъ грошей за простого еретика и триста за еретическаго священника.

Кромѣ Куттенберга, было еще нѣсколько городовъ, въ которыхъ нѣмцамъ удалось удержаться и которые поэтому остались вѣрны дѣлу католицизма. Въ продолженіе гусситской войны бо́льшая часть этихъ городовъ, въ томъ числѣ и самъ Куттенбергъ, попали въ руки гусситовъ и были ими превращены въ чешскіе города. Послѣ того, какъ дѣло католичества было окончательно потеряно въ Куттенбергѣ (1422), центръ тяжести католической партіи перенесенъ былъ въ Пильзенъ.

Кромѣ этихъ нѣсколькихъ городовъ, старой религіи осталась еще вѣрна небольшая часть дворянъ, отчасти въ надеждѣ получить большія выгоды при королевскомъ дворѣ, отчасти изъ отвращенія къ демократическому направленію, развившемуся среди гусситовъ.

Но большинство дворянъ крѣпко держалось дѣла гусситовъ; къ этому ихъ

принуждали захваченныя ими церковныя имущества. Идеаломъ ихъ, особенно же высшаго дворянства, была аристократическая республика съ фиктивнымъ королемъ во главѣ. Такъ какъ Сигизмундъ не годился для роли послѣдняго, то они начали искать кандидата на это мѣсто въ Польшѣ и Литвѣ. Однако ни одинъ пользующійся уваженіемъ князь не желалъ забираться въ осиное гнѣздо.

На сторонѣ аристократической партіи стояла также большая часть жителей Праги. Однако и тамъ послѣ цѣлаго ряда бунтовъ, послѣ того какъ было разогнано нѣмецкое духовенство и патриціи, и власть захватили въ свои руки низшіе слои населенія, наряду съ совѣтомъ организовано было собраніе городскихъ жителей, въ которомъ право голоса имѣлъ каждый, самостоятельно занимающійся въ городѣ ремесломъ. Ратманы избирались, вѣроятно, этимъ собраніемъ.

Однако въ Прагѣ скоро явилась новая, высшая буржуазія. Этотъ сильный городъ, подобно дворянству, конечно, воспользовался возможностью прибрать къ своимъ рукамъ церковное имущество. Добыча была такъ значительна, что долгое время служила предметомъ спора между обоими обществами горожанъ, изъ которыхъ состояла Прага,—между старымъ и новымъ городомъ. Конфискованное имущество, добыча изъ церквей и монастырей, которую продавали, дѣлили, отдавали за безцѣнокъ, представляло для практическихъ головъ удобный случай выдѣлиться изъ массы. Послѣ взятія Куттенберга эксплуатація его рудниковъ досталась Прагѣ, для которой она сдѣлалась главнымъ источникомъ дохода. Это обстоятельство также способствовало появленію ловкихъ спекулянтовъ. Такимъ образомъ возникъ новый чешскій патриціатъ, который вскорѣ сошелся съ дворянствомъ и неохотно подчинялся власти «великаго собранія».

Скоро аристократическія симпатіи проснулись также и среди ремесленниковъ и даже среди низшихъ классовъ населенія Праги, такъ какъ она была городомъ роскоши. Промышленность и торговля процвѣтали въ Прагѣ благодаря тому, что дворъ и знать проматывали здѣсь все, что высасывали изъ цѣлой страны. Подобно тому, какъ римляне вѣчно тосковали за папой, даже когда сами его прогнали, и жители Праги начали считать королевскую власть и хищное дворянство абсолютно необходимою принадлежностью общества. Демократическіе элементы въ городѣ все ослабѣвали, аристократическіе усиливались. Бунты, интриги, внѣшнее вмѣшательство поперемѣнно усиливали то одинъ, то другой изъ этихъ элементовъ, но, какъ союзница демократовъ, Прага была всегда очень ненадежна, какъ врагъ ихъ — очень рѣшительна; къ концу гусситскихъ войнъ она сдѣлалась именно исключительно врагомъ.

Жители Праги и гусситское дворянство, преимущественно высшее, образовали «умѣренную партію» — названную такъ, вѣроятно, потому, что всѣ они конфисковали церковныя имѣнія чрезвычайно неумѣренно—партію Каликстинцевъ или Утраквистовъ [1]).

Имъ противополагается другое направленіе, которое можно назвать демократическимъ, какъ по составу его сторонниковъ, такъ и по его общимъ тенденціямъ.

Большинство послѣдователей направленіе это нашло себѣ среди крестьянъ, которые составляли самый многочисленный классъ страны.

---

[1]) Каликстинцы отъ латинскаго calix — чаша; утраквисты, потому что они принимали причастіе подъ обоими видами, по латыни sub utraque specie.

Гусситская революція обнаружила антагонизмъ между крестьянами и землевладѣльцами. Дворянамъ конфискованная церковная земля не приносила никакой пользы безъ церковныхъ крестьянъ, которые платили имъ оброкъ. Но крестьяне не для того поднялись противъ церкви, чтобы перемѣнить одного господина на другого, еще болѣе строгаго. Они желали быть свободными крестьянами-землевладѣльцами, свободными собственниками. Революція сверху должна была вызвать также и революцію снизу. Разрушены были всѣ преграды, которыя пока препятствовали еще до нѣкоторой степени рѣзкому столкновенію враждебныхъ классовъ. Всѣ тридиціи, подчинявшія эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ строгимъ правиламъ, ограничивавшія власть, обуздавшія бароновъ и крестьянъ, были уничтожены. Крестьяне чувствовали, что если теперь не удастся уничтожить могущество дворянъ, сбросить ихъ иго, то имъ придется подчиниться ихъ неограниченной власти. Имъ предстоялъ выборъ между полной свободой и полнымъ закрѣпощеніемъ.

Заодно съ крестьянами были также мелкіе мѣщане и пролетаріи, отчасти, какъ мы видѣли, въ Прагѣ, главнымъ же образомъ въ тѣхъ небольшихъ городахъ, гдѣ имъ удалось искоренить «почтенныхъ» нѣмцевъ, т.-е. крупнѣйшую буржуазію. Каждый изъ этихъ городовъ по своему значенію стоялъ далеко ниже Праги. Разъединенные, они не были въ состояніи противостоять, подобно Прагѣ, силѣ бароновъ, алчность которыхъ не знала границъ. Слабость королевской власти въ Германіи еще раньше принудила города соединиться въ союзы, чтобы быть въ состояніи противиться эксплуататорскимъ наклонностямъ дворянъ; такъ же поступили теперь и богемскіе мелкіе города — за исключеніемъ немногихъ, оставшихся въ рукахъ католиковъ.

Мелкое дворянство, экономически занимающее среднее положеніе между крестьянствомъ и крупнымъ дворянствомъ, подобно тому какъ въ наше время мелкая буржуазія стоитъ между классомъ капиталистовъ и пролетаріатомъ, держалось такъ же нерѣшительно и неувѣренно, какъ въ наше время масса мелкой буржуазіи. Мелкіе дворяне почти такъ же, какъ болѣе крупные свободные крестьяне, отчасти теряли, но отчасти пріобрѣтали что нибудь. Освобожденіе крестьянъ угрожало имъ уменьшеніемъ доходовъ, но паденіе крупнаго дворянства освобождало отъ опасныхъ конкуррентовъ и противниковъ, которые все больше подавляли ихъ; поэтому ограбленіе крупнаго дворянства было такъ же желательно для рыцарей, какъ и для крестьянъ. Часть мелкаго дворянства примкнула къ аристократической партіи, другая къ демократической, самая же большая часть ихъ колебалась и склонялась туда, куда въ данный моментъ привлекала ихъ побѣда и надежда на добычу.

Среди рыцарей, которые всегда оставались непоколебимо вѣрны демократической партіи, выдавался уже упомянутый раньше Жижка изъ Тронцова, который, въ качествѣ наемника, сражался съ поляками, турками и, будучи на англійской службѣ, съ французами. Онъ отдалъ въ распоряженіе демократовъ свою военную опытность и сталъ самымъ популярнымъ и страшнымъ полководцемъ. Но какъ тѣсно онъ ни примыкалъ къ нимъ, онъ былъ для нихъ не политикъ, а солдатъ, потому что они образовали армію, которая не знала себѣ подобной. Какъ политикъ, онъ, какъ и многіе рыцари и большая часть пражскаго мелкаго мѣщанства, занималъ среднее положеніе между демократами и каликстинцами.

Послѣ его смерти нѣкоторые его сторонники отдѣлились отъ демократовъ и образовали свою собственную, среднюю партію, партію «сиротъ» — такъ они назвали себя потому, что потеряли своего отца, Жижку.

Демократы же послѣ этого стали называться таборитами, по имени своего политическаго и военнаго центра, коммунистическаго города Табора. Коммунисты сдѣлались передовыми бойцами демократическаго движенія.

V. Коммунисты въ Таборѣ.

Въ Богеміи, какъ и въ другихъ странахъ, вмѣстѣ съ развитіемъ товарнаго производства и товарнаго обращенія, развились также и коммунистическія идеи. Расширеніе въ XIV столѣтіи шерстянаго ткачества, которое появилось въ Богеміи впервые въ Прагѣ, Иглау и Пильзенѣ, въ особенности, вѣроятно способствовало появленію и распространенію этихъ идей [1]).

Не было также недостатка и во внѣшнемъ вліяніи, поддерживающемъ эти идеи. Въ Богемію явились беггарды (называвшіеся тамъ пикардами); переселеніе нѣмецкихъ ремесленниковъ, которымъ покровительствовали богемскіе короли, также, вѣроятно, не прошло безъ вліянія на появленіе въ Богеміи ученія беггардовъ.

Вальденсы (альбигойцы) также бѣжали изъ южной Франціи въ Богемію еще во время первыхъ преслѣдованій и, найдя тамъ себѣ убѣжище, начали распространять свое ученіе [2]).

Когда возникъ конфликтъ между Богеміей и папской церковью, то противники этой церкви не только были терпимы въ Богеміи, но даже стали пользоваться особымъ покровительствомъ; тогда, разумѣется, коммунистическая ересь также стала смѣлѣе, и коммунисты, преслѣдуемые въ сосѣднихъ государствахъ, начали искать спасенія въ Богеміи. Коммунизму было тѣмъ легче развиваться здѣсь, что и по своей аргументаціи и, въ большинствѣ случаевъ, по своимъ требованіямъ онъ очень сходился съ другими еретическими направленіями: всѣ они жаждали возвращенія къ первобытному христіанству, возстановленія чистаго ученія; споры изъ-за его толкованія возникли уже впослѣдствіи.

Объявленіе войны въ Богеміи со стороны церкви и правительства черезъ сожженіе Ивана Гуса привело, благодаря конфискаціи и разграбленію церковныхъ имуществъ, къ полному крушенію существовавшихъ до тѣхъ поръ формъ общества и собственности. Это было самое подходящее время для развитія коммунистическихъ сектъ, и онѣ смѣло воспользовались имъ. До тѣхъ поръ секты эти влачили свое существованіе, тайкомъ и всячески скрываясь, и только время отъ времени, благодаря измѣнѣ кого-либо изъ послѣдователей ихъ, міръ узнавалъ объ ихъ существованіи [3]). Теперь, когда онѣ могли выступить открыто, обнаружилось, какихъ относительно большихъ размѣровъ онѣ достигли.

[1]) Уже въ 1337 году въ Прагѣ были ткачи сукна, которые изготовляли его вполнѣ самостоятельно. Очевидно поэтому уже должны были существовать болѣе крупные предприниматели, занимавшіе подмастерій, работавшихъ на дому (Гильдебрандтъ, Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, l. c., стр. 104).

[2]) Ф. Бендеръ, Geschichte der Waldenser, стр. 46 и сл.

[3]) Изъ пьемонтскихъ долинъ, гдѣ удержались еще общины вальденсовъ, въ концѣ XIV вѣка въ Богемію, къ живущимъ тамъ вальденсамъ явилось двое проповѣдниковъ. Бендеръ (Geschichte der Waldenser, стр. 47), трудомъ котораго мы пользуемся, не при-

Въ Прагѣ коммунисты, конечно, были слишкомъ слабы, а противники ихъ слишкомъ сильны, чтобы первые могли свободно развернуться. Совершенно иначе обстояло дѣло въ меньшихъ городахъ.

Коммунистическіе проповѣдники объявляли, что наступило уже тысячелѣтнее царствіе Христа; Прага будетъ сожжена небеснымъ огнемъ, какъ Содомъ, но праведные найдутъ себѣ убѣжище и спасеніе въ другихъ городахъ; Христосъ явится въ блескѣ своей славы и оснуетъ царство, въ которомъ не будетъ ни господъ, ни слугъ, ни грѣховъ, ни бѣдствій и не будетъ иныхъ законовъ, кромѣ «закона свободнаго духа». Живущіе въ то время возвратятся въ состояніе райской невинности; они не будутъ болѣе знать никакихъ физическихъ страданій и потребностей и для спасенія своего не будутъ нуждаться въ св. церковныхъ таинствахъ [1]).

Въ различныхъ городахъ дѣло дошло до устройства коммунистическихъ организацій; о коммунистическихъ учрежденіяхъ въ деревняхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и все указываетъ на то, что идеи коммунизма были осуществлены только въ городахъ. Изъ этихъ городовъ слѣдуетъ назвать Писекъ, Воднинъ и Таборъ. Въ послѣднемъ коммунисты достигли исключительнаго могущества.

Таборъ основанъ былъ близъ городка Аусти на Лужницѣ, которая получила извѣстность, благодаря своимъ золотымъ розсыпямъ. Обиліе золота сильно содѣйствовало развитію въ Аусти промышленности и торговли, а также неразрывно связанныхъ съ ними общественныхъ противорѣчій; достовѣрно извѣстно, что коммунистическіе агитаторы находили тамъ себѣ съ 1415 года защиту и покровительство, главнымъ образомъ у богатаго сукнодѣла и сукноторговца Пителя, — обстоятельство, позволяющее намъ заключить, что тамъ существовало значительное ткаческое населеніе. Населеніе Табора состояло преимущественно изъ ткачей, какъ сообщаетъ Эней Сильвій въ одномъ письмѣ, о которомъ рѣчь будетъ еще впереди. Въ 1419 году, во время краткой реакціи при Венцелѣ, агитаторы эти были изгнаны изъ Аусти, гдѣ существовала сильная католическая партія. Изгнанники поселились недалеко, внизъ по Лужницѣ, на обширномъ холмѣ, который образуетъ полуостровъ съ крутыми, обрывистыми берегами и соединяется съ сушей лишь узкой полосой земли. Это мало доступное мѣсто они избрали себѣ крѣпостью и назвали его горою Таборъ, взявъ это названіе изъ ветхаго завѣта, который они, какъ появившіеся позже анабаптисты и пуритане, усердно читали.

Со всѣхъ сторонъ стекались туда коммунисты, чтобы устраивать тамъ безпрепятственно свои собранія. Въ одномъ изъ этихъ собраній 22 іюля 1419 года, говорятъ, принимало участіе 42.000 человѣкъ, собравшихся изъ всей Богеміи и Моравіи. Это доказываетъ необычайное распространеніе коммунистическихъ идей.

водитъ болѣе точной даты, но это было во всякомъ случаѣ еще при Карлѣ IV. Оба итальянца оказались предателями, они открыли католическому духовенству мѣсто, гдѣ обыкновенно собирались вальденсы, и этимъ вызвали жестокое преслѣдованіе своихъ товарищей.

[1]) Палацкій, l. c., III, 2, стр. 81. Главный источникъ, изъ котораго Палацкій почерпалъ свои свѣдѣнія о таборитскомъ коммунизмѣ, есть полемическое сочиненіе противъ таборитскихъ священниковъ I. Пшибрама, существующее, къ сожалѣнію, лишь въ рукописи: „Proti kněžím Táborským“ 1429 года.

«Все это событіе даже врагами изображалось, какъ великій религіозно-идиллическій народный праздникъ, возвышающій душу и сердце; происходило это событіе въ полномъ спокойствіи и порядкѣ. Навстрѣчу сходящимся отовсюду со знаменами и св. дарами толпамъ пилигримовъ выходили съ такою же торжественностью бывшіе уже на мѣстѣ, съ радостью принимали прибывшихъ и указывали имъ мѣсто на горѣ. Всѣ приходившіе считались «братьями» и «сестрами»; разница въ общественномъ положеніи не имѣла никакого значенія. Священники раздѣлили между собою работу: одни проповѣдовали на опредѣленныхъ мѣстахъ отдѣльно мужчинамъ и женщинамъ, другіе исповѣдали, третьи пріобщали св. таинъ подъ двумя видами. Такъ проходило время до полудня. Затѣмъ приступали къ трапезѣ и дѣлили принесенные гостями запасы пищи; недостатокъ однихъ пополнялся излишкомъ другихъ; братья и сестры съ горы Табора не признавали разницы между моимъ и твоимъ. Такъ какъ умы всего собранія охвачены были религіознымъ воодушевленіемъ, то суровая дисциплина и нравственность не нарушались въ Таборѣ: о музыкѣ, танцахъ и играхъ никто и не думалъ. Конецъ дня проходилъ въ разговорахъ и рѣчахъ, съ помощью которыхъ они укрѣпляли себя въ единодушіи, любви и твердой приверженности къ дѣлу «священной чаши». При такихъ обстоятельствахъ не было недостатка ни въ жалобахъ и обвиненіяхъ по адресу противной партіи, ни въ фанатизмѣ, ни въ проектахъ снова возстановить въ странѣ свободу «слова Божія». Наконецъ, собраніе спокойно разошлось, вознаградивъ съ избыткомъ владѣльцевъ полей, которые въ это время потерпѣли какой-либо ущербъ» [1]).

Спустя восемь дней послѣ этого собранія, въ Прагѣ вспыхнуло возстаніе, которое положило конецъ католической реакціи, было причиной смерти короля Венцеля и послужило началомъ гусситской войны. Теперь уже не ограничивались однѣми демонстраціями и коммунистическими пикниками; началась организація коммунистическихъ общинъ.

Основныя положенія ученія таборитовъ были кратко и ясно изложены въ сочиненіи, составленномъ пражскимъ университетомъ. По обычаю того времени, недоразумѣнія между жителями Праги и таборитами должны были разрѣшиться диспутомъ (10 декабря 1420 года). Съ этой цѣлью профессора пражскаго университета отмѣтили около 76 пунктовъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, ученіе таборитовъ было еретическимъ или по меньшей мѣрѣ ошибочнымъ. Большая часть этихъ пунктовъ имѣла, конечно, характеръ теологическій, соотвѣтственно склонности профессоровъ и формамъ мышленія того времени. Но два пункта заключали въ себѣ упрекъ въ республиканизмѣ и коммунизмѣ. Табориты учили:

«Въ это время на землѣ не должно быть ни королей, ни властелиновъ, ни подданныхъ; налоги и подати должны быть уничтожены; никто не можетъ принудить къ чему-либо другого, ибо всѣ должны быть братьями и сестрами.

«Подобно тому, какъ въ городѣ Таборѣ нѣтъ ничего твоего или моего, но все общее, такъ и для всѣхъ людей все должно быть общимъ, и никто не можетъ имѣть собственности; кто же ее имѣетъ, тотъ творитъ смертный грѣхъ».

Отсюда они выводили, что не надо больше избирать и имѣть короля, что теперь Богъ самъ будетъ царемъ надъ людьми, а управленіе предоставляется

[1]) Палацкій, l. c., III, 1, стр. 417 и сл.

народу; далѣе, что всѣ господа, дворяне и рыцари должны быть истреблены, какъ сорная трава, что отнынѣ должны быть уничтожены всякаго рода налоги, оброки и подати, что всѣ княжескія, деревенскія, городскія и крестьянскія права, какъ творенія человѣческія, а не божескія, должны быть отмѣнены, и т. д.

Чисто-религіозные пункты, между прочимъ, требовали уничтоженія всѣхъ храмовъ, запрещали славить Бога въ храмахъ, запрещали дѣлать и почитать изображенія святыхъ, отрицали вѣру въ чистилище и т. д. Табориты возставали также противъ учености (или, если угодно, противъ науки): «христіанинъ ни во что не долженъ вѣрить, ничего не долженъ признавать, что ясно не сказано и не написано въ библіи; кромѣ библіи не слѣдуетъ ни читать, ни изучать, ни указывать другимъ никакой книги, писанной докторами, магистрами (профессорами) или мудрецами, такъ какъ они люди, а людямъ свойственно ошибаться; поэтому, кто занимается однимъ изъ семи искусствъ, или обучаетъ имъ другихъ, или принимаетъ званіе учителя, тотъ слѣдуетъ примѣру язычниковъ, тотъ суетный человѣкъ и творитъ смертный грѣхъ. Это ученіе, вѣроятно, особенно не понравилось господамъ профессорамъ. Враждебность христіанскихъ коммунистовъ къ наукѣ, такъ же какъ и аскетизмъ ихъ мы уже имѣли случай разсмотрѣть и разъяснить выше (стр. 112 и слѣд.).

Коммунизмъ естественно осуществлялся въ формахъ, данныхъ первымъ христіанствомъ, въ формахъ, которыя еще вполнѣ соотвѣтствовали состоянію производства въ то время.

Каждая община имѣла отдѣльную кассу, называвшуюся «куфою» (Kadĕ), куда всякій отдавалъ все, что считалъ своимъ. Извѣстны три такія кассы: въ Таборѣ, Пизекѣ и въ Воднинѣ. Братья и сестры продали все свое движимое и недвижимое имущество, а деньги положили къ ногамъ управляющаго кассой.

Упомянутый уже Пшибрамъ пишетъ въ своемъ антитаборитскомъ сочиненіи въ 1429 году: «И другой обманъ придумали они (таборитскіе священники), такъ какъ объявили собравшемуся къ нимъ на гору въ г. Пизекъ народу, что братья должны собрать все имущество въ одно мѣсто; для этого они поставили одну или двѣ куфы, которыя община и наполнила. Распорядителемъ этой кассы сдѣланъ былъ безчестный человѣкъ, Матвѣй Лауда изъ Пизека, который вмѣстѣ съ другими распорядителями и священниками не остался въ накладѣ. Изъ этого отвратительнаго примѣра видно, какъ безстыдно обирали они у народа его заработокъ и имущество и какъ сами, благодаря этому, богатѣли и отъѣдались» [1]).

Даже Палацкій долженъ былъ признать, что упрекъ этотъ жалкая клевета.

Всякому ясно, что великіе грабители и ихъ защитники, къ числу которыхъ принадлежитъ и благородный Пшибрамъ, уже много столѣтій назадъ умѣли такъ же хорошо, какъ и въ настоящее время, распространять клевету о защитникахъ обираемыхъ, будто они, эти защитники, «отъѣдаются на рабочіе гроши», а сами грабители, ужъ, дѣйствительно, отъѣвшіеся, тогда, какъ и теперь ничѣмъ такъ не возмущались, какъ эксплуатаціей рабочихъ.

Однако, какъ бы честны и самоотвержены ни были хранители кассы, такой родъ коммунизма не могъ быть проченъ. У таборитовъ онъ могъ утвер-

[1]) Палацкій, l. c., III, 2, стр. 297.

диться еще менѣе, чѣмъ у первыхъ христіанъ, такъ какъ они не были, подобно главному ядру послѣднихъ, нищими, но рабочими, живущими не милостыней богатыхъ, а собственнымъ трудомъ. Но тогда, въ эпоху ремесла и мелкаго крестьянскаго хозяйства, невозможно было бы работать, если бы каждый продалъ свои орудія производства, а деньги отдалъ въ общую кассу для пріобрѣтенія средствъ къ жизни для всей общины. Мы не думаемъ, чтобы подобный образъ дѣйствія былъ когда-либо всеобщимъ у коммунистовъ-таборитовъ; во всякомъ случаѣ онъ скоро былъ оставленъ. Практически коммунизмъ осуществлялся такъ же, какъ и у первыхъ христіанъ: каждая семья работала для себя и въ общую кассу удѣляла излишекъ.

Такая перемѣна произошла, однако, не безъ энергичныхъ протестовъ со стороны наиболѣе ревностныхъ и рѣшительныхъ коммунистовъ. Въ тогдашнихъ условіяхъ общинная собственность на средства потребленія въ чистомъ видѣ иначе не могла, конечно, осуществиться à la longue. Поэтому крайніе коммунисты добивались установленія полнаго коммунизма и уничтоженія семьи. Это можно было осуществить въ двухъ формахъ: путемъ целибата или путемъ уничтоженія единобрачія и введенія общности женъ. Строгіе коммунисты-табориты предпочитали послѣднюю форму, тѣмъ болѣе, что ихъ крайняя вражда къ католической церкви и монашеству заставляла ихъ отрицать безбрачіе духовенства.

Такіе принципы коммунизма этого оттѣнка не новы для насъ, мы находимъ ихъ уже у первыхъ христіанъ; при изображеніи монашества мы указали, что общность женъ, равно какъ и целибатъ монаховъ и монахинь, есть не заблужденіе человѣческаго духа, но необходимое слѣдствіе опредѣленныхъ данныхъ общественныхъ отношеній.

Стремленія строгихъ коммунистовъ нашли себѣ наиболѣе яркое и рѣзкое выраженіе въ сектѣ братьевъ и сестеръ свободнаго духа, о которыхъ мы уже говорили. Они проникли также и въ Богемію, и когда тамъ говорили о «пикардахъ» (беггардахъ), то почти всегда подразумѣвали ихъ. По имени крестьянина Никласса, бывшаго главнымъ распространителемъ ихъ ученія, гусситскую фракцію братьевъ и сестеръ свободнаго духа называли также николаитами, но болѣе всего они извѣстны были подъ именемъ адамитовъ, такъ какъ они считали адамово состояніе,—естественное состояніе, какъ сказали бы въ восемнадцатомъ столѣтіи—состояніемъ непорочной невинности. На своихъ собраніяхъ, называемыхъ раемъ, они присутствовали якобы совершенно нагіе. Мы не можемъ рѣшить, не основывается ли это свѣдѣніе на пустой болтовнѣ или даже на злоумышленной клеветѣ.

Адамиты жили на одномъ островѣ, на рѣкѣ Лужницѣ, — разсказываетъ Эней Сильвій.—Они ходили нагими; къ сожалѣнію, онъ не говоритъ всегда ли, или только при извѣстныхъ обстоятельствахъ. «Они имѣли общихъ женъ (connubia eis promiscua fuere) однако имъ запрещено было познавать женщину безъ разрѣшенія ихъ главы, Адама. Но, когда одинъ изъ нихъ бывалъ охваченъ вожделѣніемъ къ женщинѣ, то онъ бралъ ее за руку и, приведя къ главѣ, говорилъ: «Духъ мой воспылалъ любовью къ ней». А тотъ ему отвѣчалъ: «Идите, плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю» [1]).

Такой видъ безбрачія слишкомъ сильно противорѣчилъ нравственнымъ воз-

[1]) Эней Сильвій, De ortu et historia Bohemorum. Opera omnia, стр. 109.

зрѣніямъ того времени, когда единобрачіе и единство семьи, — учрежденія, позаимствованныя еще изъ древнихъ временъ и глубоко укоренившіяся въ народномъ сознаніи, настоятельно требовались нуждами существующаго способа производства и существующаго общественнаго строя. Уничтоженіе брака было вполнѣ логическимъ выводомъ тогдашняго коммунизма, но оно также ясно обнаружило, что этотъ послѣдній не имѣлъ никакого прочнаго основанія въ обществѣ, нуждающемся въ единобрачіи; оно ясно показало, что коммунизмъ того времени былъ обреченъ осуществляться въ формѣ отдѣльныхъ небольшихъ корпорацій и общинъ. Масса таборитовъ очень энергично выступила противъ требованій крайняго коммунизма.

Уже весной 1421 года дѣло дошло до открытаго столкновенія между обоими направленіями. Священникъ Мартинекъ Гауска, одинъ изъ главарей самыхъ радикальнѣйшихъ мечтателей [1]), 29 января былъ взятъ въ плѣнъ однимъ рыцаремъ, но по ходатайству многихъ друзей былъ освобожденъ. Тѣмъ ревностнѣе сталъ онъ проповѣдывать свое ученіе, и его партія приняла настолько угрожающіе размѣры, что таборитскій епископъ Никласъ послалъ въ Прагу за помощью. Коммунистическая ересь и тамъ нашла себѣ почву; но городской совѣтъ тотчасъ началъ суровое преслѣдованіе ея, и двое пражскихъ гражданъ по милому обычаю того времени были присуждены, за принадлежность къ ней, къ смерти и сожжены. Въ то же время (мартъ) въ Таборѣ произошелъ разрывъ между обоими направленіями, строгіе коммунисты, оказавшіеся въ меньшинствѣ, были изгнаны и въ числѣ 300 человѣкъ удалились въ лѣса по рѣкѣ Лужницѣ.

Священникъ Мартинекъ убоялся и отрекся отъ «ереси», но его единомышленники остались непреклонными. Противъ нихъ выступилъ Жижка, который въ душѣ сочувствовалъ жителямъ Праги, а къ «пикардской ереси», ненавистной даже таборитамъ, чувствовалъ полное отвращеніе. Онъ напалъ на нихъ въ лѣсахъ и часть ихъ взялъ въ плѣнъ. Такъ какъ они категорически отказались отречься отъ своего ученія, то и были, по указанію Жижки, сожжены въ числѣ 50 человѣкъ. На смерть они пошли смѣясь...

Мартинекъ, чувствовавшій себя не особенно хорошо между таборитами, рѣшилъ отправиться въ Моравію. Но дорогой, въ Хрудимѣ, онъ былъ схваченъ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Прокопомъ Одноглазымъ, и отведенъ въ Раудницъ къ архіепископу Конраду. Жижка потребовалъ отъ жителей Праги, чтобы оба эти опасные человѣка были приведены въ Прагу и тамъ для острастки сожжены живыми. Но члены пражскаго городского совѣта боялись простого народа, среди котораго ученіе Мартинека пользовалось популярностью. Они послали въ Раудницъ палача, который пыталъ обоихъ плѣнниковъ до тѣхъ поръ, пока они не назвали нѣсколькихъ своихъ сообщниковъ въ Прагѣ. Послѣ этого они были положены въ бочки и сожжены (21 августа 1421 года).

Но все же пикардская ересь не была еще окончательно подавлена. Кучка адамитовъ утвердилась на одномъ островѣ рѣки Нѣжарки, впадающей въ Лужницу. Жижка послалъ 400 вооруженныхъ людей съ приказаніемъ уничтожить ихъ. Осаждаемые защищались отчаянно и перебили много враговъ, но въ концѣ концовъ сдались. Всѣ пощаженные мечемъ погибли въ огнѣ (21 октября 1421 года).

---

[1]) Между прочимъ онъ старался по примѣру первой христіанской церкви ввести агапы, общія братскія трапезы. (Палацкій, l. c., IV, 1. стр. 471).

Такимъ образомъ крайнее направленіе коммунизма было окончательно подавлено. Незначительныя боевыя силы, которыя были употреблены для его подавленія, доказываютъ, что оно вовсе не имѣло особенно широкаго распространенія. Въ самомъ дѣлѣ, лишь немногіе, особенно отважные или черезчуръ односторонніе, увлекающіеся коммунизмомъ люди могли тогда выйти такъ далеко изъ рамокъ своей эпохи. Они интересны для исторіи коммунистическихъ идей, но сами историческаго значенія не достигли.

Адамиты были побѣждены и обречены на безсиліе, но Жижка, преслѣдовавшій ихъ съ особенной ненавистью, не достигъ ихъ полнаго уничтоженія. Остатки секты продолжали влачить жалкое существованіе среди таборитовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе XV вѣка они снова появляются и пытаются соединиться съ богемскими братьями, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже.

Послѣ пораженія адамитовъ прекратились попытки ввести строгій коммунизмъ. Болѣе умѣренная его форма—вѣрнѣе сказать, коммунизмъ, больше по виду, чѣмъ въ дѣйствительности—продержалась въ Таборѣ въ продолженіе почти цѣлаго поколѣнія.

На что же употреблялись доходы общественной кассы или, лучше сказать, общественнаго запаснаго магазина, такъ какъ взносы дѣлались преимущественно натурою?

Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ излишекъ, накоплявшійся у однихъ, служилъ для устраненія нищеты другихъ. Въ Таборѣ не было поводовъ къ этому. Тамъ существовало почти полное равенство въ условіяхъ жизни всѣхъ членовъ общины. Достигалось это тѣмъ легче, что «доходовъ»—не говоря уже съ церковныхъ имуществъ, но и съ имуществъ враговъ-дворянъ и городовъ,—вполнѣ хватало на то, чтобы каждый могъ обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ [1]).

Таборитамъ не надо было тратиться на содержаніе бѣдныхъ; но имъ приходилось заботиться о своихъ священникахъ. Священнической аристократіи, владѣющей имуществомъ, въ Таборѣ не было. Каждый мірянинъ могъ сдѣлаться священникомъ: ихъ избирала община, а они выбирали себѣ епископовъ; экономически они зависѣли отъ общины, которая ихъ содержала. Функціи ихъ, какъ и вообще всего средневѣковаго духовенства, соотвѣтствовали вообще функціямъ теперешнихъ государственныхъ и общинныхъ чиновниковъ и учителей; они судили, исполняли обязанности общинныхъ чиновниковъ и завѣдывали сношеніями общинъ между собою, равно какъ и сношеніями съ внѣшнимъ міромъ. Одной изъ важнѣйшихъ ихъ обязанностей было обученіе дѣтей, ибо табориты придавали большое значеніе хорошему всеобщему обученію народа. Стремленіе это у нихъ особенно бросается въ глаза, такъ какъ въ то время оно не существовало еще ни у одного народа. Съ ними можно бы сравнить, пожалуй, только, «братьевъ общей жизни», но монашеско-католическія тенденціи послѣднихъ придавали ихъ дѣятельности совсѣмъ иной характеръ. Разумѣется, образованіе таборитовъ слѣдуетъ мѣрять мѣркой того времени: оно было преимущественно теологическимъ.

Эней Сильвій говоритъ: «итальянскимъ священникамъ слѣдуетъ стыдиться; навѣрное ни одинъ изъ нихъ и одного разу не прочелъ Новаго Завѣта. У табо-

[1]) Даже относительно аристократической Праги есть свѣдѣнія, что народное собраніе конфисковало дома, виноградники и прочее имущество противниковъ добраго дѣла и отдавало сторонникамъ его. „Почтенный совѣтъ“, разумѣется, очень часто отбиралъ его у нихъ назадъ (Палацкій, l. c., III, 2, стр. 281).

ритовъ, напротивъ, едва ли можно отыскать даже женщину, которая не была бы хорошо знакома съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «этотъ коварный родъ людей имѣетъ лишь одно хорошее качество, — любитъ образованіе (literas)».

Такая заботливость о народномъ образованіи, повидимому, противорѣчитъ враждебности таборитовъ къ наукѣ. Помимо указанныхъ уже раньше фактовъ, — враждебность эта выражалась также въ томъ, что они заставляли присоединявшихся къ нимъ ученыхъ людей заниматься ручнымъ трудомъ. Но противорѣчіе это лишь кажущееся. Табориты ненавидѣли ту ученость, которая была чужда простому народу, ту враждебную ему ученость, которая составляла орудіе эксплуататоровъ, сдѣлалась привилегіею высшихъ классовъ и при тогдашнемъ способѣ производства была несовмѣстима со всеобщимъ равенствомъ. Крестьянское и ремесленное производство отнимаетъ всѣ силы и время у своихъ работниковъ, и послѣдніе не могутъ получить высшихъ знаній, не выходя изъ своего сословія. Между тѣмъ равенство требовало сдѣлать общедоступными всѣ тѣ знанія, какія тогда было возможно сдѣлать таковыми.

Ненависть таборитовъ къ учености вытекла изъ экономической отсталости той эпохи, а ихъ стремленіе къ образованію является слѣдствіемъ коммунизма. Поэтому вовсе не случайно то обстоятельство, что отецъ современной педагогики, знаменитый Коменій, былъ епископомъ «богемскихъ братьевъ», послѣдователей таборитовъ.

Но для таборитовъ военное дѣло было еще важнѣе школьнаго. Эта небольшая община, такъ отважно объявившая войну существующему общественному строю, могла существовать лишь до тѣхъ поръ, пока оставалась непобѣжденною въ открытомъ полѣ. Для нея не могло быть ни мира, ни перемирья. Существованіе таборитовъ было совершенно несовмѣстимо съ интересами господствующаго большинства. Рѣшительной побѣды они также не могли одержать; они могли побѣдить враговъ, но не одолѣть ихъ окончательно, такъ какъ враги эти твердо стояли на почвѣ существующихъ производственныхъ отношеній. Таборитскій же коммунизмъ былъ растеніемъ, искусственно привитымъ къ этимъ отношеніямъ; поэтому онъ не могъ сдѣлаться въ то время всеобщей соціальной формой.

Вѣчная война была удѣломъ таборитовъ, ихъ славой, но и причиной ихъ гибели.

На войну была разсчитана вся организація таборитовъ. Они дѣлились на двѣ части: полевую (военную) общину и домашнюю. Члены послѣдней оставались дома и работали на себя и на воюющихъ, которые занимались исключительно военнымъ дѣломъ и всегда стояли подъ оружіемъ. Въ походъ они выступали съ женами и дѣтьми, подобно древнимъ германцамъ, на которыхъ они походили также своей дикостью и жестокостью. Воители и работники, вѣроятно, смѣняли другъ друга, возвращающіеся съ войны брались за работу, а работавшіе дома шли на ихъ мѣсто. Мы говоримъ — вѣроятно, такъ какъ въ этомъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, касающихся таборитовъ, приходится, къ сожалѣнію, основываться лишь на догадкахъ. Насколько хорошо мы освѣдомлены о военныхъ подвигахъ таборитовъ, настолько же мало сохранилось свѣдѣній о внутреннихъ порядкахъ въ ихъ общинѣ.

Устройство этой военной общины получило въ военной исторіи чрезвычайно важное значеніе. Обыкновенно происхожденіе постояннаго регулярнаго войска

относятъ въ средніе вѣка къ Карлу VII французскому, который около средины XV вѣка создалъ постоянную военную силу изъ пятнадцати наемныхъ полковъ. На самомъ же дѣлѣ табориты представляли первое постоянное войско, которое имѣло предъ французскимъ то преимущество, что основывалось на всеобщей воинской повинности, а не на вербовкѣ наемниковъ (которые во Франціи къ тому же большею частью были иностранцы, швейцарцы и нѣмцы).

Слѣдствіемъ такого устройства явилось значительное военное превосходство таборитовъ надъ ихъ противниками.

Дисциплина и искусство меневрировать совершенно отсутствовали въ войскахъ того времени; да и откуда могли явиться подобныя качества у своевольной толпы вассаловъ и наемниковъ, которые сегодня созывались, а завтра, если задержка жалованья или какая-либо другая причина вызывала ихъ неудовольствіе, снова разбѣгались.

Со времени паденія древней римской имперіи таборитское войско было первое, составлявшее одинъ цѣльный организмъ, а не безпорядочную массу, кидающуюся на врага. Оно было раздѣлено на части съ различнымъ вооруженіемъ, которыя во время битвы продѣлывали искусные маневры, движенія и повороты, всѣ планомѣрно направлялись изъ одного центра и въ своихъ движеніяхъ неизмѣнно сообразовались другъ съ другомъ. Табориты первые съ успѣхомъ стали употреблять въ сраженіяхъ артиллерію, наконецъ они первые развили искусство маршировки, и ихъ быстрые переходы не разъ доставляли имъ побѣду надъ малоподвижными войсками враговъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они являются творцами новаго военнаго дѣла, отличнаго отъ средневѣковаго.

Пожалуй, можно сказать, что въ военномъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, каждый крупный успѣхъ является результатомъ соціальной революціи, и что величайшими полководцами послѣднихъ 500 лѣтъ были тѣ, которые сумѣли овладѣть этимъ успѣхомъ и наилучше имъ воспользоваться, таковы были Жижка, Кромвель и Наполеонъ.

Военныя способности таборитовъ подкрѣплялись еще ихъ энтузіазмомъ и безстрашіемъ: для нихъ не существовало компромисса, они не знали остановокъ на избранномъ пути. Для нихъ не было иного выбора, какъ побѣдить или умереть. Они стали самыми страшными воителями Европы; своимъ военнымъ терроромъ они спасли гусситскую революцію, подобно тому, какъ впослѣдствіи, въ 1793 году санкюлоты спасли своимъ терроромъ буржуазную революцію 1789 года.

VI. Паденіе Табора.

Послѣ смерти Венцеля каликстинцы [1] — гусситское дворянство и жители Праги — стали входить въ переговоры съ Сигизмундомъ. Имъ было не по себѣ при мысли, что они предприняли войну противъ короля, папы и въ сущности противъ всей Европы. И они тѣмъ болѣе стали склоняться къ компромиссу, что таборитское движеніе разрослось до угрожающихъ размѣровъ. Если бы дѣло шло только о чашѣ для мірянъ, то компромиссъ легко былъ бы принятъ, но

[1] Т.-е. приверженцы чаши.

тутъ дѣло шло о большемъ, о церковномъ имуществѣ, поэтому они и не могли сойтись. Церковь и ея слуга Сигизмундъ оказывались такъ же мало склонны къ примиренію. какъ и табориты. Дѣло дошло до борьбы на жизнь и смерть, въ которой каликстинцы, расхитившіе церковное имущество, принуждены были, хоть и скрѣпя сердце, сражаться рядомъ съ таборитами.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію гусситской войны. Мы не можемъ подробно разсказывать, какъ, послѣ того, какъ папа Мартинъ V, въ буллѣ «Omnium plasmatoris domini» отъ 1 марта 1420 года, призвалъ всѣхъ христіанъ къ крестовому походу противъ гусситовъ, для уничтоженія ереси, начали организоваться одна за другой жадныя до добычи арміи; какъ въ каждомъ изъ пяти крестовыхъ походовъ въ періодъ 1420—1431 годовъ войско крестоносцевъ жестоко разбивалось; какъ слава о непобѣдимости таборитскихъ войскъ распространялась все дальше и дальше, такъ что въ концѣ-концовъ, напр. въ четвертомъ походѣ у Міесса въ 1427 году и въ пятомъ у Тауса въ 1431, цѣлое большое войско, охваченное паническимъ страхомъ, при одномъ только извѣстіи о близости гусситовъ, разбѣгалось, даже не увидѣвши врага. Мы не можемъ также изслѣдовать столкновеній между каликстинцами и таборитами, случавшихся въ промежутокъ между войнами гусситовъ съ крестоносцами.

Послѣ великой побѣды у Тауса, казалось, не было больше врага, способнаго бороться съ таборитами; извнѣ ни одно войско не осмѣливалось идти противъ нихъ; внутри сила ихъ противниковъ, дворянства и нѣкоторыхъ городовъ, все болѣе и болѣе убывала. Непрерывный таборитскій терроръ грозилъ имъ полнымъ увичтоженіемъ.

Но при этомъ обнаружилось, какъ мало значенія имѣютъ военныя побѣды, если стремленія побѣдителей стоятъ въ противорѣчіи съ направленіемъ экономическаго развитія. Для полнаго уничтоженія таборитовъ достаточно было бы одного крупнаго пораженія ихъ на войнѣ. Но и побѣды ихъ развивали такіе элементы, которые вели къ гибели; за ихъ высшимъ тріумфомъ непосредственно слѣдовало паденіе.

Чѣмъ побѣдоноснѣе становились табориты, тѣмъ, понятно, невыносимѣе дѣлалось положеніе ихъ противниковъ въ Богеміи (каликстинцевъ) — не говоря уже о католикахъ. Дворянство доведено было до полнаго безсилія и давно бы уже заключило съ церковью миръ, если бы само, ограбивъ имущество церкви, не боялось теперь ея алчности и мстительности. Послѣ побѣды у Тауса оно стало выказывать особую предупредительность.

Между тѣмъ и король, и папа, вмѣстѣ съ ихъ приверженцами изъ духовныхъ и свѣтскихъ князей, были совсѣмъ обезсилены крупными побѣдами гусситовъ. Интриги между ними и каликстинцами никогда не прекращались совершенно, и послѣ побѣды у Тауса онѣ сдѣлались энергичнѣе, чѣмъ прежде, такъ что послѣ того какъ папская церковь, въ лицѣ пословъ базельскаго собора, согласилась даже не считать святотатствомъ владѣніе церковными имуществами, они наконецъ пришли къ соглашенію (1433). Вмѣсто того, чтобы брать себѣ, церковь, напротивъ, даже давала богемцамъ: она отправила въ Богемію своихъ агентовъ съ крупными суммами денегъ, чтобы помочь своимъ новымъ союзникамъ собраться съ силами противъ таборитовъ. Дворянство, котораго «въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ какъ-будто совсѣмъ не было на сценѣ» (Палацкій), начало теперь, имѣя за собой короля, а въ особенности церковь съ

ея богатствомъ, пріобрѣтать смѣлость, собираться на съѣзды и организоваться, чтобы снова завоевать утерянное могущество съ помощью жителей Праги и церковныхъ (хотя и мірского происхожденія) средствъ католицизма.

Положеніе дѣлъ очень хорошо изложено Энеемъ Сильвіемъ въ его исторіи чеховъ; слѣдуетъ только замѣтить, что роль, которую онъ приписываетъ Прокопу, наиболѣе выдающемуся вождю таборитовъ послѣ смерти Жижки, вовсе невѣрна; Прокопъ совсѣмъ не пользовался неограниченною властью, которую ему приписываетъ Эней Сильвій. Правильнѣе будетъ вездѣ, гдѣ дальше будетъ идти рѣчь о террорѣ Прокопа, подразумѣвать подъ этимъ терроръ таборитовъ вообще. Эней разсказываетъ: «Богемскіе бароны часто собирались вмѣстѣ, сознавали свою ошибку и свое горе, заключавшееся въ томъ, что они отвергли власть своего короля и теперь принуждены носить тяжелое иго Прокопа. Они толковали промежъ себя, что Прокопъ полный господинъ всего, ворочаетъ всей страной по своему произволу, собираетъ пошлины, налагаетъ подати и налоги; заставляетъ народъ воевать, ведетъ войска, куда хочетъ, грабитъ и убиваетъ, не терпитъ ни малѣйшаго противорѣчія своимъ приказаніямъ и обходится съ людьми знатными и простыми, какъ со своими рабами. Толковали они также, что во всемъ мірѣ нѣтъ народа несчастнѣе чеховъ, которые воюютъ безъ перерыва, зиму и лѣто должны жить въ палаткахъ, спать на голой землѣ, во всякое время быть готовыми къ бою; между тѣмъ, благодаря какъ внутреннимъ войнамъ, такъ и внѣшнимъ, они истощены и все-таки должны либо безъ перерыва сражаться, либо со страхомъ ожидать войны. Къ этому они добавляли, что настало время стряхнуть иго жестокаго тирана;—неужели же ихъ, побѣдившихъ другіе народы, заставитъ вѣчно служить себѣ одинъ человѣкъ,—Прокопъ. Они рѣшили созвать всѣхъ господъ, рыцарей и представителей городовъ на общій ландтагъ, гдѣ слѣдуетъ обсудить планъ цѣлесообразнаго управленія всѣмъ королевствомъ. Когда они собрались на этотъ ландтагъ, господинъ Мейнгартъ изложилъ имъ, какъ бываетъ счастливо королевство, въ которомъ народъ не предается праздности и не обезсиленъ войнами; далѣе онъ указалъ, что чехи до сихъ поръ не имѣютъ ни минуты покоя, и королевство ихъ, опустошаемое безпрерывной войною, скоро погибнетъ въ концѣ, если во-время о немъ не позаботиться; онъ говорилъ далѣе, что поля остаются необработанными, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди и скотъ мрутъ отъ голода, и т. д., и т. д.; всѣмъ этимъ бѣдамъ можетъ помочь, разумѣется, только дворянство, снова получивши власть [1]). Въ то время, какъ различные враги таборитовъ забывали противоположность своихъ интересовъ подъ вліяніемъ общей своей враждебности таборитскому движенію, и организовались въ «реакціонную массу» въ коалицію противъ таборитовъ,—въ это же время внутри таборитской партіи происходили перемѣны, угрожавшія ей сильнѣе, чѣмъ интриги и заговоры ихъ враговъ.

Коммунисты изъ Табора составляли во всякомъ случаѣ лишь часть демократической партіи, именуемой таборитскою; они были только наиболѣе энергичною, непримиримою ея составною частью, во всѣхъ отношеніяхъ шли дальше другихъ и на войнѣ были самыми храбрыми. Но масса, принадлежащая къ этой партіи и состоящая изъ мелкихъ мѣщанъ и крестьянъ, относилась совершенно безразлично къ коммунистической программѣ; чѣмъ болѣе тянулась война, тѣмъ

[1]) По Палацкому, l. c. III, 3, стр. 134 и сл.

больше страдали отъ нея эти элементы. Хоть богемцы съ самаго начала оставались побѣдителями, но тогда они были еще слишкомъ слабы, чтобы держать врага вдали отъ своей страны. Они побѣждали защищаясь. Лишь значительно позже (въ 1427 году) они оказались достаточно сильными, чтобы обрушить на чужія страны опустошенія, которыя связаны были съ тогдашнимъ способомъ веденія войны, заключающимся, главнымъ образомъ, въ грабежѣ и разореніи — приблизительно въ такомъ же родѣ, какъ въ настоящее время, при распространеніи европейской цивилизаціи въ Африкѣ. Но и наступательная война никоимъ образомъ не могла защитить чеховъ отъ грабежей враговъ-сосѣдей. При томъ же не прекращались внутреннія междоусобія, и Богемія годъ отъ году истощалась все болѣе и болѣе. Страдала не только торговля, но и ремесла, и сельское хозяйство. Не только дворянство и богатые пражскіе бюргеры,—мелкіе горожане и крестьяне также повсемѣстно разорялись все болѣе и болѣе. Глубокое утомленіе войной и жажда мира охватили всѣ классы общества, и чѣмъ опредѣленнѣе непримиримые табориты являлись единственнымъ препятствіемъ къ миру, тѣмъ быстрѣе уменьшалась ихъ партія въ странѣ, тѣмъ болѣе настроеніе народа обращалось противъ нихъ, но и тѣмъ болѣе жестокими средствами небольшая кучка таборитовъ старалась поддержать свое могущество въ странѣ. Противорѣчіе между ними и массой населенія обострялось все сильнѣе; гдѣ дворянство поднималось противъ таборитовъ, тамъ оно большею частью находило поддержку у населенія.

Сами табориты въ сущности были уже не прежніе.

Участь Табора для насъ чрезвычайно интересна; она показываетъ, какова была бы участь мюнцеровскаго движенія въ Мюльгаузенѣ и анабаптистскаго въ Мюнстерѣ, если бы они не были побѣждены на войнѣ.

Коммунизмъ Табора основывался единственно на потребностяхъ неимущихъ, а вовсе не на требованіяхъ способа производства. Современная соціалдемократія основываетъ свою увѣренность на томъ, что и нужды производства и потребности пролетаріата совпадаютъ. Иначе обстояло дѣло въ XV столѣтіи: потребности бѣдныхъ обнаруживали стремленіе къ коммунизму, условія же производства требовали частной собственности. Такимъ образомъ коммунизмъ не могъ тогда сдѣлаться всеобщей формой, и между бѣдняками потребность въ коммунизмѣ пропадала, лишь только они его добивались, иначе говоря, лишь только они переставали быть бѣдняками. Вмѣстѣ съ потребностью въ немъ и самый коммунизмъ долженъ былъ раньше или позже исчезнуть, особенно если приходилось отказаться отъ единственнаго средства, которое дѣлало на нѣкоторое время возможнымъ этотъ родъ коммунизма по крайней мѣрѣ для небольшихъ общинъ,—именно уничтоженіе семьи и единобрачія. Табориты, какъ мы видѣли, отказались отъ этого; они почти совершенно истребили адамитовъ и этимъ открыли частной собственности путь въ свое общество. И эта послѣдняя съ присущимъ ей образомъ мыслей,—съ завистью и жадностью, тѣмъ быстрѣе вытѣснила коммунизмъ и его братскія отношенія, чѣмъ скорѣе росло благосостояніе, даже богатство таборитовъ,—плодъ ихъ безпрерывныхъ грабежей. Равенство средствъ существованія начало исчезать, въ Таборѣ уже можно было найти бѣдныхъ и богатыхъ и послѣдніе становились все менѣе склонными удѣлять первымъ отъ своего избытка.

Процессъ этотъ ускорился подъ вліяніемъ постороннихъ элементовъ; че-

ловѣкъ настолько преданный своей идеѣ, что готовъ пожертвовать за нее свою жизнь и существованіе, но такъ легко измѣнитъ ей даже тогда, когда наступаютъ обстоятельства, не благопріятствующія ея успѣху. Старые табориты, вѣроятно, крѣпко держались своей вѣры, изъ-за которой они претерпѣли столько преслѣдованій и опасностей.

Но многіе годы войны, тяжесть которыхъ ложилась, главнымъ образомъ, на таборитовъ, произвели въ рядахъ ихъ страшныя опустошенія. Въ военномъ отношеніи это было незамѣтно, такъ какъ убыль быстро пополнялась. Таборъ сдѣлался Меккой для всѣхъ фанатиковъ коммунизма; тамъ мы находимъ представителей самыхъ отдаленныхъ націй, напр. англичанъ. Пріемъ новыхъ членовъ, повидимому, происходилъ безъ особенныхъ затрудненій. Энеи Сильвій, посѣтившій Таборъ, удивляется множеству различныхъ сектъ, мирно тамъ уживавшихся. «Не всѣ придерживаются одной вѣры—разсказываетъ онъ.—Въ Таборѣ каждый можетъ вѣрить, какъ ему нравится. Тамъ есть между прочимъ николаиты, аріане, манихеи, арменійцы, несторіане, беренгаріи и ліонскіе нищіе, но особеннымъ уваженіемъ пользуются вальденсы, главные враги римскаго престола».

Подозрительнѣе былъ другой приростъ населенія, имѣвшій мѣсто въ Таборѣ. Военныя удачи таборитовъ привлекали много всякаго люда, для котораго таборитскіе идеалы были въ высшей степени безразличны, и который стремился лишь къ славѣ и еще больше къ добычѣ. «Являлся недостатокъ, — говоритъ Палацкій,—и чѣмъ дальше, тѣмъ большій—въ собственныхъ силахъ для войны; крестьяне и ремесленники мелкихъ городовъ часто скрывались, какъ только слышали призывъ къ оружію; будучи насильно согнаны въ войско, они покидали его украдкой. Зато богемская армія постоянно пополнялась добровольцами изъ чужихъ странъ. Въ богемскій лагерь, уже втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ большомъ числѣ собирались не только поляки и русины, но и нѣмцы, изъ которыхъ многіе, не дорожа ни своей вѣрою, ни родиной, стремились туда, гдѣ имъ улыбалось военное счастье. Особенно въ это время (1430 г.) войска таборитовъ и сиротствующихъ состояли въ значительной степени изъ такихъ «плутовъ» и «подонковъ всѣхъ народностей». При этомъ, конечно, войско все болѣе теряло тотъ характеръ, который, по мнѣнію Жижки, былъ особенно важенъ; онъ желалъ, чтобы всѣ его воины были дѣйствительно всецѣло и искренно «воинами божьими», и чтобы они вѣрили въ свое дѣло безъ сомнѣній и колебаній» [1]).

Въ смыслѣ военной доблести войска таборитовъ едва ли пострадали бы отъ этого значительно, хотя элементы воодушевленія и самоотверженности, добровольная дисциплина, должны были исчезнуть мало-по-малу. Но они зато много потеряли въ смыслѣ надежности. Ради тѣхъ же выгодъ какъ и всѣ наемники, поступали на службу къ таборитамъ обанкротившіеся дворяне; землевладѣльцы могли существовать лишь благодаря тому, что они сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ вассалами таборитовъ, платили имъ подати и должны были сражаться въ ихъ рядахъ (см. выше цитированныя жалобы богемскихъ бароновъ на тиранію Прокопа, приведенныя Энеемъ Сильвіемъ).

Какъ только дворянство поднялось противъ таборитовъ и начало собирать

[1]) L. c., III, 2, стр. 500.

наемниковъ, которымъ оно могло предложить, благодаря богатствамъ католической церкви, лучшія условія, во всѣхъ частяхъ таборитскаго войска стала обнаруживаться измѣна.

Поэтому понятно, что когда началась гражданская война, и каликстинцы вступили съ таборитами въ рѣшительную борьбу, эти послѣдніе, оставленные крестьянами и горожанами, а также и частью собственныхъ войскъ, должны были уступить врагамъ; враги эти, забывъ свои внутренніе раздоры, заключили могучій союзъ противъ той части демократической партіи, которая оставалась еще вѣрна коммунистическому,—больше въ воображеніи, чѣмъ на самомъ дѣлѣ—строю, подчиняясь, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не столько собственному побужденію, сколько необходимости.

Недалеко отъ богемскаго Брода, при деревнѣ Липанъ произошло 30 мая 1434 года рѣшительное сраженіе. Дворянская партія имѣла перевѣсъ; у нея было 25.000 солдатъ противъ 18.000 таборитовъ. Долго битва оставалась нерѣшенною, наконецъ побѣда склонилась на сторону дворянъ, и не вслѣдствіе храбрости ихъ и военнаго искусства, но благодаря измѣнѣ таборитскаго вождя Ивана Чапека, предводителя конницы, который во время битвы, вмѣсто того, чтобы броситься на врага, бѣжалъ со своими людьми. Началась ужасная бойня; побѣдители никому не давали пощады, 13.000 таборитскихъ воиновъ (изъ 18.000!) были перебиты. Послѣ этого страшнаго пораженія могущество таборитовъ пало навсегда.

Таборъ пересталъ властвовать надъ Богеміей. Демократія была ниспровергнута, и дворянство, въ союзѣ съ почтенными обитателями Праги, могло снова приняться за эксплуатацію страны. Послѣ безконечныхъ переговоровъ между королемъ и его «вѣрными подданными», при чемъ каждая сторона, и не безъ основанія, боялась, что противникъ только и думаетъ, какъ бы обмануть, Сигизмундъ признанъ былъ наконецъ королемъ (1436 г.), послѣ того какъ онъ согласился на всеобщую амнистію и предоставилъ каждому владѣльцу и каждой общинѣ поступать съ разоренными и ограбленными церковными имуществами, какъ имъ заблагоразсудится.

Могущество таборитовъ было сломлено въ битвѣ при Липанѣ, но не уничтожено окончательно. Они еще нѣкоторое время продолжали борьбу, но все слабѣе и безрезультатнѣе; въ 1436 году они были очень довольны, добившись отъ Сигизмунда договора, сохранявшаго по крайней мѣрѣ неприкосновенною самостоятельность ихъ города.

Въ такомъ положеніи Таборъ оставался до начала пятидесятыхъ годовъ. Въ это время его посѣтилъ Эней Сильвій и разсказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ кардиналу Карвайаль. Письмо это представляетъ одно изъ немногихъ, дошедшихъ до насъ, свидѣтельствъ очевидцевъ о внутреннемъ строѣ таборитскаго государства. Здѣсь мы приведемъ нѣкоторыя интересныя мѣста этого письма, которыя очень хорошо характеризуютъ общественную жизнь таборитовъ: дома въ Таборѣ,—разсказываетъ Эней,—построены изъ дерева или глины и расположены безъ всякаго порядка; «люди тамъ имѣютъ много дорогой домашней утвари и необыкновенно богаты, такъ какъ собрали въ одно мѣсто добычу, взятую у многихъ народовъ. Нѣкогда они стремились во всѣхъ случаяхъ жизни поступать по обычаямъ церкви и считали все имущество общимъ: между собой они считались братьями, и каждый получалъ отъ другихъ все, въ чемъ испытывалъ

недостатокъ. Но теперь каждый живетъ для себя, и одни голодаютъ въ то время, какъ другіе роскошествуютъ (alius quidem esurit, alius autem ebrius est). Быстро уменьшилась любовь къ ближнимъ, уменьшилось и подражаніе (апостоламъ)... Табориты грабили чужое имущество и все награбленное дѣлали общимъ достояніемъ (haec tantum in commune dederunt). Но они не сумѣли поддержать это; природа взяла верхъ, и всѣ обнаруживаютъ уже алчность. Такъ какъ теперь они не могутъ грабить по прежнему, потому что ослабѣли и боятся сосѣдей, то накинулись на торговлю (lucris inhiant mercaturae) и занимаются низкимъ ремесломъ. Въ городѣ живетъ 4000 мужчинъ, способныхъ носить оружіе, но они всѣ сдѣлались ремесленниками и занимаются большею частью тканьемъ шерсти (lana ac tela ex magna parte victum quaerentes), такъ что считаются негодными къ войнѣ [1]).

Достойно вниманія, что большая часть таборитовъ были ткачами шерсти.

Эней Сильвій посѣтилъ Таборъ въ 1451 году. По его словамъ, военное могущество Табора кануло въ вѣчность, равно какъ и его коммунизмъ. Но и самые обломки его революціоннаго прошлаго казались опасными для власть имущихъ въ Богеміи. Годъ спустя послѣ посѣщенія Энея Сильвія, къ Табору явился намѣстникъ Богеміи, Георгій Подебрадъ и сталъ требовать выдачи всѣхъ таборитскихъ священниковъ. Таборъ уже черезъ три дня сдался и выдалъ своихъ священниковъ; тѣ изъ нихъ, которые не отреклись отъ «заблужденій», оставались въ заключеніи до самой смерти. Самостоятельность республики Табора кончилась.

При видѣ столь печальнаго конца нѣкогда гордаго коммунистическаго государства, предъ которымъ трепетало полъ-Европы, можно лишь пожалѣть, что оно не пало во время полнаго расцвѣта его юнаго коммунизма, подобно Мюнстеру, а медленно погибло отъ жалкой буржуазной дряхлости.

Съ паденіемъ Табора исчезло послѣднее убѣжище демократіи въ Богеміи.

Участь таборитовъ, представляющая во многихъ отношеніяхъ аналогію съ судьбой якобинцевъ, сходна съ нею и въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другіе спасли революцію своимъ беззавѣтнымъ героизмомъ, но спасли ее не для себя, а для великихъ эксплуататоровъ революціи; во Франціи для крупныхъ капиталистовъ и рыцарей индустріи, въ Богеміи для крупнаго дворянства, которому досталась почти неограниченная политическая и общественная власть. Мелкое дворянство ничего не получило отъ гусситскихъ войнъ, которыя не только не предупредили его паденія, а напротивъ значительно его ускорили. Крупные дворяне, которымъ досталась львиная доля изъ церковнаго имущества, обогащались также и на счетъ мелкихъ дворянъ, имѣнія которыхъ они скупали.

Но прежде всего отъ послѣдствій войны страдали крестьяне и жители маленькихъ городовъ. Истощеніе страны и уменьшеніе населенія, до крайности понизившіе способность крестьянскаго и городского населенія къ противодѣйствію, въ то же время послужили поводомъ для землевладѣльцевъ чрезвычайно повысить свои требованія къ обложеннымъ податью горожанамъ, представительство которыхъ въ ландтагахъ тоже старались сузить, а также и къ крестьянамъ. Тягости, наваливаемыя на нихъ, все увеличивались, а слабыя попытки протеста и сопротивленія, которыя дѣлали разоренные крестьяне, были безъ труда подав-

[1]) Эней Сильвій Пикколомини, opera. omnia, стр. 662.

ляемы. Тамъ же, гдѣ, несмотря на увеличеніе барщины, рабочихъ силъ не хватало, владѣльцы лятифундій помогали себѣ тѣмъ, что вмѣсто земледѣлія принимались за другую отрасль хозяйства, требующую незначительной затраты рабочей силы. Это въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приводило къ тому, что не только прекращался недостатокъ въ крестьянахъ, но ихъ даже прямо сгоняли съ ихъ мѣстъ. Недостатокъ рабочихъ рукъ въ Англіи, происходившій, правда, отъ иныхъ причинъ, чѣмъ въ Богеміи, далъ чувствительный толчокъ развитію пастбищнаго хозяйства, именно разведенію овецъ. Оно приняло такіе размѣры, что послужило въ Англіи главнымъ средствомъ для экспропріаціи крестьянъ и созданія массы пролетаріата. Подобную же, хоть и не столь серьезную, роль сыграли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи рыбные пруды, которые принялись устраивать владѣльцы лятифундій. Какъ въ Англіи крестьяне были пожраны овцами, такъ въ Богеміи карпами.

Палацкій приводитъ достойное вниманія свидѣтельство о развитіи рыцарскихъ и крестьянскихъ отношеній въ Богеміи, во второй половинѣ XV столѣтія, а именно сообщенія нѣкоего Вшерда (Wšehrd'a), съ 1463 по 1497 годъ помощника короннаго писаря королевства, издавшаго «девять книгъ законовъ, судебныхъ уставовъ и таблицъ Богеміи». Тамъ между прочимъ говорится: «Въ старыя незапамятныя времена во всѣхъ округахъ были особые чиновники, проводники, которымъ были извѣстны мѣста жительства всѣхъ господъ, рыцарей и помѣщиковъ. Страна была густо и хорошо населена, потому что тогда усадьбы рыцарей еще не скупались и не разрушались, ихъ замки и крѣпости не сравнивались съ землей, а села, поля и луга еще не исчезли, благодаря устройству прудовъ. Поэтому, при безчисленномъ множествѣ рыцарскихъ помѣстій и деревень, существовали проводники, которые должны были не вызывать людей въ судъ, но указывать судебнымъ чиновникамъ мѣсто жительства тѣхъ, кто вызывался въ судъ, и провожать къ нимъ чиновниковъ, почему ихъ и называли проводниками. Но когда затѣмъ почти треть страны была опустошена войнами и эпидеміями, когда во всѣхъ округахъ была уничтожена масса рыцарскихъ имѣній, а то, что мечъ, огонь и эпидеміи пощадили, было большею частью опустошено устройствомъ прудовъ, тогда проводники сдѣлались лишними», и т. д. (Палацкій, l. c. IV, 1. стр. 528, 529).

Къ началу XV столѣтія крѣпостная зависимость въ Богеміи почти совершенно исчезла, къ концу того же вѣка она снова сдѣлалась всеобщимъ состояніемъ крестьянства.

Смѣшно было бы дѣлать за это отвѣтственными гусситскія войны. Направленіе общественнаго развитія не зависитъ отъ того, протекаетъ ли оно мирнымъ путемъ или среди жестокихъ войнъ; оно опредѣляется ходомъ и потребностями производства. Если случается, что исходъ жестокой революціонной борьбы не соотвѣтствуетъ цѣлямъ бойцовъ этой революціи, то это доказываетъ лишь, что цѣли противорѣчили потребностямъ производства. Насильственная революціонная борьба не можетъ опредѣлять направленіе общественнаго развитія, она можетъ лишь ускорить его темпъ въ извѣстныхъ случаяхъ, обостряя при этомъ бѣдствія побѣжденныхъ. Такъ случилось и съ гусситскими войнами. Повсюду въ Европѣ, начиная съ XV столѣтія, въ одной странѣ раньше, въ другой позже, происходитъ ухудшеніе положенія крестьянъ. Что Богемія, вопреки своей экономической отсталости, оказалась одной изъ первыхъ странъ,

гдѣ обнаружилось это явленіе, и что тамъ процессъ этотъ закончился быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, — причиной этого были дѣйствительно гусситскія войны. Безъ нихъ рѣшительный поворотъ наступилъ бы, вѣроятно, на сто лѣтъ позже, послѣ германской крестьянской войны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Богемскіе братья.

Таборъ палъ, но его существованіе не прошло безъ слѣда. Это коммунистическое военное государство имѣло слишкомъ сильное вліяніе, и вліяніе это ужъ слишкомъ глубоко укоренилось въ общественныхъ условіяхъ своего времени, такъ что идеи, на которыхъ оно основывалось, не могли не сохранить своей жизненности, хотя бы и въ нѣсколько иной формѣ, болѣе соотвѣтствующей измѣнившемуся положенію вещей.

Двѣ секты Табора послѣ его паденія нашли свое продолженіе въ организаціяхъ, которыя, происходя отъ одного корня и даже нося одинаковое имя — «богемскіе братья», — представляли между собою такую рѣзкую противоположность, какая только возможна. Одна изъ этихъ сектъ носила характеръ военный, другая коммунистическій.

Мы видѣли выше, какъ воинственные иностранцы примыкали къ таборитамъ лишь съ цѣлью принять участіе въ ихъ военныхъ успѣхахъ и въ добычѣ. Съ другой стороны, и сами табориты одичали въ безпрерывной войнѣ, и для многихъ изъ нихъ единственной цѣлью веденія войны сдѣлалась добыча или же жалованіе.

Послѣ паденія Табора такіе элементы не находили болѣе для себя поля дѣятельности въ Богеміи и потому отправились за границу, чтобы тамъ наниматься на службу то къ одному государю, то къ другому, либо въ одиночку, либо въ видѣ хорошо организованныхъ военныхъ бандъ. Подобныя банды не составляли тогда чего-либо исключительнаго; было совершенно въ порядкѣ вещей, что какой-нибудь извѣстный военачальникъ собиралъ вокругъ себя наемниковъ и дѣлался ихъ предводителемъ. Въ противоположность этимъ деспотически управляемымъ бандамъ, отряды богемскихъ братьевъ были организованы по образцу таборитовъ на демократическихъ началахъ.

Въ Венгріи, а также и въ Польшѣ банды эти играли нѣкоторое время серьезную роль. Казаки, появившіеся въ Украйнѣ около начала XVI вѣка, повидимому, тоже организовались по ихъ образцу.

Однако, гораздо важнѣе была другая часть богемскихъ братьевъ, оставшаяся въ Богеміи.

Мы уже указывали, что коммунисты среднихъ вѣковъ были очень миролюбивы и гнушались насилія. Это вполнѣ соотвѣтствовало и безсилію бѣдняковъ, и преданіямъ древняго христіанства. Когда въ Богеміи разразилась гусситская революція, старые авторитеты рушились, и низшіе классы народа начали побѣдоносное возстаніе, тогда число коммунистовъ было увеличено этимъ движеніемъ; а разъ они очутились среди революціи, то сама логика вещей по необ-

ходимости поставила ихъ во главѣ возставшей демократіи, крайній элементъ которой они составляли.

Но миролюбивое направленіе, которое осуждало войну, насиліе и принужденіе, не исчезло окончательно даже и во время самыхъ блестящихъ тріумфовъ таборитовъ. Важнѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Петръ изъ Хельчицъ (Chelcic), Петръ Хельчицкій (Chelcicky). Родился онъ приблизительно около 1390 года и былъ, вѣроятно, обѣднѣвшій рыцарь; онъ жилъ тихо и уединенно въ деревнѣ Хельчицѣ, возлѣ таборитскаго города Воднина и написалъ тамъ рядъ сочиненій, привлекшихъ всеобщее вниманіе. Уже въ 1410 году онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ дѣлахъ религіи нельзя употреблять никакого насилія; во время революціонной борьбы убѣжденіе это еще укрѣпилось въ немъ. Войну онъ считалъ ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, солдаты, по его мнѣнію, ни на волосъ не лучше разбойниковъ и убійцъ [1]).

Хельчицкій является коммунистомъ въ духѣ первобытнаго христіанства. Всеобщее равенство, по его ученію, не должно быть установлено путемъ войны или государственнаго принужденія, нѣтъ, оно должно осуществиться помимо государства и общества. Истинно вѣрующій не долженъ принимать никакого участія въ управленіи государствомъ, такъ какъ оно учрежденіе языческое и грѣховное. Соціальныя неравенства, имущественныя, сословныя и т. д. возникаютъ благодаря государству и могутъ погибнуть только вмѣстѣ съ нимъ. Но единственно христіанскій методъ уничтожить государство состоитъ въ томъ, чтобы его игнорировать. Истинно вѣрующему запрещается не только участвовать въ управленіи, но даже пользоваться силой правительства; полиція и судъ учреждены не для него. Истинный христіанинъ долженъ стремиться къ добру по собственному побужденію и другихъ къ нему не долженъ принуждать, такъ какъ Богъ желаетъ только добровольныхъ добрыхъ дѣлъ. Всякое принужденіе есть зло.

Въ существующихъ государствѣ и обществѣ не мѣсто истиннаго христіанина, развѣ только въ низшихъ слояхъ, гдѣ лишь повинуются и служатъ, но не властвуютъ и повелѣваютъ. Всякое господство, всякое классовое различіе нарушаетъ заповѣдь братства и равенства. Если не долженъ христіанинъ властвовать, то не долженъ онъ и эксплуатировать другихъ, онъ не долженъ заниматься и торговлей, такъ какъ она по необходимости всегда связана съ обманомъ; города и торговыя мѣста суть зло; открылъ ихъ Каинъ, онъ превратилъ первобытную простоту жизни въ коварство; онъ ввелъ мѣру и вѣсъ, тогда какъ прежде люди занимались обмѣномъ безъ мѣры и вѣсовъ. Но порочнѣе и больше всѣхъ достойно проклятія—дворянство [2]).

Этотъ анархическій, но въ то же время миролюбивый коммунизмъ полу-

[1]) „О какихъ же рыцаряхъ говорите вы, которымъ подобаетъ вести войну?—писалъ онъ разъ.—Не о тѣхъ ли шалопаяхъ въ замкахъ и крѣпостяхъ, которымъ волосы доходятъ до плечъ и которые носятъ такіе короткіе камзолы, что они не прикрываютъ даже ихъ сидѣній? Разъ они одни имѣютъ право вести войну, что же тогда дѣлаютъ въ бояхъ граждане и крестьяне?.. Ибо, ни король, ни князь, ни рыцарь, ни бѣднѣйшій дворянинъ не ведутъ войны сами, но всѣ они силой гонятъ къ этому крестьянъ, и, такимъ образомъ, наталкиваютъ весь народъ на убійства и преступленія“. Приведено у Палацкаго, l. c., IV, I, стр. 478, 479.

[2]) Срави. объ этомъ у Ярослава Голль, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder, II, Петръ Хельчицкій и его ученіе. Прага, 1882 г.

чалъ тѣмъ большее вліяніе, чѣмъ болѣе возрастали утомленіе отъ войны, чѣмъ болѣе таборитское управленіе теряло симпатіи низшихъ классовъ народа.

Изъ коммунистическихъ сектъ, возникшихъ въ Богеміи послѣ паденія Табора и состоящихъ отчасти изъ таборитовъ, важнѣйшею сдѣлалась секта послѣдователей Хельчицкаго,—хельчицкіе братья.

Среди учениковъ Петра особенно выдѣлялся братъ Грегоръ, дворянинъ, но до того бѣдный, что снискивалъ себѣ пропитаніе ремесломъ портного. Когда бывшіе таборіты основали колонію въ деревнѣ Кунвальдъ у Зенфтенберга, гдѣ сохранились еще таборитскія убѣжденія, они выбрали въ 1457 году Грегора своимъ главой и организаторомъ. Его вліянію главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать, что колонисты, «братья», приняли ученіе Хельчицкаго и точно слѣдовали ему.

Первоначальная организація богемскихъ братьевъ не можетъ быть выяснена вполнѣ, такъ какъ позднѣйшіе братья стыдились своего коммунистическаго происхожденія и старались по возможности затемнить его. Исходя, однако, изъ позднѣйшей организаціи богемскихъ братьевъ, для выясненія которой можно также принять во вниманіе хорошо извѣстную организацію гернгутеровъ, ихъ послѣдователей, и принимая во вниманіе внутреннюю борьбу, результатомъ которой эта организація явилась, мы получимъ слѣдующую картину [1]).

Разумѣется, каждому члену братской общины строго запрещено было нести военную службу, участвовать въ управленіи государствомъ, посредствомъ принятія на себя должности правительственнаго или общиннаго чиновника, также всякое обращеніе къ властямъ и заявленіе жалобъ. Въ обществѣ должно царить всеобщее равенство и не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; какая бы то ни было эксплуатація строго была запрещена. Каждый богатый или принадлежавшій къ привилегированному сословію человѣкъ долженъ, прежде вступленія своего въ общину, отказаться отъ своего состоянія и привилегій. «Братъ не долженъ былъ также заниматься торговлей, ссудами денегъ подъ проценты и содержаніемъ трактировъ. Съ другой стороны, каждый членъ общины, равно какъ и вся община, обязаны были помогать брату, попавшему въ затруднительное положеніе.

Частная собственность и семья запрещаемы не были; коммунизмъ по отношенію къ семьѣ выражался главнымъ образомъ въ братскихъ отношеніяхъ, въ дружелюбномъ участіи другъ къ другу и въ стремленіи къ поддержанію равенства, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ возвыситься надъ другими или стать ниже ихъ. Однако, при сохраненіи частной собственности это было возможно лишь благодаря строгой дисциплинѣ, простирающейся на всю общественную жизнь братьевъ; отъ нея не были избавлены даже самыя интимныя стороны семейной жизни.

---

[1]) Позднѣйшую организацію богемскихъ братьевъ можно очень хорошо понять изъ упомянутой уже нами книги I. A. Коменіуса „Kirchengeschichte der Böhmischen Brüder“, изъ ихъ церковнаго устава 1609 года, и изъ символа вѣры, который они подали въ 1535 году королю Фердинанду (всѣ три имѣются въ нѣмецкомъ изданіи „Kurzgefassten Kirchen Historie der Böhmischen Brüder“, Коменіуса, выпущенномъ въ Швабахѣ „I. I. Эндерсомъ, высочайше привилегированнымъ продавцомъ книгъ и диссертацій“, 1739 г.). Борьба, приведшая къ этой организаціи, обстоятельно изображена въ сочиненіи А. Гиндели, „Geschichte der Böhmischen Brüder“, Прага, 1857 г. 2 части.

Священники и старшины, избираемые общиной, пользовались вопреки анархической теоріи Петра, отрицающей всякое насиліе, какъ не христіанское, языческое дѣло, дисциплинарной властью, которая показалась бы современному человѣку невыносимою, тѣмъ болѣе, что у богемскихъ братьевъ особенно рѣзко обнаружился тотъ мрачный духъ ханжества, который мы уже признали принадлежностью средневѣковаго коммунизма, и который явился слѣдствіемъ бѣдствій и невыразимыхъ страданій, вызванныхъ гусситскими войнами.

Игры и танцы были запрещены, какъ ловушки, разставляемыя вѣрующимъ людямъ діаволомъ. Жить, трудиться и молча терпѣть,—вотъ все, что надлежитъ дѣлать на этомъ свѣтѣ истинному христіанину. Воскресеніе они праздновали ужъ совсѣмъ по-пуритански.

Хотя частная собственность и семья не были запрещены, но состояніе безбрачія считалось высшимъ, болѣе святымъ. Духовенству предписано было не имѣть никакого имущества и жить въ безбрачіи. Безбрачные поселялись, мужчины—отдѣльно отъ женщинъ, въ братскихъ домахъ, гдѣ они работали и жили. Мы можемъ предположить, что эти дома были организованы по образцу домовъ беггардовъ.

Подобно таборитамъ, и богемскіе братья не хотѣли знать ученыхъ. Они считали ихъ однимъ изъ привилегированныхъ сословій, и братъ Грегоръ до самой своей смерти (1473 г.) предостерегалъ общину отъ ученыхъ. Зато они много заботились о хорошихъ народныхъ школахъ такъ же, какъ и табориты. Демократическимъ искусствомъ книгопечанія они овладѣли съ большою поспѣшностью тотчасъ же послѣ его изобрѣтенія. «Рѣдкая христіанская секта,—говоритъ Гиндели l. c., I, стр. 39,—выпустила въ свѣтъ столько сочиненій въ свою защиту, какъ братья». Число сочиненій, выпущенныхъ съ основанія секты до ея почти полнаго уничтоженія послѣ смерти Комепія (1670 г.), гораздо больше числа произведеній всѣхъ прочихъ отраслей богемской литературы, за тотъ же періодъ времени. Они гордились также тѣмъ, что первые напечатали библію на отечественномъ языкѣ (въ Венеціи), такъ что въ этомъ богемцы опередили всѣ прочіе народы [1]). Къ началу XVI вѣка въ Богеміи существовало пять типографій: одна католическая въ Пильзенѣ, одна утраквистская въ Прагѣ и три, принадлежавшія богемскимъ братьямъ, въ Юнгбунцлау, въ Лейтомышлѣ и въ Вейсвассерѣ. Но и этихъ трехъ не всегда оказывалось для нихъ достаточно, и время отъ времени они печатали свои книги въ Нюрнбергѣ.

Существовало оригинальное постановленіе, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствующее ихъ суровой дисциплинѣ, что никто изъ членовъ общины нн можетъ написать и издать книги безъ согласія на то общины. Никто — говорится въ ихъ церковномъ уставѣ — не имѣетъ у насъ права издавать книги отъ себя; онѣ должны быть разсмотрѣны другими и утверждены съ общаго согласія [2]).

Полякъ Иванъ Ласицкій, посѣтившій богемскихъ братьевъ въ 1571 году, пишетъ въ своемъ сочиненіи «De origine et rebus gestis fratrum Bohemorum» о томъ, какъ они выпускаютъ книги: «никакая книга не появляется, не будучи напередъ изслѣдована многими старшинами и церковнослужителями, которые избраны и назначены для этого... Обыкновенно также ни одна книга не вы-

[1]) Коменій, l. c., стр. 57.
[2]) Коменій, l. c., стр. 296.

пускается однимъ лицомъ отъ своего имени (развѣ только по особымъ причинамъ), но каждая появляется отъ имени всего братства, чтобы каждый членъ духовнаго тѣла получалъ за это столько же похвалъ, сколько и другіе, чтобы, благодаря этому, была уничтожена всякая возможность суетнаго честолюбія, которое обыкновенно щекочетъ душу автора книги; сами же сочиненія имѣли, благодаря этому, большее значеніе и вѣсъ» [1]).

И, несмотря на это, какая колоссальная литературная производительность?

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что новое общество, имѣвшее въ себѣ такъ много таборитскаго духа и заключавшее въ себѣ прежніе таборитскіе элементы, казалось въ глазахъ власть имущихъ подозрительнымъ и очень опаснымъ несмотря на его миролюбивый и покорный характеръ. Уже въ 1461 году началось жестокое преслѣдованіе богемскихъ братьевъ Георгомъ Подебрадомъ, который, какъ мы уже знаемъ, уничтожилъ самостоятельность Табора. Бывшій въ 1542 году еще намѣстникомъ, онъ избранъ былъ въ 1548 году, послѣ смерти короля Владислава, королемъ Богеміи. Однимъ изъ первыхъ его мѣропріятій было преслѣдованіе богемскихъ братьевъ, вожди которыхъ, братъ Грегоръ и другіе, были посажены въ тюрьму. Община въ Кунвальдѣ была разогнана, членовъ ея преслѣдовали и запрещали имъ всякія собранія.

«Благодаря этой жестокой инквизиціи,—пишетъ Коменій,—которая снова была установлена повсюду противъ братьевъ, большая часть ихъ, особенно наиболѣе выдающіеся среди нихъ, разсѣялись по горамъ и лѣсамъ и стали жить въ пещерахъ; однако и тамъ они не всегда были въ безопасности. Приготовить необходимую пищу можно было не иначе, какъ ночью, они не могли безъ опасности для себя разводить огонь днемъ, когда ихъ могъ выдать поднимающійся къ верху дымъ. Въ сильные холода они сидѣли вокругъ огня и проводили время въ чтеніи священныхъ книгъ и душеспасительныхъ разговорахъ. Когда во время зимы имъ приходилось выходить, чтобы позаботиться о припасахъ, то всѣ ступали по слѣдамъ, сдѣланнымъ переднимъ, послѣдній же изъ идущихъ тащилъ за собою еловую вѣтвь, которая заметала слѣды; дѣлалось это, чтобы не быть узнанными, такъ какъ оставленные ими такимъ образомъ слѣды были похожи на слѣды мужика, волокущаго вязанку дровъ. За ихъ жизнь въ пещерахъ враги называли ихъ въ насмѣшку ямниками, пещерными жителями» [2]).

Явилось ли это названіе «ямники» впервые во время этого преслѣдованія? Въ западной Германіи уже въ XIV столѣтіи беггардскіе элементы носили насмѣшливую кличку «винклеровъ», т.-е. закутниковъ, по причинѣ таинственности ихъ собраній; въ восточной Германіи ихъ называли грубенгеймерами; слово «ямники» (отъ чешскаго. jàma, яма, пещера) есть переводъ послѣдняго названія и указываетъ, вѣроятно, на то, что завѣты беггардовъ осуществлялись богемскими братьями. Народъ называлъ ихъ не только ямниками, но и «пикардами».

Первое преслѣдованіе прекратилось только со смертью Подебрада въ 1471 году.

Позже братья также терпѣли время отъ времени преслѣдованія, но, вообще, они вредили имъ гораздо меньше перваго. Государственная власть въ Богеміи была въ то время еще слаба, братья же находили себѣ сильныхъ защитниковъ

[1]) Цитировано по Коменію, l. c., стр. 328, примѣчаніе
[2]) Коменій, l. c., стр. 45, 46.

въ лицѣ нѣкоторыхъ князей и городовъ; люди развитые рано поняли, какъ, съ одной стороны, безвредны вражда къ власти и стремленіе къ равенству у этой секты, и съ другой — какой удобный матеріалъ для эксплуатаціи доставляютъ они своей проповѣдью прилежанія, терпѣнія и отреченія.

Благодаря этой же защитѣ, секта продолжала быстро разростаться даже во время перваго суроваго преслѣдованія. Появленіе прозелитовъ облегчалось еще благодаря тому обстоятельству, что совершенно въ духѣ таборитовъ и въ противоположность прочимъ церковнымъ организаціямъ того времени, «братья» проповѣдовали величайшую терпимость въ дѣлахъ вѣры. Братская община могла такъ поступать потому, что не носила, подобно другимъ церковнымъ организаціямъ, печати власти. Уже первый конгрессъ братьевъ, состоявшійся въ 1464 году, въ горахъ Рейхенау, который посѣтили делегаты не только изъ Богеміи, но и изъ Моравіи, объявилъ, что вопросы соціальной организаціи должны быть основными, вопросы же религіозные стоятъ на второмъ планѣ; и правила этого они всегда твердо держались. Вслѣдствіе этого, они рѣзко отличались отъ позднѣйшаго лютеранства, по ученію котораго спасаетъ вѣра, а не дѣла.

Благодаря этой терпимости имъ удалось привлечь къ себѣ многія сродныя имъ общины. Но тѣмъ суровѣе они бывали въ тѣхъ случаяхъ, когда существовало различіе въ практической дѣятельности. На второй конгрессъ въ Лотѣ, въ 1467 году, который далъ обществу однообразную организацію, утвердивши программу конгресса въ Рейхенау, явились депутаты отъ остатковъ секты адамитовъ и предложили соединиться; но они получили отказъ: адамитскій коммунизмъ показался братьямъ слишкомъ всеобъемлющимъ. Только мало-по-малу, послѣ отказа отъ своихъ «заблужденій», адамиты по одиночкѣ были приняты братьями.

Съ другой стороны, ни къ чему не привели также и переговоры съ вальденсами, которые сдѣлались уже въ значительной степени опортунистами и буржуа. «Мы много бесѣдовали со священниками вальденсовъ,—говоритъ братъ Грегоръ въ своемъ трактатѣ «Какъ должны поступать люди по отношенію къ римской церкви», — въ особенности со священникомъ Стефаномъ, который никогда не позволялъ себѣ совершать церковныя требы по римскому обычаю (какъ это обыкновенно дѣлали священники вальденсовъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій). Онъ же тайно отправлялъ свои обязанности у вальденсовъ въ Германіи, за что и былъ впослѣдствіи сожженъ. Онъ вызывался исправить все, что будетъ у нихъ признано противорѣчащимъ вѣрѣ Христовой и христіанской жизни, и устроить все согласно писанію апостольскому, какъ было нѣкогда въ первой церкви. Мы согласились и хотѣли исполнить это на самомъ дѣлѣ, но тутъ они, по дружбѣ со священниками римской вѣры, довѣрились имъ, и тѣ помѣшали нашему соединенію». Такимъ образомъ они не пришли къ соглашенію. «Нѣкоторые вальденсы,—разсказываетъ Грегоръ дальше,—сознавались, что удалились съ пути своихъ предшественниковъ; у нихъ существовалъ вредный обычай принимать отъ людей деньги и накоплять богатства, не заботясь о бѣдныхъ; христіанской вѣрѣ противно, что священникъ собираетъ сокровища, вмѣсто того, чтобы по закону обращать на милостыню имущество мірянъ, а также и свое собственное добро, унаслѣдованное отъ родителей, и не оставлять бѣдняковъ въ нуждѣ», и т. д. [1]).

[1]) Выписка изъ чешскаго оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ находится въ книгѣ Голля: Quellen und Untersuchungen, и т. д. I. Сношенія братьевъ съ вальденсами. Прага, 1878, стр. 98 и слѣд.

Но участь вальденсовъ постигла вскорѣ и богемскихъ братьевъ.

Пуританизмъ, при помощи котораго они протестовали противъ существующаго общества и благодаря которому они удалялись отъ него, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ средствомъ выдвинуться въ этомъ обществѣ. Мы указывали уже (стр. 118), какъ сильно отличался этотъ пуританизмъ отъ аскетизма первыхъ христіанъ, несмотря на внѣшнее сходство съ нимъ. Оба проповѣдывали суетность, даже предосудительность радостей жизни и всякихъ наслажденій, но въ то время, какъ аскетизмъ первыхъ христіанъ соединялся съ тупою неподвижностью, пуританизмъ временъ реформаціи, напротивъ, отличался неустаннымъ и разсудительнымъ трудолюбіемъ своихъ послѣдователей. Этотъ трудолюбивый пуританизмъ, разумѣется, не могъ бы теперь, въ эпоху высокаго развитія въ крупной промышленности капитализма, поднять до удовлетворительнаго положенія массу рабочихъ, крестьянъ и мелкую буржуазію. Но тогда, когда только начинался переходъ отъ натуральнаго хозяйства ко всеобщему, отчасти уже капиталистическому товарному производству, а мѣстами встрѣчалось еще простое товарное производство,—тогда пуританизмъ былъ въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ для превращенія мелкихъ буржуа въ капиталистовъ, тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ сильнѣе масса народа сохраняла еще наивную жизнерадостность, обыкновенно связанную съ натуральнымъ хозяйствомъ, въ которомъ производятъ не для продажи и не для накопленія, а для собственнаго употребленія. На-ряду съ пуританизмомъ, матеріальному благосостоянію братьевъ содѣйствовало и хорошо поставленное всеобщее обученіе.

Между тѣмъ какъ благосостояніе таборитовъ, положившее конецъ ихъ коммунизму, возникло благодаря военной добычѣ, благосостояніе богемскихъ братьевъ было слѣдствіемъ ихъ прилежанія, умѣренности, бережливости и смышленности.

Зажиточность братьевъ вербовала имъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества многочисленныхъ новыхъ послѣдователей, которые шли къ нимъ изъ самыхъ мірскихъ побужденій. Но съ увеличеніемъ благосостоянія, многіе изъ важнѣйшихъ членовъ секты стали находить строгую дисциплину все болѣе стѣснительною. Дисциплина эта не допускала въ интересахъ равенства, чтобы одинъ былъ богаче другихъ, она запрещала также увеличеніе имущества посредствомъ прибыльныхъ операцій,—торговли и ростовщичества. Съ увеличеніемъ благосостоянія начали возникать столкновенія по имущественнымъ дѣламъ, процессы стали необходимыми и для охраны имущества. Явилась нужда въ государственной власти.

Такимъ образомъ между братьями начало возникать мало-по-малу болѣе умѣренное направленіе, которое еще не отваживалось отвергнуть первоначальныя установленія, но стремилось къ тому, чтобы установленія эти были понимаемы, какъ идеалы высшаго, исключительнаго благочестія, а не какъ общеобязательныя правовыя нормы.

Разладъ между обоими направленіями обнаружился впервые (въ концѣ семидесятаго года), когда двое бароновъ и нѣсколько рыцарей стали добиваться принятія въ братство. Послѣдователи крайняго направленія хотѣли принять ихъ лишь въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ своего имущества и общественнаго положенія; болѣе же умѣренные желали оставить имъ все это. Но на этотъ разъ еще побѣдили первые, и изъ желающихъ вступить въ число братьевъ допущены были только тѣ, которые выполнили всѣ требованія устава общины.

Но въ 1480 году мы уже находимъ результаты вліянія умѣреннаго направленія: принятъ былъ ученый по имени Лука, за нимъ послѣдовали и другіе. Принятіе ихъ было побѣдой умѣреннаго направленія; ученый же элементъ съ своей стороны только усилилъ его. Крайніе, съ ткачемъ Грегоромъ изъ Вотица во главѣ, напрасно боролись и словомъ и письмомъ противъ все распространявшагося индифферентизма. На конгрессѣ или соборѣ въ Брандейсѣ на Адлерѣ (1491 г.) побѣдило умѣренное направленіе. Было рѣшено, что люди богатые и высокопоставленные впредь могутъ быть принимаемы безъ отказа съ ихъ стороны отъ имущества и положенія. Имъ только ставилось на видъ, что они, не отказываясь отъ имущества, легко могутъ лишиться спасенія души. Такимъ образомъ требованіе равенства, если не устранялось совершенно, то во всякомъ случаѣ перешло въ область благочестивыхъ мечтаній.

Подобнымъ же образомъ смиренные братья сумѣли открыть себѣ путь къ участію въ управленіи государствомъ. Они постановили на томъ же конгрессѣ: «Если по повелѣнію свѣтской власти одинъ изъ братьевъ долженъ будетъ принять званіе судьи, присяжнаго или цехового мастера, или долженъ будетъ отправиться на войну, или вмѣстѣ съ другими ему придется дать согласіе на пытку и казнь какого-нибудь преступника, — то мы объявляемъ, что человѣкъ раскаявшійся не долженъ стремиться къ этимъ вещамъ добровольно, но долженъ стараться избѣгать ихъ. Если же онъ не сможетъ отдѣлаться отъ нихъ ни усиленными просьбами, ни другимъ какимъ-либо способомъ, то слѣдуетъ подчиниться власти». А засимъ братьямъ было разрѣшено не только принимать участіе въ управленіи государствомъ, занимать должности чиновниковъ и вести войну, если они будутъ принуждены къ этому, — нѣтъ, они имѣли право впредь и сами призывать власть въ лицѣ судьи, могли получать прибыль, заниматься торговлей, содержать харчевни, разумѣется, также лишь въ случаѣ необходимости.

Представители крайняго направленія пришли въ ярость отъ этого рѣшенія, которое совершенно уничтожало равенство, братство и свободу, существовавшія до тѣхъ поръ. Съ помощью энергичной контръ-агитаціи они привлекли на свою сторону епископа Матвѣя изъ Кунвальда, запугали нерѣшительныхъ и увлекли ихъ за собою; Матвѣй собралъ по ихъ настоянію новый соборъ, который уничтожилъ постановленія брандейзскаго конгресса и объявилъ безусловное возвращеніе къ старымъ порядкамъ.

Но имъ пришлось торжествовать недолго. Побѣдѣ крайнихъ помогла не ихъ внутренняя сила, но неожиданность нападенія. Въ 1494 г., на съѣздѣ въ Рейхенау, они снова остались въ меньшинствѣ и, какъ сами теперь это поняли, потеряли всякую надежду еще разъ провести въ общество свои правила. Тогда произошелъ расколъ. Попытка соглашенія, сдѣланная въ 1496 г., повела лишь къ взаимнымъ нареканіямъ и къ обостренію вражды.

Крайніе назывались меньшей партіей. Она была незначительна по числу; присоединились къ ней только люди неразвитые, крестьяне и ремесленники, и она стояла въ противорѣчіи съ потребностями общественнаго развитія. Вслѣдствіе этого она стала приходить въ упадокъ, а когда въ 1527 г. нѣсколько членовъ секты были сожжены въ Прагѣ, исчезла совершенно.

Умѣренное направленіе, напротивъ, усиленное богатыми и вліятельными людьми, стало быстро возрастать, пользуясь разрѣшеніемъ участвовать въ упра-

вленіи государствомъ и направлять его сообразно своимъ нуждамъ, а также благодаря организаціи своей, соотвѣтствующей потребностямъ общественнаго развитія. Въ 1500 году умѣренные имѣли уже 200 церквей; въ теченіе XVI вѣка они сдѣлались могучимъ политическимъ и экономическимъ факторомъ въ Богеміи. Какъ много послѣдователей ихъ было среди дворянъ, доказываетъ, между прочимъ, одно прошеніе, посланное въ 1575 г. королю дворянами—членами братской общины: оно подписано 17 баронами и 141 рыцаремъ.

Исчезли всѣ установленія богемскихъ братьевъ, напоминающія первоначальный коммунизмъ; изъ ихъ литературы, какъ мы указывали уже, старательно выброшены всѣ коммунистическія традиціи. Братья открыли богатымъ доступъ въ общину, а съ другой стороны дѣло дошло до того, что среди нихъ оказались и нищіе. Церковный уставъ 1609 года гласитъ: «Насколько возможно, мы удерживаемъ своихъ людей отъ нищенства». Непремѣнная обязанность помогать другъ другу не существовала болѣе.

«Богемскіе пуритане, — говоритъ Гиндели (l. c. II, стр. 213), — вѣрнѣе богемскіе фанатики, склонявшіеся скорѣе къ Петру Хельчицкому, чѣмъ къ Гусу, проповѣдывавшіе Павлово ученіе о безбрачіи, не признававшіе присяги, не занимавшіе должностей, не терпѣвшіе роскоши и богатства, не занимавшіеся ростовщичествомъ и отрицавшіе войну,—люди эти сдѣлались теперь очень зажиточными капиталистами, почтенными отцами семействъ, ловкими дѣльцами, приличными бургомистрами и присяжными, талантливыми генералами и государственными дѣятелями».

Успѣхи ихъ продолжались до самой тридцатилѣтней войны, до битвы у Бѣлой горы въ 1620 году. Битва эта положила конецъ продолжительной борьбѣ между богемскимъ дворянствомъ и абсолютизмомъ Габсбурговъ, занимавшихъ богемскій престолъ съ 1526 года; она привела къ полному истребленію дворянъ, конфискаціи ихъ имуществъ и раздѣлу его между іезуитами и креатурами двора. Она же принесла гибель и богемскимъ братьямъ. Съ трудомъ лишь удерживались тамъ и сямъ ихъ разсѣянные остатки, которые нашли, наконецъ, въ 1722 году убѣжище у благочестиваго графа Цинцендорфа въ его саксонскихъ владѣніяхъ въ Гернгутѣ.

Но гернгутеры не обладали ни коммунистическимъ энтузіазмомъ крайняго направленія братьевъ, ни знаніемъ жизни умѣренныхъ. Бѣдные, убитые горемъ крестьяне и ремесленники, избѣгнувшіе преслѣдованія лишь потому, что жили въ отдаленнѣйшихъ заброшенныхъ углахъ, немногое сумѣли сохранить отъ сущности братской общины.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ богемскіе братья перестали играть роль въ исторіи соціализма; въ семнадцатомъ же прекратилось ихъ значеніе и для исторіи вообще.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмецкая реформація и Томасъ Мюнцеръ.

I. Нѣмецкая реформація.

Эней Сильвій Пикколомини, уже цитированный нами раньше, былъ сначала передовымъ бойцомъ за церковную реформу, но потомъ заключилъ съ римскимъ папою миръ, въ награду за что и получилъ въ 1456 году кардинальскую шапку [1]). Мартинъ Майеръ, родомъ изъ Гейдельберга, канцлеръ майнцскаго архіепископа Дитриха Эрбаха, обратился къ новоиспеченному кардиналу съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: «Изобрѣтена тысяча способовъ (они отчасти перечислены передъ этимъ), съ помощью которыхъ престолъ римскій незамѣтно забираетъ у насъ, какъ у варваровъ, золото. Вслѣдствіе этого, нація наша, прежде такъ доблестно завоевавшая своею храбростью и кровью римское государство и бывшая властительницей и королевой міра, теперь впала въ бѣдность, сдѣлалась чужой прислужницей и данницей и, пресмыкаясь въ прахѣ уже многіе годы, оплакиваетъ свои несчастія и бѣдность. Но теперь князья наши пробудились отъ сна, начали обсуждать, нельзя ли помочь этому горю, и рѣшили окончательно стряхнуть иго и добиться прежней свободы. И для римской куріи будетъ не малымъ бѣдствіемъ, если князья римской имперіи осуществятъ то, что задумали» [2]).

Эней Сильвій счелъ необходимымъ написать для опроверженія Майера цѣлую книгу о положеніи Германіи; книга эта появилась въ 1458 году, незадолго до избранія его папой [3]). «Нищъ духомъ, — заявляетъ онъ тамъ, — человѣкъ, который утверждаетъ, что Германія обнищала». Онъ старается доказать это, ссылаясь на торговлю и горное дѣло, процвѣтавшія тогда въ Германіи и приносившія большіе доходы. «Если правда, — восклицаетъ онъ, — что тамъ, гдѣ есть купцы, можно найти и богатства, то надо признать, что нѣмцы богатѣйшая нація, такъ какъ большая часть ихъ, въ погонѣ за торговой прибылью, рыскаютъ далеко по чужимъ странамъ... Не слѣдуетъ забывать золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, которые раньше были неизвѣстны, а теперь открыты у васъ. Въ Богеміи Куттенбергъ, въ Саксоніи Ранкбергъ, въ Мейсенѣ Фрейбергъ на головокружительныхъ высотахъ имѣютъ неисчерпаемыя залежи серебра». Затѣмъ онъ указываетъ на золотые и серебряные рудники въ долинахъ Инна и Энса, на отмывку золота по Рейну и въ Богеміи и наконецъ спрашиваетъ: «Есть ли у васъ гдѣ-нибудь гостинница, въ которой пили бы не изъ серебряной посуды? Какая женщина не только среди знатныхъ, но и среди плебеевъ не щеголяетъ золотыми украшеніями? Надо ли мнѣ указывать на шейныя цѣпи рыцарей и выкованныя изъ чистаго золота уздечки ихъ коней, на шпоры и

[1]) Два года спустя онъ сдѣлался папой, подъ именемъ Пія II. Будучи папой, онъ умудрился осудить свои прежнія сочиненія, какъ еретическія.

[2]) Ульманъ, Reformatoren etc., I, стр. 214.

[3]) Мы пользовались лейпцигскимъ изданіемъ 1496 года: Enee Sylvii, de Ritu, Situ, Moribus ac Conditione alemanie, Лейпцигъ.

ножны мечей, усѣянныя драгоцѣнными камнями, на перстни и перевязи, на панцыри и шлемы, сіяющіе золотомъ? Какъ прекрасна тамъ церковная утварь, какъ много реликвій, оправленныхъ въ золото и жемчугъ, какъ богаты убранство алтарей и одежды священнослужителей!»

Итакъ, Германія находится въ такомъ положеніи, что можетъ платить дань римскому престолу; и что станется съ послѣднимъ, если Германія прекратитъ свои приношенія? Онъ станетъ тогда бѣднымъ и жалкимъ и не будетъ въ состояніи выполнять свои великія обязанности; незначительныхъ и необезпеченныхъ доходовъ съ церковной области не можетъ хватать на это. Безъ богатства нельзя быть интеллигентнымъ и пользоваться общимъ уваженіемъ. Священнослужители были богаты при всякомъ соціальномъ строѣ (in omni lege).

Нельзя себѣ представить бо́льшаго противорѣчія между двумя сочиненіями. Можно бы, пожалуй, сказать, что если одно изъ нихъ правда, то другое ложь. Тѣмъ не менѣе вѣрны оба, хотя и не лишены преувеличеній. Каждое въ отдѣльности даетъ лишь неполную картину положенія Германіи во второй половинѣ XV вѣка. Именно потому оба они и справедливы, что стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи другъ съ другомъ, ибо противорѣчіе это вѣрно отражаетъ въ себѣ существовавшее тогда великое противорѣчіе во всемъ, и это противорѣчіе именно потому, что было непримиримо, могло быть уничтожено лишь борьбою между двумя направленіями и побѣдою одного надъ другимъ.

Письмо Майера и возраженія Энея Сильвія обнаруживаютъ намъ съ чрезвычайной ясностью главный пунктъ, около котораго вращалась вся реформація, если освободить ее отъ массы теологическихъ споровъ о предопредѣленіи, причастіи и проч., которую позже нагромоздили на нее церковные реформаторы различныхъ партій.

Эней Сильвій правъ: Германія въ XV вѣкѣ была богата и процвѣтала, благодаря своимъ рудникамъ и торговлѣ. Правъ онъ былъ также и въ томъ, что римскій престолъ существовалъ преимущественно на доходы изъ Германіи, такъ какъ прочія большія культурныя націи Европы въ значительной степени освободились уже тогда отъ поборовъ папы. Тѣмъ сильнѣе римская курія изощряла свои эксплуататорскія способности на Германіи и тѣмъ упорнѣе отказывала она ей во всякой, хотя бы самой незначительной уступкѣ. Смягченія папскихъ поборовъ нечего было ожидать. Германія должна была либо терпѣть безпрекословно, либо окончательно порвать съ Римомъ.

Мысль о послѣднемъ исходѣ укрѣплялась все болѣе, потому что Мартинъ Майеръ былъ также правъ. Какъ ни возрастало богатство Германіи, папскіе поборы все же составляли для нея чрезвычайно тяжелое бремя и служили помѣхой ея экономическому развитію.

Германіи вредило уже одно то обстоятельство, что она должна была нести бремя, отъ котораго были свободны остальныя культурныя націи. Во Франціи, Англіи и Испаніи церковь, правда, также обирала народъ, но тамъ значительная часть ея доходовъ оставалась въ странѣ, доставалась господствующимъ классамъ, которые владѣли всѣми выгодными духовными мѣстами, частью чрезъ членовъ своихъ семействъ, частью чрезъ избранниковъ и прихвостней изъ другихъ классовъ. Въ Германіи, напротивъ, многія духовныя должности доставались иностранцамъ, избранникамъ папы, а не нѣмецкихъ князей; всѣ доходныя духовныя должности сдѣлались здѣсь предметомъ торговли; папа продавалъ ихъ тому, кто давалъ

больше [1]). Поэтому громадныя суммы изъ года въ годъ посылались въ Римъ и ускользали изъ рукъ крупныхъ эксплуататоровъ Германіи, ея князей и негоціантовъ. Какъ ни велики были доходы отъ торговли и горнаго дѣла, какъ ни быстро росло богатство Германіи — потребность въ деньгахъ и жадность эксплуататоровъ къ нимъ возрастала еще быстрѣе.

Товарное производство и товарный обмѣнъ, т.-е. денежное хозяйство пріобрѣли въ Германіи въ XV столѣтіи уже значительное распространеніе. Производство для собственнаго потребленія, — натуральное хозяйство, какъ исключительная форма производства, быстро приходило въ упадокъ даже въ деревняхъ. Потребность въ деньгахъ всюду увеличивалась; болѣе же всего она возросла у господствующихъ классовъ; произошло это не потому только, что образъ жизни ихъ чрезвычайно быстро достигъ непомѣрной роскоши, но и потому, что у нихъ являлись потребности, которыя можно было удовлетворить лишь съ помощью денегъ. Абсолютизмъ, тогда еще только развивавшійся, нуждался въ деньгахъ, чтобы платить своимъ наемнымъ войскамъ и чиновникамъ, чтобы привлекать къ своему двору и подчинять себѣ самостоятельныхъ дворянъ, и, наконецъ, ему нужны были деньги для подкупа людей своего противника. Приходилось изыскивать доходы, обирать до-чиста крестьянъ и горожанъ и выжимать изъ нихъ все, что только можно было выжать. Но постоянныхъ доходовъ хватало лишь отчасти, и вотъ начинали дѣлать долги, которые вызывали только новые расходы на уплату процентовъ.

Несмотря на всѣ поборы и займы, лишь немногіе князья справлялись со своими финансами, и всѣ они почувствовали, — а вмѣстѣ съ ними и подданные ихъ, на которыхъ лежали эти и еще иныя тяготы, — что они стали бѣднѣть, несмотря на возрастающее богатство Германіи, и что нельзя спокойно смотрѣть, какъ папа ни за что, ни про что собираетъ сливки, а имъ оставляетъ лишь снятое молоко.

Но освободиться отъ папской эксплуатаціи было вовсе не такъ легко. Правда, отъ римскаго господства страдала наравнѣ съ князьями, даже гораздо больше ихъ, вся масса народа, страдали низшіе классы, крестьяне, городской пролетаріатъ, буржуазія и мелкое дворянство. Еще до Виклефа и Гуса, при Людовикѣ Баварскомъ они обнаруживали склонность начать борьбу съ куріей.

---

[1]) „Такъ какъ значительная часть должностей и мѣстъ въ римской куріи была продажна, то приходы превращались все болѣе и болѣе въ обычный предметъ торговли. Дѣло дошло до того, что сбытъ наиболѣе выгодныхъ бенефицій для большаго успѣха предоставлялся за соотвѣтствующую плату крупнымъ торговымъ компаніямъ; такъ, напр., Фуггеры оставили за собой приходы послѣ смерти аугсбургскаго каноника; впослѣдствіи они были перепроданы и, вѣроятно, сданы новыми владѣльцами въ аренду тому, кто давалъ больше. Вимфелингъ зналъ одно духовное лицо, владѣвшее двадцатью четырьмя приходами и восемью каноникатами, но фактически не занимавшее ни одного изъ нихъ. Капито разсказываетъ даже объ одномъ страсбургскомъ каноникѣ Яковѣ, что онъ владѣлъ сотней приходовъ и велъ ими настоящую торговлю (Ф. фонъ-Бецольдъ, Geschichte der deutschen Reformation, Берлинъ, 1890 г., стр. 78). „Не легко получить здѣсь богатый приходъ, — говоритъ Гуттенъ, — человѣку, который не заслужилъ его въ Римѣ или не послалъ туда крупной суммы для подкупа, или просто не купилъ его чрезъ посредство Фуггеровъ“. (Die römische Dreifaltigkeit. Бесѣды Ульриха фонъ-Гуттена, переведенныя и комментированныя Давидомъ Фр. Штраусомъ. Лейпцигъ 1860 г., стр. 106). Поэтому-то Фуггеры и были ревностными католиками и не жалѣли денегъ для борьбы съ Лютеромъ.

Но не менѣе страдали они и отъ возрастающей эксплуатаціи со стороны высшаго дворянства, крупныхъ негоціантовъ и князей; примѣръ же Англіи, равно какъ и Богеміи, ясно показалъ, какъ опасно для этихъ классовъ пытаться уничтожить одинъ изъ великихъ авторитетовъ общества. Подобно тому, какъ революціонныя войны Франціи конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка вызвали въ Европѣ періодъ реакціи и надолго отняли у повсемѣстно усиливающейся буржуазіи охоту бороться революціоннымъ способомъ, въ союзѣ съ мелкими собственниками и пролетаріатомъ, противъ абсолютизма правителей и аристократическихъ землевладѣльцевъ, — также точно и гусситскія войны породили періодъ реакціи не только въ Богеміи, но и въ Германіи, и потому нужно было много времени, чтобы идея освобожденія отъ Рима пріобрѣла особыя симпатіи среди правящихъ классовъ имперіи.

Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что союзъ императора съ папой, заключенный Люксембургами при Карлѣ IV и Сигизмундѣ, продолжался и при занявшихъ ихъ мѣсто на престолѣ Габсбургахъ. Къ причинамъ, сдѣлавшимъ Люксембурговъ друзьями папства, при Габсбургахъ присоединился еще страхъ передъ турками, которые уже угрожали странѣ ихъ, и отъ которыхъ, казалось, можно было избавиться только съ помощью организованнаго папою крестоваго похода.

Вялый Фридрихъ III былъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ церковной политики лишь орудіемъ хитраго ренегата Энея Сильвія; Максимиліанъ, «послѣдній рыцарь», этотъ педантичный романтикъ на тронѣ, показалъ себя въ высшей степени слабымъ и нерѣшительнымъ. Однако, насколько тѣсно связанными казались ему интересы императора и папы, можно видѣть изъ того, что онъ составилъ планъ увѣнчать одну и ту же голову и императорской короной, и папской тіарою. Карлъ V энергично боролся противъ папы, когда тотъ начиналъ препятствовать его планамъ, касавшимся Австріи; онъ не побоялся послать своихъ ландскнехтовъ въ самый Римъ, чтобы разграбить его, и все-таки онъ энергично выступалъ на защиту папскаго авторитета въ Германіи, — настолько энергично, насколько могъ это сдѣлать германскій императоръ.

Если ко всему этому прибавить ужасную раздробленность Германіи, которая хоть и низводила власть императора до минимума, но въ то же время очень затрудняла объединеніе противниковъ его и папы для дружнаго движенія впередъ, то станетъ вполнѣ понятно, почему реформація въ Германіи началась лишь сто лѣтъ спустя послѣ начала гусситскихъ войнъ.

Между тѣмъ развитіе страны подвинулось во всѣхъ отношеніяхъ далеко впередъ. Какъ значительно усовершенствовались средства духовной и военной борьбы! Было изобрѣтено книгопечатаніе и усовершенствована артиллерія; средства сообщенія, особенно сообщенія моремъ, были очень развиты; незадолго до реформаціи впервые отважные мореплаватели переплыли Атлантическій океанъ прямо поперекъ [1]).

Поводомъ для этихъ путешествій послужило въ XV столѣтіи нашествіе турокъ и другихъ народовъ центральной Азіи, закрывшихъ древніе торговые

---

[1]) Въ 1497 году Джонъ Каботъ проплылъ изъ Бристоля въ Лабрадоръ, въ 1498 — Колумбъ изъ Палоса въ Вестъ-Индію. Норманы, достигшіе Америки около 1000-го года, избрали себѣ путь черезъ Исландію и Гренландію.

пути на востокъ. Благодаря высотѣ, на которой стояло въ то время европейское искусство мореплаванія, закрытіе путей вызвало не прекращеніе торговли Европы съ восточной Азіей, а попытки отыскать новые пути въ Индію, съ одной стороны вдоль береговъ Африки, съ другой — черезъ океанъ. Наступила эпоха открытій, и тогда именно современная колоніальная политика получила свое начало.

Это не только сразу чрезвычайно расширило кругозоръ всего человѣчества и вызвало полную революцію въ области человѣческаго знанія — этимъ была также подготовлена революція экономическая. Хозяйственный центръ тяжести Европы перемѣстился отъ бассейна Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Экономическое развитіе Италіи и восточной Европы было пріостановлено и задержано, развитіе же Западной Европы подвинуто впередъ внезапнымъ могучимъ толчкомъ. Существующія противорѣчія какъ между классами, такъ и между отдѣльными государствами обострились и были доведены до крайности, возникли новыя; всѣ страсти, присущія новой капиталистической формѣ пріобрѣтенія, разгорѣлись и начали дѣйствовать со всею силой и неосмотрительностью, свойственными только-что пережитымъ варварскимъ среднимъ вѣкамъ.

Всѣ традиціонныя соціальныя и политическія отношенія рушились, вся традиціонная мораль оказалась несостоятельною. Въ продолженіе столѣтія Европу потрясалъ рядъ ужаснѣйшихъ войнъ, въ которыхъ справляли свои отвратительныя оргіи алчность, кровожадность и неистовство отчаянія. Кто не знаетъ Варѳоломеевской ночи, кто не знаетъ, какъ свирѣпствовали герои тридцатилѣтней войны въ Германіи, Альба въ Нидерландахъ, Кромвель въ Ирландіи,— не говоря уже объ ужасахъ современной имъ колоніальной политики!

Этотъ гигантскій переворотъ, величайшій, какой только довелось Европѣ пережить со времени великаго переселенія народовъ, лишь отчасти закончился (за исключеніемъ Англіи) вестфальскимъ миромъ въ 1648 году. Переворотъ этотъ начался германской реформаціей, которая взволновала всю Европу и до самой средины XVII вѣка давала борющимся аргументы и девизы, такъ что поверхностный наблюдатель можетъ подумать, будто во всѣхъ этихъ войнахъ дѣло идетъ лишь о вопросахъ религіи. И дѣйствительно, войны эти носятъ названіе религіозныхъ.

Въ виду всего этого неудивительно, что по своему всемірно-историческому значенію нѣмецкое реформаціонное движеніе превзошло всѣ предыдущія движенія такого же рода, что оно стало «реформаціей» въ обширномъ смыслѣ слова, и что нѣмцы, не смотря на то, что такъ поздно послѣдовали за другими культурными націями Европы въ ихъ борьбѣ противъ Рима, могли считаться народомъ, призваннымъ освободить духовную жизнь отъ насилія и гнета.

II. Мартинъ Лютеръ.

Человѣкъ, которому суждено было бросить въ пороховую бочку искру, зажегшую грандіозный всемірный пожаръ, — человѣкъ, который сдѣлался, повидимому, главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ переворотовъ и котораго одни боготворили, а другіе предавали проклятію, былъ августинскій монахъ, Мартинъ Лютеръ.

Онъ очутился въ центрѣ движенія не благодаря превосходству своего ума или оригинальному и смѣлому образу мыслей; въ этомъ отношеніи многіе изъ современниковъ далеко превосходили его. Во Франціи и Италіи и даже въ самой Германіи многіе представители высшихъ классовъ уже дошли не только до полнаго освобожденія отъ формъ религіознаго мышленія, но даже до осмѣянія его; произошло это благодаря вліянію такъ называемаго гуманизма, появившагося впервые въ Италіи въ XIV столѣтіи и находившагося въ связи съ античнымъ міросозерцаніемъ, возрожденіе котораго въ извѣстномъ смыслѣ онъ представлялъ. Въ Германіи особенно замѣчательны младшіе эрфуртскіе гуманисты, во главѣ съ Муціаномъ, который противопоставилъ церкви науку и отрицалъ божественность Христа. Лютеръ вступилъ въ этотъ кружокъ гуманистовъ въ бытность свою студентомъ въ Эрфуртѣ (1501 г.). Но, повидимому, его больше привлекала ихъ веселая жизнь, нежели духъ ихъ ученія, такъ какъ духъ этотъ ничѣмъ не обнаружился впослѣдствіи, когда за весельемъ наступило похмелье, и Мартинъ рѣшилъ поступить въ монастырь (1505 г.).

Но и среди оставшихся вѣрными ученію Христову находилось много такихъ, которые въ существенныхъ пунктахъ эмансипировались отъ ученія католической церкви. Изъ такихъ мы укажемъ на Іоганна фонъ-Везеля, профессора эрфуртскаго университета, умершаго въ 1481 году, за два года до рожденія Лютера. Съ какой энергіей бранилъ онъ папу, эту «облеченную въ пурпуръ обезьяну», нападалъ на ученіе объ отпущеніи и на почитаніе иконъ, на исповѣдь и причастіе, на обрядъ соборованія и посты! «Если даже св. Петръ и установилъ посты,—говорилъ онъ однажды въ своей проповѣди,—то развѣ для того только, чтобы выгоднѣе продавать свою рыбу».

Ульманъ, изъ книги котораго: Reformatoren vor der Reformation, I, стр. 333, мы взяли эту цитату, очень подробно говоритъ объ Іоаннѣ Везелѣ. «Имѣли ли вліяніе на развитіе убѣжденій Лютера, — говоритъ онъ, — сочиненія и ученіе Везеля объ отпущеніяхъ, трудно сказать съ увѣренностью. Это возможно, даже вполнѣ вѣроятно, такъ какъ Лютеръ изучалъ въ Эрфуртѣ сочиненія Везеля; кромѣ того, независимо отъ этихъ сочиненій, ученіе Везеля, несомнѣнно, сохранилось и въ традиціяхъ университета. При всемъ томъ, однако, Везель въ своемъ сочиненіи противъ отпущенія грѣховъ ушелъ гораздо дальше въ смыслѣ теоретической обоснованности, чѣмъ Лютеръ въ періодъ выпуска своихъ тезисовъ; полемика Везеля была яснѣе, сознательнѣе, разностороннѣе, она была направлена противъ всего учрежденія и его основъ; полемика же Лютера, хоть и сильная, глубокая и смѣлая, обнаруживала въ то же время недостаточную еще ясность пониманія и направлялась больше на временные недостатки» (l. c., I, стр. 307).

Лютеръ, съ 1508 года профессоръ теологіи въ Виттенбергѣ и городской священникъ тамъ же съ 1515 года, былъ возмущенъ торговлей индульгенціями, которую велъ около 1517 года въ Саксоніи Тецель, съ цѣлью перемѣщенія денегъ изъ кармановъ простаковъ, которые никогда не переводились, въ бездонную сокровищницу папы Льва X. Возмущенный, подобно многимъ другимъ, Лютеръ рѣшился выступить противъ этой торговли. Форма, въ которой онъ это сдѣлалъ, не представляла ничего необычайнаго, онъ прибилъ, какъ это обыкновенно дѣлали тогда профессора университета, 95 тезисовъ (положеній) относительно отпущенія къ дверямъ одной виттенбергской церкви (31 октября

1517 года) и вызывался вести по поводу ихъ диспутъ. Содержаніе этихъ тезисовъ не заключало въ себѣ ничего революціоннаго; они касались только пунктовъ, относительно которыхъ въ самой церкви до тѣхъ поръ не было установлено единства. Затронуть самую сущность отпущенія, какъ сдѣлалъ это Везель, ему не приходило и въ голову. 71 тезисъ гласитъ слѣдующее: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто говоритъ противъ истинности папскаго отпущенія». Самъ Лютеръ говоритъ о себѣ позже: «Когда я началъ дѣло противъ торговли отпущеніемъ, то былъ такъ погруженъ въ папское ученіе, такъ полонъ имъ, что съ великимъ усердіемъ готовъ былъ, если бы это было въ моихъ силахъ, убить всѣхъ тѣхъ, кто не захотѣлъ бы повиноваться папѣ, или по меньшей мѣрѣ съ удовольствіемъ помогъ бы убивать ихъ».

Споръ Лютера съ Тецелемъ былъ, какъ справедливо замѣчаютъ современники ихъ, просто перебранкой монаховъ, но въ этой перебранкѣ дѣло шло не о догматахъ, а о деньгахъ,—пунктъ, въ которомъ курія бывала всегда особенно щекотлива. При томъ же споръ разразился въ крайне безпокойное, критическое время; вся Германія была тогда исполнена жаждою борьбы съ папою и его церковью. Среди германскихъ «стрѣлъ противъ мошенниковъ», какъ выражается Гуттенъ, жужжавшихъ въ уши поповъ, самыми сильными и дѣйствительными были «Письма неизвѣстныхъ людей» [1]), цѣлый рядъ писемъ, выпущенныхъ въ періодъ 1515—1517 г. друзьями Муціана, именно Кротономъ Рубіаномъ и Гуттеномъ; это были сатиры и каррикатуры, «изображавшія послѣдователей церковной науки въ видѣ толпы идіотовъ и негодяевъ» (Bezold).

Торговля индульгенціями вызвала повсюду въ Германіи энергичные протесты; въ виду этого куріи было вдвойнѣ непріятно, что въ лонѣ самой церкви нашелся человѣкъ, профессоръ теологіи, возбудившій споръ по поводу такого деликатнаго вопроса, какъ отпущеніе. Немного погодя, она и сама вмѣшалась въ споръ, чтобы водворить спокойствіе, но этимъ только достигла какъ разъ обратнаго тому, на что разчитывала. При этомъ обнаружилось, насколько уже безсильна сдѣлалась церковь въ Германіи; ей не удалось заставить духовное и свѣтское начальство Лютера приказать ему замолчать; напротивъ, вмѣшательство папы повело лишь къ тому, что теперь всѣ многочисленные враги папства обратили вниманіе на Лютера, соединились вокругъ него и выдвинули его впередъ. Благодаря тому, что поединокъ между Лютеромъ и Тецелемъ превратился въ поединокъ между Лютеромъ и папою, онъ превратился также и въ поединокъ между этимъ послѣднимъ и германскимъ народомъ.

И друзья и враги Лютера толкали его къ разрыву съ папствомъ, безъ всякой иниціативы со стороны его самого. Если онъ въ 1514 г. проклиналъ то, чему еще въ 1518 г. поклонялся, то это явилось не результатомъ лучшаго пониманія дѣла, но результатомъ воздѣйствія чисто внѣшнихъ вліяній, которымъ онъ совершенно подчинился.

Изрекающая проклятіе булла, изданная папою противъ Лютера въ 1520 г., была лишь ударомъ по воздуху; въ Германіи она только увеличила популярность Лютера и заставила его идти дальше по разъ избранной дорогѣ.

Вновь избранный императоръ Карлъ V, который наслѣдовалъ въ 1519 г.

---

[1]) Мы согласны съ Янсеномъ, что такой переводъ „Epistolae obscurorum virorum“ менѣе неправиленъ, чѣмъ переводъ: „Письма темныхъ людей“.

Максимиліану, призвалъ Лютера въ Вормсъ на сеймъ (1521 г.) въ надеждѣ, что ему удастся запугать строптиваго профессора и заставить его замолчать.

Пребываніе Лютера въ Вормсѣ сравниваютъ иногда съ пребываніемъ Гуса въ Констанцѣ. Но положеніе въ данномъ случаѣ было совсѣмъ иное. Гусъ долженъ былъ оставить отечество, чтобы предстать передъ церковнымъ соборомъ, предъ собраніемъ своихъ заклятыхъ враговъ; Лютеръ же долженъ былъ явиться на германскомъ сеймѣ, представители котораго въ большинствѣ настроены были въ его пользу. Совершенно справедливо, что онъ держался тамъ очень смѣло, но онъ сжегъ свои корабли и не могъ уже отступить, не обнаруживъ малодушія и трусости. Сказанныя имъ въ Вормсѣ слова: «я здѣсь потому, что не могъ поступить иначе; Боже, помоги мнѣ. Аминь» доказываютъ, быть можетъ, не столько мужество, сколько умъ Лютера. Покорившись, онъ все равно не успокоилъ бы своихъ враговъ, друзей же возстановилъ бы противъ себя. Покорность угрожала ему большею опасностью, чѣмъ стойкость. Лютеръ былъ увѣренъ, что князья и рыцари въ Вормсѣ не дадутъ его въ обиду, и, дѣйствительно, онъ уѣхалъ съ сейма цѣлымъ и невредимымъ.

Мюнцеръ впослѣдствіи смѣялся надъ Лютеромъ за то, что онъ такъ важничалъ своимъ геройствомъ въ Вормсѣ: «Твоя невообразимо глупая похвальба своимъ геройскимъ поведеніемъ въ Вормсѣ просто уморительна, благодари нѣмецкое дворянство, которое ты помазалъ медомъ по губамъ, такъ какъ оно мечтало, что проповѣдью своею ты доставишь ему богемскіе подарки [1]), монастыри и ихъ имѣнія, которые теперь ты обѣщаешь князьямъ. Если бы въ Вормсѣ ты смѣлъ колебаться, то дворяне скорѣй закололи бы тебя, чѣмъ выпустили невредимымъ; это знаетъ всякій» [2]).

Не выдающійся умъ и не выдающаяся отвага сдѣлали Лютера центромъ реформаціоннаго движенія. Лютеръ выдается не какъ мыслитель, не какъ мученикъ, но какъ агитаторъ, благодаря соединенію въ немъ такихъ качествъ, которыя, соединенныя въ одномъ человѣкѣ, встрѣчаются очень рѣдко.

Будучи докторомъ и профессоромъ, онъ въ то же время не забывалъ своего крестьянскаго происхожденія; будучи ученымъ, онъ понималъ нужды, чувства и мысли низшихъ классовъ народа и владѣлъ ихъ рѣчью такъ, какъ никто изъ его современниковъ и лишь немногіе послѣ него. Искусный полемистъ, подобно Лессингу, онъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ увлекать массы и въ то же время внушать уваженіе правящимъ классамъ; въ этомъ онъ сходенъ съ Лассалемъ, съ которымъ въ другихъ отношеніяхъ имѣетъ впрочемъ мало общаго.

Этимъ свойствомъ до него не обладалъ ни одинъ противникъ папства въ Германіи. Каждый изъ нихъ, хоть и не всегда преднамѣренно, обращался только къ одному какому нибудь классу. Одни обращались къ низшимъ классамъ, какъ, напр., авторъ книги «Reformation Kaiser Sigismund's», которая представляетъ «первое революціонное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ» (Bezold) Такихъ высшіе классы начинали подозрѣвать, и съ полнымъ правомъ, въ таборитскихъ тенденціяхъ. Правители не только относились къ нимъ отрицательно, но часто прямо преслѣдовали ихъ. А представители высшихъ классовъ, возставшіе противъ владычества папы, писали не для массы народа. Таковъ, напр., Георгъ фонъ

[1]) Намекъ на конфискацію церковнаго имущества въ Богеміи.
[2]) Очень живая защитительная рѣчь (1524 г.).

Геймбургъ, бывшій около средины XV ст. синдикомъ города Нюрнберга, этотъ «буржуазный Лютеръ до Лютера» (Ульманъ), который въ цѣломъ рядѣ настолько же рѣзкихъ, насколько и ученыхъ сочиненій, въ періодъ 1440—1465 г., рѣшительно нападалъ на папство. Преданный проклятію, оставленный нюрнбержцами и прежними защитниками, онъ долженъ былъ бѣжать въ Богемію къ Подебраду. Послѣ смерти послѣдняго (1471 г.) онъ отправился въ Саксонію, гдѣ и покончилъ въ 1472 году свою бурную жизнь.

Будучи отважнымъ и искуснымъ бойцомъ, онъ все-таки не затронулъ народныхъ массъ, такъ какъ писалъ не для нихъ.

Все сказанное можно отнести и къ Гуттену. Онъ также обращался сначала лишь къ высшимъ классамъ. Даже когда лютеранское движеніе охватило всю Германію, и Гуттенъ счелъ необходимымъ выпустить посланіе къ нѣмцамъ всѣхъ сословій [1]) (конецъ сентября 1520 г.), онъ написалъ это посланіе полатыни, и ссылался на то, что всегда до сихъ поръ писалъ по-латыни, «для того, чтобы предостеречь сановниковъ церкви, какъ бы съ глазу на глазъ, а не привлекать къ участію въ этомъ весь простой народъ».

Правда, вслѣдъ за этимъ, въ декабрѣ того же года, онъ былъ вынужденъ апеллировать къ тому же «простому народу», чтобы привлечь его силы къ своему дѣлу. Слѣдующее его сочиненіе, «жалобы и увѣщаніе противъ неописуемыхъ насилій папы и противъ бездушнаго духовенства», появилось уже на нѣмецкомъ языкѣ.

Онъ говоритъ въ этомъ сочиненіи, написанномъ въ стихахъ:

„Latein ich vor geschrieben hab,
Das war eim Jeden nit bekannt;
Jetzt schrei ich an das Vaterland,
Teutsch Nation in ihrer Sprach,
Zu bringen diesen Dingen Rach“.

(Прежде я писалъ по-латыни, что не всякому было понятно; теперь я взываю къ отечеству, къ тевтонской націи на ея языкѣ, чтобы она отмстила за все).

Но, какъ писатель, Гуттенъ ниже Лютера, который началъ свою агитацію на нѣмецкомъ языкѣ еще раньше его, именно въ своихъ посланіяхъ «къ христіанскому дворянству германской націи» и велъ эту агитацію гораздо успѣшнѣе Гуттена.

Ученость и сильный, увлекательный національный духъ усиливались у Лютера еще такими свойствами, сочетаніе которыхъ встрѣчается въ одномъ лицѣ еще рѣже,—тутъ изворотливость и умѣнье придворнаго приспособляться, на ряду съ безыскусственной силой и грубостью крестьянина, соединились съ дикой страстностью фанатика, способнаго по временамъ переходить въ слѣпое бѣшенство.

Въ пылу борьбы съ Римомъ Лютеръ доходилъ до крайностей. Онъ охотно принималъ помощь всѣхъ революціонеровъ, предлагавшихъ ее ему, легко поддѣлывался подъ ихъ тонъ. Въ вышеупомянутомъ посланіи къ христіанскому

[1]) Omnibus omnis ordinis ac status in Germania Principibus, Nobilitati ac Plebeis, Ulrichus de Hutten, Eques, Orator et Poeta laureatus. См. по этому вопросу Д. Фр. Штраусъ „Ulrich von Hutten“, Лейпцигъ 1858 г., II, стр. 89 и сл., стр. 102 и сл.

дворянству германской націи, онъ проповѣдуетъ прямо революцію. Онъ вступается за рыцарей и крестьянъ, клеймитъ названіемъ грабителей не только высшихъ сановниковъ, но и купцовъ; онъ требуетъ организаціи демократической церковной общины.

И революція эта должна была совершиться насильственнымъ способомъ. Одновременно съ посланіемъ къ нѣмецкому дворянству, Лютеръ издалъ со своими примѣчаніями, направленное противъ него самого сочиненіе Сильвестра Прієаса «Ueber das unfehlbare päpstliche Lehramt». Тамъ онъ говоритъ въ послѣсловіи: «если неистовство римлянъ будетъ продолжаться, то, мнѣ кажется, остается только одно средство спасенія: пусть императоръ, короли и князья ополчатся съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы напасть на эту язву земного шара и рѣшить дѣло не словами только, но съ помощью желѣза. Если воровъ мы казнимъ висѣлицей, убійцъ мечомъ, еретиковъ огнемъ, то отчего мы, тѣмъ болѣе, не устремимъ всѣхъ силъ противъ этихъ проповѣдниковъ погибели, противъ кардиналовъ, какъ и всей этой язвы римскаго содома, которая постоянно губитъ церковь Божію; почему не омоемъ мы нашихъ рукъ въ крови ихъ!»

Онъ нападалъ даже на князей, если тѣ не плясали по его дудкѣ, и мы никому не посовѣтовали бы выражаться теперь о существующихъ нѣмецкихъ правителяхъ такъ, какъ выражался «милый человѣкъ божій» (Лютеръ). Императора онъ открыто называлъ тираномъ, о герцогѣ Георгѣ Саксонскомъ онъ просто говорилъ, какъ «о дрезденской свиньѣ». «Если князья будутъ продолжать слушаться этой глупой башки герцога Георга,—писалъ онъ однажды,—то я очень боюсь, что вспыхнетъ мятежъ, который во всей Германіи уничтожитъ князей и магистраты и захватитъ съ ними все духовенство. Таковымъ именно кажется мнѣ положеніе вещей. Народъ повсюду возбужденъ и имѣетъ глаза, чтобы видѣть; онъ хочетъ и можетъ не подчиниться насилію. А Господь скрываетъ отъ глазъ князей всю угрожающую опасность, и, благодаря слѣпотѣ ихъ и творимымъ ими насиліямъ, мнѣ кажется, будто я уже вижу Германію плавающею въ крови» Но ему нечего бояться; гибель грозитъ не ему, а князьямъ.

Въ 1523 году, когда Зикингенъ уже возсталъ противъ князей и угрожало общее возстаніе, Лютеръ 1 января выпустилъ сочиненіе, «Von weltlicher Obrigkeit, wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei» (о свѣтской власти и до какого предѣла слѣдуетъ ей повиноваться), направленное противъ католическихъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ князей. «Всемогущій Богъ,—пишетъ онъ тамъ, — лишилъ разсудка нашихъ князей, такъ что они думаютъ, будто могутъ поступать со своими подданными и распоряжаться ими, какъ имъ вздумается. Богъ помрачилъ ихъ разсудокъ и хочетъ положить имъ предѣлъ, равно какъ и духовнымъ дворянамъ. Они ничего не способны болѣе дѣлать, какъ только пріобрѣтать деньги гнусными средствами и налагать пошлины и подати одну за другою; у нихъ при томъ же нельзя найти ни права, ни справедливости, поступаютъ они хуже всякихъ воровъ и мошенниковъ, и свѣтская власть ихъ пришла уже въ такой же глубокій упадокъ, какъ и власть духовныхъ тирановъ». Отъ начала міра, полагалъ онъ, умный князь бывалъ очень рѣдкимъ явленіемъ, но еще болѣе рѣдкимъ являлся князь набожный. «обыкновенно это величайшіе на свѣтѣ дураки и злѣйшіе негодяи». «Никто не можетъ, не желаетъ и не станетъ терпѣть далѣе вашу тиранію, вашъ произволъ. Знайте, дорогіе князья и господа, что Богъ не желаетъ больше, чтобы

все шло попрежнему. Міръ теперь не тотъ уже, что былъ прежде, когда вы охотились за своими людьми и преслѣдовали ихъ, какъ дикихъ звѣрей».

Мы передавали эти мѣста такъ подробно не только для характеристики Лютера. Какъ разъ теперь, когда столпы лютеранскихъ церквей громче всѣхъ другихъ вопятъ о необходимости закона противъ соціалистовъ, необходимости, вызванной «безмѣрной рѣзкостью и грубостью соціалъ-демократической агитаціи, намъ кажется умѣстнымъ указать, какимъ языкомъ безнаказанно могъ говорить человѣкъ, ученіе котораго сдѣлалось одной изъ опоръ современнаго общества [1]).

Но, говоря такія рѣчи, Лютеръ очень остерегался дѣйствовать сообразно имъ; при всемъ своемъ революціонномъ настроеніи, онъ не переходилъ границъ, за которыми лишился бы милости своего господина и защитника, курфюрста Фридриха Саксонскаго. Когда реформація пошла дальше, когда въ національной борьбѣ противъ Рима въ Германіи, точно такъ же, какъ раньше въ Англіи и Богеміи, выступили классовые интересы и классовыя противорѣчія, и началась гражданская война, въ которой могла побѣдить лишь одна изъ сторонъ, тогда Лютеръ не оказался Катономъ; онъ всталъ на сторону побѣдителей, а передъ тѣмъ какъ можно долѣе угождалъ обѣимъ сторонамъ. Въ періодъ 1517—1522 годовъ онъ принималъ помощь всѣхъ демократически-революціонныхъ элементовъ и заигрывалъ съ ними со всѣми, но потомъ въ 1521—1525 г.г. покинулъ и предалъ ихъ однихъ за другими, сначала рыцарскую оппозицію, предводительствуемую Зикингеномъ и Гуттеномъ, затѣмъ, во время великой крестьянской войны, крестьянскую и мѣщанскую оппозицію.

Однако люди, утверждающіе, что его измѣна послужила причиной пораженія тѣхъ и другихъ, заходятъ слишкомъ далеко. Ни одинъ человѣкъ въ отдѣльности, какъ бы силенъ онъ ни былъ, не можетъ устраивать отношенія классовъ по своему желанію. Элементы демократической оппозиціи, потерпѣвшіе въ то время неудачу въ Германіи, потерпѣли ее уже почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ и въ Богеміи, несмотря на всѣ свои военные успѣхи; въ XVI столѣтіи они пришли въ упадокъ повсюду въ Европѣ.

Лютеръ не создалъ успѣха дѣлу князей тѣмъ, что перешолъ на ихъ сторону; но, перейдя на сторону побѣдителей-князей, онъ самъ явился какъ бы побѣдителемъ и получилъ всѣ награды и почести, какія влечетъ за собою побѣда, и лично, еще при жизни, и въ памяти потомства. За то же, что онъ въ теченіе пяти лѣтъ въ своихъ пылкихъ рѣчахъ призывалъ на помощь всѣхъ революціонеровъ, выставляя ихъ дѣло также и своимъ, онъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе всѣхъ порабощенныхъ.

Этой рѣдкой смѣси революціонной страстности и беззавѣтности съ безхарактернымъ оппортунизмомъ мы можемъ приписать то, что во время страшной бури, разразившейся надъ Германіей въ началѣ XVI столѣтія, Лютеръ долго былъ самымъ популярнымъ и сильнымъ человѣкомъ, являясь при поверхностномъ взглядѣ творцомъ и руководителемъ всего движенія. Однако, роль эту онъ игралъ не только благодаря личнымъ качествамъ, но также, вѣроятно, въ гораздо

[1]) Безусловно консервативный писатель и вѣрующій протестантъ, господинъ Карлъ Енчъ, въ своей статьѣ: „Die Reformation und die Freiheit“, очень мѣтко говоритъ: „Ни слова Лютера, ни его дѣятельность не были бы возможны въ большихъ полицейскихъ государствахъ, вродѣ нашихъ современныхъ государствъ“. (C. Jentsch, Geschichtsphilosophische Gedanken, Лейпцигъ, Ф. В. Груновъ, стр. 204).

большей степени, благодаря положенію страны, правитель которой ему покровительствовалъ.

III. Саксонскіе горные промыслы.

При изложеніи причинъ таборитскаго движенія, мы видѣли, какое значеніе придали Богеміи въ XIV вѣкѣ ея серебряные рудники, какъ, благодаря имъ, обострились соціальныя противорѣчія, и какъ усилились сама страна и ея властители. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ производительность богемскихъ рудниковъ упала, зато тогда же стали быстро развиваться рудники саксонскіе, именно въ Мейсенѣ и Тюрингенѣ. Серебряныя богатства Фрейберга извѣстны были уже съ 1171 г., и фрейбергское горное право легло въ основу горнаго права для всей Германіи. Однако, къ концу XV вѣка его опередилъ Шнеебергъ, гдѣ въ 1471 году были открыты новыя рудныя мѣсторожденія, сдѣлавшія его на нѣкоторое время богатѣйшимъ изъ всѣхъ германскихъ серебряныхъ рудниковъ. Въ 1492 году принялись за разработку Шрекенштейна, и въ 1496 году положено было основаніе горному городу Аннабергу. Въ 1516 году началось развитіе Іоахимстальскаго, наполовину богемскаго, наполовину саксонскаго рудника, а въ 1519 году—Маріенбурга.

Въ Тюрингенѣ самымъ значительнымъ былъ Мансфельдскій рудникъ. Открытый въ XII вѣкѣ, онъ доставлялъ, кромѣ мѣди, золото и серебро. Мансфельдская мѣдная руда перевозилась даже въ Венецію, такъ какъ тамъ лучше, чѣмъ въ Германіи, умѣли отдѣлять отъ мѣди золото.

Быстро растущее обиліе благородныхъ металловъ вызвало въ саксонскихъ городахъ товарное производство и товарный обмѣнъ. Эрфуртъ сдѣлался богатымъ и сильнымъ городомъ и служилъ складочнымъ мѣстомъ для торговли съ югомъ (Венеціей); Галле и позже Лейпцигъ сдѣлались складочными мѣстами для торговли съ сѣверомъ. Въ томъ и другомъ направленіи торговля развивалась очень быстро. Торговый путь изъ Саксоніи въ Италію шелъ черезъ Нюрнбергъ и Аугсбургъ и сильно содѣйствовалъ той большой роли, которую эти города играли съ XIV по XVI столѣтія.

Вмѣстѣ съ торговлей начала также развиваться и промышленность; въ вышеназванныхъ городахъ процвѣтали искусства и ремесла.

Но саксонскіе горные промыслы сильно повліяли не только на городскую жизнь; едва ли не больше сказалось вліяніе ихъ на деревнѣ.

Потребленіе дерева въ горномъ дѣлѣ очень велико, частію въ видѣ строевого лѣса, для обшивки шахтъ, для прокладки рельсовыхъ путей (съ деревянными рельсами, какъ мы это видимъ въ книгѣ Агриколы «о горномъ дѣлѣ») и т. д., отчасти же, и даже главнымъ образомъ, въ видѣ дровъ для плавленія руды. Первоначально для удовлетворенія потребности въ дровахъ и углѣ хватало лѣсовъ того округа, въ предѣлахъ котораго находился рудникъ, но чѣмъ болѣе расширялись рудники, тѣмъ дальше приходилось выходить за предѣлы марки для удовлетворенія потребности въ деревѣ, тѣмъ больше дерева надо было покупать. Отдѣленіе горнаго промысла отъ марки сдѣлало необходимой вполнѣ правильную торговлю деревомъ. Мы знаемъ, что въ Саксоніи, въ началѣ XVI в. она была очень развита и служила объектомъ многочисленныхъ торговыхъ договоровъ.

Такъ, напримѣръ, относительно мансфельдскаго рудника мы знаемъ: «въ 1510 году графы Мансфельдскіе и графъ Бото Штольбергскій договорились между собой относительно угля (древеснаго) и сплавного лѣса, что графъ Штольбергъ и его подданные не должны брать за уголь цѣны выше слѣдующей: для надобности рудника Геркштадта и Мансфельда слѣдовало считать и выдавать за гульденъ 9 кюбелей, а для рудника Эйслебена—по 8 кюбелей» [1]).

Горные округа нуждались также и въ другихъ продуктахъ деревни. Округа эти находились обыкновенно въ неплодородныхъ, высоко расположенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ производилось слишкомъ мало хлѣба, чтобы прокормить массу людей, группировавшихся вокругъ крупныхъ рудниковъ. Рудокопы не могли сами заниматься хлѣбопашествомъ, но принуждены были покупать хлѣбъ. Чѣмъ сильнѣе развивалось горное дѣло, тѣмъ болѣе выступала на первый планъ, на ряду съ торговлей лѣсомъ, и торговля хлѣбомъ. Такъ, напримѣръ, она сдѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода для Цвикау, лежавшаго на пути изъ саксонской низменности въ горную страну.

Такимъ образомъ крестьяне и землевладѣльцы многихъ мѣстностей Саксоніи рано сдѣлались товаропроизводителями. Какъ только они стали производить на продажу, для нихъ сдѣладось совершенно безразличнымъ, что именно производить, лишь бы продуктъ имѣлъ сбытъ. Продуктомъ этимъ могъ быть и не одинъ хлѣбъ, для котораго рынокъ былъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ для другихъ торговыхъ растеній. Нигдѣ въ Германіи культура ихъ не была такъ развита, какъ въ Саксоніи, именно въ Тюрингенѣ. Центральнымъ пунктомъ воздѣлываемой площади былъ Эрфуртъ.

Въ Эрфуртѣ и въ окрестностяхъ его процвѣтало громадное производство аниса, огородной зелени, коріандра, дикаго шафрана и вайды. Культура вайды, имѣвшей тогда то же значеніе, какое теперь имѣетъ индиго, была тамъ настолько значительна, что иная изъ окрестныхъ деревень при хорошемъ урожаѣ продавала вайды въ годъ болѣе, чѣмъ на 100.000 талеровъ, по теперешнему счету [2]).

Эрфуртъ снабжалъ вайдой и шафраномъ большую часть красиленъ Германіи [3]). Гота также была обязана большею частью своего богатства торговлѣ сельскохозяйственными продуктами, хлѣбомъ, деревомъ и вайдой [4]).

Еще въ началѣ XVII столѣтія болѣе 300 тюрингенскихъ деревень занимались воздѣлываньемъ вайды, несмотря на то, что конкуренція индиго была тогда очень сильна [5]).

Возникшія вслѣдствіе развитія товарнаго производства противорѣчія между землевладѣльцами и крестьянами, о которыхъ мы не разъ уже говорили, стали, такимъ образомъ, къ началу реформаціи въ Саксоніи особенно значительными.

---

[1]) Historische Beschreibung des sehr alten und löblichen Mannsfeldischen Bergwerks, I. A. Биринген, мансфельдскаго уроженца и тамошняго же священника. Лейпцигъ и Эйслебенъ, 1743 г., стр. 15.

[2]) Янсенъ, „Geschichte des deutschen Volkes“, II, стр. 296.

[3]) Хр. І. Фишеръ, „Geschichte des deutschen Handels“. Ганноверъ, 1797 г., I, стр. 659.

[4]) Галетти, „Geschichte Thüringens“. Гота, 1784 г., V, стр. 143.

[5]) „Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie“ Hildebrand's Jahrbücher, 1866, стр. 207 и слѣд.

Необычайно возросли цѣны на землю, и вслѣдствіе этого развилась алчность землевладѣльцевъ; явилась система денежнаго обложенія и вызвала жадность къ деньгамъ у князей и землевладѣльцевъ; наконецъ, чрезвычайно усилилась зависимость крестьянъ отъ купцовъ и ростовщиковъ. Классы эти,—капиталисты, князья и землевладѣльцы — извлекали всю выгоду изъ хозяйственнаго развитія страны. Благодаря увеличенію количества цѣнныхъ металловъ и пониженію стоимости ихъ добыванія, цѣны на сельскохозяйственные продукты возросли чрезнычайно. «Всѣ люди на землѣ—говоритъ Авентинъ въ своей хроникѣ,—кричатъ и жалуются, что хлѣбъ, несмотря на обиліе, со дня на день все замѣтнѣе возрастаетъ въ цѣнѣ; между тѣмъ какъ въ городахъ на рынкахъ и въ деревняхъ крестьянъ достаточно». Въ Саксоніи, въ центрѣ горныхъ промысловъ, ростъ цѣнъ былъ особенно великъ; но это не помогало крестьянамъ. Въ городахъ же онъ возбуждалъ жесточайшую борьбу изъ-за заработной платы.

Такимъ образомъ, въ Саксоніи классовыя противорѣчія къ началу реформаціи особенно обостряются подобно тому, какъ это уже было за сто лѣтъ до того въ сосѣдней Богеміи. Но тамъ горнорабочіе представляли изъ себя еще силу консервативную. Пролетаризація ихъ только-что начиналась; они причислялись къ привилегированнымъ классамъ и, будучи нѣмцами, въ виду общаго положенія вещей въ Богеміи, по необходимости должны были защищать традиціонный порядокъ, князя и папу.

Съ тѣхъ поръ пролетаризація горнорабочихъ и эксплуатація ихъ капиталомъ сдѣлали громадный шагъ впередъ. Въ Саксоніи горнорабочіе не были чужеземцами и не пользовались привилегіями, которымъ крушеніе существующаго строя могло бы угрожать. Какъ мы видѣли во второмъ отдѣлѣ этой книги (стр. 83 и сл.), они въ послѣднее десятилѣтіе передъ реформаціей пришли въ столкновеніе съ этимъ строемъ. Ничуть не желая противодѣйствовать какому-либо революціонному движенію, они, наоборотъ, въ большинствѣ готовы были примкнуть къ такому движенію, если бы оно возникло. И число ихъ, способность къ защитѣ и экономическое значеніе ихъ промысла, придавали имъ силу, съ которою должны были считаться политики.

Но самую значительную услугу «горная благодать» оказала наиболѣе революціонному классу того времени, — тому, которому въ высшей степени благопріятствовали всѣ тенденціи времени, именно, представителямъ княжескаго абсолютизма.

Обладаніе золотомъ и серебромъ со времени возникновенія товарнаго производства давало чрезвычайную власть; вѣроятно, власть эта никогда не была значительнѣе, чѣмъ въ XVI столѣтіи, когда источники власти, вытекавшіе изъ системы натуральнаго хозяйства, уже сильно изсякли, а способы властвовать съ помощью системы кредита не были еще развиты. Поэтому къ золоту и серебру стремились тогда всѣ. Но большинство князей съ трудомъ лишь удовлетворяло свои потребности въ деньгахъ посредствомъ пошлинъ и налоговъ. Въ иномъ положеніи находились князья, во владѣніяхъ которыхъ имѣлись золотые и серебряные рудники.

Безъ всякаго риска, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они не сами вели разработку, они пріобрѣтали значительныя сокровища, такъ какъ мастера, разрабатывавшіе рудники, должны были дорого платить за право разработки, особенно благородныхъ металловъ, когда къ горной десятинѣ присоединялась и

монетная пошлина. Къ этому часто присоединялись еще и другіе налоги на заводы, девятина на штольни и т. д. Мастера благодаря этому часто бѣднѣли, особенно если были не изъ крупныхъ, но князья богатѣли и богатѣли именно наличными деньгами.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ князей конца XV и начала XVI вѣка наиболѣе полную кассу имѣли князья саксонскіе. Со времени раздѣла наслѣдства между двумя братьями Эрнестомъ и Альбрехтомъ (1485 г.), курфюршество саксонское распалось на двѣ части: Эрнестъ получилъ главную часть, Тюрингенъ, а Альбрехтъ — Мейсенъ. Но серебряные рудники въ Рудныхъ горахъ не были раздѣлены; они оставались въ общемъ пользованіи царствующихъ домовъ, и дѣлились только доходы отъ нихъ. Благодаря этимъ доходамъ саксонскіе князья играли въ XVI вѣкѣ въ Германіи выдающуюся роль, первую послѣ императора.

Остатки императорской власти основывались тогда, главнымъ образомъ, на нуждѣ въ деньгахъ и на алчности нѣмецкихъ князей, особенно курфюрстовъ. Эти послѣдніе сдѣлались фактически самостоятельными правителями; они терпѣли императорскую власть, главнымъ образомъ, потому, что не желали терять покупателя, которому можно было продать часть своихъ суверенныхъ правъ, въ дѣйствительности очень незначительную. Ту самую роль, какую нѣкогда игралъ въ эпоху упадка древне-римской республики нищій пролетаріатъ Рима, а затѣмъ преторіанскій сбродъ, ту же самую роль играли въ XV и XVI столѣтіяхъ курфюрсты. Каждое избраніе императора доставляло имъ хорошую выгоду. Эти благородные господа брали взятку отъ всѣхъ кандидатовъ и въ концѣ концовъ отдавали свои голоса заплатившему дороже всѣхъ.

Вѣроятно, самыми безстыдными были выборы, имѣвшіе цѣлью назначить преемника Максимиліану I, начавшіеся еще при его жизни и длившіеся съ 1516 по 1519 годъ. Тѣ же династіи, которыя спорили тогда о первенствѣ въ Европѣ и попеременно дѣлали папство своимъ орудіемъ, домогались для себя также и императорской короны; это были французскіе Валуа и Габсбурги, центръ могущества которыхъ перемѣстился тогда изъ Германіи въ Испанію.

Почти всѣ курфюрсты брали деньги съ обѣихъ сторонъ — съ Франца I французскаго и Карла I испанскаго. А два Гогенцоллерна, Іоахимъ Бранденбургскій и братъ его Альбрехтъ, архіепископъ майнцскій и магдебургскій, выказали такую жадность къ деньгамъ и способность къ надувательствамъ, какую наши «арійцы» приписываютъ лишь самымъ подлиннымъ «жидамъ».

Единственнымъ курфюрстомъ, не бравшимъ взятокъ, былъ курфюрстъ Фридрихъ Саксонскій (изъ Эрнестовой линіи, которая получила Тюрингенъ). Остальные курфюрсты, соблазняясь сокровищами участника серебряныхъ рудниковъ Мейсена, предлагали императорскую корону ему самому,—конечно, за приличное «на чай». Но Фридрихъ отказался отъ нея. Онъ зналъ, что игра не стоитъ свѣчъ, и направилъ выборы въ пользу Габсбурга, который, несмотря на его тирольскіе рудники, расцвѣтъ торговли Нидерландовъ, бывшихъ тогда въ рукахъ Габсбурговъ, и могущество Испаніи, казался ему менѣе опаснымъ для самостоятельности нѣмецкихъ князей, чѣмъ Францъ I, обладавшій тогда уже хорошо организованной сплоченной Франціей.

Въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ соображеній, способствовавшихъ избранію Карла, какъ, напр., опасности нашествія турокъ и т. д., мы не станемъ здѣсь входить.

Благодаря своему богатству и могуществу, курфюрстъ саксонскій сдѣлался творцомъ королей. Но благодаря тѣмъ же обстоятельствамъ, онъ сдѣлался и центромъ оппозиціи, которую готовили императору и папѣ нѣмецкіе князья, стремящіеся къ самостоятельности. Въ началѣ реформаціи Саксонія играла такую же роль, какъ впослѣдствіи Пруссія.

Основанный Фридрихомъ въ 1502 году виттенбергскій университетъ принялъ на себя духовное руководство враждебнымъ Риму и дружественнымъ князьямъ движеніемъ. Лютеръ, съ 1508 года профессоръ этого университета, подпалъ подъ его вліяніе и въ концѣ концовъ сдѣлался его ораторомъ и пріобрѣлъ довѣріе и покровительство курфюрста. И монархъ, во владѣніяхъ котораго никогда не заходило солнце, не смѣлъ ничего сдѣлать противъ Фридриха и долженъ былъ предоставить полную свободу ему и его подданнымъ.

Однако, Саксонія сдѣлалась духовнымъ средоточіемъ не только абсолютистской, одержавшей побѣду, оппозиціи Риму, но и демократической, потерпѣвшей пораженіе. Въ Тюрингенѣ цѣлому ряду меньшихъ городовъ удалось еще сохранить свою государственную самостоятельность, иначе говоря,—независимость отъ княжеской власти; такими городами были Мюльгаузенъ, Нордгаузенъ и другіе. Эрфуртъ находился подъ верховнымъ покровительствомъ архіепископа майнцскаго; но городъ этотъ отлично сумѣлъ воспользоваться противъ него саксонскими герцогами. Въ продолженіе всего XV столѣтія происходили столкновенія изъ-за Эрфурта между архіепископомъ майнцскимъ и саксонской династіей. Но выгоду изъ этого спора извлекъ только городъ: онъ избавился отъ власти архіепископа, не подпавъ въ то же время подъ власть Саксоніи и могъ считать себя имперскимъ городомъ. Эрфуртъ былъ въ началѣ реформаціи первымъ по торговлѣ городомъ средней Германіи, однако, скоро уступилъ свое мѣсто начавшему возвышаться Лейпцигу, который еще раньше обогналъ старый торговый городъ Галле. Эрфуртскій университетъ считался въ XV вѣкѣ лучшимъ въ Германіи. Онъ сдѣлался центромъ германскаго гуманизма, который присоединился къ родственному ему движенію Италіи и Франціи и соревновалъ съ ними въ талантливомъ и дерзкомъ осмѣяніи традиціонныхъ вѣрованій. Мы упоминали уже о кружкѣ, образовавшемся подлѣ Муціана, къ которому принадлежалъ Гуттенъ, а въ теченіе нѣкотораго времени и Лютеръ, и который въ чисто духовномъ отношеніи представляетъ полное отреченіе отъ полученныхъ имъ по наслѣдству религіозныхъ воззрѣній.

Однако, въ саксонскихъ городахъ находила себѣ удобную почву не только ученая или буржузная оппозиція, но также и коммунистическая.

IV. Фанатики Цвикау.

Коммунистическое движеніе въ Германіи мы оставили въ эпоху католической реакціи при Карлѣ IV. Кровавымъ преслѣдованіямъ не удалось совершенно искоренить движеніе, которое вызывалось самыми насущными нуждами пролетаріата, этого вѣчно пополняющагося, вѣчно разростающагося слоя населенія. Но и этому движенію также не удалось пріобрѣсти большого значенія передъ реформаціей, такъ какъ классъ, на который оно опиралось,—пролетаріатъ, былъ хотя и не искоренимъ, но еще слишкомъ слабъ и незначителенъ въ обществен-

ной жизни, чтобы отважиться выступить, пока правящіе классы были крѣпки и не потрясены междоусобной борьбой.

Гусситскія войны не прошли безъ вліянія на германское революціонное движеніе. Если съ одной стороны онѣ вызвали у правящихъ классовъ чрезвычайное недовѣріе и строгость по отношенію ко всякимъ подозрительнымъ движеніямъ среди низшихъ классовъ, то съ другой Богемія, благодаря имъ, сдѣлалась убѣжищемъ, изъ котораго нѣмецкіе эмигранты могли воздѣйствовать на Германію. Чешскіе табориты ревностно помогали пропагандѣ за границей. «Все, что передано намъ въ Германію гусситской пропагандой, вышло — почти безъ исключенія — изъ таборитскаго источника. Въ войскахъ «братьевъ» гусситскій духъ возвысился до самыхъ отважныхъ проектовъ. Здѣсь не разъ высказывалась смѣлая мысль, что все христіанское человѣчество должно быть приведено къ воспріятію истины. все равно съ помощію ли насилія, или путемъ мирнаго наставленія. «Еретическія письма» и народные манифесты таборитовъ, въ которыхъ они приглашаютъ всѣхъ христіанъ безъ различія національности и положенія къ освобожденію отъ власти поповъ и къ отобранію церковныхъ имуществъ, были распространены вплоть до Англіи и Испаніи. Изъ Дофине народъ посылалъ въ Богемію помощь деньгами и началъ «по-таборитски» избивать господъ. Больше всего таборитскихъ эмиссаровъ мы находимъ въ южной Германіи. Тамъ было два существенныхъ условія, благопріятствующихъ богемской пропагандѣ: во-первыхъ, существованіе многочисленныхъ общинъ вальденсовъ и, во-вторыхъ, сильное соціалистическое движеніе, сдѣлавшееся замѣтнымъ особенно въ низшихъ слояхъ городского населенія и угрожавшее, кромѣ евреевъ, прежде всего богатому духовенству [1]).

Богемская пропаганда не дала, впрочемъ, никакихъ иныхъ видимыхъ результатовъ, кромѣ ряда мучениковъ.

Само собою разумѣется, что таборитскому вліянію подпали преимущественно страны, лежащія по сосѣдству съ Богеміей, въ томъ числѣ прежде всего развитыя экономически Франконія и Саксонія. Уже въ 1425 г. сожженъ былъ въ Вормсѣ «гусситскій миссіонеръ», саксонскій дворянинъ Іоаннъ фонъ Шлибенъ, по прозванію Дрендорфъ, который еще до начала гусситской войны, въ 1416 году, примкнулъ къ коммунистической сектѣ и раздѣлилъ свое имущество между своими бѣдными собратьями. Послѣ продолжительной дѣятельности въ Саксоніи, на Рейнѣ и во Франконіи, онъ, наконецъ, былъ схваченъ, въ то время какъ пытался возмутить два отлученные отъ церкви города Гейльбронъ и Вейнсбергъ.

Но въ особенности достоинъ вниманія Фридрихъ Рейзеръ, происходившій изъ швабскаго семейства вальденсовъ и получившій образованіе въ Нюрнбергѣ (1418—20 г.), гдѣ тогда было очень развито беггардо-вальденское сектантство. Странствующимъ агитаторомъ (апостоломъ) прошелъ онъ Германію, Швейцарію и Австрію и нашелъ, наконецъ, убѣжище въ Прагѣ. Тамъ онъ былъ посвященъ однимъ таборитскимъ духовнымъ лицомъ въ священники (1433 г.); но годъ спустя покинулъ Богемію, чтобы возобновить свои поѣздки по Германіи съ агитаціонной цѣлью. Онъ дѣйствовалъ на этотъ разъ во Франконіи, въ Нюрнбергѣ, Вюрцбургѣ и Гейльбронѣ. Въ 1447 г. онъ принималъ участіе въ конгрессѣ (апостольскомъ

[1]) Фр. фонъ-Бецольдъ, „Geschichte der deutschen Reformation“, стр. 127.

соборѣ) братьевъ въ Герольдсбергѣ, возлѣ Нюрнберга, гдѣ и былъ избранъ въ епископы; нѣсколько лѣтъ спустя мы видимъ его участникомъ конгресса нѣмецкихъ вальденсовъ, въ Таборѣ, на которомъ снова была возстановлена расшатавшаяся организація этой общины. Ему назначили полемъ дѣятельности верхнюю Германію, и онъ водворился въ Страсбургѣ. Тамъ въ 1458 году на него донесли доминиканцамъ и тамъ же послѣ мучительнаго слѣдствія онъ былъ сожженъ [1]).

Жизнь Рейзера очень характерна; она показываетъ намъ, какая тѣсная связь существовала между чешскими таборитами и нѣмецкими «братьями», несмотря на свирѣпствовавшую тогда національную борьбу.

Даже и послѣ паденія Табора связь съ Богеміей не совсѣмъ прекратилась: вспомнимъ только переговоры между богемскими братьями и вальденсами, имѣвшіе въ виду объединеніе обѣихъ сектъ, но въ концѣ концовъ потерпѣвшіе неудачу.

Появленіе Пфейфера изъ Никласгаузена также указываетъ на продолжающееся таборитское вліяніе. Въ одной деревнѣ восточной Франконіи, Никласгаузенѣ на Тауберѣ, появился въ 1476 году юноша, Іоганнъ, «прозванный, вѣроятно, по мѣсту родины, а, быть можетъ, также за высказываемыя имъ убѣжденія — богемцемъ» [2]). Онъ былъ музыкантомъ, — «еще и теперь многіе наши музыканты выходятъ изъ Богеміи»—и назывался по своей спеціальности «Pfeifer» флейтистъ. Но въ 1476 г. онъ сжегъ свою флейту и началъ проповѣдывать евангеліе равенства и революцію, призванный къ этому, по его словамъ, св. Дѣвой, по словамъ же его противниковъ, побуждаемый кѣмъ-то инымъ; по мнѣнію однихъ, этотъ иной былъ «ученикомъ Гуса», по мнѣнію другихъ, францисканцемъ строгаго направленія, наконецъ, согласно третьимъ, болѣе старымъ, источникамъ, какимъ-то беггардомъ. Древній, вѣроятно, современный актъ (напечатанный цѣликомъ у Ульмана, стр. 441), говоритъ, что онъ проповѣдывалъ слѣдующее: «императоръ злодѣй, а отъ папы тоже мало проку; императоръ предоставляетъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, графамъ и рыцарямъ налагать пошлины и налоги на простой народъ. Горе вамъ, бѣдняки!»

«У духовенства много доходовъ, а этого не должно быть. Они должны имѣть не больше, чѣмъ нужно для жизни. Священниковъ убьютъ, и вскорѣ настанетъ время, когда они будутъ стараться спрятать свои тонзуры для того, чтобы ихъ нельзя было узнать. Онъ говорилъ, что легче направить на путь истины еврея, чѣмъ священника или богослова.

«Рыба въ рѣкахъ и дичь въ лѣсахъ должны быть общимъ достояніемъ. Если бы духовные и свѣтскіе князья, графы и рыцари имѣли не болѣе, чѣмъ простой народъ, то у всѣхъ насъ было бы достаточно, и это должно быть такъ. Дѣло дойдетъ еще до того, что князья и господа принуждены будутъ работать за поденную плату».

Успѣхи смѣлаго агитатора были громадны; крестьяне и пролетаріи собирались къ нему массами. «Подмастерья бѣжали изъ своихъ мастерскихъ,—передаетъ намъ хроникеръ,—крестьяне-рабочіе отъ плуга, жнецы со своими серпами, не испросивъ отпуска у своихъ мастеровъ и господъ, и скитались въ тѣхъ оде-

[1]) См. о Рейзерѣ у Л. Келлера, „Die Reformation etc.“, стр. 261—281
[2]) Ульманъ, „Reformatoren“, I, стр. 423.

ждахъ, въ которыхъ были захвачены безумiемъ. Очень немногiе имѣли средства къ пропитанiю, но тѣ, къ кому они заходили, снабжали ихъ пищей и питьемъ, и они не обращались другъ къ другу иначе, какъ съ названiемъ брата или сестры» [1]).

Десятками тысячъ сходились они на вдохновенные коммунистическiе пикники, подобные тѣмъ, которые, какъ мы знаемъ, устраивались при основанiи Табора. Передаютъ, что впослѣдствiи они зашли еще дальше и постановили начать вооруженное возстанiе. Было ли такъ въ дѣйствительности, или это былъ просто поводъ для вмѣшательства, трудно рѣшить теперь. Достаточно сказать, что епископъ Рудольфъ Вюрцбургскiй послалъ своихъ рейтаровъ, которые напали на Пфейфера во снѣ и захватили его; приверженцевъ же его, хотѣвшихъ его защищать, безъ труда разогнали. Несчастнаго вмѣстѣ съ двумя его товарищами ожидалъ обычный въ то время способъ опроверженiя—костеръ.

Дѣятельность Дрендорфа (Шлибена), Рейзера и флейтиста Ивана Богемца, равно какъ и многiе другiе факты указываютъ на то, что въ XV вѣкѣ Франконiя сдѣлалась главнымъ очагомъ вальденсо-беггардскаго движенiя въ Германiи, подобно тому, какъ раньше оно сосредоточивалось въ долинѣ Рейна; долина эта служила главнымъ путемъ сообщенiя между Италiей и Нидерландами и приводила въ Германiю съ юга вальденсовъ, а изъ Нидерландовъ—беггардовъ, которые встрѣчали по этой дорогѣ экономически высоко развитыя части имперiи. Въ XIV столѣтiи опорными пунктами движенiя были Кельнъ, Страсбургъ и Базель, теперь къ нимъ присоединился и Нюрнбергъ.

Другой центръ движенiя образовался въ Саксонiи. Кромѣ Богемiи и Франконiи, Мейсенъ также принадлежалъ въ XV столѣтiи къ числу мѣстностей, гдѣ происходили конгрессы «братьевъ»,—напр., всеобщiй соборъ въ Энгельсдорфѣ, созванный спустя три года послѣ конгресса въ Таборѣ, о которомъ мы говорили выше; это было бы невозможно безъ чрезвычайнаго развитiя движенiя въ этой странѣ.

Разумѣется, коммунистическiя секты могли существовать лишь въ формѣ тайныхъ кружковъ. Уединенныя мельницы, хижины и дворы стали обычнымъ мѣстопребыванiемъ «братьевъ», и для отправленiя богослуженiя они собирались въ очень маленькiе кружки, чтобы не привлечь посторонняго вниманiя.

Это были собранiя, которыя описаны около 1501 года въ Спонгеймской хроникѣ Тритгейма. «Они собираются,—говоритъ Тритгеймъ,—въ ямахъ и скрытыхъ пещерахъ по ночамъ; тамъ они, подобно животнымъ, самымъ безстыднымъ образомъ распутничаютъ. Эта низкая раса размножается и растетъ со дня на день съ удивительной быстротой» [2]).

Подобно представителямъ другихъ революцiонныхъ направленiй, «грубенгеймеры», «ямники», послѣ безплоднаго похода папы и императора противъ Лютера и послѣ сожженiя отлучительной буллы (1520 г.), а еще болѣе послѣ вормскаго имперскаго сейма въ 1521 году, также набрались смѣлости и выступили открыто. Сеймъ 1581 года показалъ полное безсилiе папы и императора въ Германiи.

Лучшею опорою для политическихъ или общественныхъ авторитетовъ, по-

---

[1]) Ульманъ, l. c., стр. 426.

[2]) Л. Келлеръ, „Die Reformation“, стр. 304.

терявшихъ свое матеріальное основаніе, служитъ традиціонное уваженіе къ нимъ, ихъ престижъ. Въ силу него они могутъ при случаѣ долго держаться противъ сильнѣйшаго противника; по чѣмъ дольше они держатся, тѣмъ стремительнѣе, конечно, должно быть паденіе, если при испытаніи престижъ этотъ окажется пустымъ призракомъ.

По отношенію къ императору и папѣ такимъ испытаніемъ явились событія 1520 и 1521 годовъ. До этого времени въ Германіи никто еще не противился безнаказанно имъ обоимъ вмѣстѣ. Теперь же вдругъ противъ нихъ выступилъ простой монахъ, и они не осмѣливались уничтожить его. Преданіе проклятію не произвело никакого впечатлѣнія, и Лютеръ съ тріумфомъ покинулъ сеймъ, мало опасаясь безсильнаго объявленія опалы, посланной ему вслѣдъ. Чѣмъ меньше низшіе слои народа замѣчали князей и рыцарей, стоявшихъ въ Вормсѣ за Лютера, и чѣмъ болѣе изолированнымъ онъ казался, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ подѣйствовать на народныя массы результатъ этого сейма. Такъ какъ истина оказалась столь сильною, что въ защиту ея противъ сильныхъ христіанскаго міра смѣло и безнаказанно могъ выступить простой монахъ, то и всѣ защищающіе правое дѣло могли теперь, казалось, смѣло открыто выступить впередъ.

Движеніе началось прежде всего въ Саксоніи; нѣсколько недѣль спустя послѣ объявленія опалы Лютеру и его друзьямъ, въ іюнѣ 1521 года, въ Эрфуртѣ поднялся народъ и съ помощью цѣлаго ряда возстаній положилъ конецъ католическому режиму. Въ Виттенбергѣ тоже было неспокойно, но для насъ особенно важно движеніе въ Цвикау, начало котораго относится къ 1520 году.

Мы уже выше видѣли, что городъ этотъ имѣлъ значеніе посредника въ хлѣбной торговлѣ между саксонской низменностью и горнопромышленными округами. Чѣмъ болѣе развивалось горное дѣло, тѣмъ болѣе процвѣтали промышленность и торговля Цвикау. Особенно сильно стало расти его богатство съ тѣхъ поръ, какъ въ 1470 году были открыты залежи серебра въ сосѣднемъ Шнееберге. «Только послѣ начала разработки рудниковъ Шнееберга городъ нашъ пріобрѣлъ замѣтныя еще и до сихъ поръ улучшенія въ архитектурѣ. Многіе граждане разбогатѣли благодаря этому, напр. Мих. Польнеръ, Ив. Федерангель, Андр. и Ник. Гауленгоферы, Клем. Шикеръ (большею частью все суконщики), въ особенности же братья Мартинъ и Николай Ромеры, оба возведенные впослѣдствіи въ дворянское достоинство. Улучшились также, благодаря улучшенію денежнаго положенія, заработокъ и средства къ жизни прочихъ гражданъ [1]).

Самыми богатыми жителями Цвикау были суконщики. «Съ древнѣйшихъ временъ и до тридцатилѣтней войны главнымъ промысломъ въ Цвикау было тканье сукна. Уже въ 1348 г., когда имъ были даны статуты, ткачи сукна составляли почетнѣйшій и, вѣроятно, старѣйшій въ городѣ цехъ, и во второй половинѣ XV вѣка Цвикау доставлялъ, наряду съ Ошацемъ, больше всего по количеству и лучшія по качеству сукна въ Мейсенѣ; однако, сукна эти все еще не могли сравняться съ излюбленными лондонскими и нидерландскими. Въ 1540 году между домовладѣльцами города насчитывалось 230 ткачей сукна, по старинному же и, вѣроятно, небезосновательнымъ разсказамъ, число ихъ возросло въ эпоху полнаго расцвѣта до 600 [2]).

[1]) E. Герцогъ, Chronik der Kreisstadt Zwickau, I, стр. 81.
[2]) L. c., I, стр. 234.

Этой «эпохой расцвѣта» было время, которымъ мы теперь заняты. Въ десятилѣтній періодъ крестьянскихъ войнъ ежегодно перерабатывалось въ среднемъ 15—20.000 тюковъ шерсти и производилось 10—20.000 штукъ сукна.

Ткачи составляли важную часть населенія города не только по своему экономическому значенію, но и по численности. Въ городѣ числилось тогда приблизительно 1000 домовъ; изъ нихъ въ эпоху полнаго расцвѣта, отъ четверти до половины принадлежало ткачамъ сукна (во всякомъ случаѣ болѣе 230, быть можетъ, около 600).

Тканье сукна было производствомъ на вывозъ; оно эксплуатировалось капиталистически, крупными купцами. Тогда не было ничего удивительнаго въ томъ, что богатые купцы соединяли съ эксплуатаціей потребителей, путемъ торговли, также эксплуатацію рабочихъ въ двухъ крупныхъ областяхъ капиталистической промышленности того времени, въ ткацкомъ и горномъ производствѣ. Самымъ наглядньмъ примѣромъ этого могутъ служить Фуггеры, которые собирали свои богатства не только торговлей всевозможными предметами (въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и духовными должностями), но и посредствомъ эксплуатаціи аугсбургскихъ ткачей и тирольскихъ рудокоповъ. Нѣчто подобное произошло и въ Цвикау: Рудники въ Шнеебергѣ принадлежали большею частью ткачамъ сукна и торговцамъ сукномъ, преимущественно вышеупомянутому купцу Мартину Ромеру, саксонскому Фуггеру, который умеръ въ 1483 году, оставивъ крупное состояніе [1]).

Но рудокопы, эксплуатируемые Фуггерами, отдѣлены были значительнымъ разстояніемъ отъ аугсбургскихъ ткачей. Въ Цвикау же, наоборотъ, эксплуатируемые ткацкіе подмастерья находились очень близко отъ рудокоповъ, эксплуатируемыхъ тѣми же капиталистами. Отсюда получалось совершенно своеобразное положеніе, революціонный воинственный духъ рудокоповъ придавалъ смѣлости ткацкимъ подмастерьямъ, а коммунистическій энтузіазмъ однихъ долженъ былъ заразить и другихъ. Поэтому намъ нечего удивляться, что коммунисты въ Цвикау и вокругъ него были въ Германіи первыми, осмѣлившимися открыто заявить о своемъ существованіи.

Уже въ 1520 году мы находимъ тамъ организованную общину съ настоятелями, именуемыми, какъ у вальденсовъ, апостолами. Имъ казалось, что теперь наступаетъ, чрезъ страшный кровавый судъ Божій, насильственная революція, которая и приведетъ къ давно желанному тысячелѣтнему царствію. Главною составною частью коммунистической общины были ткацкіе подмастерья города; но они пріобрѣтали единомышленниковъ также среди рудокоповъ и среди людей образованныхъ. Между послѣдними можно назвать Макса Штюбнера, одного изъ «апостоловъ», который учился въ Виттенбергѣ. Вождемъ же ихъ былъ ткачъ Николай Шторхъ.

Они пріобрѣтали вліяніе также и внѣ Цвикау, даже въ самомъ Виттенбергѣ. Наряду съ низшими классами народа находились и образованные идеологи, которые присоединялись къ нимъ. Тогда въ реформаціонномъ движеніи не обнаружилось еще классовыхъ противорѣчій, движеніе это еще казалось съ одной стороны національнымъ, одинаково захватывающимъ всю націю, безъ различія классовъ, а съ другой стороны чисто религіознымъ движеніемъ, направленнымъ къ очищенію церкви, къ возстановленію евангельскаго христіанства.

[1]) L. c., II, стр. 140—149.

Мы уже во второй главѣ этого отдѣла указывали на то, какъ легко было въ этой стадіи движенія идеологамъ, не заинтересованнымъ прямо въ эксплуатаціи низшихъ классовъ народа, сочувственно встрѣтить коммунистическое движеніе, опиравшееся на древне-христіанскую традицію.

Даже на самого Меланхтона, друга и сотрудника Лютера, фанатики Цвикау произвели глубокое впечатлѣніе. Онъ полагалъ, что «по многимъ признакамъ въ нихъ обитаютъ праведныя души». Относительно Николая Шторха онъ писалъ курфюрсту Фридриху: «Я хорошо замѣтилъ, что онъ правильно понимаетъ смыслъ писанія въ высшихъ и главнѣйшихъ вопросахъ вѣры, хотя выражается очень странно».

Благодаря поведенію своихъ теологовъ, самъ Фридрихъ не зналъ хорошо, что ему думать о фанатикахъ. Меланхтонъ былъ достаточно хитеръ, чтобы не компрометировать себя и предоставить Лютеру рѣшеніе вопроса относительно стремленій этихъ фанатиковъ; но онъ чувствовалъ къ нимъ такое влеченіе, что принялъ къ себѣ въ домъ одного изъ «апостоловъ», вышеупомянутаго Штюбнера. Лютеръ сначала не могъ сказать князю почти ничего относительно жителей Цвикау; онъ проживалъ въ Вартбургѣ, гдѣ ждалъ послѣдствій объявленной ему опалы. Но, разумѣется, ему скоро стало ясно, что̀ замышляютъ «братья», и тогда онъ энергично выступилъ противъ нихъ.

Гораздо рѣшительнѣе Меланхтона на сторону фанатиковъ всталъ другъ и коллега Лютера Карлштадтъ, которому лютеранское движеніе представлялось идущимъ слишкомъ медленно. Гораздо раньше Лютера, лишь нерѣшительно слѣдовавшаго за нимъ, онъ началъ борьбу противъ безбрачія духовенства и латинской церковной службы, а также противъ постовъ и изображеній святыхъ. Но онъ пошелъ еще дальше: ученый профессоръ осудилъ всякую ученость, совершенно въ таборитскомъ или беггардскомъ духѣ. По его словамъ, не ученые, но скромные труженики должны проповѣдывать Евангеліе; ученые должны поучаться у нихъ, а высшія школы должны быть закрыты.

Наиболѣе выдающимся среди послѣдователей апостоловъ Цвикау былъ Томасъ Мюнцеръ. Онъ представлялъ въ своемъ лицѣ съ 1521 по 1525 годъ центръ всего германскаго коммунистическаго движенія. Его образъ такъ могуче выдвигается этимъ движеніемъ, его исторія такъ тѣсно съ нимъ связана, и всѣ современныя ему свидѣтельства такъ настойчиво ссылаются на него, какъ на вождя, что и мы послѣдуемъ общему примѣру и изложимъ исторію коммунистическаго движенія первыхъ годовъ эпохи реформаціи въ формѣ исторіи Мюнцера.

V. Біографы Мюнцера.

Мы плохо освѣдомлены относительно Томаса Мюнцера, такъ же какъ и относительно многихъ другихъ революціонеровъ, дѣло которыхъ было проиграно. Не то чтобы не имѣлось о немъ свѣдѣній, но свѣдѣнія эти исходятъ большею частью отъ его противниковъ, а потому враждебны ему и недостовѣрны. Извѣстнѣйшій источникъ, относящійся къ Мюнцеру, есть разсказъ Меланхтона въ его сочиненіи: «Historie Thome Müntzers, des anfengers der Döringischen offrur, sehr nützlich zu lesen etc.», которое появилось, вѣроятно, непосред-

ственно послѣ подавленія возстанія, еще въ 1525 году (приложено почти ко всѣмъ полнымъ собраніямъ сочиненій Лютера). Насколько объективно могъ тогда писать княжескій слуга о злѣйшемъ врагѣ князей,—понятно само собою. Меланхтонъ имѣлъ особыя причины относиться къ нему враждебно, потому что, какъ мы видѣли, нѣкоторое время заигрывалъ съ единомышленниками Мюнцера, получалъ отъ нихъ письма и отвѣчалъ на нихъ [1]). Проступокъ этотъ онъ и искупалъ удвоенною ненавистью.

Для «кроткаго» Меланхтона важна была не истина, но униженіе противниковъ. По поводу самыхъ маловажныхъ вопросовъ онъ говорилъ пристрастно и относился къ нимъ небрежно [2]).

Слейданъ и Гнодалій прямо списали [3]) у него всѣ его выдумки, а отъ нихъ онѣ перешли и въ позднѣйшія сочиненія по исторіи того времени. Только французская революція воздала до извѣстной степени должное Мюнцеру. Пастора Г. Т. Штробеля изъ Вердта (Баварія?) она побудила заняться изученіемъ крестьянской войны, т. е. возстанія Мюнцера. Штробель открылъ изъяны и противорѣчія въ изложеніи Меланхтона и старался по возможности исправить ихъ въ своемъ сочиненіи: «Leben, Schriften und Lehren Thomae Müntzers, des Urhebers des Bauernaufstandes in Thüringen», Нюрнбергъ и Альтдорфъ, 1795 года. Это первая научная монографія о Мюнцерѣ, и съ нею можетъ сравниться только сочиненіе пастора Зейдемана, изданное въ 1842 году: «Thomas Münzer, eine Biographie, nach den im Königlich-sachsischen Hauptstaatsarchiv zu Dresden vorhandenen Quellen bearbeitet», Дрезденъ и Лейпцигъ. Зейдеманъ приводитъ рядъ новыхъ документовъ, но въ заглавіи своего сочиненія онъ обѣщаетъ больше, чѣмъ даетъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ во многихъ случаяхъ онъ просто пользуется Штробелемъ, изъ котораго часто дѣлаетъ выписки, не называя источника.

Новѣйшее сочиненіе о Мюнцерѣ: «Thomas Münzer und Heinrich Pfeifer 1523—1525 гг.» Геттингенъ, 1889 г., принадлежитъ О. Мерксу и представляетъ докторскую диссертацію, авторъ которой нигдѣ не упускаетъ случая выставить свои добрыя вѣрноподданническія чувства. Брошюрка эта вноситъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній и поправокъ, основанныхъ на новыхъ матеріалахъ, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Но она касается лишь внѣшнихъ обстоятельствъ и не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пониманія идей и дѣятельности Мюнцера.

---

[1]) Въ приложеніи къ мюнцерову „толкованію 19 псалма“, изданному Агриколой, напечатано письмо Мюнцера къ Меланхтону, въ которомъ онъ побуждаетъ послѣдняго къ болѣе энергичному походу противъ „безбожниковъ“.

[2]) Достаточно одного примѣра. По Меланхтону Мюнцеръ полгода скрывался послѣ своего изгнанія изъ Альштэта, потомъ отправился въ Нюрнбергъ, а оттуда въ Мюльгаузенъ, гдѣ оставался цѣлый годъ, до начала крестьянской войны. Это занимаетъ времени свыше полутора года. Въ дѣйствительности же Мюнцеръ еще въ августѣ 1524 года находился въ Альштэтѣ, а въ началѣ апрѣля 1525 года уже началось крестьянское возстаніе. Отсюда видно, какъ точна хронологія Меланхтона; всѣ его выдумки о путешествіяхъ Мюнцера не заключаютъ въ себѣ и слѣда истины.

[3]) „Вся третья книга исторіи крестьянской войны Гнодалія (издана въ 1570 г.) представляетъ переводъ сочиненія Меланхтона“. О. Л. Шеферъ „Das Verhältniss der drei Geschichtschreiber des Bauernkrieges, Haarer, Gnodalius und Leodius, historisch-kritisch betrachtet“, Хемницъ, 1876 г., стр. 35.

Всѣ прочія монографіи, какія мы имѣли подъ руками, не имѣютъ никакого научнаго значенія [1]).

Во всѣхъ нихъ сквозитъ духъ меланхтоновской работы, равно какъ и въ сочиненіяхъ по всеобщей исторіи того времени, не исключая сочиненій Янсена и Лампрехта.

Между самостоятельными сочиненіями, трактующими о Мюнцерѣ, мы знаемъ лишь одно, вѣрно передающее историческое значеніе этого человѣка и его личности; а именно сочиненіе В. Циммермана: «Geschichte des grossen Bauernkrieges» (Русск. пер. Исторія крестьянской войны въ Германіи); сочиненіе это, несмотря на то, что со дня его появленія протекло уже болѣе полустолѣтія, не имѣетъ себѣ равнаго, хотя нѣкоторыя детали его теперь устарѣли [2]).

Лишь въ одномъ, впрочемъ очень существенномъ, пунктѣ мы не можемъ согласиться съ Циммерманомъ: онъ считаетъ Мюнцера человѣкомъ, идущимъ впереди своего времени: «Мюнцеръ ушелъ на три столѣтія впередъ не только въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, но и въ религіозныхъ [3]).

Къ этому мнѣнію Циммерманъ приходитъ, благодаря сравненію воззрѣній Мюнцера съ воззрѣніями позднѣйшихъ мыслителей и новаторовъ: Пенна, Цинцендорфа, Руссо и другихъ. Если бы, наоборотъ, онъ сравнилъ взгляды Мюнцера съ воззрѣніями болѣе раннихъ коммунистическихъ сектъ, то нашелъ бы, что Мюнцеръ вращался въ кругу ихъ идей. Намъ, съ своей стороны, не удалось открыть у Мюнцера ни одной новой идеи.

Организаторское и агитаторское значеніе этого человѣка, по нашему мнѣнію, оцѣнивалось до настоящаго времени слишкомъ высоко. Преслѣдованія беггардовъ и вальденсовъ не прекращались и доказывали, что не только идеи, но также и организаціи коммунистическихъ сектъ дожили до эпохи реформаціи. Мы съ полнымъ правомъ можемъ предположить, что одновременно съ Мюнцеромъ, даже раньше его, какъ это было въ Цвикау, многочисленные агитаторы и организаторы дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ онъ, и что во многихъ мѣстахъ уже раньше образовались тайныя организаціи, на которыя они могли опираться.

Мюнцеръ превосходитъ своихъ единомышленниковъ не философскимъ умомъ и не организаторскимъ талантомъ, а своею революціонною энергіей и прежде всего политическимъ тактомъ. Коммунисты среднихъ вѣковъ, какъ мы уже не

---

[1]) Напр., Б. Л. фонъ-Бачко „Thomas Münzer, dessen Charakter und Schicksale“, Галле и Лейпцигъ, 1812 г., или П. Штрейфъ: „Thomas Münzer oder der thüringische Bauernkrieg“, Лейпцигъ, 1836 г.

Самою жалкою является лекція профессора Лео: „Thomas Munzer“, читанная по порученію евангелическаго ферейна въ Берлинѣ въ 1856 году. Онъ просто списалъ ее у Зейдемана, но нашпиговалъ гнуснымъ раболѣпствомъ.

[2]) Популярное изданіе выпустилъ Блосъ; оно вышло у Дица въ Штутгартѣ.

Пользуясь книгой Циммермана, Фридрихъ Энгельсъ описалъ крестьянскую войну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность Мюнцера въ статьѣ, которая появилась сначала въ 6 выпускѣ обозрѣнія „Neue Rheinische Zeitung“ Гамбургъ, 1850 г., а съ тѣхъ поръ многократно выходила отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: „Der deutsche Bauernkrieg“. Матеріалъ Энгельсъ взялъ, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, у Циммермана, но переработалъ самостоятельно, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, и съ помощью опыта, доставленнаго ему революціей 1848 г. Благодаря ей, онъ пріобрѣлъ цѣлый рядъ новыхъ воззрѣній на сущность крестьянской войны, которыя будутъ намъ очень полезны при дальнѣйшемъ изложеніи.

[3]) L. c., 2 изд., I., стр.189.

разъ видѣли, были въ общемъ людьми миролюбивыми, хотя во время революцій они и воспламенялись очень легко революціоннымъ огнемъ. Когда реформація повергла всю Германію въ страшное смятеніе, тогда и коммунисты не остались въ бездѣйствіи. Но все таки многіе изъ нихъ, повидимому, сомнѣвались въ цѣлесообразности насильственныхъ дѣйствій, особенно южно-германскіе коммунисты, которые находились подъ вліяніемъ швейцарскихъ анабаптистовъ; эти послѣдніе рѣшительно выступили противъ ученія Мюнцера, что только насиліе можетъ помочь Евангелію одержать побѣду. Они хотѣли прибѣгать лишь къ «борьбѣ духовнымъ оружіемъ», «завоевать міръ словомъ Божіимъ», какъ выражались въ то время. Мы возвратимся къ этому явленію въ исторіи анабаптизма.

Мюнцеръ далекъ отъ такого миролюбія; его энергія и пылкость были непреоборимы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнюдь не былъ бунтовщикомъ или ограниченнымъ фанатикомъ-сектантомъ. Онъ зналъ соотношеніе силъ въ государствѣ и обществѣ и при всемъ своемъ мистическомъ энтузіазмѣ считался съ ними. Будучи очень далекъ отъ того, чтобы ограничивать свою дѣятельность небольшимъ кружкомъ правовѣрныхъ, онъ призывалъ всѣ революціонные элементы своего времени и старался заставить ихъ служить своему дѣлу.

Если онъ потерпѣлъ неудачу, то лишь благодаря окружающимъ обстоятельствамъ, измѣнить которыя онъ не могъ. Съ тѣми средствами, какія были у него подъ руками, Мюнцеръ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать, и если въ 1525 году въ Тюрингенѣ возстаніе безоружныхъ крестьянъ одно время угрожало самымъ основамъ эксплуататорскаго общественнаго строя, то случилось это въ немалой степени благодаря Томасу Мюнцеру, благодаря соединенію въ немъ крайняго коммунистическаго фанатизма съ твердой силой воли, со страшной энергіей, и, что важнѣе всего, съ политической прозорливостью.

VI. Начало дѣятельности Мюнцера.

Мюнцеръ родился въ 1490 или 1493 году [1]) въ Штольбергѣ, у подножія Гарца. О его юности и первоначальныхъ занятіяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; несомнѣнно, что онъ съ успѣхомъ занимался науками, такъ какъ получилъ степень доктора. Онъ сдѣлался священникомъ, но плохо себя чувствовалъ въ роли «чернаго жандарма». Революціонная натура его сказалась рано, и онъ организовалъ въ Галле, гдѣ былъ учителемъ, тайный союзъ противъ Эрнеста II, архіепископа Магдебургскаго и примаса Германіи. Когда этотъ послѣдній умеръ въ 1513 г., Мюнцеру было не болѣе 23 лѣтъ. Въ 1515 году мы находимъ его священникомъ въ Фрозѣ у Ашерслебена, вѣроятно, въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ. Но тамъ онъ пробылъ недолго. Послѣ многихъ скитаній съ мѣста на мѣсто онъ наконецъ устроился въ качествѣ духовника въ одномъ женскомъ монастырѣ, въ Беутицѣ у Вейсенфельза. Но и тамъ онъ не усидѣлъ, и въ 1520 году онъ уже явился проповѣдникомъ въ Цвикау. Сблизившись съ Лютеромъ, Мюнцеръ, молодая, бурная натура, страстно принялся помогать ему въ борьбѣ его съ Римомъ. Пребываніе въ Цвикау имѣло рѣшительное значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Мюнцера.

[1]) Зейдеманъ приводитъ 1490 годъ, Циммерманъ нашелъ данныя относительно 1493 года.

Сначала Мюнцеръ былъ проповѣдникомъ въ церкви св. Маріи, затѣмъ перешелъ въ церковь св. Екатерины, въ которую, по выраженію Зейдемана, онъ «втерся». Фактъ этотъ до сихъ поръ считали маловажнымъ, но мы думаемъ иначе. Церковь св. Екатерины была до нѣкоторой степени сборнымъ пунктомъ общества сукно-ткацкихъ подмастерьевъ. Въ 1475 г. они воздвигли тамъ собственный алтарь, «алтарь подмастерьевъ», который цехъ (артель?) поручилъ священнику за вознагражденіе, состоявшее изъ помѣщенія и 35 флориновъ ежегодно. На церковномъ погостѣ ткачи устраивали свои собранія (утреннія бесѣды). Церковь св. Маріи, напротивъ, была, повидимому, мѣстомъ сборищъ денежной знати города. Въ 1475 году ей были пожертвованы Мартиномъ Ромеромъ «ради спасенія души» 1000 рейнскихъ гульденовъ, помѣщенныхъ въ Нюрнбергѣ изъ 4 процентовъ. За это должны были служить ежедневно семь панихидъ по богатомъ грѣшникѣ [1]). Вотъ кстати примѣръ, насколько было прибыльно для церкви ученіе о чистилищѣ.

Симпатія ли къ сукно-ткацкимъ подмастерьямъ побудила Мюнцера сдѣлаться проповѣдникомъ въ ихъ церкви или, наоборотъ, сближеніе съ ними явилось лишь слѣдствіемъ этого его поступка, въ настоящее время рѣшить невозможно. Вѣрно то, что онъ, въ качествѣ проповѣдника, вступалъ съ ними въ тѣсное соприкосновеніе, познакомился съ ихъ воззрѣніями и тотчасъ же горячо увлекся ими. Одно сочиненіе, написанное въ Цвикау въ 1523 г. [2]), говоритъ относительно его связи съ подмастерьями, что «подмастерья держатъ его сторону, а онъ водится съ ними больше, чѣмъ съ достойнымъ духовенствомъ. Магистръ Томасъ предпочитаетъ подмастерьевъ, въ особенности одного, по имени Николая Шторха. Онъ очень превозноситъ его съ каѳедры и ставитъ выше всѣхъ священниковъ, какъ будто это единственный человѣкъ, хорошо знающій Писаніе и глубоко проникшій въ его духъ. При этомъ магистръ Томасъ хвастался также, будто онъ хорошо знаетъ, что на Шторхѣ почіетъ Духъ Святой. Вслѣдствіе этого Шторхъ позволилъ себѣ начать при Томасѣ тайную проповѣдь, какъ это бываетъ обыкновенно у беггардовъ (пикардовъ), которые предлагаютъ проповѣдывать какому нибудь сапожнику или портному. Итакъ Шторхъ былъ выдвинутъ впередъ магистромъ Томасомъ и онъ съ каѳедры призналъ законнымъ, что нашими прелатами и священниками должны дѣлаться міряне и они же должны принимать исповѣдь. Отсюда возникла и получила извѣстность секта шторхитанцевъ. И секта эта такъ разрослась въ народѣ, что говорили открыто, будто она составила заговоръ и назначила 12 апостоловъ и 72 ученика».

Такой отважный шагъ со стороны коммунистовъ по необходимости привелъ къ конфликту. Пока Мюнцеръ ратовалъ только противъ богатыхъ поповъ, онъ пользовался расположеніемъ городского управленія и горожанъ. Теперь дѣло измѣнилось.

Конфликтъ обнаружился прежде всего въ формѣ столкновенія на религіозной почвѣ двухъ церквей, ткацкой церкви св. Екатерины съ церковью св. Маріи, церковью надутыхъ богачей, въ лицѣ ихъ проповѣдниковъ, съ одной стороны Мюнцера, съ другой Іоанна Вильденау изъ Эгера (Эгрануса). Уже въ 1520 году между ними шла борьба. Былъ ли Вильденау человѣкомъ дѣйстви-

[1]) Герцогъ, „Chronik von Zwickau“, I, стр. 235; II, стр. 133—135.

[2]) Напечатано въ приложеніи къ кн. Зейдемана „Münzer“, стр. 109 и слѣд.

тельно неспособнымъ, какъ его изображаютъ противники, или онъ не нашелъ въ горожанахъ достаточной поддержки, но только онъ принужденъ былъ уступить Мюнцеру (весной 1521 г.).

Если такой исходъ сдѣлалъ сукно-ткацкихъ подмастерьевъ смѣлѣе, то съ другой стороны городской совѣтъ и зажиточныхъ горожанъ онъ сдѣлалъ болѣе трусливыми и склонными къ насильственнымъ мѣропріятіямъ. Поводъ скоро нашелся, въ видѣ бунта ткачей, въ которомъ Мюнцеръ, какъ онъ еще 9 іюля 1523 года писалъ Лютеру, не принималъ никакого участія. 55 подмастерьевъ были посажены въ тюрьму, наиболѣе виновные бѣжали, а Мюнцеръ былъ изгнанъ. Николай Шторхъ и другіе также покинули тотчасъ или же вскорѣ послѣ этого Цвикау, почва котораго стала для нихъ слишкомъ горячею. Они отправились въ Виттенбергъ, котораго достигли въ декабрѣ 1521 года, и, какъ мы видѣли, вступили тамъ въ сношенія съ Меланхтономъ и Карлштадтомъ. Мюнцеръ же направился въ Прагу; онъ надѣялся въ землѣ таборитовъ найти единомышленниковъ и плодотворную почву для своей дѣятельности.

Но времена перемѣнились. Почва для таборитскаго ученія въ Богеміи была еще хуже, чѣмъ въ Саксоніи. Воинственная демократія давно уже была побѣждена въ рѣшительной битвѣ съ крупными аристократами, и послѣдніе остатки демократическаго коммунизма, продолжавшаго существовать среди богемскихъ братьевъ, были изуродованы до неузнаваемости съ тѣхъ поръ, какъ буржуазное направленіе среди братьевъ одержало перевѣсъ надъ пролетарскимъ.

Прага меньше всего могла быть подходящимъ мѣстомъ для такого человѣка, какъ Мюнцеръ. Городъ этотъ, даже въ эпоху высшаго развитія могущества таборитовъ, въ лучшемъ случаѣ бывалъ лишь равнодушнымъ другомъ, въ большинствѣ же очень рѣшительнымъ врагомъ ихъ. Теперь же Прага сдѣлалась твердой опорой реакціи.

Мюнцеръ началъ, съ помощью переводчика, проповѣдывать въ Прагѣ, куда онъ попалъ поздней осенью, послѣ того какъ выпустилъ на богемскомъ языкѣ воззваніе, въ которомъ передѣлалъ свое имя на чешскій ладъ: «Ja Thomass Minczierz s Stolberku», начиналось это воззваніе. Но, лишь только проповѣдь его обратила на себя вниманіе, свободѣ ея наступилъ конецъ. Мюнцеръ отданъ былъ подъ надзоръ полиціи (къ нему приставили 4 стражей) и вскорѣ затѣмъ изгнанъ. 25 января 1522 года онъ уже покинулъ Прагу.

Цвикау—Прага: изъ этого сопоставленія всякій видитъ, что современная полицейская дѣятельность въ Богеміи и Саксоніи основана на славныхъ традиціяхъ; она освящена вѣками.

VII. Мюнцеръ въ Альштэтѣ.

Изъ Богеміи Мюнцеръ снова вернулся въ Саксонію, сначала въ Нордгаузенъ, гдѣ оставался нѣкоторое время, затѣмъ онъ переселился въ Альштэтъ [1]). Подобно Цвикау, и этотъ городъ лежалъ близъ крупнаго горнаго промысла.

[1]) Циммерманъ и другіе пишутъ Альштэдтъ. Слово это не имѣетъ ничего общаго съ alt, но происходитъ, вѣроятно, отъ корня hal, salz; названіе Альштэтъ указываетъ, какъ и другія названія богатыхъ солью окрестностей Гарца (Галле, Гальберштадтъ и проч.), мѣстонахожденія соли Allstätt—Hallstatt—Salzstatt.

возлѣ мансфельдскихъ мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ, о которыхъ мы уже упоминали. Легко понять, что способное къ борьбѣ, суровое населеніе Альштэта представляло благопріятную почву для развитія пролетарскихъ тенденцій, и вслѣдствіе этого агитація Мюнцера имѣла успѣхъ. Достовѣрно, что гонимый изъ одного мѣста въ другое агитаторъ нашелъ, наконецъ, въ Альштэтѣ подходящее мѣсто для своей дѣятельности. Онъ скоро пріобрѣлъ тамъ вліяніе въ качествѣ проповѣдника. Мы должны разсматривать, какъ знакъ упованія его на будущее, то обстоятельство, что онъ вступилъ въ бракъ (Пасха 1523 г.) съ вышедшей изъ монастыря монахиней по имени Оттиліей фонъ-Герсенъ [1]). Извѣстіе, будто онъ женился на кухаркѣ священника, основано на недоразумѣніи [2]); впрочемъ, и это не составило бы несчастія.

Однако за этими личными дѣлами Мюнцеръ не забывалъ цѣли, которой посвятилъ себя. Онъ первый изъ нѣмецкихъ реформаторовъ ввелъ богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ и разрѣшилъ проповѣдывать и читать не только изъ Новаго Завѣта, но и изъ всѣхъ книгъ Библіи. Послѣднее обстоятельство очень характерно. Мы уже во второй главѣ этого отдѣла указывали, что демократическимъ сектамъ «республиканскій», если можно такъ выразиться, Ветхій Завѣтъ нравился гораздо больше Новаго, этого продукта цезаріанскаго общественнаго строя. Такое предпочтеніе Ветхаго Завѣта можно прослѣдить отъ таборитовъ до пуританъ.

«Папская, лицемѣрная исповѣдь» была отмѣнена, и установлено причастіе подъ обоими видами. Въ божественномъ служеніи должны были принимать участіе всѣ люди; привилегированное положеніе духовенства прекратилось, поэтому, какъ говоритъ самъ Мюнцеръ, «противники нашего дѣла говорятъ, что мы учимъ конюховъ, чтобы они сами совершали богослуженіе, хотя бы въ открытомъ полѣ».

Говоритъ онъ это въ своемъ первомъ, дошедшемъ до насъ сочиненіи, которое занимается упомянутымъ выше новымъ богослуженіемъ: «Порядокъ и росписаніе нѣмецкой службы въ Альштэтѣ, установленное священникомъ Томасомъ Мюнцеромъ на прошедшую Пасху 1523 года. Альштэтъ 1524 г. Напечатано въ Эйленбургѣ Николаемъ Видемаромъ» («Ordnung und Berechnung des Teutschen ampts zu Alstädt durch Tomam Münzer, seelwarters ym vorgangenen Ostern auffgericht 1523»).

О томъ же трактуетъ и его сочиненіе: «Нѣмецкая евангелическая обѣдня, совершаемая папскими попами къ великому ущербу вѣры по-латыни, и приведенная въ порядокъ теперь, въ это славное время, предназначенное для раскрытія, къ какимъ ужасамъ всякаго безбожія повели продолжавшіяся долгое время злоупотребленія въ богослуженіи. Томасъ Мюнцеръ. Альштэтъ, 1524». («Deutsch Evangelisch Messe etwann durch die Bebstischen pfaffen in Latein zu grossem nachteyl des Christenglaubens vor ein opfer gehandelt,

[1]) Меркъ, „Münzer“, стр. 9.

[2]) Сравн. Штробеля, стр. 136, Зейдеманъ — 18. Сообщеніе это (изъ Ципріана) гласитъ: „Этимъ плохо понятымъ ученіемъ Таулера о сущности и природѣ души увлекся Томасъ Мюнцеръ со своими приверженцами, ибо онъ читалъ его всегда, какъ мы это хорошо знаемъ, вмѣстѣ съ одной женщиной, бывшей кухаркой у господина Конрада, священника въ Орламундѣ, и имѣвшей такую славу въ Лейпцигѣ, что ее считали святой“. Читалъ вмѣсто „einem Weibe“ (одной женщиной)—„seinem Weibe“ (своей женой), нашего Томаса соединили съ экзальтированной пасторской кухаркой.

vnd jetzt verordnet in dieser lehrlichen Zeyt zu entdecken den grewel aller abgötterey durch solche missbreuche der Messen lange Zeit getriben»).

Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что латинскія слова порождаютъ шарлатанство и незнаніе, «поэтому я, для улучшенія, перевелъ, согласно нѣмецкому духу, псалмы болѣе по смыслу, чѣмъ дословно» [1]).

Содержаніе этого сочиненія составляетъ самое богослуженіе, переведенное на нѣмецкій языкъ. Какъ бы вторую часть его представляетъ книга: «Нѣмецкое богослуженіе, предназначенное, по неизмѣнной волѣ Божіей, поднять, на погибель всѣхъ затѣй безбожниковъ, коварный покровъ, подъ которымъ держали свѣтъ міра, вновь являющійся теперь вмѣстѣ съ этими похвальными пѣснями и божественными псалмами, которые служатъ въ назиданіе возрождающемуся христіанству» («Deutzch Kirchenampt, verordnet, aufzuheben den hinterlistigen Deckel, vnder welchem das Liecht der welt vorhalten war, welchs yetzt widerumb erscheynt mit dysen Lobgesängen vnd Göttlichen Psalmen, die do erbawen die zunemende Christenheyt, nach gottis vnwandelbarem willen zum vntergang aller prechtigen geperde der gotlosen»), Альштэтъ, вѣроятно — 1524 г., 18 страницъ in 4°. Какъ сообщаетъ Штробель, въ этой книгѣ находятся латинскія пѣснопѣнія пяти службъ, переведенныя на нѣмецкій языкъ.

Кромѣ того, Мюнцеръ выпустилъ въ Альштэтѣ еще двѣ агитаціонныя брошюры: «Протестація» («Protestation») и сочиненіе «о ложной вѣрѣ [2]).

Кромѣ этихъ сочиненій, слѣдуетъ назвать еще два письма, относящихся въ той же эпохѣ. Одно изъ нихъ, отъ 18 іюля 1523 года, «строгое увѣщаніе возлюбленнымъ братьямъ въ Штольбергѣ избѣгать неразумнаго возстанія», есть письменное напоминаніе штольбергскимъ союзникамъ о терпѣніи, такъ какъ нѣтъ еще надлежащаго настроенія. «Въ высшей степени глупо, что нѣкоторые изъ избранныхъ друзей божіихъ думаютъ, будто Богъ скоро долженъ перемѣнить все къ лучшему среди христіанъ и поспѣшить имъ на помощь, между тѣмъ какъ къ этому никто не стремится и не жаждетъ сдѣлаться нищимъ духомъ». Людямъ живется еще слишкомъ хорошо; должно сдѣлаться еще хуже, прежде чѣмъ станетъ лучше. «Поэтому Богъ заставляетъ тирановъ свирѣпствовать все больше и больше, чтобы избранные преисполнились стремленіемъ искать Бога. Люди, не поступавшіе противъ вѣры и надежды, не ненавидѣвшіе того, что заповѣдано любить, не знаютъ, что Богъ самъ указывалъ людямъ, что имъ нужно». Въ концѣ онъ порицаетъ братьевъ за ихъ неустойчивость и роскошную жизнь. «Я слышу, что вы очень хвастливы, ничему не учитесь и очень безпечны. Когда вы пьете, то много говорите о дѣлѣ, а когда трезвы—становитесь трусами. Поэтому, дорогіе братья, исправьте вашу жизнь; избѣгайте кутежей (Лука 21, Петръ 5), страстей и предающихся имъ (2, Тимоѳей 3); будьте смѣлѣе, чѣмъ до сихъ поръ, такъ какъ вамъ предстоитъ еще работать, и пишите мнѣ».

---

[1]) Выписка у Штробеля. Это и слѣдующія сочиненія Мюнцера мы не имѣли, къ сожалѣнію, возможности изучить въ подлинникѣ.

[2]) Protestation oddet empietung Tome Müntzers von Stolberg am Hartzs seelwarters zu Alstedt seine lere betreffende vnnd tzum anfang von dem rechten Christenglawben vnd der Tawffe. 1524, Alstedt.—Von dem getichten glawben auff nechst Protestation aussgangen Tome Müntzers Selwarters zu Alstet. 1524.

Другое письмо, содержащее изложеніе псалма 19, онъ написалъ въ маѣ 1524 года къ одному изъ своихъ приверженцевъ, а въ 1525 году его издалъ Иванъ Агрикола изъ Эйслебена, чтобы возбудить народъ противъ Мюнцера, «чтобы весь міръ видѣлъ, какъ чортъ думаетъ сравняться съ Богомъ» [1]). Оно не содержитъ никакихъ достойныхъ вниманія мыслей, которыхъ мы не могли бы найти въ другомъ мѣстѣ въ сочиненіяхъ Мюнцера, относящихся къ той же эпохѣ.

О переводѣ второй главы изъ Даніила, который также появился въ Альштэтѣ, будетъ сказано ниже.

Въ первыхъ изъ этихъ сочиненій, объ установленіи нѣмецкой службы, уже заключаются всѣ существенные признаки мюнцеровой философіи, его мистицизмъ, презрѣніе къ писанію, поскольку оно не опирается на голосъ внутренняго откровенія, которое достигается лишь путемъ аскетизма, путемъ страданія, его презрѣніе къ ученымъ, наконецъ его пантеизмъ и религіозная терпимость.

Что касается первыхъ приведенныхъ нами признаковъ, то примѣры ихъ мы дали уже во второй главѣ этого отдѣла (стр. 114 и слѣд.). Здѣсь приведемъ лишь цитату изъ названнаго сочиненія: Библія, сама по себѣ, говоритъ Мюнцеръ, не можетъ научить, что справедливо, — Богъ долженъ указать это чрезъ внутреннее откровеніе. «Если ты и всю библію поглотилъ, это не поможетъ тебѣ; ты долженъ претерпѣть острый плугъ, которымъ Богъ вырываетъ плевелы изъ твоего сердца» [2]).

Яснымъ свидѣтельствомъ его слегка окрашеннаго въ пантеизмъ мистицизма служитъ слѣдующее мѣсто: «ибо онъ (человѣкъ), долженъ знать, что Богъ находится въ немъ, что онъ не выдуманъ, не находится за тысячи миль отъ него, но что небо и земля полны Бога, и что отецъ непрестанно рождаетъ въ насъ Сына и что святой Духъ проявляетъ Распятаго въ нашемъ искреннемъ раскаяніи».

Наконецъ религіозная терпимостъ Мюнцера видна изъ слѣдующихъ разсужденій его: «Никто не долженъ удивляться тому, что мы совершали въ Альштэтѣ богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ. Притомъ не мы одни имѣемъ обычай совершать богослуженіе иначе, чѣмъ римляне, ибо и въ Миланѣ, въ Ломбардіи, богослуженіе совершается иначе, чѣмъ въ Римѣ». Кроаты, богемцы, армяне и другіе народы совершаютъ богослуженіе на своемъ языкѣ, у русскихъ много другихъ обрядовъ, и все-таки они еще не діаволы изъ-за этого. О, какъ мы слѣпы и невѣжественны, воображая, что одни мы христіане по внѣшнимъ обрядамъ, и ссорясь изъ-за этого, какъ безумные, скотоподобные люди». Язычники и турки, по его словамъ, не хуже христіанъ. Мюнцеръ не желаетъ также «презирать нашихъ отсталыхъ римскихъ братьевъ».

Для того времени это, конечно, важныя и глубокія истины. Но у Мюнцера онѣ не оригинальны; пантеистическій мистицизмъ мы нашли уже у братьевъ и сестеръ свободнаго духа.

Религіозная терпимость Мюнцера также имѣетъ своихъ предшественниковъ, мы знаемъ, что Эней Сильвій замѣтилъ ее уже у таборитовъ. Богемскіе братья также отличались ею. Эту религіозную терпимость надо однако понимать въ

[1]) Толкованіе XIX псалма Coeli enarrat, Томаса Мюнцера, посланное одному изъ его первыхъ учениковъ, Виттенбергъ, 1525 годъ.

[2]) Сравненіе воздержанія, страданія, съ плугомъ Мюнцеръ очень любилъ. Сравненіе это мы находимъ также и въ его „Протестаціи“.

весьма узкомъ смыслѣ; она не могла распространяться на всѣ религіозные вопросы въ такое время, когда всѣ крупныя противорѣчія въ государствѣ и обществѣ скрывались подъ религіозной оболочкой. Поэтому Мюнцеръ ненавидѣлъ всякую лицемѣрную терпимость, за которою скрывалась трусость и безхарактерность. «Нѣтъ на свѣтѣ ни одной вещи—восклицалъ онъ,—имѣющей лучшій видъ, чѣмъ напускная доброта; оттого-то повсюду кишатъ лицемѣры, среди которыхъ ни у одного не хватаетъ смѣлости сказать правду. Поэтому, чтобы истина обнаружилась яснѣе, вы, правители (дай Богъ, чтобы вы это сдѣлали, охотно, или нѣтъ—все равно), должны держать себя, какъ сказано въ писаніи, гдѣ говорится, какъ Навуходоносоръ поставилъ св. Даніила судьею, чтобы онъ судилъ хорошо и справедливо, какъ повелѣваетъ святой Духъ (псаломъ 5). Безбожники не имѣютъ права жить, развѣ только имъ позволятъ эти избранные [1]).

Это мѣсто, повидимому противорѣчитъ другимъ, показывающимъ религіозную терпимость Мюнцера; но противорѣчіе исчезаетъ, если разсмотрѣть, къ чему относится эта терпимость. Она касается только международныхъ отношеній и вытекаетъ изъ признанія за народомъ права создавать себѣ религію по своему произволу; для Мюнцера совершенно безразлично, что коварные римскіе братья совершаютъ богослуженіе по своему, что турки и язычники вѣрятъ во что имъ угодно, это его не касается. Онъ желаетъ только, чтобы позволили сообразовать условія жизни съ потребностями, поэтому у него нѣтъ вражды къ чужимъ націямъ; этому отнюдь не противорѣчитъ провозглашеніе безпощадной классовой борьбы внутри государства.

Это провозглашеніе борьбы взято однако уже изъ позднѣйшаго сочиненія его. Приведенныя выше сочиненія въ общемъ написаны тономъ спокойнымъ, насколько можетъ это сдѣлать такая пылкая душа. Это сочиненія, написанныя съ цѣлью пропаганды, занимающіяся преимущественно вопросами религіи и церковной организаціи; въ нихъ нѣтъ никакихъ революціонныхъ фразъ и воззваній. Тогда Мюнцеръ не былъ еще бунтовщикомъ, онъ не выступилъ еще открыто противникомъ власти.

Но у него произошелъ уже разрывъ съ Лютеромъ; поводомъ послужило, повидимому, личное соперничество.

Быть можетъ, никогда не было видно яснѣе, чѣмъ въ 1522 и 1523 гг., какъ мало реформація была дѣломъ личной иниціативы Лютера.

Онъ не только слѣдовалъ по теченію, не разбирая ясно внутренней связи событій, но случалось даже, что на пути, на который онъ вступилъ, его перегоняли другіе. Между тѣмъ какъ онъ въ созерцательномъ покоѣ сидѣлъ въ Вартбургѣ и переводилъ библію, энергичные элементы Виттенберга, предводимые Карлштадтомъ и находившіеся подъ вліяніемъ цвикаускихъ фанатиковъ, начали дѣлать практическіе выводы изъ разрыва съ Римомъ; они уничтожили безбрачіе духовенства, монашескіе обѣты, посты, поклоненіе иконамъ и т. д. Лютеру впослѣдствіи оставалось только принять эти реформы и санкціонировать ихъ... въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ихъ не отвергалъ.

И вотъ черезъ годъ послѣ этихъ происшествій въ Виттенбергѣ, человѣку, который уже чувствовалъ себя вождемъ въ борьбѣ «за евангельскія истины», пришлось увидѣть, что Мюнцеръ перегналъ его, введя богослуженіе на нѣмец-

[1]) Толкованіе второй главы книги Даніила.

комъ языкѣ, ибо Мюнцеръ ввелъ его въ Альштэтѣ съ такимъ успѣхомъ, что Лютеру оставалось только подражать ему. Но передъ людьми онъ не желалъ являться подражателемъ; надо было устроить, чтобы они ничего не узнали о новшествѣ Мюнцера, пока онъ самъ не начнетъ подражать этому новшеству. Для этого существовало простое средство.

Самъ Мюнцеръ писалъ въ своей «твердо обоснованной защитительной рѣчи», о которой мы еще будемъ говорить ниже: «дѣйствительно вся страна можетъ свидѣтельствовать о томъ, что бѣдный, нуждающійся народъ сильно стремился къ истинѣ, что всѣ улицы были полны народа, собравшагося со всѣхъ сторонъ, чтобы послушать, какъ въ Альштэтѣ было установлено богослуженіе, какъ пѣлись стихи библіи и какъ проповѣдывали. Если бы онъ (Лютеръ) даже лопнулъ, то ему не удалось бы сдѣлать этого въ Виттенбергѣ. По этому интересу къ богослуженію на нѣмецкомъ языкѣ видно, какъ благоговѣйно народъ относится къ нему, это такъ разсердило Лютера, что онъ прежде всего добился отъ своихъ князей запрещенія печатать мое богослуженіе».

На это обвиненіе Лютеръ никогда не отвѣчалъ.

Соперничество между двумя реформаторами, конечно, не сдѣлало ихъ отношенія болѣе пріязненными. Но причина ихъ разрыва была глубже.

Лютеръ, правда, не принялъ еще тогда опредѣленнаго положенія по отношенію къ демократіи. Онъ еще не зналъ, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, но одно было для него ясно; его буржуазный инстинктъ былъ слишкомъ развитъ, чтобы онъ ошибся въ этомъ: ни въ какомъ случаѣ нельзя было допустить распространенія коммунистическихъ сектъ.

Въ этомъ онъ убѣдился уже въ 1522 году, когда цвикаускіе фанатики начали пріобрѣтать вліяніе въ Виттенбергѣ. Когда ни Меланхтонъ, ни курфюрстъ не рѣшились занять по отношенію къ нимъ опредѣленное положеніе, Лютеръ не усидѣлъ въ Вартбургѣ. Весной 1522 года онъ отправился въ Виттенбергъ и разогналъ опасныхъ людей. Шторхъ пошелъ въ южную Германію, гдѣ и затерялся; Карлштадтъ, котораго Лютеръ хотѣлъ лишить свободы слова, какъ и Мюнцера (онъ заставилъ власти конфисковать его сочиненія), ушелъ сначала въ деревню возлѣ Виттенберга, купилъ тамъ имѣніе и хотѣлъ жить крестьяниномъ, причемъ крестьяне должны были звать его не докторомъ, а сосѣдомъ Андреемъ. Однако, вскорѣ мы снова находимъ его, съ успѣхомъ занимающимся агитаторской и организаторской дѣятельностью въ Орламундѣ, гдѣ онъ далъ церковной общинѣ совершенно демократическое устройство и уничтожилъ всѣ традиціонные католическіе обряды.

Когда Мюнцеръ появился въ Альштэтѣ, Лютеръ, знавшій о его связи съ цвикаускими фанатиками, конечно, съ самаго начала долженъ былъ смотрѣть на него съ недовѣріемъ. Послѣднее возрастало по мѣрѣ того, какъ возрастала извѣстность Мюнцера; жало ревности должно было окончательно привести въ бѣшенство Лютера, но Мюнцера трудно было поймать. Напрасно Лютеръ вызывалъ его въ Виттенбергъ на допросъ, — Мюнцеръ объявилъ, что явится только въ безопасное для него мѣсто.

Такъ какъ Мюнцеръ не желалъ явиться въ Виттенбергъ, то саксонскіе князья, Фридрихъ и его братъ и соправитель герцогъ Іоаннъ сами отправились въ Альштэтъ. Ихъ побудили къ этому безпорядки, происшедшіе вблизи этого города.

24-го марта 1524 года толпа альштэтцевъ уничтожила капеллу въ Меллербахѣ, очень часто посѣщаемую богомольцами, чтобы положить конецъ «безбожному поклоненію иконамъ», противъ котораго Мюнцеръ тогда проповѣдывалъ. Послѣ этого альштэтскія власти получили отъ курфюрста Фридриха приказъ наказать разрушителей капеллы. Но власти долго не осмѣливались исполнить приказъ, потому что боялись бунта. Когда они, наконецъ, 13-го іюня хотѣли арестовать подозрѣваемыхъ, намѣреніе ихъ стало извѣстно. «Не только мужчины, но даже женщины и дѣвушки, которымъ Мюнцеромъ было приказано «вооружаться вилами и граблями», стали собираться толпами. Колокола били набатъ, говорятъ, что Мюнцеръ самъ звонилъ. На другой день «альштэтцы», быть можетъ, по ихъ требованію, получили помощь извнѣ, они доложили властямъ, что къ нимъ явились чернорабочіе и другіе люди, чтобы посмотрѣть, не было ли нападенія на учителя (Мюнцера) и не обидѣли ли горожанъ изъ-за Евангелія; можетъ ли быть лучшее доказательство вліянія и популярности Мюнцера» [1]).

Такимъ образомъ, намѣренія княжескихъ властей остались невыполненными, и главнымъ виновникомъ этого считался Мюнцеръ.

Но когда оба князя прибыли въ Альштэтъ (вѣроятно, въ началѣ іюля), чтобы водворить порядокъ, они не только ничего не предприняли противъ Мюнцера, но разрѣшили ему даже сказать въ своемъ присутствіи рѣчь, смѣлѣе которой, вѣроятно, никто не говорилъ еще въ присутствіи владѣтельныхъ князей. Одной этой рѣчи достаточно для опроверженія болтовни о трусости Мюнцера, повторяющейся во всѣхъ «благонамѣренныхъ» исторіяхъ мюнцеровскаго движенія, отъ Меланхтона до Лампрехта включительно.

Мюнцеръ взялъ темой своей рѣчи вторую главу книги Даніила, гдѣ говорится о видѣніи Навуходоносора и о толкованіи этого видѣнія Даніиломъ. Мюнцеръ говорилъ, что такія откровенія бываютъ и въ настоящее время: «Ученые книжники утверждаютъ, правда, что Богъ въ настоящее время не открывается уже Своимъ избранникамъ въ видѣніяхъ и словахъ, теперь надо будто бы держаться писанія. Они насмѣхаются надъ предостереженіями тѣхъ, которые получили откровеніе Божіе, какъ евреи насмѣхались надъ Іереміей, пророчившимъ вавилонскій плѣнъ». Но путемъ отказа отъ всякихъ наслажденій и умерщвленія плоти, путемъ искренняго стремленія къ истинѣ и въ настоящее время можно имѣть видѣнія. «Воистину нуженъ настоящій апостольскій и пророческій духъ, чтобы ожидать видѣній и принимать ихъ со скорбію и смиреніемъ; поэтому неудивительно, что братъ «откормленная свинья» (Mastschwein) и «братъ смиренникъ» (Sanftleben) (Лютеръ) ихъ порицаютъ»... Мнѣ несомнѣнно и достовѣрно извѣстно, что Св. Духъ теперь открываетъ сознанію многихъ избранныхъ благочестивыхъ людей страшную необходимость въ совершенной и окончательной будущей реформаціи; она должна произойти, хотя бы всѣ противились этому изо всѣхъ силъ; пророчество Даніила все-таки останется вѣрнымъ. Мы теперь находимся въ пятомъ царствѣ міра. «Теперь отлично видно, какъ угри и змѣи совокупляются между собою на одной кучѣ. Попы и все злое духовенство, что змѣи... а свѣтскіе властители и правители — это угри... Ахъ, господа, какъ хорошо Господь Богъ разобьетъ старые горшки желѣзной палкой». Теперь дѣло евангелическихъ князей напасть на противниковъ Евангелія. «Если вы хотите быть

[1]) Меркъ, стр. 16, 17.

настоящими правителями, то вы должны приняться основательно за дѣло». Надо уничтожить корень безобразій, средство же для уничтоженія безбожниковъ — мечъ. «Но чтобы все произошло какъ слѣдуетъ и подобаетъ, это должны сдѣлать наши дорогіе отцы, князья, исповѣдующіе вмѣстѣ съ нами Христа. Если же они этого не захотятъ сдѣлать, то мечъ будетъ отнятъ у нихъ (Дан. VII гл.), ибо это докажетъ, что они исповѣдуютъ Христа на словахъ, но отрицаютъ его на дѣлѣ»... Послѣ этого Мюнцеръ обращается противъ лицемѣрной терпимости, — мы выше цитировали характерный отрывокъ его разсужденій по этому вопросу, — и заканчиваетъ призывомъ: «Будьте смѣлы, этого хочетъ Тотъ, Кому дана вся власть на небесахъ и на землѣ. Конецъ близокъ. Пусть Богъ вѣчно хранитъ васъ. Аминь».

Поистинѣ смѣлая рѣчь. Далекій отъ отрицанія своихъ революціонныхъ намѣреній, Мюнцеръ объявлялъ, что революція необходима. Князья должны стать во главѣ ея, иначе возмущенный народъ раздавитъ ихъ. Въ рѣчи не видно особенной увѣренности, что правители послѣдуютъ этому призыву, но она все-таки доказываетъ, что Мюнцеръ не считалъ невозможнымъ привлечь на свою сторону по крайней мѣрѣ курфюрстовъ.

Тогда классовыя противорѣчія въ реформаціонномъ движеніи не выразились еще съ такою ясностью и рѣзкостью, какъ черезъ годъ. Притомъ нельзя забывать, что абсолютизмъ былъ тогда еще революціонною силой, такъ что союзъ съ нимъ не могъ казаться невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Вѣдь даже въ прошломъ столѣтіи законные государи заигрывали съ возстаніемъ, когда династическіе интересы склоняли ихъ къ революціонной политикѣ. Такимъ образомъ одно время, а именно до 1866 года, дѣйствовали особенно Гогенцоллерны. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что курфюрстъ Фридрихъ относился къ народнымъ движеніямъ крайне снисходительно, иногда даже съ извѣстной симпатіей, какъ мы это видѣли въ случаѣ съ цвикаускими фанатиками и какъ опять увидимъ ниже въ началѣ крестьянской войны.

Вотъ этому обстоятельству, а быть можетъ и популярности, которою пользовался Мюнцеръ въ Альштэтѣ, можно, пожалуй, приписать, что правители отпустили его цѣлымъ и невредимымъ.

Братъ Фридриха, герцогъ Іоаннъ, имѣлъ гораздо больше классоваго сознанія: когда Мюнцеръ напечаталъ свою рѣчь [1]), тотъ такъ разсердился, что изгналъ изъ Саксоніи Николая Видемара изъ Эйленбурга, печатавшаго сочиненіе Мюнцера. Напрасно Мюнцеръ протестовалъ противъ этого письмомъ отъ 13-го іюля. Ему запретили печатать что-либо безъ разрѣшенія саксонскаго правительства въ Веймарѣ.

Въ отвѣтъ на это запрещеніе непреклонный Мюнцеръ выпустилъ новое агитаціонное сочиненіе: «Обличеніе ложной вѣры безбожнаго міра», напечатанное въ сосѣднемъ Мюльгаузенѣ, гдѣ какъ разъ завершалось побѣдоносное народное движеніе [2]).

[1]) Ausslegung des andern untersyds Danielis dess propheten gepredigt auffm schlos zu Alstet vor den tetigen thewren Herzogen und Vorstehern zu Sachssen durch Thomam Müntzer Diener des wordts gottes, Allstedt 1524.

[2]) Aussgetrückte emplössung des falschen Glaubens der ungetrewen welt, durch gezeugniss des Evangelions Luce, vorgetragen der elenden erbermlichen Christenheyt zu innerung jres irsals. Ezechiel am 8 Capitel, Thomas Müntzer mit dem Hammer, Mülhausen 1524.

Въ заглавіи онъ называетъ себя «Мюнцеръ съ молотомъ», намекая на одно мѣсто у Іереміи (XXIII, 9), гдѣ Господь говоритъ: «Развѣ Мое слово не подобно молоту, разрушающему скалы?» — «Милые друзья, — пишетъ Мюнцеръ далѣе на обложкѣ, — будемъ расширять дыру, чтобы весь свѣтъ увидѣлъ и понялъ, что за люди наши богачи, которые святотатственно сдѣлали изъ Бога какого-то росписного идола».

На второй страницѣ поставлены въ видѣ эпиграфа два изреченія изъ Іереміи, 1, которыя Мюнцеръ приноровилъ къ данному случаю: «Услыши, я вложилъ мои слова въ уста твои, я тебя поставилъ нынѣ надъ людьми и надъ царствами, чтобы ты искоренялъ, сокрушалъ, разсѣивалъ опустошалъ, созидалъ и насаждалъ»... и затѣмъ: «противъ царей, князей, поповъ и народа поставлена желѣзная стѣна. Пусть они борются; побѣда чудеснымъ образомъ обратится на погибель сильныхъ, безбожныхъ тирановъ». Это введеніе уже выясняетъ характеръ всего сочиненія.

Оно начинается полемикой съ учеными книжниками, обманывающими бѣдный народъ. Народъ долженъ освободиться отъ нихъ; кто стремится къ богатству и почестямъ, тотъ не можетъ служить Богу. «Почему же «братъ Занфтлебенъ» и «братъ Лейзетритеръ» [1]) становится столь страстнымъ и даже крикливымъ? Онъ воображаетъ, что можетъ предаваться всѣмъ своимъ страстямъ, можетъ сохранить свою роскошь и богатство и все-таки имѣть истинную вѣру, между тѣмъ Сынъ Божій ясно порицалъ за это ученыхъ книжниковъ... нельзя служить Богу и Мамонѣ. Кто беретъ себѣ почести и богатство, тотъ въ концѣ концовъ навѣки оставляется Богомъ, ибо въ 5-мъ псалмѣ Богъ говоритъ: «ихъ сердце суетно». Поэтому упрямые и насильники должны быть свергнуты со своихъ мѣстъ». — «Правители и власти безбожныхъ, сумасбродныхъ людей страшно злобствуютъ и свирѣпствуютъ противъ Бога и его избранниковъ»; нѣкоторые даже теперь только начинаютъ хорошенько «бить, всячески изводить и грабить свой народъ, притомъ же они угрожаютъ всему христіанству, позорно мучаютъ и убиваютъ своихъ и чужихъ, такъ что Богъ послѣ всей этой борьбы избранниковъ не будетъ въ состояніи и не захочетъ смотрѣть на всѣ эти ужасы». Богъ налагаетъ на сыновъ своихъ больше, чѣмъ они могутъ вынести. Этому скоро долженъ прійти конецъ, и онъ придетъ.

Князья, это бичь, которымъ Богъ въ гнѣвѣ наказываетъ людей. «Поэтому-то они не что иное, какъ палачи и живодеры. Таково ужъ ихъ ремесло».

Бояться слѣдуетъ не ихъ, но Бога. Однако въ Богѣ отчаяваться нельзя, для него возможно все, даже побѣда коммунистической революціи. «Да, безчисленному множеству людей это кажется невѣроятнымъ мечтаніемъ; они не въ состояніи представить себѣ, чтобъ было подготовлено и выполнено такое дѣло, благодаря которому безбожники будутъ лишены права судить, и право это получатъ униженные и простые люди». Невозможное сдѣлается возможнымъ; «но это все-таки спасительная вѣра, и она еще сдѣлаетъ много добра. Она создастъ, вѣроятно, благородный народъ, какъ предполагалъ философъ Платонъ (De republica) и Апулей (о золотомъ ослѣ)».

Въ остальной части брошюры — только повтореніе уже изложеннаго. Если сравнить ее съ прежними альштэтскими изданіями Мюнцера, то между ними ока-

[1]) „Смиренникъ“ и „выступающій осторожно“, подразумѣвается Лютеръ.

жется очень рѣзкая разница. Толкованіе второй главы Даніила представляетъ переходъ отъ этихъ изданій къ послѣдней брошюрѣ. Теперь для Мюнцера менѣе важно убѣдить и уговорить противниковъ; онъ скорѣе стремится подстрекнуть своихъ единомышленниковъ. Теперь для него на первомъ планѣ стоитъ уже не церковная, а политическая и соціальная революція. «Толкованіе» является еще попыткой привлечь на сторону революціи князей, теперь же, напротивъ, главный врагъ не папа, а князья. Дѣло идетъ не о смутномъ понятіи «евангелія», но просто о коммунизмѣ, «какъ полагалъ философъ Платонъ», книгу котораго «О государствѣ» Мюнцеръ, судя по этому, зналъ.

Это измѣненіе въ тонѣ и содержаніи агитаціи Мюнцера, несомнѣнно, вызвано отчасти его разрывомъ съ правительствомъ, которое ясно показало, что онъ можетъ провести свои идеи только посредствомъ борьбы съ нимъ. Но отчасти, и вѣроятно преимущественно, причина этого измѣненія гораздо глубже и заключается она въ томъ, что какъ разъ въ это время начало вспыхивать первое пламя крестьянской войны: надо было не проповѣдывать, а дѣйствовать.

VIII. Причины великой крестьянской войны.

Еще раньше — при описаніи возстанія Дальчино, англійскаго народнаго мятежа 1381 года и таборитскаго движенія, — намъ приходилось говорить о противорѣчіяхъ, приведшихъ къ крестьянской войнѣ. Не станемъ повторять уже сказаннаго, а укажемъ лишь на тѣ пункты, въ которыхъ положеніе нѣмецкихъ крестьянъ начала XVI вѣка отличалось отъ положенія ихъ предшественниковъ.

Вышеназванные мятежи всѣ произошли въ эпоху, когда положеніе крестьянъ стало вообще улучшаться; въ Германіи же дѣло дошло до крупнаго возстанія крестьянъ лишь тогда, когда положеніе ихъ значительно ухудшилось.

Время гусситскихъ войнъ можно приблизительно считать границей, за которой тенденціи къ угнетенію крестьянства стали преобладать не только случайно и въ отдѣльныхъ мѣстахъ, но повсемѣстно, надъ тенденціями, благопріятными его подъему. Главную причину этого мы видимъ въ усиленіи значенія капитала (прежде всего капитала торговаго) и связаннаго съ нимъ абсолютизма.

Усиленіе власти капитала явилось естественно-необходимымъ послѣдствіемъ развитія товарнаго производства и товарнаго обмѣна. Капиталъ, и прежде всего торговый капиталъ, нуждался въ крѣпкой государственной власти, которая обезпечила бы ему внутренній рынокъ и облегчила бы конкурренцію на рынкѣ міровомъ. Капиталисты поэтому всѣми способами содѣйствовали развитію абсолютизма и его обоихъ важныхъ органовъ: бюрократіи и наемнаго войска; они помогали также абсолютизму, — если не лично, то своими деньгами, — въ его борьбѣ противъ свободныхъ классовъ, старавшихся укрѣпить пріобрѣтенныя вольности и права. Классами этими были дворянство и духовенство съ одной стороны, и съ другой — крестьяне и мѣщане. При этомъ для князей и капиталистовъ было очень выгодно то обстоятельство, что враждебные имъ классы находились въ сильномъ антагонизмѣ другъ съ другомъ и вели жестокую борьбу между собою.

Капиталъ, въ лицѣ купцовъ и ростовщиковъ, и князья сумѣли постепенно подчинить себѣ эти классы. Каждый изъ этихъ классовъ старался свалить съ себя на другихъ свое бремя, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ оно съ удвоенной силой пало на низшіе слои народа, — на городской пролетаріатъ и въ особенности на крестьянъ, какъ главную массу населенія. Революція въ области цѣнъ, о которой мы уже говорили, лишь усилила дѣйствіе этой тяжести.

Одновременно съ увеличеніемъ давленія на низшіе классы, уменьшалась и ихъ способность къ противодѣйствію. Если положеніе крестьянъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ улучшилось, то произошло это отчасти благодаря расцвѣту городовъ и въ особенности многочисленныхъ провинціальныхъ городковъ, въ которыхъ крестьяне нашли опору и союзниковъ противъ общаго врага. Но въ XV столѣтіи германскіе города стали попадать все въ большую зависимость отъ князей; самостоятельность большинства нѣмецкихъ городовъ къ концу XV вѣка была уже сломлена. Сравнительно немногіе изъ нихъ сумѣли отстоять свою свободу; это были большею частью крупные города, въ которыхъ господствующіе классы были крайне заинтересованы въ эксплуатаціи крестьянъ. Эти города-республики, между которыми самымъ значительнымъ былъ Нюрнбергъ, склонялись на сторону князей, подобно тому какъ въ Богеміи, во время гусситскихъ войнъ, Прага стояла на сторонѣ крупной аристократіи. Опорой демократіи было населеніе мелкихъ городовъ; по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе теряли свою самостоятельность, исчезала и сила демократическаго движенія.

Но складъ городской жизни въ XV столѣтіи еще и въ другомъ отношеніи ухудшилъ положеніе крестьянъ; до самаго конца XIV вѣка города представляли изъ себя убѣжища, открытыя для нихъ. Это заставляло землевладѣльцевъ, если они не желали лишиться работниковъ, привязывать къ себѣ крестьянъ, гдѣ было можно, силою, но также и хорошимъ обращеніемъ.

Теперь же положеніе измѣнилось. Припомнимъ то, что мы говорили во второмъ отдѣлѣ о развитіи цехового строя. Въ XV столѣтіи замкнутость ремеслъ достигла, благодаря слишкомъ большому наплыву работниковъ, значительнаго развитія. Это повело къ приниженію не только городского неорганизованнаго пролетаріата, но также и крестьянства. Въ городахъ путь къ благосостоянію былъ для нихъ закрытъ; между городскимъ мелкимъ мѣщанствомъ и крестьянствомъ возникъ антагонизмъ, который хоть и сдерживался совмѣстной борьбой противъ общихъ враговъ—церкви, дворянства, князей и капиталистовъ,—но въ то же время дѣлалъ союзъ ихъ слишкомъ ненадежнымъ.

По мѣрѣ того, какъ городъ переставалъ служить прибѣжищемъ для крестьянъ, и для помѣщика исчезла необходимость церемониться съ ними. Они были теперь вполнѣ къ его услугамъ, такъ какъ въ городахъ они не могли ничего выиграть, прежде чѣмъ не были доведены до полной нищеты. Но и для пролетаріата города становились все болѣе недоступными; поэтому, на-ряду съ городскимъ, возникаетъ пролетаріатъ сельскій, ростущій благодаря сокращенію и полному уничтоженію феодальныхъ дружинъ, которое является естественнымъ послѣдствіемъ вторженія въ страну товарнаго производства и зависящей отъ него жадности къ деньгамъ. Мы уже видѣли, что благодаря этому исконное гостепріимство населенія уменьшалось все болѣе и болѣе. Все это только усиливало сокращеніе дружинъ, владѣтельные же князья съ своей стороны содѣйствовали

ему, какъ только могли, чтобы уменьшить непріятную для себя самостоятельность дворянства.

Но развитіе товарнаго производства придавало также цѣнность землѣ и усиливало съ одной стороны замкнутость сельскихъ общинъ, а съ другой — побуждало землевладѣльцевъ захватывать въ частную собственность ихъ достояніе.

Если принять во вниманіе, что убѣжища для людей безземельныхъ въ городахъ и деревняхъ закрылись, между тѣмъ какъ на-ряду съ натуральнымъ приростомъ населенія, увеличенію числа безземельныхъ содѣйствовало распущеніе дружинъ, равно какъ и все растущая тяжесть государственныхъ налоговъ на крестьянъ и взимаемаго землевладѣльцами оброка, а ростовщиками процентовъ, то нечего удивляться быстрому росту сельскаго пролетаріата.

Состоялъ онъ сначала преимущественно изъ босяковъ, законно и незаконнорожденныхъ, поставлявшихъ изъ среды своей нищихъ и мошенниковъ, грабителей и солдатъ.

Въ XIV столѣтіи наемниками были еще, большею частью, жаждущіе приключеній и добычи младшіе сыновья крестьянъ, которые, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, снова превращались въ крестьянъ, раздѣляли ихъ классовые интересы, которыми трудно было пользоваться противъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ собственной странѣ, и которые, по возвращеніи своемъ на родину, лишь увеличивали способность крестьянъ къ противодѣйствію. Въ XV столѣтіи въ войскахъ на первый планъ начинаетъ выдвигаться люмпенъ-пролетарій, не знающій никакихъ классовыхъ интересовъ, готовый пойти для своего хозяина въ огонь и въ воду, ни передъ чѣмъ не отступающій для него—пока тотъ платитъ.

Уже одно это должно было оказать неблагопріятное вліяніе на боевую способность крестьянъ. Но еще больше повліяло въ этомъ направленіи развитіе военнаго искусства. Мы уже видѣли, какой переворотъ въ немъ произвели табориты; оно продолжало развиваться въ намѣченномъ ими направленіи. На ряду съ умѣньемъ каждаго владѣть оружіемъ, все большее значеніе пріобрѣтали обученіе всей массы войскъ искуснымъ маневрамъ, дисциплина, планомѣрное и точное совмѣстное дѣйствіе отдѣльныхъ частей войска. Эта новая тактика, когда ее практиковали табориты, сдѣлала непобѣдимой демократію; теперь же она дала перевѣсъ противникамъ послѣдней. Только солдатъ-по профессіи могъ выполнять эту тактику, а у возставшихъ во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ крестьянъ и мелкихъ мѣщанъ не было достаточно времени, какъ у таборитовъ, чтобы создать обученую армію. Побѣда была на сторонѣ того, кто могъ платить солдатамъ професіоналамъ.

Такое же вліяніе оказало и употребленіе пороха для военныхъ цѣлей, сдѣлавшее со времени гусситскихъ войнъ значительные успѣхи. Изобрѣтеніе пороха называютъ изобрѣтеніемъ демократическимъ, такъ какъ оно положило конецъ рыцарству; мы же видимъ мало «демократическаго» въ дѣйствіи этого изобрѣтенія. Независимо отъ того, что вліяніе пороха на уничтоженіе могущества мелкаго дворянства часто слишкомъ преувеличивается (его экономическое и военное банкротство стало неизбѣжнымъ, прежде чѣмъ огнестрѣльное оружіе получило замѣтное распространеніе въ военномъ дѣлѣ),—совершенно независимо отъ этого слѣдуетъ замѣтить, что употребленіе пороха въ такой же мѣрѣ помогло сломить сопротивленіе крестьянскаго войска, какъ и рыцарскаго. Распространеніе огнестрѣльнаго оружія было послѣднимъ звеномъ той цѣпи,

которая заключалась XVI вѣкомъ; начиная съ этого времени, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для веденія войны сдѣлались деньги, деньги и деньги. Употребленіе огнестрѣльнаго оружія для военныхъ надобностей и цѣлесообразное приспособленіе его къ этому, сдѣлалось привилегіей богатыхъ властелиновъ—большихъ городовъ и князей. Они помогли уничтожить рыцарство не для пользы крестьянства и мѣщанства, но для цѣлей капиталистической и княжеской эксплуатаціи.

Стоимость военнаго разложенія дворянства должны были принять на себя также крестьяне. Въ XIV вѣкѣ дворяне терпѣли одновременно притѣсненія сверху и снизу; сверху отъ князей (въ союзѣ съ капиталистами), снизу отъ крестьянъ. Долго пытались они бороться съ тѣми и другими, но въ концѣ концовъ подчинились князьямъ, принявшимъ зато на себя обязанность держать въ повиновеніи крестьянъ. Дворяне продали свою независимость, чтобы поставить на болѣе прочную ногу эксплуатацію крестьянъ.

Развитіе этой эксплуатаціи произошло не вездѣ одинаково и не въ одно время; такъ, въ сѣверной Германіи, именно въ восточной ея части, оно обнаружилось лишь позднѣе, въ южной же и средней Германіи крестьяне начали испытывать его подавляющее дѣйствіе уже въ XV столѣтіи и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходило время къ XVI вѣку, въ началѣ котораго положеніе ихъ сдѣлалось по тогдашнимъ понятіямъ невыносимымъ, хотя оно во всѣхъ отношеніяхъ выгодно отличалось отъ современнаго положенія рабочихъ классовъ въ городѣ и деревнѣ.

Это угнетеніе, увеличеніе повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ, установленіе большей зависимости отъ землевладѣльцевъ, конфискація общественныхъ крестьянскихъ пастбищъ и лѣсовъ въ пользу землевладѣльцевъ (конфискація частной крестьянской собственности, обезземеленіе крестьянъ наступили позже)—все это совершилось, разумѣется, не безъ энергичнаго сопротивленія со стороны крестьянъ; въ теченіе всего XV столѣтія крестьянскія возстанія въ Германіи слѣдовали одно за другимъ; чѣмъ ближе къ концу столѣтія, тѣмъ они были чаще и грознѣе.

Наиболѣе важныя изъ этихъ предшествующихъ великой крестьянской войнѣ возстаній описаны у Циммермана, на книгу котораго мы обращаемъ вниманіе каждаго, желающаго ознакомиться съ крестьянскимъ возстаніемъ 1525 года основательнѣе, чѣмъ это возможно въ рамкахъ нашего сочиненія. Всѣ эти возстанія потерпѣли неудачу; о нихъ можно сказать то же, что о возстаніи Дольчино; это были только мѣстныя движенія.

Тогда началось реформаціонное движеніе; оно взволновало весь народъ и хоть на время объединило всѣ мѣстныя классовыя противорѣчія, въ классовыя противорѣчія національныя, простирающіяся на все государство или по крайней мѣрѣ на большую его часть. Благодаря ему и различныя мѣстныя крестьянскія движенія слились въ одно громадное движеніе, въ послѣднее могучее напряженіе крестьянъ европейскаго континента сбросить гнетущее ихъ ярмо. Если оставить въ сторонѣ Англію, то другое такое же значительное крестьянское движеніе мы найдемъ лишь въ 1789 году во Франціи, но тамъ оно совершилось при совершенно иныхъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и насколько непобѣдимо было послѣднее, настолько движеніе 1525 года носило смерть уже въ самомъ своемъ зародышѣ.

Вмѣстѣ съ крестьянами поднялись также и другіе классы, такъ какъ буржуазное общество слишкомъ сложно, чтобы большое революціонное движеніе до сихъ поръ могло быть дѣломъ одного какого либо класса; грядущая революція, вѣроятно, также будетъ совершена не однимъ только классомъ,—промышленнымъ пролетаріатомъ,—но также мелкой буржуазіей и мелкими собственниками—крестьянами. Однако начинаетъ борьбу всегда одинъ классъ: теперь это пролетаріатъ, въ 1789 году это была мелкая буржуазія, а въ 1525 году крестьяне.

Союзниковъ крестьянъ мы уже знаемъ; въ 1525 году сражались совмѣстно по большей части тѣ самые классы, которые группировались вокругъ знамени таборитовъ. Здѣсь, какъ и у таборитовъ, къ возстанію присоединилась часть обанкротившихся дворянъ, занявшихъ преимущественно выдающееся положеніе предводителей войска,—положеніе, создавшее изъ нихъ частью настоящихъ героевъ, какъ Флоріанъ Гейеръ, частію же предателей, каковъ Гецъ фонъ-Берлихингенъ. Точно также и населеніе городовъ, преимущественно большихъ, большею частью примкнуло къ крестьянамъ, и прежде всѣхъ, конечно, примкнулъ къ нимъ пролетаріатъ. Но положеніе нѣмецкихъ городовъ въ началѣ XVI вѣка было иное, чѣмъ положеніе городовъ богемскихъ въ началѣ XV. Въ интеллектуальномъ отношеніи они шагнули очень далеко, но политическую свою самостоятельность потеряли, и лишь городской пролетаріатъ былъ болѣе или менѣе надежнымъ союзникомъ крестьянъ; ремесленные мастера и даже подмастерья были имъ чужды. Такимъ образомъ тяжесть веденія войны въ 1525 году лежитъ на крестьянахъ полнѣе, чѣмъ во время гусситскихъ войнъ. Города помогали весьма мало, и движеніе не находило себѣ опорнаго пункта, какимъ за сто лѣтъ передъ этимъ былъ въ Богеміи Таборъ. Симпатіи горожанъ къ крестьянамъ выразились не въ видѣ военнаго подкрѣпленія, но лишь въ видѣ интеллектуальной помощи, а именно при выработкѣ ихъ программы.

Зато мятежники 1525 года нашли себѣ союзниковъ, какихъ не было у таборитовъ, въ лицѣ горнорабочихъ. Вспомнимъ, что мы говорили во-второмъ отдѣлѣ объ ихъ способности защищаться и объ ихъ жизни большими массами. Они были опытны въ военныхъ эволюціяхъ и привыкли подчиняться дисциплинѣ. Въ боевомъ отношеніи они стояли далеко выше всѣхъ другихъ слоевъ рабочаго класса того времени. Гдѣ они принимали энергичное участіе въ борьбѣ, тамъ возстаніе въ военномъ смыслѣ осталось непобѣжденнымъ [1]).

Что дѣло должно дойти до бунта и дойдетъ, стало ясно еще въ теченіе 1524 года каждому, кто находился въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ; въ особенности это не могло укрыться отъ такого человѣка, какъ Мюнцеръ. Всѣ эти люди продѣлали тотъ же опытъ, что и онъ: они радостно привѣтствовали Лютера, который добился популярности, возбудивъ ожиданія всѣхъ классовъ. Но когда общій врагъ казался побѣжденнымъ, когда папа и его покровитель—императоръ въ 1521 году въ Вормсѣ обнаружили свое безсиліе, когда старые авторитеты были свергнуты, когда дѣло шло о томъ, чтобы ввести новый порядокъ вещей, и классовыя противорѣчія сталкивались все рѣзче и рѣзче, когда наконецъ надо было рѣшить вопросъ, кто воспользуется плодами

[1]) Это подробно изложено нами въ рядѣ статей въ „Neue Zeit“ 1889 г. подъ заглавіемъ: „Die Bergarbeiter und der Bauernkrieg vornehmlich in Thüringen“.

церковной реформы—высшіе классы или низшіе, тогда Лютеръ не принималъ опредѣленнаго рѣшенія, пока его къ этому не принудили [1]); онъ энергично противился всякой попыткѣ низшихъ классовъ извлечь практическія выгоды изъ реформаціи и въ то же время поддерживалъ всѣ дѣйствія князей въ этомъ направленіи. Церковныя имущества должны были отойти къ князьямъ, а не къ крестьянамъ. «Намъ надо только оторвать свои сердца отъ монастырей,— писалъ онъ (вѣроятно, въ концѣ іюля) въ 1524 году—но мы не должны нападать на нихъ. Если сердца наши будутъ оторваны, такъ что церкви и монастыри опустѣютъ, пусть тогда князья дѣлаютъ съ ними, что хотятъ [2]).

Въ 1524 году становилось все яснѣе, что низшимъ классамъ нечего ждать отъ лютеранской реформаціи: они могли освободиться отъ своего ярма только собственными силами, путемъ вооруженнаго возстанія.

IX. Приготовленія Мюнцера къ возстанію.

Какъ только стало очевидно, что низшимъ классамъ народа остается одно: поднять оружіе противъ всѣхъ эксплуататоровъ, революціонныхъ и реакціонныхъ, Мюнцеръ усерднѣе всѣхъ принялся подготовлять возстаніе. Его благоразуміе, энергія и отвага сдѣлали его центромъ революціоннаго движенія эксплуатируемыхъ классовъ Тюрингена и доставили ему вліяніе далеко за предѣлами его.

Объ его дѣятельности можно судить по доносамъ на него, которые получали саксонскіе правители. Такъ, напр., нѣкто Фридрихъ Вицлебенъ жаловался, что его подданные изъ Виндельштейна, Вольмерштадта и Рослебена отправили къ Мюнцеру пословъ и спрашивали, нельзя ли имъ заключить союзъ противъ ихъ господина, который препятствуетъ посѣщать мюнцерово богослуженіе. Мюнцеръ на этотъ вопросъ отвѣтилъ утвердительно и разъяснилъ имъ также, какъ надо организоваться; точно такъ же онъ содѣйствовалъ организаціи многочисленныхъ и воинственныхъ мансфельдскихъ рудокоповъ. Къ подданнымъ герцога Георга саксонскаго въ Зангерсгаузенѣ онъ обратился съ письмомъ, въ которомъ побуждаетъ ихъ встать на сторону евангелія, иначе говоря, на сторону дѣла демократіи, и возстать противъ враговъ его.

Онъ обратился также къ жителямъ Орламунда, гдѣ Карлштадтъ занималъ такое же положеніе, какъ самъ онъ въ Альштэтѣ, съ приглашеніемъ принять участіе въ союзѣ. Но Карлштадтъ со своими послѣдователями принадлежалъ къ направленію, которое не признавало насилія. Въ отвѣтѣ своемъ—«der von Orlemund schrifft an die zu Alstedt, wie man Christlich fechten soll» (напечатано въ Виттенбергѣ въ 1524 году) онъ писалъ: «Мы не хотимъ прибѣгать къ помощи ножей и копій, противъ враговъ слѣдуетъ быть вооруженнымъ панцыремъ вѣры. Вы пишете, что мы должны примкнуть и соединиться съ вами; если бы мы поступили такъ, то не были бы болѣе свободными христіанами, но стали бы въ зависимость отъ людей. Это причинило бы евангелію истинное горе, а тираны начали бы торжествовать и говорить: они хвастаютъ

[1]) Только противъ коммунистическихъ мечтателей онъ, какъ мы видѣли, съ самаго начала выступилъ рѣшительно.

[2]) Лютеръ, Sämmtliche Werke, Лейпцигъ 1729 г., XIX, стр. 240.

служеніемъ единому Богу, а теперь соединяются другъ съ другомъ, такъ какъ Богъ ихъ недостаточно силенъ, чтобы защитить ихъ» [1]).

Опубликованіе этого письма не помогло Карлштадту; Лютеръ все-таки обвинилъ его въ сношеніяхъ съ Мюнцеромъ; по отношенію же къ послѣднему письмо представляло доносъ.

Но хуже всего было то, что князьямъ сдѣлалось извѣстно, чрезъ предателя Николая Ругкерта, о существованіи въ Альштэтѣ тайнаго союза, основаннаго, по словамъ Меланхтона, Мюнцеромъ: «Онъ составилъ списокъ, въ который внесъ всѣхъ соединившихся съ нимъ и обязавшихся наказать безбожныхъ князей и ввести христіанское управленіе». Союзъ имѣлъ приверженцевъ и за предѣлами Альштэта, напр., «въ долинѣ Мансфельда», въ Зангерсгаузенѣ и даже въ самомъ Цвикау. Цѣль этой организаціи Мюнцеръ излагаетъ въ своемъ «признаніи»: «союзъ основанъ противъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ евангеліе». Что слѣдуетъ понимать подъ словомъ «евангеліе», онъ сказалъ на допросѣ подъ пыткою: «однимъ изъ основныхъ принциповъ общества, осуществить который оно стремилось—omnia sunt communia (все общее), и каждому все должно даваться, по мѣрѣ его потребности. Если бы какой-либо князь, графъ или господинъ не захотѣлъ поступать такъ, когда этого потребуютъ, то его рѣшено было обезглавить или повѣсить».

Были ли уже тогда цѣли союза вполнѣ понятны саксонскимъ князьямъ, мы не знаемъ; но и того, что было имъ извѣстно, въ связи съ другими обвиненіями, оказалось достаточно, чтобы заставить ихъ призвать опаснаго человѣка въ Веймаръ на допросъ, тѣмъ болѣе, что и Лютеръ натравливалъ ихъ на Мюнцера.

Въ открытомъ письмѣ къ саксонскимъ правителямъ (конецъ іюля) [2]) «братъ Занфтлебенъ» (Лютеръ) доносилъ: «я написалъ это письмо Вашимъ княжескимъ свѣтлостямъ лишь по той причинѣ, что услышалъ, а также и понялъ изъ ихъ писаній, что этотъ духъ не хочетъ остаться при словахъ только, но думаетъ пустить въ дѣло кулаки, силою возстать противъ власти и такимъ образомъ устроить настоящій бунтъ. Хотя я понимаю, что Ваши свѣтлости сумѣютъ держаться въ этомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ я могъ бы посовѣтовать, но все-таки мнѣ, какъ усердному подданному, слѣдуетъ сдѣлать возможное съ моей стороны, и потому я всеподданнѣйше прошу и предостерегаю Ваши свѣтлости посмотрѣть на это дѣло серьезно и, исполняя долгъ правителя, не допускать до такого безпорядка и предупредить возстаніе... Поэтому, Ваша свѣтлость, здѣсь нельзя ни раздумывать, ни медлить, ибо Богъ потребуетъ отвѣта въ такомъ предосудительномъ употребленіи заповѣданнаго меча. Невозможно было бы оправдать передъ людьми и передъ цѣлымъ свѣтомъ, что Ваши свѣтлости могли терпѣть такую мятежную и святотатственную силу» [3]).

Выдержки эти показываютъ основной тонъ письма и характерны, какъ для Лютера, такъ и для положенія вещей въ то время. Остальная часть письма заключаетъ въ себѣ полемику съ Мюнцеромъ, немалую дозу самовосхваленія и наконецъ, вѣроятно, чтобы сгладить дурное впечатлѣніе отъ доноса, далѣе еще

[1]) Напечатано у Штробеля; стр. 77 и 78.
[2]) Лютеръ, Sämmtliche Werke, XIX, стр. 237, 238.
[3]) Общепринятая дата—21 августа—невѣрна. Ср. Меркса, стр. 39, прим.

слѣдуетъ указаніе на то, что онъ требуетъ подавленія не альштетскаго духа, но его матеріальной силы; если бы онъ не стремился къ насиліямъ, то пусть бы себѣ проповѣдывалъ спокойно. Въ отвѣтѣ своемъ, въ «Защитительной рѣчи» Мюнцеръ указалъ, сколько лицемѣрія заключается въ этомъ произведеніи. Пламеннѣйшимъ желаніемъ Лютера было заставить Мюнцера разъ навсегда замолчать.

Мюнцеръ былъ настолько неустрашимъ, что принялъ приглашеніе въ Веймаръ и явился туда 1 августа. Герцогъ Іоаннъ допросилъ его, но пока отпустилъ невредимымъ: «Такъ какъ было установлено, что онъ призывалъ народъ къ объединенію и совершилъ еще другіе подобные безтактные поступки, то герцогъ хотѣлъ посовѣтоваться съ курфюрстомъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять противъ него, «и ему скоро объявятъ, что ихъ княжеской милости будетъ угодно рѣшить». До тѣхъ же поръ Мюнцеръ долженъ былъ сидѣть спокойно» [1]).

Но Мюнцеръ не сталъ ожидать приговора курфюрста. Его положеніе въ Альштэтѣ сдѣлалось невозможнымъ: городу грозила немилость князей, и городской совѣтъ теперь высказался противъ Мюнцера. Тогда онъ бѣжалъ (ночью съ 7 на 8 августа). Онъ самъ разсказываетъ въ своей «Защитительной рѣчи»: «Когда я вернулся съ допроса въ Веймарѣ, я думалъ проповѣдывать грозное слово Божіе: тогда явились члены городского совѣта и хотѣли выдать меня величайшимъ врагамъ Евангелія. Услышавъ объ этомъ, я не могъ оставаться долѣе; я отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, ибо увидѣлъ собственными глазами, что они гораздо больше почитали свою присягу и обязанности, чѣмъ слово Божіе».

Малодушный ренегатъ Меланхтонъ и здѣсь, какъ всюду, старался навлечь на Мюнцера подозрѣніе въ трусости: «Тутъ Томасъ позабылъ о своей смѣлости, бѣжалъ и скрывался полгода».

Насколько уходъ Мюнцера изъ Альштэта зависѣлъ отъ трусости, и какъ мало думалъ онъ скрываться—объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ, что онъ непосредственно изъ Альштэта отправился на новый театръ военныхъ дѣйствій въ Мюльгаузенъ, гдѣ мы находимъ его уже 15 августа. Въ этомъ случаѣ со стороны Меланхтона не могло быть ошибки, а была сознательная ложь, ибо въ 1523 году онъ еще очень хорошо долженъ былъ помнить страхъ, охватившій Лютера и его друзей въ августѣ 1524 года, когда они узнали, что Мюнцеръ отправился въ Мюльгаузенъ.

Лютеръ тотчасъ же написалъ мюльгаузенцамъ и предложилъ имъ изгнать Мюнцера—пусть, молъ, городской совѣтъ призоветъ его и спроситъ, кто призвалъ его проповѣдывать: «Если онъ тогда скажетъ, что посланъ Богомъ и св. Духомъ, какъ апостолы, то пусть докажетъ это знаменіями и чудесами; но не позволяйте ему проповѣдывать, ибо гдѣ Богъ хочетъ измѣнить порядокъ вещей, тамъ онъ всегда даетъ чудесныя знаменія» [2]).

Энергичныя нападки Лютера на коммунистическаго агитатора имѣли основательную причину. Кромѣ того, что признаки приближающагося возстанія все умножались, — Мюнцеръ въ Мюльгаузенѣ былъ опаснѣе, чѣмъ въ Альштэтѣ. Мюльгаузенъ былъ больше Альштэта, имѣлъ около 6.000 жителей и господствовалъ надъ округомъ, въ которомъ было приблизительно 220 кв. километровъ [3]).

[1]) Меркъ, стр. 41.
[2]) Лютеръ, Sämmtliche Werke, XIX, стр. 226.
[3]) Меркъ, стр. 48.

Ремесла и торговля процвѣтали въ немъ; особенно сильно развиты были ткачество сукна и торговля имъ. «Особенно много въ Мюльгаузенѣ ткали суконъ, и онъ велъ выгодную торговлю ими съ Россіей и другими странами на востокѣ» (Галетти, «Geschichte Thüringens», IV, 91). Но Мюльгаузенъ былъ не только богатъ и силенъ, онъ не зависѣлъ также отъ саксонскихъ князей. Это былъ одинъ изъ немногихъ имперскихъ городовъ Тюрингена, сохранившихъ еще свою независимость. Если бы этотъ городъ попалъ въ руки коммунистическихъ фанатиковъ, то послѣдніе получили бы точку опоры, которая сдѣлала бы ихъ очень опасными.

Условія внутренней жизни города не были благопріятны для возстанія. Сильное распространеніе шерстянаго ткачества для экспорта должно было создать благопріятную почву для мятежныхъ и коммунистическихъ теченій. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что въ Мюльгаузенѣ «процвѣтало угнетающее аристократическое правленіе: въ этомъ свободномъ имперскомъ городѣ было не болѣе 96 человѣкъ, которые на самомъ дѣлѣ были свободными гражданами. Это были члены городского совѣта, которые пополнялись по выбору ихъ же самихъ, и только изъ патриціевъ» [1]).

Поэтому въ Мюльгаузенѣ бунтовали не только городской пролетаріатъ, населеніе предмѣстій и окрестныхъ деревень, зависящихъ отъ города, но и цеховые ремесленники, которые въ другихъ мѣстахъ принадлежали къ привилегированнымъ классамъ. Неудивительно, что реформаціонное движеніе въ Мюльгаузенѣ вызвало цѣлый рядъ ожесточенныхъ возстаній гражданъ противъ господства патриціевъ. Руководителемъ народа въ этой борьбѣ былъ Генрихъ Пфейферъ, монахъ, бросившій, какъ и многіе другіе въ это время, свой монастырь. Пфейферъ былъ вождемъ оппозиціонной части состоятельныхъ гражданъ, цеховыхъ ремесленниковъ и купцовъ, поскольку послѣдніе не принадлежали къ патриціату. Но патриціи были слишкомъ сильны въ Мюльгаузенѣ, чтобы Пфейферъ могъ обойтись безъ помощи крестьянъ и пролетаріевъ. Поэтому онъ обратился къ нимъ и позвалъ ихъ на борьбу съ городской аристократіей.

Пфейферъ имѣлъ еще другого защитника, а именно саксонскихъ князей, которые давно уже желали завладѣть сильнымъ имперскимъ городомъ, и которымъ внутреннія смуты въ немъ казались очень удобными [2]). Тотъ же герцогъ Іоаннъ саксонскій, который позднѣе, когда Пфейферъ сталъ ему неудобенъ, казнилъ его, какъ бунтовщика, теперь относился къ его бунту благосклонно.

Несмотря на всѣхъ этихъ противниковъ, городской совѣтъ Мюльгаузена все-таки имѣлъ, вѣроятно, и много приверженцевъ въ городѣ, потому что демократамъ не удалось добиться прочнаго успѣха. Въ 1523 году Пфейферъ со своими приверженцами впервые одержалъ побѣду, плоды которой достались однимъ только состоятельнымъ гражданамъ, ибо только они получали право участвовать въ городскомъ управленіи; пролетаріатъ и мелкіе ремесленники предмѣстій, особенно же крестьяне, остались ни при чемъ.

Неизвѣстно, вызвало ли это перемѣну въ настроеніи низшихъ классовъ, достовѣрно лишь, что городскому совѣту скоро удалось прогнать Пфейфера, и

---

[1]) Циммерманъ, „Bauernkrieg“, I, стр. 191. Въ распоряженіи Циммермана находился рядъ важныхъ изслѣдованій изъ мюльгаузенскаго городского архива.

[2]) Сравн. Циммерманъ, l. c., I, стр. 194.

герцогъ Іоаннъ Саксонскій напрасно хлопоталъ о его возвращеніи. Все-таки мы вскорѣ находимъ его опять въ Мюльгаузенѣ, въ ожесточенной борьбѣ съ городскимъ совѣтомъ, причемъ счастье бывало то на одной сторонѣ, то на другой. Въ самый разгаръ этой борьбы въ Мюльгаузенѣ появился Мюнцеръ. Совѣтъ былъ тогда слишкомъ безсиленъ, чтобы послѣдовать предложенію Лютера, хотя охотно исполнилъ бы его. «Хотя почтенный совѣтъ былъ такъ же мало доволенъ имъ, какъ и Пфейферомъ, но чернь силой отстояла его. А онъ какъ разъ въ это время со своимъ помощникомъ Пфейферомъ вызывалъ одинъ мятежъ за другимъ» [1]).

Какъ разъ въ это же время мы видимъ, что партія Пфейфера предпринимаетъ движеніе влѣво. Она выставляетъ требованія также для крестьянъ и жителей предмѣстій и одерживаетъ при этомъ побѣду 27 августа 1524 г. Былъ ли причастенъ Мюнцеръ къ этому перевороту и насколько,—этого нельзя точно установить.

Но теперь, какъ вѣроятно, уже и въ 1523 году, среди побѣдителей снова произошелъ расколъ. Тогда не были удовлетворены жители предмѣстій и крестьяне, а теперь мѣщане, ремесленники и купцы стали бояться крестьянъ и пролетаріевъ, самоувѣренность которыхъ, навѣрно, не убавилась съ появленіемъ Мюнцера. Мѣщане перешли на сторону городского совѣта, и уже 25 сентября Мюнцеръ и Пфейферъ потерпѣли пораженіе. Мюнцеръ былъ изгнанъ, а вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и Пфейферъ.

Мюнцеръ отправился въ южную Германію, слѣдуя въ этомъ примѣру многихъ политическихъ изгнанниковъ изъ Саксоніи, напр., Карлштадта, котораго Лютеръ заставилъ изгнать за то, что во время одного агитаціоннаго путешествія, предпринятаго имъ противъ Карлштадта, орламундцы приняли его очень дурно. Но и теперь уходъ Мюнцера не означалъ еще его удаленія отъ движенія хотя бы къ временному покою; онъ просто искалъ новаго поля для дѣятельности. Онъ, вѣроятно, хорошо былъ знакомъ съ событіями, подготовлявшимися въ южной Германіи, ибо Германія, по крайней мѣрѣ средняя и южная, была тогда покрыта сѣтью болѣе или менѣе тайныхъ революціонныхъ обществъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою. Особенно много странствующихъ агитаторовъ выставляли коммунистическія секты; эти агитаторы, какъ въ Англіи во времена Джона Бэля, такъ и теперь въ южной и средней Германіи, поддерживали постоянныя сношенія между различными союзами. Мы уже знаемъ, что съ возникновеніемъ секты вальденсовъ «довѣренные люди» коммунистовъ «апостолы», «нищіе священники» и многіе другіе обыкновенно находились въ непрестанныхъ странствованіяхъ, съ небольшими лишь перерывами. Развитіе среди подмастерій обычая странствовать съ мѣста на мѣсто послужило дальнѣйшимъ средствомъ, чтобы сдѣлать связь между представителями этихъ слоевъ населенія, разсѣянными по всей странѣ, болѣе тѣсною, чѣмъ во всякомъ другомъ слоѣ

---

[1]) Іоаннъ Бехереръ, „Neue Thüringische Chronica“, Мюльгаузенъ, 1601 т., стр. 473. Эта тюрингенская хроника начинается ссылкой на Моисея: „Для желающихъ узнать что-либо о первоначальномъ происхожденіи тюрингенцевъ, нѣтъ извѣстій древнѣе тѣхъ, которыя намъ даетъ древнѣйшій и достовѣрнѣйшій писатель Моисей“. Отъ Іафетова сына Мессаха происходятъ мейсенцы, отъ Тираса—тюрингенцы.

общества. «Всѣ странствующіе ремесленники, принадлежавшіе къ этимъ обществамъ, какъ мастера, такъ и подмастерья, сдѣлались апостолами» [1]).

Такимъ образомъ Мюнцеръ, отправляясь въ южную Германію, былъ, вѣроятно, хорошо освѣдомленъ о тамошнемъ положеніи дѣлъ; онъ долженъ былъ знать, что тамъ повсюду грозило возстаніе; онъ зналъ, вѣроятно, также и о томъ, что (въ концѣ августа) крестьяне въ Штюлингенѣ фактически уже возстали и что возстаніе на границѣ Швейцаріи быстро разросталось. Это было для Мюнцера достаточнымъ стимуломъ, чтобъ пойти туда, какъ только въ Саксоніи всякая дѣятельность сдѣлалась для него невозможной, пока не произойдетъ измѣненій въ правительственныхъ сферахъ.

Въ Нюрнбергѣ Мюнцеръ оставался лишь короткое время и вовсе не для того, чтобы вызвать возстаніе, какъ это думаютъ многіе. Онъ, впрочемъ, нашелъ бы достаточно послѣдователей въ этомъ древнемъ центрѣ беггардскаго движенія, въ этомъ имперскомъ городѣ, патриціатъ котораго былъ такимъ недовѣрчивымъ и своевольнымъ, что запрещалъ даже цеховыя организаціи ремесленниковъ [2]). Мюнцеръ остался тамъ лишь для того, чтобы тайно напечатать свое сочиненіе; ему казалось, что обстоятельства не благопріятствуютъ возстанію.

Свое пребываніе въ Нюрнбергѣ Мюнцеръ лучше всего характеризуетъ самъ въ письмѣ къ Христофу Н. изъ Эйслебена [3]). Насколько печально было тогда его положеніе, показываетъ слѣдующее мѣсто изъ этого письма: «Если вы можете, то помогите мнѣ чѣмъ-нибудь; но если это васъ затруднитъ, то я не хочу ни гроша». Ясно, что Мюнцеръ въ Альштэтѣ и Мюльгаузенѣ не разбогатѣлъ... Далѣе онъ пишетъ: «я выпустилъ въ Нюрнбергѣ книгу, содержащую мое ученіе, и они хотѣли выслужиться передъ Римомъ, задержавъ ее; я оправданъ... Я могъ бы сыграть хорошую штуку въ Нюрнбергѣ, если бы хотѣлъ, какъ меня обвиняютъ. вызвать возстаніе; но я докажу всѣмъ своимъ противникамъ, что это неправда, и они не смогутъ возражать мнѣ. Многіе изъ нюрнбергцевъ совѣтовали мнѣ проповѣдывать, но я отвѣтилъ имъ, что пришелъ не для этого, а чтобы отвѣтить печатно. Когда они узнали объ этомъ, у нихъ зашумѣло въ головахъ. Имъ нравится хорошая жизнь, потъ ремесленниковъ сладокъ, но сладость эта можетъ сдѣлаться горькой, какъ желчь. Тутъ не помогутъ никакія размышленія, никакія увертки, истина должна открыться; имъ не поможетъ, что они цитируютъ стихи изъ евангелія; люди голодны, они хотятъ ѣсть».

Этими словами кончается письмо.

Результаты его пребыванія въ Нюрнбергѣ кратко переданы древнимъ лѣтописцемъ Іоанномъ Мюльнеромъ (цитировано у Штробеля, стр. 64): «Типографъ въ Нюрнбергѣ осмѣлился напечатать книжонку Томаса Мюнцера; городской совѣтъ отнялъ у него все изданіе и заключилъ подмастерье, который напечаталъ книгу безъ вѣдома Лютера, въ тюрьму».

Въ довершеніе всего Лютеръ и его послѣдователи систематически замалчивали это сочиненіе и никогда о немъ не упоминали; о возраженіи на него не было, конечно, и рѣчи, хотя, или, пожалуй, именно потому, что оно содержало

---

[1]) С. А. Корнеліусъ, „Geschichte des Münsterischen Aufruhrs“, Лейпцигъ, 1860 г., II, стр. 41.

[2]) Шенланкъ, „Soziale Kämpfe vor 300 Jahren“, стр. 5 и слѣд.

[3]) Напечатано въ собраніи сочиненій Лютера, между его сочиненіями противъ Мюнцера и возставшихъ крестьянъ, XIX, стр. 245.

самыя рѣзкія нападки на Лютера и князей. Это послѣднее сочиненіе Мюнцера было наиболѣе страстнымъ и наиболѣе революціоннымъ его произведеніемъ.

Если нюрнбергцы и Лютеръ съ его послѣдователями думали выиграть что-либо путемъ конфискаціи и замалчиванія этого сочиненія, то они ошиблись, какъ и до настоящаго времени ошибались и ошибаются многіе государственные люди, держащіеся той же политики. Премудрому совѣту удалось завладѣть отнюдь не всѣми экземплярами; сочиненіе распространилось не только еще до крестьянской войны, — даже до сихъ поръ сохранились экземпляры этого памфлета, несмотря на жестокія преслѣдованія всѣхъ революціонныхъ сочиненій, свирѣпствовавшія послѣ крестьянской войны. Это сочиненіе есть «Твердо обоснованная защитительная рѣчь» [1]). Съ тонкой насмѣшкой надъ раболѣпствомъ тогдашнихъ ученыхъ толкователей св. Писанія оно посвящено «свѣтлѣйшему первородному князю и всемогущему Господу Іисусу Христу, милостивому царю царствующихъ, храброму вождю всѣхъ вѣрующихъ, моему милостивѣйшему господину и вѣрному защитнику и Его опечаленной единственной невѣстѣ, бѣдной христіанской Церкви».

Послѣ ряда нападокъ на Лютера, «доктора Людибрія» и ученыхъ толкователей св. Писанія, онъ упоминаетъ о томъ, что въ Альштэтѣ онъ предлагалъ князьямъ взяться за мечъ для защиты Евангелія. Онъ говоритъ, что основывался на библіи. «Несмотря на это, является «кумъ тихоходъ» (Leisetreter))— Лютеръ, этотъ смиренникъ, и говоритъ, что я хочу учинить возстаніе, въ чемъ онъ убѣдился изъ моего посланія къ горнорабочимъ. Онъ говоритъ только одно, и умалчиваетъ о самомъ ничтожномъ: о томъ, что я уже ясно изложилъ князьямъ, что цѣлая община имѣетъ власть поднять мечъ и обладаетъ ключемъ къ разрѣшенію грѣховъ; тогда я сказалъ по тексту Даніила 7, Апокалипсисъ 6 и посланія къ Римлянамъ 13, 1, что князья не владыки, а слуги меча (общественной власти), они должны дѣлать не такъ, какъ имъ хочется, но поступать по справедливости. Поэтому по старому хорошему обычаю народъ долженъ присутствовать, когда кого-либо судятъ по закону Божію. Для чего же это? Для того, что если бы власти захотѣли постановить неправильный приговоръ (Исаія, 10), то присутствующіе христіане должны не признавать его и не допускать его выполненія, ибо Богъ потребуетъ отчета въ неповинной крови (псал. 78). Самое ужасное на землѣ то, что никто не хочетъ помочь несчастной бѣднотѣ, сильные дѣлаютъ, что хотятъ... Посмотрите! главной поддержкой ростовщичества, воровства и грабительства являются наши владыки и князья. Они присвоили себѣ въ собственность все живущее. Рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, растенія на землѣ, все принадлежитъ имъ (Исаія, 5). А потомъ они распространяютъ среди бѣдныхъ заповѣдь Господню и говорятъ: Богъ сказалъ: не укради; но сами они не слѣдуютъ этому. Такимъ образомъ они притѣсняютъ всѣхъ людей, они грабятъ всѣхъ живущихъ, бѣдныхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ (Мих., 3). Но, когда человѣкъ беретъ самую ничтожную вещь, его вѣшаютъ за это, а «докторъ Лгунъ» (Лютеръ) приговариваетъ при этомъ: Аминь. Эти господа сами возстановляютъ противъ себя бѣдныхъ людей, они не

[1]) „Hoch verursachte Schutzrede und Antwort wider das Gaistlose Sanfft lebende Fleysch zu Wittenberg, welches mit verkärter weysse, durch den Diepstal der heiligen schrifft die erbermdliche Christenheit also gantz jämmerlich besudelt hat“. Томасъ Мюнцеръ альштэтскій.

хотятъ устранить причину возмущенія, и поэтому продолжительное спокойствіе невозможно. За эти слова меня называютъ бунтовщикомъ; и пусть» [1]).

Далѣе Мюнцеръ полемизируетъ съ Лютеромъ, котораго между прочимъ упрекаетъ въ зависти къ нему за то, что онъ предупредилъ его введеніемъ нѣмецкаго богослуженія (мы цитировали это мѣсто на стр. 243). Онъ доказываетъ Лютеру, что тотъ лицемѣритъ, утверждая, будто борется только противъ дѣлъ Мюнцера, а противъ его проповѣди не имѣетъ ничего. «Дѣва Мартинъ», «цѣломудренная вавилонская жена» не проклинаетъ Мюнцера, а только доноситъ на него. Мюнцеръ издѣвается надъ Лютеромъ, который ставитъ себѣ въ большую заслугу свое мученичество: «меня очень удивлятъ, какъ истощенный монахъ выноситъ ужасныя преслѣдованія, попивая хорошую мальвазію въ домѣ терпимости». Еще болѣе, чѣмъ эта рисовка мученичествомъ при веселой и спокойной жизни, достойно презрѣнія раболѣпство Лютера и его низкопоклонничество. «Бѣдные монахи, попы и купцы не могутъ защищаться, поэтому тебѣ не трудно бранить ихъ. А безбожныхъ правителей никто не долженъ судить, хотя они и попираютъ Христа ногами». При этомъ Лютеръ не прочь изобразить изъ себя и демагога, чтобы не испортить отношеній съ крестьянами. Что онъ хвастаетъ своею храбростью, — просто смѣшно. Ни въ Лейпцигѣ, ни въ Вормсѣ онъ ничѣмъ не рисковалъ (мы выше цитировали мѣсто, касающееся Вормса, стр. 219). Остальное содержитъ, кромѣ сообщенія объ уходѣ Мюнцера изъ Альштэта (цитир. стр. 254) забористую ругань по адресу Лютера въ стилѣ, который послѣдній любилъ и самъ: «Спи спокойно, милая скотина; я охотно познакомлюсь съ твоимъ запахомъ, когда ты будешь изжаренъ гнѣвомъ Божіимъ на огнѣ, въ горшкѣ или на сковородѣ въ твоемъ собственномъ соку, чтобъ чортъ тебя побралъ. Ты ослиная туша, ты изжарился бы медленно и былъ бы жесткимъ кушаньемъ для твоихъ ханжей».

Выпустивъ эту парфянскую стрѣлу въ своего противника, Мюнцеръ оставилъ Нюрнбергъ и отправился на швейцарскую границу, гдѣ и провелъ зиму. О его пребываніи тамъ ничего неизвѣстно. По Кохлеусу, онъ якобы доходилъ въ своихъ путешествіяхъ до Галля въ Тиролѣ; это былъ горнозаводскій округъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ центровъ анабаптистскаго движенія. Многіе предполагали, что Мюнцеръ былъ составителемъ знаменитыхъ 12 тезисовъ, въ которыхъ возставшіе крестьяне фурмулировали свои требованія. Нѣкоторые утверждали даже, что онъ вызвалъ южно-германское возстаніе. Два послѣднія мнѣнія безусловно невѣрны, то же, вѣроятно, можно сказать и о сообщеніи Кохлеуса.

Самъ Мюнцеръ говоритъ въ своемъ «Признаніи» о пребываніи на швейцарской границѣ только слѣдующее, причемъ, вѣроятно, и передаетъ самые существенные моменты своей тогдашней дѣятельности: «Въ Клетгау и Гегау, возлѣ Базеля, онъ указалъ нѣкоторые тезисы изъ евангелія для руководства, какъ слѣдуетъ поступать; изъ этихъ иные люди вывели другіе тезисы. Они охотно оставили бы его у себя, но онъ отказался; возстанія онъ тамъ не вызывалъ, ибо оно началось раньше его прихода. Эколампадіусъ и Гуго Вальдусъ предложили ему проповѣдывать народу; онъ и сдѣлалъ это».

[1]) Весь этотъ отрывокъ приведенъ у Циммермана, какъ цитата изъ толкованія второй главы Даніила, l. c., стр. 185.

Такимъ образомъ не Мюнцеръ составилъ пресловутые 12 тезисовъ, но онъ повліялъ на ихъ возникновеніе. Онъ смотрѣлъ на свое пребываніе въ этой мѣстности, какъ на временное, но не оставался въ бездѣйствіи, а велъ агитацію. Онъ самъ говоритъ, что «провѣдывалъ народу», а, по выраженію Буллингера, онъ «сѣялъ отравленное сѣмя крестьянскаго бунта».

Здѣсь же, на швейцарской границѣ, Мюнцеръ имѣлъ случай встрѣтиться съ вожаками швейцарскихъ анабаптистовъ. Хотя отношенія Мюнцера къ послѣднимъ весьма характерны для нихъ, однако они имѣютъ весьма мало значенія для выясненія характера самого тюрингенскаго коммуниста и его дѣятельности. Выясненіе этихъ отношеній обусловило бы необходимость изложить возникновеніе анабаптизма вообще. Но чтобы не прерывать хода изложенія, мы обойдемъ здѣсь этотъ вопросъ и вернемся къ нему въ слѣдующей главѣ.

X. Крестьянская война.

Въ началѣ 1525 года, чуть ли не въ январѣ уже, Мюнцеръ оставилъ Швабію и отправился въ Тюрингенъ. Онъ шелъ туда не наобумъ, ибо зналъ, что предстоитъ начало открытаго движенія.

Какъ въ Англіи въ 1381 году крестьянское возстаніе началось въ одинъ и тотъ же день, такъ и теперь среди возставшихъ крестьянъ днемъ общаго взрыва повсюду было назначено 2 апрѣля, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благодаря нетерпѣнію участниковъ или подъ давленіемъ обстоятельствъ, возстаніе началось уже раньше. Поэтому мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что возстаніе основывалось на обширномъ заговорѣ, было организовано и руководилось имъ.

Теперь, когда тайный союзъ, какъ бы незначительно ни было число членовъ, можетъ остаться неизвѣстнымъ массѣ населенія, на которую онъ хотѣлъ бы опираться, но не укроется отъ правительства—теперь, вѣроятно, нѣтъ уже ни одного серьезнаго революціоннаго дѣятеля, который вздумалъ бы организовать большое, охватывающее цѣлую націю, возстаніе путемъ заговора. Въ XIV и даже еще XVI столѣтіяхъ обстоятельства были гораздо благопріятнѣе. Политическая и государственная полиція тогда не была еще особенно развита, по крайней мѣрѣ сѣвернѣе Альпъ, а почта со всѣмъ къ ней относящимся не сдѣлалась государственнымъ, учрежденіемъ; письма не были еще тогда въ безопасности, «какъ библія на престолѣ»; всякія сообщенія въ болѣе отдаленныя мѣстности посылались съ нарочными, и «полевая почта» революціонеровъ дѣйствовала также, а иногда и болѣе быстро, чѣмъ почта правительствъ. Происходило это главнымъ образомъ благодаря странствующимъ подмастерьямъ и «апостоламъ», на роль которыхъ въ этомъ отношеніи мы уже указывали.

Такъ., напр., даже во время крестьянской войны Мюнцеръ, находясь въ Мюльгаузенѣ, поддерживалъ оживленныя сношенія со Швабіей. Буллингеръ разсказываетъ въ своей книгѣ объ анабаптистахъ: «И хотя его уже не было въ этой мѣстности (въ Клетгау) и онъ отправился въ Тюрингенъ, гдѣ жилъ въ Мюльгаузенѣ, онъ все-таки писалъ письма сюда къ своимъ довѣреннымъ и непрестанно разжигалъ безпокойныхъ людей и возстановлялъ ихъ противъ ихъ господъ и начальниковъ. А незадолго до вспышки крестьянскаго возстанія въ

ландграфствѣ и въ окрестныхъ странахъ онъ послалъ туда нарочнаго съ письмами и чертежами, на которыхъ была изображена величина ядеръ и калибръ тѣхъ орудій, которыя были уже отлиты для цѣлей возстанія въ Мюльгаузенѣ. Этимъ онъ успокаивалъ и ободрялъ сомнѣвающихся» [1]).

Но болѣе всего успѣху заговора благопріятствовало то обстоятельство, что каждый членъ низшихъ классовъ жилъ въ небольшомъ замкнутомъ кругу, отъ котораго онъ вполнѣ зависѣлъ въ общественномъ, а большею частью также и въ экономическомъ отношеніи, который зналъ всю его жизнь и съ которымъ онъ вполнѣ сросся. Марка и деревенская община, цехъ и союзъ подмастерій создавали тогда дисциплину, солидарность, но также и замкнутость по отношенію къ другимъ кругамъ, которые въ высшей степени способствовали сохраненію тайны, а также возникновенію и существованію тайныхъ союзовъ. Время, когда цеховыя тайны въ теченіе цѣлыхъ столѣтій могли оставаться достояніемъ одного цеха, было также временемъ процвѣтанія тайныхъ союзовъ. Эти союзы не только распространяли сектантскія ученія,—вспомнимъ грубенгеймеровъ,—они вели также къ политическимъ переворотамъ въ городахъ и цѣлой странѣ. Многія изъ этихъ тайныхъ обществъ достигли большого значенія, напр. «Bundschuh» и «Arme Konrad», которыя подготовили крестьянскую войну.

Наконецъ, въ эпоху реформаціи заговоры облегчались еще невѣроятнымъ недовѣріемъ правителей другъ къ другу. Разрозненность Германіи вообще мѣшала планомѣрной совмѣстной дѣятельности властей различныхъ мѣстностей; затрудненіе это еще увеличилось во время реформаціи, когда не только низшіе классы поднялись, но и большая часть высшихъ спекулировала на революціи, и когда духовные не вѣрили свѣтскимъ, католики евангеликамъ и наоборотъ. Они соединились въ «реакціонную массу» только тогда, когда ножъ былъ уже приставленъ къ ихъ горлу.

Отсюда понятно, что возстаніе, признаки котораго выяснились въ различныхъ мѣстностяхъ уже осенью 1524 года, и которое усердно подготовлялось зимою, явилось для господствующихъ классовъ неожиданностью, такъ что бунтовщики вначалѣ почти повсюду одерживали верхъ.

Хотя Мюнцеръ тронулся съ мѣста очень рано, онъ по пути уже наталкивался на возставшихъ крестьянъ. Однажды ему чуть было не пришлось плохо изъ-за этого: въ округѣ Фульда онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ толпою взбунтовавшихся крестьянъ. Альштэтскій сборщикъ податей, Гансъ Цейсъ, всегда хорошо освѣдомленный о Мюнцерѣ, писалъ тогда, 22 февраля, Спалатину: «Увѣдомляю Васъ, что Томасъ Мюнцеръ былъ въ Фульдѣ, содержался тамъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ и арнштетскій аббатъ сказалъ у Шварцбурга, что если бы онъ зналъ, что это Томасъ Мюнцеръ, то не выпустилъ бы его».

Немного спустя, 12 марта, Мюнцеръ снова въ Мюльгаузенѣ, куда Пфейферъ пришелъ уже раньше (въ декабрѣ). Черезъ нѣсколько дней они, благодаря удачному возстанію, сдѣлались господами города, почти въ тотъ же самый день, въ который, спустя болѣе трехсотъ лѣтъ, въ 1848 году берлинцы и въ 1871—парижане подняли побѣдоносное возстаніе (17 марта). Упомянутый уже Гансъ Цейсъ писалъ объ этомъ Спалатину, чрезвычайно превознося Пфейфера

[1]) Der Widertäufferen ursprung, fürgang, Secten, wäsen, fürnemen und gemeine jrer leer Artickel etc., Bullinger. Zürich 1561

и игнорируя Мюнцера, но обнаруживая въ то же время правильное пониманіе элементовъ, благодаря которымъ одержана была побѣда: «Я могъ бы цѣлый день разсказывать Вамъ о жестокихъ раздорахъ и мятежѣ, который подняли въ Мюльгаузенѣ одинъ проповѣдникъ, по имени Пфейферъ, и Мюнцеръ. Въ концѣ концовъ господинъ Omnes (народъ) отнялъ власть у совѣта; этотъ послѣдній не можетъ противъ его воли никого наказать, не можетъ ни управлять, ни вести переписку, ни заключать договоры.

«Послѣ того, какъ Пфейферъ и Мюнцеръ были изгнаны совѣтомъ, они побывали нѣсколько разъ въ Нюрнбергѣ, но Пфейферъ вернулся и жаловался, росхаживая по деревнямъ въ окрестностяхъ Мюльгаузена, что его насильно изгнали только потому, что онъ стоялъ за истину и проповѣдывалъ и хотѣлъ освободить ихъ отъ совѣта, отъ всякихъ властей и всякихъ тягостей. Онъ собралъ крестьянъ этихъ деревень, заставилъ ихъ вооружиться и пошелъ съ ними въ предмѣстье Мюльгаузена, гдѣ выступилъ передъ народомъ и самовольно проповѣдывалъ. Когда городской совѣтъ замѣтилъ, что Пфейферъ насильно врывается въ городъ, онъ собралъ цехи и толпы народа и повелъ ихъ навстрѣчу Пфейферу, чтобы опять изгнать его. Передъ началомъ сраженія народъ, оставшійся вѣрнымъ совѣту, измѣнилъ ему и устроилъ неслыханное предательство. Предводитель народа, увидавъ, что послѣдній отпалъ отъ совѣта, съ большимъ трудомъ прекратилъ шумъ, но лишь подъ условіемъ, что они (Пфейферъ и Мюнцеръ) останутся проповѣдниками. Совѣтъ принужденъ былъ согласиться ничего не предпринимать и не дѣлать безъ вѣдома общины. Такимъ образомъ у городского совѣта была отнята власть, и въ Мюльгаузенѣ происходятъ странныя вещи».

Поистинѣ странныя вещи: тамъ была устроена коммунистическая община.

«Это было началомъ новаго христіанскаго управленія, — пишетъ Меланхтонъ.—Послѣ этого они изгнали монаховъ, упразднили монастыри и ихъ имущества; тамъ между прочимъ іоанниты имѣли большое подворье и крупные доходы. Подворьемъ этимъ завладѣлъ Томасъ... Онъ училъ также, что все имущество должно быть общимъ, какъ написано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, гдѣ разсказывается, что апостолы соединили свои имущества. Благодаря этому чернь сдѣлалась такъ дерзка, что не желала больше работать. Когда кому либо нуженъ былъ хлѣбъ или сукно, онъ шелъ къ одному изъ богачей и требовалъ, чтобъ ему дали нужное, основываясь на правѣ христіанина, ибо Христосъ училъ, что надо дѣлиться съ нуждающимся. А когда богачъ не давалъ добровольно, что у него требовали, то требуемое отнималось силою. Это случалось часто; такъ поступали и тѣ, которые жили у Томаса въ подворьѣ іоаннитовъ».

Бехереръ разсказываетъ: «Въ этомъ правительствѣ Мюнцеръ былъ главою и диктаторомъ, и устроилъ все по своему усмотрѣнію... особенно онъ настаивалъ на общности имущества, благодаря чему народъ бросилъ свои занятія и ремесла, полагая, что пока онъ потребитъ имущество дворянъ, князей и господъ, монастырей и пріютовъ, Богъ приготовитъ ему новую добычу; такимъ образомъ они научились грабить и воровать. Эти безобразія Мюнцеръ продолжалъ нѣсколько мѣсяцевъ» [1]).

[1]) Бехереръ, l. c., стр. 479.

Хозяйничанье революціонной коммуны въ Мюльгаузенѣ продолжалось немногимъ больше двухъ мѣсяцевъ (почти столько же, сколько существованіе парижской коммуны 1817 года,—первая отъ 17 марта по 21 мая, вторая отъ 18 марта по 28 мая); Мюнцеръ оставилъ Мюльгаузенъ еще до 12 мая, и въ эти-то нѣсколько недѣль коммунизмъ, конечно, не могъ произвести замѣтное вліяніе на производство, тѣмъ болѣе, что это былъ самый разгаръ войны, когда каждый способный къ борьбѣ рабочій призывался къ оружію.

Меланхтонъ, правда, разсказываетъ намъ, что коммунизмъ въ Мюльгаузенѣ просуществовалъ цѣлый годъ. Представьте себѣ, что современный писатель осенью 1871 года написалъ исторію парижской коммуны, въ которой говорится, что послѣдняя просуществовала цѣлый годъ. Не знаешь чему больше всего удивляться: наглости «мягкаго и застѣнчиваго» Меланхтона или недомыслію его читателей.

На основаніи такихъ то современныхъ «источниковъ» буржуазные писатели до сихъ поръ обыкновенно составляли исторію коммунистическихъ движеній.

Однако, при нѣкоторомъ вниманіи, нетрудно раскрыть всѣ эти подлоги. Гораздо большую смуту внесло совершенно невѣрное изображеніе роли, которую Мюнцеръ игралъ въ Мюльгаузенѣ. Какъ Бехереръ, такъ и Меланхтонъ изображаютъ его диктаторомъ, имѣвшимъ неограниченную власть въ Мюльгаузенѣ; въ томъ же родѣ выражался и Лютеръ. Онъ писалъ въ одномъ письмѣ: «Müntzer Mulhuzi Rex et imperator est,—Мюнцеръ—царь и повелитель Мюльгаузена [1]).

Въ дѣйствительности положеніе Мюнцера было отнюдь не изъ пріятныхъ. Онъ побѣдилъ не силою своихъ приверженцевъ, но благодаря компромиссу съ направленіемъ Пфейфера, которое не было коммунистическимъ, но рѣзко буржуазнымъ. Онъ не сталъ во главѣ управленія, совѣта, но остался простымъ проповѣдникомъ; проповѣдь его въ Мюльгаузенѣ, однако, не имѣла рѣшающаго значенія. Политика города отнюдь не соотвѣтствовала его политикѣ. Въ важныхъ дѣлахъ онъ наталкивался на противодѣйствіе Пфейфера, имѣвшаго за собой большинство.

Мюльгаузенъ не былъ Таборомъ; послѣдній, дѣйствительно, можно назвать коммунистической колоніей; это было новооснованное поселеніе, куда стекались коммунисты, изъ которыхъ и образовалось его населеніе. Въ старомъ же имперскомъ городѣ обстоятельства были совершенно иныя. Тамъ главнѣйшей опорой коммунистовъ былъ пролетаріатъ, а кромѣ него только небольшая часть мелкихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ предмѣстья и крестьянъ. Эти слои населенія были тогда слишкомъ слабы, чтобы принудить различные слои буржуазіи къ исполненію своей воли. Благодаря счастливому стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ и умѣнію выгодно и энергично воспользоваться ими, коммунисты въ Мюльгаузенѣ могли добиться извѣстнаго вліянія. Но направленіе, которое съ ихъ помощью одержало побѣду, только терпѣло ихъ. Мы не должны представлять себѣ положеніе дѣлъ въ Мюльгаузенѣ такъ, какъ будто весь городъ былъ организованъ на коммунистическихъ началахъ. «Братья» добились во всякомъ случаѣ лишь того, что имъ разрѣшили превратить свою тайную организацію въ явную и образовать «коммуну» внутри городской общины. Центромъ коммуны служило, вѣроятно, подворье іоаннитовъ.

---

[1]) Цитировано у Штробеля, стр. 88.

Какъ мало приверженцевъ было у Мюнцера въ Мюльгаузенѣ, видно изъ того, что при уходѣ его оттуда на помощь крестьянамъ за нимъ послѣдовало только 300 человѣкъ [1]).

Вы можемъ повѣрить Меланхтону, что коммуна Мюнцера, «которая существовала у Томаса въ подворьи іоаннитовъ», въ теченіе немногихъ недѣль своего существованія получала доходъ не только отъ труда своихъ членовъ, но, главнымъ образомъ, отъ добычи, которая бралась въ монастыряхъ, церквахъ и замкахъ. Табориты поступали точно такъ же, и вообще въ эту эпоху церковныя имущества были res nullius, которыми и завладѣвалъ всякій, у кого хватало на это силы. Обыкновенно ихъ забирали князья, иногда же это удавалось какимъ-нибудь «бѣднымъ чертямъ».

Мы уже указывали, что Мюнцеръ и Пфейферъ находились въ принципіальномъ противорѣчіи другъ къ другу, а изъ этого вытекали также противорѣчія тактическаго характера. Пфейферъ, какъ истый мелкій буржуа до-капиталистическаго періода, чувствовалъ себя представителемъ лишь мѣстныхъ интересовъ; Мюнцеръ же, какъ и всѣ коммунисты того времени, не пріурочивалъ своей дѣятельности къ опредѣленному мѣсту. Пфейферъ смотрѣлъ на возстаніе въ Мюльгаузенѣ, какъ на дѣло, касающееся исключительно Мюльгаузена, для Мюнцера же оно было лишь звеномъ большой цѣпи революціонныхъ движеній. Чѣмъ прежде Таборъ былъ для Богеміи, тѣмъ теперь долженъ былъ сдѣлаться укрѣпленный городъ Мюльгаузенъ для Тюрингена, т.-е. точкой опоры для всего возстанія, которое должно было сохранять самыя тѣсныя сношенія съ движеніемъ въ Франконіи и въ Швабіи.

Пфейферъ,—когда мы говоримъ здѣсь о Пфейферѣ и Мюнцерѣ, то подразумѣваемъ не только личности каждаго изъ нихъ, но и направленія, главнѣйшими представителями которыхъ они являлись,—Пфейферъ съ готовностью принималъ участіе въ нѣкоторыхъ хищническихъ походахъ на сосѣдніе округа, но только на католическіе. Онъ думалъ только о мелкихъ городскихъ распряхъ. Мюнцеръ, напротивъ, ясно сознавалъ, что побѣда въ Мюльгаузенѣ не означала конца революціонной борьбы, но ея начало. Въ виду этого надо было приготовиться и организоваться, надо было вооружить массы и объединить возстаніе въ различныхъ областяхъ, для совмѣстнаго дѣйствія.

Особенно плохо обстояло дѣло въ Тюрингенѣ съ боевою способностью крестьянъ. Быть можетъ нигдѣ въ Германіи крестьяне не были такъ мало опытны въ обращеніи съ оружіемъ и такъ безоружны, какъ именно тамъ. Вооружить ихъ и пріучить къ обращенію съ оружіемъ требовало очень много времени [2]).

---

[1]) Меланхтонъ говоритъ о 300 «мошенникахъ». При предыдущемъ походѣ 26 апрѣля, за нимъ, по Бехереру, послѣдовали „приблизительно 400 человѣкъ, большею частью сбродъ изъ чужихъ мѣстъ... Въ этой толпѣ во время похода были лишь немногіе граждане, и не было ни одного члена городского совѣта Мюльгаузена“ (l. c., стр. 480).

[2]) Мюнцеръ не хотѣлъ спѣшить. Онъ хотѣлъ выждать той благопріятной минуты, когда время и привычка придадутъ возстанію больше силы и сообщатъ ему болѣе совершенную организацію, онъ хотѣлъ выждать время, когда самые храбрые, опытные въ военномъ дѣлѣ горные ополченцы присоединятся къ нему, когда крестьяне верхней Швабіи и другія банды одержатъ первыя побѣды надъ своими князьями. Онъ хотѣлъ имѣть ихъ въ резервѣ, и лишь тогда двинуться изъ своего Мюльгаузена съ мечемъ Ге-

Мюнцеръ дѣлалъ все возможное; особенно заботился онъ объ артиллеріи. Въ монастырѣ «босоногихъ» (Barfüsser) онъ отливалъ пушки. Какое значеніе онъ имъ придавалъ, считая это, быть можетъ, скорѣе нравственнымъ, чѣмъ тактическимъ средствомъ для достиженія власти, видно изъ того, что онъ послалъ увѣдомленіе объ этомъ даже въ Швабію. Но уже одинъ этотъ фактъ показываетъ намъ также, какъ усердно онъ поддерживалъ сношенія съ южногерманскими инсургентами.

Еще съ большимъ усердіемъ занимался онъ подстрекательствомъ и объединеніемъ бунтовщиковъ въ Тюрингенѣ. Онъ проявлялъ прямо лихорадочную дѣятельность, словесно и письменно; во всѣ стороны онъ разсылалъ письма для увѣщанія и ободренія. Одно изъ этихъ писемъ Зейдеманъ напечаталъ въ приложеніи къ своей книгѣ (Приложеніе 38, стр. 143). Мы приводимъ его здѣсь:

«Моимъ братьямъ во Христѣ, въ Шмалькальденѣ, находящимся въ настоящее время въ лагерѣ въ Эйзенахѣ.

«Прежде всего, дорогіе братья, долженъ быть истинный страхъ Божій; знайте, что мы хотимъ прійти вамъ на помощь и на защиту со всѣми силами и средствами. Недавно наши братья, Эрнстъ фонъ-Гонштейнъ и Гюнтеръ Шварцбургъ, просили помощи, которую мы обѣщали имъ и которую теперь склонны оказать. Если вы будете бояться, то мы и весь здѣшній отрядъ придемъ въ вашъ лагерь. Во всемъ, что въ нашихъ силахъ, мы придемъ вамъ на помощь.

Но потерпите немного; нашихъ братьевъ намъ чрезвычайно трудно обучить, ибо между ними очень много простого народа. Вы во многомъ уже сознали оказанную вамъ несправедливость, нашихъ же братьевъ, при всемъ стараньи, мы не можемъ научить сознавать это. Но мы должны поступать такъ, какъ Богъ внушитъ имъ. Я, конечно, прошу Бога явиться посовѣтовать и помочь вамъ, я охотнѣе помогъ бы вамъ въ вашихъ страданіяхъ, вмѣсто того, чтобы имѣть дѣло съ невѣждами, однако Богъ желаетъ избрать глупыхъ и отвергнуть умныхъ. Поэтому очень стыдно, что вы такъ боитесь; вамъ хочется увидѣть написаннымъ на стѣнѣ, что Богъ помогаетъ вамъ; вы можете быть вполнѣ увѣрены въ этомъ и пѣть вмѣстѣ съ нами: Я не убоюсь сотенъ и тысячъ и народа ихъ, хотя они и окружили меня. Дай Богъ вамъ сильный духъ,—и онъ не преминетъ сдѣлать это,—чрезъ Іисуса Христа, который да хранитъ васъ, дорогіе мои. Аминь. Дано въ Мюльгаузенѣ 7 мая 1525 года. Томасъ Мюнцеръ и вся община Божія въ Мюльгаузенѣ и въ различныхъ мѣстахъ».

Письмо характерно не только для отношенія Мюнцера къ возставшимъ внѣ Мюльгаузена, но и для его положенія въ этомъ городѣ; видно, какъ мало онъ былъ доволенъ тамошними «братьями», «невѣждами», «простымъ народомъ», которыхъ чрезвычайно трудно было обучить и которые «еще не вполнѣ сознали свое дѣло».

Горнорабочіе казались Мюнцеру гораздо важнѣе ненадежныхъ мюль-

---

деона. Онъ превосходно зналъ большую часть своихъ тюрингенцевъ: то были не швабы, слѣдовавшіе съ самой юности за знаменемъ и выросшіе среди войнъ, то были не франконцы, составлявшіе черную рать Флоріана Гейера, не стрѣлки изъ Альпъ и Эльзаса. Ихъ постояннымъ дѣломъ было съ трудомъ вымогать у скудной почвы жалкое пропитаніе, единственными привычными орудіями ихъ были лопата и заступъ. (Циммерманъ. (Исторія крестьянской войны въ Германіи". Перев. съ нѣмец. 2 изд. III, стр. 352).

гаузенцевъ и плохо вооруженныхъ крестьянъ. Горнорабочіе составляли самую способную къ борьбѣ и самую задорную часть населенія Саксоніи. Поэтому Мюнцеръ сразу же обратилъ на нихъ свое вниманіе. Онъ вошелъ въ сношенія съ рудокопами въ Рудныхъ горахъ, но больше всего старался поднять ближайшихъ къ нему горнорабочихъ Мансфельда, съ которыми у него сохранились хорошія снязи еще со времени его пребыванія въ Альштэтѣ.

Письмо, которое онъ отправилъ тогда своимъ союзникамъ въ мансфельдскомъ округѣ, Балтазару, Варфоломею и другимъ, побуждая ихъ приняться за агитацію среди горнорабочихъ, напечатано въ собраніи сочиненій Лютера, какъ одно изъ «трехъ отвратительныхъ, крамольныхъ сочиненій Томаса Мюнцера» (XIX, стр. 289 и слѣд.). Это письмо публиковалось нѣсколько разъ и впослѣдствіи, напр., у Штробля, стр. 93, и у Циммермана (русское изд.), III, стр. 200. Оно гласитъ: «Страхъ Божій прежде всего. Дорогіе братья, какъ давно вы уже спите. Вы забыли волю Божію, говоря, что Богъ забылъ васъ. Но развѣ не училъ я васъ много разъ, что такъ и должно быть. Богъ не можетъ болѣе открываться людямъ. Вы сами должны быть стойки. Въ противномъ случаѣ напрасны всѣ ваши раздирающія сердце жертвы. Вы должны будете претерпѣть еще страданія. Если не захотите пострадать по Божьей волѣ, то пострадаете по волѣ діавола. Опасайтесь этого. Не унывайте, будьте добры. Не льстите безумнымъ мечтателямъ и безбожнымъ злодѣямъ. Беритесь за дѣло и выходите на борьбу. Время настало, убѣждайте вашихъ братій не презирать слова Божія, иначе имъ грозитъ погибель. Вся Германія, Франція и Италія поднялись. На святой недѣлѣ разрушено четыре монастырскихъ церкви на Фульдѣ. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда возстали въ числѣ 30.000 и рать ихъ прибываетъ съ каждымъ днемъ. Я боюсь только, чтобы глупыхъ людей не увлекли фальшивыми договорами, въ которыхъ они не разглядятъ злого умысла. Если васъ будетъ хоть трое, твердо вѣрующихъ въ Бога, одушевленныхъ однимъ желаніемъ прославить Его имя и честь, вы не побоитесь и сотни тысячъ человѣкъ. Итакъ за дѣло, за дѣло! Пора, злодѣи струсили, какъ псы. Возбуждойте вашихъ братьевъ къ согласію и уговаривайте ихъ снаряжаться. Давно, слишкомъ давно пора, скорѣй же, скорѣй, за дѣло, за дѣло! Не поддавайтесь, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ молить васъ и плакать передъ вами какъ дѣти, но не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея (Моисей, кн. 5, 7). Намъ онъ открылъ то же. Возбуждайте села и города, въ особенности же горцевъ и другихъ добрыхъ людей. Мы не должны болѣе спать. Смотрите, пока я писалъ эти слова, ко мнѣ пришло извѣстіе изъ Зальца, что народъ хотѣлъ выбросить изъ замка амтмана герцога Георга за то, что онъ замышлялъ тайно погубить троихъ. Крестьяне Эйхсфельда справились со своими дворянами, они не хотятъ жить ихъ милостію. Со всѣхъ сторонъ предъ вами много примѣровъ, принимайтесь же за дѣло; пора, Балтазаръ и Бартель! Крумпфъ, Фельтенъ и Бишофъ, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашимъ товарищамъ горцамъ. Хотѣлъ бы такъ наставить всѣхъ братьевъ, чтобы ихъ мужество было тверже всѣхъ замковъ безбожныхъ злодѣевъ во всей странѣ. За дѣло, за дѣло! Желѣзо горячо, куйте его!

Пусть ваши мечи не остываютъ отъ теплой крови. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха. Вамъ нельзя говорить о Богѣ, покуда

вами управляютъ. Итакъ за дѣло, покуда еще не ушло время. Вами предводительствуетъ Богъ, слѣдуйте за Нимъ.

Прочитайте, что сказано у Матѳея. Не робѣйте же, съ вами Богъ, написано во 2-хъ хрон. Богъ говоритъ намъ: не бойтесь, вамъ нечего пугаться этой толпы. Не ваша идетъ война, а Господня. Не за себя вы боретесь. Мужайтесь! Вы увидите надъ собою руку Господню. Когда Іосафатъ услыхалъ эти слова, онъ палъ ницъ. Не страшитесь же и вы людей, а вѣруйте, крѣпко вѣруйте въ Бога,— онъ подкрѣпитъ васъ. Аминь.

Писано въ Мюльгаузенѣ, въ 1525 году. Томасъ Мюнцеръ, Божій воинъ противъ безбожниковъ».

Письму Мюнцера оказанъ былъ хорошій пріемъ. Въ мансфельдскомъ округѣ собралась большая толпа, и дѣло дошло до безпорядковъ (Штробель, стр. 96). Толчекъ, данный въ мансфельдскомъ округѣ, отозвался и въ горныхъ округахъ Мейсена. «Еще прежде, чѣмъ безумные бунтовщики довели дѣло до кроваваго столкновенія въ Франкенгаузенѣ,— говоритъ Герингъ,—нѣсколько рабочихъ изъ охваченнаго возстаніемъ графства Мансфельдскаго бѣжали въ наши горы, либо потому, что дома не ожидали ничего хорошаго, либо потому, что надѣялись сыграть въ этой мѣстности значительную роль, благодаря новому ученію» [1]).

Имъ удалось добиться вліянія и содѣйствовать попыткѣ къ возстанію въ окрестностяхъ Цвикау, гдѣ фанатики, подъ предводительствомъ Шторха и самого Мюнцера, пользовались уже прежде вліяніемъ и подготовили почву.

Въ апрѣлѣ дѣло въ Рудныхъ горахъ дѣйствительно дошло до возстанія крестьянъ и горнорабочихъ. Лишь послѣ пораженія при Франкенгаузенѣ движеніе тамъ, какъ и повсюду въ Саксоніи, остановилось.

Но въ общемъ стремленіе Мюнцера добиться объединенія революціоннаго движенія въ различныхъ мѣстностяхъ Саксоніи, имѣло лишь незначительный успѣхъ.

Крестьянскій и мѣщанскій партикуляризмъ былъ слишкомъ силенъ. Равномѣрность экономическаго гнета во всѣхъ мѣстностяхъ, возбужденіе всей націи реформаціоннымъ движеніемъ и—last but not least—неустанная повсемѣстная дѣятельность коммунистическихъ «апостоловъ» были достаточны именно для того, чтобы сдѣлать возстаніе крестьянъ и ихъ союзниковъ въ началѣ національнымъ, захватывающимъ большую часть націи, такъ что оно началось повсюду почти одновременно. Но впослѣдствіи, когда пришлось обезпечивать плоды первыхъ побѣдъ и пользоваться ими, мѣстный партикуляризмъ сталъ обнаруживаться все рѣзче и рѣзче. Онъ слишкомъ глубоко коренился въ условіяхъ тогдашней жизни, поэтому его нельзя было преодолѣть иначе, какъ на короткій срокъ, да и то лишь съ трудомъ.

Къ партикуляризму присоединялась роковая наивность крестьянъ. Эти простые люди думали, что княжеское слово имѣетъ не меньшую, если только не бо́льшую цѣнность, чѣмъ слово каждаго честнаго человѣка. Они не имѣли ни малѣйшаго понятія о новѣйшей политикѣ, которая сдѣлала безчестность и лживость важнѣйшими добродѣтелями князей, о той политикѣ, которую еще за сто лѣтъ до этого мальчишка Ричардъ практиковалъ съ такой виртуозностью по отношенію къ англійскимъ крестьянамъ.

---

[1]) Geschichte des sächsischen Hochlandes, стр. 203.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать сообща, каждый округъ, каждый городъ, примкнувши къ возстанію, дѣйствовалъ на свой собственный рискъ и страхъ, и обыкновенно какихъ-нибудь вздорныхъ обѣщаній ихъ господъ, дававшихъ имъ надежду получить удовлетвореніе своихъ требованій, было достаточно, чтобы убѣдить бунтовщиковъ положить оружіе и разойтись. Благодаря этому князья имѣли время собрать войско, соединиться и безъ труда разбивать одну толпу крестьянъ за другой; между тѣмъ имъ пришлось бы плохо, если бы крестьяне соединились. Въ то время, когда среди крестьянъ безпорядочность все увеличивалась, опасность объединила князей и увеличивала ихъ солидарность.

Вскорѣ не могло быть сомнѣнія, на чьей сторонѣ, въ концѣ концовъ, окажется побѣда, въ началѣ же это было далеко не столь очевидно. Еще 14 апрѣля курфюрстъ Фридрихъ саксонскій выражался о возстаніи весьма пессимистически и осторожно. Въ страстную пятницу онъ писалъ своему брату, герцогу Іоанну саксонскому: «Ужасно плохо, что приходится дѣйствовать насиліемъ. Бѣднымъ людямъ пожалуй дали поводъ къ этому возмущенію, особенно запрещеніемъ пользоваться словомъ Божіимъ. Бѣдные во многихъ отношеніяхъ терпятъ отъ насъ, духовныхъ и свѣтскихъ властителей. Да отвратитъ Богъ свой гнѣвъ отъ насъ. Если Богъ захочетъ, то можетъ случиться, что править станетъ народъ».

Подъ вліяніемъ подобнаго же взгляда на положеніе дѣла написано первое сочиненіе, въ которомъ Лютеръ опредѣленно высказывается о крестьянскомъ возстаніи, и именно его «Ermahnung zum Frieden auf die zwölf Artikel der Bauernschaft in Schwaben». Оно начинается выраженіемъ надежды, что все еще уладится, если крестьяне отнесутся серьезно къ своимъ двѣнадцати тезисамъ и если они не захотятъ большаго. Такимъ образомъ онъ принимаетъ эти тезисы, какъ основу для соглашенія.

Прежде всего Лютеръ обращается къ господамъ и князьямъ: «Никто на свѣтѣ не былъ въ такой мѣрѣ причиной настоящихъ безпорядковъ и возмущенія, какъ вы, князья и господа, особенно же вы, ослѣпленные епископы, сумасбродные попы и монахи... Мечъ приставленъ къ вашему горлу, вы же все еще думаете, будто такъ крѣпко сидите въ сѣдлѣ, что никто не можетъ васъ выбить изъ него. Эта увѣренность и ожесточенная самонадѣянность приведетъ васъ къ тому, что вы сломите себѣ шею,— вы это увидите... Знайте, такъ какъ вы причина гнѣва Божія, то безъ сомнѣнія онъ постигнетъ васъ, если вы не исправитесь со временемъ. Знаменія на небѣ и чудеса на землѣ относятся къ вамъ, господа; они не предвѣщаютъ вамъ ничего хорошаго, и ничего хорошаго съ вами не произойдетъ... Знайте, Богъ сдѣлалъ такъ, что народъ не можетъ и не хочетъ дольше терпѣть вашего злодѣйства. Вы должны измѣниться и слѣдовать слову Божію; если не сдѣлаете этого добровольно и охотно, то должны будете сдѣлать по принужденію и съ потерями для себя... Противъ васъ, господа, возстали не крестьяне, а самъ Богъ, который хочетъ наказать васъ за ваши злодѣйства». Но, Боже упаси, — говоритъ Лютеръ дальше, — чтобъ онъ сталъ на сторону крестьянъ. Онъ проситъ князей въ ихъ собственныхъ интересахъ сдѣлать крестьянамъ уступки. По его мнѣнію, можно вести переговоры на основаніи двѣнадцати тезисовъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно справедливы, напр., первый, требующій права выбирать священниковъ и читать Евангеліе. «Другіе тезисы, требующіе матеріальныхъ облегченій, также

справедливы, ибо власти поставлены для того, чтобы приносить подданнымъ пользу и творить благо. Но теперь эксплуатація сдѣлалась невыносимою. Развѣ помогло бы крестьянину, если бы на его полѣ росло столько гульденовъ, сколько на немъ стеблей и зеренъ? Для того, чтобы бѣдному человѣку осталось что-нибудь, слѣдовало бы ограничить роскошь и сократить расходы».

Затѣмъ Лютеръ обращается къ крестьянству и соглашается, что князья достойны, «чтобы Богъ свергнулъ ихъ съ престола», но крестьяне должны приниматься за дѣло съ толкомъ, «иначе они, даже одержавъ побѣду въ этомъ мірѣ и убивъ всѣхъ князей, повредятъ своимъ душамъ. Онъ увѣщеваетъ крестьянъ, называя ихъ «дорогіе господа и братья» оставить мечъ и не подниматься противъ властей, ибо они тогда только имѣютъ право на возстаніе, когда Богъ повелѣваетъ имъ это посредствомъ знаменій и чудесъ. «Страдать и нести свой крестъ, нести крестъ и страдать—вотъ право христіанина, иного у него нѣтъ».

Сочиненіе кончается «общимъ увѣщаніемъ по адресу властей и крестьянъ». Обѣ стороны не правы; и тамъ и здѣсь язычники, а не христіане. И тѣмъ и другимъ грозитъ кара Божія. Души ихъ сдѣлаются добычей ада, а Германія будетъ уничтожена. Поэтому я съ добрымъ намѣреніемъ совѣтовалъ бы выбрать изъ среды дворянъ нѣсколькихъ графовъ и господъ, отъ городовъ—нѣсколькихъ совѣтниковъ и обсудить и уладить дѣло мирнымъ путемъ. Вы, господа, должны оставить свое высокомѣріе; все равно, добровольно или нѣтъ, вамъ придется разстаться съ нимъ, вамъ надо бы немного ограничить свою тиранію и свой гнетъ, чтобы бѣдные люди также получили достаточно воздуха и мѣста для жизни. Съ другой стороны крестьяне дали бы себя уговорить и отказались бы отъ нѣкоторыхъ тезисовъ, предъявляющихъ слишкомъ большія требованія, такъ что дѣло хоть и не было бы сдѣлано по-христіански, но все-таки было бы улажено по законамъ человѣческимъ. Итакъ, совѣсть моя спокойна, потому что я далъ вамъ христіанскій и братскій совѣтъ. Дай Богъ, чтобъ совѣтъ этотъ помогъ вамъ. Аминь».

Если бы тѣ, кто предполагаетъ, что реформацію сдѣлала сверхъестественно могучая личность Лютера, были правы, то это сочиненіе должно было бы дать крестьянской войнѣ совершенно другое направленіе. Фактически же оно не произвело никакого впечатлѣнія. При первой же своей попыткѣ плыть противъ теченія, Лютеръ оказался безсильнымъ.

Но онъ былъ не изъ тѣхъ, которые защищаютъ безнадежное дѣло, и ему не пришлось долго раздумывать, на чью сторону склониться. Его миролюбивый покровитель, курфюрстъ Фридрихъ, умиралъ. Онъ скончался 5 мая, и его мѣсто занялъ его братъ Іоаннъ, не хотѣвшій даже и слышать о примиреніи.

Кромѣ того, князья повсюду соединялись, чтобы потопить возстаніе крестьянъ въ ихъ крови. За послѣднюю недѣлю апрѣля военачальникъ швабскаго союза, Трухзесъ фонъ-Вальдбургъ, уже совсѣмъ почти подавилъ возстаніе въ Швабіи. Въ то же время ландграфу Филиппу удалось подавить возстаніе въ Гессенѣ. Противъ тюрингенскихъ и франконскихъ повстанцевъ собирались многочисленныя, хорошо обученныя войска.

Впрочемъ, Лютеръ имѣлъ еще и личный поводъ выступить противъ крестьянъ. Во второй половинѣ апрѣля онъ предпринялъ агитаціонное путешествіе по Тюрингену, чтобы успокоить народъ. При этомъ Лютеръ сдѣлалъ открытіе, что онъ, считавшій себя идоломъ населенія, уже потерялъ всякое вліяніе на

него. Теперь, съ характерной для него страстной злобой, Лютеръ набросился на бунтовщиковъ [1]). Еще недавно онъ говорилъ съ ними, какъ съ «господами и братьями», теперь же они превратились въ разбойниковъ, убійцъ и бѣшеныхъ собакъ, которыхъ надо убивать. Признавъ сначала, что крестьянъ заставилъ подняться невыносимый гнетъ властей, онъ теперь, въ своемъ сочиненіи «противъ разбойниковъ и убійцъ крестьянъ», появившемся 6 мая, черезъ день послѣ смерти Фридриха, заявляетъ, что власти правы [2]).

Въ этомъ сочиненіи сказано, что крестьяне начали нападеніе, «однимъ словомъ, они творятъ дѣло діавола, особенно же отличается архидіаволъ, царствующій въ Мюльгаузенѣ и учиняющій только разбой, убійства и кровопролитіе. О немъ, именно, Христосъ (Еван. Іоанна, 8) и сказалъ, что онъ убійца искони. Въ виду дѣйствій крестьянъ онъ принужденъ писать иначе, чѣмъ въ «предыдущей книжечкѣ». Возстаніе хуже, чѣмъ убійство: «поэтому всякій, кто въ силахъ, долженъ помогать душить и рѣзать явно и тайно, всякій долженъ думать, что нѣтъ ничего болѣе ядовитаго, вреднаго и діавольскаго, чѣмъ возставшій человѣкъ. Онъ подобенъ бѣшеной собакѣ, которую надо убивать. Если ты не убьешь ее, то все равно она искусаетъ тебя и цѣлую страну... Поэтому теперь нельзя дремать. Теперь не нужны терпѣніе и милость, теперь время меча и гнѣва, а не милосердія». «Кто падаетъ, сражаясь за власти, тотъ будетъ мученикомъ передъ Господомъ... Умирающіе же на сторонѣ крестьянъ обречены на вѣчныя муки ада... Теперь настали такія странныя времена, что князь лучше можетъ заслужить царствіе небесное кровопролитіемъ, чѣмъ другіе молитвами... Пусть всякій, кто въ силахъ, рѣжетъ, бьетъ и душитъ. Если ты умрешь при этомъ — благо тебѣ, ибо ты не можешь имѣть болѣе блаженной кончины, такъ какъ умрешь, слушаясь Божьяго слова и повелѣнія (Римл. 13) и служа дѣлу любви (!!), для спасенія твоего ближняго отъ ада и отъ узъ діавола» [3]).

---

[1]) Протестантскіе историки, напр., Ранке, стараются увѣрить насъ, что упомянутое сочиненіе Лютера о двѣнадцати тезисахъ появилось еще до возстанія, когда большинство крестьянъ еще поднялось, т.-е. въ мартѣ 1525 г. Его озлобили якобы ихъ насилія въ апрѣлѣ. Они-то будто бы послужили для него причиной перемѣны фронта. Фактически же это соч. вышло послѣ 16 апрѣлѣ (день сраженія при Вейнсбергѣ), вѣроятно, около 20 того же мѣсяца (сравн. Янсенъ, II, стр. 490; Лампрехтъ, V, I, стр. 345).

[2]) Спустя нѣсколько недѣль послѣ подавленія тюрингенскаго возстанія, почтенный Мартинъ пошелъ еще дальше въ сочиненіи, защищающемъ его манифестъ противъ крестьянъ и носящемъ заглавіе: „Посланіе Каспару Мюллеру, канцлеру Мансфельда, о жестокой книгѣ противъ крестьянъ“. Предупредивъ, что порицающій его книгу „долженъ остерегаться, ибо въ душѣ такой человѣкъ — бунтовщикъ“, Лютеръ приписываетъ возстаніе крестьянъ тому обстоятельству, что имъ жилось слишкомъ хорошо! Война эта произошла по волѣ Божіей, „чтобы крестьяне поняли, что имъ жилось слишкомъ хорошо и что они сами не захотѣли жить мирно въ столь счастливые для нихъ дни,— чтобы они научились впредь благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову для того, чтобы спокойно пользоваться другой... Народъ потерялъ всякій страхъ и совѣсть; всякій дѣлалъ, что ему хотѣлось. Никто ничего не хотѣлъ давать, всякій предпочиталъ кутить, пить, хорошо одѣваться и бездѣльничать, какъ будто всѣ они были господами. Осла надо бить, а черпью надо управлять съ помощью силы“. Лютеръ, сочин. XIX, стр. 270, 272.

[3]) Лютеръ, соч. XIX, стр. 264, 267.

«Служа дѣлу любви», Лютеръ и въ частныхъ письмахъ, писанныхъ около того времени, высказывался въ томъ же духѣ [1]).

Уже позднѣе Лютъ хвастался, что онъ «въ возстаніи убилъ всѣхъ крестьянъ, ибо велѣлъ ихъ умерщвлять. Вся ихъ кровь на мнѣ». Однако въ этомъ случаѣ манія величія заставила его принять на себя бо́льшую вину, чѣмъ слѣдовало на самомъ дѣлѣ. Насколько его поведеніе въ крестьянской войнѣ было характерно для него и для отношенія между буржуазной и крестьянско-пролетарской ересью, — поэтому мы и остановились на немъ такъ подробно, — настолько же мало имѣлъ онъ вліяніе на исходъ войны; насколько его призывы къ миролюбію были безполезны, настолько же было излишне съ его стороны возбужденіе князей къ безпощадной рѣзнѣ крестьянъ. Это они производили и безъ него съ достаточной кровожадностью; дѣлали это какъ противники Лютера, такъ и его послѣдователи и притомъ въ братскомъ согласіи между собою. Передъ лицомъ эксплуатируемыхъ прекратилась борьба эксплуататоровъ изъ-за добычи. Католики и протестанты дѣйствовали сообща для подавленія бѣднаго народа.

Въ началѣ мая «истинный протестантъ», ландграфъ Филиппъ Гессенскій, соединилъ свои войска съ войсками ультра-католическаго герцога Георга саксонскаго и нѣсколькихъ болѣе мелкихъ князей, для того, чтобы покончить съ тюрингенскимъ возстаніемъ. Немного спустя къ нимъ присоединился еще новый саксонскій курфюрстъ Іоаннъ. Центромъ возстанія оказался Франкенгаузенъ, городъ, извѣстный своими соляными варницами, съ многочисленнымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ рабочихъ солеваренъ, и находившійся на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ мансфельдскихъ рудниковъ [2]). Главныя силы повстанцевъ собрались тамъ, а не въ укрѣпленномъ, хорошо снабженномъ оружіемъ, Мюльгаузенѣ или гдѣ-нибудь южнѣе, напр., въ Эрфуртѣ или Эйзенахѣ, которые также были въ рукахъ бунтовщиковъ, и откуда легче было бы поддерживать сношенія съ возставшими въ Франконіи.

Какъ повстанцамъ, такъ и князьямъ лагерь возлѣ Франкенгаузена казался самымъ важнымъ пунктомъ. Чтобы добраться до него, Филиппъ Гессенскій предпринялъ совершенно неслыханное движеніе. Онъ повелъ на Эйзенахъ и Лангензальцъ, оставивъ Мюльгаузенъ по лѣвую, а Эрфуртъ по правую сторону, и прошелъ между этими двумя, занятыми сильнымъ войскомъ городами прямо къ Франкенгаузену. Если это доказываетъ значеніе послѣдняго, то фактъ, что Фи-

[1]) Такъ онъ писалъ 30 мая д-ру Рюлю, совѣтнику мансфельдскаго городского совѣта, что крестьянъ, безъ всякаго разговора, надо убивать: „Крестьянамъ желаютъ оказать милосердіе. Если между ними находятся невинные — Богъ спасетъ ихъ, какъ Лота или Іеремію. Если Онъ этого не сдѣлаетъ, то они, конечно, виновны... Мудрецъ сказалъ: cibus, onus, et virga asino (ослу нужны пища, тяжесть и бичъ). Крестьяне же глупы. Они не слушаются слова и безумствуютъ, поэтому они должны познакомиться съ virga, т.-е. съ ружьями, и это будетъ по отношенію къ нимъ справедливо. Мы должны молить за нихъ Бога, чтобы они повиновались; если они не сдѣлаютъ этого, то милосердіе здѣсь ни къ чему, пусть только пули жужжатъ надъ ихъ головами, иначе они сами поступятъ въ тысячу разъ хуже... Во истину, кто видѣлъ Мюнцера, тотъ можетъ сказать, что видѣлъ діавола въ величайшемъ гнѣвѣ. О, Господи, если въ крестьянахъ явился такой духъ, то давно пора задушить ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ“. Изъ всѣхъ сочиненій Лютера того времени явствуетъ, что Мюнцеръ казался ему самымъ опаснымъ изъ бунтовщиковъ. Таковымъ онъ и былъ въ Тюрингенѣ.

[2]) Сарторіусъ, Versuch einer Geschichte des deutschen Bauernkrieges, Берлинъ, 1795, стр. 319.

липпъ могъ сдѣлать это движеніе, не подвергшись ни малѣйшей опасности или хотя бы непріятности со стороны Мюльгаузенцевъ и Эрфуртцевъ, ясно показываетъ, какъ великъ былъ у повстанцевъ недостатокъ въ сплоченности и единодушіи, а также и въ опредѣленномъ планѣ.

Значеніе Франкенгаузена мы можемъ объяснить лишь близостью мансфельдскихъ рудниковъ съ ихъ многочисленными, способными къ борьбѣ рабочими. Если бы удалось поднять тамъ возстаніе, то княжескимъ войскамъ пришлось бы выдержать жестокую борьбу.

Мюнцеръ также очень хорошо понималъ значеніе Франкенгаузена и сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы направить туда со всѣхъ сторонъ всѣ бывшія въ его распоряженіи силы. Онъ писалъ также и Эрфуртцамъ, но они не двинулись. Даже Мюльгаузенцевъ онъ не могъ заставить пойти на помощь войску, стоявшему возлѣ Франкенгаузена. Какое дѣло было мѣщанамъ вольнаго имперскаго города до собравшихся тамъ крестьянъ? Превознесенный всѣми за свою энергію Пфейферъ оставался въ бездѣйствіи. Мюнцеръ одинъ вышелъ со своими приверженцами, которыхъ было 300 человѣкъ. Съ большимъ трудомъ мюльгаузенцы ссудили ему восемь пушекъ.

Не лучше обстояло дѣло и съ горнорабочими Мансфельда. Къ сожалѣнію у насъ совершенно нѣтъ подробныхъ извѣстій о событіяхъ въ Мансфельдѣ. Въ мансфельдской хроникѣ Шпангенберга (глава 362) [1]) мы нашли только слѣдующую замѣтку, которую Бирингенъ въ своемъ «Beschreibung der Mansfeldischen Bergwerks» (стр. 16) передаетъ еще короче: «крестьяне возстали также и въ графствѣ мансфельдскомъ. Графъ Альбрехтъ Мансфельдскій очень затруднилъ ихъ движеніе, ибо онъ приложилъ всѣ старанія и надавалъ горнорабочимъ разныхъ обѣщаній, чтобы удержать ихъ въ графствѣ и не дать имъ уйти въ лагерь къ возставшимъ крестьянамъ».

Это, повидимому, и удалось ему. Опасенія, высказанныя Мюнцеромъ въ его вышеприведенномъ письмѣ къ горнорабочимъ, что «глупые люди» могутъ согласиться «на обманный договоръ», были не напрасны. Масса горнорабочихъ успокоилась, какъ только ихъ требованія были исполнены, и не заботилась больше о возставшихъ крестьянахъ. Отдѣльные же добровольцы или небольшіе отряды попадали въ руки войска графа Альбрехта, занявшаго всѣ дороги.

Оставалось еще одно: перенести возстаніе въ самый Мансфельдъ и такимъ образомъ увлечь за собой горнорабочихъ. Но и этимъ средствомъ бунтовщики не воспользовались. Крестьяне, собравшіеся возлѣ Франкенгаузена, были настолько наивны, что вступили въ переговоры съ Альберхтомъ Мансфельдскимъ. Этотъ пройдоха оттягивалъ переговоры со дня на день, пока войска князей не очутились подъ Франкенгаузеномъ.

Сначала Альбрехтъ назначилъ свиданіе съ крестьянами на 12 мая. Но онъ не явился, отговариваясь важными дѣлами, и вызвалъ крестьянъ на слѣдующее воскресенье, 14 мая. «Между тѣмъ Богъ, — разсказываетъ Лютеръ, — послалъ Томаса Мюнцера изъ Мюльгаузена въ Франкенгаузенъ» [2]). Мюнцеръ тот-

[1]) Второе изданіе, которымъ мы пользовались, носитъ заглавіе „Sächsische Chronica“ (Франкфуртъ-на-Майнѣ, 1535 г.), фактически же это не болѣе, какъ мансфельдская хроника.

[2]) Ужасная исторія и судъ Божій надъ Томасомъ Мюнцеромъ. Лютеръ, соч. XIX, стр. 288.

часъ же заставилъ крестьянъ прервать переговоры съ графомъ, понявъ его намѣренія, и употребилъ всѣ усилія, чтобы вызвать сраженіе между нимъ и крестьянами до прихода князей. Мы разсматриваемъ какъ вызовъ безпримѣрно грубыя письма, которыя онъ писалъ тогда графу Мансфельдскому, письма эти понятны именно только какъ вызовъ. Циммерманъ считаетъ ихъ продуктомъ отчаянія Мюнцера, старавшагося обмануть самого себя, продуктомъ безумія. Однако, распоряженія Мюнцера указываютъ, что разсудокъ его оставался совершенно яснымъ.

Альбрехту онъ писалъ: «Страхъ и трепетъ да охватятъ всякаго, кто дѣлаетъ зло (Римл. 2, 9); мнѣ жаль, что ты такъ сильно злоупотребляешь посланіемъ Павла. Ты хочешь оправдать этимъ злодѣйство властей. подобно тому, какъ папа превратилъ Петра и Павла въ палачей. Развѣ ты думаешь, что Богъ не можетъ поднять свой неразумный народъ, дабы «свергнуть во гнѣвѣ тирана» (Іосія 13, 8)? Не о тебѣ ли и тебѣ подобныхъ мать Іисуса Христа говорила пророчествуя отъ Духа святого: «онъ свергнулъ могучихъ съ престола и возвысилъ низкихъ, презираемыхъ тобою».

«Развѣ твоя лютеранская и виттенбергская размазня не научила тебя, о чемъ пророчествуетъ Езекіиль въ 37 гл.? Не раскусилъ ты развѣ, водя компанію съ Мартиномъ, что тотъ же самый пророкъ говоритъ въ 39 главѣ, что Богъ требуетъ отъ всѣхъ птицъ поднебесныхъ, чтобы онѣ клевали мясо князей, и отъ всѣхъ неразумныхъ звѣрей, чтобы они пили кровь богачей, какъ сказано въ Апокалипсисѣ 18 и 19. Неужели ты думаешь, что вы, тираны, ближе къ Богу, чѣмъ Его народъ? Ты хочешь, прикрываясь именемъ Христа, быть язычникомъ и прятаться за Павла. Но знай, что тебя поймутъ, и сообразуйся съ этимъ.

«Если ты хочешь признать (Даніилъ, 7), что Богъ далъ власть народу, если ты явишься предъ нами и измѣнишь свои убѣжденія, то мы охотно примемъ тебя и будемъ считать тебя наравнѣ со всѣми прочими братьями. Если же нѣтъ, — такъ мы не посмотримъ на твою глупую, кривую рожу и будемъ бороться противъ тебя, какъ противъ злѣйшаго врага христіанской вѣры. Прими это къ свѣдѣнію и руководству.

«Писано въ Франкенгаузенѣ, въ пятницу, 12 мая 1525 года.

Томасъ Мюнцеръ съ мечемъ Гедеона».

Еще гораздо болѣе «грубое и дерзкое письмо», какъ выражается Штробель (стр. 99), Мюнцеръ написалъ въ тотъ же день графу Эрнсту Мансфельдскому, занимавшему въ это время крѣпость Гельдрунгенъ. вблизи Франкенгаузена. Этотъ крѣпкій опорный пунктъ Мансфельда предполагалось взять прежде всего. Мюнцеръ пишетъ графу: «Несчастный... ты долженъ покаяться и сдѣлать это, какъ сказано въ первомъ посланіи Петра, 3. Ты, ручаюсь тебѣ, можешь безопасно явиться къ намъ, чтобы высказать свое убѣжденіе. Это обѣщано тебѣ на собраніи всей общины; ты долженъ извиниться въ своемъ явномъ злодѣйствѣ и указать, кто довелъ тебя до того, что ты, въ ущербъ всѣмъ христіанамъ, прикрываясь христіанскимъ именемъ, хочешь быть такимъ язычникомъ-злодѣемъ. Если ты не явишься и не исполнишь возложеннаго на тебя, то я буду кричать на весь міръ, что всѣ братья могутъ съ спокойнымъ сердцемъ итти на борьбу. Тогда тебя станутъ преслѣдовать и уничтожать. Если ты не смиришься предъ малыми сими, то я скажу тебѣ: вѣчный живой Богъ повелѣлъ свергнуть тебя съ престола данною намъ властію, ибо ты не принесешь пользы

христіанству. Ты вредное орудіе противъ друзей Божьихъ. О тебѣ и о тебѣ подобныхъ Богъ сказалъ, что гнѣздо твое должно быть вырвано и уничтожено. Мы требуемъ отвѣта еще сегодня. Если ты его не дашь, мы нападемъ на тебя во имя Бога брани. Мы немедленно сдѣлаемъ то, что повелѣлъ намъ Богъ, дѣлай же и ты все, что можешь. Я кончаю».

Графы Мансфельдскіе не поддались однако на вызовъ Мюнцера; Мюнцеръ же чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а быть можетъ и крестьяне не желали этого.

Скоро сдѣлалось уже слишкомъ поздно переходить въ наступленіе. 12 мая Мюнцеръ пришелъ въ Франкенгаузенъ, 14 туда явились герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій и ландграфъ Филиппъ Гессенскій; 15 же прибылъ герцогъ Георгъ Саксонскій со своимъ войскомъ.

Теперь судьба бунтовщиковъ, собравшихся возлѣ Франкенгаузена, была рѣшена, а вмѣстѣ съ нею и исходъ тюрингенскаго возстанія. На одной сторонѣ было 8 тысячъ недисциплинированныхъ, плохо вооруженныхъ крестьянъ, почти не имѣющихъ артиллеріи; на другой же сторонѣ было приблизительно столько же хорошо вооруженныхъ и обученныхъ воиновъ съ многочисленной артиллеріей.

Битва при Франкенгаузенѣ описывается обыкновенно по разсказу Меланхтона. По его словамъ сначала якобы Мюнцеръ держалъ прекрасную рѣчь къ крестьянамъ, потомъ ландграфъ Гессенскій сказалъ еще болѣе прекрасную рѣчь своему войску, которое перешло затѣмъ къ наступленію... А эти бѣдные люди стояли и пѣли: «Нынѣ мы просимъ св. Духа...» словно помѣшанные, и не дѣлали попытки ни бѣжать, ни защищаться. Многіе утѣшались также великимъ обѣщаніемъ Томаса, что Богъ окажетъ имъ съ небесъ помощь, ибо Томасъ сказалъ имъ, что онъ уловитъ всѣ пули врага въ свой рукавъ». Когда чудо не совершилось, а, напротивъ, солдаты ожесточенно набросились на нихъ, обманутые крестьяне обратились въ бѣгство и были избиты массами. Удивительная битва!

Неужели же Мюнцеръ и крестьяне, дѣйствительно, были такими, единственными въ своемъ родѣ, дураками?

Разсмотримъ прежде всего рѣчи. Рѣчь Мюнцера совсѣмъ не въ его стилѣ. Въ ней много совершенно не свойственнаго ему пафоса. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи рѣчь ландграфа кажется еще болѣе странною. Это просто отвѣтъ на рѣчь Мюнцера, какъ будто ландграфъ слышалъ послѣднюю и возражалъ по пунктамъ на выставленныя ею обвиненія. Сравнимъ, напр.,

Мюнцеръ:	Ландграфъ:
«Но что дѣлаютъ наши князья? Они не заботятся объ управленіи, не выслушиваютъ бѣдныхъ людей, не судятъ, не охраняютъ дорогъ, не препятствуютъ убійствамъ и грабежу, не наказываютъ преступленій и произвола»... и т. д.	«Ибо ложь и вымыселъ, что мы не заботимся о спокойствіи страны, не заботимся о судахъ, не препятствуемъ убійствамъ и грабежамъ. Мы, по мѣрѣ своихъ силъ, стараемся мирно управлять»... И т. д.

Чѣмъ ближе мы разсматриваемъ эти рѣчи, тѣмъ яснѣе становится, что онѣ въ дѣйствительности не были сказаны, а придуманы ученымъ «шульмей-

стеромъ», по образцу рѣчей государственныхъ людей и полководцевъ, о которыхъ намъ повѣствуетъ Ѳукидидъ и Титъ Ливій. Это не болѣе, какъ риторическое упражненіе, написанное съ совершенно опредѣленной цѣлью. Лекціи ландграфа о нравственности и правѣ, о необходимости и полезности налоговъ и т. д., съ трогательнымъ заключеніемъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы обезпечить безопасность женамъ и дѣтямъ, — подобная рѣчь не могла произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія на безнравственныхъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ земли ландскнехтовъ. Но зато она должна была увеличить значеніе ландграфа въ глазахъ образованнаго мѣщанства, для котораго писалъ Меланхтонъ. Для послѣдняго, а не для солдатъ предназначалась эта рѣчь.

Съ другой стороны, рѣчь Мюнцера составлена именно такъ, чтобы выставить его въ смѣшномъ видѣ. Меланхтонъ заставляетъ его сказать въ концѣ рѣчи: «не поддавайтесь страху слабой плоти и смѣло наступайте на враговъ. Вы не должны бояться пушекъ, ибо увидите, какъ я буду ловить въ рукавъ всѣ ядра, которыя онѣ будутъ бросать въ насъ» и т. д.

Такихъ абсурдовъ по практическимъ вопросамъ Мюнцеръ никогда не говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ; его мистицизмъ заключался лишь въ убѣжденіи, что онъ имѣетъ непосредственныя сношенія съ Богомъ, и что его ученіе исходитъ отъ Духа Божія. Мюнцеръ никогда и нигдѣ не говорилъ, что онъ можетъ совершать чудеса. Мы поэтому, не колеблясь, назовемъ эту рѣчь наглой выдумкой Меланхтона.

Кромѣ того, эта выдумка и неудачна. Настолько неудачна, что уже сто лѣтъ тому назадъ, Штробель пришелъ къ убѣжденію, что не Мюнцеръ, «а навѣрное Меланхтонъ былъ авторомъ» рѣчи (стр. 112). Несмотря на это, и до сихъ поръ нѣкоторые авторы, напр. Янсенъ, пользуются ею для характеристики Мюнцера.

Циммерманъ также говоритъ въ одномъ примѣчаніи (II, стр. 435): «что эта рѣчь... есть дѣло рукъ Меланхтона,—вполнѣ ясно; въ ней нѣтъ и тѣни мюнцеровскаго пріема». Но Циммерманъ также, какъ и Штробель, предполагаетъ, что рѣчь, дѣйствительно, была сказана и только въ извращенномъ видѣ передана Меланхтономъ.

Намъ даже и это кажется невѣроятнымъ; для разговоровъ слишкомъ мало было времени, если сраженіе шло такъ, какъ описано въ сочиненіи: «Полезный діалогъ или разговоръ между мюнцеровскимъ фанатикомъ и набожнымъ евангеликомъ баварцемъ, касающійся наказанія, которое понесли возставшіе фанатики возлѣ Франкенгаузена». Виттенбергъ 1525. Тамъ фанатикъ говоритъ: «Ну скажите, развѣ это честно со стороны князей и господъ, что они обѣщали намъ три часа на размышленіе, а не дали даже и четверти часа: какъ только они переманили отъ насъ на свою сторону графа Штольбергскаго и нѣсколькихъ дворянъ, они тотчасъ же направили орудія и напали на насъ».

Это значитъ, что князья вели переговоры съ крестьянами, требовали ихъ подчиненія и дали три часа на размышленіе. Въ то же время они убѣдили дворянъ, находившихся въ крестьянскомъ войскѣ, перейти къ нимъ и тотчасъ же, задолго до назначеннаго срока, напали на не ожидавшихъ этого крестьянъ и принялись рѣзать ихъ.

Это было не особенно честно, и мы понимаемъ, почему Меланхтонъ ста-

рался выдумать другую версію. Но между тѣмъ, какъ послѣдняя совершенно безсмысленна, изложеніе дѣла въ діалогѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ образу дѣйствія, котораго князья въ то время, вообще, держались по отношенію къ крестьянамъ. Несмотря на свое превосходство въ силахъ, они все-таки прибѣгали къ измѣнѣ и вѣроломству, чтобы осилить крестьянъ. Это, а не безсмысленныя надежды послѣднихъ, что Мюнцеръ, дѣйствительно, будетъ ловить пули въ свои рукава, послужило причиной того, что на сторонѣ повстанцевъ было перебито огромное большинство: отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ изъ 8000! между тѣмъ княжеское войско понесло совсѣмъ незначительныя потери.

Послѣ побѣды войска вошли въ Франкенгаузенъ и, по свидѣтельству самого ландграфа Филиппа, «всѣ находившіеся въ городѣ мужчины были перебиты, а все имущество разграблено».

Мюнцеръ, съ частью разбитой толпы, бѣжалъ въ городъ и преслѣдуемый непріятельской конницей, бросился въ одинъ изъ первыхъ домовъ города. Здѣсь, чтобы не быть узнаннымъ, онъ повязалъ голову платкомъ и легъ въ постель, притворяясь больнымъ. Но хитрость его не удалась. Пришедшій въ этотъ домъ ландскнехтъ узналъ его по содержимому находившейся при немъ сумки. Его тотчасъ схватили и повели къ ландграфу Гессенскому и герцогу Георгу. «Когда его привели къ князьямъ, послѣдніе спросили его, зачѣмъ онъ вводилъ въ заблужденіе простой народъ? Онъ дерзко отвѣтилъ, что поступалъ хорошо, желая наказать князей». Меланхтонъ, который передаетъ намъ это, забываетъ здѣсь на минуту, что онъ всегда выставлялъ Мюнцера какъ величайшаго труса.

Князья немедленно велѣли подвергнуть его пыткѣ и наслаждались его мученіями. Потомъ они подарили его, какъ часть добычи, графу Эрнсту Мансфельдскому. Если его уже раньше «сильно пытали», то теперь, черезъ нѣсколько дней въ тюрьмѣ, въ Гельдрунгенѣ, «съ нимъ обошлись ужасно» (Циммерманъ).

Тогда изъ него вымучили тѣ признанія, протоколъ которыхъ мы уже нѣсколько разъ цитировали. Онъ ни отъ чего не отрекался и относительно своего тайнаго общества говорилъ лишь о такихъ вещахъ, которыя не могли никому вредить. Изъ членовъ этого общества, которыхъ онъ назвалъ, ни одинъ не былъ казненъ. Вѣроятно, онъ называлъ имена только тѣхъ, которые уже пали.

Сраженіе при Франкенгаузенѣ надломило силу тюрингенскаго возстанія. Князьямъ оставалась только кровавая месть, которую они и выполнили чрезвычайно добросовѣстно.

Мансфельдскихъ горнорабочихъ покамѣстъ оставили въ покоѣ. Князья были рады, что они не нарушали мира. Лишь въ слѣдующемъ году, разсказываетъ намъ Шпангенбергъ, «горнорабочихъ стали сильно донимать работой, на что они очень жаловались», но не только не получили облегченія, а, напротивъ, къ нимъ прислано было войско, которое «успокоило» ихъ. У нихъ отняли свободу слова и свободу собраній.

Еще болѣе пострадалъ Мюльгаузенъ, какъ бы за то, что въ рѣшительную минуту покинулъ дѣло возстанія. Изъ Франкенгаузена союзные князья немедленно отправились въ Мюльгаузенъ. Напрасно городъ обращался за помощью къ повстанцамъ Франконіи; франконцы поступили съ Мюльгаузеномъ такъ же, какъ этотъ послѣдній съ войскомъ подъ Франкенгаузеномъ. Среди недавно еще бунтовавшихъ мѣщанъ имперскаго города быстро распространился страхъ, когда 19 мая началась осада. Пфейферъ увидѣлъ, что дѣло потеряно, и 24 мая тайно ушелъ

изъ города съ 400 приверженцевъ, чтобы пробиться въ верхнюю Франконію. Но конница князей настигла его и взяла въ плѣнъ вмѣстѣ съ 92 приверженцами.

Мюльгаузенъ сдался 25 мая, получивъ письменное обѣщаніе помилованія. Послѣднее выразилось въ казни цѣлаго ряда гражданъ и въ разграбленіи города, терявшаго теперь свою независимость. Саксонскіе князья достигли результата, который они надѣялись получить отъ возстанія въ Мюльгаузенѣ, — они сдѣлались хозяевами города. Оба бунтовщика, которые помогли имъ въ этомъ дѣлѣ, были обезглавлены,— какъ Пфейферъ, такъ и Мюнцеръ, тоже приведенный въ Мюльгаузенъ.

Пфейферъ умеръ непокорнымъ и нераскаяннымъ. Объ этомъ лѣтописцы свидѣтельсвуютъ единогласно. Относительно же Мюнцера Меланхтонъ конечно утверждаетъ, что онъ «обнаружилъ большое малодушіе въ послѣднія свои минуты». Въ доказательство этого онъ разсказываетъ, что Мюнцеръ отъ страху не могъ проговорить ни слова, такъ что не въ состояніи былъ произнести символа вѣры, и Генриху Брауншвейгскому пришлось подсказывать ему слово за словомъ. Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ нашъ повѣствователь заставляетъ безмолвнаго отъ страха человѣка держать одну изъ тѣхъ прекрасныхъ рѣчей, которыя такъ любилъ классически и риторически образованный «шульмейстеръ».

Другіе лѣтописцы того времени ничего не говорятъ о малодушіи Мюнцера (сравн. Циммерманъ, II, стр. 444). Существуетъ только еще одно свидѣтельство, кромѣ совершенно не имѣющаго цѣны свидѣтельства Меланхтона, указывающее на уныніе Мюнцера въ послѣдніе дни его жизни: это его письмо къ городскому совѣту и общинѣ въ Мюльгаузенѣ, написанное 17 мая въ тюрьмѣ въ Гальдрунгенѣ. Въ немъ онъ убѣждаетъ ихъ не озлоблять властей, говоритъ, что смерть его заслужена и можетъ служить урокомъ для «неразумныхъ» (!); онъ проситъ далѣе не оставить его бѣдной жены, затѣмъ еще слѣдуетъ увѣщаніе не озлоблять властей желаніемъ улучшить свое положеніе, какъ они дѣлали это раньше, оставить возстаніе и просить князей о помилованіи.

Несомнѣнно, въ этомъ письмѣ обнаруживается малодушіе. Мы не можемъ согласиться съ Циммерманомъ, который толкуетъ его въ болѣе благопріятномъ смыслѣ.

Но, спрашивается, подлинное ли это письмо? Оно написано не рукою Мюнцера. Въ этомъ письмѣ сказано, что онъ диктовалъ его нѣкоему Кристофу Лау. Почему же Мюнцеръ диктуетъ его, почему не пишетъ самъ, и кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы оно дошло до Мюльгаузена? Не кто иной, какъ князья. Письмо написано 17, а 19 началась осада Мюльгаузена. Письмо должно было облегчить осаду, должно было вызвать упадокъ духа у осажденныхъ. Не напрашивается ли здѣсь предположеніе, что имя Мюнцера было употреблено князьями для одной изъ военныхъ хитростей, столь часто практиковавшихся въ ту эпоху?

Во всякомъ случаѣ письмо, писанное не рукою Мюнцера, въ высшей степени подозрительно и не можетъ служить подтвержденіемъ разсказа Меланхтона.

Такимъ образомъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что о концѣ Мюнцера ничего достовѣрно неизвѣстно, и разсказы о его малодушіи голословны.

Для нашего сужденія о Мюнцерѣ и его дѣлѣ, конечно, совершенно не важно, владѣлъ ли онъ своими нервами до послѣдняго момента или нѣтъ. Вопросъ интересенъ лишь потому, что характеризуетъ противниковъ Мюнцера.

Физическая храбрость, также какъ и физическая сила или красота, отнюдь не свидѣтельствуетъ о нравственномъ совершенствѣ обладателя этихъ качествъ. Но мы такъ уже созданы, что трусъ намъ несимпатиченъ за одно это качество, такъ же какъ многимъ несимпатичны некрасивые и слабые люди. Поэтому мы отлично понимаемъ стремленіе Меланхтона непосредственно послѣ борьбы унизить этого страшнаго противника его дѣла обвиненіемъ въ трусости.

Но это обвиненіе и понынѣ усердно повторяется, хотя для него нѣтъ никакой реальной почвы; иногда оно даже преувеличивается [1]).

И это отрадный признакъ. Сколько бы времени не прошло съ тѣхъ поръ, какъ Мюнцеръ пожертвовалъ жизнью для своего дѣла, это послѣднее — дѣло пролетаріата,—живо и стрэшно врагамъ, страшно еще больше, чѣмъ во времена Мюнцера. Клеветы, которыя и донынѣ еще попы и профессора единодушно распространяютъ о великомъ противникѣ княжеской и буржуазной реформаціи, были бы безцѣльны, если бы направлялись только противъ мертваго человѣка, а не противъ живого коммунистическаго движенія.

Но именно озлобленныя нападки, которымъ Мюнцеръ подвергался больше, чѣмъ всякій другой коммуннистъ и революціонеръ его времени (анабаптисты въ Мюнстерѣ появились позже), со стороны защитниковъ господствующихъ классовъ, начиная отъ Лютера и Меланхтона и до нашихъ дней, — именно эти нападки оказались наилучшимъ средствомъ сохранить въ народѣ память о немъ и неугасающую симпатію къ нему.

Въ народной памяти Мюнцеръ былъ и остался донынѣ самымъ блестящимъ воплощеніемъ революціоннаго, еретическаго коммунизма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Анабаптисты.

I. Анабаптисты передъ крестьянской войной.

Одинъ изъ центровъ коммунистическаго движенія въ эпоху германской реформаціи находился въ Саксоніи; другой такой же центръ существовалъ въ Швейцаріи, въ этомъ своеобразномъ конгломератѣ крестьянскихъ и городскихъ республикъ, сомкнувшихся вокругъ главной горной цѣпи Альпъ для совмѣстной защиты отъ общаго врага.

Уже въ концѣ XIII вѣка горные округа Швицъ, Ури и Унтервальденъ поднялись противъ эксплуатаціи и гнета землевладѣльцевъ, особенно духовныхъ, и усилившагося дома Габсбурговъ. Благодаря ихъ способности къ борьбѣ и не-

---

[1]) Болѣе всѣхъ, вѣроятно, отличился господинъ Зейдеманъ, который о поведеніи Мюнцера послѣ сраженія при Франкенгаузенѣ пишетъ: „онъ, быть-можетъ, одинъ изъ первыхъ бѣжалъ съ поля сраженія“. Это „быть-можетъ“ великолѣпно. Съ такою же достовѣрностью, конечно, можно было бы сказать: „быть-можетъ, одинъ изъ послѣднихъ“, ибо у насъ нѣтъ никакихъ указаній на то, въ какой именно моментъ сраженія Мюнцеръ бѣжалъ отъ наступающихъ враговъ. Надо однако сознаться, что нашъ литературный Базиліо былъ умѣренъ, употребивъ свое „быть-можетъ“; въ сущности, онъ могъ бы также написать „быть-можетъ, первый“.

доступности ихъ страны, борьба за свободу была успѣшна. Къ побѣдоноснымъ кантонамъ въ XIV вѣкѣ примкнули сосѣдніе города, угрожаемые возникающимъ абсолютизмомъ такъ же, какъ южно-германскіе рейнскіе города, которые вели тогда борьбу противъ подобнаго же врага. Но города швейцарскаго союза, благодаря союзу со старыми кантонами, достигли большаго успѣха, чѣмъ ихъ сѣверные товарищи на Рейнѣ. Въ борьбѣ Людвига Баварскаго противъ папства и Габсбурговъ швейцарцы были на сторонѣ Людвига. Католическая реакція при Карлѣ IV, отразившаяся такъ тяжело на нѣмецкихъ городахъ, не коснулась свободы членовъ швейцарскаго союза. Въ XV вѣкѣ они были уже настолько сильны, что могли перейти въ наступленіе, особенно противъ кровнаго врага своего—Габсбурговъ, и могли уже значительно расширить свои владѣнія завоеваніемъ или куплей.

Итакъ они сдѣлались совершенно независимыми отъ Германской имперіи и сумѣли также ограничить папскую эксплуатацію.

Это новое независимое государство не сдѣлалось однако въ то время государствомъ единымъ. Его скрѣпляло сознаніе, что каждая изъ составныхъ его частей сама по себѣ безсильна въ сравненіи съ гораздо болѣе ея могущественными князьями, но въ этомъ одномъ и заключалась, пожалуй, почти вся общность интересовъ между отдѣльными кантонами; въ то же время существовала рѣзкая противоположность интересовъ экономически-отсталыхъ, крестьянскихъ старыхъ кантоновъ и богатыхъ, экономически-развитыхъ городовъ.

Эта противоположность интересовъ рѣзко обнаружилась въ эпоху реформаціи; старые кантоны не были заинтересованы въ ней, ибо папская эксплуатація, вообще сильно ограниченная въ союзѣ, совсѣмъ почти не касалась этихъ бѣдныхъ округовъ. Зато они имѣли основательную причину быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ католическими государствами, съ Франціей, Миланомъ, Венеціей, съ папой, а также съ Габсбургами, ибо государства эти были главными потребителями единственнаго цѣннаго товара, который могли тогда вынести на рынокъ швейцарскіе крестьяне и мелкіе дворяне, а именно ихъ воинственныхъ сыновей. Такъ называемая «Reislaufen»—служба въ наемномъ войскѣ, являлась главнымъ источникомъ доходовъ сельскаго населенія Швейцаріи, особенно горныхъ кантоновъ. Примкнуть къ реформаціи значило бы разорвать сношенія съ католическими государствами, это же, въ свою очередь, означало прекращеніе богатыхъ источниковъ доходовъ. Поэтому добрые крестьяне крѣпко держались вѣры отцовъ.

Иначе обстояло дѣло въ городахъ; городское мѣщанство не было заинтересовано въ наемной службѣ въ чужихъ войскахъ. Она была ему, напротивъ, непріятна, такъ какъ усиливала могущество враждебнаго ему дворянства и увеличивала способность къ сопротивленію и самостоятельность низшихъ классовъ, которые это мѣщанство эксплуатировало. Ибо швейцарскіе наемники были большею частью не безродными пролетаріями, а сыновьями крестьянъ, возвращавшимися по окончаніи службы домой.

Зато города имѣли полное основаніе относиться враждебно къ католичеству. Хотя въ Швейцаріи папская эксплуатація была болѣе ограничена, чѣмъ въ Германіи, все-таки жадное папство въ богатыхъ городахъ гораздо больше цѣплялось за свои права, чѣмъ въ бѣдныхъ, горныхъ округахъ. Но столь же важнымъ, какъ антагонизмъ съ папствомъ, сдѣлался антагонизмъ съ католи-

ческими князьями, и прежде всего съ Габсбургами. Нѣмецкая реформація была возстаніемъ не только противъ папы, но и противъ императора, т.-е. противъ дома Габсбурговъ. Такъ на нее и смотрѣли въ Швейцаріи.

Правда, для старыхъ кантоновъ домъ Габсбурговъ давно уже пересталъ быть «кровнымъ врагомъ»; они были уже слишкомъ сильны, чтобы этотъ княжескій родъ могъ угрожать имъ, вражда же съ нимъ не могла принести никакой выгоды. Напротивъ, благодаря ей они потеряли бы плату своимъ наемникамъ и деньги, которыми ихъ подкупали. Совсѣмъ иное было отношеніе городовъ сѣверной Швейцаріи, находившихся на границѣ владѣній Габсбурговъ. Послѣдніе постоянно угрожали имъ, съ жадностью стремились овладѣть ими, и такимъ образомъ находились въ постоянной враждѣ съ ними. Больше всѣхъ заинтересованъ былъ въ борьбѣ съ Габсбургами Цюрихъ. Онъ сдѣлался піонеромъ реформаціи въ Швейцаріи, между тѣмъ какъ старые кантоны выступили на защиту католицизма: потомки Телля соединились для этой цѣли съ Габсбургомъ Фердинандомъ.

Какъ въ Германской имперіи, такъ и въ Швейцаріи реформаціонное движеніе вызвало движеніе коммунистическое. Но условія въ Швейцаріи были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ Саксоніи, и потому характеръ швейцарскаго коммунизма сильно отличался отъ саксонскаго.

Саксонскій коммунизмъ былъ моложе и находился подъ сильнымъ вліяніемъ таборитскихъ традицій, на Швейцарію же послѣднія оказали едва замѣтное вліяніе. Зато Швейцарія давно уже подвергалась вліянію вальденсовъ и беггардовъ, изъ которыхъ первые являлись изъ южной Франціи и сѣверной Италіи, а вторые выходили изъ Нидерландовъ и распространялись по теченію Рейна, чрезъ Кельнъ и Страсбургъ до Базеля.

Но въ то время, какъ табориты дѣйствовали насиліемъ, вальденсы всегда были склонны къ миролюбію. Уже одно это различіе должно было привести къ тому, что коммунисты въ Швейцаріи чувствовали, думали и дѣйствовали иначе, чѣмъ въ Саксоніи. Однако характеръ соціальнаго движенія въ какой-либо странѣ въ гораздо большей степени опредѣляется особенностями ея соціальныхъ и политическихъ условій, нежели внесенными извнѣ ученіями. Эти соціальныя и политическія условія въ Швейцаріи во многомъ очень сильно отличались отъ саксонскихъ. Въ Саксоніи развиты были главнымъ образомъ горные промыслы, въ особенности добываніе серебра. Промыслы эти способствовали возникновенію княжеской власти, но создали въ то же время, въ лицѣ горнорабочихъ, сильный, своевольный, скученный большими массами пролетаріатъ, способствовали развитію товарнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, усиливая въ то же время у землевладѣльцевъ жадность къ завладѣнію землею и до крайности обостряя всѣ соціальныя противорѣчія того времени.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ Швейцаріи. Тамъ не было горнаго промысла, не было поэтому и способнаго къ сопротивленію массоваго пролетаріата. Сельское хозяйство было въ большинствѣ еще очень первобытно, земельный коммунизмъ былъ еще очень силенъ, а абсолютизма не было и слѣда. Напротивъ, мы видимъ тамъ крестьянскія и городскія республики, крестьянскую и мѣщанскую демократію, которая пока еще слаба, подвергается опасности извнѣ и относится съ симпатіей къ коммунизму, ближайшіе враги котораго являются также и ея врагами.

Все это усиливало миролюбивыя тенденціи вальденсовъ и беггардовъ въ Швейцаріи. Но благодаря тѣмъ же условіямъ движеніе было не настолько пролетарскимъ, какъ въ Саксоніи, ибо классовыя противорѣчія не были еще обострены такъ, какъ въ послѣдней. Число коммунистовъ изъ высшихъ классовъ въ Саксоніи, въ эпоху мюнцерова движенія, было очень незначительно. Это было, вѣроятно, одной изъ причинъ того, что Мюнцеръ такъ выдѣлялся изъ безымянной массы, вынесшей его впередъ и сдѣлавшей его ужаснымъ, но не давшей никакихъ бойцовъ, которые были бы въ состояніи закрѣпить свою личность и воспоминаніе о ней въ литературѣ.

Среди швейцарскихъ и другихъ, находившихся подъ ихъ вліяніемъ, коммунистовъ, дѣло обстояло совсѣмъ иначе; между ними была масса людей образованныхъ, съ выдающимся соціальнымъ положеніемъ. Здѣсь вниманіе наше не останавливается на комъ-либо одномъ, напротивъ, можно потеряться предъ массой интересныхъ характеровъ, которые намъ здѣсь встрѣчаются. Швейцарское движеніе было слабѣе, и его историческое значеніе меньше, чѣмъ значеніе саксонскаго движенія, но въ литературномъ отношеніи оно интереснѣе и въ смыслѣ интеллектуальномъ стоитъ выше.

Вотъ все, что мы считаемъ нужнымъ сказать для общей характеристики движенія.

Въ XIV и XV вѣкахъ мы встрѣчаемъ въ Швейцаріи многочисленные слѣды вальденсовъ и беггардовъ, — слѣды кровавые, — казни послѣдователей этихъ сектъ. Это были большею частью люди изъ низшихъ классовъ: ремесленники, крестьяне, пролетаріи, проповѣдывавшіе коммунизмъ на тайныхъ собраніяхъ, какъ тайное ученіе. Рядомъ съ этимъ пролетарскимъ движеніемъ въ началѣ XVI вѣка возникло, очевидно, нѣчто въ родѣ коммунизма «салоннаго» въ гуманистическихъ кружкахъ.

Въ то время какъ Цюрихъ игралъ для Швейцаріи роль Виттенберга, Базель сыгралъ для нея ту же роль, какую сыгралъ для Саксоніи Эрфуртъ; онъ сдѣлался въ Швейцаріи главнымъ очагомъ гуманизма. Въ Базелѣ составился цѣлый кружокъ свободомыслящихъ ученыхъ и художниковъ, центромъ котораго съ 1513 года былъ Эразмъ Роттердамскій, закадычный другъ Томаса Мора и самый знаменитый изъ гуманистовъ сѣвера. Съ временными перерывами, когда онъ путешествовалъ въ Нидерланды, особенно въ Льежъ и другіе города, онъ жилъ въ Базелѣ до самой смерти (1536 г.). Въ этомъ кружкѣ обсуждались разнообразнѣйшія новыя идеи, вѣроятно также идеи появившихся позднѣе анабаптистовъ. На это указываетъ между прочимъ письмо Эколампадіуса, базельскаго ученаго, съ которымъ мы уже знакомы. Въ 1524 году онъ, во время пребыванія Мюнцера на швейцарской границѣ, вошелъ съ послѣднимъ въ сношенія и предложилъ ему проповѣдывать народу. Впослѣдствіи, правда, осторожный профессоръ отрицалъ всякія подобныя сношенія съ Мюнцеромъ; онъ, якобы, едва былъ знакомъ съ нимъ и узналъ его имя только будучи приглашенъ къ нему. Но Эколампадіусъ имѣлъ также сношенія и съ другими опасными людьми, такъ напр., съ магистромъ Гансомъ Денкомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи однимъ изъ наиболѣе выдающихся теоретиковъ анабаптизма. Эколампадіусъ, лекціи котораго Денкъ слушалъ, доставилъ ему въ 1523 году мѣсто ректора въ школѣ Зебальда, въ Нюрнбергѣ. Но взгляды Денка вызвали тамъ неудовольствіе. У него произошло столкновеніе съ властями, и онъ долженъ былъ,

какъ мы увидимъ ниже, оставить Нюрнбергъ. Эколампадіуса обвиняли въ томъ, что онъ поддерживалъ взгляды Денка. Противъ этого обвиненія базельскій ученый защищался въ письмѣ къ Нюрнбергскому патрицію Вилибальду Пиркгеймеру, написанномъ 25 апрѣля 1525 года. «Денкъ не отъ меня воспринялъ ядъ, если онъ вообще воспринялъ его отъ кого-нибудь... но лѣтъ 10 назадъ (т.-е. въ 1515 году) по слухамъ, нѣкоторые, весьма ученые люди въ тѣсномъ кружкѣ говорили объ этомъ (о ереси, которую исповѣдывалъ Денкъ); отъ нихъ онъ, можетъ быть, и узналъ ее» [1]).

Между «учеными людьми» собиравшимися тогда въ Базелѣ, мы находимъ многихъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи главарями анабаптистовъ: въ 1521 и 1522 годахъ сынъ цюрихскаго патриція Конрадъ Гребель былъ тамъ уже «необыкновеннымъ знатокомъ Евангелія». Тамъ часто бывалъ докторъ Балтазаръ Губмейеръ изъ Вальдсгута; затѣмъ къ этому кружку принадлежали еще: швабъ Вильгельмъ Рейблинъ, священникъ св. Альбана въ Базелѣ, Ульрихъ Гугвальдъ, базельскій профессоръ, который, какъ мы видѣли выше, вмѣстѣ съ Эколампадіусомъ предлагалъ Мюнцеру агитировать. Тамъ же мы находимъ Людвига Гецера, книготорговца Андрея на Штюльценѣ, Симона Штумпфа и другихъ. Всѣ они сдѣлались впослѣдствіи агитаторами анабаптистовъ.

Въ приводимомъ Келлеромъ длинномъ спискѣ, изъ котораго мы беремъ эти имена, намъ еще кажутся достойными вниманія нидерландецъ Роде, работавшій впослѣдствіи на сѣверѣ и привлекшій на сторону анабаптистовъ Юргена Вуленвебера, и рыцарь Де-Коктъ, представитель южно-французскихъ «братьевъ». Базельцы находились въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ какъ съ югомъ, такъ и съ сѣверомъ.

Кромѣ этихъ указаній, заимствованныхъ нами у Келлера, мы приведемъ еще тотъ фактъ, что коммунистическая утопія Томаса Мора, о которой мы еще будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, именно въ Базелѣ больше всего обратила на себя вниманія.

Первое изданіе написанной по-латыни «Утопіи» появилось въ 1516 г. въ Льежѣ, подъ наблюденіемъ друга Мора, Эразма, находившагося въ томъ году какъ разъ въ Льежѣ. Въ 1518 году понадобилось второе изданіе, и оно появилось въ Базелѣ, у знаменитаго типографа Фробена. Изъ письма Беатуса Ренануса къ Пиркгеймеру [2]) видно, какъ усердно обсуждалась тогда въ Базелѣ «Утопія».

Въ 1524 году появился первый нѣмецкій переводъ, и вообще первый переводъ «Утопіи», также въ Базелѣ, изданный Клавдіемъ Канціункуля [3]).

Было бы весьма важно доказать гипотезу Келлера, которую онъ излагаетъ въ своей, уже много разъ цитированной книгѣ: «Die Reformation und die älteren Reformparteien», а именно, что въ Базелѣ типографы были главными носителями вальденскихъ и беггардскихъ традицій и передали ихъ ученымъ.

Именно въ началѣ XVI вѣка Базель сдѣлался важнѣйшимъ центромъ типографскаго дѣла для всей области, гдѣ употреблялся нѣмецкій языкъ. На-

---

[1]) Цитировано у Келлера „Die Reformation“, 330.

[2]) Оно приведено въ моей книгѣ: „Thomas More und seine Utopie“, Штутгартъ, 1888 г., стр. 265.

[3]) Въ концѣ книги стоитъ: „напечатана въ Базелѣ Іоанномъ Бебеліемъ въ MDXXIV году“. (l. c., стр. 256).

ряду со всемірно-извѣстнымъ заведеніемъ Фробена, котораго мы уже называли, тамъ возникли типографіи Амандера, Петри, Генгенбаха, Кратандера, Капито и пр. Типографы въ Базелѣ играли выдающуюся роль; они находились въ самомъ тѣсномъ общеніи съ художниками и учеными этого города. Келлеръ указываетъ на слова Лорка (въ сочиненіи послѣдняго «Handbuch der Geschichte der Buchdruckerkunst»): «Рѣдко наука, искусство и техника дѣйствовали такъ дружно въ одномъ направленіи». Но Келлеръ отыскалъ также цѣлый рядъ сношеній типографовъ, особенно базельскихъ, съ вальденсами и беггардами. Особенно достойно вниманія то обстоятельство, что всѣ нѣмецкіе переводы библіи, появившіеся въ печати раньше перевода Лютера, одинаковы. Всѣ они сходны съ нѣмецкимъ переводомъ XIV вѣка, и Келлеръ убѣдительно доказываетъ, что этотъ переводъ сдѣланъ вальденсами. Тотъ же переводъ употреблялся у анабаптистовъ и ихъ преемниковъ меннонитовъ (по существу это была всегда одна и та же библія; различіе существовало лишь въ нарѣчіи).

Фактъ, что типографы воспроизводили всегда исключительно вальденскій переводъ, дѣйствительно даетъ основаніе предполагать, что вальденскія традиціи были очень распространены и очень жизненны среди нихъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Правда, коммунистическихъ симпатій, на которыя указываетъ склонность типографовъ къ вальденсамъ, мы не можемъ объяснить особеннымъ положеніемъ ихъ класса. Типографы, стоящіе такъ близко къ художникамъ и ученымъ, вербовавшіеся отчасти изъ ихъ среды, еще болѣе, чѣмъ обыкновенные ремесленники, являлись привилегированнымъ классомъ, не заинтересованнымъ во всеобщемъ уравненіи. Въ крайнемъ случаѣ можно бы сказать, что типографы, въ качествѣ интеллигентныхъ наемныхъ рабочихъ, т.-е. людей эксплуатируемыхъ, скорѣе могли выставлять коммунистическіе идеалы, чѣмъ другіе образованные классы того времени: духовенство, профессора и юристы, спеціальная дѣятельность и интересы которыхъ были гораздо тѣснѣе связаны съ сохраненіемъ существующихъ классовыхъ различій. Но коммунистическія симпатіи типографовъ объясняются гораздо проще, если пойти обратнымъ путемъ: легче найти мостъ отъ коммунизма къ печатному дѣлу, чѣмъ отъ послѣдняго къ первому.

Мы раньше уже часто имѣли случай указывать, насколько коммунисты интересовались хорошимъ народнымъ образованіемъ. Интересъ этотъ можно прослѣдить, начиная отъ вальденсовъ. Онъ повелъ къ тому, что коммунисты ревностно ухватилась за новое средство воспроизводить въ массовыхъ количествахъ писаніе и распространять его въ народѣ.

Мы знаемъ, что «братья совмѣстной жизни» занимались, главнымъ образомъ, перепиской и распространеніемъ книгъ. Когда появилось книгопечатаніе, они были въ числѣ первыхъ занявшихся имъ и основавшихъ типографіи; первая типографія была основана въ Маріенталѣ возлѣ Гейзенгейма въ Рейнскомъ округѣ (чуть ли не въ 1468 году, но во всякомъ случаѣ раньше 1474). За нею вскорѣ послѣдовали многія другія. Одинъ изъ первыхъ выдающихся парижскихъ типографовъ, Іодокусъ Бадіусъ Асцензіусъ, былъ ученикомъ братской школы [1]).

Мы уже упоминали о томъ, какъ усердно занимались книгопечатаніемъ богемскіе братья (стр. 206).

---

[1]) Ульманъ, „Reformatoren vor der Reformation“, II, стр. 189.

Мюнцеръ въ годы своихъ странствованій, повидимому также «примкнулъ къ типографамъ въ качествѣ ученаго помощника» (Зейдеманъ). Въ Альштэтѣ онъ содержалъ собственнаго типографа, и среди нюрнбергскихъ типографскихъ подмастерій у него были послѣдователи.

Упомянутый выше анабаптисъ Гансъ Денкъ съ особеннымъ удовольствіемъ работалъ въ типографіяхъ, сначала въ Базелѣ, въ заведеніи Кратандера, а потомъ въ заведеніи Куріо. Въ 1525 году, послѣ изгнанія изъ Нюрнберга, онъ работалъ въ Санъ-Галленѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что коммунисты очень интересовались типографскимъ дѣломъ и доставляли ему массу работниковъ; однако мы не рѣшаемся сказать объ этомъ что-нибудь болѣе опредѣленное.

Вполнѣ освѣтить мракъ неизвѣстности, окружающій возникновеніе секты анабаптистовъ или вѣрнѣе ея связь съ прежними коммунистическими сектами, до сихъ поръ все еще невозможно. Новая секта явно обнаружилась лишь въ Цюрихѣ въ эпоху реформаціи Цвингли.

Лютеранская реформація началась борьбою противъ одного изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ перетаскивать деньги изъ Германіи въ Италію, борьбою противъ индульгенцій. Цвингли же началъ свою реформаціонную дѣятельность (сначала, съ 1506 по 1516 годъ онъ былъ священникомъ въ Гларусѣ, съ 1516 по 1519 священниковъ въ Эйнзидельнѣ, а затѣмъ въ Цюрихѣ), борьбою со средствомъ, помогавшимъ переводить папскія деньги въ Швейцарію, т.-е съ наемничествомъ. Лютеръ выступилъ въ качествѣ богослова, Цвингли въ качествѣ политика. Первыя его нападки были направлены не противъ католическихъ догматовъ, но противъ сосѣднихъ крупныхъ католическихъ династій, Валуа и Габсбурговъ; еще въ 1519 году Цвингли былъ на такомъ хорошемъ счету у куріи, что когда онъ заболѣлъ чумою, папскій легатъ поспѣшно послалъ къ нему своего лейбъ-медика. Лишь когда волны германской реформаціи достигли Швейцаріи и привели ее въ движеніе, лишь тогда борьба съ католическими державами превратилась въ борьбу съ католицизмомъ (1522 г.). Но разъ ступивъ на этотъ путь, цюрихцы быстро и безъ особенныхъ затрудненій продолжали идти по немъ.

«Лишь въ 1523 г. — говоритъ Вегелинъ—вдругъ происходитъ церковная реформація. Цвингли безъ особенной подготовки развилъ въ заключительныхъ рѣчахъ перваго, происходившаго въ январѣ 1523 года въ Цюрихѣ диспута, полную программу всей своей реформы. Въ этомъ онъ былъ совсѣмъ не похожъ на Лютера, который въ своихъ 95 знаменитыхъ тезисахъ въ сущности только повторяетъ 95 разъ одно и то же, т.-е. оправданіе посредствомъ вѣры, ибо онъ и заботился-то единственно объ этомъ. Лютеръ пришелъ къ реформѣ шагъ за шагомъ, его толкало къ ней противодѣйствіе католической іерархіи, а въ ясномъ умѣ Цвингли все зданіе реформаціи вырисовалось уже въ 1523 году и было изложено имъ въ 65 «заключительныхъ рѣчахъ» (тезисахъ), которыя если не по внѣшнему дѣйствію, то по научному значенію далеко превосходятъ лютеровы тезисы.

«Слѣдующіе три года представляютъ цѣлый рядъ тріумфовъ: одинъ за другимъ быстро слѣдуютъ разрывы съ церковными властями, сначала съ Констанцемъ, а затѣмъ и съ Римомъ, упраздненіе монастырей, духовенства, обмір-

щеніе всей церковной власти, упраздненіе иконъ [1]) и обѣдни. Все это составляетъ одно связное, замкнутое цѣлое, и можно сказать, что въ 1525 г. реформація въ Цюрихѣ была блестяще закончена какъ въ городѣ, такъ и во всемъ кантонѣ» [2]).

Но хотя Цвингли и превосходитъ Лютера по ясности и послѣдовательности, все-таки въ одномъ отношеніи цвингліанское реформаціонное движеніе шло тѣмъ же путемъ, что и лютеранское. Какъ послѣднее, такъ и первое сначала основывалось на совмѣстной дѣятельности всѣхъ недовольныхъ церковію классовъ. Но въ первомъ, какъ и въ послѣднемъ, послѣ совмѣстной борьбы, начался расколъ. Каждое изъ объединившихся направленій или классовъ старалось использовать побѣду въ своихъ интересахъ. Вождь движенія, реформаторъ, который до тѣхъ поръ поддерживался всѣми этими партіями, долженъ былъ принять сторону одной изъ нихъ, долженъ былъ обратиться противъ части своихъ прежнихъ помощниковъ. Это особенность всѣхъ революціонныхъ движеній, возникшихъ путемъ совмѣстнаго дѣйствія различныхъ классовъ съ противоположными интересами. Виклефа постигла въ этомъ случаѣ та же участь, что и Лютера, а Гусу пришлось бы испытать то же самое, если бы онъ дожилъ до возникновенія секты таборитовъ. Лютеръ отличался только быстротою, съ которою въ немъ совершился переворотъ, недостаткомъ фактическихъ мотивовъ для послѣдняго и озлобленіемъ, съ какимъ онъ нападалъ на своихъ вчерашнихъ «милыхъ братьевъ».

Когда въ Цюрихѣ произошелъ конфликтъ съ господствующей церковью, тамошніе коммунисты-сектанты не считали болѣе нужнымъ сохранять свою тайну. Уже весной 1522 года власти замѣтили, что въ Цюрихѣ существуетъ школа еретиковъ, организація, въ которой работаетъ въ качествѣ учителя книгопродавецъ Андрей на Штюльценѣ, прежде принадлежавшій къ базельскому кружку. Между членами ея мы находимъ цюрихскаго гражданина Клауса Готтингера, ткача Лоренца Гохрютинера, булочника Генриха Аберли и портного Ганса Окенфуса, все это впослѣдствіи анабаптисты. Въ 1522 г. общество еще не подвергалось преслѣдованіямъ; напротивъ, мы видимъ Готтингера и его товарищей въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Цвингли.

---

[1]) При этомъ въ Цюрихѣ, а позднѣе и въ Базелѣ были уничтожены многія произведенія искусства. Вандализмъ, приписываемый въ настоящее время соціалъ-демократамъ, практиковался тогда часто буржуазными реформаторами, не вызывая порицанія даже со стороны Эразма. Его это напротивъ забавляло. Когда базельцы сожгли свои иконы на двѣнадцати большихъ кострахъ, Эразмъ писалъ Пиркгеймеру, что удивляется, какъ святые перенесли это безропотно.

Янсенъ, съ возмущеніемъ указываетъ на то, какъ выгодно было уничтоженіе иконъ для гражданскихъ властей: „въ сокровищницѣ одной только церкви (большого собора), которою завладѣлъ 2 октября 1525 года городской совѣтъ (Цюриха), находились между прочимъ 4 серебряныхъ бюста мучениковъ Цюриха, 4 драгоцѣнныхъ креста, 4 тяжелыя богатѣйшія дароносицы, изображеніе Маріи изъ чистаго золота, вѣсившее 60 фунтовъ и т. д.“. „Золотыя, художественныя изображенія вѣсили болѣе центнера, серебряныя—нѣсколько центнеровъ. Всѣ они были разбиты и переплавлены въ монету“. (Geschichte des deutschen Volkes III, стр. 82, 83). Въ своемъ негодованіи Янсенъ совсѣмъ не замѣчаетъ, какъ хорошо онъ иллюстрируетъ эксплуатацію, дававшую католической церкви возможность накоплять такія сокровища, кромѣ не малой массы того, что она потребляла.

[2]) Сал. Вегелинъ, „Ulrich Zwingli“ рѣчь, сказанная въ 1884 году на юбилеѣ Цвингли. Цюрихъ, 1884 г. стр. 3 и 4.

Осенью 1522 года Конрадъ Гребель вернулся изъ Базеля въ Цюрихъ и немедленно примкнулъ къ «школѣ еретиковъ». Происходя изъ богатой и независимой семьи, онъ учился въ Вѣнѣ и Парижѣ, пріобрѣлъ себѣ славу ученаго, но сильно повредилъ здоровье разгульной студенческой жизнью. Вслѣдствіе этого у него произошелъ разладъ съ родителями, который еще усилился благодаря тайному браку, заключенному имъ противъ ихъ воли. Его матеріальное положеніе сильно страдало отъ этого.

Вернувшись въ Цюрихъ, Гребель съ энтузіазмомъ примкнулъ къ церковному движенію, сдѣлался однимъ изъ «братьевъ», но остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Цвингли.

За нимъ послѣдовали многіе товарищи изъ базельскаго кружка, такъ какъ имъ казалось, что въ Цюрихѣ открывается болѣе широкое поле дѣятельности. Вильгельмъ Рейблинъ оставилъ свой приходъ въ Базелѣ и получилъ таковой же въ Витиконѣ; Симонъ Штумпфъ сдѣлался священникомъ въ Гёнгѣ, возлѣ Цюриха. Въ 1523 году мы находимъ въ Цюрихѣ также Людвига Гетцера, молодого ученаго священника изъ Тургау, также жившаго прежде въ Базелѣ.

Къ пришедшимъ извнѣ присоединились многочисленные прозелиты изъ самаго города. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ Феликсъ Манцъ, получившій филологическое образованіе и вскорѣ, наряду съ Гребелемъ, ставшій въ первыхъ рядахъ «спиритуаловъ», какъ называли себя сначала цюрихскіе «братья». Собранія общины происходили обыкновенно у матери Феликса.

Община росла и стала сознавать свою силу; Цвингли заигрывалъ съ нею. Теперь уже надо было толкать ее впередъ по пути соціальныхъ реформъ. Изъ-за этого дѣло дошло до конфликта, который обострялся все болѣе и болѣе. Братья требовали уничтоженія церковныхъ налоговъ и десятины; Цвингли не разъ выражалъ свое согласіе съ ними въ этомъ вопросѣ, но теперь онъ испугался своихъ союзниковъ; 22 іюня 1523 года великій совѣтъ опредѣленно высказался противъ уничтоженія церковной десятины, и реформаторъ понялъ этотъ намекъ. Спустя три дня онъ прочелъ въ соборѣ проповѣдь, въ которой становился на точку зрѣнія совѣта. Этимъ онъ уже показалъ, что не желаетъ итти дальше объ руку съ братьями.

Однако послѣдніе не считали борьбу оконченною и предложили Цвингли организовать церковь независимо отъ государства. Отвѣтомъ на это осенью явилось учрежденіе государственной церкви, благодаря чему рѣшеніе всѣхъ церковныхъ вопросовъ было передано великому совѣту, т.-е. господствующимъ классамъ.

Вегелинъ пишетъ объ этомъ: «Цвингли въ полномъ согласіи со свѣтскими властями создалъ государственную церковь, стѣсняющую слободу религіи еще гораздо сильнѣе, чѣмъ это было при католическомъ режимѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ XVI вѣка можно было вѣрить и не вѣрить во что угодно, надо было только согласиться кой-какъ подчиняться католическимъ обрядамъ и платить священникамъ пошлины; тогда никто не спрашивалъ о внутреннемъ убѣжденіи. Реформированная церковь выставила противоположный, не столько безнравственный, сколько неразумный принципъ: ты въ душѣ долженъ быть моихъ убѣжденій» [1]).

[1]) L. c. стр. 8.

Это установленіе было пощечиной для «спиритуаловъ». Они начали борьбу противъ папской церкви не для того, чтобы сдѣлать изъ нея безвольное орудіе власти въ рукахъ имущихъ классовъ. Борьба между ними и Цвингли сдѣлалась теперь ожесточенной; но между тѣмъ какъ «спиритуалы» боролись только словомъ, Цвингли имѣлъ въ своемъ распоряженіи всю государственную власть и усердно пользовался ею. Уже въ концѣ 1523 года дѣло дошло до арестовъ и высылокъ братьевъ. Такъ, напр., въ декабрѣ этого года былъ высланъ Симонъ Штумпфъ.

Преслѣдованія эти не испугали братьевъ, они только усилили ихъ ревность и увеличили сплоченность. Секта быстро распространялась въ городѣ и въ деревняхъ. Изгнанники распространили ученіе въ сосѣдніе кантоны, гдѣ оно скоро привилось. Но въ то же время братья стали рѣзче отдѣляться отъ прочей массы населенія. Ихъ главною особенностью являлось отрицаніе крещенія дѣтей.

Въ такомъ положеніи засталъ ихъ 1525 годъ.

II. Ученіе анабаптистовъ.

Въ 1525 году теоретики анабаптизма еще не высказывались, ихъ разсужденія касались главнымъ образомъ богословскаго обоснованія и развитія ихъ ученія. Послѣднее въ главныхъ чертахъ уже съ достаточной ясностью проявилось въ началѣ крестьянской войны [1]). Намъ кажется, что удобнѣе всего изложить это ученіе здѣсь, прежде чѣмъ приступать къ разсказу о судьбѣ секты.

Изслѣдователю ученія анабаптистовъ прежде всего бросается въ глаза сильное различіе во мнѣніяхъ между ними. Себастіанъ Франкъ, хорошо знавшій и понимавшій ихъ, симпатизируетъ имъ во многомъ, хотя и относится къ нимъ скептически и со страхомъ. Онъ разсказываетъ о нихъ въ своей хроникѣ, появившейся въ 1531 году; «хотя всѣ вообще секты имѣютъ внутреннія подраздѣленія, но баптисты особенно не согласны въ мнѣніяхъ между собою, такъ что я даже не могу сказать о нихъ ничего точнаго и опредѣленнаго» [2]).

[1]) Городской совѣтъ назначилъ слѣдствіе надъ „еретической школой“, которую Андрей на Штюльценѣ содержалъ уже въ 1522 году въ Цюрихѣ. При допросѣ нѣкоторые изъ участниковъ собранія сказали, что Андрей „ссылался на проповѣдь самого Цвингли, когда поучалъ, что замужняя женщина, хвастающаяся своей набожностью, не лучше, чѣмъ презираемая имъ проститутка, если послѣдняя сознаетъ свой грѣхъ передъ Господомъ. Они говорили далѣе, что Штюльцеръ сравнивалъ скупость и отдачу доходовъ на откупъ, и вообще всякое накопленіе свѣтскими и духовными излишнихъ богатствъ „для того, чтобы какъ можно лучше и обильнѣе кормить и холить свои туши“,— все это онъ сравнивалъ съ воровствомъ, если послѣднее дѣлается изъ бѣдности. Штюльцеръ хоть и не требуетъ, чтобы ростовщикъ шелъ на висѣлицу какъ воръ, но, по его мнѣнію, согласно евангельскому ученію, нѣтъ никакой разницы между первымъ и вторымъ. Болѣе того: богачъ, отнимающій у бѣднаго домъ, дворъ, поле, лугъ и все имущество, предъ лицомъ Господа Бога хуже, чѣмъ воръ и убійца. Андрей выступалъ главнымъ образомъ противъ войны, считая ее грѣхомъ. Кто, имѣя надежду на отцовское имущество и наслѣдство идетъ въ наемное войско и убиваетъ тамъ честныхъ людей, тотъ передъ Богомъ и по евангельскому ученію уподобляется убійцѣ“ (Эгли, „Die Züricher Wiedertäufer zur Reformationszeit“. Составлено по источникамъ государственнаго архива, Цюрихъ, 1878, стр. 15, 16).

[2]) „Chronica, Zeytbuch vnd bibel von anbegyn biss inn diss gegenwärtig MDXXXI jar“. Страсбургъ, 1531, стр. 445.

Булингеръ тоже говоритъ въ своемъ сочиненіи противъ анабаптистовъ: «иные думаютъ, что невозможно точно описать всѣ подраздѣленія, противоположныя мнѣнія и вредныя и отвратительныя секты или скопища у анабаптистовъ; дѣйствительно вѣрно, что между ними можно найти лишь немногихъ, согласныхъ между собою, — у каждаго изъ нихъ своя тайна, т.-е. собственная фантазія». Поэтому онъ и не хочетъ описывать всѣ ихъ секты и «выдумки каждаго сумасброда» отдѣльно, а желаетъ описать лишь важнѣйшія направленія между ними [1]).

Разнообразіе мнѣній и разъединенность не являются особенностью только баптистовъ. Мы уже встрѣчали это явленіе у вальденсовъ, беггардовъ и таборитовъ. Отчасти оно является результатомъ ихъ большой терпимости въ дѣлахъ вѣры, приводившей къ тому, что, напр., въ Таборѣ различныя секты мирно жили вмѣстѣ, отчасти же слѣдствіемъ того обстоятельства, что секты эти лишь рѣдко достигали прочной открытой организаціи. Поэтому понятіе объ анабаптистѣ осталось такимъ же неопредѣленнымъ, какъ, напр., теперь въ Россіи понятіе о «нигилистѣ». Лѣтописцы причисляютъ къ анабаптистамъ самыя различныя секты. Съ другой стороны, вполнѣ естественно, что каждое революціонное, а слѣдовательно критическое движеніе относится критически не только ко всему внѣшнему міру, но и къ своему внутреннему содержанію. Поэтому въ началѣ, пока у него нѣтъ твердой почвы подъ ногами и оно идетъ ощупью, всякое революціонное движеніе склонно къ расколамъ; анабаптисты же — по крайней мѣрѣ въ Германіи — не переходили этой стадіи.

Булингеръ описываетъ различныя направленія среди анабаптистовъ болѣе подробно, но и въ болѣе враждебномъ тонѣ, чѣмъ Франкъ. Мы будемъ придерживаться послѣдняго и сообщимъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ его сочиненій.

«Одни,—говоритъ онъ,—празднуютъ воскресеніе, другіе нѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ правила, касающіяся особенностей въ одеждѣ и пищѣ и по внѣшности стараются отдѣлиться отъ другихъ людей, но такихъ немного. Другіе же приспособляются къ обстоятельствамъ. Нѣкоторые учатъ, что они не могутъ грѣшить», «бо́льшая часть проповѣдуетъ крестъ», дѣлаютъ себѣ «божество изъ страданій». Нѣкоторые проповѣдуютъ и терпятъ за это муки, нѣкоторые думаютъ, что настало время молчать, другіе страдаютъ экстазомъ и пророчествуютъ. «Иные очень большое значеніе приписываютъ видѣніямъ и снамъ, другіе же ставятъ ихъ ни во что. Послѣдніе придерживаются буквы писанія». Многіе не придаютъ значенія ни проповѣдямъ, ни книгамъ.

«Многіе постоянно молчатъ и имѣютъ множество правилъ, касающихся внѣшности... одежды, волосъ, ѣды и разговоровъ; ихъ называютъ молчаливыми братьями». Другіе же держатся полной свободы въ этихъ вещахъ.

Одни придаютъ много значенія писанію, другіе только непосредственному откровенію Божію. Послѣдніе полагаютъ, что можно сдѣлаться вѣрующимъ и получить спасеніе безъ помощи писанія. «Почти всѣ считаютъ дѣтей чистыми и невинными, а первородный грѣхъ—грѣхомъ неважнымъ, какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ».

«Иные проводятъ время почти исключительно въ молитвахъ и этими постоянными молитвами хотятъ избавиться отъ всякаго несчастія, какъ будто Богу

[1]) „Wiedertäufer“, стр. 17.

оказывается особенная услуга, когда мы постоянно молимся и утомляемъ языкъ, вмѣсто того, чтобы утомлять самихъ себя. Послѣдніе хотятъ также, чтобы люди противъ всякаго зла боролись только молитвою, и не позволяютъ своимъ послѣдователямъ носить оружіе, чтобы они всегда оставались спокойными и чтобы нельзя было обвинить ихъ въ мстительности. Иные держатся другого мнѣнія, и можно сказать, что почти у каждаго есть что-нибудь свое особенное, такъ что врядъ ли можно найти между ними двухъ людей совершенно одинаковыхъ взглядовъ. Сходны они только въ притворной любви другъ къ другу. Они ежедневно ставятъ на очередь столько различныхъ глупыхъ и праздныхъ вопросовъ, что описать ихъ ученіе во всѣхъ подробностяхъ совершенно невозможно.

«Многіе думаютъ, что для насъ лучше было бы встрѣтить подобныхъ людей на небесахъ или въ республикѣ Платона, чѣмъ на землѣ».

Многіе между ними имѣютъ хиліастическія вѣрованія; они полагаютъ, что «праведные, усопшіе во Христѣ, мирно возстанутъ и въ теченіе тысячи лѣтъ будутъ править здѣсь на землѣ, совмѣстно съ Христомъ; иные же думаютъ, что править они будутъ вѣчно и полагаютъ, что Царствіе Христово будетъ на землѣ, какъ буквально говорятъ пророки, какъ это понималъ Лактанцій и понынѣ еще думаютъ евреи». Иные уже провидятъ приближеніе Страшнаго Суда и роздали свое имущество; нѣкоторые ненавидятъ иконы, другіе же не смущаясь ходятъ въ церковь и слушаютъ обѣдню, и т. д.

Всѣ эти различія имѣютъ значеніе второстепенное, они касаются внѣшности и даже просто зависятъ отъ различія въ темпераментѣ и склонностяхъ, что можно сказать, напр., о различномъ отношеніи къ откровеніямъ и снамъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе нѣкоторые, существующіе у нихъ тактическіе вопросы, имѣющіе впрочемъ, меньшее значеніе.

Однако, во многихъ важныхъ, принципіальныхъ вопросахъ также не было полнаго согласія между анабаптистами.

Въ числѣ этихъ вопросовъ былъ прежде всего основной вопросъ о собственности.

«Иные,—говоритъ Франкъ,—считаютъ себя самихъ святыми и чистыми. Они отдѣляются отъ другихъ и все имущество у нихъ общее. Никто не считаетъ чего либо своимъ, и всякая собственность признается у нихъ грѣхомъ.

«Другіе считаютъ имущество общимъ лишь въ такой мѣрѣ, чтобы не давать другъ другу нуждаться. Не то, чтобы одинъ владѣлъ имуществомъ другого, а просто въ нуждѣ каждый можетъ пользоваться имуществомъ остальныхъ, и никто не долженъ ничего скрывать отъ другихъ, но держать домъ всегда открытымъ. Дающій долженъ всегда давать охотно, берущій же долженъ брать умѣренно, по возможности щадить своего брата и не становиться ему въ тягость. Но во всемъ этомъ очень много лицемѣрія, безчестности и «ананійства», что сами братья отлично сознаютъ.

«Во многихъ мѣстностяхъ, напр. въ Аустерлицѣ въ Моравіи, у анабаптистовъ есть экономы, ключники, и у всѣхъ имѣются общія кладовыя, изъ которыхъ каждому надо давать необходимое. Но вопросъ — дѣлается ли это и дается ли каждому по справедливости. Тѣ, что держатся такого порядка, считаютъ другихъ братьевъ, какъ находящихся на неправомъ пути, отлученными, и въ ихъ общинахъ отлучаютъ такъ часто, что почти каждая отлучаетъ другія общины, не во всемъ съ нею согласныя.

«Другіе баптисты не считаютъ необходимостью описанную выше общность имущества и находятъ слишкомъ самонадѣяннымъ, что тѣ (другіе) называютъ себя совершенными христіанами и презираютъ другихъ. Люди этого направленія работаютъ каждый для себя, но интересуются другими, помогаютъ и (по-моему) лицемѣрно подаютъ другъ другу руки. Впрочемъ, высказывая это мнѣніе, я не хочу оскорблять тѣхъ, кто искренно поступаетъ такъ».

У анабаптистовъ, слѣд., мы видимъ два направленія, также какъ у таборитовъ и богемскихъ братьевъ (и у первыхъ христіанъ). Одно болѣе строгое, желающее послѣдовательно проводить на практикѣ полный коммунизмъ, упраздняющее всякую частную собственность и содержащее всѣхъ изъ общей «кладовой». Наряду съ этимъ существуетъ болѣе умѣренное, признающее частную собственность и требующее только, чтобъ ею владѣли, «какъ бы не владѣя». Появленіе этихъ двухъ направленій либо одновременно, либо одно за другимъ, не есть случайный, но напротивъ, типичный процессъ, наступающій въ коммунистическомъ движеніи съ естественной необходимостію, пока это движеніе не переходитъ за предѣлы своей древне-христіанской основы.

Съ вопросомъ о собственности тѣсно связанъ вопросъ о формѣ брака. Въ этомъ вопросѣ анабаптисты также были несогласны, какъ и выше упомянутые ихъ предшественники.

Многіе, говоритъ Франкъ, учили, что не слѣдуетъ жить въ одной семьѣ съ людьми иной вѣры, благодаря этому многія семьи распались. Другіе анабаптисты говорятъ противъ этого.

Многіе изъ нихъ сочли своимъ долгомъ оставить домъ и семью, по примѣру апостоловъ [1]). Но многіе также проповѣдывали противъ этого.

«Между ними образовалась секта, которая хочетъ, чтобы женщины принадлежали всѣмъ, какъ и прочее. Но секта эта была вскорѣ затерта и уничтожена другими братьями. Многіе обвиняли Гута и Гецера въ принадлежности къ этой сектѣ; если это правда, то они понесли должное наказаніе».

Мы уже знакомы съ Людвигомъ Гецеромъ изъ Тургау; онъ принадлежалъ къ наиболѣе смѣлымъ мыслителямъ своей партіи не только въ вопросѣ брака, но былъ также однимъ изъ баптистовъ отрицавшихъ божественность Христа, считавшихъ Христа лишь примѣромъ и учителемъ, а не «кумиромъ». Въ 1529 году Гецеръ былъ казненъ въ Констанцѣ за «нарушеніе брака». Было ли къ этому причастно его ученіе и насколько, — мы не знаемъ. «Онъ былъ близокъ съ Духомъ Божіимъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его писаніе, — говорится въ одной

[1]) Петръ сказалъ: Вотъ мы все оставили и пошли за тобою; онъ же (Христосъ) отвѣчалъ имъ: истинно говорю вамъ, что нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ или родителей, или братьевъ, или сестеръ, или жену, или дѣтей своихъ, ради Царствія Божія, и кто не получилъ бы за это сторицею въ нынѣшней жизни и животъ вѣчный въ будущей (Лука, 18, 28, 30). Корнеліусъ даетъ намъ примѣръ того, какъ иногда дѣйствовало это приглашеніе разрушать семью: „Ночью крестьянинъ Гансъ Беръ въ Альтенъ-Эрлангенѣ поднялся со своей постели и сталъ собирать одежду и утварь. „Куда ты идешь?“ спросила его жена. Онъ отвѣтилъ: „я не знаю этого, это знаетъ Богъ“. Она умоляла его остаться, „что я сдѣлала тебѣ дурного? останься и помоги мнѣ воспитывать моихъ маленькихъ дѣтей“. „Дорогая жена“, отвѣтилъ онъ, „не мѣшай мнѣ земными дѣлами. Богъ благословитъ тебя; я же уйду, чтобы узнать волю Господа“. (Корнеліусъ, „Geschichte des Münsterischen Aufruhrs“, II, стр. 49.

моравской «хроникѣ» анабаптистовъ. Въ Констанцѣ онъ написалъ слѣдующіе стихи о божествѣ:

Ich bin allein der ewig Gott,
Der ohne Hilf' Alles erschaffen hat.
Fragst du, wie viel doch meiner sein?
Ich bin's allein meiner sein nit drei,
Sag' auch dabei ohn' allen Won,
Weiss glatt auch von keiner Person
Ich bin auch weder diess noch das,
Wem ich's nit sag, der weiss nit was" [1].

(Я одинъ вѣчный Богъ, создавшій все безъ посторонней помощи; если ты спросишь, сколько насъ, то Я отвѣчу, что Я одинъ, а не трое.

Я долженъ сказать, кромѣ того, что ничего не знаю о какомъ-то лицѣ; Я не то, не другое, кто именно Я, — это знаетъ лишь тотъ, кому Я это скажу).

Гансъ Гутъ изъ Франконіи былъ книгопродавцемъ и ревностнымъ приверженцемъ Мюнцера (который самъ и не думалъ проповѣдовать общности женъ). Послѣ усмиренія крестьянскаго возстанія въ Тюрингенѣ, онъ примкнулъ къ южногерманскимъ анабаптистамъ.

Тенденціи, въ которыхъ обвиняютъ его и Гецера, напоминаютъ тенденціи адамитовъ въ Богеміи и «братьевъ и сестеръ свободнаго духа». Замѣчательно, что Булингеръ говоритъ о сектѣ «свободныхъ братьевъ» между баптистами, которая не только по имени, но и по идеѣ отличается большимъ сходствомъ съ «братьями свободнаго духа». Мы не можемъ рѣшить, основывается ли это сходство на традиціи, или же здѣсь опять одинаковыя обстоятельства совершенно самостоятельно, безъ всякой связи съ предшествующими обстоятельствами, вызвали одинаковыя явленія.

«Свободные братья, — говоритъ Булингеръ, — которыхъ почти всѣ другіе баптисты называютъ грубыми, дикими братьями, которыхъ они порицаютъ и отъ сношеній съ которыми отказываются, — эти братья являются восьмою сектой въ орденѣ баптистовъ. Съ самаго возникновенія баптизма ихъ немало встрѣчалось въ различныхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ горной странѣ (Цюриха). Баптисты понимали христіанскую свободу въ физическомъ смыслѣ; они хотѣли быть свободными отъ всякихъ законовъ, потому что, по ихъ словамъ, Христосъ сдѣлалъ ихъ свободными. Поэтому они полагали, что по справедливости они не обязаны платить ни налоговъ, ни десятинъ, не обязаны исполнять барщину и обязанности крѣпостныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, желавшіе быть болѣе скромными, проповѣдывали, что хотя они по справедливости и не обязаны исполнять всего этого, но все-таки надо это дѣлать для язычниковъ, чтобы тѣ не жаловались на нихъ и не поносили ихъ ученья. Но крѣпостничества не должно быть болѣе среди христіанъ. Нѣкоторые изъ этихъ свободныхъ братьевъ, народъ отчаянный, убѣдили легковѣрныхъ женщинъ, что онѣ могутъ достигнуть блаженства, лишь потерявъ свою честь. Для этого они богохульственно злоупотребляли словами Господа: кто не потеряетъ и не отдастъ всего, что любитъ, тотъ не достигнетъ блаженства. Отсюда они выводятъ, что ради Христа надо потерпѣть все-

[1] I. Бекъ, „Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer in Oesterreich-Ungarn". Вѣна 1883 г., стр. 34.

возможныя страданія и всевозможный позоръ. Христосъ также сказалъ, что мытари и блудницы въ царствіи небесномъ будутъ стоять превыше праведныхъ. Поэтому женщины должны сдѣлаться блудницами и потерять свою честь; тогда въ небесахъ онѣ будутъ стоять превыше благочестивыхъ. Другіе поступали нѣсколько хитрѣе: они учили, что какъ всѣ вещи, такъ и жены должны быть общими. Нѣкоторые говорили, что, перекрестившись, они родились вновь и не могутъ уже грѣшить; грѣшить можетъ и хочетъ только ихъ плоть. И подъ прикрытіемъ разныхъ уловокъ и ложнаго примѣненія отвратительныхъ измышленій происходилъ страшный развратъ и излишества. Они обо всемъ могли сказать, что это воля Отца (Бога). И тогда между многими распутными людьми стали заключаться духовные браки. Женщинъ убѣдили, что, живя со своими мужьями, онѣ тяжело грѣшатъ, ибо послѣдніе еще не перекрещены, а потому еще язычники. А съ ними, съ баптистами, онѣ не грѣшатъ, такъ какъ между ними существуетъ духовный бракъ» [1]).

Намъ, къ сожалѣнію, не удалось найти другихъ современныхъ свидѣтельствъ о свободныхъ братьяхъ. Полемическая статья Булингера небезпристрастный и недостовѣрный источникъ, но въ самыхъ существенныхъ пунктахъ мы все же можемъ считать его описаніе свободныхъ братьевъ вѣрнымъ, именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они сходны съ братьями и сестрами свободнаго духа, т.-е. въ «свободной любви», въ «коммунистическомъ анархизмѣ», въ ихъ безгрѣшности, ибо все, что они дѣлаютъ, дѣлается согласно волѣ Божіей.

Какъ относительно собственности и брака, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ государству, къ общественной власти, анабаптисты не были вполнѣ согласны между собою. Въ одномъ они, правда, сходились, именно въ томъ, что надо имѣть какъ можно меньше сношеній съ государственной властью. Они не хотѣли знать ея, но въ то же время отрицали насильственное возмущеніе противъ нея и проповѣдовали долгъ терпѣливаго повиновенія. Они хотѣли избавиться отъ «рабскаго подчиненія государству», игнорируя самое государство.

Они учатъ, по словамъ Франка, что надо терпѣть насиліе и не требовать обратно отнятаго. Христіанинъ не долженъ занимать никакой должности, «не долженъ имѣть ни крѣпостныхъ, ни какихъ-либо иныхъ слугъ, не долженъ воевать и поднимать руку на кого бы то ни было». Богъ мститъ за себя самъ.

Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ уничтоженія присяги. «Христіанинъ не долженъ быть членомъ правительства, которое имѣетъ право приговаривать къ смерти и вести войну». Иные оправдываютъ по крайней мѣрѣ необходимую самозащиту. «Но всѣ они единогласно учатъ повиновенію властямъ во всемъ, что не противно Богу, проповѣдуютъ отдавать пошлины и налоги, а если потребуютъ, то не только верхнюю одежду, но и рубашку. Они говорятъ, что готовы претерпѣть насиліе и повиноваться даже тиранамъ... Сколько я ни спрашивалъ объ этомъ, мнѣ всегда давали такой отвѣтъ и прибавляли, что живутъ для терпѣнія и страданій ради Христа, а не для борьбы. Ибо евангеліе учитъ и желаетъ, чтобы его защищали и подкрѣпляли его истину не кулакомъ, какъ думаютъ крестьяне, но страданіями и смертью... Вотъ почему, на мой взглядъ, совсѣмъ нечего бояться съ ихъ стороны возстанія. Діаволъ, любящій убійство и охотно купающійся въ крови, внушаетъ многимъ безумное желаніе мучить бѣдныхъ

[1]) „Wiedertäufer“, стр. 32

людей... Такъ какъ бунта нѣтъ, то никого изъ нихъ не слѣдуетъ мучить по одному только подозрѣнію. Если бы я былъ папой, императоромъ или самимъ турецкимъ султаномъ, я бы боялся возмущенія съ ихъ стороны меньше, чѣмъ со стороны всѣхъ другихъ».

Это была та рѣшающая особенность, которая отдѣляла Мюнцера и большинство нѣмецкихъ коммунистовъ, до крестьянской войны, отъ цюрихскихъ «братьевъ», хотя въ другихъ отношеніяхъ они были весьма близки. Сохранилось письмо къ Мюнцеру, написанное 5 сентября 1524 г. уже извѣстными намъ Гребелемъ, Манцомъ, Андреемъ Штюльцеромъ, Гансомъ Окенфусомъ, Генрихомъ Аберли и другими. Они заявляютъ, что во многомъ согласны съ нимъ, и прибавляютъ: «ты вмѣстѣ съ Карльштадтомъ считаешься у насъ чистѣйшимъ вѣстникомъ и проповѣдникомъ чистѣйшаго слова Божія». Они очень рады, «что нашли человѣка, который одного мнѣнія съ ними»; его «книжечки» «сверхъ всякой мѣры научили и укрѣпили насъ, нищихъ духомъ»; но Мюнцеръ кажется имъ недостаточно радикальнымъ въ своемъ ученіи и они увѣщеваютъ его. «Ты серьезно долженъ бы стараться безъ страха проповѣдовать только божественныя слова, установлять только божественные обычаи... Всѣ же человѣческія намѣренія, слова, обычаи и желанія, также какъ и свои собственные, ты долженъ отрицать, ненавидѣть и проклинать». Они выступаютъ противъ его нѣмецкаго богослуженія, которому, по ихъ мнѣнію, еще слишкомъ далеко до апостольской простоты. Не нравится имъ также, что онъ поставилъ въ церкви доски (иконы?), и что онъ сторонникъ насильственныхъ дѣйствій. Кто не хочетъ вѣрить и противодѣйствуетъ слову Божію, «того... надо не убивать, но считать какъ бы язычникомъ или мытаремъ и оставить въ покоѣ. Евангеліе и исповѣдующихъ его не надо защищать мечомъ, и сами они также не должны защищаться. А мы слышали отъ нашихъ братьевъ, что ты держишься именно такого мнѣнія. Истинно вѣрующіе христіане должны быть овцами между волками, овцами для закланія. Они должны быть окрещены страхомъ и нуждою, горемъ и преслѣдованіями, страданіями и смертью. Они должны быть испытаны въ этомъ и могутъ достигнуть отчизны вѣчнаго покоя укрощеніемъ не плоти, но духа. Они не пользуются мечомъ и не воюютъ, ибо убійство совершенно отрицается ими».

Къ письму приложенъ постскриптумъ: братья только что узнали о «письмѣ и позорной книжонкѣ» Лютера, въ которой онъ приглашаетъ князей положить конецъ мюнцеровой агитаціи. «Братъ Гуйуфена (Лютеръ) пишетъ, что ты проповѣдовалъ противъ князей, что вы противъ нихъ дѣйствовали насиліемъ. Если это правда... то я заклинаю тебя благомъ всѣхъ насъ навсегда оставить это и всякія подобныя намѣренія, тогда ты сдѣлаешся чистымъ, ты, который во всемъ другомъ (т.-е. исключая обѣдню, «доски» и насильственныя дѣйствія) нравишься намъ въ нѣмецкой и во всѣхъ вообще земляхъ больше, чѣмъ кто бы то ни было другой. Если ты попадешся въ руки Лютера и герцоговъ, то откажись отъ упомянутыхъ выше пунктовъ, другихъ же держись геройски» [1]).

Получилъ ли Мюнцеръ это письмо и какой отвѣтъ далъ на него,—мы этого

---

[1]) Это письмо на оригинальномъ пергаментѣ напечатано у Корнеліуса, l. c., III стр. 240 и слѣд. Прилож. 1. Оригиналъ находится въ городской библіотекѣ въ Санъ-Галленѣ.

не знаемъ. Вскорѣ послѣ того, какъ оно было написано, мы видимъ Мюнцера на границѣ Швейцаріи, гдѣ онъ вступилъ въ сношенія съ швейцарскими анабаптистами. Каковы были эти сношенія,—о томъ существуютъ лишь предположенія, но что относительно насильственныхъ дѣйствій не произошло соглашенія,—объ этомъ свидѣтельствуютъ событія, совершившіяся послѣ возвращенія Мюнцера въ Тюрингенъ.

Взглядъ на насильственныя дѣйствія имѣлъ рѣшающее значеніе для анабаптистовъ, такъ же какъ раньше для богемскихъ братьевъ. Это видно изъ того, что, несмотря на свою всегдашнюю терпимость и на то, что въ своей средѣ они допускали самыя разнообразныя направленія, они все-таки всегда протестовали противъ причисленія Мюнцера къ своимъ единомышленникамъ. Они старались также держаться подальше отъ его сторонниковъ. Франкъ повѣствуетъ: «говорятъ, что у Мюнцера есть еще (въ 1531 г.) большое число тайныхъ приверженцевъ и учениковъ въ Тюрингенѣ; они не баптисты и мнѣ достовѣрно извѣстно, что самъ онъ также не принималъ вторичнаго крещенія».

Послѣднее, правда, не можетъ служить доказательствомъ того, что Мюнцеръ не принадлежалъ къ баптистамъ; онъ, также какъ и послѣдніе, былъ противъ крещенія дѣтей. Въ своей «протестаціи» онъ писалъ: во времена апостоловъ слѣдили за тѣмъ, чтобы врагъ не могъ мѣшать пшеницу съ плевелами, «поэтому въ ученики церкви, послѣ долгаго испытанія, принимали только взрослыхъ людей... Но я могу сказать, что никогда и нигдѣ, ни единымъ (словомъ?) во всѣхъ книгахъ церковныхъ учителей, съ самаго начала ихъ появленія, не говорится прямо и не намекается, въ чемъ состоитъ истинное крещеніе. Я прошу всѣхъ ученыхъ буквоѣдовъ показать мнѣ, гдѣ въ св. писаніи написано о томъ, что Христосъ или его апостолы крестили хотя бы одного малолѣтняго ребенка, или гдѣ установлено, чтобы мы крестили своихъ дѣтей, какъ это дѣлается теперь».

Но практиковать вторичное крещеніе цюрихскіе братья начали только въ концѣ января или началѣ февраля 1555 года, въ то время когда Мюнцеръ, вѣроятно, уже отправился на родину для участія въ великой революціонной борьбѣ и когда подобныя мелочи сектантства должны были казаться ему очень незначительными.

Идея вторичнаго или поздняго крещенія не нова, она уже очень рано появилась у вальденсовъ; особенно же сильно она выразилась при возникновеніи секты богемскихъ братьевъ. «Было бы лучше, по примѣру древней церкви, крестить только взрослыхъ, которые уже могутъ подтвердить свою вѣру дѣлами»,—говоритъ Петръ Хельчицкій. Онъ не отрицалъ крещенія дѣтей безусловно, но предпочиталъ крещеніе взрослыхъ. Когда въ 1407 году въ Лотѣ образовалась община богемскихъ братьевъ, то ихъ первымъ дѣломъ было вторичное крещеніе, совершенное надъ всѣми членами. Позднее крещеніе сохранилось у нихъ до возникновенія секты анабаптистовъ. Тогда богемскіе братья уже обуржуазились; они не хотѣли, чтобы ихъ смѣшивали съ сектой анабаптистовъ, носившей тотъ же характеръ, какой имѣли первоначально ученики Хельчицкаго. Крещеніе взрослыхъ сдѣлалось теперь опаснымъ символомъ, а потому въ богемской сектѣ все болѣе росла антипатія къ нему. Наконецъ въ 1534 году, въ годъ Мюнстерскаго возстанія, крещеніе взрослыхъ было совершенно упразднено соборомъ въ Юнг-

бунцлау [1]). Такимъ образомъ принципъ, принятіе котораго дало имя цюрихскимъ братьямъ, былъ не новъ. Непріязненное отношеніе къ крещенію дѣтей было логическимъ слѣдствіемъ вражды съ господствующею церковью.

Пока католическая церковь на западѣ оставалась дѣйствительно «католическою» (catholikos по-гречески значитъ всеобщій), крещеніе тамъ означало просто принятіе въ общину, и тогда крещеніе новорожденныхъ не было безсмыслицей. Дѣло приняло другой оборотъ, какъ только образовались оппозиціонныя еретическія партіи, оспаривавшія претензію католической церкви, будто она охватываетъ все общество. Разъ на ряду съ нею образовались новыя церковныя общины, то понятно требованіе, чтобы отдѣльный человѣкъ не дѣлался противъ своей воли, благодаря случайности рожденія, членомъ какой-либо опредѣленной церкви, но чтобы ему было предоставлено выбрать ее, когда онъ будетъ въ состояніи обсудить свой выборъ.

Но не всѣ протестантскія секты сдѣлали этотъ логическій выводъ. Протестантизмъ господствующихъ классовъ означалъ лишь стремленіе завоевать церковь, какъ средство господства, и включить ее въ государство; церковь превратилась въ часть государства, въ государственную церковь. Государственная власть во всѣхъ странахъ, гдѣ дѣло дошло до реформаціи, опредѣляла, къ какой церкви, къ какой «вѣрѣ» должны были принадлежать граждане. Рѣзче всего это выразилось позже въ монархической Германіи, гдѣ образовался принципъ: cujus regio, ejus religio; гдѣ граждане тотчасъ же и безропотно должны были перемѣнять вѣру, когда государь почему-либо мѣнялъ ее, или когда онъ оставлялъ въ наслѣдство, дарилъ, продавалъ, или вообще какимъ-либо способомъ передавалъ своихъ подданныхъ государю другой вѣры.

Въ демократическихъ протестантскихъ государствахъ государственная церковь не привела къ такимъ абсурднымъ послѣдствіямъ, какъ въ монархическихъ; но въ первыхъ она появилась раньше, и прежде всего въ Цюрихѣ, гдѣ Цвингли, какъ мы уже видѣли, учредилъ государственную церковь въ 1523 году. Но съ учрежденіемъ государственной церкви несовмѣстимо было крещеніе взрослыхъ. Каждый человѣкъ отъ рожденія принадлежитъ къ извѣстному государству, въ странахъ же, гдѣ есть государственная церковь, онъ принадлежитъ также по рожденію къ извѣстному вѣроисповѣданію. Позднее крещеніе означало отрицаніе авторитета государства, отрицаніе его права опредѣлять вѣроисповѣданіе своихъ подданныхъ. Цвингли, какъ правитель цюрихскаго государства, не могъ, конечно, признавать поздняго крещенія, хотя прежде, когда онъ былъ еще только идеологомъ и находился въ оппозиціи, онъ, по собственному его признанію, былъ сторонникомъ поздняго крещенія [2]).

Напротивъ, «братья» тѣмъ болѣе вынуждены были настаивать на необходимости крещенія взрослыхъ и отрицать крещеніе дѣтей, какъ не имѣющее силы и значенія, чѣмъ больше ихъ преслѣдовали, чѣмъ болѣе они чувствовали себя меньшинствомъ, отказавшимся отъ завоеванія государства, меньшинствомъ, мо-

[1]) Гиндели, „Geschichte der Böhmischen Brüder“, I, стр. 36, 224.

[2]) Въ своемъ сочиненіи „Vom tauf, vom widertauf und vom Kindtauf“ (1825) Цвингли говоритъ: „я тоже, нѣсколько лѣтъ назадъ, впалъ въ ту же ошибку, полагая, что было бы гораздо лучше, если бы дѣтей крестили, когда они выростутъ“. Подробнѣе объ этомъ говоритъ I. Лозертъ: „Dr. Balthazar Hubmeier und die Anfänge der Wiedertaufe in Mähren“, Брюннъ, 1893 г., стр. 78.

гущимъ придать себѣ значеніе, лишь отдѣлившись отъ массы народа и организовавшись въ особую общину «святыхъ» и «избранниковъ». Эти двѣ клички звучатъ очень высокомѣрно и все-таки онѣ только доказывали, что анабаптисты потеряли надежду составить когда-либо большинство населенія.

Такимъ образомъ, вопросъ о позднемъ крещеніи или, какъ выражались его противники, о перекрещиваніи, все болѣе и болѣе выступалъ на первый планъ. Крещеніе не было истиннымъ поводомъ къ борьбѣ, также какъ не былъ имъ у гусситовъ вопросъ о причастіи подъ двумя видами [1]). Но благодаря обстоятельствамъ вторичное крещеніе здѣсь, какъ у гусситовъ чаша для мірянъ, сдѣлалось знаменемъ, вокругъ котораго собрались братья и по которому они узнавали другъ друга. Отъ него они получили имя, подъ которымъ и существуютъ въ исторіи [2]).

III. Успѣхи анабаптистовъ и конецъ ихъ существованія въ Швейцаріи.

Еще до начала крестьянской войны въ Германіи цюрихскимъ анабаптистамъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ.

Подстрекаемые проповѣдниками, особенно Рейблиномъ, нѣкоторые родители отказались крестить своихъ новорожденныхъ. Напрасно попы и члены совѣта старались убѣдить ихъ оставить это намѣреніе. Тогда городской совѣтъ издалъ 18 января 1525 года законъ о крещеніи дѣтей и въ наказаніе за несоблюденіе этого закона установилъ изгнаніе изъ края. Спустя три дня началось выполненіе постановленія совѣта. Къ изгнанію были приговорены Рейблинъ, Гецеръ, Андрей Штюльцеръ и Бредли, граубюнденецъ, проповѣдовавшій въ Цолликонѣ, но жившій трудомъ своихъ рукъ.

Отвѣтъ на этотъ ударъ былъ достойный и смѣлый. Оставшіеся братья собрались, и на этомъ собраніи Юргъ Блаурокъ, бывшій въ Хурѣ монахомъ, поднялся и попросилъ Конрада Гребеля крестить его истиннымъ христіанскимъ крещеніемъ.

Когда Конрадъ окрестилъ его, то Юргъ въ свою очередь окрестилъ всѣхъ присутствующихъ. Съ тѣхъ поръ перекрещиванье или позднее крещеніе сдѣлалось признаннымъ символомъ принятія въ союзъ братьевъ. Въ то же время сдѣлана была попытка осуществить коммунизмъ на практикѣ [3]).

---

[1]) Это говоритъ самъ Цвингли въ письмѣ къ Вадіану, написанномъ 28 мая 1525 года. Цвингли говоритъ въ немъ, что борьба съ баптистами самая тяжелая, какую приходилось ему когда-либо вести. Въ сравненіи съ нею всякая прежняя борьба была не болѣе, какъ игра. Но противодѣйствіе необходимо, такъ какъ дѣло идетъ не о крещеніи, а о бунтѣ, сборищахъ и неповиновеніи властямъ (Эгли. „Züricher Wiedertäufer“, стр. 34).

[2]) „Перекрещенцы“ или „анабаптисты“ (отъ греческихъ словъ ана — приставка, заключающая въ себѣ понятіе повторенія, и baptistes — крититель). Они сами протестуютъ противъ этого названія, они не крестили два раза, а объясняли, что крещеніе дѣтей вообще не есть крещеніе, но, по выраженію Губмейера, просто дѣтская ванна. (Въ его сочиненіи: „Vom Christenlichen Tauff der Gläubigen“, 1525 г. Отрывокъ оттуда приведенъ у Лозерта, l. c., стр. 84 и слѣд.).

[3]) „По ихъ мнѣнію,—разсказываетъ свидѣтель (Гейни Фрей, по прозвищу Гигли),—всѣ вещи должны быть общими. Ихъ надо было собрать въ одно мѣсто, чтобы всякій могъ брать изъ этого мѣста, что и сколько ему нужно. Предполагалось также, что они

Цюрихскіе братья открыто признали вторичное крещеніе, съ полнымъ сознаніемъ того, что ожидало ихъ за это.

Тотчасъ послѣ того, какъ Цвингли вторично и притомъ настоятельнѣе, чѣмъ прежде, призвалъ къ борьбѣ, пламя фанатическаго воодушевленія вспыхнуло съ ужасающей силой. На улицахъ Цюриха вдругъ появились люди, какъ бы готовые въ путь, опоясанные веревкой. Они останавливались на рынкахъ и площадяхъ, проповѣдывали о совершенствованіи жизни, о возвращеніи къ невинности, справедливости и братской любви. Въ то же время они приглашали подняться противъ стараго дракона и противъ его головъ, т.-е. противъ Цвингли и его приверженцевъ, и предсказывали скорую гибель города, если онъ не захочетъ услышать голоса Божія. «Горе, горе Цюриху!»—раздавались, словно голосъ изъ другого міра, то жалобные, то угрожающіе возгласы въ узкихъ улицахъ густо населенной столицы.

«Городской совѣтъ многихъ велѣлъ арестовать, въ томъ числѣ Манца и Блаурока. Затѣмъ послѣдовали запрещенія, допросы, наказанія, снова аресты, допросы и усиленныя наказанія. Но въ этихъ людяхъ былъ духъ гораздо болѣе сильный, чѣмъ теологія Цвингли, и сила этого духа несла имя ихъ церкви по всему свѣту, какъ вѣтеръ гонитъ пламя» [1]).

И дѣйствительно, вскорѣ по всей нѣмецкой Швейцаріи взошло ихъ сѣмя, всюду распространенное изгнанниками изъ Цюриха.

Успѣшнѣе всего оно распространялось на германской границѣ, въ Вальдсгутѣ, Шафгаузенѣ и Санъ-Галленѣ.

Какъ въ другихъ городахъ Швейцаріи и Южной Германіи, такъ и здѣсь цюрихское реформаціонное движеніе нашло живой откликъ и, какъ въ Цюрихѣ, такъ и здѣсь появлялись радикальные анабаптистскіе элементы, желавшіе большаго, чѣмъ дала реформа Цвингли. Элементы эти имѣли большій успѣхъ въ малыхъ городахъ, чѣмъ въ столицѣ, ибо населеніе мелкихъ городовъ въ то время было повсюду демократичнѣе населенія большихъ городовъ. Еще до 1525 года въ Вальдсгутѣ крещеніе дѣтей было дозволено, но уже не было обязательно. Шафгаузенъ не зашелъ такъ далеко, какъ Вальдсгутъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, относился къ анабаптистамъ не отрицательно. Въ Санъ-Галленѣ уже въ 1524 году ткачъ Лоренцъ Гохрютинеръ, приверженецъ Гребеля, высланный въ 1523 году изъ Цюриха, основалъ небольшую братскую общину, которая процвѣтала тамъ.

Массовыя высылки изъ Цюриха въ началѣ 1525 года пробудили жизнь въ этихъ городахъ. Гребель отправился въ Шафгаузенъ, Бредли сталъ проповѣдывать въ мѣстечкѣ Галлау шафгаузенскаго округа, Рейблинъ пошелъ въ Вальдсгутъ. Въ Шафгаузенѣ новое ученіе дѣлало лишь медленные успѣхи, Галлау же оно завоевало быстро, такъ же какъ и Вальдсгутъ. Вождемъ движенія въ этомъ послѣднемъ былъ докторъ Балтазаръ Губмейеръ, который, какъ мы уже видѣли, имѣлъ сношенія съ базельскимъ кружкомъ.

На этой личности слѣдуетъ остановиться нѣсколько внимательнѣе. Родился онъ въ 1480 году въ Фридбергѣ, возлѣ Аугсбурга. Онъ избралъ карьеру ученаго и сдѣлался профессоромъ ингольштадтскаго университета, назначившаго его

охотно приняли бы въ свой союзъ богатыхъ и вліятельныхъ людей". (Эгли, „Zuricher Wiedertäufer", стр. 24, 97).

[1]) Корнеліусъ, l. c. II, стр. 29, 30.

въ 1515 году проректоромъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Регенсбургъ, куда его пригласили въ качествѣ соборнаго проповѣдника. Замѣчательнѣе всего начатая имъ тамъ агитація противъ евреевъ, относительно которыхъ ремесленники утверждали, что они были причиной упадка города и ремесла. Въ 1519 году евреи были изгнаны. Немного спустя, въ 1521 году, Губмейеръ самъ покинулъ Регенсбургъ; намъ неизвѣстно, что заставило его уйти оттуда; быть можетъ, его участіе въ реформаціонномъ движеніи. Онъ отправился въ Вальдсгутъ, находившійся тогда во владѣніи Габсбурговъ. Губмейеръ, какъ проповѣдникъ, пріобрѣлъ тамъ вскорѣ значительное вліяніе, особенно среди простонародья.

Значеніе его возросло, когда, подъ вліяніемъ цюрихскаго реформаціоннаго движенія, въ Вальдсгутѣ возникло демократическое, антигабсбургское движеніе. Движеніе это, которое, въ концѣ концовъ, наканунѣ крестьянской войны повело къ отпаденію города отъ Габсбурговъ, совершалось подъ руководствомъ Губмейера, игравшаго тамъ ту же роль, какую въ Цюрихѣ игралъ Цвингли, съ которымъ Губмейеръ имѣлъ очень оживленныя сношенія.

Но, какъ уже было сказано выше, въ одно время съ этимъ движеніемъ въ Вальдсгутѣ преуспѣвали также и «братья».

Когда Цвингли началъ борьбу противъ нихъ, Губмейеру также надо было стать на ту или другую сторону. Но въ Вальдсгутѣ простой народъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ Цюрихѣ, возставшіе крестьяне южной Германіи были ближе. Губмейеръ прервалъ сношенія съ Цюрихомъ; со своимъ приходомъ онъ примкнулъ къ баптистамъ, которымъ симпатизировалъ еще раньше и съ которыми соглашался во многихъ пунктахъ.

Когда Рейблинъ явился въ Вальдсгутъ, Губмейеръ крестился у него (на Пасху 1525 года). Болѣе трехсотъ жителей города послѣдовали его примѣру [1]). Крещеньемъ Губмейера былъ завоеванъ весь городъ; этотъ мятежный городъ, отказавшійся повиноваться Габсбургамъ, сдѣлался «оплотомъ баптистской церкви, откуда во всѣ стороны распространялась пропаганда и вербовка новыхъ членовъ» (Корнеліусъ).

Въ то же время быстро возрастала община и въ Санъ-Галленѣ, особенно послѣ агитаціоннаго путешествія, предпринятаго туда Гребелемъ изъ Шафгаузена. Вскорѣ въ общинѣ насчитывалось 800 человѣкъ. Весь Аппенцель пришелъ въ движеніе.

Манцъ занесъ баптистское ученіе въ Граубюнденъ, другіе распространили его въ Базелѣ и Бернѣ, и даже въ самомъ Цюрихѣ агитація не прекращалась, несмотря на всѣ мѣропріятія властей. Особенно удачной она была въ Оберландѣ, въ грюнингенскомъ округѣ.

Отсюда видно, какой результатъ имѣютъ высылки, если партія, которой онѣ должны вредить, находитъ себѣ поддержку въ окружающихъ обстоятельствахъ. А это именно и случилось тогда. Изгнанные агитаторы не достигли бы такихъ успѣховъ, если бы въ то же время крестьянская война въ Германіи не взволновала до основанія и Швейцарію и если бы низшіе классы, также какъ

[1]) Надъ новоокрещенными Губмейеръ совершалъ также обрядъ омовенія ногъ. Нѣкій коварный лѣтописецъ разсказываетъ: „когда онъ кончилъ обрядъ омовенія надъ молодыми женщинами, и дѣло дошло до старыхъ козловъ, онъ попросилъ, чтобы кто-нибудь другой продолжалъ этотъ обрядъ“. (Лозертъ „Hubmeier“, стр. 82). Мы съ своей стороны не считаемъ этого за грѣхъ.

и буржуазные идеологи, не были настроены такъ благопріятно въ пользу анабаптистской пропаганды.

Могла ли быть кровавая борьба на границахъ республики чѣмъ-либо инымъ, кромѣ начала тѣхъ ужасныхъ событій, о которыхъ говорится въ Апокалипсисѣ, событій, во время которыхъ безбожники будутъ уничтожены и послѣ которыхъ останутся лишь избранные, чтобы удостоиться тысячелѣтняго царствія. Когда великая борьба была кончена, когда мятежное крестьянство Германіи, истекая кровью, было повергнуто во прахъ, тогда измѣнилось также положеніе баптистовъ въ швейцарскомъ союзѣ. Эти миролюбивые сектанты, ненавидѣвшіе мятежъ, достигли наибольшихъ успѣховъ именно во время мятежа и благодаря ему. Усмиреніе этого мятежа отняло у нихъ почву изъ-подъ ногъ, по крайней мѣрѣ на ихъ родинѣ. Теперь низшіе классы пріуныли, въ то время какъ эксплуататоры подняли голову, а блестящій примѣръ нѣмецкихъ сосѣдей разжегъ ихъ кровожадность. Во второй половинѣ 1525 года преслѣдованіе баптистовъ въ Швейцаріи сдѣлалось всеобщимъ и становилось тѣмъ ожесточеннѣе и безпощаднѣе, чѣмъ грознѣе дѣлалось возрастаніе коммунистическихъ сектъ подъ эгидой крестьянской войны.

Уже въ началѣ іюня городской совѣтъ Санъ-Галлена ободрился и издалъ запрещеніе вторичнаго крещенія. Граждане должны были присягнуть въ безусловномъ повиновеніи властямъ; кто отказывался отъ присяги, тотъ долженъ былъ оставить городъ. Въ іюлѣ Манца арестовалъ городской совѣтъ въ Хурѣ и выдалъ его Цюриху; въ августѣ городской совѣтъ Шафгаузена усмирилъ анабаптистовъ; въ октябрѣ произошелъ арестъ Гребеля и Блаурока, агитировавшихъ на цюрихской территоріи, въ грюнингенскомъ округѣ. Въ ноябрѣ Бернъ установилъ, въ наказаніе за баптизмъ, изгнаніе изъ страны, и наконецъ въ декабрѣ Вальдсгутъ, оплотъ анабаптистовъ, безъ сопротивленія попалъ въ руки австрійскаго правительства. Губмейеръ, не имѣя иного исхода, бѣжалъ въ Цюрихъ, гдѣ его схватили и посадили въ тюрьму.

Годъ, первая половина котораго ознаменовала себя такими блестящими успѣхами, кончился полнымъ усмиреніемъ и разсѣяніемъ анабаптистовъ во всемъ союзѣ.

Большинство анабаптистовъ бѣжало въ Германію, напр. Рейблинъ, Гецеръ, Блаурокъ (послѣдній только въ 1527 году). Другіе покорились и отреклись отъ своихъ заблужденій. Замѣчательнѣйшимъ изъ послѣднихъ былъ Губмейеръ. Послѣ его поимки въ Цюрихѣ, его принудили къ диспуту съ Цвингли, заставили заключеннаго диспутировать съ тюремщикомъ, который всегда могъ приговорить его къ наихудшему наказанію. Губмейеръ не былъ человѣкомъ, способнымъ съ достоинствомъ перенести эту отвратительную комедію. Чтобы спастись, онъ отрекся отъ своихъ принциповъ и во время диспута говорилъ сначала нерѣшительно и льстиво а потомъ, когда этого оказалось мало для его противниковъ, онъ согласился на отреченіе отъ своихъ «заблужденій».

Отрекшись отъ нихъ и присягнувъ, что никогда больше не вступитъ во владѣнія Цюриха, онъ наконецъ милостиво былъ отпущенъ (въ апрѣлѣ 1526 года).

«Но—жалуется Булингеръ—хотя этотъ поступокъ доктора Балтазара образумилъ и наставилъ на путь истины многихъ простыхъ заблудшихъ людей, все-таки оставалось еще много упрямыхъ баптистовъ, которыхъ нельзя было заставить исправиться ни этимъ, ни другими мѣрами» [1]).

[1]) Der Widertäuffer Ursprung, стр. 13.

Противъ нихъ власти стали примѣнять тяжелыя, постоянно увеличивающіяся наказанія. Уже 7 марта 1526 года городской совѣтъ Цюриха постановилъ, что всякій, кто станетъ упорно держать сторону баптистовъ, «будетъ посаженъ въ новую тюрьму на хлѣбъ и на воду, и будетъ спать на соломѣ». Тамъ имъ дадутъ «умереть и сгнить»; при этомъ не дѣлалось исключенія для женщинъ и дѣвушекъ. Всякому, кто укрывалъ баптиста, кто давалъ ему ѣсть и пить, угрожало строгое наказаніе. Наконецъ за рецидивъ была назначена смертная казнь. Первымъ ей былъ подвергнутъ 5 января 1527 года Феликсъ Манцъ. Его утопили, а имущество его конфисковали.

Этими преслѣдованіями не удалось, правда, уничтожить анабаптизмъ въ Швейцаріи, да и вообще до сихъ поръ ни одна коммунистическая секта не могла быть вполнѣ уничтожена силой. Но обстоятельства уже не благопріятствовали болѣе анабаптистамъ и потому, вскорѣ послѣ усмиренія нѣмецкихъ крестьянъ, коммунистическое движеніе въ союзѣ было доведено до того уровня, на которомъ оно находилось передъ началомъ реформаціи, до уровня тайнаго союза, безопаснаго для господствующихъ классовъ, но весьма опаснаго для участвующихъ въ немъ. Его существованіе проявлялось только время отъ времени въ процессахъ и казняхъ.

Публично союзъ этотъ не проявлялъ себя.

Но именно въ то время, какъ въ Швейцаріи наступилъ упадокъ баптизма, въ Германіи начался его расцвѣтъ.

IV. Анабаптисты въ южной Германіи.

Слѣдовало бы ожидать, что усмиреніе крестьянскаго возстанія, вызвавшее такую страшную реакцію противъ баптистовъ въ сосѣдней странѣ, тѣмъ болѣе сдѣлаетъ невозможнымъ появленіе ихъ въ самой Германіи. Но это соображеніе, соотвѣтствующее условіямъ современнаго централизованнаго государства, не считается съ феодальнымъ партикуляризмомъ, имѣвшимъ тогда еще большую силу въ имперіи. Партикуляризмъ этотъ затруднялъ, правда, объединеніе всѣхъ революціонныхъ (или мятежныхъ) силъ въ одно цѣлое, но въ то же время онъ смягчалъ силу реакціи, коснувшейся не всѣхъ ихъ сразу и не въ одинаковой мѣрѣ.

Послѣ крестьянской войны, разумѣется, нечего было и думать о движеніи среди крестьянъ; вмѣстѣ съ послѣдними было усмирено большею частью и населеніе мелкихъ городовъ, примкнувшихъ къ нимъ. Зато большинство болѣе крупныхъ свободныхъ имперскихъ городовъ относилось къ крестьянскому возстанію такъ же равнодушно, какъ и къ предшествовавшему ему возстанію мелкаго дворянства подъ предводительствомъ Зикингена. Къ крестьянамъ относились враждебно не только высшіе классы гражданъ, патриціи,—среднее и мелкое мѣщанство, городская цеховая демократія также питали лишь весьма слабыя симпатіи къ сельскому населенію, симпатіи, которыя подчасъ были недалеки отъ открытой вражды.

Демократія большихъ городовъ въ общемъ не присоединила своихъ силъ къ возстанію демократіи крестьянъ и мелкихъ городовъ, но зато ея, по крайней мѣрѣ непосредственно, не коснулось ихъ пораженіе. Демократія въ большинствѣ свободныхъ имперскихъ городовъ южной Германіи послѣ крестьянской войны была еще не сломлена, но именно тогда получила особенно острый характеръ

борьба между нею и городской аристократіей съ одной стороны, и борьба между всѣмъ вообще городскимъ населеніемъ и княжеской властью, стремившеюся къ господству надъ городами и эксплуатаціи ихъ, съ другой. Эта борьба, впрочемъ, въ тѣ вѣка вообще никогда не прекращалась.

Масса населенія имперскихъ городовъ радостно привѣтствовала и поддерживала возстаніе Лютера противъ папы, но поддержка эта ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ Лютеръ сталъ относиться къ демократіи непріязненно.

Въ то самое время, какъ Лютеръ началъ отворачиваться отъ демократіи, въ Цюрихѣ совершилась церковная реформація именно въ такой формѣ, которая вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ городской цеховой демократіи. Эта реформація вскорѣ возбудила вниманіе южно-германскихъ имперскихъ городовъ и нашла въ нихъ благопріятную почву для себя, первоначально не становясь въ непріязненныя отношенія къ лютеранству. Но эти два направленія должны были встать въ противорѣчіе другъ къ другу, лишь только Лютеръ и его приверженцы объявили себя противниками демократіи. Такимъ образомъ эпоха крестьянской войны какъ разъ совпала съ началомъ великой борьбы между Лютеромъ и Цвингли. Борьба эта по внѣшности происходила изъ-за одного лишь слова, изъ-за того, сказалъ ли Христосъ: «сіе (хлѣбъ) есть тѣло мое», или «сіе (хлѣбъ) означаетъ тѣло мое». Въ дѣйствительности же это была борьба между буржуазно-демократической и княжеской реформаціей. Велась она при помощи отвлеченныхъ теологическихъ аргументовъ, но на самомъ дѣлѣ объектомъ ея были весьма реальные предметы.

Эта борьба съ 1525 года охватила всю Германію; оживленнѣе всего она велась въ имперскихъ городахъ южной Германіи, въ Страсбургѣ, Ульмѣ, Констанцѣ, Линдау, Меммингенѣ, Аугсбургѣ и т. д. Какъ раньше въ подобныхъ случаяхъ, такъ и теперь tertius gaudens явились коммунисты. Какъ прежде борьба съ римскимъ папой дала имъ воздухъ и свѣтъ для свободнаго развитія, такъ и теперь то же сдѣлала борьба съ папой виттенбергскимъ. Противъ лютеранъ южно-германскіе цвингліане воспользовались анабаптистами. Поэтому они и терпѣли ихъ въ первые годы послѣ 1525 г., такъ же какъ еще давно покровительствовалъ имъ самъ Цвингли, который теперь преслѣдовалъ ихъ.

Южная Германія сдѣлалась прибѣжищемъ политическихъ изгнанниковъ изъ свободной республики. Эти изгнанники являлись въ большомъ числѣ и быстро пріобрѣтали еще большее число приверженцевъ. Ихъ миролюбивыя убѣжденія, не допускающія насильственнаго возмущенія, вполнѣ соотвѣтствовали настроенію низшихъ классовъ послѣ усмиренія крестьянскаго возстанія. Къ этимъ пришельцамъ примкнули также и нѣкоторые прежніе приверженцы Мюнцера, напр., книгопродавецъ Гансъ Гутъ, уже встрѣчавшійся намъ выше: затѣмъ Мельхіоръ Ринкъ, бывшій сначала учителемъ въ Герсфельдѣ, затѣмъ священникомъ въ Экартсгаузенѣ, въ эйзенахскомъ округѣ; онъ участвовалъ въ битвѣ при Франкенгаузенѣ, но былъ счастливѣе Мюнцера и остался въ живыхъ. Теперь онъ примкнулъ къ баптистамъ.

Анабаптизмъ въ Германіи сталъ разростаться такъ быстро, что тамъ неоднократно высказывалось мнѣніе, будто онъ и возникъ-то вообще лишь во время крестьянскихъ войнъ или послѣ нихъ. Сами баптисты поддерживали это мнѣніе, надѣясь опровергнуть, такимъ образомъ, обвиненіе, которое охотно взваливали на нихъ ихъ противники, обвиненіе въ томъ, что они были зачинщиками

крестьянскаго возстанія. Баптисты могли ссылаться на то, что принятіе вторичнаго крещенія, какъ символа «братьевъ», ихъ окончательное отпаденіе отъ цвингліанской церкви и ихъ организація въ особую религіозную общину, — все это произошло лишь въ началѣ 1525 года.

Себастіанъ Франкъ принимаетъ такое объясненіе баптистовъ и вообще очень старается доказать, что они отнюдь не были настроены воинственно.

Во всякомъ случаѣ его взглядъ ближе къ истинѣ, чѣмъ другой, еще болѣе распространенный, котораго держался и Булингеръ, будто бы Мюнцеръ былъ основателемъ секты баптистовъ. Булингеръ, правда, самъ видѣлъ возникновеніе баптизма въ Цюрихѣ, но цюрихскому пастору, конечно, было желательно избавить родину цвингліанства отъ обвиненія, что она была также родиной неудобной секты, и взвести это обвиненіе на отечество лютеранства.

О 1526 годѣ Франкъ въ своей хроникѣ замѣчаетъ: «Во время крестьянскаго мятежа и сейчасъ же послѣ него возникла новая секта и особая церковь, основывавшаяся на буквѣ писанія. Иные называли ихъ (членовъ секты) анабаптистами, другіе же — баптистами. Они начали отличаться отъ другихъ особеннымъ крещеніемъ и стали презирать всѣ остальныя секты, какъ нехристіанскія. Важнѣйшими ихъ настоятелями и епископами были Балтазаръ Губмейеръ, Мельхіоръ Ринкъ, Іоганъ Гутъ, Іоганъ Денкъ и Людвигъ Гецеръ. Секта эта распространялась такъ быстро, что ученіе анабаптистовъ разнеслось по всей странѣ, и они быстро пріобрѣли большое число приверженцевъ, крестили много тысячъ людей и многія добрыя сердца... они привлекали къ себѣ. Повидимому, они учили только любить, вѣрить и страдать; въ страданіяхъ они оказывались терпѣливыми и смиренными; въ знакъ согласія и любви они преломляли между собою хлѣбъ. Анабаптисты охотно помогали другъ другу, давая въ займы и даря вещи и деньги. Они учили, что всѣ вещи должны быть общими и называли другъ друга братьями. Но съ людьми, непринадлежащими къ ихъ сектѣ, они едва здоровались, не подавали имъ даже руки. Они крѣпко держались другъ друга и распространялись такъ быстро, что всѣ боялись ихъ возстанія, хотя, какъ я слышу, ихъ повсюду признали неповинными въ этомъ» [1]).

Секта эта оказалась тѣмъ опаснѣе, что распространялась она въ большихъ городахъ. Характерно въ этомъ отношеніи письмо, написанное д-ромъ Экомъ герцогу Георгу Саксонскому 26 ноября 1527 года, объ анабаптистахъ. Тамъ, между прочимъ, говорится: «Эта секта возбуждаетъ сильныя опасенія, и ваша милость и княжескіе совѣтники поймутъ, что отъ нея надо ждать большаго вреда, чѣмъ отъ недавняго крестьянскаго возстанія, ибо она коренится въ городахъ. Если бы началось возстаніе и поднялись анабаптисты въ городахъ, то у нихъ оказалось бы оружіе, порохъ, доспѣхи, а также нашлись бы опытные въ военномъ дѣлѣ люди; къ нимъ примкнули бы крестьяне въ городахъ и всѣ пошли бы противъ духовенства, князей и дворянства. Поэтому князья и дворянство должны быть настороже» [2]).

Главными очагами южно-германскаго баптизма сдѣлались города Аугсбургъ и Страсбургъ, два центра ткацкаго производства, въ которыхъ уже прежде была очень сильна секта беггардовъ.

---

[1]) Себ. Франкъ, Chronik, стр. 444.

[2]) Напечатано у Зейдемана, „Th. Münzer“, стр. 150, 151.

Что касается послѣдняго города, то мы напомнимъ здѣсь вальденса Фридриха Рейзера, которому конгрессъ въ Таборѣ назначилъ резиденціей Страсбургъ, «бывшій несомнѣнно въ теченіе цѣлыхъ столѣтій столицей германскихъ сектантскихъ общинъ» (Келлеръ).

Какъ сильно бывало по временамъ коммунистическое сектантство въ Аугсбургѣ, показываетъ фактъ, что тамъ въ 1393 году велся процессъ не менѣе, чѣмъ противъ 280 вальденскихъ еретиковъ, большею частью ткачей и деревдѣловъ [1]).

Другимъ центромъ сектантства былъ Нюрнбергъ. Намъ извѣстно, что Мюнцеръ нашелъ тамъ многочисленныхъ единомышленниковъ, но въ Нюрнбергѣ былъ слишкомъ силенъ патриціатъ, такъ что тамъ не могло возникнуть народное движеніе.

Въ концѣ 1524 года, быть можетъ, непосредственно послѣ пребыванія тамъ Мюнцера, въ Нюрнбергѣ былъ арестованъ цѣлый рядъ «еретиковъ», между ними ученикъ Дюрера Іеркъ Пенцъ, братья Гансъ Зебальдъ и Бартель Бегаймъ, Людвигъ Кругъ и Зебальдъ Баумгауеръ и наконецъ также извѣстный намъ еще по Базелю Гансъ Денкъ, сдѣлавшійся въ 1523 г. ректоромъ въ школѣ Зебальда, по рекомендаціи Эколампадіуса, этого «благонамѣреннаго человѣка», который впослѣдствіи счелъ нужнымъ оправдываться въ этомъ передъ Пиркгеймеромъ.

Арестованные подвергнуты были суду. Келлеръ изучилъ относящіеся къ этому процессу документы, которые находятся въ окружномъ архивѣ въ Нюрнбергѣ. По его мнѣнію, изъ нихъ ясенъ «фактъ, что въ лицѣ заключенныхъ мы имѣемъ передъ собою членовъ братской общины, существовавшей уже давно подъ покровомъ тайны и имѣвшей сношенія съ другими городами, напр., съ Эрлангеномъ» [2]).

Главные обвиняемые были изгнаны; въ числѣ ихъ находился и Денкъ. Онъ ушелъ въ Швейцарію, гдѣ дѣла братьевъ шли въ то время хорошо. Въ началѣ 1525 года мы находимъ его въ Санъ-Галленѣ, корректоромъ типографіи. Но осенью того же года онъ опять появился въ Германіи, въ Аугсбургѣ. Именно тамъ противорѣчіе между лютеранствомъ и цвингліанствомъ начало выражаться рѣзче всего, именно тамъ, въ тѣ годы, напряженнѣе всего велась борьба между этими двумя направленіями, и анабаптисты нашли тамъ наиболѣе благопріятныя для себя условія.

Община быстро возрастала. Въ 1527 году она, по словамъ Урбана Регія, насчитывала уже 1100 членовъ. Ея распространеніе приписывали главнымъ образомъ дѣятельности Денка, «который со своими странниками», странствующими агитаторами, «хотѣлъ ввести свой баптистскій орденъ и у насъ, прятался сначала по угламъ и тайкомъ разливалъ свой ядъ», какъ говорится о немъ въ направленномъ противъ него памфлетѣ Урбана Регія [3]).

[1]) Бендеръ, „Geschichte der Waldenser“, стр. 70.

[2]) Келлеръ, „Die Reformation“, 422, 423.

[3]) Wider den newen Taufforden. Notwendige Warnung an alle christglaubigen durch die Diener des Euangelii zu Augspurg“, 1527 г. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ какихъ-либо достойныхъ вниманія извѣстій о баптизмѣ. Повидимому, благочестивые „слуги евангелія“ больше всего досадовали на анабаптистское правило, что „только тотъ истинный проповѣдникъ, кто странствуетъ, а не сидитъ на одномъ мѣстѣ“. Со временъ вальденсовъ это было традиціоннымъ правиломъ коммунистическихъ сектъ.

Обстоятельства очень благопріятствовали Денку въ Аугсбургѣ. Все-таки значительную часть достигнутыхъ имъ успѣховъ мы можемъ приписать его рвенію и его высокому развитію; наряду съ Губмейеромъ, это былъ одинъ изъ передовыхъ бойцовъ братьевъ. Петръ Гинореусъ, жившій въ 1526 году въ Аугсбургѣ, говоритъ о немъ, какъ о «главѣ анабаптистовъ». Буцеръ называетъ его «папой», а Галлеръ, въ письмѣ къ Цвингли отъ 2 декабря 1527 года, «Аполлономъ анабаптистовъ».

Будучи замѣчательнымъ ученымъ и философомъ, Денкъ больше всего стремился избавить ученіе баптизма отъ матеріальнаго «плотскаго» содержанія и «одухотворить» его. Онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ представителей болѣе мягкаго или, если угодно, болѣе практическаго миролюбиваго направленія среди баптистовъ. Направленіе это возникло наряду съ первоначальнымъ строгимъ направленіемъ и находило, что не только строгое проведеніе на практикѣ общности имущества, но и полная пассивность по отношенію къ государству очень стѣснительны. Въ Германіи, правда, противорѣчіе между этими двумя направленіями не достигло полнаго развитія; до этого дошло лишь въ Моравіи, гдѣ община нашла больше простора и скорѣе могла позволить себѣ роскошь внутреннихъ несогласій. Но зачатки образованія новаго, болѣе практическаго направленія, въ противоположность старому, цюрихскому, появились уже и въ Германіи, особенно въ Аугсбургѣ, гдѣ община такъ преуспѣвала и гдѣ въ числѣ ея членовъ находились лица изъ высшихъ сословій. Между ними былъ Эйтельгансъ Лангенмантель, «гражданинъ знатнѣйшаго рода въ Аугсбургѣ», который «былъ очень силенъ въ писаніи и въ познаніи Бога, о чемъ свидѣтельствуютъ его книжки, вышедшія изъ печати» Chronikl, изд. Бекомъ въ GeschichtsBücher, стр. 36). Онъ принялъ мученическую смерть за свое дѣло въ 1529 году.

Какъ у «богемскихъ братьевъ», такъ и здѣсь, на сторонѣ умѣреннаго направленія стоятъ большею частью люди образованные. Наряду съ Денкомъ въ этомъ отношеніи стоялъ Губмейеръ, который, правда, въ Цюрихѣ отрекся отъ анабаптистовъ, но тотчасъ же снова примкнулъ къ нимъ, какъ только оставилъ за собою цюрихскія стѣны.

Однако, образованные люди встрѣчались и среди послѣдователей другого направленія. Напримѣръ, только что упомянутый Лангенмантель выступилъ сторонникомъ болѣе строгаго коммунизма, если приписываемая ему «краткая рѣчь объ истинной общности», дѣйствительно его произведеніе. Онъ возражаетъ тѣмъ, которые говорятъ: «нѣтъ закона, повелѣвающаго, чтобы имущество было общимъ, но если такъ бываетъ изъ любви и по благочестивому желанію, то это хорошо. Но, вообще, каждый можетъ дать свое имущество въ общее пользованіе или оставить его себѣ, — все-таки онъ не будетъ исключенъ изъ истинной общины Христовой». Лангенмантель, напротивъ, заявляетъ: «величайшая заповѣдь Божія есть любовь; люби Бога больше всего, а ближняго своего, какъ самого себя. Любовь познается въ общности земныхъ благъ; никто не долженъ говорить «мое, мое», это мое принадлежитъ и брату. Кто отдастъ своему брату высшія, духовныя, будущія блага, если онъ отказывается давать земныя? Лишь тотъ, кто держится общности всего, причастенъ Христу. Кто не придерживается ея, тотъ внѣ Его и общины Его... Но если кто-нибудь скажетъ: разъ всѣ вещи должны быть общими, то должны быть общими и жены, — тому я отвѣчу: что Богъ установилъ, того человѣкъ не долженъ перемѣнять. Истинная общность

состоитъ въ томъ, чтобы никому не отказывали въ необходимомъ; пусть каждый беретъ женщину для себя одного, но пусть онъ дѣлаетъ это по-Божески. Изъ земныхъ благъ также каждому должно быть дано все, что ему необходимо. Община, въ которой одинъ богатъ и имѣетъ много имущества, а другой бѣденъ и терпитъ нужду,—не причастна Христу» [1]).

Но самымъ рѣшительнымъ представителемъ строгаго направленія сдѣлался переплетчикъ и книгоноша Гансъ Гутъ, который, какъ мы видѣли, прошелъ мюнцеровскую школу и обвинялся въ приверженности къ ученію объ общности женъ.

Уже на второмъ аугсбургскомъ конгрессѣ братьевъ Денкъ и Гутъ поспорили между собой.

Аугсбургъ имѣлъ настолько важное значеніе, что въ немъ состоялись два первые конгресса (синода) баптистовъ. Первый состоялся весной 1526 года; участіе въ немъ принимали: Гансъ Денкъ, Гансъ Гутъ, Людвигъ Гецеръ, Яковъ Гросъ изъ Вальдсгута, Каспаръ Ферберъ изъ долины Инна и Балтазаръ Губмейеръ. Этотъ соборъ санкціонировалъ введеніе въ Германіи поздняго крещенія, которое до тѣхъ поръ совершалось только въ Швейцаріи.

Важнѣе былъ второй «синодъ», состоявшійся въ августѣ 1537 года и въ которомъ участвовало уже болѣе 60 депутатовъ изъ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Главнѣйшей задачей конгресса была организація агитаціи, разсылка «апостоловъ» въ различныя страны, быть можетъ, также и составленіе программы, «символа вѣры».

«О постановленіяхъ этихъ собраній,—говоритъ Келлеръ, котораго мы придерживаемся при описаніи этихъ двухъ конгрессовъ, — у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ протоколовъ, но, по крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что депутаты послѣ продолжительныхъ дебатовъ, во время которыхъ обнаружилось разногласіе между Гутомъ и Денкомъ, наконецъ, сдѣлали постановленіе вполнѣ единодушное; при этомъ побѣду одержали идеи Денка [2]).

Наряду съ делегатами изъ теперешней области южной Германіи и Швейцаріи, мы на этихъ конгрессахъ находимъ также делегатовъ и изъ Австріи, туда также проникъ анабаптизмъ. Прежде всего, онъ появился въ граничащемъ съ Швейцаріей Тиролѣ и окрестныхъ округахъ.

Въ то время Тироль игралъ гораздо большую экономическую и политическую роль, чѣмъ теперь. Кромѣ Саксоніи и Богеміи горный промыселъ нигдѣ не былъ развитъ такъ высоко, какъ въ Тиролѣ и лежащихъ къ востоку отъ него сосѣднихъ округахъ. Тамъ находились не только богатыя залежи желѣзной и мѣдной руды и соли, но также многочисленныя золотыя и серебряныя мѣсторожденія. Какъ въ названныхъ выше странахъ, такъ и въ Тиролѣ горный промыселъ долженъ былъ содѣйствовать обостренію соціальныхъ противорѣчій; однако, въ альпійскихъ странахъ обостреніе это обнаруживалось не въ столь сильной степени, какъ въ Саксоніи. Главной причиной этого, вѣроятно, явилась непроходимость страны, замкнутость и малое плодородіе отдѣльныхъ долинъ. Населеніе боковыхъ долинъ оставалось внѣ вліянія немногихъ торговыхъ путей, пересѣкав-

---

[1]) Цитировано у Лозерта „Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer im 16 und 17 Jahrhundert“, Вѣна, 1894 г., стр. 99, 100.

[2]) „Die Reformation“, стр. 429.

шихъ высокіе альпійскіе проходы. Потребности этого населенія оставались прежнія, способы ихъ удовлетворенія тоже не измѣнялись. Никакая прибыль не манила купца въ эту непроходимую глушь, ибо крестьяне не производили излишка для обмѣна.

Богатства, производившіяся горнопромышленниками, особенно въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ, лишь отчасти содѣйствовали развитію товарнаго производства въ собственной странѣ. Главными владѣльцами тирольскихъ горныхъ промысловъ были не тирольцы; самыми крупными изъ нихъ были аугсбургскіе Фуггеры и Гохштеттеры. Впрочемъ, тирольскіе горные промыслы эксплуатировались даже и испанцами. Часть добычи, приходившаяся на долю владѣтельныхъ князей Габсбурговъ, также не оставалась въ странѣ, но расходилась по всему свѣту, чтобы содѣйствовать ихъ міровой политикѣ. Она расходилась по карманамъ наемниковъ изъ Швейцаріи, Нидерландовъ и Испаніи, по карманамъ государственныхъ людей при различныхъ дворахъ, которыхъ приходилось подкупать, и по карманамъ нѣмецкихъ курфюрстовъ и ихъ чиновниковъ.

Поэтому въ Тиролѣ, наряду съ высоко развитыми въ экономическомъ отношеніи мѣстностями, мы находимъ также и весьма отсталыя. Старое марковое устройство было, въ общемъ, еще въ большой силѣ, а эксплуатація крестьянъ, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Бренера, была еще незначительна. Обостреніе классовыхъ противорѣчій, обусловленное горнымъ промысломъ, распространялось почти исключительно на города, поселки возлѣ рудниковъ и копей и на ихъ ближайшія окрестности.

Когда волны крестьянской войны 1525 года достигли тирольскихъ и зальцбургскихъ Альпъ и привели въ движеніе ихъ населеніе, тогда во главѣ возстанія стали не крестьяне, а горнорабочіе [1]).

Тогда же обнаружилось, какую боевую силу представляли горнорабочіе и какимъ опаснымъ могло бы сдѣлаться возстаніе въ Тюрингенѣ, еслибы тамошніе горнорабочіе энергично примкнули къ нему. Возстанія въ сѣверномъ Тиролѣ и въ зальцбургскомъ округѣ въ 1525 году были единственныя, усмиренныя не силою оружія. Ихъ усмирили «средствами духовными», т.-е. лживыми обѣщаніями, пользуясь неразумнымъ партикуляризмомъ, которымъ зальцбургскіе и тирольскіе рабочіе отличались не меньше, чѣмъ мансфельдскіе. Нѣкоторые изъ самыхъ опасныхъ бунтовъ были успокоены путемъ уничтоженія слишкомъ вопіющихъ безобразій. Такимъ образомъ власти могли обратить все свое вниманіе на другихъ мятежниковъ и усмирить ихъ; затѣмъ имъ можно было стянуть войска и показать свою власть округамъ, которые не были усмирены военною силой. Послѣдніе ничего не выиграли отъ своей измѣны общему дѣлу; всеобщаго угнетенія рабочихъ классовъ, наступившаго послѣ 1525 года, они также не избѣжали.

Угнетенные и подавленные, хотя и не военною силой, низшіе классы Тироля послѣ крестьянской войны были также недовольны и враждебно настроены, какъ въ южной Германіи; но они не были такъ обезкуражены, какъ въ этой послѣдней.

Въ такомъ настроеніи нашли ихъ проповѣдники анабаптистовъ, приходившіе изъ Швейцаріи и Баваріи въ Тироль. Вскорѣ обнаружилось, какую благодарную почву представляла эта страна для новаго ученія.

[1]) Это подробно изложено въ моей уже выше упомянутой статьѣ: „Die Bergarbeiter und der Bauernkrieg“, Neue Zeit, 1889, стр. 508 и слѣд.

Баптизмъ распространился главнымъ образомъ въ горнопромышленныхъ округахъ. Еще до крестьянской войны они охотно восприняли лютеранское ученіе, носившее въ странахъ, подчиненныхъ католикамъ Габсбургамъ, чисто-оппозиціонный, рѣзко враждебный правительству характеръ. «Кромѣ духовныхъ лицъ новое евангеліе стали проповѣдывать и міряне, а именно рудокопы, писцы при судахъ, студенты и проч. Со всѣхъ сторонъ поднималось пламя воодушевленія новымъ ученіемъ. Главнымъ очагомъ противниковъ старой церкви сдѣлалось братство въ Шварцѣ, съ его многочисленными рудокопами [1]).

Въ 1525 году началось отпаденіе демократическихъ элементовъ Тироля отъ ученія Лютера, оказавшагося врагомъ демократіи. Они быстро примкнули къ баптистамъ, какъ только познакомились съ ихъ ученьемъ.

Уже въ 1526 году говорится о нѣкоторыхъ «братьяхъ» въ долинѣ Инна; въ числѣ ихъ былъ горный судья Пильграмъ Марбекъ изъ горнаго поселенія Раттенбергъ. Въ 1527 году въ числѣ очаговъ анабаптизма перечисляются уже и другія горныя поселенія, напр., Шварцъ, Кицбихель, Штерцингъ, Клаузенъ и т. д. При этомъ говорится, что секта эта сильнѣе всего укоренилась среди лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ горному промыслу [2]). Кромѣ того, намъ бросается въ глаза количество ткачей среди тирольскихъ баптистовъ; впрочемъ, не было также недостатка въ членахъ изъ другихъ слоевъ рабочаго класса; къ сектѣ примкнули даже нѣкоторыя лица дворянскаго сословія.

Въ Тиролѣ, также какъ и въ южной Германіи, въ первые годы послѣ крестьянской войны, число баптистовъ возрастало чрезвычайно быстро.

Но періодъ безпрепятственнаго распространенія ихъ во всѣхъ этихъ странахъ продолжался очень недолго. Какъ только секта начала пріобрѣтать замѣтное число приверженцевъ, городскія и княжескія власти соединились уже для ея преслѣдованія. Правда, по признанію самихъ противниковъ баптистовъ, эти послѣдніе вели тихую, мирную жизнь и отрицали всякій мятежъ. Но это не помогло имъ. Противники ихъ объявили, что выводъ изъ ихъ ученія — все-таки революція. Эту аргументацію мы находимъ въ оффиціальномъ, направленномъ противъ баптистовъ, сочиненіи, изданномъ въ 1528 году: «Краткое наставленіе etc...» [3]). Въ немъ говорится, что анабаптисты, правда, требуютъ повиновенія властямъ; но это только хитрость, которая очевидна изъ того, «что они обѣщаются и обязуются другъ передъ другомъ держаться всегда вмѣстѣ, жертвовать другъ для друга жизнью. Отсюда слѣдуетъ, что они такое свое обѣщаніе

---

[1]) Лозертъ, „Der Anabaptismus in Tyrol von seinen Anfängen bis zum Tode Jacob Hutter's". Вѣна 1892 г., стр. 21.

[2]) Лозертъ, l. c. стр. 37 и многія другія мѣста. Сравн. также у Бека „Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer", стр. 80, 81.

[3]) Полное заглавіе слѣдующее: „Ein kurtzer vnterricht den Pfarherrn vnd Predigern Inn meiner gnedigen Herrn der Marggrafen zu Brandenburg etc." Fürstenthumben und Landen hienidden in Franken vnd auf dem Gebirg verordnet, wes sie das, volck wider etliche verfürische lere der widertauffer an den Feyertägen auff der Cantzel zum getreulichsten und besten aus Götlicher schrifft vermanen und vnterrichten sollen". Во введеніи говорится, что маркграфы бранденбургскіе издали приказъ проповѣдовать противъ анабаптистовъ, вслѣдствіе чего и написана эта книжка, ибо „мы подумали, что быть можетъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ священниковъ и проповѣдниковъ не окажется необходимаго для этого ума и пониманія нашего приказа". Каждому священнику долженъ быть посланъ экземпляръ этого сочиненія.

и долгъ считаютъ выше долга по отношенію къ установленнымъ Богомъ властямъ». Наивные люди сначала не понимаютъ этого, но сущность ихъ дьявольскаго ученія направлена къ тому, чтобы сдѣлаться великими и могущественными. Тогда они оказывали бы сопротивленіе властямъ и своевольничали бы. Кто учитъ, что все должно быть общимъ, «тотъ просто имѣетъ намѣреніе вызвать среди подданныхъ недовольство и мятежъ противъ имущихъ».

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда воспоминаніе о крестьянской войнѣ было еще такъ свѣжо, эта аргументація была вполнѣ понята власть имущими. Кромѣ того, какъ мы видѣли изъ письма д-ра Эка, анабаптисты считались особенно опасными потому, что они угрожали городамъ. И, наконецъ, не надо забывать, что у значительной части анабаптистовъ, особенно же у пролетарскаго направленія Гута, несмотря на все миролюбіе, нельзя отрицать сильной бунтовщицкой жилки. Правда, всѣ они безъ исключенія объявляли каждую попытку вооруженнаго возстанія безумной и грѣховной. Но тѣмъ не менѣе многіе были убѣждены, что конецъ существующаго общества близокъ; они только не вѣрили уже въ успѣхъ внутренняго возстанія, а надѣялись на внѣшнюю войну.

Что не удалось крестьянамъ, то теперь должны были сдѣлать турки. Самъ Гансъ Гутъ, а также многіе изъ его товарищей, надѣялись на предстоящее вторженіе турокъ. По ученію Гута, послѣдніе должны были разрушить государство. Въ это время товарищамъ слѣдовало прятаться въ лѣсахъ и затѣмъ, когда турки выполнятъ свое назначеніе, они должны были выйти и завершить дѣло. Гутъ далъ даже точный срокъ начала тысячелѣтняго царствія: Троицу 1528 года.

Эти пророчества Гута, также какъ въ свое время пророчества Дольчино, вовсе не были простыми фантазіями; турки, дѣйствительно, приближались. Султанъ Сулейманъ пришелъ, хотя не въ 1528, но въ 1529 г., и ему удалось завоевать только Венгрію, въ Германію же онъ не могъ проникнуть. Подъ Вѣной онъ потерпѣлъ пораженіе къ огорченію не только наиболѣе энергичныхъ анабаптистовъ, но и болѣе рѣшительныхъ противниковъ императора среди нѣмецкихъ князей, особенно же ландграфа Филиппа Гессенскаго, столь прославленнаго патріотическими историками. Такимъ образомъ не одни только коммунисты были «измѣнниками отечеству».

Эти турецкія симпатіи части анабаптистовъ во всякомъ случаѣ не измѣнили къ лучшему отношенія къ нимъ, особенно въ странахъ имперскихъ [1]).

Однако, не слѣдуетъ приписывать слишкомъ большого вліянія на преслѣдованія анабаптистовъ страху передъ тѣмъ, что они станутъ дѣйствовать совмѣстно съ турками. На турокъ надѣялось между ними лишь меньшинство, а преслѣдованія анабаптистовъ происходили съ такимъ же успѣхомъ и въ мѣстахъ,

---

[1]) 18 апрѣля 1528 года мѣстнымъ судамъ и городамъ нижней Австріи правительствомъ были сообщены слѣдующія примѣты братьевъ:

„1) Когда одинъ анабаптистъ встрѣчаетъ другого, онъ берется за шляпу и говоритъ: Gott gruss dich, Bruder im Herrn, а другой отвѣчаетъ: Gott dank dir im Herrn.

„2) По ихъ мнѣнію и желанію не слѣдуетъ терпѣть никакой власти, кромѣ Бога, и все имущество должно быть у нихъ общимъ.

„3) Если турки появятся въ странѣ, анабаптисты хотятъ примкнуть къ нимъ, не хотятъ помогать своимъ властямъ и намѣрены убивать всѣхъ, кто не приметъ ихъ вѣры, не исключая и самого императора“. Лозертъ, „Hubmeier“, стр. 190.

гдѣ не было страха передъ турками, какъ и въ эпоху, когда грозило нашествіе турокъ, въ восточной части земель, подвластныхъ Габсбургамъ.

Страха передъ турками недостаточно, чтобы объяснить жестокія, озлобленныя преслѣдованія анабаптистовъ, которыя начались, лишь только эти послѣдніе пріобрѣли вліяніе на низшіе классы. Эти преслѣдованія можно объяснить только, какъ отголоски крестьянскихъ войнъ; послѣднія возбудили кровожадность и мстительность господствующихъ классовъ въ такой же мѣрѣ, въ какой раньше нагнали на нихъ страхъ. Съ тѣхъ поръ они видѣли смертельнаго врага въ каждомъ, кто симпатизировалъ низшимъ классамъ, какъ бы смиренъ и миролюбивъ онъ ни былъ. Для этого врага никакое ожесточеніе не могло быть слишкомъ сильнымъ, никакое наказаніе слишкомъ жестокимъ.

Протестанты и католики соперничали въ преслѣдованіи баптистовъ. «Больше всего крови было пролито въ католическихъ странахъ» — пишетъ Корнеліусъ (Münsterischer Aufruhr, II, 57). «Въ Германіи протестанты въ своихъ жестокихъ и кровавыхъ преслѣдованіяхъ превзошли даже католиковъ» — замѣчаетъ Бекъ (Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer, XVIII). Въ дѣйствительности же ни одна изъ двухъ сторонъ не имѣла въ этомъ отношеніи преимущества предъ другою.

Въ 1526 году происходили только отдѣльныя преслѣдованія баптистовъ въ южной Германіи, но когда число ихъ возросло, тогда усилились также и преслѣдованія. Въ 1527 году происходили уже многочисленныя казни братьевъ, но травля ихъ сдѣлалась всеобщею лишь въ слѣдующемъ году и началась императорскимъ мандатомъ отъ 4 января, назначавшимъ за вторичное крещеніе смертную казнь. Этотъ мандатъ былъ дополненъ шпейерскимъ рейхстагомъ 1529 года, тѣмъ самымъ, на которомъ евангелики протестовали противъ всякаго религіознаго насилія, отчего они и получили названіе протестантовъ.

Въ § 6 заключенія рейхстага (Reichstagsabschied) въ Шпейерѣ говорится: «Недавно возникла также новая секта анабаптистовъ, запрещенная обычнымъ правомъ и осужденная много столѣтій назадъ; эта секта... съ теченіемъ времени все болѣе распространяется и усиливается, почему Его Величество, для предупрежденія такого ужаснаго зла и могущихъ произойти отъ него послѣдствій, а также для поддержанія мира и согласія въ священной имперіи, сдѣлалъ законом'рное постановленіе, положеніе и правило и повелѣлъ объявить о нихъ во всей священной имперіи. Въ нихъ говорится, что всѣ и каждый, крестящій и крестимый вторично, мужчина и женщина разумнаго возраста будутъ осуждены на лишеніе естественной жизни и на казнь огнемъ, мечемъ или чѣмъ-либо другимъ, смотря по личности казнимаго, безъ предварительной инквизиціи духовныхъ судей».

Ихъ должны были убивать, какъ дикихъ звѣрей, лишь только ихъ поймаютъ, безъ судебнаго приговора, безъ судебнаго слѣдствія!

И это заключеніе рейхстага не осталось, какъ многія другія, лишь на бумагѣ. Пожалуй, исполнители его прибавляли еще лишнее отъ себя.

«Нѣкоторыхъ изъ нихъ, — пишетъ одинъ хроникеръ анабаптистовъ, — разрывали и колесовали, иныхъ сжигали въ пепелъ и прахъ, или жарили, привязавъ къ столбамъ, и терзали раскаленными щипцами. Другихъ запирали въ домахъ и сжигали со всѣмъ имуществомъ. Иныхъ вѣшали на деревьяхъ, казнили

мечемъ и бросали въ воду. Многимъ закладывали въ ротъ клинъ, чтобы они не могли говорить, когда ихъ вели на казнь.

«Ихъ кучами, какъ овецъ и ягнятъ, вели на бойню. Библейскія книги во многихъ мѣстахъ были строго запрещены, въ иныхъ же мѣстахъ ихъ сожгли. Нѣкоторые изъ анабаптистовъ умерли съ голоду или сгнили въ мрачныхъ тюрьмахъ; очень многихъ до казни пытали различнѣйшими способами. Нѣкоторыхъ, признанныхъ слишкомъ молодыми для суда, били кнутомъ. Многіе также по цѣлымъ годамъ оставались въ заключеніи въ тюрьмахъ [1]). Многимъ прожгли щеки насквозь и отпустили ихъ. Другихъ, избѣгнувшихъ всего этого, гоняли изъ одной страны въ другую, съ одного мѣста на другое. Словно совамъ и чепурамъ, не смѣющимъ показаться днемъ, имъ часто приходится прятаться и жить въ скалахъ и ущельяхъ, въ дикихъ лѣсахъ и ямахъ. Ихъ искали съ собаками и палачами, за ними охотились, какъ за птицами небесными, и все это продѣлывалось надъ людьми ни въ чемъ неповинными, не причинившими никому огорченія или вреда, и не желавшими причинять ихъ [2]).

Эта жалоба—только переданная въ прозѣ пѣсня того времени, сочиненная Леонардомъ Шимеромъ, францисканскимъ монахомъ, который, не найдя въ монастырѣ того, чего искалъ, примкнулъ къ анабаптистамъ и, не смотря на свою ученость, обучился портняжному ремеслу. Онъ принадлежалъ къ болѣе строгому направленію баптистовъ. Въ ноябрѣ 1527 года онъ въ Раттенбергѣ (въ Тиролѣ) попался въ руки властей и былъ обезглавленъ 14 января 1528 года. Онъ доказалъ своею жизнью справедливость пѣсни, которую пѣлъ:

«Они уничтожили Твое святилище, перекопали Твой алтарь; затѣмъ они убили твоихъ слугъ вездѣ, гдѣ могли поймать ихъ. Лишь мы одни, небольшое стадо Твое, остались. Насъ со стыдомъ и позоромъ гоняютъ изъ одной страны въ другую. Мы разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря, наши дома и дворы покинуты. Мы похожи на чепуру, которая также часто живетъ въ ущельяхъ. Наше

---

[1]) Пойманныхъ баптистовъ подвергали самымъ страннымъ пыткамъ, отличавшимся иногда своего рода жестокимъ юморомъ. Такъ, напр., историческія книги баптистовъ повѣствуютъ о нѣкоторомъ братѣ Либихѣ, который былъ арестованъ въ 1528 году во время агитаціоннаго путешествія въ долинѣ Инна и заключенъ въ веленбергскую тюрьму возлѣ Инсбрука. „Такъ какъ эта тюрьма очень нехороша, наполнена, какъ извѣстно, чудовищными привидѣніями и злыми духами, то милый братъ, находясь въ ней, часто подвергался искушеніямъ діавола. Послѣдній являлся къ нему въ видѣ дѣвицы и пока онъ молился, ложился къ нему на постель, такъ что ему очень трудно было выгнать его оттуда“. Если діаволъ въ видѣ дѣвицы „ничего не могъ подѣлать, онъ вылеталъ изъ тюрьмы вверхъ, оставляя за собой такой ужасный смрадъ, что братъ падалъ въ обморокъ“. Но тюремщики не довольствовались тѣмъ, что подвергали бѣднаго брата такому возбужденію фантазіи. „Сверхъ всего этого, чтобы не было забыто ни одно искушеніе, эти безбожники и дѣти сатаны посадили въ одно помѣщеніе съ Либихомъ одну пойманную также во имя вѣры сестру Урсулу Гельриглинъ, красивую молодую женщину, привязали ее къ его ногѣ и на долгое время оставили ихъ вмѣстѣ. Не трудно вообразить, что желали увидѣть діаволъ и его дѣти!“ Но, по крайней мѣрѣ по увѣренію Либиха и Гельриглинъ, ничего грѣховнаго не произошло.

Урсула была арестована въ 1539 году, когда ей было 17 лѣтъ, въ 1544 году она была помилована, и заключеніе ей замѣнили изгнаніемъ „ради глупости женскаго пола, а также ради ея молодости и просьбъ“. Вмѣстѣ съ нею былъ выпущенъ и изгнанъ Либихъ за то, что обратился „на путь истины“. (Бекъ „Geschichtsbücher“, стр. 155 и слѣд.).

[2]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. XIX. XX.

жилище — въ скалахъ и пещерахъ; насъ ловятъ, какъ птицъ небесныхъ; мы крадемся по лѣсамъ и насъ ищутъ съ собаками. Насъ, какъ безотвѣтныхъ ягнятъ, ведутъ пойманныхъ и связанныхъ. Всѣмъ говорятъ про насъ, что мы мятежники; насъ, въ качествѣ еретиковъ и соблазнителей, назначаютъ какъ овецъ на бойню. Многіе въ тѣсномъ заключеніи испускаютъ духъ свой, иные умерли отъ жестокихъ пытокъ... безъ всякой вины. Это терпѣніе святыхъ на землѣ. Ихъ вѣшали на деревьяхъ, душили и разрубали на части; тайно и открыто топили многихъ женщинъ и дѣвицъ. Онѣ безъ всякаго страха дали свидѣтельство истины, что Іисусъ Христосъ есть истина, путь къ ней и жизнь. Миръ все еще бѣснуется и не успокоился; онъ совсѣмъ обезумѣлъ; на насъ выдумали много лжи, насъ устрашаютъ огнемъ и убійствами. О Господи! Долго ли Ты еще будешь молчать на все это? Накажи гордость, пусть кровь святыхъ достигнетъ престола Твоего».

Какъ страшно свирѣпствовало первое большое преслѣдованіе, видно изъ того, что во время его погибли почти всѣ выдающіеся баптисты, которые не были избавлены отъ палача естественною смертью. Изъ числа послѣднихъ, болѣзненный Конрадъ Гребель умеръ въ 1526 году въ Граубюнденѣ [1]) и Денкъ погибъ въ концѣ 1527 года въ Базелѣ отъ чумы.

Первымъ мученикомъ баптизма былъ, какъ уже сказано выше, Феликсъ Манцъ. За нимъ послѣдовалъ 21 мая 1527 года ученый, Михаилъ Затлеръ изъ Штауфена въ Брейсгау, бывшій монахъ, примкнувшій въ 1524 году къ братьямъ. Онъ былъ пойманъ въ Ротенбургѣ на Неккарѣ, «его рвали раскаленными щипцами и затѣмъ сожгли; онъ остался вѣренъ Богу». Въ томъ же году въ Аугсбургѣ погибъ Гансъ Гутъ при попыткѣ бѣжать изъ мѣстной тюрьмы. Въ 1528 году умерли мученической смертью Бредли и Губмейеръ. Въ 1529 году, какъ мы уже увидѣли, былъ казненъ Лангенмантель; Блаурока сожгли въ Тиролѣ, Гецера обезглавили въ Констанцѣ. Ринкъ попалъ въ руки ландграфа Филиппа Гессенскаго, которому совѣсть не позволяла убивать мирныхъ людей изъ-за ихъ вѣры, что очень раздражало Лютера, напрасно старавшагося, при помощи «кроткаго» Меланхтона, убѣдить ландграфа безпощадно выполнять заключеніе рейхстага 1526 года. Впрочемъ, несчастные попавшіе въ руки Филиппа выиграли не особенно много: мягкосердный ландграфъ приговорилъ ихъ къ пожизненному заключенію.

Всѣ приговоренные къ смерти умерли стойко и смѣло, даже Губмейеръ. Послѣдній, впрочемъ, обнаружилъ сначала изрядную слабость. Онъ былъ арестованъ лѣтомъ 1527 года въ Никольсбургѣ въ Моравіи и по приказу Фердинанда, брата императора Карла, былъ приведенъ въ Вѣну. Съ 1521 года Фердинандъ сдѣлался главою Габсбурговъ въ Германіи, а съ 1526 года—королемъ Венгріи и Богеміи. Теперь, какъ и въ 1525 году въ Цюрихѣ, Губмейеръ старался спастись, отрекшись отъ своихъ заблужденій; даже относительно причастія и крещенія онъ объявилъ, что подчинится собору. Въ то же время онъ пред-

[1]) Такимъ образомъ Цвингли не удалось отмстить своему величайшему врагу, котораго онъ назвалъ нѣкогда „корифеемъ анабаптизма“. За то ему удалось казнить 30 октября 1526 года отца Гребеля, примирившагося съ сыномъ. Онъ обвинилъ его въ томъ, что тотъ якобы принялъ отъ французовъ пенсію. Старый Гребель до самаго конца клялся въ своей невинности и даже Булингеръ нашелъ, что его казнили несправедливо. Сравн. статью „Grebel“, Мейера Кнонау, въ „Allgemeine deutsche Biographie“.

лагалъ гонителю еретиковъ, Фердинанду, свои услуги. Въ заявленіи королю, въ своемъ «отчетѣ» отъ 3 января 1528 года онъ расхваливаетъ общеизвѣстное милосердіе Фердинанда и проситъ: «да проститъ и да окажетъ милосердіе и снисхожденіе Ваше Величество мнѣ, заключенному и огорченному человѣку, больному, находящемуся въ холодѣ и въ неудобствахъ; ибо съ Божьей помощью я хочу вести себя и поступать такъ, чтобы Ваше Королевское Величество были довольны мною. Куда бы меня ни отправили, повсюду я съ усердіемъ и стараніемъ буду принуждать народъ къ набожности, богобоязненности и послушанію»[1]).

Но всѣ просьбы и обѣщанія были напрасны. Губмейеръ, въ качествѣ вождя вальдсгутской оппозиціи, бунтовалъ противъ Габсбургскаго режима, а этого преступленія Габсбурги никогда не прощали.

Когда Губмейеръ увидѣлъ, что судьба его рѣшена, онъ взялъ себя въ руки, поддерживаемый свой мужественной женой Елизаветой, дочерью мѣщанина изъ Рейхенау, возлѣ Боденскаго озера, на которой онъ женился въ 1524 году въ Вальдсгутѣ. Она убѣждала его быть стойкимъ, и онъ бодро умеръ на кострѣ (въ Вѣнѣ 10 марта 1528 года); три дня спустя въ Дунаѣ утопили его мужественную жену. Слабость, какую выказалъ Губмейеръ, среди баптистовъ встрѣчалось очень рѣдко; всѣ изумлялись ихъ стойкости и радости, съ которой они встрѣчали смерть. Какъ христіанскіе писатели указывали на геройскую смерть мучениковъ, считая это доказательствомъ святости и возвышенности своего дѣла, такъ ссылались на своихъ мучениковъ и баптисты.

О баптистахъ, такъ же какъ и о мученикахъ древнихъ христіанъ, образовался цѣлый циклъ легендъ, исполненныхъ чудесъ. Моравская «Хроника» повѣствуетъ, что въ 1527 году въ Шердингѣ былъ приговоренъ къ смерти на кострѣ Леонардъ Кейзеръ, «бывшій прежде попомъ». Когда его на телѣгѣ везли къ мѣсту казни, «онъ по дорогѣ нагнулся изъ телѣги и, вытянувъ руку, сорвалъ цвѣтокъ. Показавъ его судьѣ, ѣхавшему рядомъ съ нимъ, онъ сказалъ: вотъ я срываю цвѣтокъ, если онъ и я сгоримъ, то пусть это будетъ знакомъ, что со мной поступили по справедливости. Если же я и цвѣтокъ не сгоримъ, если цвѣтокъ въ моей рукѣ останется цѣлымъ, то подумайте о томъ, что вы сдѣлали. Послѣ этого сожгли возлѣ него много саженъ дровъ, но онъ остался невредимымъ. Потомъ взяли еще разъ столько дровъ, но сжечь его было невозможно. Сгорѣли только его волосы, да ногти на пальцахъ немного потемнѣли; цвѣтокъ въ его рукахъ остался такимъ же свѣжимъ, какимъ былъ, когда его сорвали. Когда прикасались къ его тѣлу, съ него сходила копоть, и подъ нею оно было еще совершенно бѣлымъ». Палачи ничего не могли подѣлать съ огнеупорнымъ святымъ и пришлось четвертовать его и бросить куски тѣла въ Иннъ [2]).

Гораздо трогательнѣе этихъ фантазій достовѣрныя извѣстія о казняхъ баптистовъ, напр., о казни 16-лѣтней дѣвушки въ Зальцбургѣ. Ее никакимъ способомъ нельзя было довести до отреченія, но всѣ просили помиловать ее, «ибо всѣ чувствовали, что она была чиста и невинна, какъ ребенокъ. Палачъ взялъ ее на руки, отнесъ къ мѣсту, гдѣ поили лошадей, и держалъ ее подъ водою,

[1]) Цитировано по Лозерту: „Hubmeier“, стр. 180.
[2]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. 25, 26.

пока она захлебнулась. Затѣмъ онъ вытащилъ безжизненное тѣло и предалъ его огню [1]).

Но весь героизмъ, съ которымъ даже нѣжныя и беззащитныя женщины встрѣчали самыя изысканныя звѣрства, не трогалъ князей и ихъ духовныхъ и свѣтскихъ слугъ. Что въ мученикахъ древнихъ христіанъ было божественнымъ, то въ анабаптистахъ считалось дѣломъ діавола.

«Отчего,—спрашиваетъ Фаберъ фонъ Гейльбронъ,—анабаптисты такъ весело и спокойно терпятъ смертельныя муки? Они пляшутъ и скачутъ, идя въ огонь, безъ страха смотрятъ на сверкающій мечъ, съ улыбкой говорятъ и проповѣдуютъ народу, поютъ псалмы и другія пѣсни, пока не испустятъ духъ. Они умираютъ съ радостью, какъ будто находясь въ веселомъ обществѣ, остаются сильными, спокойными и стойкими до самой смерти». Все это дѣло «адскаго змія».

Лютеръ также называетъ стойкость анабаптистовъ адской закоснѣлостью, дѣломъ сатаны. «Святые мученики,—говоритъ онъ,—какъ нашъ Леонардъ Кейзеръ, умираютъ, выказывая смиреніе и большую кротость по отношенію къ своимъ врагамъ. Послѣдніе же (т.-е. анабаптисты) умираютъ, поддерживая свои силы и стойкость гнѣвомъ противъ своихъ враговъ» [2]).

Здѣсь съ почтеннѣйшимъ слугой божіимъ, благодаря его слѣпой злобѣ противъ анабаптистовъ, случился казусъ. Святой мученикъ, котораго онъ указывалъ какъ образецъ, не былъ, какъ онъ это воображалъ, лютераниномъ, но настоятелемъ баптистской общины въ Шердингѣ, — тотъ самый мученикъ, о которомъ мы узнали выше изъ легенды, что онъ велъ себя на кострѣ не какъ живое существо изъ плоти и костей, но какъ настоящая морская пѣнка.

Но вся эта стойкость, весь этотъ героизмъ имѣли только одинъ результатъ: число мучениковъ баптизма разрослось до чудовищныхъ размѣровъ. Уже въ 1530 году ихъ (по Себастіану Франку) насчитывали около 2000.

Любятъ обыкновенно повторять, что идей нельзя уничтожить насиліемъ. Есть масса доказательствъ въ пользу этого положенія, и оно звучитъ очень утѣшительно для всѣхъ преслѣдуемыхъ. Но въ такой безусловной формѣ оно невѣрно. Правда, самую идею нельзя уничтожить насиліемъ, но вѣдь идея сама по себѣ только тѣнь безъ всякой силы, безъ вліянія. Сила, какой достигаетъ общественный идеалъ,—здѣсь рѣчь идетъ только о такого рода идеяхъ,—зависитъ отъ индивидовъ, воспріявшихъ его, отъ ихъ могущества въ обществѣ. Если можно побѣдить классъ, имѣющій опредѣленный идеалъ, то вмѣстѣ съ нимъ уничтожается и этотъ идеалъ.

XVI вѣкъ принадлежитъ государственному абсолютизму, даже въ немногихъ свободныхъ городахъ власть правительства надъ низшими классами становится все болѣе неограниченною [3]). Одолѣвъ рыцарскую, крестьянскую и мелко-

[1]) Келлеръ, „Die Reformation", стр. 446.

[2]) Цитировано у Корнеліуса „Münsterisches Aufruhr", II, стр. 55.

[3]) Магистраты, городскіе совѣты имперскихъ городовъ съ XVI вѣка становились все независимѣе отъ гражданъ, все чаще стали вести себя, какъ цари. Въ 1602 году городской совѣтъ Гамбурга поднесъ гражданамъ слѣдующее положеніе: „если даже власть окажется безбожной, тираннической и скупой, то граждане все-таки не должны возмущаться противъ нея и противодѣйствовать ей, но должны принимать это какъ наказаніе Всемогущаго, которое подданные заслужили за свои грѣхи" и т. д. (Мауреръ, „Städte-

буржуазную оппозицію, абсолютизмъ шутя могъ задушить коммунистическое движеніе нѣсколькихъ пролетаріевъ и безсильныхъ буржуазныхъ идеологовъ. Анабаптизмъ въ южной Германіи исчезъ такъ же быстро, какъ и появился. Мюнстерская катастрофа (1535 года), о которой мы будемъ еще говорить въ другомъ мѣстѣ, повела къ его исчезновенію изъ Германіи. Сохранились лишь немногіе безсильные остатки его въ видѣ тайныхъ союзовъ, которые тамъ и сямъ влачили еще нѣкоторое время жалкое существованіе.

Кровавыя преслѣдованія были одной изъ причинъ, и при томъ важнѣйшею, исчезновенія баптистовъ изъ Германіи. Но этому не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что именно во время начала этихъ преслѣдованій баптисты нашли убѣжище внѣ Германіи и массами устремились туда. Этимъ убѣжищемъ, Америкой XVI вѣка, явилась Моравія.

V. Анабаптисты въ Моравіи.

Моравія представляла весьма благопріятныя условія для развитія баптизма. Находясь подъ господствомъ тѣхъ же повелителей, что и Богемія, маркграфство раздѣляло его судьбу во время гусситскихъ войнъ и послѣ нихъ. Борьба, разрывавшая Германію въ первое десятилѣтіе послѣ реформаціи, была давно закончена въ земляхъ, принадлежавшихъ королевству богемскому. Она кончилась тамъ компромиссомъ между старой и новой вѣрой, благодаря чему и явилась привычка къ вѣротерпимости. На ряду съ католиками и утраквистами, возникла секта богемскихъ братьевъ, нисколько не угрожающая государству и обществу, а наоборотъ, приносящая величайшую экономическую пользу хозяевамъ тѣхъ областей, гдѣ она распространилась.

Чтобы быть терпимой въ Богеміи и Моравіи, новой сектѣ не нужно было пріобрѣтать защиту государственной власти; со времени гусситскихъ войнъ князья были тамъ безсильны. Высшее дворянство пользовалось почти полной независимостью. Если секта пріобрѣтала расположеніе одного изъ бароновъ, то она спокойно могла селиться на его землѣ, чтобы ни думалъ о ней владѣтельный князь. Дѣло не измѣнилось, когда Богемія и Моравія въ 1526 году достались католическимъ Габсбургамъ.

Несмотря на эти благопріятныя обстоятельства, анабаптисты никогда прочно не укрѣплялись въ Богеміи. Это можно пожалуй объяснить національными условіями. Анабаптисты были нѣмецкими эмигрантами, а въ XVI столѣтіи національный антагонизмъ, достигшій въ предшествующемъ столѣтіи такой высокой степени, былъ еще очень силенъ въ Богеміи, поэтому нѣмцы не могли чувствовать себя особенно хорошо среди чешскаго населенія. Въ Моравіи же, напротивъ, національныя противорѣчія не были никогда настолько рѣзкими, и потому нѣмцамъ легче было найти тамъ пріютъ.

Уже осенью 1826 года Губмейеръ ушелъ изъ Аугсбурга въ Моравію; вмѣстѣ съ нимъ пошла «масса народа» и они нашли радушный пріемъ въ Никольсбургѣ,

verfassung", IV, стр. 186). Даже какой-нибудь князь той эпохи не могъ бы рѣзче подчеркнуть свою неограниченную власть, данную ему божьею милостію. Такимъ образомъ, можно говорить о городскомъ абсолютизмѣ съ такимъ же правомъ, съ какимъ говорятъ о княжескомъ.

во владѣніи Леонарда фонъ-Лихтенштейнъ, который самъ принялъ крещеніе. Тамъ была организована община и,—что весьма характерно,—сейчасъ же была устроена типографія, печатавшая сочиненія Губмейера. Типографомъ былъ Зимпрехтъ Зоргъ, по прозвищу Фрошауэръ изъ Цюриха.

Слава о новомъ «Еммаусѣ» вскорѣ распространилась повсюду среди братьевъ, и многіе ушли отъ преслѣдованія въ обѣтованную землю. Но свобода и успѣхъ способствовали развитію уже существовавшаго среди баптистовъ раскола. Противорѣчіе между строгимъ и болѣе умѣреннымъ направленіемъ, проявившееся уже въ Германіи, но отодвинутое на задній планъ преслѣдованіями, получило въ Моравіи полное развитіе. Вождями этихъ двухъ направленій были Губмейеръ и Гутъ, прибывшій вслѣдъ за первымъ въ Моравію.

Угрожавшая тогда война съ турками обострила расколъ. Для борьбы съ невѣрными былъ установленъ военный налогъ. Слѣдовало ли баптистамъ платить его? Они отрицали войну, а усиленіе императорскихъ войскъ противъ турокъ совсѣмъ не входило въ планы Гута, ожидавшаго отъ послѣднихъ благопріятнаго оборота дѣлъ, въ пользу баптистовъ. По этому поводу произошелъ цѣлый рядъ диспутовъ въ Никольсбургѣ и возлѣ него.

Въ историческихъ хроникахъ анабаптистовъ говорится: «Въ 1527 году, когда прошелъ слухъ, что турки хотятъ итти на Вѣну въ Австрію, братья и старѣйшины общины въ Бергенѣ (возлѣ Никольсбурга) собрались во дворѣ священника... для обсужденія вышеизложеннаго. Но они не могли прійти къ единодушному рѣшенію». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ говорится: «Гансъ Гутъ и другіе собрались въ Никольсбургѣ въ замкѣ (Лихтенштейна) для обсужденія того, слѣдуетъ ли носить и употреблять мечъ, или нѣтъ, надо ли давать военный налогъ, а также и для обсужденія другихъ мѣропріятій. Такимъ образомъ они разошлись, не будучи въ состояніи прійти къ соглашенію насчетъ всего этого.

Но такъ какъ Гансъ Гутъ не желалъ согласиться съ господиномъ Леонардомъ фонъ-Лихтенштейнъ въ пользу меча, то его противъ воли задержали въ никольсбургскомъ замкѣ. Одинъ человѣкъ, желавшій добра Гуту и заботившійся о немъ, ночью спустилъ его черезъ окно со стѣны въ сѣти для ловли зайцевъ. На другой день поднялся большой ропотъ и недовольство народа въ городѣ противъ господина Леонарда и его приверженцевъ за то, что они насильно оставили Гута въ замкѣ. Это побудило Балтазара Губмейера говорить объ этомъ передъ народомъ со своими помощниками въ госпиталѣ, ибо они не могли раньше согласиться по вопросу о мечѣ и налогѣ» [1]).

Повидимому тогда произошла довольно горячая перепалка между миролюбивыми братьями.

Гансъ Гутъ не остался въ Моравіи. Осенью 1527 года мы снова находимъ его въ Аугсбургѣ, гдѣ его арестовали и гдѣ онъ, какъ уже было сказано, кончилъ жизнь.

Губмейеръ же продолжалъ свой походъ противъ болѣе строгаго направленія. Его сочиненіе «О мечѣ» посвящено исключительно полемикѣ съ братьями [2]).

---

[1]) Бекъ, „Die Geschichtsbücher“ etc, стр. 49—51.

[2]) „Von dem Schwert. Ein Christenniche erklerung der Schrifften, so wider die Oberkait (das ist, das die Christen nit sollent im Gwalt sitzen noch das Schwert fieren) von etlichen Brüdern gar ernstlich angezogen verdendt D. Balthasar Hueb mör von

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя характерныя мѣста оттуда (они заимствованы у Лозерта). Прежде всего Губмейеръ указываетъ братьямъ, что они должны считаться съ обстоятельствами, должны жить въ мірѣ дѣйствительности, а не воображенія. Онъ начинаетъ словами Христа: «Царство мое не отъ міра сего». «Отсюда многіе братья заключаютъ, что христіанинъ не долженъ носить меча. Если бы эти люди хорошенько раскрыли глаза, то они говорили бы иначе, а именно, что наше царство не должно бы быть отъ міра сего. Но, къ сожалѣнію, оно отъ міра сего... Мы находимся въ царствѣ міра, грѣха, смерти и ада. Но, Господи, помоги выйти намъ изъ этого царства, мы по уши погрязли въ немъ и не можемъ избавиться отъ него».

Въ такомъ же родѣ Губмейеръ обращается и съ 15 другими цитатами изъ библіи, которыя представители болѣе строгаго направленія приводятъ въ свою пользу. Разумѣется, ему нетрудно найти въ Новомъ Завѣтѣ мѣста, доказывающія необходимость власти. Но разъ власть необходима, то добрый христіанинъ долженъ помогать ей. «Если же власть хочетъ покарать злого, — что она должна дѣлать для спасенія души,—и если она одна не въ состояніи одолѣть злого, а призываетъ подданныхъ на помощь, посредствомъ звона колоколовъ, выстрѣловъ, писемъ и воззваній, то подданные обязаны также ради спасенія души своей помогать власти и поддерживать ее, чтобы она могла по волѣ Божіей уничтожить и искоренить злыхъ». Послушаніе, впрочемъ, не должно быть слѣпымъ; «если же власть оказались бы по-дѣтски неразумной, или тѣмъ болѣе неспособной къ управленію, то хорошо было бы, если это возможно, избавиться отъ нея законнымъ путемъ и установить другую... [1]). Если же это невозможно сдѣлать законнымъ и мирнымъ путемъ безъ большого вреда и возстанія, то слѣдуетъ терпѣть эту власть».

Но, защищая военный налогъ и поддержку власти подданными, Губмейеръ защищаетъ также право христіанъ самимъ принимать на себя власть и носить мечъ.

Въ то же время Губмейеръ опубликовалъ полемическія сочиненія противъ Цвингли и его приверженцевъ. По одному изъ нихъ видно, что коммунизмъ его былъ также умѣренный. Въ своемъ «Gespräch auf Meister Ulrich Zwingli's» Taufbüchlein von der Kindertaufe» [2]) онъ возражаетъ на упрекъ въ «общности» или коммунизмѣ: «Я всегда и вездѣ объ общности имущества говорилъ, что одинъ человѣкъ долженъ имѣть состраданіе къ другому, долженъ кормить голоднаго, поить жаждущаго и одѣвать нагого, ибо мы вѣдь не владѣльцы нашихъ имуществъ, а только управители и распредѣлители ихъ. Навѣрное, нѣтъ никого, кто говоритъ, что надо отнять у человѣка имущество и сдѣлать его общимъ; скорѣе всякій долженъ отдать не только рубашку, но и верхнее платье». Не весьма красиво, что Губмейеръ, когда его арестовали, старается въ своемъ уже вышеупомянутомъ отчетѣ заручиться милостію короля Фердинанда, между

Friedberg, 1527 г.“ Лозертъ приводитъ отсюда пространную выдержку въ своей книгѣ „Hubmeier“, стр. 166 и слѣд.

[1]) „Ну, да, попробуй“, сказано въ одномъ примѣчаніи на поляхъ экземпляра изъ моравскаго окружнаго архива, которымъ пользовался Лозертъ.

[2]) „Ein Gesprech Balthasar Huebmörs von Friedberg, Doktors, auf Mayster Ulrich Zwinglens zu Zürich Taufbuechlein von dem Kindertauf. Die Wahrheit ist untödtlich. Nikolsburg 1526“. Подробно изложено у Лозерта, l. c. стр. 137 и слѣд.

прочимъ тѣмъ, что выставляетъ свое рѣзкое разногласіе съ Гансомъ Гутомъ. Онъ пишетъ тамъ «о страшномъ судѣ», который на языкѣ того времени означалъ просто революцію. «Хотя Христосъ далъ намъ много знаменій, чтобы мы могли узнать, какъ близокъ день его пришествія, все-таки этотъ день извѣстенъ одному только Богу. Поэтому я былъ почти жестокъ къ Іоганну Гуту и его послѣдователямъ, за то, что они назначили опредѣленный срокъ для страшнаго суда, а именно будущую Троицу, а также за то, что они проповѣдывали объ этомъ народу и такимъ образомъ побудили его продавать дома и имущество, оставлять женъ и дѣтей и заставили глупыхъ людей бросить свою работу и бѣжать за Гутомъ. Это заблужденіе, которое вытекаетъ изъ полнаго непониманія писанія». Изъ трехъ съ половиной лѣтъ пророка Даніила Гутъ сдѣлалъ четыре обыкновенныхъ года, а это большая ошибка. По разсчету Губмейера каждый день года пророка Даніила равенъ обыкновенному году; поэтому три съ половиной года пророка Даніила составляютъ 1277 лѣтъ, которыхъ недостаетъ въ разсчетѣ Гута. «На это я публично серьезно указывалъ ему и строго порицалъ его за то, что онъ такъ возмущаетъ и вводитъ въ соблазнъ бѣдный народъ; что я это дѣлалъ, я могу доказать, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать рѣчи, которыя я держалъ противъ него». Революціонеръ, ожидавшій революціи лишь черезъ 1277 лѣтъ, былъ дѣйствительно очень безопаснымъ.

Есть еще и другое мѣсто въ «отчетѣ», гдѣ Губмейеръ нападаетъ на Гута: «относительно крещенія и причастія, какъ о нихъ учатъ два правила Іоганна Гута и его приверженцевъ, я совсѣмъ иного мнѣнія, и пока Богъ дастъ мнѣ силы жить, въ своихъ сочиненіяхъ и ученіяхъ я буду противъ нихъ. Крещеніе, о которомъ я училъ, такъ далеко отъ крещенія Гута, какъ небо отъ ада. Что же касается причастія, то я также, Богъ дастъ, никогда не соглашусь съ нимъ».

Послѣ смерти этихъ двухъ крупныхъ противниковъ, споръ между обоими направленіями отнюдь не прекратился, хотя и затихъ на время, когда преслѣдованія баптистовъ (временно) распространились также на Моравію и въ то же время нашествіе турокъ привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе.

Много братьевъ переселилось тогда изъ Германіи въ Моравію. Одна «община» поселилась въ Росицѣ подъ предводительствомъ Гавріила Ашергама, по имени котораго она и называлась «гавріиловой». Когда тамъ стало слишкомъ тѣсно, часть ея членовъ, по преимуществу пфальцскаго происхожденія, отправилась подъ предводительствомъ Филиппа Пленера въ Ауспицъ и получила названіе «филиповцевъ». Обѣ общины, принадлежавшія къ умѣренному направленію, были противоположностью строгаго направленія, но и между собою не были согласны. Въ средѣ обитателей Никольсбурга продолжали спорить между собой оба направленія, изъ которыхъ болѣе строгое получило теперь наименованіе «общинниковъ» (Gemeinschaftler) или «палочниковъ» (Stäbler), другое же, умѣренное называлось «мечниками» (Schwertler).

На сторонѣ послѣднихъ стоялъ и Леонардъ фонъ-Лихтенштейнъ. Когда раздоры надоѣли ему, онъ принудилъ коммунистовъ строгаго направленія въ числѣ 200 взрослыхъ человѣкъ, выселиться (1528 г.). Первое, что тѣ сдѣлали отвернувшись отъ старой общины, было провозглашеніе коммунизма: «Тогда эти люди,—ихъ предводители,—разостлали передъ народомъ плащъ и каждый по-

ложилъ туда свое имущество, добровольно и безъ всякаго принужденія, для поддержанія бѣдныхъ, согласно ученію пророковъ и апостоловъ» [1]).

Они отправились въ Аустерлицъ, расположенный во владѣніяхъ господъ фонъ-Кауницъ, которые ихъ очень охотно приняли. Уже въ 1511 году тамъ основались «пикарды». Скоро за первыми переселенцами послѣдовало множество другихъ, и Аустерлицъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ пребыванія баптистовъ въ Моравіи.

Но и между аустерлицкими обитателями начались раздоры. Хорошее представленіе о нихъ даетъ намъ письмо, написанное уже извѣстнымъ намъ Вильгельмомъ Рейблиномъ изъ Ауспица къ его другу, вышеупомянутому тирольскому горному судьѣ, Пильграму Марбеку, отъ 26 января 1531 года, въ которомъ онъ описываетъ, какъ и почему онъ и его послѣдователи изгнаны изъ Аустерлица (8 января 1531 года). Между прочимъ онъ упрекалъ остающихся въ томъ, что они «общность имуществъ примѣняли ложно и съ обманомъ... Они держались старшинства, позволяли богатымъ имѣть собственные домики, такъ что, напр., Францъ съ женой могли жить, какъ дворяне. За обѣдомъ простые братья должны были довольствоваться горохомъ и капустой, а старшины и ихъ жены получали жареное мясо, рыбу, птицъ и хорошее вино; многихъ изъ ихъ женъ я никогда не видѣлъ за общей трапезой. У иного не было ни башмаковъ, ни рубашки, а сами они имѣли хорошее платье и шубы въ изобиліи» [2]).

Рейблинъ и его послѣдователи направились въ Ауспицъ и составили тамъ отдѣльную общину, но скоро самъ Рейблинъ оказался «лживымъ, невѣрнымъ и злымъ Ананіей» и былъ исключенъ. Онъ оставилъ себѣ 40 гульденовъ, которые привезъ изъ Германіи, вмѣсто того, чтобы отдать ихъ общинѣ.

1531 годъ былъ вѣроятно кульминаціоннымъ пунктомъ раздоровъ въ лагерѣ баптистовъ въ Моравіи. Франкъ, который издавалъ тогда свою хронику, описалъ состояніе моравскихъ братьевъ очень вѣрно въ указанномъ уже нами мѣстѣ (стр. 289), гдѣ онъ говоритъ, что въ этихъ общинахъ очень много членовъ исключаютъ, и сомнѣвается, — правильно ли дѣлятся имуществомъ въ Аустерлицѣ.

«Они допускали одну плотскую вольность за другою, — говорятъ историческія хроники моравскихъ анабаптистовъ того времени.—Такимъ образомъ они сдѣлались подобными всѣмъ, такъ что никто не можетъ отличить ихъ отъ обыкновенныхъ мірянъ» [3]).

Но то, что казалось процессомъ разложенія, было въ дѣйствительности только броженіемъ, давшимъ чистый и прочный продуктъ.

Результатомъ всей этой борьбы была коммунистическая организація, которая просуществовала почти цѣлое столѣтіе и была уничтожена только силой. Главная заслуга въ окончательной организаціи баптистовъ принадлежитъ тирольскимъ эмигрантамъ, которые съ 1529 года сотнями переселялись въ Моравію и наложили свой отпечатокъ на мѣстное движеніе. Между ихъ предводителями особенно выдавался шапочникъ Яковъ, по ремеслу своему называвшійся Гутеромъ (часто смѣшивается съ Гансомъ Гутомъ). Онъ имѣлъ такое

[1]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. 75.

[2]) Письмо это напечатано дословно въ V приложеніи къ книгѣ Корнеліуса „Münsterischer Aufruhr“, II, стр. 253—259.

[3]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. 99.

вліяніе на новую организацію, что ее назвали по его имени. Въ Моравіи анабаптисты стали называться съ этого времени «гутеровскими братьями». Насколько въ организаціи братьевъ участвовалъ геній Гутера, и насколько онъ являлся лишь исполнителемъ воли массы, которая стояла за нимъ и его поддерживала,—нынѣ трудно установить.

Осенью 1529 года Яковъ Гутеръ и Сигизмундъ Шютценгеръ съ нѣсколькими товарищами прибыли изъ Тироля въ Аустерлицъ и присоединились къ мѣстной общинѣ, узнавъ, что въ Моравіи хорошо жить. Яковъ вернулся въ Тироль, чтобы отправлять въ Моравію «одну группу братьевъ за другою». Эти новоприбывшіе привозили съ собой энтузіазмъ, самопожертвованіе и дисциплину и составляли ядро коммунистическихъ общинъ, которое объединяло и другіе элементы ихъ въ мирномъ и постоянномъ сожительствѣ.

Въ августѣ 1533 года самъ Гутеръ возвратился съ многочисленными послѣдователями, ибо въ Тиролѣ «тиранія достигла такихъ предѣловъ, — какъ объясняли братья, съѣхавшіеся въ іюлѣ этого года на конгрессъ въ гуфидаунерскомъ округѣ (Тироль), — что и святой не могъ бы остаться». Теперь началась настоящая реорганизаціонная работа; должно быть она производилась очень энергично и сознательно, потому что основныя черты баптистскихъ общинъ. въ окончательномъ видѣ, были уже твердо установлены въ то время, когда возстаніе баптистовъ въ Мюнстерѣ (въ 1534 году), всюду повлекшее за собой усиленное преслѣдованіе ихъ, напугало и часть моравскихъ дворянъ, такъ что они на время лишили баптистовъ своего покровительства. Началось первое большое преслѣдованіе ихъ въ Моравіи. Общины баптистовъ должны были разойтись, члены ихъ были изгнаны. При этомъ мы узнаемъ, какъ многочисленны были они тогда; моравскихъ баптистовъ насчитывали до 3—4.000.

Пришлось бѣжать и Гутеру. 1 мая 1535 года онъ послалъ намѣстнику Моравіи протестъ противъ преслѣдованія братьевъ, который свидѣтельствуетъ о необыкновенной смѣлости этого человѣка. «Увы и ахъ!—восклицаетъ онъ между прочимъ,—и еще разъ горе вамъ навѣки, моравскіе господа, за то, что вы позволили безжалостному тирану и врагу божественной правды, Фердинанду, изгнать набожныхъ и богобоязненныхъ изъ вашихъ земель, и что вы боитесь негоднаго и смертнаго человѣка больше, чѣмъ всемогущаго Господа Бога» [1]).

Протестъ этотъ имѣлъ только одно дѣйствіе: онъ усилилъ преслѣдованіе Гутера; «власти серьезно преслѣдовали брата Якова и часто говорили: «если бы только добраться до Якова Гутера», какъ будто они думали, что тогда все возвратится къ прежней тишинѣ» [2]).

Гутеръ возвратился въ Тироль, но и тамъ находился не въ большей безопасности, чѣмъ въ Моравіи. 30 ноября 1535 года онъ былъ схваченъ въ Клаузенѣ; объ обращеніи съ нимъ братья разсказываютъ: «его сажали въ ледяную воду и потомъ вводили въ жаркую комнату и били прутьями. Также ранили ему тѣло, лили на рану водку и зажигали, и т. д.». Онъ былъ сожженъ рано утромъ 3 марта 1536 года втихомолку, потому что палачи боялись народа.

---

[1]) Протестъ напечатанъ въ 17 приложеніи къ сочиненію Лозерта „Anabaptismus in Tyrol, bis zum Tode Hutters“, стр. 171—175.

[2]) Бекъ, „Geschichtsbucher“ стр. 117.

Предводитель палъ, но община имѣла достаточно внутренней силы, чтобы перенести этотъ ударъ и еще многіе другіе. Уже въ 1536 году баптисты опять могли собраться въ Моравіи. Тѣ господа, на землѣ которыхъ они поселились, во время преслѣдованій поняли экономическое значеніе этихъ прилежныхъ и ловкихъ работниковъ. Они позвали ихъ обратно; тѣ вышли изо всѣхъ закоулковъ и скоро не только поправили старые недочеты, но могли даже подумать объ основаніи новыхъ общинъ.

Преслѣдованіе совсѣмъ не повредило баптистамъ, напротивъ, оно кажется укрѣпило ихъ, ибо отдѣлило отъ нихъ всѣ сомнительные элементы. Единенія съ 1536 года было гораздо больше, чѣмъ до того, и съ тѣхъ поръ оно стало быстро увеличиваться. Гутерово направленіе поглотило въ концѣ концовъ всѣ другія развѣтвленія секты.

Основнымъ положеніемъ теперешней организаціи моравскихъ баптистовъ былъ строжайшій коммунизмъ. Считалось грѣхомъ владѣть даже самыми ничтожными предметами. «Гансъ Шмидтъ, приговоренный къ смерти, посылаетъ своей Магдалинѣ на память свою ухочистку, предполагая, что братья ничего не будутъ имѣть противъ этого. Этотъ самый Гансъ Шмидтъ умираетъ за ученье объ общности имущества; это ученье — его драгоцѣннѣйшее сокровище, лучшее на землѣ, лишиться котораго для него величайшее несчастіе...

«Кто присоединялся къ баптистамъ, тотъ долженъ былъ отрѣшиться отъ всего своего имущества и передать его избраннымъ старшинамъ. Правда, къ обществу присоединялись преимущественно люди бѣдные, работники и ремесленники, но мы знаемъ изъ тирольскихъ актовъ, что, не говоря объ отдѣльныхъ дворянахъ, въ новую вѣру обращались и очень зажиточные крестьяне» [1]).

Что отдавалось общинѣ, то принадлежало ей и отнюдь не было взносомъ вродѣ пая. Даже когда членъ выходилъ изъ общины или исключался изъ нея, ему не возвращалось внесенное.

Въ вопросѣ относительно государства и войны болѣе строгое направленіе также побѣдило. Послѣдователи его подчинялись всѣмъ справедливымъ требованіямъ властей, но Богу они должны повиноваться больше, чѣмъ людямъ, т.-е. баптисты представляли сами себѣ рѣшеніе, въ какихъ случаяхъ они могли слушаться властей. Участіе въ управленіи государствомъ запрещалось, также какъ и веденіе войны или уплата военныхъ налоговъ.

«Если отъ насъ станутъ требовать что-нибудь, не разрѣшенное Богомъ, какъ, напр., военные налоги, плату палачу или другія вещи, не подходящія для христіанина и не основанныя на священномъ Писаніи, то мы на это никогда не согласимся» — заявляли баптисты въ 1545 году въ памятной запискѣ къ моравскому ландтагу.

Баптисты слѣдовательно получили развитіе въ другую сторону, чѣмъ богемскіе братья. У тѣхъ въ борьбѣ двухъ направленій побѣдило болѣе умѣренное, у баптистовъ же—болѣе строгое. Причину этого мы должны искать въ различіи обстоятельствъ, при которыхъ обѣ секты возникли.

Богемскіе братья дѣйствовали среди своей націи. Какъ только ихъ община начала распространяться и процвѣтать, тотчасъ же у братьевъ явилось желаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность обратить всю націю въ свою вѣру. Но каждая

[1]) Лозертъ, „Der Kommunismus“, стр. 102, 108.

попытка практической дѣятельности въ этомъ направленіи влекла за собою, при тогдашнемъ ростѣ товарнаго производства, ослабленіе коммунистическихъ наклонностей и политики воздержанія.

Баптисты въ Моравіи были и остались нѣмцами среди чешскаго населенія. Они чувствовали себя чужими среди этого населенія, и имъ не трудно было остаться маленькой сектой, народцемъ «избранныхъ» или «святыхъ» среди «язычниковъ». Они имѣли лишь немного точекъ соприкосновенія съ окружающимъ, и это окружающее не притягивало ихъ къ себѣ, но напротивъ, отталкивало и сближало ихъ между собою.

Извѣстно, что даже безъ коммунистической организаціи люди одного племени и одного языка чувствуютъ себя среди чуждаго населенія солидарнѣе, чѣмъ на родинѣ.

Къ этому присоединилось еще и другое обстоятельство. У богемскихъ братьевъ усиленіе умѣреннаго направленія шло объ руку съ увеличеніемъ числа «интеллигентовъ» и ученыхъ въ ихъ средѣ, и одно явленіе обусловливалось другимъ. Ученые въ средѣ ихъ были носителями умѣреннаго направленія, потому ли что взглядъ ихъ былъ шире, или потому, что они тяжелѣе другихъ чувствовали на себѣ замкнутость секты отъ общества.

У анабаптистовъ ученые также являются въ большинствѣ случаевъ выразителями умѣренныхъ взглядовъ. Но первое большое преслѣдованіе въ Германіи, начавшееся въ 1527 году и продолжавшееся до начала тридцатыхъ годовъ, уничтожило ихъ почти всѣхъ и они не нашли себѣ послѣдователей. Съ тѣхъ поръ у баптистовъ совсѣмъ незамѣтно ученыхъ. Почти всѣ выдающіеся среди нихъ люди,—простые ремесленники. Ненависть къ ученымъ, къ которой склонны почти всѣ коммунистическія секты среднихъ вѣковъ и временъ реформаціи, развивается теперь у нихъ безпрепятственно.

«Уже современники—говоритъ Лозертъ—удивляются глубокому презрѣнію анабаптистовъ ко всякой учености, какъ къ высшимъ школамъ, такъ и къ отдѣльнымъ ученымъ. «Вѣдь всѣ эти анабаптисты», восклицаетъ Фишеръ [1]), «по большей части крестьяне, ремесленники и виноградари, грубые, невѣжественные и неученые люди, набранные изъ простонародья! Развѣ они не презираютъ всѣ свободныя искусства, а также и св. Писаніе, гдѣ оно не подходитъ для нихъ; развѣ они не пренебрегаютъ высшими школами и не уничтожаютъ ученыхъ людей; развѣ не презираютъ они исторію?» Въ утвержденіяхъ Фишера очень много истины. Въ многочисленныхъ судебныхъ разбирательствахъ и посланіяхъ къ моравской общинѣ, анабаптисты не задумывались выражать свое презрѣніе къ учености, и даже съ учеными судьями и посланными для ихъ обращенія священниками различныхъ исповѣданій, они по этой же причинѣ обращались довольно пренебрежительно» [2]).

Если послѣ перваго преслѣдованія не появлялось болѣе образованныхъ идеологовъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ, которыя были созданы этими преслѣдованіями. Съ 1527 г. изъ буржуазнаго общества исключался всякій, кто заявлялъ себя солидарнымъ съ баптистами. Если такой

[1]) „Vier und fünfzig Erhebliche Ursachen, Warumb die Widertauffer nicht sein im Land zu leiden. Gestellt durch Christophorum Andream Fischer, d. Pfarrherrn zu Veldsperg". Ингольштадтъ, 1607 стр. 64, 65.

[2]) Лозертъ, „Kommunismus der Wiedertäufer" стр. 144.

человѣкъ не могъ рѣшиться превратиться въ крестьянина съ крестьянами или въ ремесленника съ ремесленниками, и самъ себя изгнать изъ предѣловъ цивилизованнаго міра, — то онъ дѣлалъ лучше, если скрывалъ свои убѣжденія въ глубинѣ души, какими бы баптистскими они не были.

Ученые симпатизирующіе баптистамъ и пролетаріямъ сдѣлались съ 1525 года рѣдкимъ явленіемъ, потому что въ этомъ году вмѣстѣ съ гражданской свободой была убита въ Германіи и свобода науки. Наука сдѣлалась также какъ и церковь вѣрнымъ слугою правительства; профессора, подобно священникамъ, превратились въ княжескихъ лакеевъ. Храбрость и самостоятельность, которыя проявила нѣмецкая наука въ послѣднія десятилѣтія передъ 1525 годомъ, какъ будто вѣтромъ сдуло. Откуда бы тутъ могли явиться ученые съ революціонными взглядами?

Кромѣ этихъ обстоятельствъ, имѣетъ значеніе еще одинъ моментъ, который объясняетъ побѣду болѣе строгаго направленія баптистовъ.

То же преслѣдованіе, которое въ корень уничтожило ученыхъ, во время баптистскаго движенія погнало въ Моравію всю массу тирольскихъ братьевъ, между которыми было очень много рудокоповъ, прошедшихъ школу капиталистической эксплуатаціи и научившихся въ крупномъ производствѣ дисциплинѣ и планомѣрному, совмѣстному дѣйствію. Кромѣ того, тамъ были ткачи, среди которыхъ коммунистическій энтузіазмъ всегда былъ наиболѣе силенъ.

Появленію этихъ элементовъ можно преимущественно приписать то, что въ моравскихъ общинахъ сталъ преобладать строгій коммунизмъ.

Основнымъ положеніемъ его была, какъ и во всѣхъ прежде разсмотрѣнныхъ формахъ коммунизма, общность потребленія, общая собственность на предметы потребленія. Съ этимъ по необходимости пришлось соединить уничтоженіе отдѣльной семьи. Правда, моравскіе баптисты не дошли до уничтоженія единобрачія. Одна форма этого уничтоженія, — безбрачіе была у нихъ запрещена, именно ради противоположности папской церкви; признаніе безбрачія поставило бы ихъ на одну доску съ монахами, наиболѣе ненавистными защитниками эксплуатаціи и испорченности. Но и свободное сожительство. еще болѣе чѣмъ безбрачіе, противорѣчило тогдашнимъ взглядамъ и потребностямъ мелкаго мѣщанства и крестьянства, идеямъ котораго слѣдовалъ и пролетаріатъ того времени.

Большая свобода любви и брака была требованіемъ, гораздо болѣе близкимъ сердцу высшихъ революціонныхъ классовъ, князей, купцовъ и гуманистическихъ ученыхъ XVI столѣтія, нежели тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ выходили баптисты. У прогрессирующихъ высшихъ классовъ можно было найти жизнерадостность, сознаніе собственной личности, для сильнѣйшаго развитія которыхъ были даны всѣ условія, «индивидуализмъ» и ненависть ко всякому стѣсненію. Коммунисты изъ третируемыхъ и угнетенныхъ низшихъ классовъ во время этой борьбы могли до извѣстной степени держаться только благодаря тому, что совершенно подчиняли свою личность общинѣ. Для этихъ элементовъ, съ ихъ мрачнымъ аскетизмомъ, половое, а также и всякое другое наслажденіе было чѣмъ-то такимъ, что не заслуживало никакого вниманія, а выставленіе своей личности было не только грѣховно, но и предосудительно. Тѣмъ болѣе, что у высшихъ классовъ они его видѣли соединеннымъ съ гордостью и заносчивостію. Современная индивидуальная половая любовь только что зарождалась тогда, и условій для ея развитія среди высшихъ классовъ имѣлось больше, чѣмъ среди низшихъ.

Поэтому во время реформаціи именно княжескіе прислужники настаивали на облегченіи расторженія брака; Лютеръ и Меланхтонъ даже считали дозволеннымъ многоженство! Лютеръ говорилъ, что внѣбрачное сожительство лучше воздержанія; «всѣ монахини и монахи, которые не имѣютъ вѣры, но радуются и утѣшаются своею невинностью и монашескимъ обѣтомъ, недостойны укачивать крещеное дитя или сварить ему кашу, даже если это дитя блудницы, потому что ихъ обѣтъ и ихъ жизнь не имѣютъ за себя Божьяго слова; пусть они не хвалятся, что Богу угодно то, что они дѣлаютъ, какъ можетъ хвалиться женщина, если она носитъ даже и незаконнаго ребенка» [1]).

У коммунистовъ того времени преобладала, за небольшими исключеніями, величайшая строгость въ брачныхъ дѣлахъ. Нарушеніе брака было тяжелымъ преступленіемъ и бракъ считался у нихъ нерасторжимымъ. «Что Богъ соединилъ, того человѣкъ да не разлучаетъ», говорили баптисты. Въ случаѣ нарушенія брака, не только виновный наказывался временнымъ исключеніемъ, но и невинный супругъ получалъ свою часть наказанія. Онъ не долженъ былъ болѣе имѣть дѣла съ виноватымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не искупитъ совершенно своей вины. Неисполненіе этого безусловно влекло за собою исключеніе. Такъ, напр., въ «Geschichtsbücher» 1530 года о Георгѣ Цонрингѣ, наслѣдователѣ Вильгельма Рейблина въ настоятельствѣ надъ ауспицкимъ братствомъ, говорится: «Когда нѣкто, по имени Ѳома Линдль, нарушилъ бракъ съ женою Георга Цонринга, то они (т.-е. старшіе) наложили на этихъ двоихъ только тайную эпитимію, а Георгъ во время наказанія долженъ былъ воздерживаться отъ сношеній съ женой. Но, какъ только имъ объявили прощеніе грѣховъ, Цонрингъ опять взялъ къ себѣ свою жену, какъ прежде, а когда объ этомъ узнала община, то не хотѣла терпѣть, чтобы порокъ прелюбодѣянія и блуда подвергся столь малому наказанію... Послѣ того какъ Лингартъ Шмербахеръ указалъ общинѣ на дѣла Георга Цонринга, какъ тотъ сдѣлался причастнымъ прелюбодѣянію, община единогласно постановила: Такъ какъ причастники христовы не должны дѣлаться причастниками прелюбодѣянія, то будетъ справедливо исключить и изгнать ихъ изъ общины» [2]).

Исключеніе изъ общины составляло самое тяжелое наказаніе, примѣняемое у баптистовъ.

Объ общности женъ у нихъ, значитъ, не было и рѣчи; наоборотъ, въ брачныхъ дѣлахъ они были строже, чѣмъ «язычники». Но отъ брака у баптистовъ оставалось очень мало, кромѣ сожительства, и такъ какъ личная любовь, благодаря мрачному, безрадостному аскетизму, который запрещалъ танцы и любовныя игры, была отъ нихъ еще дальше, чѣмъ отъ массы населенія того времени, то браки по большей части устраивались старшинами, подобно сожительству въ государствѣ Платона и у перфекціонистовъ Онеиды.

Главнѣйшія функціи единобрачія, кромѣ сожительства, были уничтожены, благодаря введенію совмѣстнаго хозяйства и совмѣстнаго воспитанія дѣтей всѣхъ членовъ общины.

Община распадалась на нѣсколько хозяйствъ («Haushaben»), разсѣянныхъ по всей Моравіи. Во время высшаго расцвѣта общины ихъ насчитывалось до 70.

---

[1]) Цитировано по Янсену „Geschichte des Deutschen Volkes“. II, стр. 278.

[2]) Бекъ, „Geschichtsbücher, стр. 101.

Въ каждомъ изъ нихъ жило вмѣстѣ отъ 400 до 600 человѣкъ и даже больше; въ самомъ большомъ было даже до 2000 членовъ. «У нихъ была только одна общая кухня, одна пекарня, одна пивоварня, одна школа, одна комната для родильницъ, одна комната, гдѣ матери жили вмѣстѣ съ грудными дѣтьми и т. д.

«Въ такомъ хозяйствѣ былъ одинъ глава и распорядитель, который весь хлѣбъ и вино, шерсть, скотъ и все необходимое покупалъ на деньги, получаемыя отъ всѣхъ ремеслъ и отъ всѣхъ занятій, затѣмъ, по мѣрѣ надобности, раздѣлялъ всѣмъ въ домѣ; обѣдъ для учениковъ, родильницъ и всего остального народа приносили въ одну комнату, столовую. Къ больнымъ назначены сестры, которыя должны подавать имъ ѣду, питье и служить имъ.

«Самыхъ старыхъ сажаютъ отдѣльно и подаютъ имъ больше, чѣмъ молодымъ и здоровымъ людямъ, притомъ всѣмъ по заслугамъ и по возможности» [1]).

Относительно пищи, употребляемой при общихъ обѣдахъ, намъ говоритъ письмо изъ временъ упадка общины, когда она, изгнанная изъ Моравіи, кое-какъ перебивалась въ Венгріи (1642 г.): «Къ старшимъ братьямъ Винцъ... пишемъ мы, какъ у насъ обстоитъ дѣло съ пищей: мясо мы имѣемъ ежедневно на ужинъ, а утромъ одинъ, два, три или четыре раза въ недѣлю, смотря по возможности. Во время другихъ пріемовъ пищи мы довольствуемся овощами.

«Каждый день во время ѣды два раза глотокъ вина, кромѣ этого ничего ни въ обѣдъ, ни въ полдень, ни вечеромъ, исключая того времени, когда мы идемъ на вечернюю молитву, тогда мы принимаемъ вино, а иногда и пиво.

«Хлѣбомъ, который печется для всего дома, мы охотно довольствуемся, и въ теченіе года мы ничего особеннаго не велимъ печь, развѣ только въ особыхъ случаяхъ, напр., въ дни праздниковъ Господнихъ или въ другіе праздники, какъ Пасха, Троица и Рождество» [2]).

Пища «братьевъ», какъ называли другъ друга баптисты, была простая, но обильная. При этомъ не поступали по шаблону, но уже, какъ замѣчено выше, давалось каждому по заслугамъ его и возможности. Какимъ образомъ это дѣлалось, мы видимъ изъ кухоннаго росписанія отъ 1569 года, которое, будучи составлено во время голода, назначало пищу по возрасту, полу, роду занятія, состоянію здоровья и т. д. Даже эта столь грубая и примитивная община стоитъ высоко надъ «государственными кухнями» съ ихъ одинаковыми для всѣхъ безъ исключенія порціями, которыя фантазія Евгенія Рихтера видитъ въ соціалъ-демократическомъ «государствѣ будущаго» 20 столѣтія.

На-ряду съ общимъ домоводствомъ у баптистовъ особенно замѣчательно общее воспитаніе дѣтей. Бекъ говоритъ о «спартанскомъ воспитаніи дѣтей, которыя отъ материнской груди отправлялись въ общую дѣтскую, гдѣ подростали, отчужденные отъ родителей и дѣтскихъ чувствъ» (Geschichtsbücher, стр. XVII). Пожалуй, Бекъ могъ бы скорѣе назвать воспитаніе дѣтей платоновскимъ;

---

[1]) Андрей Эренпрейсъ, Ein Sendbrief... brüderliche Gemeinschaft, das höchste Gebot der Liebe betreffend, 1650 г. Цитировано у Лозерта въ „Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer“, стр. 115. Мельникъ Эренпрейсъ былъ съ 1639 по 1662 г. главою всѣхъ братьевъ. Изъ этого и другихъ его сочиненій, которыя даютъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія объ организаціи моравскихъ баптистовъ, Лозертъ приводитъ многочисленныя выдержки.

[2]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. 406 и 407.

многія стороны воспитанія баптистскихъ дѣтей напоминаютъ платоновскую «республику», также какъ и многое у нихъ напоминаетъ «Утопію» Мора. Весьма возможно, что многое тутъ основано на преданіи; Платонъ былъ извѣстенъ коммунистамъ эпохи реформаціи. На него указываетъ Томасъ Мюнцеръ (стр. 246), а также и Себастіанъ Франкъ (стр. 313), стоявшіе очень близко къ баптистамъ. Ученые, которые въ началѣ присоединились къ баптистамъ, навѣрно знали Платона. Въ базельскомъ кружкѣ гуманистовъ, сгруппировавшемся вокругъ Эразма Роттердамскаго и имѣвшемъ очень большое вліяніе на первыхъ ученыхъ баптистовъ, знали и обсуждали «Утопію» Мора. Не только возможно, но даже вполнѣ вѣроятно, что вліяніе этихъ сочиненій перешло черезъ посредство ученыхъ и на необразованныхъ братьевъ. Однако, это воздѣйствіе не удостовѣрено, да и нѣтъ необходимости его предполагать, для того, чтобы объяснить сходство гутеровскихъ учрежденій съ учрежденіями Платона и Мора. Это сходство можетъ быть основано и на томъ, что логика вещей направила необразованныхъ пролетаріевъ Моравіи на ту же самую дорогу, на которую указывали греческій мудрецъ и англійскій гуманистъ, какъ на выводъ изъ своихъ идей.

Послѣдователи Гутера не заходили, подобно Платону, такъ далеко, чтобы отнимать у матерей ребенка тотчасъ послѣ рожденія и сдѣлать невозможнымъ узнать его. Въ общинѣ имѣлась отдѣльная общая комната для родильницъ и комната для женщинъ съ грудными дѣтьми, но дитя оставалось тамъ возлѣ своей матери. Полутора или двухъ лѣтъ его отдавали въ общее воспитательное заведеніе, въ школу.

Это было однимъ изъ пунктовъ, который больше всего не нравился противникамъ баптистовъ: «Безумные баптисты поступаютъ противъ природы,—пишетъ вышеупомянутый Фишеръ въ 1607 году. — Они глупѣе, чѣмъ маленькія птички, и немилосерднѣе, чѣмъ дикія животныя относительно своихъ дѣтенышей, потому что какъ только дитя отнято отъ груди, его отнимаютъ отъ родной матери и передаютъ назначеннымъ для этого сестрамъ, затѣмъ незнакомымъ учителямъ и вспыльчивымъ воспитательницамъ, которыя безъ любви, скромности и милосердія подчасъ сильно и жестоко бьютъ ихъ. Такимъ образомъ они воспитываются съ чрезвычайной строгостью, такъ что многія матери черезъ 5—6 лѣтъ и вовсе не видятъ и не знаютъ ихъ, благодаря чему часто происходитъ кровосмѣшеніе». Дѣти при этой системѣ будто бы часто бываютъ болѣзненными и «опухшими».

На практикѣ выходитъ иначе. Фишеръ самъ себя опровергаетъ, жалуясь въ другомъ мѣстѣ, что богачи въ Моравіи охотнѣе всего берутъ въ няньки и кормилицы тѣхъ женщинъ, которыя выходятъ изъ школъ баптистовъ, чего они навѣрно бы не сдѣлали, если бы результаты, достигнутые этими школами были столь плачевны. «Не дай Богъ какъ далеко зашло дѣло; теперь почти всѣ женщины въ Моравіи берутъ бабками, нянъками и кормилицами только баптистскихъ женщинъ, какъ будто онѣ однѣ понимаютъ толкъ въ этихъ дѣлахъ». Болѣе блестящимъ образомъ нельзя было доказать превосходство коммунистическаго воспитанія дѣтей, чѣмъ это дѣлаетъ злѣйшій врагъ коммунистовъ [1]).

[1]) Въ другомъ мѣстѣ, въ сочиненіи отъ 1604 года Фишеръ возстаетъ противъ баптистскихъ „кормилицъ, которыя вмѣстѣ съ молокомъ передаютъ невиннымъ христіанскимъ младенцамъ баптистскій ядъ“.

Если баптистскихъ женщинъ брали въ воспитательницы маленькихъ дѣтей, то и школы ихъ пользовались хорошей репутаціей, такъ что иновѣрцы охотно посылали туда своихъ дѣтей.

Подобно другимъ коммунистамъ со временъ вальденсовъ, и послѣдователи Гутера наибольшее значеніе придавали народному образованію. Ихъ школьное устройство и педагогическія правила и теперь еще заслуживаютъ вниманія. Они были необычайнымъ явленіемъ для XVI столѣтія, въ которомъ педагогика стояла на самой низкой ступени развитія и которое свою грубость и жестокость обнаруживало и въ школьномъ дѣлѣ.

Для иллюстраціи обычныхъ воспитательныхъ пріемовъ того времени можетъ служить слѣдующій случай, о которомъ пишетъ Эразмъ Роттердамскій и который не составляетъ исключенія, но можетъ считаться типичнымъ. Одинъ учитель во время обѣда, который онъ ѣлъ вмѣстѣ съ учениками, имѣлъ обыкновеніе вытаскивать одного изъ нихъ изъ-за стола и передавать для наказанія грубому экзекутору; послѣдній, исполняя однажды свои обязанности, только тогда отпустилъ слабаго мальчика, когда самъ сталъ обливаться потомъ, а мальчикъ полумертвый лежалъ у его ногъ. Учитель спокойно сказалъ, обращаясь къ ученикамъ: «онъ, положимъ, ничего не сдѣлалъ, но его слѣдовало осадить». Такова была педагогика противниковъ коммунизма.

Баптисты, напротивъ, говорили: «побоями немного сдѣлаешь; нужно дѣйствовать на дѣтей поученіемъ: если бы у нихъ было уже столько богобоязненности, чтобы они могли сами себя предохранять, то не нужно было бы и учителей».

Баптистскія школы содержали многочисленный персоналъ учителей, «школьныхъ сестеръ» и нянь, подъ начальствомъ одной «школьной матери». Они должны были заботиться не только о духовномъ, но и о физическомъ благосостояіи молодежи.

Воспитаніе и обученіе были установлены «старыми обычаями», которые въ 1568 году были записаны. Это школьное предписаніе больше всего вниманія обращаетъ на физическое процвѣтаніе юношества. «Если ребенка,—говорится тамъ—приводятъ въ школу, то состояніе его здоровья должно быть тщательно изслѣдовано. Если онъ имѣетъ заразительную болѣзнь, какъ напр., гніеніе, сифилисъ и т. д., то его нужно отдѣлять во время сна, ѣды, питья и умыванья отъ остальныхъ дѣтей».

Если школьная мать очищала ротъ больного ребенка, то она не должна была немытыми пальцами лѣзть въ ротъ здороваго, но «сначала чистой тряпкой и водой вымыть пальцы». Кромѣ того, она должна научить и сестеръ, какъ мыть дѣтямъ ротъ.

Вообще баптисты придавали громадное значеніе строжайшей чистотѣ.

Сестры должны слѣдить за сномъ маленькихъ дѣтей. Нужно остерегаться будить ихъ, если во снѣ они вскрикиваютъ. Если ребенокъ раскроется, то надо его закрыть, чтобы онъ не простудился [1]). Ночью ни одному ребенку, развѣ только больному, нельзя давать ѣсть. Спящихъ дѣтей безъ особой надобности не слѣдуетъ заставлять вставать и т. д.

---

[1]) Можетъ быть добрые анабаптисты, когда писали свои школьныя правила, предчувствовали за три столѣтія впередъ „Strampel-Annie“ Евгенія Рихтера.

Съ дѣтьми не слѣдуетъ быть понапрасну строгими. Если дитя провинится во время пряденія, то не должно сейчасъ же бить его,—довольно пожаловаться школьной матери. Большихъ мальчиковъ наказываетъ школьный учитель, дѣвочекъ—школьная мать. При воровствѣ, лжи и другихъ проступкахъ, всегда слѣдуетъ совѣтоваться съ однимъ изъ братьевъ относительно размѣра наказанія. Слишкомъ жестокія наказанія, напр., удары по головѣ или по губамъ, были строго воспрещены.

При воспитаніи требовалось обращать вниманіе на индивидуальность. «При воспитаніи дѣтей нужны большое вниманіе и разборчивость: одного можно воспитывать ласкою, другой поддается на подарки, а третій требуетъ болѣе строгихъ пріемовъ».

У дѣтей, которыя въ первый разъ являются въ школу, не надо стараться сразу сломить характеръ.

Этихъ выдержекъ изъ школьныхъ правилъ достаточно, чтобы показать, какъ правъ Лозертъ, говоря, что они «заключаютъ положенія, могущія сдѣлать честь и нынѣшней школѣ».

Какимъ предметамъ, кромѣ чтенія и письма, извѣстныхъ всѣмъ почти баптистамъ, и кромѣ баптистскаго ученія, обучались въ школахъ,—неизвѣстно. На ряду съ духовнымъ развитіемъ шелъ повидимому и производительный трудъ. По крайней мѣрѣ, дѣвочекъ уже съ раннихъ лѣтъ учили прясть.

До какого возраста продолжалось школьное обученіе, — мы также не знаемъ. Изъ школы дѣти переходили къ сельскому хозяйству, домоводству или промышленности. Промышленныя и сельскохозяйственныя работы производились прежде всего для удовлетворенія потребностей общины. Прежде ихъ удовлетворенія нельзя было работать на постороннихъ.

Но баптисты были прекрасными работниками и ихъ работа давала значительный излишекъ. Особенно отличались они въ области коневодства, мельничества и пивоваренія, а также въ выдѣлкѣ ножей и сукна, что составляло самый главный ихъ промыселъ. И здѣсь мы опять находимъ тканье шерсти тѣсно связаннымъ съ коммунизмомъ.

Излишекъ, котораго они достигали въ той или иной области производства, принялъ среди общества, основаннаго на товарномъ производствѣ, форму товара. Они продавали большую часть своихъ произведеній, что давало имъ возможность увеличить производство нѣкоторыхъ продуктовъ гораздо болѣе ихъ собственныхъ потребностей. Такимъ образомъ они доходили въ нѣкоторыхъ отрасляхъ до крупнаго промышленнаго производства.

Формы хозяйства и производства уже съ давнихъ поръ тѣсно связаны другъ съ другомъ; прежде это было еще замѣтнѣе, чѣмъ теперь. Капиталистическое производство ослабило эту связь тѣмъ, что отдѣлило мастерскую отъ дома и сдѣлало связь между ними уже не столь непосредственною. Въ древности же и въ средніе вѣка то и другое были тѣсно соединены. Расширеніе производства означало и увеличеніе семьи.

Но наоборотъ, и увеличеніе семьи не оставалось безъ вліянія на расширеніе хозяйственнаго производства.

Общее хозяйство, напр., монастырей или беггардскихъ домовъ, всегда способствовало введенію крупнаго производства. Если 20 ткачей жили въ одномъ общемъ хозяйствѣ, то понятно, что они вмѣстѣ покупали сырой матеріалъ и

обрабатывали его въ общемъ помѣщеніи. Но эти тенденціи получили очень слабое развитіе; у однихъ,—монастырей—имъ препятствовало то, что эти организаціи всегда, рано или поздно, переставали быть рабочими организаціями и дѣлались организаціями эксплуататоровъ; у другихъ же,—беггардскихъ домовъ и тому подобныхъ учрежденій — развитію общихъ работъ препятствовали преслѣдованія, которыя не давали имъ укорениться и вліять на производство.

Наконецъ, какъ монастыри, такъ и беггардскіе дома процвѣтали въ видѣ рабочихъ учрежденій въ такое время, когда ни общественное развитіе, ни техника не дали еще условій для развитія крупнаго производства.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло у анабаптистовъ въ Моравіи. Ихъ организаціи были болѣе обезпечены, чѣмъ большинство беггардскихъ домовъ; но будучи пришельцами, которыхъ только терпѣли, а правительство постоянно преслѣдовало, они не могли развить своего хозяйства до эксплуататорскихъ организацій, какими были монастыри. Наконецъ, они выступили въ такое время, когда уже были даны многочисленныя условія для общественнаго производства; горное и заводское дѣло приняло уже капиталистическій характеръ и было дисциплинировано. Ремесла также стремились тогда дорости до мануфактуры и разбить преграды цехового ограниченія производства небольшимъ количествомъ рабочихъ. Если при такихъ условіяхъ основывались хозяйства въ 1000—2000 человѣкъ, то значитъ присущая имъ тенденція къ устройству и развитію крупнаго производства находила себѣ благопріятную почву.

У анабаптистовъ «обнаруживалась тенденція къ крупному производству и отдѣльные рабочіе работали другъ для друга. Строго было запрещено покупать сырой матеріалъ не у анабаптистовъ, конечно, если они его имѣли. Такъ, изъ бойни кожи отдавались дубильщикамъ, а обработанныя ими передавались сапожникамъ, шорникамъ и сѣдельникамъ. Таковы же были отношенія между прядильнями и ткацкими, между суконщиками и портными и т. д. Только немногіе сырые продукты, какъ напр., желѣзо, высшіе сорта масла и другіе брались у чужихъ. Всѣ ремесла производились въ крупныхъ размѣрахъ, потому что для своихъ произведеній, ножей, косъ, полотенъ, суконъ и башмаковъ они находили хорошій сбытъ не только у братьевъ, но и у другихъ сосѣдей».

Между сырыми продуктами, которые они покупали, Лозерту, у котораго взята эта цитата, слѣдовало назвать еще одинъ, весьма важный, именно шерсть. Фабрикація шерсти такъ процвѣтала среди нихъ, что моравской шерсти оказывалось мало, и они ввозили иностранную, вѣроятно, венгерскую. На это указываетъ слѣдующее мѣсто въ ихъ историческихъ хроникахъ: «въ 1544 году ландтагъ воспретилъ намъ покупать шерсть для нашихъ мастерскихъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ королевскихъ городовъ и дворовъ помѣщиковъ» [1]).

Каждое ремесло имѣло своихъ закупщиковъ, распредѣлителей (Zuschneider) и старшихъ. Первые покупали, когда было нужно, сырой матеріалъ въ большомъ количествѣ, а вторые распредѣляли его между отдѣльными работниками и слѣдили за ихъ планомѣрной совмѣстной работой. Организація труда и, вообще, производства очень занимала братьевъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные рабочіе уставы, изданные ими. Къ сожалѣнію, «для большинства ремеслъ и, между прочимъ, такихъ, какъ производство сукна, которое было осо-

[1]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. 158.

бенно оживленнымъ и успѣшнымъ, не сохранилось этихъ уставовъ». Поэтому относительно высоты, которой достигало крупное производство у баптистовъ, мы можемъ дѣлать только предположенія; мы не знаемъ также, какъ далеко шло раздѣленіе труда и планомѣрная, совмѣстная работа въ отдѣльныхъ производствахъ.

Достовѣрно лишь, что они отъ уровня тогдашняго цехового ремесла сдѣлали большой шагъ впередъ къ мануфактурной организаціи производства. Притомъ они всегда заботились о томъ, чтобы въ техническомъ отношеніи стоять на высотѣ своего времени; такъ они, напр., время отъ времени посылали мельниковъ въ Швейцарію, чтобы изучить тамошнюю постановку дѣла.

Если производство баптистовъ въ техническомъ смыслѣ превосходило ремесла, то тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ коммерческомъ, главнымъ образомъ потому, что они покупали сырой матеріалъ въ большихъ количествахъ, или брали его изъ собственнаго хозяйства. Важное значеніе имѣло для нихъ и то, что они легче переносили торговые кризисы, отсутствіе сбыта, нежели частные производители. Вполнѣ же избѣгнуть временнаго перепроизводства они не могли, такъ какъ работали въ общемъ для рынка.

Напр., въ 1641 году, правда, уже во времена упадка, на конференціи одной венгерской общины (въ Моравіи ихъ тогда уже не было), старшины общины упрекали ножевщиковъ, между прочимъ, въ томъ, что «они имѣютъ такія большія мастерскія, для которыхъ не хватаетъ рабочихъ, а если рабочихъ бываетъ довольно, то нельзя продать всю массу ножей; другая же домашняя работа остается несдѣланной и ее нужно поручать нанятымъ за наличныя деньги рабочимъ» [1]).

Подобныя жалобы встрѣчаются нѣсколько разъ, но послѣдствія перепроизводства не были особенно значительными. Излишнія рабочія силы просто на нѣкоторое время переходили изъ промышленности въ сельское хозяйство, гдѣ никогда не бывало недостатка въ работѣ.

Ко всѣмъ этимъ преимуществамъ коммунистическаго способа производства передъ «индивидуалистическимъ» отдѣльныхъ ремесленниковъ, слѣдуетъ еще прибавить, что содержаніе отдѣльнаго человѣка въ общемъ хозяйствѣ было гораздо дешевле, нежели въ маленькихъ одиночныхъ хозяйствахъ ремесленниковъ. Поэтому намъ нечего удивляться, что со времени организаціи гутеровскихъ общинъ въ Моравіи не умолкаютъ жалобы на пагубную конкурренцію, которую дѣлаютъ коммунисты цеховымъ мастерамъ.

Уже въ 1545 году братья говорили въ своемъ заявленіи моравскому ландтагу: «что касается городовъ, которые, какъ мы слышимъ, жалуются на насъ за то, что мы отнимаемъ у деревенскихъ ремесленниковъ хлѣбъ, то мы знаемъ только, что прежде всего стараемся честно работать, чтобы угодить каждому, и наша честность извѣстна почти всему народу... Если кто несправедливо на насъ жалуется, то мы ради этого не можемъ ухудшить качество нашей работы».

Въ 1600 году историческія хроники повѣствуютъ: «въ этомъ году наши противники много кричали въ Моравіи, что общины сверхъ всякой мѣры распространяются въ странѣ и своими ремеслами причиняютъ величайшій вредъ и

[1]) Бекъ, „Geschichtsbücher“, стр. 465.

убытокъ городамъ и мѣстечкамъ. Поэтому правительство рѣшило запретить намъ устройство новыхъ общинъ, помѣщикамъ же попрежнему позволить пользоваться работой братьевъ» [1]).

Конкурренція баптистовъ удостоилась даже чести поэтическаго осужденія; въ 1586 году появилась «другая, новая прекрасная пѣсня, въ которой ясно изображается обманъ и коварство гутеровскихъ анабаптистовъ». Авторомъ ея называлъ себя Іоаннъ Эйсфогель изъ Кёльна, «бывшій гутеровскій анабаптистъ, братъ изъ Аустерлица въ Моравіи». Въ этой пѣснѣ говорится:

Das Getreid thun sie aufkaufen,
Wohl in dem Mährerland,
Sie schüttens auf ein Haufen.
Ist doch ein' grosse Schand,
Dass man's von ihn' thut leiden.
All Handwerk sie verderben
Hierum wohl in dem Land,
Mit allerlei gewerben
Sind sie gar wohl bekannt—
Um zwiefach Geld sie geben
Ihr' Waar' ohn' alle Scheu,
Kaufen Alles auf daneben,
Kein Armer kommt nicht bei.
Das Brot thun sie obschneiden
Dem Armen wohl vor dem Maul.
Das macht: dass man's thut leiden.

(Они скупаютъ хлѣбъ въ Моравіи и сыплютъ его въ большую кучу; позоръ, что мы терпимъ отъ нихъ это.

Всѣ ремесла они портятъ кругомъ во всей странѣ, со всевозможными работами они очень хорошо знакомы.

Всѣ свои товары продаютъ за двойную цѣну безъ всякаго стыда; при этомъ все скупаютъ, такъ что бѣдняку нельзя и приступиться.

Они отнимаютъ хлѣбъ у бѣдняковъ; это происходитъ потому, что люди терпятъ это).

Какъ въ школьномъ дѣлѣ, такъ и въ способѣ производства баптистовъ, ихъ превосходство надъ соотвѣтствующими учрежденіями ихъ противниковъ всего ярче обнаруживается изъ жалобъ этихъ послѣднихъ. На это мы можемъ указать всѣмъ тѣмъ, кто утверждаетъ, что коммунизмъ препятствуетъ правильному веденію хозяйства. Опытъ анабаптистовъ подтверждаетъ то положеніе, которое мы установили при сравненіи монастырей съ религіозными коммунистическими колоніями Америки (стр. 98).

Та же причина, которая сдѣлала городскихъ ремесленниковъ врагами послѣдователей Гутера, доставила имъ доброжелателей въ лицѣ богатыхъ землевладѣльцевъ, въ помѣстьяхъ которыхъ они жили и которымъ должны были платить чиншъ. Черезъ анабаптистовъ дворянство богатѣло и процвѣтало, и они сдѣлались для него экономически-необходимыми.

Наряду съ производимыми баптистами продуктами, выходившіе изъ ихъ рядовъ наемные рабочіе также придавали имъ экономическое значеніе; очень многіе братья и сестры были заняты частной службой. Мы уже видѣли, что

[1]) Бекъ, „Geschichtsbücher". стр. 171, 331.

баптистскія кормилицы и воспитательницы очень цѣнились, но въ хозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ мы также находимъ баптистовъ, напр., мельниковъ. Особенно охотно ихъ нанимали въ качествѣ управляющихъ, что объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что участіе въ большихъ хозяйствахъ въ особенности развивало у нихъ талантъ къ организаціи и управленію. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ ихъ, уже нѣсколько разъ упоминавшійся нами Христоферъ Фишеръ, пишетъ со злостью: «Вы такъ завладѣли всѣми господами въ Моравіи, что они все дѣлаютъ по вашему совѣту и указанію. Всѣ господа дѣлаютъ васъ въ своихъ хозяйствахъ дворецкими, смотрителями винныхъ погребовъ, рыбныхъ садковъ, мельниками, гуменными, садовниками, лѣсничими, мызниками, при чемъ вы пользуетесь у нихъ такой славой и уваженіемъ, что даже пьете и ѣдите вмѣстѣ съ ними и пользуетесь отъ нихъ другими милостями. Не называется ли это господствовать и управлять?»

Почтенный Фишеръ, конечно, преувеличиваетъ, но вѣрно то, что баптисты очень цѣнились, какъ управляющіе. Если посмотрѣть на дѣло внимательно, то окажется, что не отдѣльныя личности были заняты на частной службѣ, а цѣлая община. Отдѣльныя личности было заняты въ частныхъ домахъ только, какъ уполномоченные общины; они не только состояли подъ надзоромъ общины, но также должны были отдавать ей свои доходы и не только жалованье и вознагражденіе, но даже подарки и награды, въ чемъ бы они ни заключались, въ деньгахъ или вещахъ.

Въ общемъ выполненіе этого постановленія не представляло трудностей, развѣ только за исключеніемъ врачей. При всемъ презрѣніи къ учености, баптисты очень цѣнили врачебное и цирюльническое искусство. Ихъ цирюльники имѣли вѣроятно очень мало касательства къ наукѣ, но были, должно быть, очень ловкими практиками, такъ какъ ихъ цѣнили во всей странѣ и подчасъ приглашали даже къ императорскому двору, не взирая на отвращеніе, которое возбуждали тамъ коммунисты [1]).

Интересенъ уставъ цирюльниковъ отъ 1654 года. Онъ требуетъ, между прочимъ, чтобы они:

4. Усердно читали св. Писаніе и врачебныя книги и упражнялись въ нихъ.

8. При собираніи травъ и кореньевъ не занимались пустяками, не ходили въ винные погреба, и не возвращались домой безъ кореньевъ и травъ!

16. Не уклонялись отъ работы, точно они слишкомъ хороши и не созданы для нея.

17. Не заводили и не продавали лекарствъ для своей личной выгоды и прибыли.

19. Всѣ деньги, подаренныя или наградныя, вмѣстѣ со всѣмъ заработкомъ отдавали старшинѣ и т. д. [2]).

Но уже въ 1592 году раздаются жалобы на цирюльниковъ: «часть ихъ

---

[1]) Такъ въ историческихъ книгахъ отъ 1603 года говорится: „Въ этомъ году.., въ Никольсбургѣ, въ Бозѣ почилъ братъ Георгъ Цобель, хорошій старый врачъ, который заправлялъ всѣмъ цирюльнымъ ремесломъ въ общинѣ и котораго приглашали къ себѣ многіе знатные господа и даже самъ императоръ". Бекъ, „Geschichtsbücher", стр. 336; сравн. стр. 329, гдѣ говорится, что этого Цобеля призвали въ Прагу къ императорскому двору изъ-за „инфекціи", которая тогда свирѣпствовала въ Богеміи.

[2]) Бекъ, „Geschichtsbücher", стр. 485, 486.

неохотно позволяетъ предписывать себѣ уставы и не слѣдуетъ имъ; они позволяютъ себѣ слишкомъ много и очень своевольны», и т. д.

Они меньше всѣхъ другихъ поддавались коммунистической дисциплинѣ, можетъ быть потому, что занимали исключительное положеніе и возвышались надъ массой братьевъ по своему образованію и уваженію, которое имъ оказывалось.

Устройство братства было демократическое. Во главѣ общины стояли частью духовные, частью свѣтскіе начальники. Первые «служители слова», были апостолами, которые странствовали по свѣту, чтобы собирать новыхъ братьевъ, или проповѣдниками дома. Свѣтскіе начальники «служители потребностей» (Diener der Nothdurft), были закупщиками, управляющими, экономами и мызниками. Высшая власть находилась въ рукахъ общины; но, чтобы не собирать ее при каждомъ случаѣ, установленъ былъ еще совѣтъ старшинъ, въ которомъ служители общины разбирали дѣла менѣе важныя. Во главѣ общины стоялъ епископъ. Служащіе не были назначаемы по выбору, но избирались посредствомъ жребія— «указанія Господа», изъ числа тѣхъ, которые казались наиболѣе годными. Но избранный по жребію, не могъ вступить въ исполненіе обязанностей, пока община не санкціонировала съ своей стороны воли Господней и не утвердила избраннаго.

Эта оригинальная община, описанная нами здѣсь, сохранялась въ неприкосновенности почти цѣлое столѣтіе; она нала не благодаря внутреннему вырожденію, но благодаря внѣшнему насилію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Богемія и Моравія достались Габсбургамъ, эти послѣдніе находились въ постоянной, хотя и не кровавой войнѣ съ независимымъ дворянствомъ этихъ государствъ. Наконецъ, дѣло дошло до великой рѣшительной борьбы, которая вызвала 30-лѣтнюю войну и кончилась полнымъ разгромомъ дворянства въ битвѣ при Бѣлой Горѣ (1620). Дворянство было почти уничтожено; съ нимъ пали и покровительствуемыя имъ братства въ Богеміи и гутеровскія общины въ Моравіи.

22 сентября 1622 года кардиналъ Дитрихштейнъ, по порученію Фердинанда II, издалъ указъ, гласящій, «что всѣ члены гутеровскихъ братствъ, все равно мужчины или женщины, подъ страхомъ сильнѣйшаго наказанія, не должны находиться въ Моравіи, спустя четыре недѣли послѣ указаннаго числа».

На этотъ разъ указъ объ изгнаніи не остался только на бумагѣ. Организація баптистовъ въ Моравіи прекратила свое существованіе; многіе изъ ея членовъ сдѣлались католиками, при чемъ большинство остались въ душѣ вѣрными старому ученію и часто передавали его младшимъ поколѣніямъ; многіе погибли во время бѣгства зимою; части ихъ удалось, наконецъ, бросивши все имущество, добраться до Венгріи, гдѣ они, уже въ 1546 году, устроили нѣсколько общинъ. Венгерскимъ магнатамъ нужны были колонисты и они охотно принимали баптистовъ. Въ новомъ отечествѣ они организовались по старому образцу, но не имѣли уже никакого значенія; община никогда не оправилась отъ ужаснаго удара, постигшаго ее и лишившаго ее всего имущества. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Венгріи, когда нападенія турокъ и гражданскія войны чередовались попеременно, также не могло способствовать бѣдной общинѣ въ достиженіи благосостоянія. Она исчезла, а съ нею исчезъ и коммунизмъ.

Устоялъ ли бы коммунизмъ, если бы община въ Моравіи могла безпрепятственно развиваться,—нельзя утверждать или отрицать безусловно. Не особенно

вѣроятно, чтобы баптистамъ удалось надолго удержать неприкосновеннымъ свой коммунизмъ среди капиталистическаго общества, съ которымъ они, благодаря производству товаровъ и наемному труду, стояли въ тѣсной экономической связи, и которому тогда еще принадлежало будущее.

Но во всякомъ случаѣ гутеровскія общины въ Моравіи имѣли величайшее значеніе для исторіи соціализма; онѣ составляютъ самый зрѣлый плодъ еретическаго коммунизма и всего яснѣе обнаруживаютъ предъ нами тенденціи анабаптистовъ. Ихъ основныя черты еще тѣ же самыя, что и у монашества, ихъ хозяйства своего рода монастыри. Но въ то же время они дѣлаютъ нѣсколько шаговъ въ сторону современнаго соціализма, ибо вводятъ въ монастырскій коммунизмъ бракъ и развиваютъ промышленное производство до такой степени, что оно уже не является болѣе спутникомъ коммунизма, но дѣлается его основой.

Однако, несмотря на свою прочность и своеобразность, анабаптистскія организаціи въ Моравіи съ теченіемъ времени совершенно исчезли. «Очень странно, что воспоминаніе объ анабаптистахъ въ Моравіи совершенно исчезло среди народа, и память объ нихъ была возобновлена только недавно, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ, и то въ далеко недостаточной степени» [1]). Такъ писалъ богемскій историкъ въ 1858 году. Съ тѣхъ поръ ученыя изслѣдованія достаточно освѣтили исторію анабаптистовъ, въ особенности благодаря усердію д-ра Іосифа Бека, который собралъ относительно ихъ обширный матеріалъ и отчасти самъ его обнародовалъ въ видѣ такъ часто упоминаемыхъ здѣсь историческихъ хроникъ анабаптистовъ, появившихся въ свѣтъ въ 1883 году. Но неизданные имъ документы также представляли богатый матеріалъ, которымъ прекрасно воспользовался Лозертъ. Однако, кромѣ какъ у спеціалистовъ историковъ, моравскіе анабаптисты еще и донынѣ не возбудили надлежащаго вниманія, а буржуазные историки древняго соціализма почти совсѣмъ игнорировали ихъ [2]). Этому мы не должны удивляться. Эти господа обыкновенно стремятся не къ тому, чтобы понять соціализмъ, но къ тому, чтобы собрать какъ можно больше матеріала, годнаго, по ихъ мнѣнію, для опроверженія соціализма. Моравскіе анабаптисты не годятся для этого; гораздо удобнѣе, казалось, возстаніе анабаптистовъ въ Мюнстерѣ. Поэтому-то во всѣхъ буржуазныхъ историческихъ сочиненіяхъ это возстаніе изображается, какъ воплощеніе анабаптистскихъ тенденцій. На него охотно ссылаются люди, желающіе показать, какіе ужасы порождаетъ уже въ силу своей природы коммунизмъ.

Слыша объ анабаптистахъ, каждый, обыкновенно, прежде всего вспоминаетъ мюнстерское возстаніе, а тотъ, кто говоритъ о послѣднемъ, говоритъ объ отвратительной безумной оргіи.

Посмотримъ, насколько это основательно.

VI. Волненія въ Мюнстерѣ.

Реформаціонное движеніе на сѣверѣ Германіи начало развиваться и обострило классовыя противорѣчія того времени позже, чѣмъ на югѣ. Приписать

[1]) Гиндели „Geschichte der Böhmischen Brüder“, II, стр. 9.

[2]) Такъ поступаетъ и новѣйшій изъ нихъ, проф. Георгъ Адлеръ въ своемъ трактатѣ объ исторіи соціализма и коммунизма, въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

это слѣдуетъ главнымъ образомъ экономической отсталости Германіи. Въ болѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи областяхъ сѣверо-запада, реформаціонное движеніе задерживалось, благодаря близости габсбургскихъ Нидерландовъ, изъ которыхъ Карлъ V могъ имѣть на сосѣднія области гораздо больше вліянія, чѣмъ на остальныя части своего государства.

Крестьяне на сѣверѣ совсѣмъ не участвовали въ общемъ движеніи; событія 1525 года въ южной и средней Германіи не нашли у нихъ сочувствія, отчасти потому, что они находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ верхнегерманскіе братья, отчасти же потому, что отдѣльныя деревни были значительно удалены другъ отъ друга и сообщеніе между ними было затруднительнѣе, чѣмъ на гуще населенномъ югѣ.

Въ нижней Германіи реформаціоннымъ движеніемъ охвачены были только города и князья. Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ городская реформація выразилась въ усиленіи съ одной стороны антагонизма между городскимъ населеніемъ и угрожающими его независимости и свободѣ князьями, съ другой же стороны въ антагонизмѣ между цехами и патриціями. Но аналогія съ югомъ идетъ еще дальше; борьба между этими классами не могла происходить безъ того, чтобы низшій слой городского населенія, который не былъ въ состояніи съорганизоваться въ цехи, не началъ волноваться и, гдѣ обстоятельства благопріятствовали, вести самостоятельную политику.

Самый замѣчательный и могущественный изъ сѣверо-германскихъ городовъ, игравшихъ роль въ реформаціонномъ движеніи, былъ старый ганзейскій городъ Любекъ.

Патриціанскій совѣтъ сталъ тамъ на сторону существующаго порядка и католической церкви; демократія же перешла на сторону «евангеликовъ». Въ 1530 году она возстала и одержала побѣду надъ патриціями и церковью. Правленіе было измѣнено въ демократическомъ направленіи, а церковное имущество конфисковано городомъ. Но эта побѣда была одержана лишь благодаря соединенію цеховъ съ массой простонародія. Предводителемъ и важнѣйшимъ представителемъ этихъ соединившихся элементовъ былъ Юргъ Вулленвеверъ, который въ 1533 году сдѣлался бургомистромъ Любека. Въ виду того, что онъ опирался на простой народъ, дѣлается понятнымъ, почему онъ обнаруживалъ симпатію и къ анабаптистамъ. Симпатіи эти были столь явны, что когда онъ сдѣлался хозяиномъ города, въ Германіи распространился слухъ, будто Любекъ принялъ сторону анабаптистовъ. Теперь уже невозможно установить, дѣйствительно ли и насколько Вулленвеверъ раздѣлялъ взгляды баптистовъ; во всякомъ случаѣ анабаптисты не достигли осязательныхъ успѣховъ ни въ Любекѣ, ни въ какомъ-либо другомъ изъ сѣверо-германскихъ городовъ, въ которыхъ они были довольно многочисленны.

Только въ одномъ городѣ они, благодаря необыкновенному стеченію обстоятельствъ, имѣли временный успѣхъ, именно въ Мюнстерѣ.

Сѣверо-западъ Германіи былъ особенно богатъ духовными княжествами: напр., Кельнъ, Мюнстеръ, Падерборнъ, Оснабрюкъ, Минденъ и друг. Изъ этихъ княжествъ архіепископство Кельнское и епископство Мюнстерское были самыми значительными.

Соціальныя и политическія противорѣчія получали въ духовныхъ княжествахъ своеобразную окраску. Правитель страны соединялъ въ своихъ рукахъ

средства государственной и церковной власти; но онъ вовсе не былъ абсолютнымъ правителемъ. Гораздо болѣе зависимый отъ императора и папы, чѣмъ свѣтскій повелитель, онъ въ то же время былъ скорѣе орудіемъ, чѣмъ господиномъ дворянства и духовенства въ своей области. Право избранія епископа всюду присвоили себѣ соборные капитулы, а мѣста въ нихъ, какъ и вообще всѣ высшія и доходнѣйшія духовныя мѣста, сдѣлались привилегіей дворянства (въ Мюнстерѣ съ 1392 года). Поэтому дворянство и духовенство были здѣсь тѣсно соединены общностью интересовъ и имѣли гораздо большее вліяніе на ими же избраннаго властелина, чѣмъ въ свѣтскихъ княжествахъ. Государственныя сословія духовныхъ княжествъ имѣли гораздо больше значенія, чѣмъ въ другихъ княжествахъ, а первенство среди нихъ всегда получали дворяне и духовенство, если соединялись вмѣстѣ. Города поэтому всегда были побѣждаемы при голосованіяхъ; меньшіе изъ нихъ подавлялись окончательно, большимъ же оставалось лишь прибѣгать къ самозащитѣ.

Дворянство и высшее духовенство теряли при такомъ положеніи вещей больше всѣхъ, поэтому они крѣпко держались старой вѣры; они съ большею охотой готовы были дѣлить съ римской куріей огромныя богатства, собранныя церковью въ духовныхъ княжествахъ, нежели отказаться отъ нихъ совершенно.

Епископы были менѣе надежны, ибо легко поддавались искушенію, представляемому имъ примѣромъ свѣтскихъ ихъ сосѣдей. Переходъ въ лютеранство обѣщалъ имъ независимость отъ папы, облагавшаго ихъ большими налогами, давалъ больше свободы въ распоряженіи церковными имуществами и большую власть надъ дворянами. Поэтому неудивительно, что епископы мюнстерскіе, какъ и другіе ихъ коллеги, только на половину противились евангелическому ученію и даже очень часто тайно покровительствовали ему.

Когда въ 1531 году въ мюнстерскомъ предмѣстьи св. Маврикія Бернтъ Ротманъ началъ проповѣдовать въ лютеранскомъ духѣ, соборный капитулъ напрасно обращался къ епископу Фридриху съ просьбами помѣшать такому безчинству. Епископъ, правда, запретилъ Ротману проповѣдовать, но ничего не предпринималъ для приведенія въ исполненіе этого запрещенія, и Ротманъ спокойно продолжалъ проповѣдь. Только императорскій указъ заставилъ епископа изгнать Ротмана (въ январѣ 1532 года). Ротманъ оставилъ предмѣстье св. Маврикія, но не для того, чтобы уйти изъ страны, а чтобы въ самомъ центрѣ ея атаковать мюнстерскую церковь; онъ перенесъ свои проповѣди въ самый Мюнстеръ.

Мюнстеръ былъ богатымъ и хорошо укрѣпленнымъ городомъ, столицей не только епископства, но и всей Вестфаліи. Демократія тамъ была особенно сильна. Первоначально здѣсь, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ, совѣтъ находился исключительно въ рукахъ членовъ марки, патриціевъ, называвшихся въ Мюнстерѣ «наслѣдователями» (Erbmänner). Но когда торговля и ремесла начали процвѣтать, и цехи достигли могущества и уваженія, они завоевали себѣ, наконецъ, право участія въ городскомъ совѣтѣ. Совѣтъ съ тѣхъ поръ выбирался ежегодно десятью избирателями (Korgenoten), которые назначались всѣмъ населеніемъ. Только половина двадцати четырехъ совѣтниковъ должна была состоять изъ патриціевъ. Но занятіе городскими дѣлами требовало больше времени и знаній, чѣмъ могъ имѣть человѣкъ изъ простого народа, поэтому всегда приходилось избирать тѣхъ 12 совѣтниковъ, которыхъ имѣли право выбирать

мѣщане, изъ числа немногихъ семействъ, изъ которыхъ со временемъ развилась вторая городская аристократія, менѣе знатная, чѣмъ аристократія патриціевъ, но соединенная съ нею общими интересами.

Такимъ образомъ совѣтъ съ теченіемъ времени сдѣлался представительствомъ городскихъ аристократовъ, которые жили частью сдачей въ аренду своихъ земельныхъ участковъ, частью же торговлей. Наряду съ совѣтомъ усилилось могущество цеховъ или гильдій. Въ Мюнстерѣ было 17 гильдій; каждая изъ нихъ имѣла свой гильдейскій домъ и управлялась по собственнымъ статутамъ. Центромъ же, вокругъ котораго группировалось все мѣщанство, былъ «Шогаузъ» [1]). Во время поста, вскорѣ послѣ выборовъ совѣтниковъ, тамъ собирались 34 гильдейскихъ мастера и избирали 2 старшинъ. «Эти старшины,—говоритъ мюнстерскій историкъ того времени, — являются главами и предводителями всего мѣщанства и пользуются такимъ значеніемъ, что вмѣстѣ съ гильдейскими мастерами могутъ отмѣнить, если захотятъ, рѣшеніе совѣта. Поэтому магистратъ въ важныхъ и касающихся блага всего города дѣлахъ, ничего не можетъ сдѣлать безъ согласія вышеупомянутыхъ старшинъ» [2]).

Въ мирныя времена совѣту позволяли управлять по собственному усмотрѣнію, но какъ только дѣло доходило до конфликта общины съ совѣтомъ или духовенствомъ, то значеніе совѣта быстро исчезало. Это обнаружилось, въ особенности, въ 1525 году. Страшная борьба въ верхней Германіи не прошла безслѣдно мимо Германіи нижней. Въ городахъ всюду поднялся простой народъ; какъ въ Кёльнѣ, такъ и въ Мюнстерѣ дѣло дошло до движенія противъ духовенства, превратившагося въ настоящее возстаніе, какъ только совѣтъ сдѣлалъ попытку противостать движенію. Народъ поднялся и назначилъ комитетъ изъ 40 человѣкъ, которые въ 36 параграфахъ формулировали требованія общины. Требованія эти касаются не религіозныхъ, а экономическихъ вопросовъ и показываютъ намъ, что движеніемъ руководили цехи.

Мы здѣсь приводимъ нѣкоторые изъ этихъ параграфовъ, характеризующихъ движеніе:

«5. Никто изъ духовенства, какого бы то ни было ордена, ни священники, ни монахи, ни монахини, ни викаріи бѣлаго духовенства, не должны заниматься торговлей, ни какимъ-либо другимъ свѣтскимъ дѣломъ, ни откармливать на убой воловъ, ни ткать полотна, ни сушить хлѣба; поэтому они должны добровольно и тотчасъ же продать всѣ необходимыя для этихъ занятій орудія, которыя найдутся въ монастыряхъ или домахъ священниковъ; въ противномъ случаѣ народъ ихъ отниметъ.

«6. Ни одного священника не слѣдуетъ съ нынѣшняго дня освобождать отъ городскихъ общественныхъ податей.

«7. Свѣтскія и духовныя власти должны запретить своимъ подчиненнымъ въ деревняхъ, на разстояніи двухъ миль отъ города, заниматься какимъ-нибудь ремесломъ или же варить, въ ущербъ горожанамъ, пиво или печь хлѣбъ и т. д. [3]).

---

[1]) Это названіе „Schohaus“ можно перевести словомъ „домъ зрѣлищъ“ (Schauhaus), а также и „домъ сапожниковъ“ (Schuhhaus).

[2]) Г. фонъ-Керсенброикъ, „Geschichte der Wiedertäufer zu Münster, nebst einer Beschreibung der Hauptstadt dieses Landes“, 1771 г. I, стр. 98. Мы еще возвратимся къ этому, написанному въ 60-хъ годахъ 16 столѣтія, сочиненію.

[3]) Керсенброикъ, l. c., I, стр. 121.

Такимъ образомъ, при этомъ возстаніи дѣло касалось не уничтоженія всѣхъ привилегій, а только замѣны духовныхъ привилегій цеховыми.

Пункты эти были приняты совѣтомъ, члены соборнаго капитула сами подписались подъ ними. Но дѣло не дошло до ихъ выполненія. Окончаніе верхнегерманскаго возстанія остановило и нижне-германское движеніе и направило силы побѣдоносныхъ князей на помощь ихъ сѣвернымъ коллегамъ. 27 марта 1526 года между епископомъ и соборнымъ капитуломъ съ одной стороны и городомъ съ другой произошло соглашеніе, которое возстановило права духовенства, за что духовенство въ свою очередь отказалось отъ требуемаго имъ вознагражденія и обезпеченія противъ могущихъ случиться въ будущемъ непріятностей.

Такимъ образомъ спокойствіе было возстановлено. Но оппозиція городскихъ элементовъ, въ особенности городской демократіи, богатому, привилегированному и склонному къ эксплуатаціи духовенству, продолжалась. Катастрофа 1525 года привела въ движеніе народныя массы, которыя до тѣхъ поръ мало интересовались реформаціей (это говорится не только о Мюнстерѣ, но и обо всей нижней Германіи), и дѣло Евангелія было поддержано ими съ радостью. Лица изъ духовенства стали во главѣ движенія, которое, будучи первоначально чисто экономическимъ, начало пользоваться религіозными аргументами и, казалось, превратились въ чисто религіозное движеніе.

Это явленіе часто встрѣчается въ эпоху реформаціи и находитъ себѣ аналогію въ современныхъ буржуазныхъ и пролетарскихъ движеніяхъ.

Причину этого, намъ кажется, не трудно найти. Пока при соціальномъ движеніи дѣло касается только отдѣльныхъ требованій данной минуты, до тѣхъ поръ экономическая природа ихъ выражена ясно; но чѣмъ больше оно расширяется и углубляется, чѣмъ больше старается перестроить все общество, тѣмъ необходимѣе становится духовная связь между различными выставляемыми требованіями, тѣмъ болѣе всѣ, способные думать, стараются выяснить себѣ конечную цѣль этого движенія, первыми этапами котораго являются требованія данной минуты, и тѣмъ болѣе они принуждены объяснить эти требованія болѣе возвышеннымъ общимъ принципомъ. Чѣмъ менѣе развито въ данную эпоху экономическое сознаніе и чѣмъ шире движеніе, тѣмъ болѣе мистическими дѣлаются обыкновенно аргументы и теоріи вождей движенія и тѣмъ легче они теряютъ сознаніе экономической подкладки своей агитаціи. Если при движеніи дѣло касается только свободы торговли, уменьшенія податей или сокращенія рабочаго времени и увеличенія платы, то и самый близорукій человѣкъ ясно можетъ увидѣть экономическую подкладку этого движенія. Если же движеніе становится общей классовой борьбой буржуазіи или пролетаріата противъ существующаго общественнаго строя, то при недостаточномъ теоретическомъ пониманіи, экономическая подкладка совершенно исчезаетъ. Тутъ ужъ дѣло касается вѣчныхъ требованій, естественнаго права разума и справедливости. Во время реформаціи обычный способъ мышленія былъ не юридическій, но теологическій; поэтому соціальное движеніе становилось во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ тѣмъ болѣе религіознымъ, тѣмъ болѣе носилось съ Божьей волей и словами Христа, чѣмъ оно было радикальнѣе.

Въ нижней Германіи демократически-протестантское движеніе получило сильный толчокъ въ 1529 году. Тогда наступила страшная дороговизна, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Какъ разсказываетъ Себастіанъ Франкъ въ своей

хроникѣ, дороговизна эта еще продолжалась въ 1531 году, когда онъ издалъ свою книгу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четверикъ ржи стоилъ лѣтомъ 1529 года 3½ шиллинга; въ слѣдующемъ году онъ стоилъ уже 9 шиллинговъ, а въ 1531 году цѣны еще поднялись. Въ Дортмундѣ, въ 1530 году четверикъ ржи стоилъ 5½ шиллинговъ, а въ 1531 цѣна дошла до 14 шиллинговъ. Рука объ руку съ голодомъ шла ужасная эпидемія, называемая «англійскимъ потомъ» (der englische Schweiss).

Къ этому присоединилось еще и нападеніе турокъ, отъ котораго пострадала и нижняя Германія, такъ какъ ее принудили къ участію въ уплатѣ военнаго,—турецкаго налога. Чѣмъ меньше странѣ нужно было бояться турокъ, тѣмъ больше озлоблялъ ее, при общей нуждѣ, этотъ налогъ, бывшій довольно высокимъ. Въ земляхъ герцога фонъ Клеве онъ составлялъ 10% всѣхъ доходовъ.

Все это очень обострило существующія соціальныя противорѣчія, въ особенности антагонизмъ между демократіей и богатымъ духовенствомъ, которое очень легко умѣло освобождать себя отъ налоговъ и, благодаря своей близорукости и жадности, не догадывалось принести добровольную жертву.

При такомъ положеніи вещей проповѣди уже упомянутаго нами Бернгарда Ротмана нашли благопріятную почву. Когда онъ въ январѣ 1532 года перебрался изъ предмѣстья св. Маврикія въ Мюнстеръ, мѣстная демократія приняла его съ распростертыми объятіями и защищала отъ всякаго насилія. Среди демократической партіи особенно выдѣлялся богатый суконторговецъ, Бернгардъ Книппердолингъ, «статный мужчина, еще молодой, съ прекрасными волосами и бородой, храбрый, простодушный и сильный въ движеніяхъ и поступкахъ, сообразительный, ловкій въ разговорѣ и быстрый на дѣлѣ» (Корнеліусъ), настойчивый и дѣятельный, съ наклонностью къ приключеніямъ.

Стремящейся къ власти демократіи пришлось очень кстати, что именно въ то время, когда ей надо было пробовать свои силы при защитѣ Ротмана, духовныя власти были заняты внутренними дѣлами. Послѣднія характерны для церкви того времени.

Епископъ Фридрихъ былъ человѣкъ не энергичный. Епископство нравилось ему, пока оно причиняло мало заботъ и приносило много денегъ. Но теперь, когда у церкви накопилась масса затрудненій, когда папа, императоръ и члены соборнаго капитула все больше настаивали на епископской дѣятельности для защиты церкви, теперь ему епископскій престолъ надоѣлъ и онъ началъ искать себѣ замѣстителя, который бы избавилъ его отъ епископства за хорошую цѣну, и нашелъ такового въ лицѣ епископа Эриха падерборнскаго и оснабрюкскаго, человѣка столь же жаднаго, какъ и богатаго, который охотно воспользовался случаемъ прибавить къ своимъ двумъ епископскимъ «предпріятіямъ» еще и третье. Католическій архіепископъ кельнскій и лютеранскій курфюрстъ саксонскій были посредниками при этой торговлѣ церковью,—получили ли они комиссіонныя, неизвѣстно.—Цѣна была назначена 40.000 гульденовъ. Благодаря грубому обману эти набожные и высокопоставленные господа получили согласіе соборнаго капитула, которому, вмѣсто настоящаго контракта, представили ложный, въ которомъ была проставлена только половина дѣйствительной продажной цѣны. Таковы были элементы, впослѣдствіи защищавшіе религію, нравственность и собственность противъ анабаптистовъ.

Въ декабрѣ 1531 года Эрихъ неоффиціально былъ избранъ епископомъ.

Послѣ того какъ покупная сумма была уплачена, Фридрихъ отказался отъ своей епископской власти (мартъ 1532 года).

Во время этого междуцарствія ересь свободно развивалась въ Мюнстерѣ. Но и вступленіе въ должность новаго епископа мало стѣснило ее. Онъ чувствовалъ себя скорѣе правителемъ страны, чѣмъ епископомъ, а распространеніе лютеранскаго ученія было для него еще менѣе непріятно, чѣмъ для его предшественника. Вѣдь онъ былъ соединенъ узами тѣсной дружбы съ курфюрстомъ Іоанномъ саксонскимъ, — своимъ посредникомъ при покупкѣ епископства, — и съ ландграфомъ Филиппомъ гессенскимъ, — этими двумя главами евангелическаго движенія въ Германіи. И онъ такъ мало стѣснялся обнаруживать свои протестантскія симпатіи, что участвовалъ въ качествѣ свидѣтеля при вѣнчаньи графа Мекленбургскаго съ покинувшей монастырь монахиней.

Избраніе этого епископа чрезвычайно усилило положеніе протестантовъ въ Мюнстерѣ, но оно привело также и къ расколу среди нихъ. Хотя Эрихъ очень сочувствовалъ реформаціи, но реформаціи не снизу, а сверху, такой реформаціи, которая увеличила бы на счетъ церкви могущество правителя страны, а не демократіи.

Противъ духовенства и рыцарства Эрихъ искалъ поддержки въ городскомъ патриціатѣ, въ мюнстерскомъ городскомъ совѣтѣ и въ его приверженцахъ. Вмѣстѣ они составили «умѣренную» партію, которая заигрывала съ лютеранствомъ.

Городская демократія тоже пользовалась лютеранскимъ ученьемъ для обоснованія своихъ тенденцій, пока ея противники были католиками. Теперь же лютеранство угрожало сдѣлаться вмѣсто орудія демократіи орудіемъ ея злѣйшихъ враговъ—епископа и патриціевъ. Съ тѣхъ поръ демократія утратила свои симпатіи къ лютеранскому ученію и обратилась къ ученію Цвингли, которое лучше всего соотвѣтствовало ея потребностямъ.

Эриху и совѣту казалось всего важнѣе покончить съ городской демократіей. При этомъ начинаніи они могли быть увѣрены въ помощи духовенства. 17 апрѣля 1532 года епископъ издалъ указъ, въ которомъ онъ говорилъ о близкой реформѣ церкви, но при этомъ требовалъ удаленія священника, самоуправно избраннаго паствой. Совѣтъ послѣ этого приказалъ Ротману прекратить проповѣдь, но паства не покорилась; она объявила 28 апрѣля, что во всякомъ случаѣ оставитъ у себя своего проповѣдника.

Случай опять благопріятствовалъ демократіи. «Дѣйствительно, — пишетъ преданный епископу Керсенброикъ,—достойный епископъ, благодаря своему авторитету и помощи друзей, много бы сдѣлалъ для этого дѣла, если бы ему не помѣшала преждевременная смерть; находясь въ замкѣ своемъ Фюрстенау, расположенномъ въ Оснабрюкѣ, онъ веселился болѣе чѣмъ обыкновенно и вдругъ захворалъ, или, какъ говорятъ другіе, выпилъ большой кубокъ вина и умеръ скоропостижно 14 мая» [1]).

Это событіе было сигналомъ возстанія во всѣхъ трехъ епископствахъ, которыя притѣснялъ и эксплуатировалъ при жизни блаженно въ винѣ почившій епископъ. Въ Оснабрюкѣ, Падерборнѣ и Мюнстерѣ народъ поднялся, изгналъ католическихъ священниковъ и посадилъ на ихъ мѣсто протестантскихъ, по своему усмотрѣнію. Совѣтъ нигдѣ не былъ въ состояніи остановить народъ. Въ Осна-

[1]) Керсенброикъ, l. c., I, стр. 204.

брюкѣ, благодаря посредничеству рыцарства, дѣло дошло до соглашенія между духовенствомъ и городомъ; Падерборнъ въ октябрѣ 1532 года былъ силою побѣжденъ архіепископомъ Германомъ кельнскимъ; въ Мюнстерѣ же возстаніе продолжалось.

Соборный капитулъ сейчасъ же избралъ замѣстителя Эриху, а именно Франца фонъ-Вальдека. 28 іюня въ Мюнстерѣ было получено отъ него письмо, въ которомъ онъ приглашалъ городъ вернуться къ послушанію. Собраніе патриціевъ выразило готовность подчиниться, гильдейское же собраніе рѣшило 1 іюля основать союзъ для защиты Евангелія. Былъ назначенъ революціонный комитетъ изъ 36 человѣкъ; онъ такъ напугалъ городской совѣтъ, что тотъ присоединился къ нему 15 іюля и согласился на всѣ требованія общины. Комитетъ тридцати шести тотчасъ же занялся реорганизаціей церкви въ евангельскомъ духѣ и сталъ искать внѣшнихъ союзниковъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Филиппомъ гессенскимъ, и когда въ октябрѣ епископъ Францъ, поддерживаемый духовной и свѣтской аристократіей, вооружился для усмиренія Мюнстера силой, то община принудила совѣтъ вооружиться въ свою очередь для защиты. Были наняты 300 наемниковъ и исправлена крѣпость.

Дѣло дошло до незначительныхъ столкновеній между двумя противными партіями. Но епископъ побоялся болѣе рѣшительнаго наступленія на сильный городъ, такъ какъ оно угрожало ему пораженіемъ или чужимъ вмѣшательствомъ и потерей его самостоятельности. Его касса опустѣла, а духовенство отказывалось отъ пожертвованій. Могущественнѣйшій покровитель католицизма, императоръ, занятъ былъ тогда войною съ турками. Епископъ Францъ попытался возвратиться къ политикѣ своего предшественника и помириться съ совѣтомъ; онъ началъ переговоры.

Само собою разумѣется, что совѣтъ былъ склоненъ войти съ епископомъ въ соглашеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ уступкахъ. «Ни шагу назадъ; лучше зарѣзать собственныхъ дѣтей и съѣсть ихъ», кричалъ Книппердолингъ, а толпа вторила ему.

Чтобы лучше вести переговоры, епископъ отправился съ земскими представителями въ городокъ Тельгтъ, вблизи Мюнстера. Но близость епископа возбуждала воинственную общину къ чему угодно, только не къ миру. Граждане втихомолку уговорились напасть на Тельгтъ и выполнили это намѣреніе. Нападеніе удалось (ночь на 26 декабря); самого епископа не взяли, ибо случайно онъ за день до этого оставилъ Тельгтъ, но масса значительнѣйшихъ представителей католицизма, духовной и свѣтской аристократіи и бѣжавшихъ изъ Мюнстера патриціевъ была взята въ плѣнъ.

Это рѣшило дѣло. При посредствѣ Филиппа гессенскаго былъ составленъ договоръ (14 февралля 1533 года), который въ сущности выражалъ согласіе епископа, капитула и рыцарей на требованія возставшихъ.

Мюнстеръ былъ признанъ евангелическимъ городомъ.

VII. Анабаптисты въ Страсбургѣ и Нидерландахъ.

Въ Мюнстерѣ побѣдила цеховая демократія, но побѣды этой она достигла лишь съ помощью неорганизованной массы населенія, главнымъ образомъ съ помощью неимущихъ пролетаріевъ. На этотъ разъ она не могла однако по до-

стиженіи цѣли бросить оружіе, которымъ пользовалась, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ такъ часто и раньше и послѣ этого. Побѣда была достигнута на этотъ разъ однимъ счастливымъ ударомъ, а не рѣшительнымъ пораженіемъ противника въ открытомъ бою. Миръ былъ слѣдовательно лишь перемиріемъ. Буржуазной демократіи предстояли еще дальнѣйшія серьезныя битвы, поэтому она не могла порвать сношеній съ демократіей пролетарской. Тенденціи послѣдней лучше всего выражались въ анабаптизмѣ, а такъ какъ пролетаріатъ занялъ выдающееся положеніе именно въ Мюнстерѣ, то этотъ городъ сдѣлался центромъ анабаптизма въ нижней Германіи.

Въ теченіе 1532 года въ Мюнстерѣ, на ряду съ католиками и лютеранами, появились также послѣдователи Цвингли. Скоро къ нимъ присоединились и баптисты.

Очагами, изъ которыхъ распространялась эта зараза по нижней Германіи, были Страсбургъ и Нидерланды.

Въ Страсбургѣ, стоявшемъ въ тѣсной экономической и политической связи съ большими городами сѣверной Швейцаріи, въ 1525 году значеніе государственной религіи пріобрѣло ученіе Цвингли. Благодаря борьбѣ его съ католицизмомъ и лютеранствомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ южной Германіи, развился анабаптизмъ. На ряду съ Аугсбургомъ, Страсбургъ сдѣлался важнѣйшей точкой опоры германскаго анабаптизма; онъ держался тамъ дольше, чѣмъ гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ, благодаря могуществу, которое пріобрѣлъ «простой народъ» и которое долго препятствовало городскому совѣту, изъ страха передъ возстаніемъ, принять рѣшительныя мѣры противъ анабаптизма. Баптисты были такъ сильны въ этомъ могущественномъ городѣ, что самые значительные представители церкви, и прежде всѣхъ Капито, продолжали первоначальную политику Цвингли и очень долго заигрывали съ анабаптистскими воззрѣніями.

Во время большого преслѣдованія баптистовъ Страсбургъ сдѣлался убѣжищемъ братьевъ, которымъ не удалось поселиться въ Моравіи: послѣ того какъ въ Аугсбургѣ анабаптизмъ былъ уничтоженъ съ помощью кровопролитія, Страсбургъ занялъ это мѣсто, какъ передовой пунктъ южно-германскаго движенія, пока можно было говорить о таковомъ. Мимоходомъ почти всѣ наиболѣе значительные дѣятели изъ числа южно-германскихъ баптистовъ перебывали въ немъ. Такъ въ 1526 году его посѣтили Денкъ, Гецеръ, Заглеръ, Рейблинъ, который до 1529 года стоялъ во главѣ всей общины. Когда его изгнали, мѣсто его занялъ Шильграмъ Марбекъ, тирольскій горный судья, который урегулировалъ теченіе рѣки въ долинахъ Кинцигъ и Энъ, благодаря чему, «бѣдный дровами имперскій городъ получилъ возможность пользоваться лѣсными богатствами Шварцвальда» [1]).

Важнѣе всѣхъ для Страсбурга былъ много путешествовавшій скорнякъ Мельхіоръ Гофманъ изъ Галля въ Швабіи. Уже въ 1523 году онъ проповѣдовалъ въ Лифляндіи въ евангелическомъ духѣ, потомъ былъ священникомъ нѣмецкой общины въ Стокгольмѣ; изгнанный оттуда, онъ нашелъ убѣжище въ Голштиніи, гдѣ король датскій Фридрихъ даровалъ ему содержаніе и свободу проповѣди. Когда онъ перешелъ отъ лютеранства къ ученію Цвингли, былъ изданъ указъ о его выселеніи (1529 г.). Онъ переселился въ Страсбургъ, цен-

[1]) Лозертъ, „Der Anabaptismus in Tyrol“, стр. 23.

тральный пунктъ цвинглiанства въ Германiи; но тамъ онъ вскорѣ увлекся идеями баптистовъ, и въ 1530 году находился уже въ ихъ числѣ, а когда старые вожди ихъ пали или были изгнаны, онъ сдѣлался самымъ выдающимся изъ всѣхъ анабаптистовъ.

Какъ мечтательный энтузiастъ-фантазеръ, онъ сталъ слѣдовать хилiастическому ученiю Ганса Гута, которое находило между южно-германскими братьями тѣмъ болѣе благопрiятную почву, чѣмъ сильнѣе свирѣпствовало преслѣдованiе. Дѣйствительно, трудно было остаться твердымъ среди ужасныхъ гоненiй, не имѣя надежды на скорое избавленiе. Чѣмъ сильнѣе свирѣпствовало преслѣдованiе, тѣмъ глубже дѣлалась сердечная потребность вѣры въ скорое уничтоженiе существующаго строя. Отъ турокъ ждать было уже нечего. Страсбургъ былъ избранъ Гофманомъ, какъ «небесный Iерусалимъ», тамъ должно было воздвигнуться могущество баптистовъ, и при томъ скоро, въ 1533 году.

Предсказанiе это нельзя считать совершенно безсмысленнымъ. Баптисты представляли въ Страсбургѣ силу, но они стояли въ такомъ рѣзкомъ противорѣчiи съ существующимъ общественнымъ и государственнымъ строемъ, что правительство не могло допускать дальнѣйшаго увеличенiя этой силы. Вскорѣ дѣло должно было дойти до рѣшительной борьбы. Что Гофманъ разсчитывалъ на побѣду, — вполнѣ понятно; только тотъ, кто вѣритъ въ свое дѣло, можетъ дѣйствовать успѣшно.

Но Гофманъ до того былъ проникнутъ баптистскими идеями, что отказался отъ употребленiя насилiя. Онъ надѣялся единственно на могущество своей пропаганды; Богъ принесетъ побѣду, всякое же возстанiе грѣховно.

Сначала Гофманъ встрѣтилъ въ общинѣ сильное противодѣйствiе; образовались двѣ партiи, изъ которыхъ, въ концѣ концовъ, побѣдила партiя Гофмана, можетъ быть, больше благодаря его успѣху въ Нидерландахъ, чѣмъ благодаря силѣ его аргументовъ и внутренней потребности братьевъ.

Безпокойному человѣку не терпѣлось въ Страсбургѣ. Въ 1530 году онъ отправился внизъ по Рейну, чтобы объявить о своихъ новыхъ убѣжденiяхъ въ Нидерландахъ.

Какъ мы уже видѣли, Нидерланды были родиной еретическаго коммунизма, развившагося къ сѣверу отъ Альпъ. Но ихъ быстрое экономическое развитiе, которое и породило коммунизмъ, развило также въ свою очередь очень рано опаснѣйшаго врага коммунизма, сильную правительственную власть. Въ началѣ XVI столѣтiя власть эта въ Нидерландахъ была гораздо могущественнѣе и абсолютнѣе, чѣмъ въ сосѣдней Германiи.

Семнадцать провинцiй Нидерландовъ были соединены изъ различныхъ рукъ въ одно цѣлое черезъ наслѣдованiе, покупку и завоеванiе бургундской династiей, а послѣ ея прекращенiя (1477 годъ), наслѣдниками ея, Габсбургами. Въ 1504 году Габсбурги получили еще и испанскiй престолъ, гдѣ абсолютизмъ сдѣлалъ уже громадные успѣхи. Въ особенности церковь была уже тамъ въ сильной зависимости отъ королевской власти, а инквизицiя, которая нигдѣ не обладала такимъ страшнымъ могуществомъ, какъ въ Испанiи, сдѣлалась слѣпымъ орудiемъ абсолютизма и держала въ страхѣ всѣ непокорные элементы. Внѣшнее могущество испанскаго королевства также было настолько велико, что оно могло рѣшиться на борьбу съ Францiей и Италiей за контроль надъ папствомъ. Габсбурги, которымъ, какъ властителямъ австрiйскихъ областей, постоянно угрожаемыхъ со

стороны турокъ, и какъ императорамъ германскимъ, подъ могущество которыхъ подкапывались лютеране-князья, приходилось поддерживать католицизмъ; Габсбурги, какъ испанскіе короли, имѣли больше всего основаній укрѣплять его. Католическая церковь сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ, если не самымъ важнымъ средствомъ ихъ господства [1]).

Поэтому они всюду рѣшительно выступали противъ протестантовъ, а въ Нидерландахъ могли дѣлать это съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Германіи. Карлъ, какъ германскій императоръ, V этого имени, соединилъ въ 1516 г. владычество надъ Нидерландами съ управленіемъ Испаніей. Кромѣ тѣхъ средствъ, которыя ему давала высокоразвитая государственная власть въ Нидерландахъ, онъ для заглушенія всякой оппозиціи въ его владѣніяхъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще средства, доставляемыя испанской короной. Не нарушая наружно старыхъ формъ правленія, онъ отнималъ у нихъ всякое содержаніе, поскольку онѣ касались политическихъ вольностей. То абсолютное правленіе, которое приняло столь страшныя формы при Филиппѣ II, которое впослѣдствіи было уничтожено, да и то только для одной части Нидерландовъ, благодаря кровавой, почти столѣтней войнѣ, получило свое начало при Карлѣ V и поддерживалось имъ, гдѣ ему это казалось необходимымъ, безъ всякаго стѣсненія. Несмотря на это, либеральная исторіографія сосредоточила всю силу своего моральнаго возмущенія на Филиппѣ II, а къ Карлу V всегда относились очень мягко.

Причина этого весьма простая. Высшіе классы Нидерландовъ, дворяне и купцы, чувствовали себя очень хорошо при абсолютизмѣ Карла V. Этотъ послѣдній, рожденный и воспитанный въ Нидерландахъ, чувствовалъ себя нидерландцемъ и покровительствовалъ имъ, гдѣ только могъ. На его службѣ нидерландское дворянство получало вознагражденіе и добычу, а нидерландскіе купцы были сравнены въ правахъ съ испанскими и получали хорошую прибыль, благодаря испанской колоніальной политикѣ.

Но все это измѣнилось при сынѣ Карла, Филиппѣ, который вступилъ на престолъ въ 1555 году. Этотъ былъ воспитанъ испанцемъ. Интересы же господствующихъ въ Испаніи классовъ не были соединимы съ интересами нидерландцевъ, такъ что невозможно было удовлетворить испанцевъ, не возмутивъ этимъ нидерландцевъ, и наоборотъ. Нидерландскія симпатіи Карла V были одной изъ

[1]) Филиппъ II Испанскій извѣстенъ въ исторіи, какъ фанатическій католикъ. Но это вовсе не означало, что онъ покорно подчинялся папѣ. „Дѣйствительно странно,— говоритъ новѣйшій историкъ,—что монархъ, который самъ на себя и на котораго весь міръ смотритъ, какъ на столпъ вѣры и на поддержку всего организма римской іерархіи, постоянно вступалъ въ споры съ папствомъ, союзъ съ которымъ ему былъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ необходимъ. Объясненіе этого страннаго, но при каждомъ новомъ папѣ повторяющагося факта, можно найти въ томъ обстоятельствѣ, что, съ одной стороны, испанскій монархъ желалъ видѣть священниковъ своихъ странъ только своими подданными, подвластными римскому престолу лишь въ отношеніи исповѣданія, но не въ отношеніи дисциплины и подсудности... и что, съ другой стороны, онъ намѣревался сдѣлать изъ церкви только важное колесо въ обширномъ механизмѣ своей міровой политики. Священный престолъ долженъ всюду бороться своимъ духовнымъ оружіемъ за испанскіе интересы и помогать королю грабить испанское духовенство... Насколько дѣло касалось испанскаго государства, королю разрѣшено было совмѣстное правленіе со св. отцемъ, или, вѣрнѣе, онъ самъ себя поставилъ даже выше послѣдняго“, и т. д. (М. Филиппсонъ, „Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV“, Берлинъ, 1882 г., стр. 365, 366).

важнѣйшихъ причинъ возмущенія испанскихъ городовъ 1522 г. [1]). Филиппъ закрылъ доступъ къ выгоднымъ должностямъ въ своей арміи и управленіи, а также и въ колоніи для нидерландцевъ и сдѣлалъ ихъ монополіей испанцевъ или, вѣрнѣе, кастильцевъ. Это заставило Нидерланды возмутиться.

При Карлѣ V высшіе классы Нидерландовъ не имѣли причины къ серьезной оппозиціи, низшіе же при немъ находились подъ такимъ же суровымъ давленіемъ, какъ и при его наслѣдникѣ, и были безсильны, пока не возникла серьезная борьба между господствующими классами. Отсюда понятно, почему родина еретическаго коммунизма, въ первыя десятилѣтія германской реформаціи, представляла, повидимому, безплодную почву для коммунистической пропаганды. Это въ особенности замѣчательно въ виду высокаго экономическаго развитія многочисленнаго пролетаріата и глубоко проникшаго беггардскаго ученія, которое не могло быть вполнѣ забыто, такъ какъ «братья общей жизни» удержались еще и послѣ реформаціи. Объяснить это можно только страшнымъ давленіемъ, подъ которымъ находились низшіе классы и которое не позволяло имъ высказывать свою оппозицію. Однако коммунистическія тенденціи были очень распространены уже и до появленія Гофмана.

Уже въ концѣ XV столѣтія говорится о членахъ вальденскихъ тайныхъ общинъ во Фландріи и Брабантѣ, называемыхъ «Turlupins» или «Pilles» или, что особенно замѣчательно, «Tisserands» (ткачи). «Они были строгой нравственности, благодѣтельствовали всѣмъ и не знали чувства мстительности. Многіе изъ нихъ соединились съ появившимися позже голландскими баптистами, которые благодаря этому весьма усилились» [2]).

Баптисты сами очень распространили свою пропаганду до Нидерландовъ, согласно ихъ преданіямъ, уже въ 1524 году. Въ 1527 году погибли три мученика за братское дѣло въ Голландіи.

Значеніе Гофмана заключается не во введеніи анабаптизма въ Нидерландахъ, но въ томъ, что онъ внушилъ баптистамъ смѣлость для выраженія своихъ убѣжденій. Эта смѣлость появилась у нихъ, благодаря его увѣренному предсказанію, что пришелъ конецъ существующаго общества и что свершится это въ 1533 году. Кромѣ того успѣху его проповѣди способствовали эпидемія и голодъ, свирѣпствовавшіе съ 1529 года, а также демократическое движеніе въ сосѣдней нижней Германіи, въ особенности же въ Вестфаліи.

Замѣчательно, что новая секта, называемая по имени Мельхіора Гофмана «мельхіоритами», не могла прочно укрѣпиться въ развитыхъ экономически и политически провинціяхъ, каковы были Фландрія и Брабантъ. Тамъ уже слишкомъ сильна была государственная власть. Центръ движенія находился въ городахъ сѣверныхъ провинцій, которыя, будучи экономически и политически отсталыми, именно благодаря этому сохранили за собой больше независимости; это были— Голландія, Зеландія и Фрисландія,—тѣ самыя провинціи, которыя впослѣдствіи, въ противоположность Фландріи и Брабанту, сумѣли освободиться отъ испанскаго

[1]) Они требовали, прежде всего, чтобы онъ поселился въ Испаніи, не привозилъ съ собой нидерландцевъ или иноземныхъ войскъ, не натурализовалъ иностранцевъ и не давалъ имъ никакихъ должностей въ государствѣ или въ церкви (В. Робертсонъ, „History of Charles V.“, Лондонъ, 1796 г., стр. 163 и слѣд.).

[2]) А. Бронсъ, „Ursprung, Entwickelung und Schicksale der altevangelischen Taufgesinnten, oder Mennoniten“, Гарденъ, 1891 г., стр. 57.

владычества. Въ Амстердамѣ образовалась главная община; членовъ ея не испугало, что 5 декабря 1531 года, по приказу императора, былъ обезглавленъ въ Гаагѣ вождь общины, Янъ Фолькертсъ, съ восемью товарищами, а головы ихъ были привезены въ Амстердамъ, «гдѣ ихъ, на далеко видномъ мѣстѣ, на виду у прибывающихъ и отплывающихъ кораблей, воткнули на шестахъ въ кругъ съ проповѣдникомъ по серединѣ, высоко поднятымъ надъ другими» (Корнеліусъ). Городскія власти смотрѣли на сектантовъ сквозь пальцы, и Амстердамъ остался ихъ центромъ въ Нидерландахъ.

Какъ только число «мельхіоритовъ» сдѣлалось значительнымъ, между ними образовалось два новыхъ направленія. Всѣ они, конечно, вѣрили въ скорое появленіе «новаго Іерусалима», но именно наиболѣе практичные между ними должны были сказать себѣ, что онъ самъ по себѣ, благодаря чуду, не появится, и что, выражаясь современнымъ языкомъ, пролетаріатъ долженъ освободить себя самъ. Тѣми же средствами, говорили они, которыми покоренъ народъ, онъ долженъ и бороться со своими врагами, именно оружіемъ; мечъ, который безбожники вынутъ изъ ноженъ противъ народа Божія, обратится на ихъ сердце.

Такъ училъ Янъ Матисъ, булочникъ изъ Гарлема, первый изъ мельхіоритовъ выступившій на защиту насилія. «Іоаннъ Матисъ, тотъ самый, который первый ввелъ и потребовалъ употребленія меча и насилія противъ правительства» — объяснялъ Іоаннъ Лейденскій своимъ судьямъ. Въ другомъ признаніи онъ разсказываетъ о несогласіи, возникшемъ между Матисомъ и Гофманомъ [1]).

Ученіе Матиса представляло яркое противорѣчіе съ однимъ изъ важнѣйшихъ основныхъ положеній баптистскаго ученія, которому подчинялись всѣ его направленія, какъ бы разнообразны они ни были. Но ученіе это было естественнымъ послѣдствіемъ хиліастической теоріи, для которой гоненія въ нижней Германіи и Нидерландахъ создали благопріятную почву. Кто доведетъ до отчаянія извѣстный слой населенія, тотъ не долженъ удивляться, если этотъ слой станетъ защищаться. Самое миролюбивое и трусливое животное защищаетъ свою жизнь, если ей угрожаютъ. Ученію же Матиса въ Нидерландахъ благопріятствовало еще то, что тамъ классовыя противорѣчія обострились гораздо больше, чѣмъ на родинѣ анабаптизма, въ Швейцаріи. Въ Нидерландахъ почти невозможно найти среди анабаптистовъ представителей высшихъ классовъ. Движеніе тамъ было исключительно пролетарское, оно было движеніемъ элементовъ, которымъ нечего терять, кромѣ цѣпей, а это должно было увеличить ихъ силу и желаніе дать отпоръ.

Матису удалось укрѣпиться въ амстердамской общинѣ. Благодаря разосланнымъ агитаторамъ, онъ нашелъ и внѣ этой общины множество послѣдователей, число которыхъ возрастало по мѣрѣ увеличенія числа мельхіоритовъ. Между ними самымъ замѣчательнымъ былъ только что названный Іоаннъ Боккельзонъ Лейденскій. Его мать, крѣпостная изъ Мюнстерскаго округа, служила у старшины Боккеля въ Севенгагенѣ, возлѣ Лейдена, и тамъ родила Іоанна (1509 годъ). Впослѣдствіи, откупившись на волю, она вышла замужъ за Боккеля. Іоаннъ научился въ Лейденѣ портняжному ремеслу и получилъ весьма скудное образованіе,

[1]) „Berichte der Augenzeugen über das Münsterische Wiedertäuferreich". Изданіе С. А. Корнеліуса (2-ой томъ Geschichtsquellen des Bisthums Münster), Мюнстеръ, 1853 г., стр. 370, 399.

но необыкновенныя способности его вознаградили этотъ недостатокъ. Онъ очень рано началъ принимать участіе въ вопросахъ, которыми волновалась его эпоха; въ особенности его заинтересовалъ мистическій коммунизмъ, и онъ принялся изучать сочиненія Мюнцера. Воззрѣнія его расширились также благодаря большимъ путешествіямъ. Въ качествѣ портного онъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ 4 года, и во Фландрію. Возвратившись, онъ пересталъ заниматься своимъ ремесломъ, женился на вдовѣ корабельщика и сдѣлался купцомъ. Въ качествѣ купца, онъ посѣтилъ Любекъ и Лиссабонъ. Но онъ не обладалъ счастьемъ или необходимою дѣловитостью и обанкротился какъ разъ въ то время, когда анабаптизмъ появился въ Нидерландахъ. Со всѣмъ пыломъ молодости Іоаннъ обратился къ ученію, которое всегда было ему симпатично. Хотя онъ много видѣлъ и узналъ, однако, ему не было еще 25 лѣтъ, когда онъ сдѣлался послѣдователемъ Іоанна Матиса (въ ноябрѣ 1533 года).

Будучи красивымъ, живымъ энтузіастомъ, обладая увлекательнымъ краснорѣчіемъ, онъ легко побѣждалъ всѣ сердца. Въ особенности замѣчательны были его жизнерадостность и любовь къ прекрасному, которыя выгодно отличаютъ его отъ массы единомышленниковъ, придерживавшихся мрачнаго пуританизма. Въ этомъ онъ также совсѣмъ не похожъ на Томаса Мюнцера. Съ ранней молодости онъ обнаружилъ поэтическій талантъ: «онъ составилъ нѣсколько театральныхъ пьесъ различнаго рода, которыя, какъ тамъ принято, онъ представлялъ передъ всѣми людьми на эстрадахъ, чтобы заработать деньги», — повѣствуетъ Керсенброикъ. Склонность ко всему театральному и пониманіе театральныхъ эффектовъ онъ доказалъ также въ Мюнстерѣ.

Однако, Керсенброикъ не имѣетъ основанія смѣяться надъ нимъ, какъ надъ «портнымъ» и «театральнымъ королемъ». Властители, покорнымъ слугою которыхъ былъ Керсенброикъ, дрожали передъ этимъ портнымъ и театральнымъ королемъ, ибо мюнстерскій диктаторъ обладалъ, наряду съ только что описанными свойствами, еще желѣзной волей и проницательнымъ умомъ, которые дѣлали его опаснымъ противникомъ.

Еще прежде чѣмъ Бокельзонъ соединился съ Яномъ Матисомъ, тотъ оказался во главѣ нидерландскихъ мельхіоритовъ, такъ какъ Гофманъ въ началѣ 1533 года покинулъ Нидерланды, чтобы вернуться въ Страсбургъ, потому что пришло время возникновенія новаго Іерусалима. Ему было предсказано, что онъ будетъ схваченъ, просидитъ полгода въ заключеніи, и тогда явится освободитель. Первая часть этого предсказанія скоро исполнилась, уже въ маѣ совѣтъ приказалъ его арестовать. Ожиданія братьевъ были теперь напряжены до послѣдней степени. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ они ожидали назначеннаго времени, когда наконецъ должны были кончиться все горе и вся нужда.

Но остальная часть предсказанія не исполнилась; 1533 годъ кончался, а въ Страсбургѣ все оставалось спокойнымъ. Агитація Гофмана имѣла лишь тотъ результатъ, что совѣтъ вынужденъ былъ принять болѣе строгія мѣры противъ баптистовъ. Вслѣдствіе этого всѣ сомнительные элементы отпали отъ нихъ, а дѣло ихъ въ Страсбургѣ пришло въ упадокъ [1]). Но именно въ это время мечтательный энтузіазмъ «братьевъ» получилъ толчокъ, заставившій его ярко разго-

[1]) Гофманъ уже не выходилъ болѣе на свободу. Онъ умеръ послѣ долголѣтняго заключенія въ тюрьмѣ.

рѣться: «по всѣмъ общинамъ мельхіоритовъ въ Нидерландахъ распространилось сказаніе, что Господь отказался отъ Страсбурга за его невѣріе и избралъ на его мѣсто Мюнстеръ, который и будетъ новымъ Іерусалимомъ» (Корнеліусъ).

Посмотримъ теперь, что происходило въ это время въ Мюнстерѣ.

VIII. Завоеваніе Мюнстера.

Уже въ 1532 году въ Мюнстерѣ стали замѣтны баптистскія и подобныя имъ тенденціи. Въ теченіе слѣдующаго года, послѣ соглашенія 14 февраля, онѣ быстро пріобрѣли силу и распространеніе.

Совѣтъ раздѣлился, потому что выборы отъ 3 марта 1533 года ввели въ него рядъ демократическихъ элементовъ. Къ числу ихъ принадлежалъ также и одинъ изъ двухъ бургомистровъ, Германъ Тильбекъ, по происхожденію патрицій и демократъ по убѣжденіямъ, который впослѣдствіи участвовалъ въ обращеніи самой радикальной части мюнстерской буржуазной демократіи въ анабаптизмъ.

Гильдіи были столь же неувѣрены, разрознены и такъ же колебались, какъ и совѣтъ. Онѣ знали, что епископъ и духовенство только ждали благопріятнаго случая, чтобы вновь получить власть надъ различными объектами ихъ эксплуатаціи, а одна часть цехового мѣщанства начала бояться неимущихъ, которые не хотѣли останавливаться ни передъ какими привилегіями, ни передъ какимъ имуществомъ, даже и передъ цеховыми. Спрашивалось, кто былъ опаснѣе, народъ или аристократія. Тѣ изъ числа буржуазной демократіи, кто больше всего боялся владычества поповъ и аристократовъ, остались вѣрны союзу съ пролетарскими элементами, другіе же присоединились къ лютеранамъ и даже къ католикамъ города. Значительная же масса цеховыхъ элементовъ находилась въ постоянномъ колебаніи между обѣими партіями, стараясь лишь не дать черезчуръ усилиться ни одной изъ нихъ.

Обстоятельства эти въ началѣ весьма благопріятствовали анабаптистамъ и препятствовали совѣту принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Баптисты не оставались праздными при такомъ удобномъ случаѣ; усердіе ихъ въ пропагандѣ не оставляло желать большаго. Количество ихъ увеличивалось не только благодаря приросту прозелитовъ, но, что весьма замѣчательно, и благодаря прибытію эмигрантовъ, прежде всего изъ сосѣднихъ мѣстностей,—изъ Юлиха, а затѣмъ и издалека, въ особенности изъ Нидерландовъ. Пришельцы эти явились, отчасти убѣгая отъ преслѣдованій, отчасти же влекомые жаждой дѣятельности, такъ какъ въ Мюнстерѣ братья были не только въ большей безопасности, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, но тамъ имъ представлялся также прекрасный случай работать на пользу своего дѣла. Эти эмигранты имѣли весьма важное значеніе для развитія дѣла баптизма въ Мюнстерѣ. Одинъ очевидецъ, Гресбекъ, приписываетъ имъ главную заслугу въ побѣдѣ анабаптистовъ и въ событіяхъ, происходившихъ въ Мюнстерѣ при коммунистическомъ режимѣ. Энергичныхъ анабаптистовъ въ городѣ онъ называетъ не иначе, какъ «голландцами» и «фризами» [1]).

[1]) Поэтому-то онъ и не любитъ голландцевъ: „когда голландцу семь лѣтъ,—говоритъ онъ на своемъ нижне-германскомъ нарѣчіи,—онъ уже настолько уменъ, насколько вообще можетъ быть. Вообще они на половину дураки“. „(Berichte der Augenzeugen über das Münsterische Wiedertäuferreich“, стр. 137).

Пришельцы принадлежали къ храбрѣйшимъ и наиболѣе дѣятельнымъ элементамъ партіи; они являлись для городскихъ баптистовъ значительною нравственною и военною поддержкой.

Что же касается «партіи порядка», какъ мы для краткости назовемъ противниковъ баптистовъ, то она день ото дня приходила въ упадокъ. Богачами овладѣлъ ужасъ, и каждый шагъ впередъ, который дѣлала демократія, обращалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ бѣгство.

Этотъ процессъ хорошо изображенъ въ католическомъ нижне-германскомъ стихотвореніи отъ 1534 года, «der Monsterschen Ketzer Bichtboek». Тамъ говорится между прочимъ (мы цитируемъ въ оригиналѣ, ибо въ переводѣ стихи много теряютъ):

„De geistlichen worden von allen weltlichen binnen Munster gehatet,
Darum hebben etlicke prälaten bi guten tiden uthgetagen und sick nich verlatet.
De gilden mochten de junckeren of erfmans da binnen nich liden,
Darum hebben auck de erfmans sick uth der stat gegieven bi tiden.
De armen gildebroers hebben de riecken borger und rentners verfolget,
Derhalven hebben de riecken borger den junckeren na gefolget.
Hadde de ene sick bi den andernn gehalden fast,
So weren wi alle nich gekommen in so grote last“ [1]).

(Свѣтскіе въ Мюнстерѣ ненавидѣли духовныхъ, поэтому послѣдніе во благовременіи удрали изъ города. Гильдіи терпѣть не могли патриціевъ, и патриціи тоже поспѣшили оставить городъ. Бѣдные граждане напали на богатыхъ гражданъ и купцовъ — тогда богачи послѣдовали примѣру духовенства и патриціевъ.

Если бы одни держались другихъ, они всѣ вмѣстѣ не попали бы въ такое затруднительное положеніе).

Поэтъ проповѣдовалъ очень дешевую мудрость. Навѣрно каждое, хотя бы и скоропреходящее самостоятельное движеніе пролетаріата было бы невозможно во многихъ странахъ еще и до настоящаго времени, если бы имущіе крѣпко держались другъ друга. Но къ счастью для пролетаріевъ имущіе раздѣляются на нѣсколько различныхъ классовъ, съ весьма противоположными классовыми интересами, и классовая борьба имущихъ между собою до сихъ поръ всегда была важнымъ моментомъ въ исторіи развитія пролетаріата. Правда, какъ только пролетаріатъ начиналъ казаться опаснымъ, имущіе классы съ своей стороны обнаруживали склонность соединиться и образовать «реакціонную массу». Но каждый изъ этихъ классовъ искалъ при этомъ для себя личной выгоды, и во время совмѣстной дѣятельности они никакъ не могли побѣдить извѣстнаго недовѣрія другъ къ другу, потому что, какъ каждый старался обмануть своего союзника, точно также каждый боялся быть обманутымъ самъ этимъ союзникомъ. Даже когда Мюнстеръ попалъ въ руки баптистовъ, эта достойная компанія лишь съ трудомъ соединилась въ сплоченную массу.

Но по мѣрѣ того, какъ стали возникать начатки партіи порядка, болѣе крайніе буржуазно-демократическіе элементы, подъ предводительствомъ Ротмана и Книппердолинга, были принуждены тѣснѣе примкнуть къ элементамъ проле-

[1]) Выдержки изъ этого стихотворенія напечатаны у Корнеліуса „Münsterischer Aufruhr“, II, стр. 179.

тарскимъ; они обратились къ анабаптизму. Еще въ 1532 году Ротманъ, бывшій тогда послѣдователемъ Цвингли, возставалъ противъ анабаптизма. 6 сентября этого года онъ писалъ Буцеру: «мнѣ уже пришлось возиться съ анабаптистами, которые, правда, на нѣкоторое время покинули насъ, но угрожали вернуться въ большемъ числѣ. Но если Богъ за насъ, то кто же будетъ противъ насъ» [1]).

Въ маѣ слѣдующаго года Ротманъ признавалъ себя уже противникомъ крещенія дѣтей.

Совѣтъ попытался побѣдить баптистовъ духовнымъ оружіемъ; онъ заставилъ Меланхтона написать Ротману письмо, чтобы вернуть его къ истинной вѣрѣ. Но когда это и подобныя ему письма не принесли никакой пользы, городской совѣтъ устроилъ 7 и 8 августа 1533 года диспутъ, который конечно не обратилъ баптистовъ, а скорѣе придалъ имъ духу.

Но теперь городской совѣтъ началъ принимать болѣе строгія мѣры. Цѣлый рядъ городскихъ священниковъ присоединился къ баптистамъ. Городской совѣтъ угрожалъ имъ (въ сентябрѣ) лишеніемъ должности и изгнаніемъ, если они будутъ отказываться крестить своихъ дѣтей. Они отвѣтили (17 сентября), что Бога надо слушаться больше, чѣмъ людей. Послѣ этого совѣтъ старался привести въ исполненіе свою угрозу. Прежде всего совѣтъ лишилъ Ротмана должности проповѣдника въ Ламбертовской церкви, но приходъ занялъ такое угрожающее положеніе, что въ октябрѣ совѣтъ разрѣшилъ ему проповѣдовать въ другой церкви, и такимъ образомъ баптисты добились своей первой побѣды.

Вторая проба силъ произошла въ началѣ ноября. Совѣтъ сдѣлалъ попытку къ образованію «реакціонной массы»; онъ пригласилъ гильдейскихъ мастеровъ и католиковъ-патриціевъ на общее совѣщаніе по поводу того, какимъ образомъ справиться съ баптистскими элементами. Согласились нанести имъ ударъ вооруженной рукой и произвести это на слѣдующій день.

Элементы порядка собрались вооруженные и постарались прежде всего овладѣть баптистскими проповѣдниками. Но тутъ нѣсколько крайнихъ реакціонеровъ,—вѣроятно, это были католики,—потребовали, чтобы вмѣстѣ со священниками были изгнаны изъ города и демократически настроенные члены совѣта, въ особенности тѣ, которые симпатизировали баптистамъ, и прежде всѣхъ бургомистръ Тильбекъ. Но объ этомъ наканунѣ не было и рѣчи; это удивило умѣренныхъ изъ партіи порядка, и они начали не довѣрять своимъ товарищамъ. Въ это же время баптисты собрались и укрѣпились на погостѣ св. Ламберта, и ихъ противники не осмѣлились напасть на нихъ. Совѣтъ на другой день началъ съ ними переговоры, и дѣло, которое должно было кончиться разсѣяніемъ баптистовъ, кончилось нѣсколькими небольшими уступками съ ихъ стороны. Нѣсколько проповѣдниковъ выселились, Ротману запретили проповѣдовать, но онъ остался въ городѣ. Публичная пропаганда была имъ запрещена, но баптистовъ все-таки пришлось оставить въ городѣ. Такимъ образомъ они отстояли себя и въ этомъ второмъ, гораздо болѣе опасномъ столкновеніи.

«Ротманъ—разсказываетъ Керсенброикъ—хоть и былъ лишенъ, на основаніи соглашенія (отъ 6 ноября), права проповѣдовать публично, однако не переставалъ сначала тайно и въ ночное время, а впослѣдствіи, когда число его приверженцевъ очень возросло, и днемъ проповѣдовать анабаптизмъ въ домахъ

[1]) Цитировано у Керсенброика, I, стр. 183.

нѣкоторыхъ гражданъ. О времени проповѣдей объявлялось выстрѣломъ, и никто, кромѣ зараженныхъ анабаптизмомъ, не допускался» (I, стр. 453).

Рядомъ съ устной пропагандой производилась еще пропаганда и печатными летучими листками. Въ домѣ Ротмана устроили тайную типографію, которая впослѣдствіи была открыта правительствомъ.

Кромѣ того, приступили и къ осуществленію коммунизма въ жизни. Богатые изъ «братьевъ» положили всѣ свои деньги къ ногамъ Ротмана, разорвали и сожгли заемныя письма, которыя имѣли, и простили всѣмъ своимъ должникамъ ихъ долги; и это дѣлали не только мужчины, но и женщины, которыя обыкновенно не имѣютъ привычки что-либо бросать. Жена Брандштейна, теща Книппердолинга, очень богатая женщина, такъ была подвигнута духомъ божіимъ, что возвратила своимъ должникамъ заемныя письма вмѣстѣ съ полученными уже процентами» [1]).

Подобный безкорыстный энтузіазмъ долженъ былъ сильно подѣйствовать на массы. Вскорѣ баптисты такъ усилились, что могли открыто бороться со своими противниками. 8 декабря кузнечный подмастерье Іоаннъ Шредеръ началъ публично проповѣдывать баптистское ученье; 15 совѣтъ велѣлъ его арестовать, но кузнечный цехъ собрался и, явившись къ ратушѣ, потребовалъ его освобожденія. Ротману приказано было удалиться, но онъ спокойно остался въ городѣ. Къ концу года возвратились и высланные въ ноябрѣ проповѣдники, но 15 января 1534 года совѣтъ опять изгналъ ихъ. Городскіе наемники вывели ихъ чрезъ одни ворота, а братья впустили черезъ другія, и совѣтъ не посмѣлъ имъ противиться. Фактически баптисты уже были господами города.

Неудивительно, если братья всюду начинали вѣрить, что Страсбургъ оставленъ Богомъ, а въ Мюнстерѣ воздвигнется истинный новый Сіонъ. На сѣверѣ центръ движенія—или, какъ говорятъ теперь, руководство партіей,—было перенесено изъ Амстердама въ Мюнстеръ. Іоаннъ Матисъ, новый пророкъ и замѣститель Гофмана въ предводительствѣ мельхіоритами, послалъ въ началѣ января въ Мюнстеръ нѣсколько пословъ, въ числѣ которыхъ былъ и Іоаннъ Бокельзонъ Лейденскій, который и прибылъ туда 13 января. Въ февралѣ мы и самого Матиса находимъ также въ Мюнстерѣ.

Партія порядка была въ полномъ отчаяніи. Она видѣла лишь одну возможность поставить преграду наростающей коммунистической волнѣ: она передалась на сторону епископа и отдала городскую свободу въ его распоряженіе,—поступокъ, который въ то время значилъ то же, что теперь измѣна отечеству.

Епископъ Францъ съ самаго начала относился къ торжественному договору съ городомъ, по которому онъ обѣщалъ ему свободу вѣроисповѣданія, какъ къ неимѣющему цѣны лоскуту бумаги, который онъ можетъ разорвать при первомъ удобномъ случаѣ. Чѣмъ демократичнѣе становился городъ, тѣмъ болѣе хотѣлось епископу разорвать договоръ. Уже въ декабрѣ 1533 года онъ началъ вооружаться, чтобы напасть на мюнстерскую демократію и уничтожить ее. Поэтому вѣроломный образъ дѣйствія городской партіи порядка былъ ему очень на руку.

«Когда мой милостивый повелитель Мюнстера увидѣлъ,—пишетъ Гресбекъ,—что анабаптисты въ Мюнстерѣ не позволяли давать себѣ никакихъ совѣтовъ и вовсе не желали милости епископа, онъ согласился съ совѣтомъ города

[1]) Керсенброикъ, I, стр. 455.

Мюнстера и той частью гражданъ, которая не держалась анабаптизма, чтобы они открыли епископу мюнстерскому двое воротъ: ворота Божьей Матери и Еврейскихъ полей. Такимъ образомъ епископу были открыты ворота, и онъ ввелъ въ городъ 2—3000 крестьянъ и отрядъ конницы съ лошадьми, такъ что мой милостивый повелитель уже владѣлъ городомъ» [1]).

Это произошло 10 февраля. Съ епископскими войсками, которыя столь вѣроломно, въ мирное время, напали на городъ, соединились «благонамѣренные бюргеры», которые ихъ ожидали и уже носили оружіе подъ одеждой, кромѣ того они по условію повѣсили соломенные вѣнки на своихъ домахъ, чтобы избавить ихъ отъ ожидаемаго разграбленія защитниками собственности.

Заговорщики въ началѣ имѣли успѣхъ. Имъ удалось овладѣть Книппердолингомъ и нѣкоторыми другими анабаптистами и посадить ихъ въ тюрьму [2]).

Но застигнутые врасплохъ баптисты скоро опомнились и доказали, что въ нихъ живетъ воинственный духъ Іоанна Матиса; они скоро получили перевѣсъ въ уличномъ бою; епископскія войска, удалившись, предложили начать переговоры, и «благодаря своему уму и быстротѣ, они (баптисты) изгнали крестьянъ и конницу изъ города» (Гресбекъ). Измѣна обратилась противъ измѣнниковъ и повела къ тому, что городъ, который въ духовномъ отношеніи былъ уже въ рукахъ баптистовъ, попалъ въ ихъ руки и въ смыслѣ военномъ. Они овладѣли Мюнстеромъ не помощью наступательнаго движенія, но защищаясь.

Битва 10 февраля имѣла два послѣдствія: между городомъ и епископомъ начались правильныя военныя дѣйствія. 23 февраля Францъ вступилъ со своими войсками въ Тельгтъ, чтобы начать осаду. Въ этотъ самый день въ Мюнстерѣ происходило предписанное закономъ избраніе магистрата. Хотя порядокъ избранія ничуть не былъ измѣненъ, но выборы прошли вполнѣ въ пользу анабаптистовъ. Книппердолингъ и Киппенброикъ, суконщикъ, который уже нѣсколько разъ отличался въ дѣлахъ анабаптизма, были избраны бургомистрами Мюнстера. Такимъ образомъ «предводители движенія законнымъ путемъ достигли высшей власти, и главный городъ Вестфаліи былъ у ногъ новыхъ пророковъ» (Келлеръ).

IX. Новый Іерусалимъ.

а) Источники.

Теперь началась, согласно изображенію буржуазныхъ историковъ, безумная оргія сладострастія и кровожадности. Таково общепринятое изображеніе происходившихъ тогда событій со временъ мюнстерской «коммуны» и до нашихъ дней. «Завладѣвъ городомъ,—писалъ епископъ Францъ въ одномъ служебномъ донесеніи,—они уничтожили всякій христіанскій порядокъ и справедливость, всякую гражданскую и духовную власть, полицію и начали скотскую жизнь».

И новѣйшій «ученый», анонимный авторъ «Schlaraffia politicia» [3]), раз-

[1]) „Berichte der Augenzeugen“, стр. 14, 15.

[2]) „Книппердолингъ лежалъ въ тюрьмѣ и ревѣлъ какъ быкъ“, — сообщаетъ Гресбекъ.

[3]) „Schlaraffia politica, Geschichte der Dichtungen vom bestem Statt“, Лейпцигъ, 1892. Плоская, составленная столь же небрежно, сколь и дерзко компиляція.

сказываетъ съ ужасомъ: «Мюнстеръ сдѣлался ареной самаго разнузданнаго разврата и кровопролитнѣйшей рѣзни... Такимъ образомъ было основано государство, въ которомъ осуществился коммунизмъ и полигамія, правительство, въ которомъ самымъ отвратительнымъ образомъ соединялась духовная заносчивость и плотская чувственность, набожная преданность и самопожертвованіе съ кровожадной грубостью и низменной жаждою наслажденій... Кто знаетъ исторію этого движенія, тотъ не сочтетъ описанія, подобнаго сочиненію Григоровіуса «Himmel auf Erden» за преувеличенное собраніе безобразій и низостей. Позорныя дѣянія, жертвой которыхъ сдѣлались женщины Мюнстера, нероновское распутство и жестокости Іоанна Лейденскаго и его сподвижниковъ могутъ служить къ этому сочиненію историческою иллюстраціею». Но этотъ набожный человѣкъ согласенъ съ Сюдромъ, своимъ предшественникомъ въ описаніи исторіи соціализма, въ томъ, что анабаптисты, по крайней мѣрѣ, вѣрили въ Бога и безсмертіе. «Возстановители ихъ ученія въ наше время прибавляютъ къ своимъ заблужденіямъ еще отрицаніе Божества и безсмертія и погружаютъ человѣка въ грубый матеріализмъ. Взвѣсивъ это, чего можно ожидать отъ осуществленія современныхъ утопій? Мюнстерскія сатурналіи безъ сомнѣнія остались бы далеко позади» (стр. 68—70).

Вотъ въ какомъ тонѣ пишутся всѣ буржуазныя исторіи мюнстерской «коммуны».

Но послѣднія строки цитированныхъ нами разсужденій анонимнаго автора показываютъ намъ ихъ слабое мѣсто. Буржуазная исторія никогда не могла бы быть вполнѣ безпристрастной при описаніи мюнстерскаго коммунизма; не можетъ она быть таковою и теперь. Мюнстерскіе коммунисты теперь такъ же, какъ и въ свое время, считаются не объектами научнаго изслѣдованія, но смертельными врагами, которыхъ послѣ физической побѣды надъ ними надо уничтожить еще и въ нравственномъ смыслѣ, и въ лицѣ которыхъ теперь думаютъ задѣть и соціалъ-демократію.

Однако, съ точки зрѣнія научнаго соціализма, можно приступить къ изученію мюнстерской общественной жизни совсѣмъ безпристрастно, — еще безпристрастнѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ проявленіямъ коммунизма. Еретическій коммунизмъ и у анабаптистовъ глубоко отличается отъ современнаго соціализма. Кромѣ того, мы знаемъ, что Новый Іерусалимъ въ Мюнстерѣ вовсе не типиченъ для всего анабаптизма въ частности, а тѣмъ болѣе для всего коммунизма вообще. Если кто-нибудь чувствуетъ потребность изъ тѣхъ результатовъ, которыхъ достигъ анабаптизмъ въ Мюнстерѣ, вывести заключеніе, что коммунизмъ ведетъ необходимо къ жестокости и кровожадности, то мы можемъ указать ему на примѣръ самихъ анабаптистовъ тамъ, гдѣ имъ позволяли свободно развиваться въ Моравіи.

Съ точки зрѣнія современнаго соціализма можно приступить къ разсмотрѣнію мюнстерскаго государства съ мыслью, что каково бы ни было сужденіе о немъ, нынѣшнія стремленія соціалъ-демократіи не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. По отношенію къ мюнстерскимъ коммунистамъ у насъ есть одна потребность: понять ихъ и узнать объ нихъ истину.

Мы считаемъ нужнымъ указать здѣсь на это.

Изъ прежде разсмотрѣнныхъ нами проявленій коммунизма почти каждое нашло у того или другого представителя буржуазной науки безпристрастную

оцѣнку. Таковъ, напр., если даже говорить лишь о направленіяхъ, ближе всего стоящихъ къ мюнстерскому, Томасъ Мюнцеръ у Циммермана, южно-германскіе и моравскіе анабаптисты у Келлера, Бека, Лозерта и друг. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что всѣ эти явленія въ исторіи коммунизма были весьма мирнаго характера, или же выступали рядомъ съ буржуазно-демократическимъ движеніемъ, служили ему союзниками. Такъ, напр., Мюнцеръ получилъ силу и вліяніе главнымъ образомъ благодаря его борьбѣ съ абсолютизмомъ. Какъ коммунистъ, онъ достигъ весьма немногаго, что доказываетъ намъ Мюльгаузенъ. Въ Мюнстерѣ, наоборотъ, коммунизмъ выступаетъ, какъ самостоятельный господствующій революціонный факторъ и притомъ первый разъ въ исторіи. Лицомъ къ лицу съ этимъ явленіемъ буржуазное безпристрастіе исчезаетъ, а между тѣмъ именно здѣсь, въ виду состоянія историческихъ матеріаловъ нужно величайшее безпристрастіе.

Мюнстеръ послѣ рѣшительной побѣды баптистовъ 10 февраля превратился въ осажденный, отрѣзанный отъ внѣшняго міра, городъ; послѣ того, какъ осаждающіе завладѣли имъ, они перебили почти все его населеніе. Кровавой смерти не избѣгъ ни одинъ изъ послѣдователей баптизма, который могъ бы дать литературное изображеніе событій въ городѣ во время его осады. Всѣ сочиненія объ этомъ написаны противниками. Только помня это, можно себѣ представить, въ какой степени заслуживаютъ довѣрія существующія повѣствованія о возстаніи.

Разсмотримъ три главныхъ источника. Тотчасъ послѣ паденія Мюнстера появилось сочиненіе: «Wahrhaftige historie, wie das Evangelium zu Münster angefangen und darnach, durch die Widderteuffer verstöret, widder aufgehört hat. Dartzu die gantze handlung derselbigen buben vom anfang bis zum ende, beides in geistlichen und weltlichen Stücken, vleissig beschrieben durch Henricum Dorpium Monasteriensem. 1536». Въ своей статьѣ «объ источникахъ для исторіи мюнстерскаго возстанія», которая представляетъ введеніе къ изданнымъ имъ разсказамъ очевидцевъ, Корнеліусъ характеризуетъ это сочиненіе слѣдующимъ образомъ: «оно написано въ духѣ виттенбергской партіи, напечатано въ Виттенбергѣ и снабжено предисловіемъ главнаго помощника Лютера и апостола всей нижней Германіи, Іоанна Бугенхагена... Книга написана съ намѣреніемъ представить всѣмъ полнѣйшее духовное паденіе противниковъ и воспользоваться имъ въ собственныхъ партійныхъ интересахъ (стр. XVI и XVII). Уже заглавіе содержитъ въ себѣ страшную ложь. Корнеліусъ доказываетъ, что авторъ, если онъ дѣйствительно назывался Дорпіусомъ, вовсе не происходитъ изъ Мюнстера, какъ онъ говорилъ самъ о себѣ, и что «въ своей книгѣ онъ только притворяется, будто самъ видѣлъ все то, что ему только сообщилъ его докладчикъ» (стр. XI и XII). Слѣдовательно, это былъ обманщикъ, «книгу котораго нельзя считать за дѣйствительное и удовлетворительное повѣствованіе обо всемъ дѣлѣ» [1]).

[1]) Протестантъ Газе старается оправдать Дорпіуса отъ упрековъ католика Корнеліуса и, по нашему мнѣнію, весьма неудачно („Heilige und Propheten“, Лейпцигъ, 1892 г., II, стр. 291 и слѣд.). Впрочемъ, сочиненіе Газе объ анабаптистскомъ государствѣ принадлежитъ, вмѣстѣ съ часто цитированнымъ нами келлеровскимъ, къ относительно лучшимъ, которыя когда-либо были изданы буржуазной партіей. Классическое сочиненіе Корнеліуса о мюнстерскомъ возстаніи, къ сожалѣнію, осталось неоконченнымъ, оно какъ разъ прерывается на завоеваніи Мюнстера баптистами.

Гораздо важнѣе уже нѣсколько разъ цитированное нами сочиненіе Керсенброика объ анабаптистскомъ государствѣ въ Мюнстерѣ. Латинскій оригиналъ его остался въ рукописи; когда въ 1357 году его хотѣли напечатать, мюнстерскій городской совѣтъ запретилъ изданіе, почему сочиненіе это сохранилось только въ рукописныхъ копіяхъ. Въ 1771 году вышелъ переводъ, которымъ мы теперь пользуемся. Керсенброикъ, родившійся въ 1520 году, былъ въ 1534 году до побѣды анабаптистовъ въ мюнстерской соборной школѣ. Позднѣе, съ 1550 года по 1575, онъ былъ ректоромъ этой же школы. Въ качествѣ такового онъ составилъ исторію, которая важна тѣмъ, что онъ сообщаетъ въ ней многочисленные документы. Однако, онъ не только относится къ источникамъ безъ всякой критики и легкомысленно, но кромѣ того еще полонъ партійности. Достаточно слѣдующей выдержки изъ его предисловія: онъ объясняетъ, что писалъ не изъ жажды славы, «но, чтобы послужить своей родинѣ и потомству; чтобы не были забыты блестящіе подвиги, которые совершилъ для полнаго уничтоженія ужаснѣйшей и безстыднѣйшей ереси славнѣйшій во Христѣ графъ и господинъ Францъ, честный епископъ мюнстерской церкви и отпрыскъ стариннаго графскаго Вальдекскаго рода. Кромѣ того, я всему свѣту сообщаю эту исторію, чтобы всѣ порядочные люди могли избѣгать и ненавидѣть ужасное, постыдное безуміе анабаптистовъ». Слѣдовательно, онъ самъ признается, что его цѣль не объективное изложеніе событій, но восхваленіе епископа и униженіе всѣхъ анабаптистовъ. Сообразно съ этимъ, епископа онъ превозноситъ гдѣ только возможно и обходитъ молчаніемъ все, что только можетъ бросить на него тѣнь. Напротивъ, всякую самую жалкую сплетню объ анабаптистахъ авторъ жадно подхватываетъ, если она для нихъ неблагопріятна, и приводитъ ее въ своемъ сочиненіи не только безъ критики, но еще прикрашенной.

Вотъ примѣръ этого. Онъ разсказываетъ: «именно въ это самое время (начало февраля) пророкъ Іоаннъ Матисъ, необыкновенно сладострастный человѣкъ, собиралъ тайкомъ въ ночное время анабаптистовъ обоего пола въ довольно помѣстительномъ домѣ Книппердолинга; когда собраніе было въ полномъ сборѣ, пророкъ становился по серединѣ дома подъ (передъ?) укрѣпленнымъ на полу мѣднымъ подсвѣчникомъ, на которомъ горѣли 3 восковыя свѣчи, училъ окружающую толпу и своимъ пророческимъ духомъ заставлялъ разгораться тлѣющій въ сердцахъ многихъ огонь. Потомъ онъ объяснялъ первую главу первой книги Моисея, и послѣ прочтенія словъ 28 стиха: «плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю», гасились всѣ свѣчи. Какія безобразія совершались тогда, можно заключить изъ того, что самого пророка однажды нашли лежащимъ въ объятіяхъ одной дѣвушки въ самомъ непристойномъ положеніи. Эти сборища у нихъ назывались огненнымъ крещеніемъ. И это не выдумано. Такъ какъ въ городѣ время отъ времени говорилось объ огненномъ крещеніи и никто не зналъ, что это такое, то одна женщина, побуждаемая маленькимъ подаркомъ моего хозяина, Веселинга, согласилась разузнать объ этомъ. Женщина эта, узнавши пароль анабаптистовъ, забралась въ вышеупомянутый домъ, увидѣла все и передала намъ» (I, стр. 504). Этого было достаточно для нашего добраго ректора, чтобы увѣрять, что его разсказъ объ огненномъ крещеніи «не выдумка». Но разсудите: какая-то женщина разсказываетъ, чтобъ получить на чай, какую-то исторію хозяину, у котораго живетъ четырнадцатилѣтній Керсенброикъ. Тотъ записываетъ эту исторію по памяти чуть ли не черезъ пол-

столѣтія и требуетъ отъ насъ, чтобы мы только по этому достовѣрному свидѣтельству приписывали баптистамъ самый изобузданный развратъ.

Что мюнстерскіе анабаптисты объявили въ отдѣльномъ сочиненіи всѣ подобныя обвиненія «ложными и недобросовѣстными» — о чемъ мы еще будемъ говорить,—этого, кажется, никто и не замѣтилъ; точно также прошелъ незамѣченнымъ и тотъ фактъ, что самъ Керсенброикъ въ другомъ мѣстѣ восхваляетъ пуританизмъ анабаптистовъ. «Теперь (послѣ перехода къ баптистамъ) Ротманъ, намѣреваясь распространять ученіе баптистовъ, усвоилъ себѣ совсѣмъ другіе нравы и выказывалъ гораздо больше благочестія и богобоязненности, чѣмъ прежде. Онъ отказался отъ всякихъ пиршествъ, отъ всякаго чувственнаго общенія съ другимъ поломъ, однимъ словомъ отъ всего, что могло бы подвести его подъ подозрѣніе въ легкомысліи. Для того же, чтобы его ученіе согласовалось съ такими нравами и чтобы побудить народъ къ дѣламъ милосердія, онъ провозглашалъ во всѣхъ проповѣдяхъ, что надо жить воздержно, сообща пользоваться пріобрѣтеннымъ имуществомъ, оказывать другъ другу взаимныя услуги и т. д.» (I, стр. 429). Все это представляетъ изображеніе типичнаго баптиста и вообще еретика коммуниста, съ которыми мы уже нѣсколько разъ имѣли случай познакомиться. Изображеніе это во всякомъ случаѣ правильно, но какъ согласовать его съ вышеописанной оргіей?

Анонимная бабья сплетня, вѣроятно, произвела на Керсенброика необыкновенное впечатлѣніе, такъ какъ онъ указываетъ особенно на нее, какъ на доказательство, что онъ разсказываетъ не выдумку. И это одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда онъ находитъ нужнымъ сообщить, откуда получилъ свои свѣдѣнія; въ большинствѣ же случаевъ онъ не называетъ источниковъ. Можетъ быть, источники эти часто еще болѣе плачевнаго происхожденія!

Наиболѣе важнымъ источникомъ по исторіи анабаптистскаго государства можетъ служить цитированное нами уже нѣсколько разъ сочиненіе Гресбека [1]). Гресбекъ, мюнстерскій столяръ, возвратился въ февралѣ 1534 года на родину, покинутую имъ въ 1530 году, и присоединился къ анабаптистамъ. До 23 мая 1535 года онъ оставался въ городѣ, и потому въ состояніи дать намъ описаніе важнѣйшихъ событій, происходившихъ тамъ. Но онъ писалъ нѣсколько лѣтъ спустя,—быть можетъ, восемь или десять—послѣ паденія анабаптистскаго государства, и писалъ только по памяти, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ и подкрѣпленій для воспоминанія. Поэтому онъ часто смѣшиваетъ событія, а на правдивость его воспоминаній бросаетъ тѣнь одно важное обстоятельство: Гресбекъ—именно тотъ человѣкъ, который предалъ Мюнстеръ и ввелъ въ городъ епископскихъ ландскнехтовъ. Понятно, что онъ ненавидѣлъ преданныхъ имъ бывшихъ товарищей еще больше, чѣмъ ихъ ненавидѣли открытые противники. Онъ почти никогда не говоритъ о нихъ иначе, какъ о «злодѣяхъ» и «мошенникахъ». Такова ужъ манера ренегатовъ и предателей. Понятно, когда Гресбекъ старается выставить дѣло такъ, какъ будто онъ совершенно случайно попалъ въ Мюн-

[1]) „Summarische ertzelungk und bericht der Wiederdope und wat sich binnen der stat Münster in Westphalen zugetragen im jair MDXXXV". Корнеліусъ первый понялъ значеніе этой книги, которая сохранилась въ нѣсколькихъ рукописяхъ и напечаталъ ее въ уже упомянутыхъ нами „Berichten der Augenzeugen über das Münstrische Wiedertäuferreich", содержаніе которыхъ она главнымъ образомъ и составляетъ.

стеръ въ февралѣ,—въ то время когда весь міръ зналъ, что городъ принадлежитъ баптистамъ! [1])—и только подъ вліяніемъ страха присоединился къ нимъ. Разумѣется онъ описываетъ терроръ въ самыхъ яркихъ краскахъ. Этимъ Гресбекъ достигъ того, что не только самъ оказался невиннымъ, но и самая его измѣна стала поступкомъ, достойнымъ всякаго уваженія.

Таковы важнѣйшіе источники для изученія мюнстерскихъ событій. Ими можно пользоваться только съ крайней осторожностью, а между тѣмъ они попали въ руки историковъ, которые заранѣе считали доказаннымъ все, что эти источники желали доказать; а именно,—что коммунизмъ необходимо порождаетъ безуміе и всякую мерзость. Неудивительно, что при такомъ историческомъ описаніи, анабаптистское государство представляется какимъ-то просто невозможнымъ собраніемъ не простыхъ безобразій и подлостей, но подлостей и безобразій совершенно безсмысленныхъ и безцѣльныхъ.

И несмотря на все это, даже и эти источники даютъ возможность понять мюнстерскій анабаптизмъ, если только пользоваться ими критически, сравнить ихъ со скудными остатками другихъ современныхъ свидѣтельствъ и не упускать изъ виду съ одной стороны общаго характера еретическаго коммунизма, а съ другой необыкновенныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ Мюнстерѣ.

b) Терроръ.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что Мюнстеръ находился на военномъ положеніи, съ тѣхъ поръ, какъ епископъ напалъ на него 10 февраля. Это обстоятельство обыкновенно упускается изъ виду пристрастными историками анабаптизма.

Надо полагать, что война чрезвычайно ничтожное обстоятельство. Ибо чѣмъ же объяснить въ противномъ случаѣ, что «благонамѣренные» историки, которые съ такой проницательностью умѣютъ выискать даже самое незначительное обстоятельство, повліявшее на тотъ или иной, нерѣдко весьма маловажный поступокъ монарха, всегда почти забываютъ принять въ разсчетъ военное положеніе, когда рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ демократическаго, а тѣмъ болѣе коммунистическаго общества, борющагося за свое существованіе. Стоитъ только прочесть обычныя буржуазныя росказни о возстаніи парижской коммуны въ 1871 году и о господствѣ террора во время Великой французской революціи!

Та же участь постигла и анабаптистовъ Мюнстера.

Но, желая понять мюнстерское возстаніе и стремленія анабаптистовъ, нельзя мѣрить ихъ государства по масштабу мирнаго времени, а слѣдуетъ помнить, что это былъ осажденный, и даже при особенно тяжелыхъ обстоятельствахъ осажденный городъ. Для анабаптистовъ не существовало обычное военное право; почетной капитуляціи они также были лишены; осажденнымъ оставался только выборъ между побѣдой и мучительнѣйшею смертью. Относительно мятежниковъ даже самое ужасное наказаніе кажется слишкомъ мягкимъ; это, какъ говоритъ

---

[1]) Въ письмѣ, написанномъ во время осады, онъ признается, что мать его хозяина предостерегала его не ходить въ Мюнстеръ, такъ какъ его тамъ тоже окрестятъ („Berichte der Augenzeugen“, стр. 323).

Лютеръ, благодѣяніе, оказываемое имъ правительствомъ [1]). Если мятежники подведутъ итогъ княжеской кровожадности, то станетъ ясно, какіе ужасы порождаютъ... свобода и равенство. Такова логика «свѣтилъ науки»!

На ряду съ этимъ особымъ положеніемъ, которое побуждало къ кровавымъ поступкамъ, слѣдуетъ принять во вниманіе характеръ вѣка, который былъ однимъ изъ кровожаднѣйшихъ, быть можетъ, самымъ кровожаднымъ. Приведенныя нами до сихъ поръ выдержки дали уже достаточно доказательствъ этому, а примѣчаніе приводитъ еще нѣсколько примѣровъ; въ особенности анабаптисты могли бы кое-что разсказать объ этомъ. Эти миролюбивѣйшіе изъ всѣхъ людей всюду были систематически гонимы, какъ дикіе звѣри, и предаваемы ужаснѣйшимъ мученіямъ. Если благодаря отчаянью эти бѣдняки доходили до настроенія, при которомъ надоѣдало баранье терпѣніе и которое побуждало ихъ рѣшительно сопротивляться, то удивляться здѣсь нечего; удивляться слѣдуетъ лишь тому, что настроеніе это развивалось такъ долго и всегда овладѣвало только частью гонимыхъ.

Теперь цѣлый рядъ счастливыхъ обстоятельствъ далъ въ руки жестоко гонимыхъ и оскорбляемыхъ крѣпкій городъ, но извнѣ имъ грозило полное уничтоженіе.

Какъ же поступали они при такихъ обстоятельствахъ?

27 февраля—повѣствуетъ Янсенъ съ необходимой дозой возмущенія, — начался терроръ объявленіемъ приказа, гласящаго, чтобы всѣ жители города либо приняли новое крещеніе, либо оставили городъ». И Янсенъ при этомъ цитируетъ епископа мюнстерскаго, который въ письмѣ своемъ возмущается тѣмъ, что «набожныхъ гражданъ» изгоняютъ изъ города на нужду, и говоритъ, что

[1]) Извѣстный консервативный профессоръ Лео развиваетъ эту остроумную мысль. Онъ такъ описываетъ въ своихъ лекціяхъ о Мюнцерѣ кровавое усмиреніе крестьянскаго возстанія: „Всюду они (князья) распространяли ужасъ своими быстрыми и строго выполняемыми смертными казнями, и приводили этимъ бѣдныхъ людей, погрязшихъ въ заблужденіяхъ... въ сознаніе — это есть первая и при такихъ обстоятельствахъ необходимѣйшая форма выполненія долга любви со стороны правительства“ („Thomas Münzer“, стр. 23). Очень оригинально при этомъ тонкое указаніе на то, что для приведенія кого-либо въ сознаніе лучше всего отрубить ему голову. Впрочемъ, профессоръ выражается очень деликатно, говоря о „быстрыхъ и строго выполняемыхъ смертныхъ казняхъ“. Подъ этимъ можно себѣ представить только либо повѣшеніе, либо отрубаніе головы, между тѣмъ милостивые правители далеко не довольствовались этимъ. Эрфуртская городская хроника повѣствуетъ: „ландграфъ Филиппъ и герцогъ Георгъ передали (послѣ битвы при Франкенгаузенѣ) священника и его капеллана женамъ взятыхъ въ плѣнъ мужчинъ, которыя должны были бить ихъ дубинами до смерти для того, чтобы сохранить жизнь своимъ мужьямъ. И женщины колотили такъ усердно, что головы ихъ стали похожи на кочни вареной капусты и мозгъ прилипалъ къ дубинамъ... Послѣ этого освободили ихъ мужей. И князья присутствовали при этомъ и смотрѣли, какъ это дѣлалось“. Такъ было дѣло въ Тюрингенѣ, а въ то же самое время и въ Франконіи защитники порядка забавлялись не хуже: „Вечеромъ привязали Якова Рорбаха въ Вейдорфѣ желѣзной цѣпью къ столбу и, какъ Пфейфера изъ Ильсфельда, обложили огнемъ, такъ что онъ, жарясь живьемъ на медленномъ огнѣ, долженъ былъ плясать ужасную пляску смерти въ огненномъ кольцѣ вокругъ дерева, подъ звуки барабановъ и флейтъ. Дѣти на плечахъ воиновъ смотрѣли на это, а кругомъ стояли дворяне, пока не умолкъ послѣдній звукъ и пока самъ онъ, уже не похожій на человѣка, не упалъ“. (Циммерманъ, стр. 437, 476). И такія-то звѣрства ученый XIX вѣка позволяетъ себѣ называть выполненіемъ долга любви! И это же созданіе приходитъ въ ужасъ отъ „нероновскихъ жестокостей“ пролетаріевъ.

«нигдѣ, ни въ какой странѣ, даже у турокъ или у язычниковъ никогда не было слыхано о такихъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ жестокостяхъ» [1]).

Возмущеніе католическаго историка такъ велико, что онъ даже забываетъ упомянуть, хотя бы единымъ словомъ, что мягкосердечный епископъ въ это время уже осаждалъ Мюнстеръ, и что онъ издалъ даже 13 февраля эдиктъ, въ которомъ его подчиненнымъ приказывалось поступать со всѣми непокорными и мятежниками согласно императорскому эдикту, т.-е. убивать ихъ. И этотъ приказъ строго приводился въ исполненіе. Керсенброикъ съ наслажденіемъ разсказываетъ: «чтобы исполнить императорскій эдиктъ и требованіе закона, строго наказывали попадающихся тамъ и сямъ въ епископіи анабаптистовъ. Въ это время утопили пять женщинъ и одного мужчину изъ Вольбека; въ Бевергернѣ четыре женщины присуждены были къ утопленію, а двое мужчинъ къ сожженію. Кромѣ того многіе, тайно вторично окрещенные Ротманомъ, были присуждены къ заслуженной ими смертной казни» (I, стр. 517). Обо всемъ этомъ у Янсена не сказано ни слова,—онъ въ этомъ отношеніи образецъ обычнаго буржуазнаго историка, онъ умалчиваетъ, конечно, о томъ, что противники анабаптистовъ въ городѣ вступили въ заговоръ съ епископомъ, чтобы открыть его войскамъ ворота 10 февраля. Теперь, послѣ начала осады, этихъ заговорщиковъ, сносившихся съ внѣшнимъ врагомъ, не казнили, что вполнѣ соотвѣтствовало бы военному праву и хорошему примѣру епископа, но ихъ попросили оставить городъ! И это называется «терроромъ»! Какое жалкое лицемѣріе!

Во время осады въ городѣ пришлось ввести строгое управленіе: былъ совершенъ рядъ казней. Но если разсмотрѣть случаи, о которыхъ разсказываютъ Керсенброикъ и Гресбекъ, то мы увидимъ, что они всегда касаются проступковъ противъ безопасности города: соглашенія съ врагомъ, нарушенія дисциплины, попытокъ дезертировать или поколебать спокойствіе населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что казнь есть жестокость не большая, чѣмъ война; а войны баптисты не искали, она была имъ навязана. При всякомъ удобномъ случаѣ они доказывали свое миролюбіе [2]).

«Терроръ» царилъ не только въ Мюнстерѣ, но и въ областяхъ, подвластныхъ епископу, и сравненіе между ними будетъ не въ пользу послѣдняго.

Епископъ нападалъ, а баптисты выдерживали это нападеніе. Епископъ убивалъ ради своей пользы, а баптисты — чтобы не быть самимъ убитыми; они боролись за свою жизнь. Приспѣшники епископа любили умерщвлять баптистовъ мучительнымъ способомъ, преимущественно посредствомъ утопленія или сожженія. Въ Мюнстерѣ же не мучили приговоренныхъ къ смерти; тамъ было лишь два способа казни, которые употребляются даже и въ гуманномъ XIX столѣтіи, именно отрубаніе головы и разстрѣляніе.

---

[1]) Янсенъ „Geschichte des deutschen Volkes“, III, стр. 300.

[2]) Въ летучемъ листкѣ къ осаждающимъ ландскнехтамъ они объявили: „слушайте вы, юноши и старцы, ставшіе лагеремъ вокругъ нашего города: такъ какъ мы не только отъ всего сердца желаемъ быть въ мірѣ съ каждымъ, но и весьма хотимъ доказать братскую любовь во Христѣ ко всѣмъ людямъ, то вамъ придется позаботиться объ отвѣтѣ передъ всѣми благочестивыми людьми, а тѣмъ болѣе передъ Богомъ, въ томъ, что вы, вопреки всѣмъ установленнымъ и подписаннымъ мирнымъ договорамъ и безъ правильнаго объявленія войны, осаждаете насъ и лишаете жизни“. Весь этотъ летучій листокъ приведенъ у Керсенброика, II, стр. 9.

Многіе видѣли необычайную кровожадность въ томъ, что повелители города, «король» Іоаннъ Лейденскій и его намѣстникъ Книппердолингъ собственноручно совершали казни. Въ этомъ видно грубое непониманіе чувствъ и образа мыслей того времени. Если большіе господа, которые имѣли въ то время власть надъ жизнью и смертью обвиняемыхъ, не убивали сами осужденныхъ, то дѣлалось это не изъ гуманныхъ побужденій, а потому, что противная и грязная работа процесса казни казалась для нихъ слишкомъ низкой. Палачъ, который постоянно имѣлъ дѣло съ трупами, всюду считался самымъ ничтожнымъ и презрѣннымъ изъ людей, общенія съ которымъ боязливо избѣгали. Если, поэтому, предводители мюнстерскаго движенія приняли на себя роль палача, то они совершали этимъ безпримѣрный актъ самоуничиженія, свидѣтельствующій не о жестокости, но о высоко развитомъ чувствѣ равенства.

Что это «не выдумка», говоря словами Керсенброика,—намъ доказываетъ сей достойный человѣкъ, которому въ этомъ случаѣ можно вполнѣ довѣрять. «Именно въ это самое время,—пишетъ онъ,—пророкъ и человѣкъ божій Іоаннъ Бокельзонъ, передалъ, къ ужасу злодѣевъ, Книппердолингу мечъ и назвалъ его передъ всѣмъ собраніемъ именемъ «меченосца»: такъ какъ все высокое должно быть унижено, а Книппердолингъ до сихъ поръ былъ бургомистромъ и главою города, то такова воля Отца, чтобы онъ занимался теперь столь презрѣннымъ дѣломъ, палача» (I, стр. 545).

Яснѣе высказаться нельзя. При казняхъ, которыя самъ король производилъ собственноручно, онъ слѣдовалъ, вѣроятно, тому же принципу, который побуждалъ его во время общественныхъ обѣдовъ прислуживать вмѣстѣ съ королевой толпѣ [1]).

Для нашихъ современныхъ понятій исполненіе роли палача королемъ и его намѣстникомъ кажется отвратительнымъ, но теперешніе поборники смертной казни вовсе не имѣютъ причины возмущаться этимъ. Кто, произнеся смертный приговоръ, не рѣшился бы исполнить его самъ, тотъ только докажетъ свою гордость, изнѣженность, трусость или недомысліе но во всякомъ случаѣ не выкажетъ никакихъ качествъ, которыми можно бы гордиться.

Въ чемъ же тутъ видна неслыханная, нероновская жестокость анабаптистовъ? Она исчезаетъ какъ паръ, стоитъ только вглядѣться въ нее поближе. Они не только не были слишкомъ жестоки, но, наоборотъ, для своего времени и для своего положенія они казались необычайно мягкими. Вся жестокость ихъ состояла въ томъ, что они не давали рѣзать себя какъ барановъ; дѣйствительно это проступокъ, которому нѣтъ оправданія въ глазахъ каждаго «благонамѣреннаго» человѣка. Стрѣлять въ анабаптистовъ, это весьма похвальное выполненіе долга любви, если же они позволяютъ себѣ съ своей стороны стрѣлять, то это уже дьявольская жестокость!

Обвиненіе въ жестокости тѣсно связано съ обвиненіемъ въ тиранніи: Мюнстеръ будто бы показываетъ, къ чему ведетъ коммунистическая свобода и равенство.

Мы видѣли, что баптисты въ Мюнстерѣ достигли власти совершенно за-

[1]) Мы не нашли достовѣрнаго подтвержденія ужасной сказки, которую разсказываетъ Керсенброикъ, будто бы Іоаннъ Лейденскій самъ обезглавилъ одну изъ своихъ женъ, а другія его жены плясали съ нимъ вокругъ трупа. Вѣроятно, это принадлежитъ къ области фантазіи, какъ и разсказъ объ огненномъ крещеніи Іоанна Матиса.

конным путемъ; городской совѣтъ состоялъ теперь изъ приверженцевъ анабаптизма, но именно благодаря тому, что выборы происходили совершенно законно, они и происходили только въ тѣхъ границахъ, которыя установило старинное право выборовъ. Активное и пассивное право выборовъ было ограничено, въ совѣтѣ могли участвовать лишь представители осѣдлаго населенія города. Пролетаріи, также какъ и эмигранты, число которыхъ въ городѣ почти равнялось числу остального населенія, способнаго къ войнѣ, и которые принимали одинаковое участіе во всѣхъ тяготахъ войны, не имѣли представителя въ совѣтѣ. Съ другой стороны, гражданское управленіе приспособлено было къ мирному времени и не отвѣчало требованіямъ, которыя предъявляла къ нему осада.

Осадное положеніе всегда имѣло своимъ послѣдствіемъ прекращеніе гражданскихъ правъ и свободы и неограниченное право распоряженія жизнью и имуществомъ осажденнаго населенія со стороны военныхъ властей; и это имѣло такое значеніе, что слово «осадное положеніе» стало означать то же, что и прекращеніе всѣхъ правъ и политической свободы. Коммунизмъ до сихъ поръ еще не нашелъ, къ сожалѣнію, чудеснаго эликсира, посредствомъ котораго можно было сдѣлать излишними эти необходимыя послѣдствія осаднаго положенія. Поэтому онъ и въ Мюнстерѣ не могъ воспрепятствовать тому, что осадное положеніе повело къ военной диктатурѣ. Кто и изъ этого не пойметъ ясно всей преступности коммунизма и коммунистовъ, тому уже ничѣмъ не поможешь!

Наряду съ городскимъ совѣтомъ, священники тоже составляли, какъ бы родъ народнаго представительства. Они избирались отдѣльными приходами, и въ ихъ избраніи принимало участіе также и нецеховое населеніе города. Кромѣ весьма просто обставленнаго богослуженія, священники также занимались вопросами законодательства и управленія. Они-то и предложили общинѣ (послѣ смерти Матиса) избрать «комитетъ народнаго благосостоянія», членовъ котораго они сами назначали съ согласія общины.

«Тогда пророки и предсказатели,—разсказываетъ Гресбекъ,—опять выдумали, что не надо правительства въ городѣ Мюнстерѣ. Пророки и предсказатели, голландцы и фризы, злодѣи, настоящіе анабаптисты, одни хотѣли быть хозяевами города. Они поставили 12 старшинъ изъ самыхъ мудрыхъ и считавшихся добрыми христіанами, которыя должны были управлять народомъ и подавать ему хорошій примѣръ, и эти-то 12 старшинъ получили всю власть въ городѣ. Тогда они устранили отъ должности бургомистра и весь городской совѣтъ, гильдейскихъ мастеровъ и старшинъ, такъ что тѣ не были уже болѣе начальствомъ (стр. 35). Керсенброикъ въ числѣ старшинъ называлъ трехъ пришлыхъ братьевъ и между ними одного фриза, но также и членовъ стараго совѣта, даже одного изъ бургомистровъ съ 1533 года, патриція Германа Тильбека, который, какъ мы видѣли, съ самаго начала симпатизировалъ баптистамъ.

Такъ какъ баптисты не получали классическаго образованія, но по примѣру всѣхъ еретиковъ-демократовъ и коммунистовъ искали поддержки въ Ветхомъ Завѣтѣ, то они назвали членовъ комитета не сенаторами, директорами или диктаторами, но «старѣйшинами двѣнадцати колѣнъ Израиля». Они были снабжены неограниченной судебной, законодательной и административной властью.

Но наличность осады приводила къ тому, что высшая власть фактически сосредоточивалась въ рукахъ коменданта крѣпости, которымъ былъ въ началѣ пророкъ Іоаннъ Матисъ. Когда онъ палъ 5 апрѣля 1534 года, во время

отчаянной битвы при вылазкѣ, на его мѣсто вступилъ Іоаннъ Лейденскій, который, какъ доказали его успѣхи, отлично выполнялъ эту роль.

Въ качествѣ коменданта города и главы военныхъ силъ, онъ сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ города. 31 августа, послѣ усиленной бомбардировки, произошелъ большой штурмъ города, но былъ благополучно отбитъ. Послѣ этой неудачи, по предложенію ювелира и пророка Дузентшура и по соглашенію съ выдающимися баптистами, Книппердолингомъ, Тильбекомъ, Генрихомъ и Берендтомъ Крехтингами (двумя братьями, которые прибыли въ февралѣ), Ротманомъ и двѣнадцатью старѣйшинами, эти послѣдніе передали свою власть въ присутствіи всей общины Іоанну Лейденскому, и это было лишь публичнымъ признаніемъ фактически давно уже существующаго положенія [1]). Причину того, что баптисты для коменданта своего города не нашли болѣе подходящаго имени кромѣ названія «царя израильскаго», слѣдуетъ искать въ ихъ слишкомъ односторонемъ библейскомъ образованіи. Набожныя души меньше всѣхъ должны бы негодовать на это, а приверженные къ королевской власти историки должны бы относиться съ симпатіей къ коммунистамъ, избиравшимъ короля, уже изъ-за одного этого. У живущихъ въ мирное время анабаптистовъ, напр. у моравскихъ, они напрасно стали бы разыскивать малѣйшій слѣдъ монархическихъ тенденцій.

Въ качествѣ хорошаго полководца, Іоаннъ Лейденскій заботился не только о достаточномъ вооруженіи и военныхъ упражненіяхъ своихъ войскъ, но и о хорошемъ душевномъ настроеніи населенія. Чтобы отвлечь его отъ подавляющей бездѣятельности и ужасовъ осады, онъ старался занимать ихъ дѣломъ и даже забавлять. Перваго онъ достигалъ шанцевыми работами и сломкой лишнихъ церквей и старыхъ домовъ. Керсенброикъ разсказываетъ объ этомъ, конечно, не безъ прибавленія обычныхъ инсинуацій: «Для того, чтобы городскіе жители не имѣли времени думать о возмущеніи противъ короля, они (повелители города) постоянно заставляли ихъ работать. А чтобы они не сдѣлались слишкомъ заносчивыми, имъ не давали ничего ѣсть, кромѣ сухого хлѣба съ солью [2]). А такъ какъ въ это время (январь 1535 года) не нужно было производить новыхъ крѣпостныхъ работъ или исправлять старыя, то жителямъ было приказано снести всѣ церкви, лачуги и другія низкія строенія, окружавшія сады и построенныя очень давно, а также и выкапывать изъ земли фундаменты. Поэтому уже 21 января они начали срывать съ церкви крышу, между тѣмъ какъ раньше употребляли время только на работы при укрѣпленіяхъ» (II, стр. 142).

Однако Іоаннъ заботился не только о работѣ, но и о забавахъ. На ряду съ военными и гимнастическими упражненіями, онъ устраивалъ общія пиршества, игры и танцы, торжественныя процессіи и театральныя представленія. Въ этомъ случаѣ очень пригодилась его жизнерадостная артистическая натура. Правда, что на современнаго зрителя его поступки и дѣятельность при этихъ народныхъ

[1]) Керсенброикъ, конечно, разсказываетъ, что все баптистское государство было устроено Іоанномъ только по собственному произволу и съ единственной цѣлью сдѣлаться его правителемъ; „къ подобнымъ вещамъ давно уже стремился Іоаннъ Бокельзонъ Лейденскій: поэтому-то онъ и уничтожилъ всякую власть, поэтому-то и приказалъ всѣмъ гражданамъ владѣть имуществомъ сообща и воспользовался ихъ имуществомъ“, и т. д. (II, стр. 47).

[2]) Такимъ образомъ нашъ объективный историкъ, даже въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что въ осажденномъ городѣ изсякли средства пропитанія, умѣетъ найти поводъ къ обвиненію предводителей анабаптистовъ.

увеселеніяхъ и въ особенности во время торжественныхъ процессій производятъ впечатлѣніе чего-то театральнаго, да мы вѣдь и знаемъ, что онъ чувствовалъ себя на сценѣ какъ дома и зналъ толкъ въ театральныхъ эффектахъ [1]). Но на Іоанна нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія современности.

Торжественные выходы кажутся намъ чѣмъ-то театральнымъ потому, что мы знаемъ ихъ только по театру. 300—400 лѣтъ назадъ они представляли органическій элементъ общественной жизни. Причины этого мы указывали уже и раньше (стр. 108). Церковь, князья и дворянство старались перещеголять другъ друга въ пышности. Анабаптисты, подобно всѣмъ еретическимъ коммунистамъ, презирали эту еретическую пышность, бывавшую обыкновенно результатомъ эксплуатаціи. Они не только сами носили простыя платья, но даже отказывались (въ Моравіи) изготовлять пышныя одежды и для другихъ [2]). Но въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, въ Мюнстерѣ существовали исключительныя обстоятельства. Роскошь въ одеждѣ, которую позволялъ себѣ Іоаннъ и его сподвижники, не была основана на эксплуатаціи трудящихся. Эти «портновскіе, излишне пышные, комедіантскіе» наряды они нашли готовыми, и приготовлены они были не для нихъ. «Они (совѣтники короля) — разсказываетъ Гресбекъ,—получили въ городѣ тѣ же самыя одежды, которыя когда-то принадлежали богачамъ, изгнаннымъ ими изъ города» (стр. 89; сравни стр. 136, гдѣ бывшими владѣльцами одеждъ названы изгнанные дворяне и граждане). Керсенброикъ разсказываетъ также: «Они присвоили себѣ золото и серебро, принадлежало ли оно городу или гражданамъ, безразлично; а также взяли для себя изъ церквей священныя, пурпурныя, шитыя шелками украшенія и принадлежности, употребляемыя при богослуженіи; кромѣ того, они и все остальное, принадлежавшее городу и гражданамъ, присвоили себѣ и даже лишили жизни тѣхъ, которые сопротивлялись и не хотѣли больше выносить безпорядковъ, а послѣ они, по собственному усмотрѣнію, украшали всѣмъ этимъ себя, несмотря на то, что пріобрѣтено оно было тяжелымъ трудомъ другихъ» (II, стр. 58).

Роскошь процвѣтала, слѣдовательно, въ Мюнстерѣ и раньше; она только перемѣнила хозяевъ, изъ рукъ эксплуататоровъ перешла въ руки эксплуатируемыхъ, которые ее создали. Но при этомъ она сейчасъ же пріобрѣла ужаснѣйшія свойства.

---

[1]) Театральность въ Іоаннѣ Лейденскомъ всегда не нравилась нашимъ благонравнымъ историкамъ. Авторъ „Schlaraffia politica“ называетъ его „театральнымъ королемъ“ (стр. 69); Бецольдъ въ своей „Geschichte der deutschen Reformation“ (стр. 710) называетъ „преувеличенную пышность“ Іоанна вполнѣ „свойственною портному“; не знаемъ, гдѣ ученый профессоръ изучалъ психологію портныхъ. Но смѣшнѣе всего поступаетъ историкъ анабаптизма Келлеръ, который, послѣ описанія театральнаго представленія короля, восклицаетъ съ возмущеніемъ: „этотъ голландскій портной устроилъ передъ своими сподвижниками и передъ всѣмъ міромъ неслыханную комедію; до поры до времени стѣны хорошо вооруженнаго города защищали этого правителя отъ заслуженнаго наказанія“, и т. д. (стр. 217).

[2]) Одинъ изъ моравскихъ баптистовъ говорилъ „объ изготовленіи одежды“: „мы хотимъ и должны служить нашему ближнему со всевозможнымъ усердіемъ и удовлетворять его потребности изо всѣхъ силъ, чтобы восхвалить этимъ Бога, чтобы всѣ видѣли наше прилежаніе. Но того, что служитъ лишь для великолѣпія, гордости и заносчивости, какъ, напр., кружевныя, отдѣланныя и вышитыя вещи,—того мы не дѣлаемъ ни для кого, чтобы не отягощать своей совѣсти“ (Лозертъ „Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer“, стр. 126).

Развитію роскоши среди мюнстерскихъ баптистовъ вѣроятно содѣйствовало также и изученіе Апокалипсиса. Новый Іерусалимъ изображается тамъ полнымъ золота и драгоцѣнныхъ камней. «И цари земные принесутъ въ него славу и честь свою» (21, 24). А въ Мюнстерѣ дѣло шло о томъ, чтобы доказать, что городъ этотъ дѣйствительно и есть долго жданный Новый Іерусалимъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ представлять себѣ мюнстерскую роскошь столь неумѣренною, какъ вообще принято ее изображать. Если бы можно было вѣрить Гресбеку и его описанію, то пришлось бы предположить, что Іоаннъ и его воины носили на себѣ невѣроятныя массы золота и серебра. Кто захотѣлъ бы повѣрить этому, тотъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ, былъ бы такъ же разочарованъ, какъ епископскіе ландскнехты, стоявшіе передъ Мюнстеромъ, которые, благодаря подобнымъ разсказамъ, точили зубы на богатую добычу. Былъ тамъ, напр., ландскнехтъ, раньше находившійся у анабаптистовъ. Онъ разсказывалъ, «что король имѣлъ при себѣ громадныя сокровища, серебро и золото, поэтому ландскнехты надѣялись найти въ городѣ пять или шесть тоннъ золота въ бочкахъ; но когда они овладѣли Мюнстеромъ, то нашли едва полбочки золота, и ни пытка взятаго въ плѣнъ Іоанна и казначеевъ, ни обезглавленіе болтливаго ландскнехта ничего имъ не прибавили.

О закапываніи сокровищъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ городъ взятъ былъ неожиданно, благодаря ночному нападенію и осажденные не имѣли даже времени взяться за оружіе, а тѣмъ болѣе закапывать сокровища.

Особенно характерны театральныя зрѣлища, которыя приказывалъ давать Іоаннъ. Одно изъ нихъ, носившее тенденціозный характеръ, описываетъ намъ Гресбекъ: «они доставляли себѣ большія удовольствія, чтобы провести время. Такъ, напр., король велѣлъ собрать весь простой народъ въ соборѣ, и весь народъ собрался, мужчины и женщины, кромѣ тѣхъ, которые сторожили на валахъ, чтобы увидѣть то, что должно было произойти въ соборѣ. Король велѣлъ сдѣлать на соборныхъ хорахъ надъ алтаремъ, который виденъ отовсюду, сцену, обвѣшанную занавѣсями, и тамъ они давали представленіе о богачѣ и Лазарѣ. Такъ они начали игру и продолжали играть и говорили стихи другъ другу. Послѣ каждаго обращенія богача къ Лазарю, стоявшіе у подножья сцены три флейтщика съ флейтами начинали играть пьесу въ три голоса. Потомъ опять говорилъ богачъ и снова играли флейтщики. Такимъ образомъ представленіе продолжалось до конца, и, наконецъ, появлялись черти и, захвативши богача съ душею и тѣломъ, уводили его за занавѣсъ. Въ соборѣ тогда поднимался смѣхъ и всѣ испытывали отъ этого большое удовольствіе» (стр. 168).

Столь же невинны, какъ это, и другія народныя увеселенія, о которыхъ повѣствуетъ Гресбекъ. Онъ говоритъ очень язвительно и враждебно о веселой жизни, но о разнузданности или даже только легкомысліи ничего не упоминаетъ.

Самая ужасная «оргія», о которой онъ разсказываетъ, слѣдующая: «послѣ этого (послѣ избранія народомъ двѣнадцати комендантовъ воротъ, называвшихся герцогами) король устроилъ пиръ и пригласилъ въ гости всѣхъ герцоговъ, намѣстниковъ и всѣхъ королевскихъ совѣтниковъ съ ихъ женами и всѣхъ высшихъ слугъ королевскихъ. Когда всѣ они собрались, то начали вести себя такъ, какъ будто всю жизнь будутъ управлять. И когда пиршество окончилось, каждый изъ нихъ танцовалъ со своей женою и занималъ ее. Король занималъ своихъ гостей-герцоговъ, и они пили, ѣли и были веселы» (стр. 184).

Келлеръ все это передаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Король собралъ всѣхъ герцоговъ, совѣтниковъ, намѣстниковъ и чиновниковъ съ ихъ женами на большое торжество въ своей резиденціи и роскошно пировалъ съ ними, предаваясь излишествамъ» [1]).

И такъ пишется исторія! О невоздержности, роскоши и излишествахъ мы не находимъ ни слова во всемъ повѣствованіи очевидца!

Изъ дальнѣйшаго разсказа явствуетъ, что Гресбекъ вовсе не говоритъ о невоздержности; онъ только хотѣлъ заклеймить то обстоятельство, что король и его приближенные имѣли еще что пить и ѣсть, между тѣмъ какъ народъ голодалъ, ибо онъ продолжаетъ: «часть простого народа бѣжала изъ города отъ голода и частью даже начали умирать съ голоду».

Здѣсь мы дошли до самыхъ тяжелыхъ обвиненій Гресбека противъ Іоанна Лейденскаго: дѣло не въ томъ, что онъ устраивалъ дикія оргіи, а только въ томъ, что онъ лишалъ необходимаго продовольствія населеніе въ то время, какъ самъ имѣлъ всего вдоволь.

Гресбекъ самъ ничего этого не видѣлъ, потому что не принадлежалъ ни къ приближеннымъ короля, ни къ офицерамъ и чиновникамъ. Какъ о вышеупомянутомъ пиршествѣ, такъ и вообще о благоденствіи Іоанна онъ говоритъ только по наслышкѣ. Весьма вѣроятно, что въ городѣ было много недовольныхъ, вслѣдствіе того, что порціи уменьшались все болѣе и болѣе. Весьма возможно также, что это неудовольствіе выражалось въ дурныхъ слухахъ, распускаемыхъ про комедіанта. Но замѣчательно то, что чѣмъ дальше люди стоятъ отъ короля, тѣмъ увѣреннѣе они говорятъ о его благоденствіи среди народной нужды.

Такъ, напр., бургомистръ франкфуртскій, Юстиніанъ фонъ-Гольцгаузенъ, находившійся въ лагерѣ подъ Мюнстеромъ, писалъ 8 іюня 1535 года своему отцу: «Коровы, которыя тамъ еще есть [2]), съѣдаются королемъ и его приближенными за спиной общины. Мы удивляемся, что община не замѣчаетъ обмана короля» [3]). Какимъ же образомъ могъ замѣтить его бургомистръ, находившійся внѣ города?

Но самъ Гресбекъ проболтался въ одномъ мѣстѣ и указалъ на то, что Іоаннъ раздѣлялъ общую нужду: «и вотъ большая часть женщинъ ушла изъ города, вслѣдствіе голода. Такъ, у короля было 15 женъ; онъ всѣхъ ихъ отпустилъ за исключеніемъ королевы, которую одну оставилъ. Другимъ женамъ онъ приказалъ отправиться къ своимъ друзьямъ, чтобы добыть какого-нибудь пропитанія, гдѣ бы ни пришлось» [4]). Это Гресбокъ разсказываетъ намъ почти непосредственно послѣ своего повѣствованія о «большомъ пиршествѣ», на стр. 190. Онъ, какъ видно, не обладалъ еще искусствомъ писать исторію, не противорѣча себѣ самому.

---

[1]) Geschichte der Wiedertäufer, стр. 237.

[2]) 29 мая онъ пишетъ, что у нихъ есть еще 200 коровъ.

[3]) Berichte der Augenzeugen, стр. 354.

[4]) Уже одно это мѣсто говоритъ противъ вышеприведенной ужасной исторіи о казни одной изъ женъ самимъ королемъ. Если онъ собралъ и отпустилъ всѣхъ женъ, то какъ же онъ могъ убить предварительно одну изъ нихъ.

c) Коммунизмъ.

Общность имущества была основой всего анабаптистскаго движенія. Изъ-за нея же боролись подъ Мюнстеромъ, но характеръ мюнстерскаго баптистскаго государства опредѣлился прежде всего не подъ вліяніемъ общности имущества, но подъ вліяніемъ осады. Мюнстеръ былъ большимъ военнымъ лагеремъ, военныя требованія шли впереди всякихъ другихъ, а свобода и равенство имѣли мѣсто лишь настолько, насколько не мѣшали военной диктатурѣ.

Едва только 10 февраля Мюнстеръ попалъ въ руки баптистовъ, какъ они стали посылать во всѣ стороны письма своимъ единомышленникамъ съ приглашеніемъ явиться въ Мюнстеръ. Въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ говорится: «здѣсь у васъ будетъ всего вдоволь. Бѣднѣйшіе изъ насъ, которыхъ прежде считали нищими, у насъ теперь такъ же прекрасно одѣты, какъ высшіе и знатнѣйшіе, которые бывали у васъ и у насъ; бѣднѣйшіе сдѣлались Божіею милостью такъ же богаты, какъ бургомистры и городскіе богачи».

Но развитіе этого коммунизма остановилось въ самомъ началѣ.

Вездѣ (между прочимъ и у Келлера) говорится о томъ, что въ Мюнстерѣ была уничтожена всякая частная собственность. Но ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было; уничтожено было только частное владѣніе золотомъ и серебромъ въ деньгахъ. Пророки, предсказатели и совѣтъ (дѣло происходило еще до избранія 12 старѣйшинъ) «пришли къ соглашенію и рѣшили, что впредь имущество должно быть общее для всѣхъ, что каждый долженъ принести свое золото, серебро и деньги» (Гресбекъ, стр. 32). Эти деньги употреблялись на расходы, необходимые при сообщеніи города съ внѣшнимъ міромъ, и въ особенности для отправки агитаторовъ и найма ландскнехтовъ.

Но отдѣльныя хозяйства продолжали существовать попрежнему, а частная собственность на предметы производства и потребленія уничтожалась лишь настолько, насколько этого требовали военныя нужды.

Продолжало также существовать право наслѣдованія. Въ числѣ новыхъ установленій, созданныхъ старѣйшинами, Керсенброикъ отмѣчаетъ и слѣдующее (II, стр. 8): «Если кто-нибудь по Божьему соизволенію будетъ застрѣленъ, или другимъ какимъ-либо образомъ почіетъ во Господѣ, то никто не долженъ позволить себѣ присвоить оставленное имъ имущество, оружіе, платье и т. д., но все это слѣдуетъ отнести къ палачу Книппердолингу, а тотъ долженъ представить его старѣйшинамъ, чтобы черезъ ихъ посредство оно было передано настоящимъ наслѣдникамъ».

Даже часть военной добычи могла переходить въ частную собственность. Изъ 28 правилъ, которыя Іоаннъ Лейденскій предложилъ народу 2 января 1535 года, 14-е гласитъ: «если у врага отнята добыча, то никто не имѣетъ права оставлять ее у себя или дѣлать изъ нея употребленіе по своему усмотрѣнію, но каждый долженъ по положенію объявить объ этомъ начальству и привезти добычу. Если начальство дастъ ему часть ея, то онъ можетъ невозбранно употребить эту часть для себя».

А въ слѣдующемъ параграфѣ говорится: «Христіанинъ подъ страхомъ послѣдняго суда не долженъ торговаться со своимъ братомъ, а также и покупать у него что-либо за деньги. Кромѣ того, и при обмѣнѣ, одинъ другого не долженъ подводить и обманывать».

Послѣ уничтоженія денегъ сдѣлалась необходимой мѣновая торговля, если только при этомъ сохранилась частная собственность на средства производства и потребленія, — а что послѣдняя не была уничтожена, доказывается слѣдующимъ эпизодомъ, относящимся ко времени избранія Іоанна королемъ; описаніе этого эпизода мы находимъ у Гресбека (стр. 144): «Книппердолингъ пришелъ къ торговцу, который еще имѣлъ лавку. Книппердолингъ сказалъ ему: «ты мечтаешь стать святымъ, а торговли не хочешь оставить. Ты сидишь и думаешь, какъ бы получить прибыль; торговля—твой богъ, но ты долженъ оставить ее, если хочешь быть святымъ». Такимъ образомъ торговля не считалась занятіемъ почетнымъ, но все-таки коммунистическій терроръ былъ весьма далекъ отъ насильственнаго ея уничтоженія.

Правда, въ Мюнстерѣ происходили общія трапезы, но это были отчасти случайныя торжественныя собранія народа, — такъ называемыя причастія, — а отчасти военная мѣра. «Они передъ каждыми воротами имѣли домъ, принадлежавшій общинѣ. Туда шелъ ѣсть каждый, кто стоялъ на часахъ у воротъ и кто трудился на валахъ и у рвовъ. Точно также они имѣли обыкновеніе проповѣдовать въ общемъ домѣ, каждый день утромъ и въ обѣдъ. Діаконы должны были заботиться о пищѣ въ каждомъ такомъ домѣ. Каждыя ворота имѣли своихъ діаконовъ. Въ каждомъ приходѣ они поставили хозяина общиннаго дома, который долженъ былъ распоряжаться приготовленіемъ пищи и завѣдывать всѣмъ домомъ. Во время же обѣда каждый разъ вставалъ молодой человѣкъ и читалъ главу изъ Ветхаго Завѣта или изъ пророковъ. По окончаніи обѣда они пѣли нѣмецкій псаломъ, послѣ этого вставали и снова шли къ своимъ сторожевымъ постамъ» (Гресбекъ, стр. 34 и 35).

Не только мужчины, но и женщины принимали участіе въ этихъ трапезахъ, такъ какъ и онѣ участвовали въ защитѣ города. Только-что цитированное нами описаніе Гресбека «вакханалій», происходившихъ при этомъ случаѣ, еще дополняется распоряженіями старѣйшинъ, которыя приводитъ Керсенброикъ (II, стр. 5): «Для того, чтобы въ пользованіи ѣдой и питьемъ не нарушался надлежащій порядокъ, не только тѣ, которые подаютъ пищу, должны тщательно исполнять свои обязанности и подавать братьямъ и сестрамъ все, что имъ полагается, но также братья и сестры должны всегда отдѣльно сидѣть у своихъ столовъ, съ надлежащей скромностью и не требовать другихъ кушаній, кромѣ тѣхъ, которыя имъ подаются». По словамъ Керсенброика, за столомъ не говорилось ни слова,—всѣ только слушали чтеца.

Все это намъ гораздо больше напоминаетъ собраніе піэтистовъ, чѣмъ либертинизмъ. Но, во всякомъ случаѣ, это вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности еретическаго коммунизма.

Общія трапезы происходили на счетъ католической церкви и эмигрантовъ. Изъ ихъ домовъ и изъ монастырей діаконы брали необходимые продукты.

Въ каждомъ приходѣ было назначено по три діакона (кѣмъ назначено— Гресбекъ намъ, къ сожалѣнію, не говоритъ, но, вѣроятно, они были избираемы народомъ), которымъ была передана также забота о бѣдныхъ. Дальше этого христіанскій коммунизмъ на практикѣ никогда не заходилъ, разъ онъ допускалъ существованіе отдѣльныхъ хозяйствъ. Гресбекъ говоритъ: «Діаконы ходили по своимъ приходамъ и обязаны были освѣдомляться, сколько бѣдныхъ людей въ

городѣ, и заботиться, чтобы ни въ чемъ не было недостатка; повидимому, они и на самомъ дѣлѣ исполняли это въ Мюнстерѣ».

«Эти же самые діаконы, — разсказываетъ Гресбекъ далѣе, — входили во всѣ дома и осматривали, сколько каждый имѣлъ въ своемъ домѣ провизіи, зерна и мяса, и все записывали; и съ того времени, какъ все было записано, никто уже не имѣлъ права распоряжаться своимъ имуществомъ» (стр. 34). Это мѣропріятіе не есть слѣдствіе коммунизма, но военная мѣра, которая сама собой понятна въ осажденномъ городѣ: военныя власти должны были знать количество наличнаго провіанта. Именно эта-то мѣра и предполагаетъ отдѣльное домохозяйство. Только позже, подъ давленіемъ необходимости, было приказано отдать всѣ продовольственные запасы и всю лишнюю одежду, которыми обладали отдѣльныя хозяйства; но и этимъ еще они не уничтожались; діаконы были обязаны изъ припасовъ каждой отдѣльной семьи отдавать ей приходящуюся на ея долю часть, какъ хлѣба, такъ и мяса, пока оно еще имѣлось. Они зарѣзали часть лошадей и отправили конину въ мясной магазинъ, куда люди приходили и брали мясо; діаконы же спрашивали ихъ, сколько человѣкъ въ каждой семьѣ, и сообразно этому давали каждому и записывали каждый домъ. Это они дѣлали для того, чтобы кто-нибудь не получилъ мяса два раза» (Гресбекъ, стр. 174).

И земля, которую обрабатывать заставляла необходимость, не обрабатывалась сообща, но каждому дому назначали участокъ для обработки. «Такъ король назначилъ завѣдующихъ полями (Landherrn), которыхъ было четверо въ городѣ; они ходили по всему городу, во всѣ дворы, и каждому дому назначили участокъ или два, смотря по тому, сколько людей было въ домѣ. Тамъ пахали и садили картофель, капусту, рѣпу, фасоль и горохъ. У кого былъ большой участокъ, тотъ долженъ былъ пользоваться лишь такою его частью, какую ему указывалъ распорядитель. Кромѣ того, они еще намѣревались сломать въ городѣ всѣ заборы и ограды вокругъ дворовъ, чтобъ сдѣлать ихъ общими» (Гресбекъ, стр. 175 и 176).

Но до этого не дошло; приказаніе же оставлять ворота днемъ и ночью открытыми было мѣропріятіемъ не экономическаго характера, а моральнаго, для поднятія братскихъ чувствъ.

Сохраненіе отдѣльныхъ хозяйствъ было тѣсно связано съ поддержаніемъ дисциплинарной власти главы хозяйства надъ членами его; средневѣковая же семья состояла не только изъ мужа, жены и дѣтей. Большія домоводства того времени требовали и челяди, потому-то мы находимъ въ Мюнстерѣ не только власть мужа надъ женой, но и власть господина надъ челядью. Въ одномъ изъ эдиктовъ старѣйшинъ, третій параграфъ трактуетъ «о господствѣ мужчинъ и подчиненіи женщинъ», а четвертый—«о послушаніи домашней челяди хозяину и и объ обязанностяхъ хозяина по отношенію къ челяди» (Керсенброикъ, ч. II, 1). Такимъ образомъ и на общія трапезы приглашали «каждаго брата съ его женой и съ его челядью» (Гресбекъ, стр. 106).

Рядомъ съ отдѣльными хозяйствами не переставало также существовать тѣсно соединенное съ ними мелкое производство. И какъ не была уничтожена прислуга, такъ не была уничтожена и разница между мастеромъ и подмастерьемъ. Въ цитированномъ уже нами указѣ старѣйшинъ названы различные ремесленники, которые должны были работать для городского населенія. Но не слѣдуетъ думать, что явленіе это представляло изъ себя соціалистическую организацію труда,

такъ какъ оно было вызвано лишь военнымъ положеніемъ. Вышеназванные ремесленники не назначались на сторожевую службу. Тамъ говорится, напр.: «никто не долженъ заниматься рыболовствомъ, кромѣ рыболовныхъ мастеровъ Христіана Керкринга и Германа Редекера съ ихъ подмастерьями, и они должны давать, если понадобится, рыбу больнымъ и беременнымъ... Германъ Торнате и Іоаннъ Редекеръ, съ ихъ шестью сапожными подмастерьями, должны были шить сапоги для Новаго Израиля... Іоаннъ Коэсфельдъ и его подмастерья должны были дѣлать желѣзные ключи» (Керсенброикъ, II, стр. 6),

Слѣдовательно, вовсе несправедливо утвержденіе историковъ, что былъ введенъ «всеобъемлющій коммунизмъ имущества» [1]). Почему дѣло до этого не дошло,—объясняется такимъ же образомъ, какъ и незначительная дѣятельность парижской коммуны въ области соціальныхъ реформъ. Это было естественно-необходимое слѣдствіе осады, вліяніе которой мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Она занимала всѣ умы и вліяла на всѣ поступки. Война никогда еще не представляла благопріятнаго момента для коренного переустройства общества.

Какъ въ экономическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи анабаптисты не дошли до коренныхъ преобразованій. Келлеръ этому удивляется: «слѣдовало бы ожидать, что ихъ дѣятельность прежде всего выразится въ объявленіи новаго церковнаго устройства, или въ предписаніяхъ о формѣ богопочитанія, или въ тому подобныхъ вещахъ. Но въ этомъ отношеніи не только въ началѣ не было необходимыхъ мѣропріятій, но даже, насколько намъ извѣстно, дѣло вообще никогда не доходило до упорядоченія богослужебныхъ формъ» (Geschichte der Wiedertäufer, стр. 202). Намъ это не кажется страннымъ. Мы приписываемъ это обстоятельство частью войнѣ, но частью также и тому, что анабаптисты, также, какъ, напр., богемскіе братья или Мюнцеръ, относились равнодушно къ формамъ богослуженія.

Ихъ пристрастіе къ Ветхому Завѣту, которое обнаруживается на каждомъ шагу, и ихъ презрѣніе къ учености, которое они доказали, сжегши на соборномъ дворѣ всѣ книги и рукописи, какія нашли въ городѣ за исключеніемъ Библіи,—все это вполнѣ согласуется съ общимъ духомъ еретическаго коммунизма. И все это подтверждаетъ также и то правило, что презрѣніе къ учености у коммунистовъ шло рука объ руку съ заботами о народной школѣ. Несмотря на осаду, они устроили 5 или 6 новыхъ школъ, «въ которыхъ учились дѣти, мальчики и дѣвочки; они учили нѣмецкіе псалмы, чтеніе и письмо; все то, чему они учились, было анабаптистское и согласное съ ихъ правилами» (Гресбекъ, стр. 47).

Мы находимъ также у мюнстерскихъ баптистовъ мистицизмъ, вѣру нѣсколькихъ особенно восторженныхъ братьевъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ, въ откровеніе и пророчество. О Книппердолингѣ, Іоаннѣ Матисѣ, Бокельзонѣ и другихъ пророкахъ Новаго Іерусалима разсказываютъ многочисленные случаи положительно болѣзненнаго экстаза, которые, вѣроятно, значительно преувеличены

[1]) Лампрехтъ. Deutsche Geschichte, V, 1, стр. 356. Господинъ Лампрехтъ ухитряется изобразить „смѣшное и отвратительное состояніе“ въ Мюнстерѣ безъ малѣйшей связи съ осаднымъ положеніемъ. На осадное же положеніе указывается впослѣдствіи, въ двухъ строкахъ, какъ на незначительное побочное обстоятельство, не имѣвшее никакого значенія для внутренней жизни города.

и прикрашены повѣствователями, но во всякомъ случаѣ не были ими цѣликомъ выдуманы.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они были очень похожи на своихъ мирныхъ братьевъ и предшественниковъ въ Моравіи. Въ одномъ лишь отношеніи они расходились, если только, конечно, можно вѣрить повѣствователямъ, — это въ своей разнузданности. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай касаться этого пункта, теперь же разсмотримъ его поближе.

d) Многоженство.

Чувство нашихъ современниковъ больше всего возмущаетъ строгость анабаптистовъ, ихъ пуританизмъ, а вовсе не ихъ разнузданность. Если таковы были уже мирные анабаптисты, то тѣмъ болѣе есть основаній ожидать, что требованія осады, при которой прежде всего необходима строжайшая дисциплина, не ослабили въ нихъ этой тенденціи. Это и подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи; вышеупомянутыя народныя увеселенія не должны насъ смущать.

Приличія и скромность соблюдались самымъ ревностнымъ образомъ. Доказательствомъ этого могутъ служить нѣкоторыя изъ 28 правилъ отъ 2 января 1525 года. Тамъ говорится между прочимъ:

6. «Никто изъ тѣхъ, которые борятся подъ знаменемъ справедливости, не долженъ осквернять себя позорнымъ и безобразнымъ порокомъ пьянства, скотскимъ безстыдствомъ, играми, въ которыхъ высказывается корыстолюбіе, благодаря чему часто возникаютъ ненависть и несогласія, а также никто не долженъ осквернять себя прелюбодѣяніемъ и нарушеніемъ брака, ибо подобные пороки нельзя оставлять безъ наказанія у народа Божія.

16. «Никто изъ христіанъ (анабаптистовъ) не долженъ быть принимаемъ изъ одной общины въ другую, если только онъ не докажетъ сперва, что не былъ подвергаемъ наказанію и не виновенъ ни въ какомъ преступленіи; если же окажется противное, то онъ долженъ быть наказанъ безъ пощады.

20. «Ни одинъ христіанинъ не долженъ сопротивляться или причинять какой-либо вредъ языческой (т.-е. не анабаптистской) власти, если таковая еще не слышала слова Божія или не поучалась ему, и если она никого не принуждаетъ къ невѣрію или безбожію; напротивъ, всевозможными способами слѣдуетъ уничтожить вавилонскую тиранію священниковъ и монаховъ, со всѣми ихъ приближенными и приверженцами, которые своимъ насиліемъ и неправдою затемняютъ справедливость Божію.

21. «Если язычникъ совершитъ какой-нибудь проступокъ и потомъ перейдетъ въ христіанскую общину для того, чтобы избѣжать наказанія за свое преступленіе, и если таковой погрѣшилъ противъ слова Божія, то христіане не должны его принимать, а наоборотъ, онъ съ еще большею строгостью долженъ быть привлеченъ къ надлежащей отвѣтственности, такъ какъ немыслимо, чтобы христіанская община сдѣлалась убѣжищемъ для преступленій и пороковъ» (II, стр. 133—137).

Будучи миролюбивыми, они приказывали подчиняться, гдѣ только возможно, и энергично защищали себя отъ всякаго сообщества съ преступниками. Пьянство, игра и всякаго рода прелюбодѣяніе наказывались строжайшимъ образомъ.

Блестящимъ доказательствомъ строгой дисциплины въ Мюнстерѣ можетъ

служить слѣдующій случай, приводимый Гресбекомъ: «однажды (28 іюня 1534 года) 10 или 20 ландскнехтовъ сидѣли въ одномъ городскомъ домѣ, пировали и были очень веселы. Они веселились такъ, какъ обыкновенно веселятся ландскнехты. Наконецъ, хозяинъ и хозяйка не хотѣли болѣе наливать имъ вина изъ бочекъ; тогда ландскнехты сказали: «хозяйка, если вы не хотите, то мы сами пойдемъ спускать вино» и стали бранить хозяйку. Хозяинъ и хозяйка отправились къ 12 старѣйшинамъ, пророкамъ и предсказателямъ, и подали имъ жалобу на этихъ ландскнехтовъ, за то, что тѣ совершили насиліе въ ихъ собственномъ домѣ и бранили хозяйку. Тогда 12 старѣйшинъ приказали схватить этихъ ландскнехтовъ и бросить ихъ въ тюрьму. На другой день было назначено собраніе общины на соборномъ дворѣ, куда также привели и ландскнехтовъ. Тамъ стоялъ канцлеръ Генрихъ Крехтингъ,—этотъ злодѣй,—и читалъ, въ чемъ обвиняются ландскнехты; и всѣ они просили о помилованіи. Наконецъ, двери милосердія немного открылись, часть ландскнехтовъ была помилована, а другіе (6) должны были умереть» (стр. 36).

Этотъ образецъ строгой дисциплины Келлеръ приводитъ какъ примѣръ... «преступнаго характера всего баптистскаго правленія»; и все-таки самъ онъ, черезъ двѣ страницы послѣ этого, хвалитъ строгую дисциплину, благодаря тяжелымъ наказаніямъ которой у анабаптистовъ почти не встрѣчалось пьянства, между тѣмъ какъ въ епископскомъ лагерѣ оно такъ свирѣпствовало, что цѣлый рядъ военныхъ предпріятій баптистовъ имѣлъ успѣхъ только благодаря пьянству во вражескомъ лагерѣ.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ сочиненія Гресбека, которое характеризуетъ духъ, господствовавшій среди баптистовъ: «анабаптисты имѣли обыкновеніе часто выѣзжать изъ города и нападать на ландскнехтовъ, при этомъ они выказывали столько храбрости, какъ будто воевали уже 20 лѣтъ. Все, что они дѣлали,—дѣлали быстро, умно и трезво, ибо пророки, предсказатели и старѣйшины города строго запретили напиваться и требовали, чтобъ всегда всѣ были трезвы, а когда дѣлали вылазки, то дѣлали ихъ быстро и разумно» (стр. 50).

Таковы-то «безуміе и скотская разнузданность», царившія среди анабаптистовъ, описанныя при томъ далеко недоброжелательнымъ очевидцемъ.

Но какъ обстоитъ дѣло съ развратомъ и съ полигаміей? Можетъ быть, хоть въ этой области можно говорить о скотской разнузданности?

Здѣсь мы дошли до самой затруднительной и неясной главы въ исторіи мюнстерскихъ анабаптистовъ. Полигамія такъ противна всему духу анабаптистовъ, напр., моравскихъ, и даже всему еретическому коммунизму, что мы прежде склонны были думать, что имѣемъ здѣсь дѣло со смѣшеніемъ фактовъ; вѣдь нѣтъ ничего труднѣе для наблюдателя, какъ правильно и безпристрастно понять непривычныя для него половыя отношенія. Ни въ чемъ непривычное не дѣйствуетъ такъ отталкивающе, какъ именно въ половыхъ отношеніяхъ. Вѣроятно, благодаря этому только весьма недавно сдѣлалось возможнымъ научное, безпристрастное изслѣдованіе половыхъ отношеній въ прошлыя времена, а также у дикарей и варваровъ.

Кому извѣстно, напр., какія глупости разсказывали миссіонеры о наблюдаемыхъ ими половыхъ сношеніяхъ на островахъ Южнаго Океана, тотъ можетъ предположить, что мюнстерская полигамія просто смѣшивается съ «общностью женъ» по образцу адамитовъ, т.-е. съ формой половыхъ сношеній, которая, какъ

мы знаемъ, была свойственна нѣкоторымъ видамъ коммунизма, но это предположеніе несостоятельно: объ общности женъ въ Мюнстерѣ не можетъ быть даже и рѣчи.

Эдиктъ, которымъ открыли свое правленіе 12 старѣйшинъ, назначалъ за прелюбодѣяніе и за растлѣніе дѣвицы смертную казнь. Приблизительно къ тому же времени относится защитительная рѣчь, которая была выпущена мюнстерской общиной подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Bekentones des globens und lebens der gemein Criste zu Monster [1]). Тамъ, въ параграфѣ «о бракѣ», говорится (стр. 457 и слѣд.): «въ виду того, въ чемъ насъ обвиняютъ, и въ виду того, что, благодаря злонамѣренной лжи, насъ дѣлаютъ въ глазахъ многихъ добрыхъ людей подозрительными, будто мы живемъ въ незаконномъ бракѣ, и осыпаютъ насъ всевозможными бранными словами, которыя нечего здѣсь повторять, — въ виду всего этого мы хотимъ показать здѣсь наше разумѣніе о священномъ бракѣ»...

«Бракъ, говоримъ мы, придерживаясь Писанія, есть соединеніе мужчины и женщины и обязательство передъ Господомъ...

«Богъ создалъ въ началѣ человѣка, и создалъ мужчину и женщину, и соединилъ обоихъ въ священномъ бракѣ. чтобы они были двѣ души и одна плоть, и никакой человѣкъ не долженъ разлучать такого соединенія...

«Бракъ есть изображеніе Іисуса Христа и его святой невѣсты, т.-е. его общины вѣрующихъ, и какъ Христосъ и община соблюдаютъ и держатся другъ друга, такъ и брачущіеся о Господѣ и соединенные Богомъ должны другъ друга соблюдать и держаться. А если мы такъ относимся къ браку, то-есть разница между нашимъ бракомъ и бракомъ язычниковъ и невѣрующихъ. Бракъ невѣрующихъ есть преступленіе и несчастіе, онъ не есть бракъ передъ Богомъ, но развратъ и прелюбодѣяніе...

«Потому что, какъ мы видимъ собственными глазами, они женятся не иначе, какъ ради друзей, родственниковъ (mag), денегъ и имущества, ради плоти и нарядовъ. Да, рѣдко, и даже почти никогда не думаютъ они о томъ, что̀ есть настоящій бракъ, а тѣмъ болѣе о томъ, чтобы жениться по закону и держаться этого...

«Такъ какъ бракъ есть честное и прекрасное состояніе, то никто не долженъ приступать къ нему легкомысленно, но съ чистымъ и открытымъ сердцемъ, и не искать ничего, кромѣ славы и воли Божіей. Такимъ образомъ у насъ это, благодаря Бога, уже дѣлается и съ каждымъ днемъ должно распространяться далѣе, во славу Божію...

Кромѣ того, мы слышимъ, что намъ приписываютъ еще много дурного, напр., будто бы мы по образцу Платона или николаитовъ держимся общности женъ между собой и не признаемъ кровнаго родства. Но все это, какъ и другія постыдныя и дурныя дѣла, которыя намъ приписываютъ съ лживой злобой, во всѣхъ отношеніяхъ выдумано и невѣрно [2]).

---

[1]) Напечатано въ „Berichte der Augenzeügen“, стр. 445—464. О предполагаемомъ времени изданія этого сочиненія ср. у Ѳ. В. Бутервека „Zur Literatur und Geschichte der Wiedertäufer“, Боннъ, 1864 г., стр. 37.

[2]) Мастеръ Гресбекъ, конечно, тоже распространяетъ эту низкую ложь (стр. 80), и если онъ при этомъ противорѣчитъ самому себѣ въ другихъ своихъ разсказахъ о бракѣ въ Мюнстерѣ, то этимъ онъ ничуть не смущается. Ему кажется, что это компро-

Мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ сказалъ: «древнимъ сказано, — не прелюбы сотвори, а я говорю вамъ: кто посмотритъ на дѣвицу съ вожделѣніемъ, тотъ прелюбодѣйствуетъ уже въ сердцѣ своемъ». Если бы между нами случайно оказался такой человѣкъ, — отъ чего Боже избави, — то мы этого никогда не потерпимъ, изгонимъ его и предадимъ діаволамъ для уничтоженія плоти».

Изъ этого примѣра мы видимъ, что нероновское сладострастіе анабаптистовъ считало грѣховнымъ даже заигрыванье съ дѣвушками; объясненія эти вполнѣ согласуются со строгостью въ половыхъ сношеніяхъ большинства другихъ анабаптистовъ. Іоаннъ Лейденскій подтверждаетъ эти объясненія 2 января 1535 года тѣмъ, что въ своихъ вышеупомянутыхъ 28 правилахъ угрожаетъ наказаніемъ прелюбодѣянію и блуду (послѣднее слово означаетъ не только проституцію, но и всякія внѣбрачныя половыя сношенія), и это въ такое время, когда уже было введено многоженство. Существованіе послѣдняго настолько ясно, что при ближайшемъ разсмотрѣніи уже нельзя предположить въ Мюнстерѣ общности женъ.

Но чѣмъ же объяснить существованіе многоженства? Обычное объясненіе прирожденнымъ безстыдствомъ и неумѣренностью коммунистовъ очень удобно и для буржуазныхъ понятій вполнѣ удовлетворительно, но у него есть небольшой недостатокъ: оно ни на чемъ не основано. Объясненіе опирается исключительно на то, что именно и нужно объяснить. Все другое говоритъ противъ него; мы видѣли, что какъ разъ трезвость и разсудительность составляютъ самыя выдающіяся черты характера баптистовъ.

Объясненія этого также нельзя найти въ духѣ баптистскаго коммунизма, напротивъ, сущность коммунизма дѣлаетъ это явленіе еще менѣе объяснимымъ. Остается только искать объясненія въ особыхъ отношеніяхъ половъ въ Мюнстерѣ во время осады, и отношенія эти дѣйствительно настолько своеобразны, что надо обладать весьма большой дозой глупости или нежеланія понимать, чтобы не видѣть этого.

Вспомнимъ только массовое выселеніе изъ Мюнстера благонамѣренныхъ гражданъ. Мужчины уходили и оставляли своихъ женъ и женскую прислугу. Такимъ образомъ явился громадный перевѣсъ женщинъ, который, согласно цифрамъ, сообщаемымъ намъ Гресбекомъ, былъ прямо невѣроятенъ. Онъ пишетъ о «вечерней трапезѣ на горѣ Сіонѣ»: мужчинъ тамъ было старыхъ и молодыхъ до 2000; въ городѣ Мюнстерѣ никогда не было болѣе 1500 человѣкъ, способныхъ носить оружіе; женщинъ въ городѣ молодыхъ и старыхъ было отъ 8 до 9 тысячъ. Можетъ быть немного больше или меньше, этого я не знаю навѣрняка. Было тамъ также малыхъ дѣтей, умѣющихъ ходить и еще не умѣющихъ около 1000—1200» [1]).

метируетъ его противниковъ, а это для него главное. И такая-то и подобная ей ложь распространяется нашей наукой!

[1]) Стр. 107. Баптистъ Вернеръ Шейфартъ изъ Мероде, который былъ пойманъ во время вылазки, на допросѣ 11 декабря 1534 года насчиталъ гораздо меньшее число: „тамъ въ городѣ есть мужчинъ, женщинъ и дѣтей приблизительно отъ 8 до 9 тысячъ, изъ которыхъ около 1400 способныхъ носить оружіе“ (Berichte der Augenzeugen, стр. 293). Число способныхъ носить оружіе приблизительно совпадаетъ съ тѣмъ, которое приводитъ Гресбекъ, да и вообще число мужчинъ приблизительно точно, и онъ называетъ его вполнѣ утвердительно,—вѣроятно, ихъ считали. Если прибавимъ къ нимъ

Это необыкновенное положеніе осложнялось еще тѣмъ, что изъ мужчинъ почти половина были холостые. Таковыми были большинство многочисленныхъ эмигрантовъ и, что само собою понятно, ландскнехты, которые въ качествѣ перебѣжчиковъ или плѣнныхъ попадали къ баптистамъ и оставались съ ними.

Такое положеніе для большинства взрослаго населенія, съ теченіемъ осады, которая отрѣзывала населеніе отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, должно было сдѣлаться совсѣмъ невыносимымъ, въ виду строгости баптистовъ въ половыхъ сношеніяхъ. Именно эта строгость, угрожавшая тяжелымъ наказаніемъ за всякое внѣбрачное половое сношеніе, должна была сдѣлать, въ концѣ концовъ, неминуемымъ полный переворотъ въ брачныхъ отношеніяхъ.

Тѣ самые люди, которые не перестаютъ возмущаться многоженствомъ въ Мюнстерѣ, находятъ весьма понятной и допустимой проституцію. Конечно, проституція существовала и въ Мюнстерѣ, при господствѣ «благопристойности». Въ числѣ 36 правилъ, которыя были формулированы мюнстерскими инсургентами въ 1525 году, § 18-й требовалъ: «всѣ безстыдныя женщины, всѣ наложницы священниковъ должны быть отличаемы отъ честныхъ женщинъ особыми внѣшними знаками».

«Похотливые сладострастники» уничтожили проституцію. Коммунизмъ и проституція сами по себѣ два понятія, другъ друга исключающія. Различныя формы коммунизма могутъ согласоваться съ самыми разнообразными формами половыхъ сношеній, за исключеніемъ одной — продажной любви. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ производство товаровъ, гдѣ ничего не продаютъ и не покупаютъ, тамъ и женское тѣло, подобно робочей силѣ, перестаетъ быть предметомъ торговли, и, какъ бы несовершенно ни былъ устроенъ мюнстерскій коммунизмъ, ни одна дѣвушка во время управленія анабаптистовъ не была принуждена продавать себя. Дѣвушки же, которыя въ силу привычки полюбили дань, платимую ими старому обществу, уже не находили покупателей въ Мюнстерѣ, гдѣ ни одинъ честный человѣкъ не имѣлъ денегъ. Онѣ должны были искать покупателей въ лагерѣ защитниковъ порядка и скромности, у ландскнехтовъ, у благонамѣренныхъ гражданъ, у свѣтской и духовной аристократіи. Тамъ-то онѣ вновь нашли своихъ старыхъ покупателей.

Естественное дѣйствіе коммунизма въ Мюнстерѣ еще усиливалось, благодаря строгости баптистовъ въ половыхъ сношеніяхъ. Теперь слѣдуетъ представить себѣ, что болѣе тысячи неженатыхъ мужчинъ жили много мѣсяцевъ рядомъ съ нѣсколькими тысячами незамужнихъ женщинъ въ тѣсномъ пространствѣ маленькаго (по нашимъ понятіямъ) города, въ которомъ не было проституціи. Совершенно неизбѣжно дѣло должно было дойти до нарушенія брака и внѣбрачныхъ половыхъ сношеній. Самыя строгія наказанія въ этомъ случаѣ оказывались безсильными. Существовало только одно средство для цѣлесообразнаго противодѣйствія начинавшейся половой безпорядочности: установленіе брачныхъ отношеній на новыхъ началахъ. Послѣ долгаго раздумья старѣйшины и пророки приступили къ этому дѣлу въ іюлѣ, на 5-й мѣсяцъ осады.

Задача была трудная, почти невыполнимая; нужно было установить брачное

еще 1000 дѣтей, то выйдетъ, что и согласно со словами Шейфарта число взрослыхъ женщинъ достигаетъ—5 тысячъ, т.-е. ихъ было въ 2—3 раза больше, чѣмъ мужчинъ.

право, которое гармонировало бы со строгой брачной моралью анабаптистовъ, но при этомъ соотвѣтствовало бы единственнымъ въ своемъ родѣ отношеніямъ половъ, существовавшимъ въ Мюнстерѣ. Сообразно съ трудностью задачи новыя брачныя правила вышли въ свѣтъ не въ формѣ одного, вполнѣ выработаннаго закона, но въ формѣ разнообразныхъ, отчасти дополняющихъ, а отчасти исключающихъ другъ друга постановленій. Мюнстерскіе анабаптисты не пошли дальше поисковъ подходящей брачной формы, да и не могли пойти дальше, при наличности тѣхъ ненормальныхъ отношеній, въ которыхъ они жили.

Гресбекъ разсказываетъ о неувѣренныхъ попыткахъ создать новое брачное право, но его разсказы такъ спутаны, такъ полны несообразностей и противорѣчій, что на основаніи ихъ трудно составить себѣ ясное представленіе [1]). Тѣмъ не менѣе здѣсь можно различать два момента: одинъ изъ нихъ заключается въ стремленіи сдѣлать бракъ свободнымъ союзомъ. Прежде всего пришлось объявить незаконными всѣ браки, заключенные до принятія вторичнаго крещенія, такъ какъ безъ этого жены выселившихся гражданъ не могли бы вступить въ новый бракъ. Это объявленіе брака незаконнымъ было тѣмъ легче для баптистовъ, что они, хотя и объявляли бракъ нерасторжимымъ, но «языческій» бракъ такъ же мало считали бракомъ, какъ крещеніе дѣтей истиннымъ крещеніемъ. Существующія уже пары между мюнстерскими баптистами также должны были возобновить свой союзъ.

Другой моментъ заключался въ стремленіи пристроить всѣхъ женщинъ, и притомъ сначала только въ экономическомъ, а не въ физическомъ отношеніи.

Чтобы понять сущность «мюнстерскаго многоженства», надо не забывать, что въ Мюнстерѣ дѣло никогда не доходило до уничтоженія отдѣльныхъ хозяйствъ; но, благодаря выселенію гражданъ, было много хозяйствъ, въ которыхъ не было мужчинъ; были даже отдѣльныя хозяйства безъ хозяевъ, въ которыхъ оставались однѣ только служанки. Все это въ осажденномъ городѣ, гдѣ было такъ много холостого военнаго народа, приносило съ собой массу неудобствъ, поэтому было рѣшено, что ни одна женщина не должна оставаться безъ мужского покровительства, безъ мужского надзора, потому, что мюнстерскіе анабаптисты, не уничтожившіе отдѣльныхъ хозяйствъ, такъ же мало были сторонниками эмансипаціи женщинъ, какъ и эмансипаціи плоти. Въ уже упомянутомъ нами эдиктѣ старѣйшинъ говорится въ 3 параграфѣ, который трактуетъ «о господствѣ мужа и подчиненіи жены»: «мужья, любите своихъ женъ, жены, подчиняйтесь своимъ мужьямъ, какъ господамъ, и жена да боится своего мужа» [2]).

Въ этомъ отношеніи особенно сильно выражается «Реституція» — написанное Ротманомъ агитаціонное сочиненіе, которое появилось въ октябрѣ 1534 года [3]). «Мужчина долженъ пользоваться своей властью надъ женой по-

---

[1]) Повѣствованіе Керсенброика положительно глупо; онъ разсказываетъ, будто одинъ ландскнехтъ засталъ врасплохъ Іоанна Лейденскаго, когда тотъ крался къ служанкѣ Книппердолинга. Тогда Іоаннъ, чтобъ не прошла о немъ дурная слава, уговорилъ Ротмана и другихъ священниковъ, „которые не менѣе его были преданы блуду“, просто ввести многоженство!

[2]) Керсенброикъ, II, стр. 1.

[3]) „Eyne Restitution edder Eine wedderstellinge rechter vnde gesunder Christliker leer, gelauens vnde leuens vth Gades genaden durch de gemeynte Christi tho Munster an den Dach gegeuen... Munster 1534“. Подробную и снабженную множествомъ

мужски и соблюдать бракъ въ чистотѣ. Жены почти повсюду имѣютъ перевѣсъ и водятъ мужчинъ, какъ водятъ медвѣдей... Поэтому весьма необходимо, чтобъ женщины, которыя почти всюду носятъ теперь штаны, научились склоняться съ подобающимъ имъ послушаніемъ, такъ какъ Богу пріятно, чтобы каждый былъ на своемъ мѣстѣ: мужчина ниже Іисуса Христа, а женщина ниже мужчины».

Женщины, которыя оставались безъ главы — мужчины, получили теперь приказъ присоединиться къ хозяйствамъ, имѣвшимъ мужчину, но не въ качествѣ домашней прислуги, а какъ подруги жены.

Это установленіе обосновывали, конечно, не указаніемъ на существующія въ Мюнстерѣ условія, вызвавшія его, — тогда не думали столь матеріалистически, — мюнстерцы опирались при этомъ на прецедентъ въ библіи. Въ библіи же нашелся одинъ только примѣръ, который сколько-нибудь подходилъ къ данному случаю, а именно многоженство древнихъ евреевъ, въ особенности патріарховъ. На ихъ-то примѣръ они и указывали и тѣмъ охотнѣе, что патріархи были несомнѣнно весьма благочестивыми людьми, которыхъ даже самъ Богъ удостоивалъ чести личнаго посѣщенія или посѣщенія ангеловъ. То, что дѣлали эти предшественники христіанства, не могло быть грѣховнымъ. При этомъ анабаптисты могли бы указать и на евангелическія свѣтила церкви. Меланхтонъ уже 27 августа 1531 года совѣтовалъ англійскому королю обзавестись второю женой на ряду съ первой и заявлялъ, что «полигамія не запрещена божескими законами» [1]).

Религіозное обоснованіе очень затемнило истинный характеръ мюнстерской «полигаміи». Масса клеветы, ненависти и искаженій, которую наваливали на нее враждебные повѣствователи, не могла увеличить ясности, а тенденціозная чистка партійныхъ повѣствованій совершенно уничтожила всякій слѣдъ дѣйствительнаго характера этой мѣры. Но, къ счастію, повѣствователи были слишкомъ близоруки, чтобы уничтожить всѣ слѣды истины. Нѣкоторыхъ фактовъ, сообщаемыхъ ими, достаточно для того, чтобы доказать намъ, что баптисты, при введеніи многоженства, имѣли въ виду дѣйствительно только соединеніе нѣсколькихъ женщинъ въ одномъ хозяйствѣ, а вовсе не на одномъ брачномъ ложѣ, хоть мы отнюдь не отрицаемъ, что одно способствовало другому.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что отыскать себѣ мужа должна была каждая женщина, не только способная къ половымъ сношеніямъ, но и старая, а также и несовершеннолѣтняя [2]).

цитатъ выдержку изъ этого сочиненія даетъ намъ Бутервекъ, Zur Literatur und Geschichte der Wiedertäufer, стр. 15—34.

[1]) Даже послѣ того, какъ введеніе многоженства въ Мюнстерѣ возбудило такой скандалъ и было всѣми единогласно осуждено, Лютеръ и Меланхтонъ 10 ноября 1539 года заявили ландграфу Филиппу Гессенскому: „то, что говорится о бракѣ въ законѣ Моисея, не запрещено и въ Евангеліи“. Поэтому пусть онъ спокойно предается многоженству (см. еще много подобныхъ цитатъ у Келлера, Die Reformation, стр. 454 и слѣд.). Слѣдовательно, не самая полигамія приводила въ такое негодованіе набожныхъ людей, слышавшихъ объ анабаптистахъ, но дерзость этихъ послѣднихъ, съ которою они позволяли себѣ дѣлать полигамію, бывшую до тѣхъ поръ привилегіей князей, общимъ достояніемъ.

[2]) Гресбекъ, правда, думаетъ, что послѣднее предписаніе имѣло цѣлью принудить маленькихъ дѣвочекъ къ половымъ сношеніямъ. Весьма возможно, что нѣкоторые главы хозяйствъ, можетъ быть, грубые ландскнехты, злоупотребляли своимъ положеніемъ. Больше этого не говоритъ и Керсенброикъ (II, стр. 44). Подобныя вещи случаются и въ дру-

Однако это не единственное указаніе, на которомъ мы основываемся. Дальнѣйшимъ указаніемъ можетъ служить слѣдующее сообщеніе Керсенброика: «Въ началѣ октября супруга Бутендика, Варвара, обвинялась публично своимъ господиномъ и супругомъ, и именно по той причинѣ, что она ему противорѣчила и оскорбляла его сильно затрогивающею его честь бранью, говоря, что онъ со своими остальными женами и сестрами живетъ не духовно, а плотски и имѣетъ съ ними частыя половыя сношенія». Она была признана виновной и приговорена къ смерти, но помилована, такъ какъ попросила прощенія у своего мужа (стр. 80).

Слѣдовательно, между супругой и остальными женщинами семьи дѣлалось различіе. Не каждая женщина, принадлежавшая къ хозяйству, была одновременно и супругой главы этого хозяйства, хотя бы она даже и называлась его женой.

Однако нѣтъ ничего невѣроятнаго, если при такомъ тѣсномъ сожительствѣ происходило то, что и такъ происходитъ нерѣдко, т.-е., что мужъ не довольствовался своей женой, въ чемъ и упрекали Бутендика; тѣмъ болѣе, что строгость анабаптистовъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ запрещала половыя сношенія и между супругами. Такъ бывало, напр., если супруга была безплодна или беременна, потому что половыя сношенія должны были служить продолженію рода, а не удовлетворенію чувственности [1]). Поэтому иногда мужу позволялось сдѣлать, на ряду со своей первой супругой, еще и одну изъ порученныхъ ему женщинъ своей плотской женой. Такъ и Ротманъ говоритъ въ своей уже упомянутой «Реституціи»: «если мужчина благословленъ Богомъ больше, чѣмъ для одной жены и ради Божьяго повелѣнія не долженъ злоупотреблять этимъ благословеніемъ, то ему предоставляется, и даже необходимо, соединиться бракомъ съ нѣсколькими женами; ибо имѣть сношенія внѣбрачныя съ женщиной есть блудъ и прелюбодѣяніе».

Но между этимъ половымъ и экономическимъ многоженствомъ слѣдуетъ всегда дѣлать строгое различіе. При первомъ мужчина выбиралъ себѣ женъ, а при второмъ женщины выбирали мужчину, котораго онѣ желали имѣть своимъ покровителемъ. Первое разрѣшалось въ виду нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствъ — и было бы совершенно невозможно запретить его при описанныхъ выше условіяхъ жизни въ Мюнстерѣ. Мюнстерскіе законодатели удовольствовались тѣмъ, что постарались держать жителей въ границахъ упорядоченнаго брака; но то многоженство, которое одно время было даже необходимымъ, было многоженствомъ экономическимъ, — соединеніемъ нѣсколькихъ женщинъ въ одномъ хозяйствѣ подъ надзоромъ и покровительствомъ одного мужчины. По мюнстер-

---

гихъ мѣстахъ, но чтобы цѣлью этого мѣропріятія было изнасилованіе малыхъ дѣтей, — чтобы заставить насъ повѣрить этому, нужно было бы лучшаго свидѣтеля, чѣмъ какой-то Гресбекъ, который, хотя его повѣствованія весьма цѣнны, гдѣ дѣло касается фактовъ,— относительно намѣреній и причинъ дѣйствій баптистовъ умѣетъ говорить только злостную и безсмысленную ложь. Даже и тѣхъ знатныхъ господъ, которые въ нашихъ столицахъ собираютъ съ дѣвушекъ дань, мы не считаемъ способными требовать узаконенія подобнаго скотства.

[1]) Ротманъ говоритъ въ „Реституціи“: „что съ беременной или неспособной къ зачатію женой не слѣдуетъ имѣть сношеній,—доказывается прежде всего тѣмъ, что Богъ приказалъ людямъ плодиться и размножаться, и только для этого, а не для удовольствія, люди должны употреблять Божье благословеніе“.

скому брачному праву женщина была обязана соблюдать лишь послѣднюю, а не первую форму «многоженства». Но и это послѣднее принужденіе скоро прекратилось, что доказываютъ намъ часто цитированные нами 28 тезисовъ Іоанна Лейденскаго. Мы приведемъ изъ нихъ тѣ, которые говорятъ о бракѣ. Они отлично характеризуютъ духъ мюнстерскаго брачнаго права.

24. «Противъ воли никто не долженъ быть принуждаемъ другимъ къ браку, такъ какъ бракъ есть свободный союзъ, заключаемый скорѣе благодаря природѣ и любви, чѣмъ благодаря словамъ и внѣшнимъ церемоніямъ.

«25. Если же кто-нибудь подверженъ падучей болѣзни, венерическимъ или другимъ какимъ-либо болѣзнямъ, то онъ не долженъ совсѣмъ жениться, развѣ только если тотъ, съ кѣмъ онъ вступаетъ въ бракъ, будетъ заранѣе предупрежденъ о его болѣзни.

26. Ни одна дѣвушка, потерявшая свою невинность, не должна обманывать своего собрата, а если обманетъ, то за такой обманъ должна быть строго наказана.

«27. Каждая незамужняя женщина, или не имѣющая законнаго мужа, должна имѣть право выбрать себѣ покровителя или опекуна изъ общины Христовой».

Конецъ составляетъ прорицаніе: «голосъ Бога живого научилъ меня, и таково повелѣніе Всевышняго: мужчины должны потребовать отъ своихъ законныхъ женъ и отъ тѣхъ, которыя поручены ихъ опекѣ и охранѣ, символъ вѣры, но не тотъ, что читается обыкновенно: «Вѣрую во единаго Бога Отца»... а символъ вѣры о новомъ царствіи, о союзѣ брачномъ и о томъ, почему и для какой цѣли онѣ окрещены. Все это онѣ должны изложить своимъ мужьямъ» II, стр. 138, 139).

Такова послѣдняя форма брачнаго права мюнстерскихъ анабаптистовъ. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ разумной и трезвой простотѣ, которая вообще является отличительной чертой ихъ характера. Даже самому ловкому и беззастѣнчивому противнику анабаптистовъ было бы трудно найти здѣсь хоть какой-нибудь слѣдъ необузданнаго сластолюбія.

Эти тезисы отъ 2 января содержатъ въ себѣ значительное смягченіе брачнаго права, которое было введено 23 іюля предыдущаго года. Послѣднее налагало на каждую женщину обязанность искать себѣ покровителя и господина мужского пола и присоединиться къ его хозяйству. Но это требованіе, вѣроятно, влекло за собою весьма частыя неудобства, такъ какъ уже осенью этого года оно было уничтожено, и женщинамъ, которыя того желали, было позволено покинуть «господъ», къ которымъ онѣ присоединились. Обязанность женщинъ превратилась въ ихъ право, воспользоваться которымъ имъ была предоставлена полная свобода.

Какъ бы ни представляли себѣ это многоженство, во всякомъ случаѣ нельзя думать при этомъ о восточномъ гаремѣ. Послѣдній влечетъ за собой полное порабощеніе жены, въ Мюнстерѣ же объ этомъ не было и рѣчи. Вѣдь тамъ жены свободно, сами себѣ, избирали мужей, покровителей и опекуновъ. Какъ мало онѣ чувствовали себя стѣсненными новымъ порядкомъ брачныхъ отношеній, видно изъ того, что въ большинствѣ случаевъ онѣ принадлежали къ самымъ восторженнымъ поборницамъ новаго царствія.

Конечно, между ними находились и недовольныя; не каждая изъ нихъ оста-

лась въ городѣ по убѣжденію, и новое брачное право, которое развилось изъ такихъ ненормальныхъ отношеній, слишкомъ рѣзко противорѣчило глубоко укоренившимся взглядамъ. Кромѣ того, новое право не могло совершенно устранить существующія неудобства, не принося съ собой иногда и новыхъ. Все-таки мы очень рѣдко слышимъ о сопротивленіи женщинъ введенію новаго порядка [1]), гораздо чаще объ энтузіазмѣ, съ которымъ онѣ боролись за него.

Примѣромъ этого можетъ служить Молленгеково возстаніе 30 іюля. Его изображаютъ, какъ возстаніе наиболѣе нравственныхъ элементовъ среди горожанъ противъ многоженства. «Полной общности женъ—говоритъ Бецольдъ,—не было введено, но повелѣніе пророковъ, чтобы ни одна женщина безъ мужа не была терпима, все-таки повлекло за собой ничѣмъ не лучшую полигамію. Правда, что противъ этой мерзости еще разъ поднялись лучшія чувства мѣстныхъ братьевъ, но ихъ попытка возстанія была усмирена оружіемъ, и распредѣленіе (!) болѣе многочисленнаго женскаго населенія между меньшинствомъ «господъ» продолжалось» (стр. (710).

Какъ же обстояло дѣло въ дѣйствительности? Молленгекъ, бывшій цеховой староста, собралъ «часть гражданъ, набожныхъ людей и ландскнехтовъ» возлѣ себя, но не для того только, чтобы уничтожить новый бракъ, а еще они желали, «чтобы каждому было возвращено его имущество, и чтобы снова были бургомистры и совѣтники, и все бы было такъ, какъ прежде, а городъ они хотѣли сдать» (Гресбекъ, стр. 73). Перебѣжчики и ландскнехты стоятъ на первомъ планѣ въ этомъ мнимомъ движеніи въ пользу цѣломудрія, въ дѣйствительности представлявшемъ изъ себя контръ-революцію. Въ началѣ они имѣли успѣхъ и имъ даже удалось взять въ плѣнъ Іоанна Лейденскаго и Книпперделинга. Если бы они сейчасъ же открыли городскія ворота, то епископскія войска тогда уже овладѣли бы городомъ,—говоритъ Гресбекъ. Но бунтовщики думали только о грабежѣ. «Тогда они больше думали о деньгахъ, чѣмъ о томъ, чтобы скорѣе овладѣть воротами. Всѣ свои широкіе рукава они набили деньгами и сидѣли цѣлую ночь надъ виномъ, пока не опьянѣли. Тутъ-то ихъ и побили, а фризы и голландцы снова получили перевѣсъ».

Самымъ печальнымъ при одолѣніи этой контръ-революціи было то обстоятельство, что въ то время, какъ ландскнехты, пьянствуя и грабя, жертвовали

---

[1]) Какъ прекрасно буржуазные источники умѣютъ преувеличивать это сопротивленіе, мы можемъ показать на слѣдующемъ примѣрѣ. Келлеръ пишетъ въ своей „Geschichte der Wiedertäufer“, стр. 211: „навѣрно многія женщины, замужнія и незамужнія, весьма сопротивлялись новому устройству, — разсказываютъ, что одна изъ нихъ предпочла добровольную смерть позору, которому хотѣли ее подвергнуть“. Что же разсказываютъ въ дѣйствительности? Гресбекъ пишетъ: „Такъ они однажды нашли лежащую въ водѣ женщину, которая утонула и плыла по рѣкѣ; она была одѣта. Простонародье не знало, какъ она утонула, утопили ли ее пророки и проповѣдники или же она утопилась сама. Женщина лежала въ водѣ не связанная и люди въ городѣ думали, что она утопилась сама и что сдѣлала она это изъ-за брака. Какъ въ дѣйствительности было дѣло съ этой женщиной,—объ этомъ я ничего больше не могу сказать“ (стр. 64 и 65).

Слѣдовательно, „разсказывается“ только, что въ Мюнстерѣ была найдена потонувшая женщина. Имѣло ли здѣсь мѣсто преступленіе или самоубійство — или просто несчастный случай, возможность котораго Гресбекъ удивительнымъ образомъ совсѣмъ даже и не предполагаетъ,—объ этомъ рѣшительно ничего неизвѣстно, и вотъ изъ чего потомъ дѣлаютъ страшное убійство!

своей жизнью за добродѣтель и благопристойность, тѣ самыя изнасилованныя женщины, за которыхъ они вступались, усерднѣйшимъ образомъ боролись противъ нихъ за изнасилованіе и кровосмѣшеніе. Когда бунтовщики забаррикадировались въ ратушѣ, тогда именно женщины (правда, только бабы, по Керсенброику) привезли на площадь орудія, чтобы выбить дверь.

Керсенброикъ и Гресбекъ даютъ многочисленныя доказательства того, какъ усердно и охотно боролись женщины на городскихъ стѣнахъ, если нужно было отбивать штурмъ. Но онѣ также готовы были и къ вылазкѣ. Когда въ осажденномъ городѣ ожидали подкрѣпленія, Іоаннъ Лейденскій вооружался для большой вылазки, чтобы пойти навстрѣчу значительнымъ подкрѣпленіямъ, которыя онъ ожидалъ изъ Нидерландовъ. Онъ вызывалъ добровольцевъ для этого отчаяннаго предпріятія не только мужчинъ, но и женщинъ. «На другой день пришли на соборный дворъ женщины, которыя хотѣли участвовать въ вылазкѣ; ихъ было до 300. Онѣ пришли со своимъ оружіемъ; у однѣхъ были алебарды, у другихъ рогатины (Knevelspiet — копье съ поперечной перекладиной) и всѣ шли въ порядкѣ. Король не хотѣлъ брать всѣхъ женщинъ и сдѣлалъ имъ смотръ. Тѣхъ, которыхъ хотѣлъ взять король, было 51, и онѣ всѣ были записаны по именамъ.

«Они на другой день собрали на соборномъ дворѣ всѣхъ женщинъ, желавшихъ остаться въ городѣ, а именно самыхъ молодыхъ. Онѣ пришли со своимъ оружіемъ и въ порядкѣ ходили по соборному двору, подобно ротѣ ландскнехтовъ. Онѣ были раздѣлены на столько отрядовъ, сколько въ городѣ было воротъ, и каждый изъ этихъ отрядовъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ отрядомъ мужчинъ, на сторожевую службу у воротъ. Онѣ выступили при пѣніи марсельезы нѣмецкой реформаціи, псалма: «Господь наша крѣпость»... (стр. 128).

Такимъ-то образомъ защищались мюнстерскія женщины отъ наносимаго имъ «позора».

Вотъ все, что можно сказать о женскомъ вопросѣ въ Мюнстерѣ. Въ этой области еще очень многое не ясно, есть много пробѣловъ, но мы думаемъ, сказаннаго достаточно, чтобы понять, что мюнстерское упорядоченіе половыхъ сношеній по человѣчеству совершенно цѣлесообразно и даже, несмотря на массу несовершенствъ, наивности и даже грубости, во многомъ симпатично и для современныхъ понятій. Представители же нынѣшняго общества менѣе всѣхъ имѣютъ причину возмущаться «безстыднымъ распутствомъ» мюнстерскихъ анабаптистовъ, — эти представители общества, къ устоямъ котораго принадлежитъ самая безстыдная форма половыхъ сношеній, эксплуатація нужды и невѣдѣнія молодыхъ дѣвушекъ, во имя благородной цѣли униженія ихъ до безвольныхъ, беззащитныхъ, предоставленныхъ всякимъ вожделѣніямъ мужчинъ, обитательницъ домовъ терпимости. Что сталось бы, безъ этого прекраснаго учрежденія, съ цвѣтомъ большей части нашей промышленности, съ добродѣтелью и скромностью буржуазныхъ женщинъ и дѣвушекъ?

Картина, которую рисуютъ намъ буржуазные историки, описывая половую разнузданность въ Мюнстерѣ, есть картина вполнѣ современная. Это вѣрное изображеніе того, что совершается ежедневно въ каждомъ современномъ культурномъ городѣ, и послѣдній выводъ мудрости нашего общества гласитъ: «упорядоченіе этихъ «сатурналій».

X. Паденіе Мюнстера.

Наше изслѣдованіе мюнстерской коммуны вышло болѣе подробнымъ и получило характеръ болѣе полемическій, чѣмъ предполагалось по плану этой работы. Но съ меньшимъ количествомъ труда нельзя было убрать ту кучу лжи, подъ которой была погребена истинная картина мюнстерскаго анабаптизма, и невозможно не терять научнаго безпристрастія, видя, какъ спокойный, миролюбивый народецъ систематически клеймится именемъ наглыхъ, кровожадныхъ негодяевъ за то только, что онъ не склонился подъ давленіемъ постоянной опасности и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а оказалъ энергичное сопротивленіе; что за свои убѣжденія онъ не только терпѣлъ, но и боролся, противопоставлялъ кровавому натиску кровавый отпоръ и возвысился до воинственнаго героизма.

Епископъ Францъ, послѣ отраженія его измѣннической нападенія 10 февраля, съ легкимъ сердцемъ приступилъ къ осадѣ города. Онъ, вѣроятно, думалъ, что ему очень легко удастся справиться съ толпой голоднаго, собравшагося отовсюду сброда, какимъ ему представлялась вся масса баптистовъ. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ привычнаго къ боямъ войска, съ многочисленными орудіями и подъ предводительствомъ опытныхъ полководцевъ. Уже передъ Троицей онъ располагалъ приблизительно 8-ю тысячами ландскнехтовъ [1]), но анабаптисты, хоть и были въ меньшинствѣ,—ихъ никогда не было болѣе 1500 человѣкъ,—и лишены военнаго опыта, превосходили своихъ противниковъ не только благодаря укрѣпленіямъ города, но еще больше благодаря своей дисциплинѣ, самопожертвованію и энтузіазму.

Какъ обстояло дѣло насчетъ дисциплины въ епископскомъ лагерѣ—на это мы указывали уже нѣсколько разъ. Въ особенности пьянство сильно вредило военнымъ предпріятіямъ. Это обнаружилось, напр., при первомъ же штурмѣ.

21 мая началась первая бомбардировка города. Она продолжалась 5 дней. 25-го осаждающіе начали штурмъ. Но часть ландскнехтовъ была пьяна, они слишкомъ рано выступили, были отбиты и произвели безпорядокъ въ слѣдовавшихъ за ними войскахъ. Правда, тѣ, несмотря на это, дошли до самыхъ валовъ со своими лѣстницами, но тамъ они встрѣтили такое энергичное сопротивленіе, что должны были отступить въ полнѣйшемъ безпорядкѣ.

Вскорѣ послѣ этого осажденные сдѣлали вылазку противъ одной изъ передовыхъ позицій врага, застали врасплохъ ландскнехтовъ за картами и попойкой, разогнали ихъ, заклепали пушки и даже сумѣли настолько напугать поспѣшившую на помощь главную массу непріятельскихъ войскъ, что тѣ не осмѣлились преслѣдовать ихъ и позволили имъ безпрепятственно удалиться въ городъ.

Осаждающіе и при второмъ штурмѣ потерпѣли такую же неудачу, какъ и при первомъ; штурмъ этотъ былъ предпринятъ 31 августа послѣ предварительной трехдневной бомбардировки. Произошла страшная битва, которая кончилась полнымъ пораженіемъ осаждающихъ. Потери ихъ были громадны; они лишились 48 человѣкъ однихъ начальниковъ [2]).

[1]) Разсказъ Георга Шенка (Berichte der Augenzeugen, стр. 260).

[2]) Въ одной народной пѣснѣ того времени ландскнехтъ, участвовавшій въ осадѣ, поетъ: „ландскнехты были въ большой бѣдѣ. Въ то время ихъ погибло до трехъ тысячъ

Съ тѣхъ поръ осаждающіе оставили надежду взять городъ силой и ограничились блокадой, чтобы принудить его къ сдачѣ голодомъ.

А вѣдь, въ концѣ концовъ, противъ одного города вела войну цѣлая германская имперія.

Вначалѣ «единая реакціонная масса» не могла хорошенько сплотиться. Весьма скоро стало всѣмъ ясно, что силы епископа были недостаточны, чтобы овладѣть Мюнстеромъ. Онъ началъ искать союзниковъ, и притомъ какъ среди католиковъ, такъ и среди лютеранъ; но каждый изъ союзниковъ старался при этомъ обмануть другого, и споръ изъ-за шкуры медвѣдя иногда весьма вредилъ борьбѣ съ еще очень живымъ медвѣдемъ. Однако, несмотря на всѣ интриги, число осаждающихъ и ихъ военныя средства все увеличивались, благодаря дипломатическимъ договорамъ и постановленіямъ съѣздовъ князей и дворянъ, и когда, наконецъ, 4 апрѣля 1535 года въ Вормсѣ состоялся германскій рейхстагъ, то осада Мюнстера была объявлена общегосударственнымъ дѣломъ, и для ея скорѣйшаго окончанія былъ установленъ всеобщій налогъ. Кромѣ того, къ осажденнымъ были посланы бургомистры франкфуртскій и нюрнбергскій, чтобы предложить имъ отъ имени государства сдаться. Но тѣ отвергли всякую мысль о сдачѣ.

Однако, уже въ это время положеніе города было безнадежно. Мюнстерскіе баптисты съ самаго начала должны были понять, что, въ виду злобной вражды къ нимъ всѣхъ имущихъ классовъ всего государства, ихъ возстаніе только въ томъ случаѣ будетъ имѣть успѣхъ, если оно не останется мѣстнымъ, а распространится въ странѣ. Виды на это были довольно благопріятны. Во всѣхъ сѣверныхъ германскихъ городахъ они имѣли сильныхъ приверженцевъ, а въ Любекѣ даже городскія дѣла находились во власти ихъ сторонниковъ. Поэтому они начали разсылать во всѣ стороны своихъ пословъ. Кромѣ того, они старались дѣйствовать на внѣшній міръ брошюрами и летучими листками. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи уже не разъ цитированная нами составленная Ротманомъ «Реституція или возстановленіе настоящаго правильнаго христіанскаго ученія, вѣры и жизни», которая вышла въ свѣтъ въ октябрѣ 1534 года и содержала въ себѣ оправданіе баптистскаго ученія и учрежденій. Она также защищала употребленіе оружія противъ «безбожниковъ», коммунизмъ и многоженство. Сочиненіе это было вывезено контрабандой и быстро разошлось, такъ что скоро понадобилось второе изданіе.

Въ декабрѣ появилась «книжка о мести» [1]): Месть близка, — говорится тамъ,—она будетъ свершена надъ сильными дотолѣ, и когда она будетъ свершена, то новая земля и новое небо явятся для народа божія. Сочиненіе кончается призывомъ къ возстанію: «Ну, дорогіе братья, время мести наступило для насъ. Господь разбудилъ обѣщаннаго Давида, вооружилъ его для мести и наказанія Вавилона и народа его. Теперь вы узнали, какъ произойдетъ это и сколь великая награда ожидаетъ насъ и какъ чудесно мы будемъ увѣнчаны,

---

подъ стѣнами Мюнстера. Если бы объ этомъ знали мои мать и отецъ,—они помогли бы мнѣ горевать“ (Газе, Heilige und Propheten, II, стр. 249).

[1]) Eyn gantz troestlick bericht van der Wrake vnde straffe des Babilonischen gruwels, an alle ware Israeliten vnd Bundtgenoten Christi, hir vnde dar vorstroyet, durch de gemeinte Christi tho Munster“. Въ оригиналѣ это сочиненіе отпечатано у Бутервека; „Zur Literarur und Geschichte der Wiedertäufer, стр. 66—80.

если только будемъ биться храбро и мужественно и будемъ знать, что мы не можемъ погибнуть,— даруетъ ли намъ Господь жизнь или смерть. Поэтому, милые братья, вооружитесь для битвы не только смиреннымъ оружіемъ апостоловъ — терпѣніемъ,—но и блестящимъ оружіемъ Давида для мести, чтобы съ Божьею помощью уничтожить всю вавилонскую мощь и весь безбожный духъ. Вы должны воспользоваться всей мудростью, изобрѣтеніями, умомъ и хитростью для того, чтобы причинить боль безбожному врагу Господа и укрѣпить знамя Господне. Подумайте о томъ, что они сдѣлали вамъ, и это же вы можете сдѣлать имъ. При томъ же тою самою мѣрою, которою мѣрили они, да отмѣрится и имъ, и пусть будетъ имъ налитъ тотъ же кубокъ, который подавали они. Остерегайтесь и не считайте грѣхомъ того, что не есть грѣхъ. Итакъ, милые братья, спѣшите, принимайтесь за дѣло серьезно и собирайтесь какъ можно въ большемъ числѣ, чтобы вступить подъ знамя Господне. Богъ Господь воинствующихъ, который все это рѣшилъ съ начала вѣка и возвѣстилъ черезъ пророковъ, да вооружитъ васъ и весь свой Израиль по своей волѣ, для своей славы и возвеличенія его царствія. Аминь».

Когда появилось это воззваніе, въ нѣмецкихъ городахъ уже были усмирены всѣ болѣе значительныя баптистскія движенія. Гдѣ бы ни начинались эти возстанія, всюду властямъ, которыя со времени мюнстерскихъ событій сдѣлались особенно осторожными, удавалось во-время пріостановить ихъ или уничтожить силою. Такъ было, напр., въ Варендорфѣ, Суэстѣ, Оснабрюкѣ, Минденѣ, Везелѣ Кельнѣ и т. д. Любекская же демократія въ маѣ 1534 года вступила въ войну съ Даніей, такъ что для нея сдѣлалась совершенно невозможной всякая, хотя бы только нравственная, поддержка Мюнстеру, о чемъ вначалѣ была рѣчь [1]). Вскорѣ эта война приняла неблагопріятный для стараго ганзейскаго города оборотъ, и пораженіе его повлекло за собой паденіе демократіи и гибель Вулленвебера.

Изъ Германіи мюнстерскіе анабаптисты къ концу 1534 года уже не могли болѣе ожидать подкрѣпленія; но у нихъ еще оставалась надежда на Нидерланды, которыя придали стелько силы мюнстерскому движенію.

Въ началѣ 1534 года, когда Мюнстеръ попалъ въ руки баптистовъ, движеніе въ Нидерландахъ сильно разрослось, особенно въ Амстердамѣ, который послѣ Мюнстера считался столицей анабаптизма, а также и въ другихъ городахъ Голландіи и Фрисландіи. «Въ Моникендамѣ (въ апрѣлѣ) приверженцевъ Іоанна Матиса насчитывали до двухъ третей всего населенія, и то же было всюду во всѣхъ окрестностяхъ столицы и во всемъ Ватерландѣ» [2]). Въ Оберисселѣ они были также сильны, въ особенности въ городѣ Девентерѣ, гдѣ даже бургомистръ присоединился къ нимъ.

«Очень мы безпокоимся въ нашихъ провинціяхъ,—пишетъ изъ Антверпена

---

[1]) Любекскій анабаптистъ, Іоаннъ Эльгедэ, сознался, будучи взятъ въ плѣнъ (вѣроятно, въ маѣ 1534 года), „что городъ Любекъ выслалъ его для изслѣдованія, какъ обстоитъ дѣло въ Мюнстерѣ, чтобы онъ туда отправился и все осмотрѣлъ, а послѣ бы возвратился и возвѣстилъ о томъ, что онъ тамъ узналъ. Если окажется, что они смогутъ оказать помощь Мюнстеру подкрѣпленіемъ или чѣмъ-нибудь другимъ, то они это сдѣлаютъ. Объ этомъ говорилъ съ нимъ Іоаннъ Ганкслеръ, въ присутствіи шести совѣтниковъ“ (Berichte der Augenzeugen, стр. 260).

[2]) Корнеліусъ, Munsterischer Aufruhr, II, стр. 234.

6 февраля 1534 года Эразмъ Шетусъ Эразму Роттердамскому, — особенно въ Голландіи, изъ-за бунтовщическаго огня баптизма, ибо онъ разгорается яркимъ пламенемъ. Едва ли есть мѣстечко или городъ, гдѣ не тлѣетъ тайно искра возстанія; такъ какъ они проповѣдуютъ общность имущества, то къ нимъ присоединяются всѣ неимущіе» [1]).

Но эти революціонныя группы принуждены были бороться не съ безсильной государственной властью, не съ союзомъ княжескихъ и городскихъ властей, имѣвшихъ самые противоположные интересы, какъ это приходилось дѣлать мюнстерскимъ братьямъ, — онѣ имѣли противъ себя сильную государственную центральную власть, которая сейчасъ же употребила всѣ средства для заглушенія угрожающаго возмущенія. Невозможно привести весь длинный списокъ казней, которыя были тогда произведены, — это все одно и то же жестокое однообразіе. Однако, несмотря на все это, правительству не удалось воспрепятствовать появленію вооруженныхъ отрядовъ, которые отправлялись въ Воленгове возлѣ Зюдерзее въ Оберисселѣ (большинство на лодкахъ) съ намѣреніемъ соединиться тамъ и отправиться для подкрѣпленія въ Мюнстеръ.

22 марта прибыли въ Воленгове тридцать судовъ съ вооруженными баптистами, которые пришли изъ Амстердама. 25-го прибыли на 21 кораблѣ 3.000 человѣкъ, и одновременно же отправилось туда много народа на лошадяхъ и пѣшкомъ. Но нидерландское правительство, прослышавъ объ этомъ, нападало на каждый изъ этихъ отрядовъ въ отдѣльности и разбивало его.

На этомъ покамѣсть остановились попытки дать подкрѣпленія. Однако крупныя побѣды осажденныхъ 25 мая и 31 августа значительно оживили баптистскую агитацію въ Нидерландахъ. Послѣдняя поддерживалась эмиссарами изъ Мюнстера. Въ виду голода, который давалъ себя чувствовать въ Мюнстерѣ зимой 1534—35 года, Іоаннъ Лейденскій составилъ отважный планъ: товарищи въ Нидерландахъ должны были начать возстаніе, онъ же намѣревался съ частью осажденныхъ пробиться черезъ армію осаждающихъ и, соединясь съ приближающимся войскомъ, распространить возстаніе далѣе и такимъ образомъ освободить Мюнстеръ. Мы говорили уже выше, какъ онъ вызывалъ охотниковъ для этого отчаяннаго предпріятія; онъ упражнялъ свои отряды для этой цѣли и приказалъ устроить отдѣльный военный обозъ для этого похода.

Однако выполнить его не удалось. Одинъ изъ эмиссаровъ Іоанна, «апостолъ» Іоаннъ Грейсъ, бывшій учитель, сдѣлался предателемъ; будучи посланъ для того, чтобы собрать братьевъ и повести ихъ въ Девентеръ, откуда они должны были направиться далѣе, въ Мюнстеръ, онъ покинулъ въ новый (1535) годъ городъ, но только для того, чтобы пойти къ епископу Францу и донести ему о заговорѣ и затѣмъ сообщить имена болѣе значительныхъ единомышленниковъ по нижнему Рейну, а равно и названіе ихъ сборныхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, попытка къ освобожденію города была уничтожена уже въ зародышѣ.

Но Іоаннъ Лейденскій еще разъ попытался выполнить свой планъ. Къ пасхѣ должно было прійти столь горячо ожидаемое подкрѣпленіе. Келлеръ, который весьма внимательно прослѣдилъ это движеніе, сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Анабаптисты хотѣли, какъ разсказываютъ, поднять въ условленный часъ 4 знамени. Одно въ Эшенбрухѣ на Маасѣ, въ странѣ Юлиха, другое въ

[1]) Berichte der Augenzeugen, стр. 315.

Голландіи и Ватерландѣ, третье между Маастрихтомъ, Ахеномъ и Лимбургомъ, а четвертое въ Фрисландіи, возлѣ Грюнингена. До назначеннаго времени братья должны были собирать деньги и оружіе, и тотчасъ по полученіи приказанія выступить подъ ближайшее знамя и идти на выручку Мюнстера.

«Планъ этотъ дѣйствительно былъ отчасти приведенъ въ исполненіе. Какъ разъ 28 марта, въ первый день пасхи, баптистами былъ занятъ такъ называемый альденскій монастырь, между Снеекомъ и Бальсварденомъ, въ западной Фрисландіи, гдѣ они и укрѣпились. Это была сильная позиція, съ четвернымъ валомъ и рвами, которой они такимъ образомъ овладѣли.

«Когда объ этомъ узналъ императорскій намѣстникъ, онъ выступилъ противъ нихъ въ надеждѣ овладѣть укрѣпленіемъ однимъ ударомъ. Однако онъ принужденъ былъ начать правильную осаду и подвезти тяжелую артиллерію.

«Послѣ того, какъ онъ усилилъ свои отряды, вызвавъ каждаго третьяго человѣка изъ города и деревни, онъ началъ 1-го апрѣля бомбардировку и вскорѣ затѣмъ штурмъ укрѣпленій. Четыре раза ему пришлось водить ландскнехтовъ въ огонь, и послѣ того, какъ первый и второй разъ онъ былъ отбитъ, при третьемъ и четвертомъ штурмѣ ему удалось занять нѣсколько внѣшнихъ позицій; но нѣкоторыя изъ укрѣпленій и церковь оставались еще во власти осажденныхъ. 7-го апрѣля снова пришлось начать бомбардировку; пробивъ въ пяти мѣстахъ брешь, около трехъ часовъ пополудни снова приступили къ штурму и послѣ долгой упорной битвы заняли наконецъ всю позицію. На полѣ битвы осталось отъ 890 до 900 труповъ».

Другой отрядъ, отправившійся на кораблѣ въ Девентеръ, былъ большею частью уничтоженъ герцогомъ Гельдернскимъ. Относительно иныхъ мѣстъ, въ которыхъ предполагались возстанія, Келлеръ не нашелъ свѣдѣній.

Но еще разъ опасное возстаніе вспыхнуло въ Амстердамѣ. Туда мюнстерцы отправили Іоанна фонъ-Геееля, одного «изъ своихъ лучшихъ офицеровъ». Ему удалось достигнуть мѣста своего назначенія и уговорить братьевъ возстать.

«Вечеромъ 11 мая началось возмущеніе. Около 8 часовъ 500 вооруженныхъ баптистовъ заняли ратушу, закололи бургомистра, который попалъ въ ихъ руки, и укрѣпились въ захваченныхъ позиціяхъ.

«Однако бунтовщики не были достаточно сильны, чтобы сразу захватить столь большой городъ. Кромѣ того возстаніе началось повидимому раньше, чѣмъ собрались всѣ заговорщики, потому что черезъ нѣсколько дней ихъ прибыло еще нѣсколько. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ фонъ-Геель послѣ перваго успѣха встрѣтилъ сопротивленіе, котораго онъ вѣроятно не ожидалъ. Горожане взялись единодушно за оружіе, и началась кровавая битва, продолжавшаяся всю ночь и кончившаяся полнымъ уничтоженіемъ баптистовъ. Ненависть побѣдителей выразилась въ страшныхъ жестокостяхъ. Такъ, напримѣръ, Іоанну Кампенскому, который былъ назначенъ Іоанномъ Лейденскимъ епископомъ баптистовъ въ Амстердамѣ, послѣ его взятія въ плѣнъ, былъ вырванъ языкъ и отрублена рука; изуродованному такимъ образомъ надѣли въ насмѣшку жестяную епископскую шапку съ городскимъ гербомъ и выставили его къ позорному столбу; только послѣ этого его обезглавили» [1]). У другихъ плѣнниковъ, еще живыхъ, вырывали

[1]) Келлеръ, Geschichte der Wiedertäufer, стр. 276—279.

сердце изъ тѣла и бросали имъ въ лицо. Что за звѣрская орда были эти... анабаптисты!

Подавленіе амстердамскаго возстанія знаменовало собой погибель послѣдней способной къ дѣятельности части воинственнаго направленія анабаптистовъ внѣ Мюнстера. Послѣ этого исчезла послѣдняя надежда на выручку осажденныхъ.

Среди нихъ уже свирѣпствовалъ голодъ. «Сначала они ѣли лошадей, даже голову и ноги, печень и легкія; затѣмъ ѣли кошекъ, собакъ, мышей, крысъ, большихъ толстыхъ улитокъ, лягушекъ и траву, а мохъ замѣнялъ имъ хлѣбъ. Пока у нихъ была соль, она замѣняла имъ жиръ. Они также ѣли кожи воловъ; размачивали старые башмаки и ѣли ихъ... Дѣти ихъ и старики одинъ за другимъ умирали отъ голода» (Гресбекъ, стр. 189, 190).

Когда нужда сдѣлалась невыносимой, Іоаннъ велѣлъ объявить, что тотъ, кто не хочетъ участвовать болѣе въ борьбѣ и желаетъ оставить городъ, можетъ заявить объ этомъ въ ратушѣ. Дано было 4 дня, въ теченіе которыхъ каждый воленъ былъ выбраться изъ города. Не мало народа воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, — женщины старики и дѣти, а также и много людей, способныхъ носить оружіе. Часть ихъ была перебита епископскими солдатами, другіе были взяты въ плѣнъ. Молодыми женщинами овладѣли ландскнехты и занимались съ ними многомужествомъ: вѣроятно, это имъ казалось лучшимъ средствомъ освободить бѣдняжекъ отъ позора, которымъ покрыло ихъ многоженство баптистовъ.

Большинство остающихся рѣшили терпѣть до послѣдняго издыханія и, когда все будетъ потеряно, похоронить себя подъ развалинами Мюнстера. Въ лагерѣ епископа знали объ ихъ бѣдственномъ положеніи. У нихъ было очень мало пороху: «Они не стрѣляютъ, если не увѣрены совершенно, что выстрѣлъ достигнетъ цѣли. У нихъ, какъ разсказываютъ плѣнные, всего только полторы бочки пороху»,—писалъ 29 мая изъ мюнстерскаго лагеря уже упомянутый нами бургомистръ города Франкфурта, Юстиніанъ Гольцгаузенъ [1]). Военныя силы города сократились до минимума. 24 мая Іоаннъ сдѣлалъ смотръ «тѣмъ, кто былъ способенъ къ бою. Ихъ было, какъ признались намъ плѣнные, всего до 200 человѣкъ. Другіе, женщины, дѣти и мужчины, лежатъ и ходятъ всѣ больные, нѣкоторые на костыляхъ, опухшіе, безсильные, и не могутъ выходить за ворота, такъ какъ не были бы въ состояніи убѣжать отъ нашихъ ландскнехтовъ» [2]).

И, несмотря на все это, епископскія войска все-таки не рѣшались на штурмъ. Они очень хорошо помнили, что въ борьбѣ съ маленькой кучкой баптистовъ потеряли до 6000 человѣкъ (Гольцгаузенъ, l. c., стр. 343). Поэтому франкфуртскій бургомистръ 8 іюня еще могъ писать своему отцу; «какъ посмотрю я на дѣло съ Мюнстеромъ, то начинаю опасаться, что въ это лѣто мы не возьмемъ города, если только намъ не поможетъ измѣна. Ибо король со своими герцогами и со всѣми своими приверженцами упорно намѣреваются умереть, не сдавшись, и погибнуть вмѣстѣ со всѣмъ городомъ» (l. c., стр. 353, 354).

Какъ нѣкогда полчища Дольчино, такъ теперь и отрядъ Іоанна Лейденскаго внушалъ такой страхъ, что осаждающіе не осмѣливались напасть на него въ открытомъ бою, пока тотъ обладалъ хоть какой-нибудь силой для сопротивленія.

[1]) Berichte der Augenzeugen, стр. 344, срав. стр. 336.
[2]) Гольцгаузенъ, l. c., стр. 343.

Но въ то время, какъ Гольцгаузенъ писалъ цитированное нами письмо, уже нашелся измѣнникъ, котораго они ожидали. Это былъ уже знакомый намъ Гресбекъ. 23 мая онъ дезертировалъ изъ города и, будучи взятъ въ плѣнъ, предложилъ провести осаждающихъ въ городъ по безопасной дорогѣ; баптисты не были уже въ состояніи охранять всѣ пункты укрѣпленій. Сообщенія Гресбека подтверждались Гансомъ Экомъ фонъ-деръ-Лангенштратенъ, ландскнехтомъ, который прежде изъ епископскаго лагеря перешелъ къ баптистамъ, а теперь, когда баптистамъ пришлось плохо, опять возвратился къ епископскимъ войскамъ. Несмотря на это, осторожные осаждающіе долго не осмѣливались начать приступъ. Только 25 іюня, послѣ того какъ все было подготовлено самымъ тщательнымъ образомъ, принялись за дѣло въ полночь, подъ прикрытіемъ сильной грозы.

Подъ предводительствомъ Гресбека передовой отрядъ ландскнехтовъ, числомъ около 200 человѣкъ, счастливо прибылъ къ Крестовымъ воротамъ, на валу перебилъ ближайшихъ стражей и открылъ ворота. Отъ 500 до 600 ландскнехтовъ ворвались въ нихъ, и Мюнстеръ, казалось, былъ взятъ [1]). Но тутъ еще разъ жажда добычи подвергла этихъ защитниковъ собственности серьезной опасности.

Упоенные побѣдой, ворвавшіеся въ городъ устремились впередъ, чтобы приняться за грабежъ, и оставили ворота безъ прикрытія. Въ это время поспѣшно подошелъ ближайшій сторожевой постъ баптистовъ, и еще раньше, чѣмъ могли войти главныя силы враговъ, онъ овладѣлъ воротами и такимъ образомъ отрѣзалъ ландскнехтовъ, бывшихъ уже въ городѣ, отъ остальныхъ. Вмѣсто того, чтобъ помочь послѣднимъ нападеніемъ извнѣ, главнокомандующій епископскими войсками, графъ Вирихъ фонъ Даунъ, испугавшись, далъ приказаніе отступать, когда замѣтилъ, что ворота снова оказались во власти баптистовъ! Насмѣшки и выстрѣлы защитниковъ города преслѣдовали ихъ съ вала. Въ это время поднялись баптисты всего города, вовсе не думая о томъ, чтобы съ радостью сбросить съ себя иго террора; наоборотъ, всѣ, кто только могъ держать въ рукахъ оружіе, спѣшили отчаянно сопротивляться ворвавшимся ландскнехтамъ, такъ что тѣ, вмѣсто двухсотъ, какъ они ожидали, встрѣтили восемьсотъ вооруженныхъ противниковъ [2]). Ворвавшіеся попали въ затруднительное положеніе и въ 3 часа утра уже посылали парламентера къ Іоанну Лейденскому. Но нѣкоторымъ ландскнехтамъ удалось пробиться на незанятое мѣсто на валахъ, и оттуда, на разсвѣтѣ, дать знать своимъ товарищамъ внѣ города. То, что должно было случиться давно, произошло теперь. Главныя силы напали на городъ и овладѣли слабо защищеннымъ валомъ. «Такимъ образомъ, городъ былъ взятъ только по особой милости божьей, а вовсе не благодаря искусству войска» (Гольцгаузенъ, l. c., стр. 366).

Послѣдовала страшная уличная битва. Баптисты забаррикадировались какъ могли; въ восемь часовъ утра ядро ихъ военной силы, числомъ въ 200 чело-

[1]) Ср. сообщенія генерала Вириха отъ 29 іюня герцогу Клевскому (Berichte der Augenzeugen, стр. 359).

[2]) Гольцгаузенъ. 1-го іюля въ г. Франкфуртъ, l. c., стр. 366. „Мы замѣчаемъ не безъ удивленія,—высказывается однажды Келлеръ,—что нѣкоторымъ пришлымъ злодѣямъ удалось все мѣстное населеніе обратить болѣе или менѣе въ рабовъ“ (Wiedertäufer, стр. 103). Но еще удивительнѣе злоба, съ которой напали „освобожденные“ отъ террора, на своихъ „освободителей“.

вѣкъ, еще удерживало за собой сильно забаррикадированный рынокъ. Военный совѣтъ епископскихъ генераловъ рѣшилъ, что будетъ слишкомъ рискованнымъ и во всякомъ случаѣ дорого стоющимъ предпріятіемъ изгнать баптистовъ силою изъ ихъ послѣдней позиціи. Имъ обѣщали свободный пропускъ, по сдачѣ оружія, и конвой.

Запертые баптисты приняли это условіе, такъ какъ у нихъ не было другой надежды. Едва они сложили оружіе и оставили свои укрѣпленія, какъ ихъ безоружныхъ изрубили. Княжескимъ бандитамъ было вѣдь безразлично совершить однимъ безчестнымъ поступкомъ больше или меньше.

450 баптистовъ были убиты въ день взятія города. Но и въ послѣдующіе дни не прекращалась рѣзня несчастныхъ, которыхъ еще находили въ домахъ [1]).

Женщины, которыя еще оставались въ городѣ, принимали живое участіе въ битвѣ. Большая часть изъ нихъ была перебита озлобленными ландскнехтами. Остальныхъ епископъ велѣлъ привести и сказать имъ, что онѣ получатъ помилованіе, если отрекутся отъ анабаптизма; «послѣ же того, какъ нашлось такихъ очень мало, а, наоборотъ, большинство продолжало упорствовать въ своемъ заблужденіи», важнѣйшихъ изъ нихъ казнили, а остальныхъ изгнали изъ города. Изъ нихъ, говорятъ, многія отправились въ Англію [2]).

Большая часть предводителей пала, въ томъ числѣ Тильбекъ и Киппенброикъ, да, вѣроятно, и Ротманъ. Только немногимъ, какъ, напримѣръ, Генриху Крехтингу, удалось бѣжать. Его братъ Берендтъ, равно какъ Книппердолингъ и Іоаннъ Лейденскій, попали живыми въ руки побѣдителей и были сохранены для прекраснаго зрѣлища. По обычаю того времени — обвинять въ трусости того, предъ кѣмъ больше всего дрожали, — Керсенброикъ разсказываетъ про Іоанна Лейденскаго, что тотъ постыдно бѣжалъ. Поведеніе его до и послѣ взятія города ничѣмъ не доказываетъ трусости; кромѣ того, получить совершенную увѣренность въ поведеніи каждой отдѣльной личности во время ночной уличной битвы, едва ли возможно.

Когда епископъ вошелъ въ Мюнстеръ, онъ велѣлъ привести къ себѣ Іоанна. «Тогда мой милостивый господинъ сказалъ: ты король?» и король будто бы отвѣтилъ: «А ты епископъ?» По этому отвѣту едва ли можно вывести заключеніе о его трусости.

Обращеніе съ взятыми въ плѣнъ побѣжденными защитниками эксплуатируемыхъ было обычное для того времени—да и для другихъ временъ.

Для Іоанна, Книппердолинга и Крехтинга были выкованы желѣзные ошейники, и въ этихъ ошейникахъ ихъ таскали по странѣ. Мученіямъ ихъ, казалось, не предвидѣлось конца; только 22 января 1536 года они были всенародно казнены въ Мюнстерѣ. Епископъ присутствовалъ при этомъ поучительномъ зрѣлищѣ: «и тогда палачи сначала заключили въ желѣзный ошейникъ и привязали короля (Іоанна Лейденскаго) къ столбу. Затѣмъ они схватили раскаленные щипцы и щипали ими его на всѣхъ мясистыхъ частяхъ тѣла такимъ образомъ, что въ каждомъ мѣстѣ, до котораго дотронулись щипцы, выходило пламя и поднялась такая вонь, что почти никто изъ стоящихъ на площади не могъ

[1]) Донесеніе Зигмунда фонъ-Бейнебургъ Филиппу Гессенскому, отъ 7 іюля, l. c., стр. 368.

[2]) Гресбекъ, стр. 213, и Бейнебургъ, l. c., стр. 368.

ея вынести. Подобная же казнь была совершена и надъ другими, но они при этомъ мученіи выказывали гораздо больше нетерпѣнія и чувствительности, чѣмъ король, и выражали боль жалобами и криками. Книппердолингъ былъ устрашенъ видомъ ужасныхъ мученій и повѣсился на ошейникѣ, которымъ онъ былъ привязанъ къ столбу, для того, чтобы перерѣзать себѣ горло и этимъ ускорить смерть. Но когда палачи это замѣтили, они его опять подняли, открыли ему ротъ, продѣли веревку черезъ зубы и привязали къ столбу такъ крѣпко, что онъ не могъ ни сидѣть, ни надрѣзать себѣ горло и не могъ удавиться, такъ какъ все горло его было открыто. Послѣ того, какъ ихъ долго мучили, но они были еще живы, имъ, наконецъ, вырвали раскаленными щипцами языки и въ это же время изо всей силы пронзили кинжалами ихъ сердца». Какъ извѣстно, трупы были повѣшены въ желѣзныхъ клѣткахъ возлѣ лambертовской церкви. «Щипцы же, которыми ихъ мучили, еще и теперь можно видѣть на площади, на одной изъ колоннъ ратуши, гдѣ ихъ повѣсили и гдѣ они еще и понынѣ могутъ служить устрашающимъ примѣромъ для всѣхъ бунтовщиковъ и смутьяновъ» [1]).

Одинъ современный историкъ не постыдился назвать это «заслуженнымъ наказаніемъ за ихъ злодѣянія» (Келлеръ, Wiedertäufer, II, стр. 280). Пусть благородные мужи «германской науки» покажутъ намъ хоть единый примѣръ того, что необразованные, грубые мюнстерскіе пролетаріи, среди ужасовъ осады, совершили надъ однимъ изъ своихъ враговъ хотя только сотую часть тѣхъ возмутительныхъ звѣрствъ, которыя съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и въ своемъ присутствіи позволилъ совершить палачамъ высокочтимый епископъ, черезъ полгода послѣ своей побѣды. И все-таки это общество, которое не можетъ достаточно нахвалиться своей высокой нравственностью, ликуетъ по поводу побѣды духовнаго кровопійцы и топчетъ въ грязь свои жертвы, какъ презрѣнныхъ преступниковъ!

* * *

Анабаптизмъ, дѣло пролетаріата, да и всей вообще демократіи въ Германской имперіи, былъ окончательно подавленъ. Впрочемъ, и внѣ Германіи воинственный анабаптизмъ потерялъ всякую силу.

Въ августѣ 1536 года, на конгрессѣ въ Бокхольтѣ произошелъ расколъ среди нидерландскихъ баптистовъ; съ тѣхъ поръ исчезло воинственное направленіе ихъ: мирное же, хиліастическое, продержалось еще нѣкоторое время. Главою этого направленія сдѣлался Давидъ Іорисъ, родившійся въ началѣ XVI столѣтія въ Брюгге и воспитанный въ Дельфтѣ. Но важнѣйшимъ направленіемъ сдѣлалось теперь направленіе оббенитовъ (названное такъ по имени Оббе Филлипса), которые совершенно покорились существующему порядку и поучали, что на землѣ нечего ждать другихъ порядковъ, кромѣ существующаго, и что ему надо покориться.

Главой этого направленія сдѣлался Менно Симонсъ, приверженцы котораго были названы меннонитами. Менно родился въ 1492 году въ Витмарсумѣ, фрисландской деревнѣ близъ Франеккера, и сдѣлался католическимъ священникомъ. Въ 1531 году онъ вошелъ въ сношенія съ баптистами, и уже въ

[1]) Керсенброикъ, II, стр. 212. Въ достовѣрности этого сообщенія Керсенброика намъ нечего сомнѣваться.

1533 году мы встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ приверженцемъ покорнаго направленія и врагомъ Іоанна Матиса. Въ то время какъ его братъ, принадлежавшій къ воинственному направленію, присоединился къ отряду, который передъ пасхой 1535 года отправился изъ западной Фрисландіи для подкрѣпленія Мюнстера и палъ, какъ храбрый воинъ, Менно не постыдился напасть на жестоко притѣсненныхъ товарищей въ Мюнстерѣ и началъ противъ нихъ агитацію.

Послѣ взятія Мюнстера его направленіе сдѣлалось преобладающимъ.

Конецъ Менно и Іориса весьма знаменателенъ для характера, который съ тѣхъ поръ принялъ анабаптизмъ; правда, имъ пришлось претерпѣть много гоненій, но оба умерли въ мирѣ, уважаемые и богатые.

Іорисъ составилъ себѣ прекрасное состояніе, и для того, чтобы спокойно наслаждаться имъ, этотъ пророкъ страшнаго суда въ 1544 году поселился подъ вымышленнымъ именемъ Іоанна фонъ-Брюгге въ Базелѣ, гдѣ пріобрѣлъ недвижимую собственность. Только послѣ его смерти въ 1556 году было открыто его настоящее имя, и трупъ его по приказанію базельскаго городского совѣта былъ сожженъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ 1559 году, умеръ Менно Симонсъ. Послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ Ольдеслее, въ Гольштиніи, въ имѣніи одного дворянина, который, состоя на нидерландской военной службѣ, познакомился съ баптистами, какъ съ людьми настолько же безвредными, насколько и работящими, и предложилъ имъ въ своихъ имѣніяхъ весьма для себя выгодное убѣжище.

Но вскорѣ Нидерланды сами сдѣлались такимъ убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ анабаптистовъ. Паденіе габсбургскаго ига принесло соединеннымъ штатамъ при устьѣ Рейна свободу совѣсти и вѣротерпимость въ болѣе совершенной формѣ, приблизительно въ то же самое время, когда эта вѣротерпимость властью Габсбурговъ была уничтожена въ Богеміи и Моравіи, гдѣ она фактически существовала со времени гусситскихъ войнъ, хотя и въ грубой и несовершенной формѣ. Уже съ конца XVI столѣтія меннонитовъ терпѣли въ Нидерландахъ, а въ 1626 году они получили оффиціально свободу вѣры. Они, подобно гернгутерамъ, послѣдователямъ богемскихъ братьевъ, сохранились и понынѣ. Но уже давно они представляютъ изъ себя лишь спокойную и самостоятельную мелкую буржуазію, которая для эмансипаціонной борьбы пролетаріата, какъ и для развитія соціалистическихъ идей, не имѣла ни малѣйшаго значенія.

Изъ Нидерландовъ, которыя уже со временъ беггардовъ имѣли тѣсныя сношенія съ Англіей, баптистскія идеи перешли туда, и гражданскія войны VXI столѣтія выдвинули ихъ даже на первый планъ. Но хотя демократическисоціалистическое направленіе индепендентовъ и кажется намъ продолженіемъ анабаптизма, однако оно весьма сильно отличается отъ послѣдняго.

Христіанскій соціализмъ, какъ реальная движущая сила общественной жизни, исчезъ въ XVI столѣтіи. Это столѣтіе породило современную форму производства, современный государственный строй, современный пролетаріатъ, — а въ то же время и современный соціализмъ.

Для человѣчества наступаетъ новая эра.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Szkoła Partyjna
przy K. C. P. Z. P. R.
BIBLIOTEKA
Nr.

BIBLIOTEKA NAUKOWA
WAP
352441
/2.